

Социология

**ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ**

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых
научных журналов
и изданий, в которых должны
быть опубликованы основные
научные результаты
диссертации на соискание
ученой степени

3

2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в марте 2004 года
Выходит 6 раз в год

*Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати и информа-
ции Российской Федерации.
Свидетельство о регистрации
ПИ № 77-17521 от 24.02.2004
ISSN 1812-9226*

Учредители:

*Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова;
Российская социологическая
ассоциация*

Адрес редакции:
119992, Москва, Ленинские
горы, МГУ им. М.В.Ломоносова,
социологический факультет,
3-й учебный корпус
Тел.: (495) 939-24-05;
e-mail: socjournal.msu@gmail.com
<http://soziologi.ru>

*Гарнитура MysIC.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 22,0.
Тираж 300 экз. Заказ №484.*

Подписано в печать 30.06.2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

В.И. Добреньков

Заместитель главного редактора:

А.И. Кравченко

Заведующая редакцией:

А.А. Ведерникова

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ю.П. Аверин, А.И. Антонов,
С.А. Барков, В.П. Васильев,
Ю.Г. Волков, В.И. Гараджа,
В.Г. Гречихин, С.И. Григорьев,
Е.В. Дмитриева, Е.В. Добренькова,
А.Г. Дугин, Г.В. Дыльнов, Л.Я. Дят-
ченко, С.Г. Ивченков, Н.Р. Исправ-
никова, П.Ф. Кравчук, В.А. Кудряв-
цев, В.Н. Кузнецов, А.И. Куропят-
ник, А.К. Мамедов, А.Л. Маршак,
И.К. Масалков, Ф.И. Минюшев,
А.П. Михайлов, Л.Н. Панкова,
В.Н. Петров, Н.Я. Полякова,
М.В. Романенко, В.В. Серебрянни-
ков, Г.Г. Силласте, Н.Г. Скворцов,
Н.Л. Смакотина, И.Т. Тощенко,
Н.С. Федоркин, М.С. Халиков,
В.А. Шаповалов.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги! Обращаем Ваше внимание на то, что экспертиза материалов статей производится профильными исследовательскими комитетами Российской социологической ассоциации для внутреннего пользования. После экспертизы статьи поступают в Редакцию журнала, где проходят редакторскую и корректорскую правку. Редакция оставляет за собой право сокращать объем статей и редактировать их в соответствии с требованиями научного журнала. Рукописи статей не возвращаются; с авторами в переписку Редакция не вступает; гонорар авторам не выплачивается.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И СОПУТСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛОВ, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ:

Текст статьи, при оформлении которого необходимо соблюсти следующие требования: объем статьи - до 60 тыс. знаков (1,5 авт. листа); в начале статьи необходимо указать полное название статьи, ФИО автора (авторов).

Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, статистических данных, иной информации. Библиографический список оформляется в соответствии с государственным стандартом (ГОСТ 7.4-95. Издания. Выходные сведения), Все аббревиатуры должны быть пояснены.

Аннотация и ключевые слова к статье на русском и английском языках (до 5 аннотированных предложений и до 10 ключевых слов на каждом языке). Название статьи и ФИО автора также на английском языке.

Авторская справка (если авторов несколько, то авторская справка составляется для каждого из них), в которой указывается: ФИО - полностью; полное название основного места работы; ученая степень и ученое звание; адреса электронной почты.

Содержание

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

<i>Мамедов А.К., Писарева Л.Ю.</i> Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски.....	4
<i>Минеев М.В.</i> Понятие "институт", как главное методологическое основание институционального подхода	18
<i>Полюшкевич О.А.</i> Жизненный сценарий поколений	28
<i>Шеремет А.Н.</i> Стратификация представлений о социальном неравенстве в российском обществе: «классы представлений» vs «классы социума» ..	46

К 75-летию ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

<i>Васецкий Н.А.</i> Апология Великой Победы. 1941-1945. Статья 3. Великая Победа как национальная идея	54
---	----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

<i>Аносов С.С.</i> Социальная ответственность бизнеса: условия для консолидации	69
<i>Григорьев К.Н.</i> Трансформация понятия «человеческий капитал»	83
<i>Загородный В.Д.</i> Эффективные инструменты стимулирования молодежи в присваивании символического капитала (на основе инновационного проекта)	90
<i>Кравченко А.И.</i> Труд как первая жизненная потребность: вымысел и правда	98
<i>Кузнецова И.В.</i> Деньги и общество: социологический анализ	127
<i>Ло Шуай.</i> Рынок труда в условиях глобальных вызовов современности	140
<i>Осеев А.А., Рудакова А.С.</i> Материальные и нематериальные формы стимулирования труда персонала на высокотехнологических предприятиях (на примере АО «АВТОВАЗ»)	148
<i>Пружинин А.Н.</i> Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний	162
<i>Чжан Цзе.</i> Анализ факторов, усиливающих развитие урбанизации в Китае	170

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ардашев Р.Г.</i> Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания.....	182
<i>Заварзина Ю.В.</i> Ресурсность территории: социальная сущность кластерного развития регионального туризма	190
<i>Ким А.С., Емельянов П.С.</i> Социологическая интерпретация формирования коллективной памяти в постсоветской России	199
<i>Москвитина Н.В.</i> Информационная культура муниципальных служащих	211
<i>Филипова А.Г., Абросимова Е.Е., Бухтиярова И.Н.</i> Участие детей в решении семейных вопросов: анализ материалов родительских форумов	222

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

<i>Винокурова Д.М., Егорова А.Г., Чириков А.В.</i> Долголетие и старость: различия подходов медицины и социологии	234
---	-----

<i>Дзуцев Х.В., Дибирова А.П., Корниенко Н.В.</i> Осетинские танцы в зеркале общественного мнения	241
<i>Кибакин М.В., Кораблев Г.Г., Малахова Е.А.</i> Социальная диагностика механизмов противодействия коррупции среди студенческой молодежи	246
<i>Курышева А.Ю.</i> Карьерные выборы молодого ученого в сфере информационных технологий ..	252
<i>Лагутин Ю.В.</i> Современный город: взгляд сквозь призму социально-исторической памяти	257
<i>Мамедова Л.В., Иоаниди А.Ф.</i> Театрализованная игра, как средство социализации детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи	262
<i>Мань Минсин.</i> Реклама как социальная технология бренда	267
<i>Мецлер А.В.</i> Влияние социальных факторов на структуру ценностей получателей социальных услуг	274
<i>Павлова С.М., Андриянов А.В., Антипов Е.А., Мартынова А.А.</i> О некоторых итогах проведения социологического исследования карьерных траекторий научно-ориентированной молодежи	280
<i>Свировский Д.Н., Федоров Н.Ю.</i> Экстремальная субкультура в контексте экстремальной службы пограничников Северного Кавказа. 1990-е — начало 2000-х	290
<i>Шеляпин Н.В.</i> Представления о специфике семейно-брачных отношений в российской современной субкультурной группе ритмологов (по материалам фокус-группового исследования) ...	302

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>Гайдабрус Н.В.</i> Авенариус: содержание опыта познания	318
<i>Лубна Саид.</i> Традиционные практики, ущемляющие права женщин в исламской культуре Пакистана	327
<i>Сухоруков А.Н., Марашли И.Х.</i> COVID-19 в арабской популярной культуре	333
<i>Милых А.О.</i> Формально-прагматическая теория Ю. Хабермаса как инструмент анализа проблем становления информационного общества	342
<i>Музыка О.А., Холина О.А.</i> Концепция инклюзии в контексте философии инструментализма	348
<i>Осин В.Н.</i> Абрис современной духовности и эстетики науки: философский аспект	353
<i>Попов В.В., Холина О.А.</i> Философия конструктивизма в интерпретации «включающего» общества: практическо-прикладные аспекты	363
<i>Сизинцев П.В.</i> Антропология русского православия XVII-XVIII вв. и идеи старчества в богословском наследии монаха прп. Зосимы (Верховского)	368
<i>Шимельфенгс О.В.</i> Человек и природа: смена парадигм	375

Метаморфозы цифрового общества: трудности роста и риски

Мамедов Агамали Куламович

д.с.н., профессор, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. akmnauka@yandex.ru

Писарева Лариса Юрьевна

к.с.н., доцент кафедры экономики и управления территориальным развитием Финансово-экономического института СВФУ им. М.К. Аммосова. pisareva@inbox.ru

В статье исследуются проблемы цифровизации повседневности и связанных с ней изменений в процессах коммуникации, затронувшие человечество в конце XX века. Отмечена связь между онтологическим пониманием сущности бытия первых философов, в том числе Платона, и современными концепциями цифрового общества, которые они предвосхитили. Используя метод оптического взгляда на социальную реальность, проведен анализ подходов к оценке роли Интернета и цифровой коммуникации в жизни общества. В качестве основного фактора влияния Интернета на формирование современной личности называется Интернет-зависимость (аддикция). Выделено два диаметрально противоположных отношения к цифровизации общества и Интернет-аддикции – как к зависимости, дающей отрицательный результат и как к зависимости, имеющей практически значимые свойства и характеристики. Выводом исследования является обозначение потребности в новых приемах познания реальности, направленных на наиболее глубокое проникновение внутрь перехода «реальной личности» в ее «виртуальную копию» в цифровой коммуникации.

Ключевые слова: оптический взгляд, цифровая коммуникация, цифровое пространство, цифровая повседневность, Интернет-зависимость, виртуальная личность, Платон, идея, программа, алгоритм, разум, рассудок.

Введение. Коммуникация стремительно меняет свои свойства и характеристики, являя миру совершенно новый формат социального взаимодействия. Начало качественного сдвига было положено открытием и внедрением радио (1895, Попов), телеграфной (1840-е, Морзе) и телевизионной связи (1930-1939, Зворыкин), которая обеспечила возможность взаимодействия на расстоянии. Каждые 40 лет истории XX века накапливали новые способы удаленной коммуникации, создавая предпосылки для входа человечества в цифровое пространство как в Космос нового бытия. Реальность со всей очевидностью разворачивается сегодня перед нами по мысли Античных философов. Пифагорейцы первыми распознали структуру бытия как бесконечное и разнообразное соотношение «целого» и «его частей», поддающееся описанию символами. Они смогли понять основные элементы программы, алгоритма работы которой, подчинена реальность материального мира вещей и явлений. Положив, более 2,5 тыс. лет назад, начало развитию профессиональной умственной деятельности, математика (в переводе с греческого *mathema* означает знание) как наука о цифровом описании реальности, по-прежнему остается на передовой линии постижения цифрового кода, способного управлять любыми взаимодействиями в природе, включая социальные. В своей по-настоящему революционной работе «Кибернетика, или управление и связь в машине и животном» Норберт Винер [1] в период с 1948 по 1961 годы описал возможность создания машин, работающих на принципах обработки последовательности предложенных вариантов действий, предвосхитив принцип ра-

боты компьютерных программ и подтолкнувших создание высокопродуктивных вычислительных машин и персональных компьютеров в их современном формате.

Программы, которые приводят в действие огромное количество процессов в устройстве компьютера, позволяя создавать не только информацию в форме текстов, дизайн-проектов, фотографий, мелодий, видеофильмов, но и объекты более вещественного характера, например распечатанные на 3D принтере объемные фигуры, детали и даже дома, т.е. все то, что составляет мир вещей как таковой, воплотили принципы работы человеческого мозга. Возможно, это достижение свидетельствует также о цифровой природе человеческого разума (рассудка) как главной функции мозга. Разум, данный человеку как высшая способность мыслить, в целом функционирует по принципу разработки программных продуктов, используя кодировку двоичной системы счисления (0, 1 и переход на следующий разряд счета). Выработывая алгоритм действий, мозг обрабатывает поступающую с помощью органов чувств информацию об окружающей среде, расчленяя ее на простейшие компоненты, и принимает нужные решения либо пропуская сигнал, либо его останавливая, применяя принцип двоичной системы счисления. По каналу, где сигнал был остановлен, дальнейший поток связей также останавливается. Мозг – это уникальный самообучающийся орган. Все предыдущие результаты обработанных данных об объекте или событии формируют нечто похожее на упакованный результат принятого решения, которая хранится в памяти и используется в мышлении как устойчивый и не требующий расчленения элемент информации. Успехи современного машинного обучения в целом подтверждают программную основу функционирования человеческого мозга. Таким образом, возможно цифровая среда и цифровое пространство – это естественная для

человека среда обитания, ранее скрытая от нашего непосредственного восприятия.

В этой связи возникает вопрос, насколько оправданы наши опасения, связанные с постепенной утратой чувственно-эмоциональной компоненты нашего восприятия мира. Сможем ли мы в будущем сохранить свою чувственную природу в полном объеме или потери эмоциональной полноты социального взаимодействия в коммуникации неизбежны?

Исследование заявленной проблематики предлагается начать, используя метод оптической настройки взгляда на социальную реальность, когда действительность рассматривается одновременно в ее глубинном, расчлененном состоянии и едином, обобщенном восприятии, когда анализ, не мешает синтезировать распадающиеся кусочки реальности и позволяет правильно формулировать очередной вопрос для осмысления.

Рассмотрим с этой позиции некоторые аспекты развития цифровой коммуникации и ее влияние на чувственно-эмоциональный компонент человеческого восприятия реальности. В анализе предпринята попытка сфокусированного (оптического) рассмотрения отдельных процессов цифровизации повседневности, которая, надеемся, может обозначить данную проблематику для современной социологии.

Цифровизация повседневности.

Телевещание изменило структуру повседневной реальности социума, заместив часть свободного времени на опосредованную коммуникацию. Более 2 часов ежедневно люди стали посвящать восприятию реальности, создаваемой как копия или образ различных объектов и ситуаций. При этом восприятие обеспечивалось удаленно, что стало возможным благодаря новому пониманию работы рецепторов мозга. Образ объекта и любого процесса воспроизводился посредством мерцания точек на специальном экране. Мерцающие точки создавали копию или отражение

реальности. Зачастую этот образ был настолько убедительным, что у зрителей возникало спонтанное желание заговорить с удаленным телеведущим. Эту возможность уже через очередные 40 лет обеспечили реализованные идеи Норберта Винера по созданию самообучающихся машин и появлению компьютеров, а впоследствии и сети их пространственного взаимодействия – Интернета.

Углубляясь в изучение принципов работы мозга и его интеллектуальной функции, он предложил обратить внимание на самообучение как основной закон работы мышления или сознания человека. Эти процессы носят характер энергетических импульсов, замыкающих или прерывающих протекание необходимого сигнала. Т.е. мозг выдает нужную команду всем органам человеческого тела после обработки огромного количества различных импульсов, каждый из которых является суммой или производением другого потока импульсов, т.е. подчинен необходимости бесконечной обработки усложняющегося потока количественных данных, превращаемых в единицы информации. Созданные единицы информации на определенном этапе могут превратиться в знание и быть сохранены в специальных ячейках человеческой памяти. Расширяющийся объем памяти – это способность мозга к саморазвитию и обучению своего разума. Мозг воспринимает реальность способом, который отчуждает объект или ситуацию от ее проявления в жизни, оставляя в сознании абстракции, готовые для вычислительной обработки данных по заданному алгоритму как упорядоченному набору четко определенных правил решения проблемы. Алгоритм или программа действий представляет собой средство для решения конкретной задачи. В его основе лежит принцип, позволивший создать искусственный интеллект. То, как работает сегодня компьютер – это воспроизведение основных параметров работы человеческого

мозга. Программы для компьютера создаются с помощью символов и универсальных команд. Для физиологии мозга обработка поступающих данных осуществляется с помощью различных алгоритмов, созданных в процессе предыдущего опыта обработки данных. Мозг постоянно создает новые дополнительные алгоритмы или программы, позволяющие обрабатывать более сложные потоки данных. Соответственно, человек является существом, действия которого могут быть ограничены параметрами его мыслительных возможностей: скоростью обработки данных, проработанностью связей между отдельными блоками сохраненной ранее в памяти информации. Проникая все глубже в тайны работы мозга, современные нейрофизиологи и когнитивные психологи готовы признать цифровую сущность сознания, работающего как машинный код на основе двоичной системы счисления: «0 и 1», «да и нет», «есть сигнал, нет сигнала». Чувства, с помощью которых мы воспринимаем или считываем действительность, также можно вписать в цифровую картину мира, придав им свойства принимающих антенн, необходимых для ввода данных о реальности. И действительно. Музыка – это лишь колебания молекул воздуха, а слуховой аппарат – это устройство для их восприятия. Мир предметный – это набор пространственных характеристик предмета (длина, ширина, масса, объем, скорость, геолокация) и его морфология (молекулярная структура), а обоняние, зрение, ощущения – это чувства для их восприятия или считывания. Таким образом, реальность постепенно сворачивается в бесконечный поток количественных параметров, которые создаются нами путем изменения и комбинирования их сочетаний в каждом конкретном предмете или явлении. Взаимодействие с объективным миром наполняет нашу повседневность, создавая реальность комфортной/дискомфортной, полноценной/ущербной жизни. В конструировании реальности участвует каждый индивид и

его окружение, создавая или приобретаемая нужные для жизни предметы и услуги, предоставляя друг другу способы использовать свои умения, создавая нужное для активной жизнедеятельности настроение. Построенный дом, выпеченный хлеб, прекрасная стрижка, написанная музыка, прочтенная лекция, выращенный урожай, доставленный и выставленный на продажу товар, совместный ужин или поход в кино можно считать реализованными программами, авторами которых является наш разум. Интересно, что содержание объектов реальности раскладывается на набор скомбинированных параметров цвета, прочности, веса, размера и их внутреннего молекулярного и еще глубже атомного строения, что также может свидетельствовать о цифровой сущности реальности. Понимание реальности приобретает сегодня черты платонизма. По Платону у каждой вещи есть ее первоначальный источник – идея или программа ее создания. Именно Платон впервые вводит понятие «идеи», которая является прообразом предметного мира. В диалоге «Тимей» Платон признает наличие трех родов сущего – вечных идей, изменяющихся конкретных вещей и пространства, в котором они существуют [2]. Известная цитата из данной работы Платона напоминает об этих связях: «Во-первых, есть тождественная идея, нерожденная и негибнущая, ничего не воспринимающая в себя откуда бы то ни было и сама ни во что не входящая, незримая и никак иначе не ощущаемая, но отданная на попечение мысли. Во-вторых, есть нечто подобное этой идее и носящее то же имя — осязаемое, рожденное, вечно движущееся, возникающее в некоем месте и вновь из него исчезающее, и оно воспринимается посредством мнения, соединенного с ощущением. В-третьих, есть ещё один род, а именно пространство: оно вечно, не приемлет разрушения, дарует обитель всему роду, но само воспринимается вне ощущения, посредством некоего незаконного умозаключения, и поверить в него почти невозможно».

Признавая первичность «идей» Платон наделяет их первопричинным, вечным и неизменным состоянием, относящимся к сфере умопостигаемого. При этом достичь какого-либо уровня понимания «идей» способен лишь самый просветлённый человеческий разум, а рассудок позволяет нам видеть, понимать и производить умопостигаемые подобию идей в форме математических или цифровых абстракций. По Платону вселенная на базовом уровне – это идеи, описать которые частично способен язык математики. Как бы ни парадоксально звучали рассуждения Платона в разные периоды человеческой истории, ключевые позиции его онтологической концепции обретают сегодня новую актуальность в теории познания как наиболее точное представление структуры бытия. Мир вещей (материальный, физический мир) – это ни что иное, как реализованная идея, генерированная рассудком как комбинация других идей, существовавших и существующих независимо от самой вещи. Точно также как стол является творением человеческих рук, управляемых идеей его создания, так и природа представляет собой творение, существовавшее изначально как идея и продолжающее существовать как развитие этой идеи. Наука все ближе подходит к платоновскому объяснению мироздания. Современная аналитическая философия [Суинберн, 2004; Платинга, 2011] дает рациональное объяснение преднамеренного сотворения мира, подтверждая тезис о первичности идеи созидания всего сущего. Таким образом, экспансия цифрового пространства, замещающего привычные формы существования, в данном свете может рассматриваться как движение к сущему, более полное понимание первооснов Бытия.

Пространство, в котором существует человеческий род, все больше предстает перед нами как пространство, заполненное результатами нашей мыслительной деятельности. Мыслительные усилия, представляющие работу с поня-

тиями различного уровня абстрагирования, работу с символами, создают семантический контекст, который преобразуется в устную и письменную речь, команду для действий, представляя собой информационный поток. Мысль бесконечно порождается работой рассудка-разума как обобщенный итог предваряющей ее мысли. Человеческий мозг представляет собой самообучающийся элемент органического мира, работа которого возможно построена на принципах разработки программного продукта. Это дает все больше оснований считать, что человечество прошло огромный путь, приобретая опыт взаимодействия с окружающей средой, который может быть представлен как выработка все более сложных идей, описывающих ее основные свойства и дальнейшая комбинация этих идей для постоянного движения вперед в сторону глубокого проникновения в мир реальности. В этом смысле, цифровизация пространства нашей реальности, это та неизбежность, которая свидетельствует лишь о развитии понимания сути бытия.

Подростковая интернет-зависимость или вхождение в цифровое пространство.

Совершенно, на первый взгляд незаметно, исподволь информационно-телекоммуникационные технологии и Интернет вошли в нашу жизнь, сделав калькой «общества театра» [5] и, по сути, подчинили нас. Сегодня мы не представляем себе, например, общение, ключевую коммуникационную практику, без сотового телефона и мобильной связи. Мы обрели возможность не только осуществлять связь с кем угодно и на любом расстоянии, но и погрузиться в специально конструируемую виртуальную реальность, если хотим испытать новые ощущения. Мы начинаем день с прочтения электронной почты и Интернет-новостей, а главным экспертом-консультантом по всем вопросам для нас является ведущий “You tube” канала. Современные средства коммуникации тотально сопровождают нас повсюду, и мы не представляем

свою жизнь без электронных атрибутов. Быстрое распространение новых информационных технологий становится маркером современности, помимо этого системно цифровизируется быт и повседневность как таковая.

Наиболее отчетливо признаки погружения в цифровое пространство проявляются в молодом поколении. При этом специалисты в области подростковой психологии полагают, что активное применение средств цифровизации является симптомом новой болезни - «Интернет-аддикция».

Термин, введенный в 1996 году американским психиатром А.Голдбергом в качестве шутки, «интернет-зависимость» («интернет-аддикция») [6], был призван обозначить поведение со сниженным уровнем самоконтроля при работе с компьютером и Интернетом. Диагностические критерии для определения зависимости от Интернета, предложенные Голдбергом, построены на основе признаков патологического пристрастия к азартным играм (гэмблинг). Впоследствии интернет-зависимость принимается сообществом как серьезный социально-психологический симптом, термин был актуализирован и получил следующие синонимы: интернет-поведенческая зависимость, нетаголизм, виртуальная аддикция, избыточное использование интернета [7, 8].

Считается, что новые средства коммуникации не стали спасением, облегчающим нашу жизнь, напротив, мы постепенно, но неуклонно попадаем под их влияние и становимся все более зависимыми от современных средств коммуникации? Действительно, как оценить, например, влияние Интернета на человека, семью и социум в целом.

В настоящее время интернет-зависимость становится фактором, во многом определяющим не только проблематику взаимоотношений в современных семьях, но и поле современного развития института семьи. И хотя с конца 90-х годов формулировка «патологическое использование Интернета» (Pathological Internet Use, сокращенно

PIU) стала обозначать форму психического расстройства [6, 8], проблематика интернет-зависимости до сих пор не является предметом комплексных исследований. Официальная медицина совсем недавно забила тревогу, но все же пока еще не придает интернет-зависимости статус диагноза. Это, в какой-то степени, объяснимо: например, в России сеть Интернет наиболее активно использует лишь треть населения [9]. Тем не менее, социологи и медики отмечают заметный рост интернет-зависимых. Эта ситуация характерна не только для России, но и для других стран, в которых уровень распространения информационно-коммуникационных технологий гораздо выше. Так, *по официальным данным в России от интернет-зависимости страдает около 5% населения (данные колеблются в пределах 4-6%) [10]. В Америке более 10%. И цифра эта продолжает увеличиваться. Особенно от интернет-зависимости страдают в возрастной категории от 13 до 17 лет, чья психика не только неустойчива и дискретна, но и не критически восприимчива ко всему новому.* По данным корейских исследователей, среди старших школьников возможная Интернет-аддикция регистрируется у 38% подростков [11]. В России процент ниже – 25% подростков страдают Интернет-аддикцией. Опасность вызывает не только процентное соотношение, но и то, что темп роста Интернет-зависимых подростков во много раз превышает аналогичный у взрослых, то есть подростки становятся все более активными пользователями сети, в связи с чем, увеличиваются и случаи Интернет-аддикции среди молодежи [11].

Современные исследования данной проблематики (К. Янг) выделяют до 10 симптомов, среди которых основными считаются следующие:

1. пристрастие к виртуальным знакомствам – избыточность знакомых и друзей в Сети;
2. навязчивая потребность в Сети - игра в онлайн-овые азартные игры, постоянные покупки или участия в аукционах;

3. информационная перегрузка (навязчивый web-серфинг) - бесконечные путешествия по Сети, поиск информации по базам данных и поисковым сайтам;

4. киберсексуальная зависимость - непреодолимое влечение к посещению порносайтов и занятию киберсексом;

5. компьютерная зависимость - навязчивая игра в компьютерные игры (стрелялки - Doom, Quake, Unreal и др., стратегии типа Star Craft, квесты) [12]

Значимыми факторами привлекательности, лежащими в основе развития интернет-зависимости у подростков, являются анонимность личности в сети Интернет, доступность информации и интерактивных (в том числе и порнографических) зон, отсутствие контроля со стороны взрослых, внутренние чувства подростка, имеющие на подсознательном уровне больший уровень доверия к онлайн контактам, нежели чем к реальному общению с родными [13].

В частности можно выделить (по аналогии с дифференциацией Кимберли С. Янг следующие аспекты «ухода» подростка от реальности:

1. *Виртуальный мир предоставляет* возможность анонимных социальных интеракций (особое значение имеет чувство безопасности при осуществлении интеракций, включая анонимное использование электронной почты, чатов, ICQ и т.п). *Интернет притягивает тем, что создает иллюзорный мир, в котором подросток чувствует себя комфортней, чем в реальной жизни, так как, оставаясь анонимным, он может свободно делиться своими проблемами;*

2. *Интерактивные компоненты сети обуславливают восприятие виртуального мира как зеркального отражения реального, «сближают» эти миры в сознании подростка, создавая иллюзию реальности виртуального пространства. У тинэйджеров появляется широкая возможность поиска собеседника, удовлетворяющего практически любым критериям. В результате*

это облегчает создание интернет-зависимости, которая негативно влияет на внутрисемейные отношения и стабильность семьи как таковой, что в первую очередь, ведет к отдалению подростка от родных и друзей в реальной жизни, к разладам в семье;

3. Возможность создания альтернативных онлайн персонажей, в зависимости от настроения и желания самого подростка. Он может реализовать свои представления, фантазии с обратной связью (в том числе возможность создавать новые образы "Я"; вербализировать собственные представления и/или фантазии, невозможные для реализации в обычном мире, например, ролевые игры в чатах и т.д.). Это помогает уйти от реального мира с его эмоциональными проблемами (стресс, депрессия, беспокойство), или же от простых жизненных сложностей. Мгновенное бегство в фантастический мир Интернета (например, «хочу быть взрослым – без проблем: создам себя 30-летним!», «хочу быть сильным – без проблем: стану рыцарем!») служит поддержкой для привыкания, за которым следуют психологические разногласия в реальном общении, трудность, а порой и невозможность в социальной идентификации и социальной адаптации;

4. Усиление различных отклонений от нормы, ложь и даже совершение криминальных действий типа просмотра и скачивания непристойных или же вовсе запрещенных картинок (порнография), которые широко распространены на многих сайтах. Такое поведение очень часто начинается как любопытство и заканчивается как влечение.

Проблема аддикций в целом, и Интернет-аддикций в частности, начинается в период, когда желание «прыжка» от реальности в виртуальный мир доминирует в сознании, представляется центральной (зачастую навязчивой) идеей, ибо реальный мир становится чужим в силу психологических аспектов, и уси-

ливается одиночество на фоне равнодушия взрослых, делаая подростка одиноким, непринятым и непонятым в его ближайшем социуме.

Исследователи интернет-зависимости (К.Янг и Д. Гринфилд) [14] отмечают, что причины аддикции, как правило, обусловлены низкой самооценкой, склонностью к депрессии, ощущением своей незащищенности, одиночеством подростка. Немаловажным является и то, что ситуация не понята или не принята близкими, которые не стремятся разобраться в проблеме вместе с подростком, а «выдают» готовые, основанные на своем опыте решения. В результате подросток переносит свое неприятие (непонимание ситуации или проблемы) на конкретные аспекты своей жизни. Он тяготится учебой, социальным окружением и стремится от них «уйти» в мир, где ему все понятно и приемлемо (подростковый эскапизм, т.е. бегство в "виртуальную реальность"), в которой наряду с «решением» проблем он реализует и такие потребности как поиск новизны, стремление к постоянной стимуляции чувств, эмоциональную привязанность (возможность выговориться, быть эмпатийно понятым и принятым, освободиться от острого переживания неприятностей в реальной жизни, получить поддержку и одобрение). Он получает и возможность ощутить себя "виртуозом" в применении компьютера для работы в Интернете, т.е. повысить самооценку, осознать свою собственную значимость.

С другой стороны, решение проблем, которые подросток находит в цифровом пространстве, до появления Интернета осуществлялось другими способами, зачастую приводящими к гораздо более серьезным последствиям. Психологические проблемы подросткового нигилизма, связанные с потребностью в скрытности, игнорирования домашних забот, школьных обязанностей, изменения в характере в сторону безучастия и замкнутости, потеря интереса к жизни, общее безразличие к семей-

ным отношениям возникали и возникают в каждом новом поколении «отцов и детей». Однако именно в период экспансии Интернета и цифровизации общественной жизни, мы видим угрозу человеческому взаимодействию, общению, сосуществованию и правильному развитию. Нас пугает вероятность того, что подросток с серьезными психологическими проблемами, не найдя понимания от взрослых, видя их равнодушие или негативную реакцию родных, могут выбрать виртуальное общение как приоритетное, усугубив свои проблемы.

Насколько обоснованы опасения выбора виртуального общения взамен общения с родителями, которые в силу субъективных или объективных причин не могут обучить своего ребенка умению общаться и заводить друзей среди непосредственного окружения, в пределах физической среды обитания, либо если эта среда неспособна ответить на запросы в общении самого ребенка? Усугубляются ли проблемы социальной адаптации подростка тем, что он находит возможность расширить свой круг общения в глобальных пределах посредством безграничных возможностей коммуникации, которые таит в себе Интернет?

Отвечая, на поставленные вопросы, мы можем прийти прямо к противоположным предположениям если изменим фокус нашего взгляда при изучении влияния Интернета на социализацию индивида и формирование личности.

Во-первых, виртуальный мир несет в себе потенциал расширения количества интеракций, не связанных с материальными затратами, которые были необходимы ранее для познания всего разнообразия проявлений окружающей среды путем путешествий по странам и регионам. Чем масштабнее запрос молодого поколения на анализ моделей поведения, выбор собственной модели и поиск единомышленников, тем больше времени ему необходимо тратить на Интернет-коммуникацию. В этой связи, повышается запрос молодежи на

знание иностранных языков, т.к. потенциал общения не имеет национальных границ, которые испытывало поколение, не имевшее Интернета. Возможно, в этом проявляется положительное влияние Интернета на качество социального взаимодействия, которое не ограничивается сегодня физическим местонахождением индивида, но напротив, расширено до границ всей Планеты и позволяет удовлетворить любые запросы. Завести знакомство в потенциале можно не только с индивидом со сходными интересами, но также с любимым актером, музыкантом, найти общие темы для обсуждения с известным писателем, вступить в общение с влиятельным философом. Найти человека, который разрешит проблему твоего одиночества и предоставит радость общения, возможно, является лучшим средством для снятия стресса и выхода из депрессии. Быть выслушанным и понятым – это суть устремлений формирующегося индивида. Таких возможностей приобщения к единой планетарной ноосфере человечество не имело со времен начала своей истории.

Во-вторых, уход молодого поколения в цифровое пространство обеспечивает снижение их присутствия в пространстве физического взаимодействия, снижая тем самым возможность формирования дворовых команд, которые в эпоху до Интернета были постоянным источником нарушения спокойствия жизни окружающих. Интернет, таким образом, делает социальное взаимодействие менее брутальным.

В-третьих, Интернет впервые предоставил социуму возможность моделировать ролевые ситуации - от прогноза развития семейных отношений, до самых серьезных военных конфликтов, используя компьютерные игры-симуляторы. Интернет пространство как виртуальное поле сражений и выяснения отношений является прекрасным инструментом для отработки навыков принятия решений в ситуации неопределенности.

В-четвертых, цифровое пространство помогает находить ответы на вопросы, которые оставались прерогативой узкого круга специалистов с ограниченным доступом. В эпоху удаленной коммуникации появилась возможность получать помощь в любых областях знаний и практической деятельности от экспертов, выбор и доступ к которым через Интернет также сегодня практически не ограничен. Интернет является площадкой, где обмен мнениями происходит в крайне интенсивной форме, зачастую превышающей устоявшиеся форматы образования. Обучение происходит в режиме нон-стоп. Это формирует способность мыслить свободнее и критичнее, так как предлагаемые подходы представляют собой крайне разнообразную палитру мнений, что заставляет анализировать и выбирать. Интернет увеличивает по сравнению с периодом до его появления количество молодежи, способной рассуждать здраво и принимать решения критически.

Таким образом, сфокусированный взгляд, переворачивает первичный тезис о том, что Интернет является источником зависимости как «патологии личности или, по крайней мере, его болезни», в тезис о том, что Интернет – это источник зависимости как «способе разрешить практические проблемы одиночества и принятия критических решений».

Появление виртуальной личности.

Другим важным свойством цифрового пространства и коммуникации становится возможность создания бесконечного потока образов реальных вещей, которые до прихода Интернета, были лишь физическими копиями предметов. Например, в Новейшее время – это одинаковые платья, серийный автомобиль, типовое здание, во времена Платона – копии статуи или переписанный свиток. С копиями личности мы имеем дело в эпоху цифровой коммуникации. В классическом научном дискурсе «виртуальное» противостоит «материальному». Виртуальная личность, в

отличие от реальной (телесной или «традиционной»), не имеет физического, материального тела и представляет собой управляемый не вещественный объект, состоящий из письменного или речевого коммуникационного потока. В узком смысле её можно определить как комплекс знаков, существующий в электронной среде, которая выступает носителем этих знаков. Однако, как было отмечено выше, реализация значений знаков происходит, прежде всего, в головах (сознании) субъекта и объекта коммуникации. Как и реальная личность, виртуальная личность может вызывать у другого участника коммуникации отклик в форме чувств, образов и мыслей. Появление виртуальной личности обозначается присвоением собственного имени. К её основным свойствам относится способность к созданию бесконечного количества клонов, а также способность к неограниченной коммуникации как автономным действиям. Все прочие качества являются производными от указанных.

Отсутствие единственного уникального (определяющего) имени для обозначения себя, делает затруднительным или практически невозможным различение реальных и вымышленных субъектов виртуального взаимодействия. Например, анонимные комментарии в онлайн дискуссиях воспринимаются как безличные, даже тогда, когда содержат оригинальные идеи и обладают признаками индивидуального стиля. С другой стороны, записи, сделанные рядом людей, подписанные одним и тем же именем, создают впечатление, что они относятся к одной личности.

В случае отсутствия действия со стороны объекта, выступающего в роли виртуальной личности, трудно определить, является ли этот объект субъектом, то есть является ли он личностью как таковой. Для устранения указанного рода неопределённости следует принимать в расчёт не только семантическую составляющую виртуальной личности, но и результат её деятельности – вневременность различных идей в другие умы.

Тогда уже существующий в киберпространстве контент и его автор могут восприниматься как «раздвоенное живое» за счёт инвестирования психической энергии субъекта в его виртуального клона. В этом случае в цифровой коммуникации участвуют: творец виртуальной личности и его клон, воспринимающие её субъекты (читатели, зрители, пользователи и т.д.) и «привратники» (издатели, критики, эксперты и т.д.). В случае, когда внешние силы воздействуют и направляют, или даже предопределяют действия виртуальной личности как коммуниканта, мы можем говорить о нём исключительно как об объекте, а не субъекте взаимодействия.

Двойственность в отношениях между виртуальной личностью и создателем проявляется в отождествлении (полном или частичном), её с автором и стремлении оторваться, обособиться от создателя, вести независимое феноменологическое существование. Виртуальная личность может пониматься и как форма реализации поэтической стратегии самоизобретения. Западный исследователь У. Спенгеманн в анализе жанра автобиографии от Августина до Кафки выделил три модуса самоописания: *исторический, философский и поэтический* [15].

Каждому модусу соответствует определённая процедура: историческому – *самообъяснение*, философскому – *самоисследование*, поэтическому – *самовыражение и самоизобретение*.

Именно эти стратегии используются для представления личности онлайн. Так, «*curriculum vitae*», являющийся практически обязательным элементом домашних страниц, в целом относится к историческому модусу и представляет собой компендиум осевых этапов развития личности. Рефлексивное самоисследование характерно для экспериментальных или игровых сетевых проектов, изучающих взаимоотношение между онлайн- и оффлайн- «я» и проблеме «я» в целом. В онлайн-

вых дневниках, как правило, доминирует стратегия самовыражения. В целом, говоря о создании виртуальной личности, мы констатируем актуализацию творческого начала, творческого самоизобретения.

Появление виртуальной личности, являясь феноменом цифровой эпохи, имеет непосредственное воздействие на чувственно-эмоциональный компонент человеческого восприятия. Использование Интернета для получения информации и ситуационного моделирования не искажает наше человеческое эмоциональное начало в той мере, в какой это происходит при внедрении в коммуникацию виртуальной личности.

Как справедливо замечает известный автор Индра Синха в своем романе «Киберцыгане: о любви, жизни и путешествиях на электронном фронтире»: «До недавнего времени мы были одиноки в своем воображении. С какой бы яркостью пьеса, фильм или книга не оживляли персонажей в наших умах, мы всегда образуем аудиторию, состоящую из одного. В киберпространстве впервые мы творим воображаемые миры, которые, в самом деле, могут быть совместными, в которых каждый из нас присутствует полностью, со всей мощью свободного и спонтанного действия. Нам больше не нужно следовать сценарию. Мы можем играть внутри воображения друг друга» [16:131]. Созданные персонажи обладают достаточной самостоятельностью, своего рода отдельным (отделенным) и независимым существованием от воли их создателя. Кроме того, они имеют ещё одно примечательное сходство – отождествление создателя с созданным виртуальным творением. Эти два вида отношений между автором и его персонажами на первый взгляд кажутся противоречащими друг другу. Тем не менее, противоречие может быть разрешено, если мы примем во внимание тезис, что «большинство из нас знают себя весьма приблизительно». В процессе создания воображаемых миров или участия в виртуальном мире человек парадоксальным образом достигает самопознания через объективацию своего

«я» (или некоторых его сторон) в персонаже, который он сам создает или в которого играет (геймеризация практик) [17]. Поэтому создание виртуальной личности можно рассматривать одновременно и как творческий акт, и как путь к самопознанию, реализацию творческого потенциала. При этом в творении зачастую могут принимать участие несколько акторов: «Твой персонаж не является лишь твоим творением. Он создается и постоянно пересоздается тобой и твоим партнёром совместно» [16:120].

Согласимся, что виртуальная личность, вступающая в цифровую коммуникацию, это создаваемая на наших глазах новая реальность, исследование которой требует особых приемов познания, ориентированных на анализ «виртуальной личности», на взгляд внутрь ухода «реальной личности» в цифровое пространство. Каковы шансы человечества на сохранения физического пространства в сравнении с пространством «виртуальным»? Насколько глубоким будет переход человечества в виртуальное будущее?

Исчезновение в виртуальной среде демаркационных граней между реальным и нереальным позволяет говорить о возможном исчезновении привычных и исследованных эмоциональных состояний человека в процессе коммуникации и порождении новых реакций в новых реалиях. «Когда ты участвуешь в ролевой игре, ты – персонаж. Сценария нет. Ты открываешь рот и удивляешься тому, что из него исходит. У твоего персонажа есть своя жизнь и свои друзья. Ты можешь не соглашаться с тем, что он вытворяет, но это уже не твоё дело. Мы, кукловоды, носители масок, обязаны не вмешиваться, но нам нужно хорошо знать персонажей, так же, как мы знаем себя... Большинство из нас знают себя весьма приблизительно...» [16:120].

Заключение.

Для рефлексии и получения целостного представления о статусе личности в киберпространстве требуется теоретико-социологический подход, особый

концептуальный анализ, предполагающий в качестве введения в тематику включение следующих направлений исследования:

1. Социум как элемент развивающегося цифрового пространства. Продолжение философского осмысления онтологии и метафизики бытия;

2. Личность есть объект, которому с необходимостью приписывается (в силу ряда причин) набор качеств социальности субъекта, но статус существования онтологически не актуализирован и не определен. [18].

3. Виртуальная личность как участник коммуникации.

4. Роль компьютерных программ в конструировании и управлении практическими ситуациями в жизни социума;

Очевидно, что интернет-зависимость – это зеркальное отражение современного развития информационных технологий и повсеместной цифровизации нашей жизни. Давая оценку новой коммуникационной среде, в которую входит человечество, мы отмечаем два полярных взгляда на ее роль в обществе. Первая позиция заключается в боязни потери привычных, устоявшихся практик, формирования киберзависимости и неспособности к полноценному общению в реальной жизни [19]. Если бы искусственный интеллект социальной сети создал алгоритм, побуждающий виртуальных друзей встречаться в реальном мире, он действительно способствовал бы объединению.

На сегодня ни одна социальная сеть не преодолела разрыва между общением онлайн и офлайн. По выражению Харари, виртуальная коммуникация превращает нас в аудиовизуальных животных, которые состоят из пары глаз и пары ушей, пальцев для туканья по клавиатуре, а также кредитки, оплачивающей контент онлайн-услуги.

Другое мнение, также исключительно в своей оценке цифровизации. Понимая неизбежность развития технических возможностей, сторонники информационного бума стремятся извлечь из него максимальную выгоду,

разрабатывая системы, адаптированные к использованию программ, алгоритмов и сетей [20]. Виртуальная среда по своим свойствам сопоставима с человеческим разумом. Нематериальность, бестелесность, пластичность позволяют ей создавать огромное количество разнообразных образов, форм и значений. И в этом свойства новой социальной реальности тождественны воображению.

Пользуясь аналогией работы человеческого мозга, осмелимся предположить, что такая ситуация позволяет сделать только один выбор для перехода на следующий этап мыслительных усилий. На следующем уровне анализа выбранная позиция будет противопоставлена следующей, если она будет четко сформулирована и готова к осмыслению.

Литература

1. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. / Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; Под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с. (Weiner, N. Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine, Reissue Of The 1961 Second Edition- MIT Press. 2020)
2. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 // Философское наследие, т. 117. РАН, Институт философии. Общая редакция А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо—Годи. М.: Мысль, 1994. С. 594—606.
3. Суинбёрн Р. Существование Бога = The existence of God / Российская акад. наук, Ин-т философии, О-во христианских философов; пер. с англ. М. О. Кедровой. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 462 с. (Swinburne R. The Existence of God. — Second ed. — Oxford: Clarendon Press, 2004. — 363 p.)
4. Plantinga A. Where the Conflict Really Lies: Science, Religion and Naturalism. New York: Oxford University Press, 2011
5. Дебор Г. Общество спектакля. Пер. с фр. / Перевод С. Офертаса и М. Якубович. М.: Издательство “Логос” 1999. – 224с. (Debord G. La société du spectacles.” Gallimard. Paris. 1969)
6. Goldberg I. Internet addictive Disorder (IAD) diagnostic criteria. Available at: <http://web.urz.uniheidelberg.de/Netzdienste/anleitung>.
7. Egger O., Rauterberg M. Internet Behaviour and Addiction. Semester thesis // Work & Organisational Psychology Unit (IfAP), Swiss Federal Institute of Technology (ETH) Zurich, 1996. – 173 p.
8. Morahan—Martin, Janet and Schumaker, Phyllis. Incidence and Correlates of Pathological Internet Use. Paper presented at the 105th annual meeting of the American Psychological Association, August 18, 1997. Chicago, IL.
9. Пресс—выпуск ВЦИОМ № №3346. 27% граждан признались, что если интернет исчезнет, их жизнь сильно изменится. [Электронный ресурс]: ВЦИОМ 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148> (дата обращения: 01.06.2020)
10. Шаталина М.А. К проблеме интернет—зависимости в молодежной среде. / Современные исследования социальных проблем: Сборник статей Общероссийской научно—практической конференции. Вып. 5. «Социально—педагогические и психологические исследования» / Под общ. ред. сов. РАЕ Я.А. Максимова – Красноярск: Научно—инновационный центр, 2009. — С. 252—255.
11. Егоров А., Кузнецова Н., Петрова Е. Особенности личности подростков с интернет—зависимостью // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2005. Т. 5. № 2. С. 20—27.
12. Янг К.С. Диагноз — Интернет—зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24—29.
13. Korkiya E. D., Lipatova M. E., Mamedov A. K. Virtual personality: A search for new identity // Indian journal of science and technology. — 2016. — Vol. 9, no. 36. — P. 1–6.

14. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90—100.

15. Spengemann William C., *The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre*. New Haven: Yale Univ. Press, 1980. Esp. PP. XIII—XVII.

16. Sinha, I. *The Cybergypsies: A Frank Account of Love, Life and Travels on the Electronic Frontier*. London: Scribner, 1999. — 405 p.

17. Коркия Э. Д., Мамедов А. К. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). — 2017. — № 2. — С. 9—13.

18. Горный Е. Онтология виртуальной личности / Бытие и язык: Сб. статей по материалам международной конференции. Новосибирск: Новосибирский институт экономики, психологии и права (Новосибирский классический институт); Новосибирское книжное издательство, 2004. — С. 78—88.

19. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. Изд-во Синдбад. 2019, 440 с.

20. Ефимочкина Н.Б., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Роскошь в культурных контекстах: вариативность развития. М., 2020. — С.214-217.

Digital society metamorphosis: difficulty of growth and risk

Mammadov A.K., Pisareva L.Yu.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article explores the problems of digitalization of daily routine and the related changes in communication that affected humanity at the end of the twentieth century. It is noted the connection between the ontological understanding of the first philosophers, including Plato, of the essence of Being and the modern concepts of the digital society, which they anticipated.

Using the method of optical view of social reality it is carried out the analysis of approaches to assessing the role of the Internet and digital communication in society. The main factor of influence of the Internet on the formation of a modern personality it is called Internet addiction.

Two diametrically opposite attitudes to the digitalization of society and Internet addiction

have been distinguished - as a dependency that yields a negative result and as a dependency that has practically significant properties and characteristics. The conclusion that is drawn in the study is the identification of the need for new methods of cognition of reality aimed at the deepest penetration into the transition of the "real person" into its "virtual copy" in digital communication.

Keywords: Optical sight, digital communication, digital space, digital daily routine, Internet addiction, virtual personality, Plato, idea, program, algorithm, mind, intellect.

References

1. Wiener N. *Cybernetics, or Management and communication in the animal and machine.* / Per. from English I.V. Soloviev and G.N. Povarova; Ed. G.N. Cooks. - 2nd edition. - M.: Science; The main edition of publications for foreign countries, 1983. - 344 p. (Weiner, N. *Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine*, Reissue Of The 1961 Second Edition - MIT Press. 2020)
2. Platon. *Collected Works in 4 vols. T. 3 // Philosophical Heritage*, vol. 117. RAS, Institute of Philosophy. General editorship of A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Tahoe — Godi, Moscow: Thought, 1994, pp. 594-606.
3. Swinburn R. *The Existence of God = The existence of God / Russian Acad. Sciences, Institute of Philosophy, Society of Christian Philosophers; per. from English M.O. Kedrova.* - M.: Languages of Slavic culture, 2014. -- 462 p. (Swinburne R. *The Existence of God.* - Second ed. - Oxford: Clarendon Press, 2004. -- 363 p.)
4. Plantinga A. *Where the Conflict Really Lies: Science, Religion and Naturalism.* New York: Oxford University Press, 2011
5. Debord G. *Society of the play.* Per. with fr. / Translation C. Offeras and M. Yakubovich. M.: Publishing house "Logos" 1999. - 224 p. (Debord G. *La société du spectacles.* "Gallimard. Paris. 1969)
6. Goldberg I. *Internet addictive Disorder (IAD) diagnostic criteria.* Available at: <http://web.urz.uniheidelberg.de/Netzdienste/anleitung>.
7. Egger O., Rauterberg M. *Internet Behavior and Addiction. Semester thesis // Work & Organizational Psychology Unit (IfAP), Swiss Federal Institute of Technology (ETH) Zurich, 1996. -- 173 p.*
8. Morahan — Martin, Janet and Schumaker, Phyllis. *Incidence and Correlates of Pathological Internet Use.* Paper presented at the 105th annual meeting of the American

- Psychological Association, August 18, 1997. Chicago, IL.
9. Press — VTsIOM issue No. 3346. 27% of citizens admitted that if the Internet disappears, their lives will change dramatically. [Electronic resource]: VTsIOM 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116148> (accessed: 06/01/2020)
 10. Shatalina M.A. To the problem of Internet addiction in the youth environment. / Modern research on social problems: Collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference. Vol. 5. "Socio-pedagogical and psychological research" / Ed. ed. owls RAE Ya.A. Maksimova - Krasnoyarsk: Scientific and Innovation Center, 2009. - C. 252—255.
 11. Egorov A., Kuznetsova N., Petrova E. Peculiarities of the personality of adolescents with Internet addiction // Mental health issues for children and adolescents. 2005. V. 5. No. 2. P. 20-27.
 12. Young K.S. Diagnosis - Internet — addiction // World Internet. 2000. No. 2. P. 24-29.
 13. Korkiya E. D., Lipatova M. E., Mamedov A. K. Virtual personality: A search for new identity // Indian journal of science and technology. - 2016. - Vol. 9, no. 36. - P. 1–6.
 14. Voyskunsky A.E. Actual problems of dependence on the Internet // Psychological journal. 2004. V. 25. No. 1. C. 90-100.
 15. Spengemann William C., The Forms of Autobiography: Episodes in the History of a Literary Genre. New Haven: Yale Univ. Press, 1980. Esp. PP. XIII — XVII.
 16. Sinha, I. The Cybergypsies: A Frank Account of Love, Life and Travels on the Electronic Frontier. London: Scribner, 1999. -- 405 p.
 17. Corkia E.D., Mamedov A.K. Identity in virtual reality: new alternatives // Theory and practice of social development (electronic journal). - 2017. - No. 2. - S. 9–13.
 18. Gorny E. Ontology of virtual personality / Genesis and language: Sat. articles on the materials of the international conference. Novosibirsk: Novosibirsk Institute of Economics, Psychology and Law (Novosibirsk Classical Institute); Novosibirsk Book Publishing House, 2004. - S. 78-88.
 19. Harari Yu.N. 21 lessons for the 21st century. Sinbad Publishing House. 2019, 440 p.
 20. Efimochkina N.B., Korkiya E.D., Mamedov A.K. Luxury in cultural contexts: variability of development. M., 2020. -- S.214-217.

Понятие «Институт», как главное методологическое основание институционального подхода

Минеев Матвей Вячеславович

аспирант, Департамент философии и религиоведения, Дальневосточный Федеральный университет, mineevmatvey@mail.ru

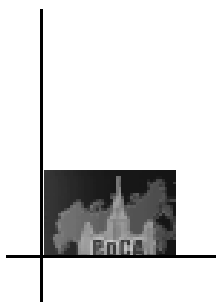
В данной статье рассматриваются все самые основные проблемы и подходы связанные с термином "институт". На сегодняшний день, до сих пор не существует единого устоявшегося понятия, которое удовлетворяло бы всех исследователей. В ходе анализа, проводится попытка вычленения ключевых характеристик понятия институт. Также, применяются философские подходы к расширению и углублению понимания этого ключевого методологического основания институциональной экономики, на основе которых, проведен критический анализ нынешней институциональной теории. Этот анализ показал, что институциональная теория носит в основном нормативный характер и почти не берет в сферу своего анализа ценности и мотивы человеческого поведения.

Ключевые слова: институт; институализация; институционализм; система; жизненный мир.

Вступление.

Главная проблема современной институциональной теории в отсутствии единой и непротиворечивой методологической базы. В неоклассической теории методология строилась на нескольких допущениях с которыми все были согласны. И это было главным условием последовательности и однородности неоклассического учения. В институционализме никогда не существовало единства по поводу главного допущения, а именно того, что такое институт. И именно это является основой критики в адрес этого направления. Институциональная теория значительно уменьшила влияние старой неоклассической экономической модели. Но при этом, не создала ей такую замену, которой можно было бы пользоваться с той же уверенностью, что и неоклассической моделью. А главная причина этому – нестабильная методологическая база нового направления.

О. Уильямсон точно заметил, что "мы все еще не знаем, что такое институт" [1 с. 601] Также Коммонс писал: При определении сферы применения так называемой институциональной экономики сложность заключается в неопределенности значения слова институт. Иногда кажется, что институт подобен зданию, каркас которого сделан из законов и правил, а индивиды являются жильцами этого здания. А иногда кажется, что институт — само поведение жильцов. [2 с. 43]. Более того недостаточная четкость понимания терминологии институционализма, в частности понятия общественного института, значительно уменьшает утилитарную значи-

мость институционализма как теоретической базы принятия практических решений. [3 с. 379]

Важность разграничения закономерностей поведения на обусловленные институтами и определяемые другими причинами связана с правильным пониманием значения институтов в экономике и других сферах жизни общества, с решением практических задач повышения благосостояния и эффективности использования ресурсов. Если анализ показывает, что некоторые массовые действия нерациональны, источник этого можно искать как в сфере объективных причин, так и в сфере институтов, регулирующих поведение. [4 с.15]

В итоге, становится очевидным, что единого подхода к пониманию институтов до сих пор нет, при этом, достижение этого единства крайне важно для экономической науки и экономической политики.

Основные подходы к понятию института.

Сегодня существует следующая проблема, связанная с понятием институт. С одной стороны, есть необходимость использовать определенное понимание того, что такое институт, для создания и совершенствования институциональной теории. Но, с другой стороны, до сих пор не устранены противоречия, связанные с внутренним содержанием этого термина.

В качестве устоявшейся базы, на которую опираются большое количество исследователей, надежно закрепилось понимание институтов как "правил игры". Правила игры, по Дугласу Норту представляют собой рамки, в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. Они включают:

- формальные (писаные) ограничения в виде правил и предписаний (например, конституция, контракты, указы и т.п);

- процедуры по обнаружению и пресечению поведения, отклоняющегося от установленных правил;

- неформальные (неписаные) кодексы поведения, обычаи, привычки, ограничивающие сферу действия формальных правил и процедур. Причем, по мнению Д. Норта, обычаи и традиции могут служить эффективным заменителем формальных институтов, обеспечивая тем самым значительную экономическую ресурсов. В более короткой формулировке: институты - это «структурные формы человеческих взаимодействий, это сочетание правил, механизмов, обеспечивающих их соблюдение, и норм поведения». [5 с. 17]

В отличие от неоклассического подхода, остается убежденность, что именно институты являются главными факторами становления и функционирования любого рода экономических систем. "Обеспечивая кооперирование между людьми, они уменьшают неопределенность путем установления устойчивой структуры взаимодействия между ними. Институты, организуют жизнь человека таким образом, чтобы он не задумывался о большей части своих действий, являющихся регулярными, повторяющимися и очевидными. «Институциональные установления образуют правила игры... или изобретенные людьми ограничения, которые формируют взаимодействие между людьми». Эффективные рынки возникают под воздействием этих институциональных установлений, позволяющих сократить издержки на заключение и поддержку контрактов." [5 с. 23]

В экономической среде существуют попытки унификации методологической базы, так как есть потребность в наличии одного целостного определения «института», которое вмещало бы в себя все свои свойства или признаки. Но парадокс заключается в том, что сделать этого не представляется возможным из-за большого количества таких признаков. А для того, чтобы создать единую и непротиворечивую методологическую базу, недостаточно ограничиться одной стороной этого по-

нения, так как это естественным образом приводит к одностороннему познанию действительности.

Именно «неоперациональный характер определения» институтов в этих течениях экономической мысли позволяет этим исследователям, «вкладывая в термины, которые они используют тот смысл, который видится наиболее подходящим к случаю» [6 с. 12]

В конце концов мы сталкиваемся с низкой работоспособностью понятий ввиду недостаточно четкого определения содержания, трудностей решения задачи идентификации при объяснении изменений в поведении экономических субъектов. [7 с. 88]

Украинский исследователь Деменьтьев В. В. попытался решить проблему неоперабельности понятия "институт" путем попытки создания универсального определения, которое бы смогло охватить весь спектр понимаемых по ним явлений. Он считает, что нынешняя ситуация обусловлена тем, что к настоящему времени не существует «дисциплинарной матрицы» институциональной теории. «Дисциплинарная» – в том смысле, что она обозначает нечто общее для всех, кто занимается данной дисциплиной, и «матрица» – поскольку она состоит из упорядоченных элементов различного рода, каждый из которых требует дальнейшей спецификации (причина этого - непонимание что такое институт). [8 с.14]

В своем исследовании Дементьев приходит к выводу о том, что создание единого определения "института" невозможно.

Из законов логики известно, что любое определение представляет собой суждение, которое состоит из субъекта, который мы заполняем признаками, и собственно предикатов - самих признаков. Но когда мы обозначаем определение как исходную точку анализа, то мы имеем дело с пустым субъектом, в котором нет логического содержания. Это означает, что заполняется он исключительно субъективными представлени-

ями какого-либо автора этого определения. [8 с. 15] Поэтому какой-либо критерий соответствия субъекта «институт» – приписываемому ему предикату еще отсутствует. Также отсутствует и критерий того, в какой мере именно данный признак является существенным. [8 с. 16]

Поэтому любое исходное определение «института» — это лишь субъективное мнение его автора. Дуглас Норт ввел определение института, которое уже стало классическим. Но мы не можем оспорить истинность данного определения. Мы не можем даже сказать охватывает ли данное определение все интересующие нас явления или же его содержание фиксирует объект исследования лишь по произволу автора. То, является ли данное определение истинным (или же ложным), мы можем оценить лишь в том случае, если это определение представляет собой результат умозаключения, после того как «опосредованы деятельностью мышления». [8 с. 16]

Таким образом проблема выглядит следующим образом. Мы имеем огромное количество субъективных мнений по поводу того, что такое институт, но принять за истину ни один из них нельзя, хоть каждое из них в некоторой степени верно отражает действительность или соответствует нашей интроспекции. Потому что любое отдельное определение будет всегда недостаточным, ограниченным.

Это приводит нас к необходимости раскрывать понятие института через множество. Множество подразумевает создание целой системы определений, которые будут логически связаны друг с другом. Мы должны получить некое единство, имеющее логический и последовательный порядок. [8 с. 16]

Гегель говорил, что любое конкретное определение института раскрывает себя только через свое соотношение со всеми другими определениями. Каждое определение получает свое персональное значение, только будучи постигнуто в качестве момента единой системы,

вбирающей в себя все определения разума. Гегель пытался определить, что такое "разум", но та же схема подходит и к понятию институт. И под системой нужно понимать, как говорил Гегель, не отдельное философское течение, а все течения сразу. [9 с. 13]

Понятие – это то, что надо понять, как писал Гегель. А для этого, необходима системная целостность определений, которая устанавливает последовательность определений института в логическом порядке, в плане логической преемственности их смысла, где из одного определения вытекает другое определение, из него – третье и т.д. именно связь между различными определениями, т.е. признаками (предикатами) может раскрыть нам внутреннее содержание понятия. [8 с.17]

Путь составления системы признаков понятия институт, лежит через анализ определений, которые давали основные институционалисты методологи на протяжении всего существования институциональной теории.

В ходе своего анализа, Дементьев выделил следующие признаки: влияние на принятие экономических решений; социальная структура; институт как внешняя сила; рамки деятельности; структура отношений; правило; принудительная сила; организация; действие по контролю.

Существуют и другие признаки института, но они могут быть практически полностью сведены к вышеперечисленным.

И еще один важный шаг на пути определения того, что такое институт, предприняли экономисты в разработке вопроса о главенствующей, фундаментальной функции институтов. Что, в конечном итоге, институт делает такого, без чего человечество не способно нормально существовать?

Теория Р. Коуза гласит, что главной функцией институтов следует считать уменьшение трансакционных издержек. [10 с. 395] Их уменьшение способствует уменьшению неопределенности в процессе отношений между людьми.

Такой подход к проблеме рассматривает главную функцию института через призму человеческой ограниченности. Институты есть решение проблемы человеческой ограниченной рациональности. Это взгляд со стороны субъекта. [11 с. 102]

Но если взглянуть на это со стороны объекта, то есть со стороны социальной системы, социального взаимодействия, то функция института расширяется. В таком случае, неопределенность — это не только результат ограниченной рациональности одного индивида, а еще и результат взаимодействия с такими же индивидами. Следовательно, даже если представить, что индивид полностью рационален, невозможно предугадать чего ожидать от окружающих индивидов. В таких условиях, индивиду требуется не просто устранение неопределенности, а еще и создание определенности. "Структурирование взаимодействий и подчинение их определенному порядку, таким образом, имеет целью не только устранить неопределенность как таковую, но и создать вполне конкретную, устраивающую индивида, «желательную» для него определенность, или заменить одну определенность на другую" [11 с. 114] И такая потребность прежде всего связана со стремлением одних экономических агентов подчинить себе других, через создание института. И главное, что такая потребность существует даже в условиях отсутствия трансакционных издержек. [11 с. 115]

Следовательно, институт (правило) поэтому представляет собой произвольную конструкцию, отражающую исключительно взгляды и интересы людей, которые их создают. Они должны соответствовать законам движения социальной структуры экономического взаимодействия. [11 с. 115]. Институт подчиняет одних агентов другим, и при этом создает необходимую определенность во взаимоотношениях агентов.

В итоге, можно выделить три базовых функции института: подчинение одних агентов другим, создание опреде-

ленности, и уменьшение неопределенности через уменьшение транзакционных издержек.

Подводя промежуточные итоги, можно сделать несколько выводов.

Главное, на сегодняшний день, не смотря на большие старания со стороны различного рода исследователей, методологические проблемы, связанные с понятием института крайне остры. Более того, вероятно, создание единого понятия, описывающего все стороны жизни общества, невозможно. Институт можно понимать только в системе его признаков.

На сегодняшний день, институциональная теория выработала для работы понятие, которое позволяет этой теории эффективно функционировать. Но в то же время, большое количество методологических проблем, связанных с этим понятием, не позволяют теории выйти на новый уровень.

Например, в среде институционалистов нет однозначного мнения по поводу главенствующего признака понятия. Также нет однозначного мнения по поводу главной функции института. Очень слабо в теории применяются философско-методологические подходы к осмыслению своих методологических проблем. В частности, нет структурно-иерархической схемы понятия в соответствии с разбитием на уровни человеческого бытия. Все это приводит к тому, что под институтом понимают все то, что «удобно» исследователю в его научных разработках. Как результат, сегодня мы имеем огромное число институциональных теорий, и других работ, обозначенных в заголовке как «институциональное исследование».

Теория Хабермаса о различении системы и жизненного мира как основа критического замечания к институциональной теории.

Немецкий философ Юрген Хабермас для объяснения специфики коммуникации вводит новое понятие "жизненный мир", которое он заимствовал у

другого видного философа начала 20 века Э. Гуссерля.

Категория жизненного мира необходима для того, чтобы обозначить сферу непосредственного взаимодействия, или сферу практического опыта. Жизненный мир - это мир, складывающийся из интересубъективных отношений между людьми. Он состоит из действий, языковых конструкторов посредством которых люди категоризируют повседневный опыт и сообщают об этом опыте. [12 с. 185]

Юрген Хабермас вводит различение понятий "жизненный мир" и "система" для того, чтобы разделить сферы социального воспроизводства - материальной и символической. Эти типы воспроизводства имеют свои типы интеграции и свои контексты действия. Материальный тип воспроизводства имеет системный тип интеграции и стратегический контекст действия. Символический тип воспроизводства имеет социальный тип интеграции и коммуникативный контекст действия. [13 с. 234]

В общем, существует жизненный мир, в котором протекают всевозможные взаимодействия, посредством коммуникации. Этот жизненный мир существует для того, чтобы поддерживать социальную, а также индивидуальную идентичность, и для того, чтобы создать организованные действия вокруг ценностей, которые были приняты в этом мире.

Но в то же время, существует и система, которая, посредством институционализации, регулирует все те взаимодействия, что протекают в жизненном мире. Поэтому главная задача системы - это создание и поддержание собственных границ или поддержание системного порядка, несмотря на постоянно меняющийся жизненный мир. [14 с. 127]

Из вышесказанного можно сделать важный вывод: система и жизненный мир всегда взаимно переплетаются, поэтому часто достаточно сложно увидеть это разграничение. Более того, взаимодействие между системой и жизненным

миром это всегда противоречивый процесс, в котором крайне важно найти баланс. Хороший пример такого взаимодействия между капитализмом и демократией приводит Хабермас.

Дело в том, что капитализм, как представитель системы и демократия, как представитель жизненного мира, существуют на противоположных принципах.

Нормативный смысл демократии - "Интегрированные в системы сферы действия должны функционировать, не нарушая целостности жизненного мира, то есть сферы действия должны занимать подчиненное положение по отношению к социальной целостности." Внутренняя логика системы капитализма - "Системно интегрированные сферы действия должны, если потребуются, функционировать ценой технизации жизненного мира." Потому что капиталистическое развитие возможно только если процесс накопления активнее процесса потребления. [14 с. 130]

Для того чтобы это противоречие не трансформировалось в негативные последствия, регулятор в виде государства вынужден постоянно балансировать и уходить от крайностей.

Эту дихотомию, хорошо описывает цитата Лумана: "Общественное мнение, охраняющее жизненный мир, имеет смысл, отличный от точки зрения государственного аппарата, выражающего интересы системы." [15 с. 443]

По всему видно, что взаимодействие между системой и жизненным миром имеет двойственный характер. С одной стороны, давление на жизненный мир со стороны системы позволяет системе, во-первых, контролировать хаотические флуктуации жизненного мира, а во-вторых, сохранять и поддерживать само существование системы, которая всегда обеспечивает наше нормальное существование в этом мире.

Но, с другой стороны, часто система давит на жизненный мир слишком сильно, что приводит к значительному уменьшению положительно влияния жизненного мира.

Сегодня существует тенденция выстраивать институты как запреты, то есть смещать баланс в сторону системы. Эта тенденция вызвана необходимостью поддержания системного порядка. Единственный легальный и безопасный способ его поддержания - это легитимация трансакций. Иначе говоря, это создание бюрократической системы, которая по определению является естественной преградой для целенаправленного социального действия. [16 с. 55]

В итоге, мы приходим к простому выводу, что для уменьшения негативного влияния взаимодействия и увеличения позитивного, необходимо держать баланс в процессе влияния институтов на жизненный мир. Единственный способ противостоять системному давлению, это поддержание жизненного мира на должном уровне. Для того, чтобы это стало возможным институциональная теория должна учитывать категорию жизненного мира в процессе институционального проектирования. Но объективно говоря, создание такого баланса маловероятно в ближайшее время, поскольку для этого требуется разорвать прочную связь между властью и капиталом, что пока представить довольно сложно, особенно в России. [16 с. 52]

Главная причина того, почему необходимо учитывать категорию жизненного мира заключается в том, что жизненный мир, представляет собой один из трех уровней человеческого бытия. И, соответственно, его неучитывание ведет к неполноте теории. А учитывая амбициозные планы неинституционализма на объяснение институциональной природы общества, такое упущение никогда не приведет к решению методологических проблем институциональной теории.

Существует всего три слоя человеческого бытия - экзистенциальный, культурный, нормативный (институциональный). [17 с. 156]

Главная особенность в том, что логики всех трех слоев различны. Если я живу по одной логике, то другая на меня

может не повлиять. Например, когда я с помощью слов хочу исправить человеческое поведение, повлиять на его дальнейшие поступки это вряд ли работает. Потому что слова носят нормативный характер. Когда я что-то говорю, то я декларирую тезис, который другой человек может лишь принять к сведению. Но исправить человеческое поведение можно только на экзистенциальном уровне.

По этой схеме работает судебная система. Существует ряд "тезисов" закреплённых в УК РФ, но люди все равно нарушают эти декларативные установления. Именно поэтому существуют исправительные учреждения, которые влияют на поведение человека на экзистенциальном уровне.

Любое понятие может быть представлено в разрезе трех слоев человеческого бытия, и понятие института не исключение.

Юрген Хабермас в своей теории очень ярко демонстрирует, как взаимодействуют между собой разные слои человеческого бытия. Жизненный мир по своей сути представляет собой экзистенциальный слой, в котором реализуются человеческие ценности и мотивы, через процесс коммуникации. Система представляет собой институциональный и культурный слои, которые реализуются через установление формальных и неформальных норм.

Непонимание того, как взаимодействуют и как различаются эти слои ведет, с одной стороны, к дисбалансу в практическом смысле, в реальной политике, как было рассмотрено выше. А с другой, к искаженному пониманию что такое "институт" и как он работает, в институциональной теории.

Всю историю существования институциональной теории, ее последователи пытались однозначно определить базовое понятие теории. Эти попытки продолжают до сих пор, но конечного варианта что такое "институт" еще не предложено. А те варианты, которые уже существуют делятся условно на две части. Одни часто смешивают в одном

понятии ценности и нормы, без акцента на различии между ними. А другие формально подразумевают в своей методологии некое разделение, а конкретно разделение на нормы и символы, то есть на нормативный и культурный уровни.

Дуглас Норт представитель второй категории исследователей. В своем понимании института он попытался объединить традиции крупнейших институционалистов до него. Поэтому его определение достаточно широкое и вмещает в себя все основные признаки института. Другие определения также точно отражают действительность, но менее широко, по сравнению с Д. Нортом. Поэтому именно его трактовку чаще всего используют в современной институциональной теории. И именно поэтому именно ему будет уделено больше всего внимания.

Д. Норт понимает институт как "правила игры". Институты - это рамки в пределах которых люди взаимодействуют друг с другом. Эти рамки включают в себя:

- формальные ограничения в виде правил и предписаний
- неформальные кодексы поведения, обычаи, привычки.

Также важнейшей характеристикой любого института являются принуждение к выполнению и санкции в случае отклонения от правил. [5 с. 12]

Таким образом, Норт делит институт на две части, но при этом обе части обозначает как "правила игры", но правила разной природы. Формальные ограничения - это правила игры, которые люди создали для комфортного существования. Неформальные ограничения - это также правила игры, сознательно установленные людьми. Под неформальными правилами Норт понимает прежде всего обычаи, традиции и привычки.

Мы видим, что институциональная теория в лице Дугласа Норта все же разделяет понимание института на два слоя - нормативный и культурный. Но здесь присутствуют две большие проблемы. Во-первых, разделяя понимание института на две части, Норт все же

объединяет обе эти части, заявляя, что это все "правила игры", установленные людьми для нормального существования. Во-вторых, разделяя понимание института на два слоя - культурный и нормативный, Норт все же не замечает третий экзистенциальный слой, который и представляет собой жизненный мир.

Проблема в том, что и неформальные правила можно также отнести к системе. Потому что система, это структурная схема, цель которой структурировать жизненный мир. Неформальные правила, хоть и отличаются от формальных, но преследуют ту же цель. Именно поэтому Норт и формальные и неформальные правила называет "правилами игры".

Таким образом, институциональная теория хорошо видит разграничение между культурным и нормативным слоями, но совершенно не замечает экзистенциальный слой. Институционализм говорит, что институты сознательно созданы людьми, но упускает из виду вопрос том, почему возникла идея создания института? Если возникла потребность в "создании определенности", значит человеком движет что еще, помимо институтов.

Еще один вывод в том, что теорией предполагается что институт структурирует людей, но не предполагается что институт, на самом деле, всегда противостоит Жизненному миру. Д. Норт видит только один мир, но не видит, что, один мир создал другой и они постоянно враждуют.

Также, если посмотреть на различие в теории между культурным слоем и нормативным, не становится очевидным, что оба этих слоя могут быть отнесены к институту. Д. Норт относит оба эти слоя к институтам по принципу их относимости к «правилам игры» в обществе. Правила — это инструкции, которые нормативно закрепляются участниками самого института, в котором эти правила работают. Это принцип самоописания системы. [15 с. 232] В конечном итоге, это делается для того, чтобы

система могла сама себя воспроизвести.

Так работают формальные правила. Работают ли также неформальные правила? Вероятно, что ответ будет положительным. Неформальные правила хоть и не прописаны, но имеют те же законы, что и формальные правила. Институт дружбы также не может обойтись без воспроизводства. Если я не следую некоторым негласным, но основополагающим правилам дружбы, то попасть в дружеские отношения у меня не получится. Следовательно, процесс воспроизводства данного института будет нарушен. Санкцией же за отход от неформальных правил, является то же что и при отходе от формальных правил, а именно, исключение из процесса взаимодействия между субъектами. В случае с фирмой это увольнение из коллектива фирмы, а в случае с дружбой, это ее же отсутствие.

Таким образом, написанная субъектами института инструкция, не обязательно должна носить исключительно нормативный характер, что означает правоту Д. Норты в объединении формальных и неформальных правил игры под одним общим понятием института.

Заключение.

Теория институтов объясняет, как и почему люди взаимодействуют, но не объясняет сам корень взаимодействия и причину институтов. Но если бы институциональная теория включила бы в свою методологию категорию жизненного мира, то смогла бы ответить на вопросы о том, почему людей необходимо ограничивать. Почему необходим контроль и санкции за отход от соблюдения правил игры. В. Дементьев пришел к выводу, что общим всех определений и признаков понятия институт выступает одна характеристика - это взаимодействие. Без взаимодействия не работает ни одно определение, а значит и в принципе не существует институтов. (Дементьев В: 2009, с. 28)

Большинство современных институционалистов, социологов и философов

считают, что несмотря на высокое влияние институтов на человека, человеческая деятельность не определяется полностью своей институциональной скорлупой. Это современная позиция методологического институционализма, которая сформировалась как результат синтеза принципов методологического холизма и методологического индивидуализма, соперничающих на протяжении долгого времени. Если человеческая деятельность не полностью определяется институциональной средой, то возникает вопрос, чем еще она определяется. Ответ нужно искать в жизненном мире, ведь все что не контролирует культурно-символический и нормативный уровень, контролирует экзистенциальный слой человеческого бытия. "Наличное знание", описанное Шюцом, также, как и система влияет на принятие решений. Ценности и мотивы, которые рождаются в процессе коммуникации, также направляют человеческое поведение, даже если абстрагироваться от влияния системы, насколько это возможно. Данная позиция также может быть подвергнута критике, поскольку остается вопрос о возможности коммуникации, в которой рождаются ценности, без существования институциональной среды. То есть, если ценности и мотивы — это продукты институционального развития, то имеет место на существование только позиция методологического холизма. Но вопросы о природе коммуникации институциональная теория также пропускает мимо своего взора.

Соответственно, очевидно, что методология современной институциональной теории носит ограниченный характер, несмотря на широкую палитру применяемых ею методов исследования. Это связано с тем, что методология недостаточно полно пропускается через призму человеческого бытия. Включение категории жизненного мира в свою методологию, позволило бы данной теории значительно продвинуться в познании институциональной среды. Это, прежде всего, важный шаг в создании

единого и непротиворечивого исходного понятия теории - "институт".

Литература

1. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead// Journal of Economic literature. Sep., 2000.V. 38. №3. P. 595–613
2. Коммонс Дж. Институциональная экономика, пер. Курышева А. А. // Экономический вестник Ростовского государственного университета, том 5, №4, 2007. p. 38-51.
3. Протопопова Н. И. Происхождение, роль и эволюция общественных институтов (по работам Т Веблена и Д. Норта) // Вестник ТГУ , выпуск 12 (68), 2008
4. Аузан А.А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М.: Инфра-М, 2005.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // Фонд экономической книги "Начала", М., 1997
6. Долгополов Д. В. Понятие "институт" в неоинституциональной и эволюционной парадигме / Проблемы современной экономики №1 (41), 2012 с. 46 - 49.
7. Шастико А. Е. Новая институциональная экономическая теория // Экономический факультет МГУ, ТЕИС, М., 2002.
8. Дементьев В. В. Что мы исследуем, когда исследуем институты // Журнал институциональных исследований, том 7, №1, 2009.
9. Труфанов С. Н. Наука логики Гегеля // изд. Парус, Самара, 1999. 192 с.
10. Coase, Ronald. The Nature of the Firm // *Economica*, Vol. 4, No. 16, November 1937 pp. 386-405
11. Дементьев В. В. Политическая экономия институтов: проблема определения предмета исследования // Журнал институциональных исследований, том 6, №3, 2014. с. 96 - 121.
12. Шюц А. Избранное. Мир, светящийся смыслом. М., 1994., 1250 с.

13. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вопросы социальной теории. 2007. Том 1. Вып. 1., С. 218 - 264.

14. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Пер. с нем. В.И. Иванова // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т.1. Вып.2. М.: Начала-пресс, 1993. С.123-136.

15. Луман Н. Социальные системы – СПб., Наука. 2007. – 643 с.

16. Ячин С. Е. Теория бюрократии в свете реалий современной России // Ойкумена. 2015. №1 с. 42 - 57.

17. Ячин С. Е. Аналитика человеческого бытия: введение в опыт самопознания. Систематический очерк. - М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. - 210 с.

The concept of "Institute" as the main methodological basis of the institutional approach

Mineev M.V.

Far Eastern Federal University

This article discusses all the most basic problems and approaches associated with the term "institute". To date, there is still no single established concept that would satisfy all researchers. During the analysis, an attempt is made to isolate the key characteristics of the concept of institution. Also, philosophical approaches are applied to expand and deepen understanding of this key methodological basis of institutional economics, on the basis of which a critical analysis of the current institutional theory has been carried out. This analysis showed that institutional theory is mainly normative in nature and almost does not take into the scope of its analysis the values and motives of human behavior.

Key words: institute; institutionalization; institutionalism; system; life world.

References

1. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // Journal of Economic literature. Sep., 2000.V. 38. No. 3. P. 595-613
2. Commons J. Institutional Economics, trans. Kuryshcheva A. A. // Economic Bulletin of

Rostov State University, Volume 5, No. 4, 2007. p. 38-51.

3. Protopopova N. I. The origin, role and evolution of public institutions (based on the works of T. Veblen and D. North) // TSU Bulletin, issue 12 (68), 2008
4. Auzan A.A. Institutional Economics: A New Institutional Economic Theory. M.: Infra-M, 2005.
5. North D. Institutions, institutional changes and the functioning of the economy // Fund of the economic book "Beginnings", M., 1997
6. Dolgoplov D. V. The concept of "institute" in the neo-institutional and evolutionary paradigm / Problems of the modern economy No. 1 (41), 2012 p. 46 -49.
7. Shastiko A. E. New institutional economic theory // The Faculty of Economics of Moscow State University, TEIS, M., 2002.
8. Dementiev VV What do we investigate when we research institutes // Journal of Institutional Studies, Volume 7, No. 1, 2009.
9. Trufanov S. N. Science of Hegel's logic // ed. Sail, Samara, 1999.192 p.
10. Coase, Ronald. The Nature of the Firm // *Economica*, Vol. 4, No. 16, November 1937 pp. 386-405
11. Dementiev VV Political economy of institutions: the problem of determining the subject of research // Journal of Institutional Studies, vol. 6, No. 3, 2014. p. 96 to 121.
12. Schyuts A. Favorites. A world shining with meaning. M., 1994., 1250 p.
13. Habermas J. Theory of communicative action // Questions of social theory. 2007. Volume 1. Issue. 1, p. 218 - 264.
14. Habermas Yu. Relations between the system and the world of life in the conditions of late capitalism / Per. with him. IN AND. Ivanova // THESIS: Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems. T.1. Issue 2. M.: Nachala-press, 1993. S.123-136.
15. Luman N. Social systems - St. Petersburg., Science. 2007. -- 643 p.
16. Yachin S. E. The theory of bureaucracy in the light of the realities of modern Russia // Oykumena. 2015. No1 p. 42 - 57.
17. Yachin S. Ye. Analytics of human being: an introduction to the experience of self-knowledge. Systematic review. - M.: SIC INFRA-M, 2014. -- 210 p.

Жизненный сценарий поколений

Полюшкевич Оксана Александровна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления института социальных наук Иркутского государственного университета, okwook@mail.ru

В статье рассматриваются теоретических подходы формирования жизненного сценария поколений, анализируются механизмы и принципы развития жизненных моделей различных поколений. Приводятся результаты эмпирического исследования посвященного динамике жизненных сценариев представителей трех поколений россиян.

Ключевые слова: поколения, жизненный сценарий, ценности поколений, представления поколений, нормы поколений

Каждое поколение имеет свой уникальный облик: мировоззрение, ценности, идеалы, жизненный опыт и отношение к настоящему, прошлому и будущему, традиции и нововведения. Оно развивает то, чего достигло предыдущее поколение, перерабатывая и развивая или оставляя прошлый опыт. Именно этот процесс позволяет развиваться миру. Эти две стороны взаимосвязи поколений – освоение культурного наследия и новаторство – образуют основу исторического развития общества. Характер преемственности культуры отражается в духовном и повседневном облике поколений.

Солидарность поколений образуется на основе единства понимания смыслов и действий отдельных людей, народа, государства. Солидарность – это совокупность различных аспектов единства: интересов, убеждений, ценностей, действий и т. д. Солидарность – это также отношения между людьми, возникающие в результате согласия с ценностями, идеалами, разделенными взглядами другого. В результате проявления солидарности возникает социальная целостность. На уровне индивидуальной психики солидарность проявляется как чувство единения, общности, а на уровне индивидуального сознания – как чувство общности идеалов (дружба, товарищество, братство) [7].

Консолидация общества опирается на солидарность людей внутри каждого поколения и, одновременно, на социокультурную преемственность между разными поколениями. Она проявляется сразу в нескольких аспектах:

1) процесс консолидации общества предполагает участие различных социальных групп и поколений в процессе культуротворчества (в виде формирования ценностей, идеалов, мировоззрения, идеологии, представлений и т. д.);

2) со временем участники различных социальных групп и представители различных поколений меняются, уступая место для других групп и поколений, способствующих консолидационным или дезорганизационным процессам в обществе;

3) представители социальной группы или одного поколения могут участвовать в формировании консолидации или дезорганизации общества только локально («здесь и сейчас»), но в то же время их влияние может распространяться и на другие социокультурные процессы и исторические моменты (например, участники революционных движений могут быть идеалами мужества или бунтарства, жертвенности и героизма как для современников, объединяя их под свои знамена, так и для потомков, показывая пример для подражания);

4) социальная солидарность общества может существовать продолжительное время лишь при условии наличия преемственности поколений и взаимодействия (взаимозамены) участников различных социальных групп и поколений.

Во времена социальных перемен, в условиях кризиса духовной культуры возникает тенденция отказа от преемственности поколений, нарушения единства внутри групп и поколений. Новые требования, опыт и знания стимулируют кризис старой идеологии и мировоззрения [5]. Но даже в этот период внутреннее единство и преемственность сохраняется, изменяются их характер, форма и условия, но оно находит способ передачи уже накопленного опыта для развития новых поколений.

Ускорение времени проживания жизни, внедрение все новых технологий существенно влияет на самочувствие человека. Быстротечность формирует хрупкость и неустойчивость жизни, ориентацию на краткосрочность связей, отношений и взаимодействия. Повышенная личностная мобильность увеличивает количество контактов между людьми, но уменьшает их качество и

глубину, делая их поверхностными и сиюминутными.

Эти процессы разрушают структуру ценностей. Некогда единое ядро ценностей распадается на тысячи осколков, объединяющих отдельные группы людей. Идентичность с группой становится формальным элементом, а не внутренним единством. Это приводит к утрате чувства защищенности, одиночеству и потерянности.

Солидарность поколений формируют следующие критерии: символичность, смыслополагание, коммуникативность, регламентированность, созидаемость [6]. Рассмотрим эти критерии.

Символичность. Мысли, слова, действия, поступки, образы могут стать символами эпохи, объединяющими людей во имя чего-то или из-за чего-то. Символичность наполняет смыслом и жизненной энергией эти явления и позволяет другим людям, узнавая эти символы, присоединяться или разобщаться. В советском обществе произошла трансформация от протестного состояния к консолидационному. Примером может служить символическое содержание кулака и поднятой руки, повсеместно используемое в первые годы после революции, затем символ руки стал менее агрессивным (рука пожимает руку, братские руки, руки мужчины и женщины, держащие серп и молот).

В современном мире произошла подобная трансформация с визуальным изображением доллара. В СССР изображение доллара использовалось в карикатурном или негативном аспекте, сейчас оно стало нейтральным. На символическом уровне изменились отношение и мировоззрение. Люди мыслят и в рублях, и в долларах. Символы чужого пространства в нашем мире появляются все чаще.

Смыслополагание. Любые действия, слова или явления могут произвести революцию, но, впрочем, также могут пройти и незамеченными для целых поколений. Смыслополагание является важным моментом консолидации:

когда есть понимание, в каких случаях, как именно он оценивается, встраиваясь в иерархическую систему значимостей. Социокультурное пространство наполняется смыслом, сущностью, значением. Соответственно, консолидирующая или дезинтегрирующая деятельность с неизбежностью должна учитывать это обстоятельство и потому носить осмысленный характер. Действительные акты производятся не автономно, сами по себе, но всегда формируются в общей ценностной структуре, даже если они идут вопреки ей.

В советском обществе смыслополагание строилось из общественных целей и социальных установок (строительство БАМа, Днепрогэса, пятилетки – планы и создание светлого будущего для всех). Сегодня общество переключилось на индивидуальные достижения и развитие.

В современном обществе смыслополагание строится через личностную ориентацию. Раньше символом эпохи и признания успехов был выпуск КамАЗа или трактора, и это демонстрировалось, сейчас это не показывается, это не является достижением. Сегодня демонстрируются достижения, ориентированные на одного человека (выпуск иномарки, способной подчеркнуть статус, положение одного человека в обществе, который обладает этой вещью).

Коммуникативность. Солидарность общества через призму поколений возможна при целенаправленной работе с отдельной возрастной или статусной группой. Отношения, которые складываются внутри поколения, группы или между ними, определяют формат внешних связей (доброжелательных или агрессивных, реальных или виртуальных, гендерно маркированных или унисексуальных). Коммуникативность является условием солидарности внутри и между группами.

Примером может служить принятие или непринятие других групп (субкультур), отдельных людей, способов самовыражения (в одежде, прическах). Сегодня нет четкой стратификационной или

возрастной принадлежности, которая бы жестко определяла длину волос, формат одежды и т. д.

Регламентированность. Любое общество или группа вырабатывает собственный регламент построения коммуникации как внутри пространства, так и за его пределами. Они не неизменны, но при этом обязательны. Общественное устройство как раз и является историей таких регламентированных и в то же время бесконечно меняющихся коммуникативных форм выражения.

Регламентированность в большей степени является данью симулякрам. Принадлежность к некой группе предполагает наличие определенных аксессуаров (для бизнеса – машина, часы; для власти – костюм, портфель). С другой стороны, регламентированность проявляется в различных формах корпоративной культуры, требований к тому, как должны выглядеть сотрудники, что должны говорить, что делать и т. д. Раньше только силовые структуры и системы транспорта имели унифицированную одежду, сегодня все больше крупных компаний вырабатывают общий стиль одежды. Это способствует объединению группы и идентификации себя с кем-то из «своих».

Созидательность. Без сохранения и укрепления накопленного опыта в жизни одного или нескольких поколений невозможно представить семейное, родовое, государственное единство [8]. Созидательность – это условие воспроизводства общества, так как она позволяет освоить то новое, что привносит каждый член общества.

Без этих критериев невозможно представить социальную солидарность общества, невозможно понять, что объединяет поколения и что заставляет между собой их конфликтовать.

Вопросы поколений рассматривали разные ученые: С. Айзенштадт, К. Дэвис, М. Вебер, М. Мид, К. Мангейм, Х. Ортега-и-Гассет, А. Тойнби, Л. Флойер, Т. Роззак и мн. др. Среди отечественных ученых можно назвать П. А. Соро-

кина, И. С. Тургенева. В 70-е гг. XX в. вопросы динамики поколений рассматривали социологи И. Бестужев-Лада, И. Кон, И. Ильинский, В. Лисовский, Л. Коган, В. Шубкин, А. Шендрик, В. Чупров.

Исследования этих ученых показывали качественные изменения морально-ценностных ориентаций молодого поколения, и в связи с этим они прогнозировали неизбежность глубоких социальных и культурных перемен в обществе. Прогнозы подтверждали идею немецкого социолога К. Мангейма о том, что феномен поколений является одним из главных факторов, способствующих зарождению динамики исторического развития. Испанский философ и культуролог Х. Ортега-и-Гассет отмечал, что смена поколений создает «пульсацию» в истории общества, определяя границы соединения традиций и новаторства. Возрастные группы выполняют интегративную функцию, объединяя сверстников на основе общего отношения к ценностям. Каждое поколение «встает на плечи» предыдущего, формируется им, но затем вносит свой вклад в развитие общества и культуры.

А. Тойнби, размышляя о судьбе поколений, отмечал, что «каждое поколение, подобно карме, влачит на себе все то, что было содеяно предшественниками. Ни одно из поколений не начинает жизнь в условиях полной свободы, но начинает как узник прошлого. К счастью, узник этот не беспомощен, он располагает силами сломить рутину наследуемых привычек» [10].

Концепция типа культур, выдвинутая М. Мид, о способе передачи знаний (постфигуративном – где дети прежде всего учатся у своих предшественников, конфигуративном где и дети и взрослые учатся у сверстников, и префигуративном, где взрослые учатся также у своих детей, является на сегодня ключевой. Но ограниченность данной теории в том, что процессы, происходящие в жизни разных поколений, не столь линейны и однозначны. Существенное влияние имеют социальное положение, субъективный личный жизненный опыт

и мн. др. В любом случае неоднородность данных процессов приводит к духовному вакууму, кризису и поиску новых вариантов социального развития.

Социокультурные условия развития общества таковы, что объем и содержание социального опыта, способы и механизмы трансляции и передачи его современникам и потомкам не одинаковы. Прошлые поколения передают не только позитивный опыт, но и ошибки и заблуждения, нивелирование достижений современников, умолчание о достижениях науки и искусства. В сознании последующих поколений это вызывает сожаление об утратах, желание возродить былые традиции и практики, забытые имена, переоценить отношение к прошлому, тем самым его изменить.

В психологии существует правило – важно не событие само по себе, а наше к нему отношение. Событие (действие, явление) не может быть ни хорошим, ни плохим. Его таким делает наше сознание. Поэтому прошлое, как и будущее, формируется в настоящем.

Преемственность и взаимодействие поколений необходимо рассматривать по крайней мере в двух аспектах: вертикальном и горизонтальном. Вертикальный подход позволяет составить общую картину передачи культурного наследия, представить его объем, судьбу открытий и утрат, продолжение реформ, начатых предшествующими поколениями, или их критику.

Интересный расчет ускорения темпов исторического развития и увеличения объема информации в деятельности поколений предложил американский социолог А. Тоффлер. Если последние 50 тысяч лет существования человека разделить на средний срок человеческой жизни приблизительно в 62 года, то всего в истории было около 800 таких сроков. Из них 650 человек провел в пещерах. Только во время последних 70 сроков благодаря письменности стало возможным эффективное общение поколений. За последние 6 сроков большинство людей узнало печатное

слово. За 4 срока человек научился более или менее точно измерять время. За 2 последних срока появился тот, кто использовал электрический мотор.

«И потрясающее количество материальных благ, которыми мы пользуемся сегодня, были созданы за последний, восьмисотый, срок жизни», – заключает А. Тоффлер [11].

Безусловно, приведенные расчеты условны. Но они красочно показывают динамику развития сознания человека и преемственности поколений в исторической ретроспективе, иллюстрируют соотношение традиций и новаторства.

Горизонтальный аспект позволяет изучить поколения, живущие одновременно. Отличительной особенностью современности является ускорение темпа перемен, когда прошлый опыт сохраняется как память, но утрачивает свое значение для практической жизни молодого поколения. Знания предшествующих поколений уже не имеют практического смысла и необходимости. Опыт нужен как дань традиции и как социально-психологическое единство поколений. Молодые воспринимают мир иначе, живут иными ценностями и целями, мотивами и поступками, желаниями и амбициями. Возникший «временной сдвиг» изменил роль и характер взаимодействия поколений. Традиционная преемственность «для выживания» утратила свою актуальность. Это повлекло глубокие внутриличностные и социальные изменения, осознание которых еще не до конца произошло в силу того, что еще живы те поколения, что родились при более традиционном устое преемственности знаний, опыта, взглядов.

Как правило, одновременно живут три-четыре поколения. Между ними складываются различные отношения – сотрудничество и доверие, взаимопонимание и согласие, поддержка и помощь – на основе общих жизненных ценностей. Но возможна и другая ситуация. Отношения становятся напряженными, и возникают конфликты, разногласия,

взаимная критика и открытая враждебность.

Сложность современного этапа развития общества в том, что каждое поколение имеет свои жизненные ценности. Это не конфликты в традиционном понимании, это разный образ мысли, так как каждое поколение рождалось и социализировалось в качественно новых условиях. Оно априори не могло походить на предыдущее. Поэтому преемственность – удел, увы, очень ограниченных сфер жизни, не всегда затрагивающий ключевые области развития отдельного поколения.

Эти события имеют как положительные, так и отрицательные последствия для каждого поколения. К первым можно отнести незашоренность, отсутствие догм «должного», свободу выбора и самоопределения; ко вторым – отсутствие понимания и поддержки со стороны старших родственников, отсутствие сферы безопасности и принятия, отсутствие родовых опор.

Простые и наглядные примеры трансформации ценностей поколений происходят в повседневном пространстве: большая эмансипация женщин, уменьшение количества детей в семье, увеличение семей с одним родителем, официальное возникновение однополых браков, изменение условий качества жизни и т. д. Это все – показатели переоценки базовых установок представителей разных поколений.

К тому же недавнее прошлое нашей страны повлияло на негативную оценку знаний о своем роде. Генеалогия была не в почете, что привело к тому, что в лучшем случае наши современники знают 3–4 поколения своей семьи, да и то в общих чертах, что усложняет процесс понимания преемственности поколений.

Сегодня отношение к генеалогии меняется. Но вырванный кусок памяти сложно восстановить, его можно лишь заменить, т. е. сконструировать заново, что является, по большому счету, не преемственностью, а реконструкцией

преимущества поколений. Увы, это реальность наших дней.

Но, тем не менее, мы можем говорить и изучать исторические поколения. Историческое поколение – период, в течение которого живет и активно действует данное поколение, становясь современником событий эпохи, оказавших влияние на его духовный облик. Иногда ему придают символическое значение, называя поколением «Великой Отечественной войны», поколением «шестидесятников», «поколением перестройки и рыночных реформ».

Поколение – это качественная характеристика эпохи. Чем значительнее историческое событие, тем длительнее его историческое воздействие, тем шире хронологические рамки его влияния. Именно исторические, социокультурные события формируют духовную сопричастность и взаимное понимание поколений. Эти события формируют единство поколений современников и потомков. Оценка, отношение, память к событиям формируют преемственность поколений. То, что развитие общества ускоряется, не значит, что оно теряет нравственность, мораль и иные ценности. Они изменяются. Задача ученых – понять механизм и направленность этих изменений, чтобы процесс трансформации преемственности поколений проходил более мягко и в обществе усиливалась интеграция.

Метафоры, связывающие воедино этапы индивидуального жизненного пути с историческими событиями, значимыми для всех людей, живущих в данный период, выражали становление нового, культурно-исторического понятия поколения, для которого существенно не столько хронологическая одновременность существования группы людей, сколько общность их значимых социальных переживаний и деятельности. Такие символические общности («политическое поколение», «культурное поколение», «литературное поколение») играют важную роль в историческом исследовании. Но данные конструкции весьма условны.

Функциональная теория Т. Парсонса гласит, что любая социальная система обладает такими характеристиками, как устойчивость (способность возвращаться в равновесное состояние), самоорганизация (способность накапливать и транслировать информацию) и целостность (несводимость свойств системы к сумме свойств ее элементов и невыводимость из свойств последних целого) [4].

Эти характеристики свидетельствуют о самоуправляемости системы, стремящейся к естественной интеграции для сохранения равновесия системы. Причем идеальный момент – полная консолидация общества – практически никогда не наступает, так как каждый из элементов социального устройства и личной воли отдельных людей и целых поколений находится в постоянном движении. Можно лишь говорить об относительной солидарности общества или группы; в иной момент времени ситуация сплоченности может быть прямо противоположной. Но все же общие тенденции либо объединения, либо дезинтеграции характерны для отдельных поколений и социальных групп.

Схема солидарности поколений формируется через конструирование солидарности и использование предзаданных факторов. Примером первого является идеология государства, например СССР, направленная на формирование «советского человека», а не представителя какого-то этноса, проживающего на территории страны. Или же религия, объединяющая людей разного национального и этнического состава, но которые верят в одних богов. Примером второго является влияние внешних, чаще природных причин на консолидацию общества или отдельных поколений. Например, свидетели экологических катастроф (наводнений, извержений вулканов или землетрясений) объединяются между собой как свидетели большого эмоционального и физического потрясения и являются единым целым.

Обобщая данные всех нарративных интервью (Исследование состояло из опроса (640 анкет) и полуструктурированного нарративного интервью (78 человек) и анкетирования (640 анкет)), мы смогли выделить нормативный и индивидуальный жизненный сценарии, которые вместе определяют жизненный мир человека и поколения. Нормативный жизненный сценарий – это совокупность обязательных маркеров, отвечающих требованиям своего времени и своего поколения.

Нормативный жизненный сценарий включает в себя совокупность и примерную последовательность событий, типичных для данной культуры. Как отмечает К. Клакхон, «любая отдельная культура формирует нечто вроде плана всей жизнедеятельности человека» [2]. Нормативные сценарии в каждой культуре достаточно близки, что позволяет говорить о том, что они отражают универсальные ценности. Но в то же время они трансформируются от поколения к поколению в виде формирования новых традиций, новых способов адаптации и социализации, новых опытов усвоения знания. Например, глобальный скачок в науке, в развитии сети интернет потребовал качественного переосмысления опыта социализации детей, что было просто недопустимо еще 50 лет назад.

Чем младше человек или целое поколение, тем больше к нему предъявляют нормативных требований представители других поколений. Нормативные сценарии – это условие того, что человек или группа людей будут «как все» в ключевых моментах социализации. В нашей стране с начала XX в. закрепились такие нормативные сценарии, как обязательное школьное обучение или владение навыками чтения и письма. Однако даже такие нормативные сценарии каждый проходит по-своему, внося тем самым индивидуальный жизненный сценарий, формируя уникальный опыт своего жизненного мира.

Индивидуальные жизненные сценарии формируются благодаря выбору хобби, увлечений, профессии. Это вли-

яет на нормативный сценарий, но в целом может быть симптоматичным для поколения. В любом случае жизненные выборы, следующие нормативной модели или отклоняющиеся от нее, формируют уникальную модель жизненного мира поколения.

Чем старше человек, тем большее значение он придает социальным событиям и достижениям, связанным с решением жизненных задач (по сравнению с внутренними событиями, событиями-переживаниями); при этом общее количество событий, оцениваемых в качестве жизненно значимых, начинает уменьшаться, происходит их более жесткая оценка.

Жизненный сценарий поколения строится на основе пространственно-временного восприятия (прошлого – настоящего – будущего) и ценностных ориентаций, доминирующих в обществе.

Условно старшее поколение социализировалось и реализовывалось в условиях необходимости выживания, конструирования нового светлого будущего. Это поколение имело глобальные цели, реализуемые через несколько поколений.

Условно среднее поколение вошло в «век изобилия» или «эру праздности», когда их условия жизни находятся на достаточно высоком уровне, и именно для них становится более актуальным вопрос смысла жизни. Поиск новых ориентиров выражается в смене культурных ценностей (например, движение «хиппи» 60-х гг. XX в., движение «яппи» 70-х гг. и т. д.).

Многие авторы пытались раскрыть это по-своему. Э. Фромм выделил несколько форм бытия: «Обладание и бытие являются двумя основными способами существования человека, преобладание одного из которых определяет различия в индивидуальных характерах людей и типах социального характера» [12]. В. Н. Дружинин выделяет разные типы «вариантов жизни»: «жизнь как предисловие», «жизнь как достижение», «жизнь по правилам», «жизнь-время-препровождение» [1] и т. д.

Под биографией поколения мы понимаем рационализацию собственного жизненного мира через нарративный рассказ о ключевых событиях, явлениях и процессах, которые произошли при жизни человека и произвели на него впечатление. Особенно нас интересовала интерпретация человеком данного воздействия. Это могли быть события, явления и процессы, как касающиеся всей страны, района или города, так и личного характера. Можно реконструировать коллективную биографию на основе автобиографических воспоминаний, которые покажут взаимосвязь биографии поколения с историческими событиями (покажут формирующую роль нормативных событий).

Восприятие человеком своего жизненного мира может идти по нескольким направлениям. Первое – это рассказ о своей жизни в контексте социального воспроизводства. Второе – это рассказ о своей жизни, едва касающийся внешних обстоятельств социального развития. Третье – смешанный тип, включающий и первое, и второе направление в равном соотношении. Такое деление условно, но оно позволяет увидеть общие, доминирующие черты и характеристики каждого из поколений.

Важной чертой, возможно, говорящей о российском менталитете, является указание на ключевые социальные институты, подтверждающие личный статус, вне зависимости от того, вошел в них человек или не вошел. Например, «свадьба» – отрыв от родительской семьи, «рождение ребенка» – материнство или отцовство, «смерть родителей» – осознание того, что ты последний в роду, и т. д. Причем важным является то, что практически все (95 %) указывали на данные институты, вне зависимости от того, входили они в них или нет. «Невыход замуж» так же важен, как «замужество» в личной или коллективной биографии. И это отмечается как важная черта характера эпохи. В табл. 1 приведена типология, предложенная Т. Е. Резник и Т. Ю. Резник [9], которую

мы использовали в своем исследовании в отношении биографии поколений.

Чтобы определять жизненный мир человека, стать реальными ориентирами, образы, смыслы, ценности, нормы и цели должны стать установками поведения, постоянными практиками использования.

Данный процесс можно представить в следующем виде: перцептивные ориентации: жизнь как целостная реальность; смысложизненные ориентации: выбор целей и способов жизни; ценностные ориентации: приписывание оценки жизненным событиям и явлениям; нормативные ориентации: согласование внутренних представлений и поведения с внешними требованиями и нормами; целевые ориентации: выбор цели и способов ее достижения.

Идеальное содержание каждого предыдущего этапа более обширно и глубоко, чем последующего, но каждый последующий этап более многообразен в практике применения, чем предыдущий.

Объектом ориентаций личности во времени и пространстве, формирования ее жизненного мира выступают события жизни. Под жизненными событиями мы понимаем актуальные (представляющие для личности и ее социального окружения важный интерес), значимые (занимающие высокое место в ценностной иерархии личности) и организованные (упорядоченные) действия, осуществляемые в конкретных условиях места и времени. Несмотря на то что каждое событие жизни уникально и неповторимо, оно типично для определенного поколения; чем больше таких совпадающих событий, тем более четкая биография поколения получится.

Биография поколения также выполняет три ориентации: первая – социальная (как реализация социального положения через вхождение или выход из определенных групп), вторая – культурная (как приобщение или отход от принятых в обществе норм и правил), третья – личностная (как формирование интимных линий жизни). Следовательно, они определяют личное, социальное и культурное прошлое, настоящее и будущее поколения.

Таблица 1
Система жизненного ориентирования

Подсистемы ориентирования	Элементы системы ориентирования				
	Перцептивные	1. Смысло-жизненные	Ценностные	Нормативные	Целевые
Стратегическое ориентирование (в будущем)	Восприятие и предвосхищение будущего	Распознавание и осмысление будущего	Оценивание будущего и приписывание ему значений	Введение системы планирования, регуляции и контроля над будущими событиями	Определение предполагаемых или ожидаемых результатов
Оперативное ориентирование (в настоящем)	Восприятие текущих событий жизни	Понимание повседневной жизни	Оценка текущих событий по степени их значимости	Использование ситуативных правил и средств контроля	Формулирование и решение текущих жизненных задач
Ретроспективное ориентирование (в прошлом)	Восприятие и переживание событий в прошлом опыте	Припоминание и осмысление прошлого	Оценивание прошлого опыта жизни	Выработка критериев для ориентации в прошлом	Выдвижение ретроспективных целей

Жизненные сценарии, определяющие жизненный мир человека и поколения, формируются на личном уровне. Те, кто, рассказывая о себе, больше опирается на внешние институты – ищет в них поддержки, оправдания или указания на то, как правильно жить, в большей степени ориентируются на то, «как надо». Те, кто, описывая свой жизненный мир, в большей мере говорят о личных решениях и поступках, обладают большей верой в себя и более высокой самооценкой, но даже они, выстраивая свои жизненные планы, смотрят на социально одобряемые поведение и решения.

Итак, рассмотрим более подробно модели конструирования жизненного мира различных поколений через конструирование сценариев. В основу исследования была положена методика «Линия жизни» А. Кроника [3]. Методика была представлена испытуемым в виде слабоструктурированного автобиографического интервью. Участники исследования описывали свою жизнь, представляли «прошлое», «настоящее» и «будущее». Испытуемые, реконструируя в процессе интервью свою жизнь, выделяли в ней основные жизненные этапы (периоды), называли значимых

людей на каждом этапе, главные события жизни на каждом этапе, а также девиз своей жизни, который они хотели бы передать «младшему поколению».

Нами анализировалось 78 интервью, взятых у представителей трех условных поколений (по 26 на каждое поколение). Нами было выделено 1 564 жизненных события и 1 825 упоминаний значимых людей в разные периоды жизни. Интерпретация результатов строилась на основе сравнительного анализа упоминавшихся событий и значимых людей для трех поколений.

Для обработки результатов нами был использован контент-анализ (на основе деятельности экспертной группы, выделяющей категории анализа в биографиях). Благодаря данному инструменту анализа текстов мы смогли сравнить представленность тех или иных событий в жизни человека, значимость тех или иных лиц на каждом возрастном этапе, определив при этом статистическую значимость обнаруженных различий при помощи углового преобразования Фишера.

Возраст условно старшего поколения колеблется от 50 до 90 лет, условно среднего поколения – от 35 до 49 лет), условно младшего поколения – от 18 до 34 лет.

Как правило, условно старшее поколение имеет полное (36 %) или неполное (45 %) среднее образование. Среднее специальное и высшее образование представлено равнозначно, в совокупности каждый третий представитель условно старшего поколения окончил техникум или институт.

Значимой вехой историй многих представителей условно старшего поколения является переезд в город в детстве или юности. Как правило, переезд связан с работой или учебой в городе (довоенные и ранние послевоенные годы).

Условно среднее поколение фактически в равных долях представляет среднее специальное и высшее образование, т. е. это поколение обладает более высоким уровнем образования. Практически все представители условно среднего поколения в нашем исследовании – горожане по рождению.

Представители условно младшего поколения находятся в процессе обучения в вузе (45 %) или уже его окончили и получают второе высшее образование или ученую степень (55 %). Представители условно младшего, как и условно старшего поколения, являются горожанами по рождению.

Таким образом, рассмотренные нами поколения показывают существенное улучшение качества образования. Практически все представители условно старшего поколения закончили «семилетку», каждый третий респондент учился в техникуме или вузе.

Среди условно среднего поколения девять из десяти продолжили свое образование после школы в техникуме или вузе. Представители условно младшего поколения также ориентированы на высокий уровень образования (получая несколько высших образований или получая ученые степени).

Таким образом, анализируя ценности и жизненный опыт наших испытуемых, мы подчеркиваем, что речь в нашем исследовании главным образом идет об активных и образованных представителях своего поколения.

Для представителей условно старшего поколения получение образования было залогом успешной и социально одобряемой жизни. В довоенные годы получение образования позволяло строить карьеру, более активно включаться в работу партии и получать иные социальные преференции.

Для представителей условно среднего поколения, чья молодость пришлась на послевоенные годы, восстановление страны и освоение новых пространств, образование стало фактором, позволяющим изменить социально-стратификационную структуру, соответствующую на тот момент времени, соответствовать требованиям партии о человеке-труженике. Реформа образования после 1950-х гг. привела к тому, что на территории всей страны уровень образованности существенно возрос. И начиная с 1970-х гг. усиливался процесс развития производства, активизации женского труда в высокотехнологичных областях знаний, что требовало соответствующей квалификации. И соответственно, изменило жизненные ориентации представителей условно среднего поколения (как мужчин, так и женщин).

Каждое поколение разбило свою жизнь на отдельные этапы.

В среднем, жизнь условно старшего поколения разделена на 6 этапов, средней продолжительностью 14 лет. Жизнь условно среднего поколения разделена на 7 этапов, продолжительностью 7 лет, и жизнь условно младшего поколения уже условно разделена на 4 этапа, продолжительностью 5 лет. Интересен тот факт, что условно среднее поколение в 3 раза чаще, чем старшее, осваивало новые пространства (прежде всего географические – переезжали, ездили в отпуск, ездили на работу), условно младшее поколение в 6 раз больше, чем условно старшее, и в 3 раза, чем условно среднее поколение, осваивало новые пространства, правда, чаще это был туризм, работа, и на последнем месте, переезд семьи. Среди представителей условно младшего поколения появ-

ляется новая сфера освоения пространства – интернет, представители условно среднего и даже старшего поколений если и взаимодействуют с этим пространством, то все равно не считают его областью развития, расширения возможностей заработка, самореализации и т. д.

Поверхностный взгляд на обобщенный биографический портрет поколений позволяет говорить о сжатии времени и пространства в каждом последующем поколении, об изменении приоритетов важных жизненных событий и их последовательности, переосмыслении содержания этих этапов и их продолжительности. Но об этом речь пойдет ниже.

В табл. 2 приведены события, конструирующие жизнь каждого поколения.

Как видно из таблицы, значимых событий в жизни мужчин каждого поколения больше практически на треть, чем в жизни женщин этого же поколения (всего 1 654, из них мужских событий – 960, женских – 649).

Хотя с течением времени у женщин более младших поколений свершается все больше событий (уже сегодня у условно младшего поколения больше важных событий, нежели чем у условно старшего поколения). Это дает возможность констатировать, что эгалитарный тип культуры все больше входит в нашу жизнь. Стоит уточнить, что у каждого последующего поколения количество событий возрастает, вне зависимости от пола респондентов.

Таблица 2
События, конструирующие жизнь поколений

Группы События	Условно старшее поколение, %		Условно среднее поколение, %		Условно младшее поколение, %		Значимость различий	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
	331*	186	354	264	275	199	960	694
Родительская семья	21	29	17	20	14	12	p < 0,01	p < 0,01
Учеба	12	9	13	12	18	19	p < 0,05	p < 0,05
Работа	10	8	12	9	13	12	не значимы	
Место жительства	16	20	25	22	29	25	p < 0,01	p < 0,05
Межличностные отношения	10	12	11	10	17	22	p < 0,01	p < 0,01
Брак	12	18	10	12	4	6	p < 0,01	p < 0,05
Дети	13	13	13	15	3	5	p < 0,01	p < 0,01
Досуг	10	12	11	9	25	29	p < 0,01	p < 0,01
Саморазвитие	9	8	15	12	16	21	не значимы	
Новые впечатления	12	15	12	10	38	34	p < 0,01	p < 0,01
Идеалы	20	23	25	29	14	13	не значимы	
Рационализм	7	6	14	18	28	32	p < 0,01	p < 0,05

* Количество событий.

Разделение всех событий жизни на кластеры производила экспертная группа, выделяя сходные по социальному содержанию события-конструкты (всего 12). Более 25 % упоминаний получили кластеры событий, маркированные экспертной группой как «родительская семья», «работа», «место жительства», «брак», «межличностные отно-

шения», «учеба», «дети», «досуг», «саморазвитие», «новые впечатления», «идеалы», «рационализм».

Кластер «родительская семья» – «жизнь родителей», «родители помогли», «родители гордились», «родовой ресурс» и т. д.

Кластер «работа» – «устройство на работу», «работа в семье домработ-

ницей», «карьера», «признание», «авторитет», «профессионализм», «профессиональное развитие», «профессиональный рост» и т. д.

Кластер «место жительства» – «переезд в другой город», «переезд из села в город», «смена мест жизни», «распределение в другой город» и т. д.

Кластер «брак» – «встреча с будущим (ей) мужем/женой», «семейная жизнь», «отношение мужа/жены ко мне», «совместная жизнь» и т. д.

Кластер «межличностные отношения» – «друзья», «встречи с подругой/другом», «разногласия с учителями», «появление новых друзей», «старые друзья», «круг знакомых», «конфликты со сверстниками» и т. д.

Кластер «учеба» – «поступление в школу», «экзамены», «студенческая жизнь», «специальность», «диплом», «подтверждение знаний», «образование – это статус» и т. д.

Кластер «саморазвитие» – «мои желания», «уровень развития», «жизненные цели», «уверенность в себе», «ориентиры развития» и т. д.

Кластер «новые впечатления» – «увидела мир», «познакомилась с новыми людьми», «окунулась в новую культуру», «посмотрел на мир другими глазами», «открываю новые места для себя» и т. д.

Кластер «досуг» – «отдых», «развлечения», «хобби» и т. д.

Кластер «идеалы» – «я верю, что все будет хорошо», «мы жили светлыми идеалами», «мы строили светлое будущее», «мои убеждения непоколебимы прожитыми годами», «ценно то, чему знаешь цену», «важно то, что сам заработал» и т. д.

Кластер «рационализм (прагматизм)» – «важно иметь СВОЮ ответственность», «необходимо иметь прибыльную работу», «надо быть хорошим специалистом, чтобы за тебя держались» и т. д.

Некоторые события имели сложное содержание и могли быть представлены сразу в нескольких кластерах, их

категоризация происходила после обсуждения. Так, например, «переезд после распределения на Север в Якутию» можно отнести и к событиям трудовой деятельности, и к новым впечатлениям. Или же «обучение в университете дало возможность сформироваться полноценной всесторонней личности» можно отнести и к «событиям саморазвития», и к «учебе».

Итак, в целом события, конструирующие жизнь каждого поколения, схожи. Для представителей условно старшего поколения это был образ типичного советского человека, строящего светлое будущее, отстаивающего общечеловеческие ценности, ориентиры партии и идеологии страны.

«Учеба – брак – дети – работа» – формула жизни условно старшего поколения. Идеалы и ценности, условия жизни и приоритеты определили партия и власть.

Жизнь представителей условно среднего поколения включает в себя большее число кластеров, определяющих жизнь, но при этом появляется одна четкая линия – «профессиональное развитие является продолжением личностного развития». Мужчина может реализоваться только в профессии, иные сферы фактически исключены. У женщин кроме профессии остаются «дети» в формате исполнения высшего женского долга. Данные результаты зависят от ценностных аспектов эпохи их молодости.

Представители условно старшего поколения ориентированы на полное послушание власти, традиционные ценности в семье и личном развитии. Представители условно среднего поколения более независимы и ориентированы профессионально (становится важно где, кем и во имя чего работать), тогда как старшее поколение работу «в городе», «на производстве» воспринимало как ценность и благо.

Что касается личной и семейной жизни, то представители условно старшего поколения практически не разво-

дилься, если оставались одни, то в результате смерти одного из супругов. Представители условно среднего поколения значительно чаще разводятся, хотя для них брак все еще является условием и залогом рождения детей. Их жизнь составляют также дети и работа.

«Учеба – брак – место жительства – дети – работа – идеализм» – это формула жизни условно среднего поколения.

Жизненный сценарий условно младшего поколения конструируется как «*межличностные отношения – саморазвитие – родительская семья – учеба – работа – рационализм – новые впечатления*». Это их формула жизни.

Нормативные события больше доминируют в жизни условно старшего и условно среднего поколений. Индивидуальная траектория все чаще встречается среди представителей условно младшего поколения.

Снижение значимости брака у представителей условно среднего поколения угадывается по снижению числа событий, связанных с замужеством и количеством рожденных детей. С другой стороны, именно это падение значимости брака обуславливает профессиональное развитие. И мужчины, и женщины тратят свою энергию на карьеру. Достаточно высокий уровень идеализма в молодости сегодня сталкивается с разочарованием и одиночеством у представителей именно среднего поколения.

Для условно младшего поколения новые события и впечатления, связанные с межличностными отношениями (не всегда приводящими к браку), обучение и рациональный подход к построению своей жизни являются доминирующими. Эгоцентризм этого поколения обусловлен накопленной энергией предыдущего поколения.

«Значимые люди» для каждого поколения также различаются. Накладывают отпечаток историческая ситуация и условия жизни каждого поколения. Например, значимость «воспитателя» и «школьного учителя» важна для представителей условно среднего поколения, так как их социализация и становление проходили в

социальных учреждениях (детских садах и школах). Представители условно старшего поколения в большинстве своем не ходили в детский сад, и учитель был важен, но не запомнился как значимая фигура; для них важны родственники (отец, мать, бабушка) и известные политические фигуры того времени (Ленин, Сталин, Брежнев). Для условно младшего поколения данные категории даже не упоминались при ответах, что позволяет говорить о смещении фокуса внимания с выделения значимых людей из круга «воспитывающего» человека на круг воспитания кем-либо («кумиры» – звезды шоу-бизнеса, эстрады, бизнесмены и проч.). В табл. 3.15 представлены основные кумиры представителей трех условных поколений.

Из 1 825 упоминаний значимых людей женщины указали большую часть (1 102), чем мужчины (723). Это говорит о том, что желание опоры на значимых людей у женщин развито сильнее и каждое последующее поколение ищет этой опоры во все большем количестве людей, но при этом находит их не в семейно-родственных отношениях, а в отношениях, связанных с работой, учебной или межличностными отношениями.

Как видно из табл. 3, значимость родителей, мамы и отца по отдельности от поколения к поколению падает. То же можно сказать о роли мужа и жены в реестре значимых людей человека. В социокультурном смысле это показатель нивелирования ценности семьи как таковой и значимости тех людей, кто составляет жизнь отдельного человека. Это косвенный показатель нивелирования преемственности поколений, отсутствия желания или возможности прислушиваться к опыту старшего поколения. И концепция типов культуры М. Мид приобретает дополнительную актуальность (Постфигуративная – где дети прежде всего учатся у своих предшественников, конфигуративная – где и дети, и взрослые учатся у сверстников, и префигуративная – где взрослые учатся также у своих детей.).

Таблица 3
Значимые люди в жизни разных поколений (первые десять ролей в общеролевом списке значимых людей в жизни каждого поколения)

Группы Значимые люди	Условно старшее поколение, %		Условно среднее поколение, %		Условно младшее поколение, %		Значимость различий	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
	Всего ролей – 25 упоминаний – 220	Всего ролей – 28 упоминаний – 321	Всего ролей – 29 упоминаний – 243	Всего ролей – 35 упоминаний – 389	Всего ролей – 31 упоминаний – 260	Всего ролей – 38 упоминаний – 392		
Родители	24	25	18	22	17	16	p < 0,01	p < 0,01
Мама	15	19	15	15	13	14	p < 0,05	p < 0,05
Отец	19	18	17	19	13	12	не значимы	
Муж/жена	22	22	18	–	–	–	не значимы	
Дети	30	39	4	8	–	–	не значимы	
Внуки	37	45	–	–	–	–	не значимы	
Воспитатель	–	–	11	15	–	4	p < 0,01	p < 0,05
Учитель	5	–	16	18	1	2	p < 0,01	p < 0,01
Сестры и братья	10	12	17	18	–	–	p < 0,01	p < 0,01
Друзья	–	–	21	22	29	30	не значимы	
Одноклассники	–	–	16	18	28	38	p < 0,01	p < 0,01
Коллеги	–	–	24	28	26	27	не значимы	
Начальник	–	–	12	15	18	26	p < 0,01	p < 0,05
Политические лидеры	36	38	35	35 %	5	6	p < 0,01	p < 0,01
Представители общественности	3	4	8	4	22	19	p < 0,01	p < 0,01

Стоит обратить внимание на то, что у женщин условно среднего поколения и мужчин и женщин условно младшего поколения отсутствует значимая связь (или ценность) с мужем или женой (соответственно), тогда как у старшего поколения муж/жена являлись обязательными значимыми персонками. По нашему мнению, это является результатом социальных перемен, произошедших в XX в. на рынке труда, правового равноправия и иных процессов, запущенных феминистским движением и правовыми организациями практически во всем мире. Результат – не только нарушение традиционных связей между поколениями, но и внутри одного поколения – в виде изменения ролевых, ста-

тусных и ценностных основ людей, вступающих в брак. И дело не в уровне заработка мужа и жены в семье, распределении домашних обязанностей, принятии решений о покупках, распределении иных ресурсов, принятии решений или чем-то еще, а в том, что произошли изменения в ведении быта, приготовлении еды, развитии сферы услуг. Эти процессы трансформировали на более глубоком уровне отношения внутри семьи: созависимость как система отношений в браке изменилась на соучастие и партнерство, а это уже не такая жесткая связь, она не предполагает непосредственного изменения условий и возможностей жизни при расставании с одним из партнеров.

Для условно старшего поколения значимость детей и тем более внуков значительно более выражена, чем у других поколений, в силу пересмотра смысловых ориентаций и жизненного опыта как такового. Большая часть условно старшего поколения живет для детей и внуков. Для условно среднего поколения ценность детей (внуки пока отсутствуют) меньше, чем для их родителей, в силу восприятия ребенка не как самостоятельной личности, а как части себя; невозможность ценить самого по себе своего ребенка является результатом потребности быть кому-то нужным.

Сестры и братья условно старшим и средним поколением воспринимаются как значимые люди в силу того, что они уже состоялись (в большинстве случаев социально) как личности, профессионалы и как члены семьи, поэтому их ресурс значим и важен. Для условно младшего поколения братья и сестры воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, поэтому их ценность как значимых людей пока недостаточно осознается. Возможно, тут влияет увеличение эгоизма среди условно младшего поколения, братья и сестры воспринимаются не как значимые люди, а как люди, способные посягнуть на их зону комфорта.

Интересными данными являются выделенные разными поколениями значимые люди среди политических лидеров и общественных деятелей. Условно старшее поколение называло такие персоны, как Ленин, Сталин, Брежнев, Хрущев и т. д. – всех тех, кто руководил страной в разные исторические периоды. К ним прислушивались, их знали и в какой-то мере ориентировались на них. Условно среднее поколение значительно меньше количество политических фигур называет в положительном контексте, появляются негативные оценки тех же персон (Сталин, Ельцин), но при этом они все же остаются значимыми. Для условно младшего поколения политические фигуры не столь актуальны, но и они называют такую фигуру,

как В. Путин (иных упоминаний не было).

Группа общественных деятелей очень разнообразна – от звезд шоу-бизнеса до руководителей правоохранительных организаций. Это люди, известные в общественном дискурсе по личному поведению и профессиональной деятельности. Важность этих фигур возрастает от поколения к поколению. Представители условно старшего поколения называют такие фигуры, как И. Кобзон (как певца и политика), Н. Михалков (как режиссера). Представители условно среднего поколения называли таких персон, как А. Кабаева (как гимнастку, политика и представителя бизнеса), И. Хакамада (как политика, ученого, тренера). Представители условно младшего поколения называли значительно больший круг общественных деятелей (П. Дуров, М. Ходорковский, А. Кабаева, К. Собчак, С. Лавров, О. Дерипаска и др.).

Роль общественных деятелей условно младшим поколением оценивается значительно выше, чем другими поколениями. Это вызвано тем, что для них значимость в большей мере связана с успехом и признанием в разных сферах (от спорта до политики, от бизнеса до шоу-бизнеса). И значимые фигуры являются своего рода героями наших дней. Это также согласуется с данными, полученными нами в ходе опроса (см. главу 2).

Дополнительным фактором, иллюстрирующим перестройку ценностей с семейных (традиционных) на социальные (современные), является постоянное увеличение значимости друзей, одноклассников, коллег и начальства. Среди условно старшего поколения эти фигуры никто не называл, каждое последующее поколение все больше видит значимых персон среди них. Это означает, что людей все больше объединяет не кровное родство, а источники совместного опыта и совместных переживаний, возможности построения карьеры и заработка денег. Все больше индивидуализируется круг людей, являющихся значимыми для целого поколения.

В процессе интервью наши респонденты указывали свои жизненные девизы, которые отражали их жизненный

опыт и мудрость и могли передаваться последующим поколениям (табл. 4).

Таблица 4
Жизненные девизы представителей трех условных поколений

Группы Категории девизов	Условно старшее поколение, %		Условно среднее поколение, %		Условно младшее поколение, %		Значимость различий	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
Традиционные семейные роли	49	53	25	28	10	15	не значимы	
Отношение к детям	46	43	27	38	20	22	p < 0,01	p < 0,01
Отношение к людям	31	37	36	35	32	35	не значимы	
Отношение к работе	65	64	59	63	55	51	не значимы	
Отношение к учебе	45	44	49	43	45	44	не значимы	
Саморазвитие и самовыражение	–	–	26	29	48	43	p < 0,05	p < 0,05
Счастье	–	–	28	29	56	53	p < 0,01	p < 0,05
Моральные нормы	27	33	35	34	31	33	p < 0,01	p < 0,01

Жизненные девизы представителей условно старшего поколения отражают традиционные роли как в семье, так и на работе. Оценка семейных ролей: «цени мужа», «цени жену», «уважай мужа», «слушайся мужа», «сохраняй семью». Отношение к детям: «счастье в детях», «все лучшее – детям», «все утешение в детях», «надо жить для детей». Отношение к работе: «работай честно», «много работай», «выполняй свою работу хорошо», «счастье в труде». Отношение к людям: «будь хорошим человеком», «уважай других людей». Моральные нормы: «не обманывай и не воруй», «будь добрым и честным к людям», «твори добро». Отношение к учебе: «учись и будешь настоящим человеком». Такие категории, как самовыражение и счастье, не представлены в девизах условно старшего поколения. Важно преодолевать трудности, оставаясь на высоте, не теряя свое лицо, честь и совесть; соблюдать моральные нормы. Также высок страх осуждения со стороны ближайшего окружения. Жизненные девизы этого поколения сформированы под страхом нарушения семейных норм и ролей, социального осуждения или даже наказания. Особо подчеркивается важность детей и работы.

Среди представителей условно среднего поколения помимо традиционных ценностей – «счастье в детях», «жить ради детей», «относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе», «цени родителей» – появляется новая ценность – самоценность: «цени себя», «слушай только себя», «рассчитывать можно только на себя» и т. д. Появляется черта индивидуализации и возможности полноценной жизни вне контекста традиционных ролей, хотя дети как ценность все также сильны. Также заметна обыденность работы: «делу время – потехе час», «учись и работай на совесть», «работай честно». В этих девизах исчезает счастье от труда и появляется ответственность за то, что ты делаешь и что останется после тебя. Весьма ответственное отношение к учебе: «знания – сила», «учись и работай на совесть». Моральные нормы у этого поколения достаточно сильны: «не обманывай и не воруй», «как аукнется, так и откликнется», «замечай хорошее, а плохое забывай».

Условно младшее поколение еще более индивидуализируется и эгоцентрируется, все более отходит от социальных ценностей к ценностям личным. Моральные нормы у этого поколения

полны двойных стандартов: «все методы хороши для исполнения своей мечты», «только успешные люди заслуживают восхищения» и т. д. Все больше усиливается гедонистический настрой: «цени себя», «слушай только себя», «лови момент», «наслаждайся жизнью, иначе это сделает кто-то другой», «стремись к совершенству», «достигаю поставленных целей не смотря ни на что» и т. д. Представители этого поколения предпочитают «работать, как творить»: «любая работа – это способ самовыразиться» и сначала работать, а потом отдыхать: «сделал дело – гуляй смело», «без труда не вытянешь и рыбку из пруда». К учебе относятся также достаточно серьезно: «учеба – это шаг к успеху», но при этом важна прагматическая ценность знаний: «умей использовать то, что ты знаешь», «продавай свои знания». Девиз о счастье есть только у представителей условно младшего поколения: «живи хорошо», «живи настоящим», «радуйся жизни».

Представители условно старшего поколения выполняли «традиционные мужские» и «традиционные женские» сценарии (цель – быть, как все). Общий девиз этого поколения – *служение*. Представители условно среднего поколения опирались на внешние институты, искали поддержки вне традиционных рамок (цель – найти того, на кого можно походить или положиться). Общий девиз этого поколения – *взаимодействие*. Представители условно младшего поколения ориентированы на Я-сценарий, не похожий на сценарии предыдущих поколений и жизненные сценарии современников (чем больше ты выделяешься, тем большим можешь гордиться). Общий девиз этого поколения – *наслаждение*.

Представители условно младшего поколения в большей мере иллюстрируют рассогласование ценностей и жизненных сценариев, желая достигать в одних областях равноправия и даже превосходства (работа, учеба), а в дру-

гих – традиционного деления (семья). Но, как правило, происходит перекокс либо в одну, либо в другую сторону – не получалось выстроить карьеру из-за семейных обязанностей, либо не получалось сохранить семью из-за работы.

Но стоит признать: каждое новое поколение все же строит новые жизненные сценарии, трансформируя традиционные образы. Хотя бы потому, что условия и возможности жизни разных поколений происходили в разных социокультурных и исторических условиях.

Сценарные линии поколений во многом обусловлены объективными факторами (развитие производства, получение социальных прав и гарантий, развитие процессов глобализации и виртуализации, изменение общественных практик по отношению к женщинам, детям и пенсионерам и т. д.). Таким образом, мы видим, что изменение общества, объективные факторы приводят к тому, что для каждого нового поколения ситуация социального развития становится иной: то, что было характерно для условно старшего поколения, не может отвечать задачам социального развития следующих поколений. Независимо от субъективного опыта целого поколения новые жизненные условия требуют самостоятельности, независимости и очень гибкого отношения к наследию предыдущих поколений. То есть можно констатировать, что современное российское общество движется от преемственности и солидарности межпоколенных связей к разорванности последних, индивидуализму и эгоцентризму. Объединение поколений происходит не вокруг традиционных, родовых связей, а вокруг инструментальных ценностей – признания и успеха в карьере, труде, профессии.

Каждое поколение отличается от предыдущего стилем мышления, ценностными ориентациями, идентификацией, стилями и целями взаимоотношений, статусно-ролевыми позициями, социальными установками и стереотипами поведения. Нормативные условия

и индивидуальные стратегии в разные исторические периоды неодинаково влияют на жизненные сценарии поколений, начиная от пространственно-временных координат и заканчивая системой мировоззрения и жизненным миром, определяющихся социально-историческими процессами каждого поколения.

Литература

1. Дружинин В. Н. Варианты жизни: очерки экзистенциальной психологии. М. : ПЕРСЭ; СПб. : Иматон-М, 2000. С. 76–78.
2. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию : пер. с англ. СПб. : Евразия, 1998. 352 с.
3. Кроник А. А. Life-line и другие новые методы в психологии жизненного пути. М. : Прогресс-Культура, 1993. 230 с.
4. Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М. : Акад. проект, 2002. 832 с.
5. Полюшкевич О. А. Критерии взаимодействия жизненного мира и качества жизни // Социология. 2008. № 4. С. 208–221.
6. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений : монография . – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 144 с.
7. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.
8. Полюшкевич О.А. Семейная история как социальная практика // Социология. 2019. № 3. С. 88-92.
9. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности. М. : Наука, 1996. С. 35.
10. Тойнби Л. Цивилизация перед судом истории. М., 1996. С. 26.
11. Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997. С. 14.
12. Фромм Э. Иметь или быть? : пер. с англ. М. : Прогресс, 1990. С. 22.

Generational Life Scenario

Polyushkevich O.A.

Irkutsk State University

Annotation. The article discusses the theoretical approaches to the formation of the life scenario of generations, analyzes the mechanisms and principles of development of life models of various generations. The results of an empirical study on the dynamics of life scenarios of representatives of three generations of Russians are presented.

Keywords: generations, life scenario, values of generations, representations of generations, norms of generations

References

1. Druzhinin V. N. Variants of life: essays on existential psychology. M.: PERSE; SPb. : Imaton-M, 2000. S. 76–78.
2. Klakhon K. Mirror for man. Introduction to Anthropology: Per. from English SPb. : Eurasia, 1998.352 s.
3. Kronik A. A. Life-line and other new methods in the psychology of life. M.: Progress-Culture, 1993.230 p.
4. Parsons T. About social systems / ed. V.F. Chesnokova, S.A. Belanovsky. M.: Acad. project, 2002.832 s.
5. Polyushkevich O. A. Criteria for the interaction of the life world and quality of life // Sociology. 2008. No. 4. P. 208–221.
6. Polyushkevich O. A. Solidarity of generations: a monograph. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2014.144 s.
7. Polyushkevich O. A. Sociocultural solidarity: a monograph. Irkutsk: Publishing House of ISU, 2011.221 s.
8. Polyushkevich O.A. Family history as a social practice // Sociology. 2019.No 3. S. 88-92.
9. Reznik T. E., Reznik Yu. M. Life strategies of personality. M.: Science, 1996.S. 35.
10. Toynbee L. Civilization before the court of history. M., 1996.S. 26.
11. Toffler A. Futuroshok. St. Petersburg, 1997.S. 14.
12. Fromm E. To have or to be? : per. from English M.: Progress, 1990.S. 22.

Стратификация представлений о социальном неравенстве в российском обществе: «классы представлений» vs «классы социума»

Шерemet Александр Николаевич.
кандидат социологических наук, доцент,
старший научный сотрудник лаборатории соци-
ально-экономических проблем человече-
ского развития ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
201071sh@gmail.com

Вопрос поиска наиболее подходящих мето-
дов расчета признаков, которые классифици-
ровали бы и проявляли расположение опре-
деленных социальных групп в системе соци-
альной иерархии, остается открытым. Обыч-
но в неспециализированных опросах
употребляются лишь несколько признаков,
которые косвенно свидетельствуют о нера-
венстве и которые уместно использовать для
стратификации респондентов. Чаще всего
это переменные, относящиеся к социально-
демографическому блоку, а именно: матери-
альное положение, доход, субъективная
оценка социального положения на мнимой
лестнице и тому подобное. Учитывая то, что
в специализированных исследованиях
встречается гораздо больше признаков, фик-
сирующих различные проявления неравен-
ства, возникает потребность в агрегации по-
лученной информации, а разбор пригодных
для этого методов требует более подробного
осмотра. В статье предпринята попытка со-
здать стратифицированную классификацию.
Главной целью предлагаемой статьи явля-
ется разработка нового варианта классифи-
кации на основе оценок, выставленных ре-
спондентами в отношении ситуаций неравен-
ства в различных сферах социальной жизни,
которые дали бы возможность рассчитать
переменную, различия в значениях которой и
формируют иерархию. Последняя является
не пластовой структурой общества, а верти-
кально ориентированной последовательно-
стью представлений опрошенных о положе-
нии дел относительно неравенства в каждом
отдельном случае или в целом. Конечным
результатом оказываются «классы представ-
лений», а не «классы социума». При том, что
их «носителям» присущи конкретные соци-
ально-демографические характеристики, со-
вокупность которых образует генерализован-
ный эмпирический тип, что подлежит и под-
дается описанию.
Ключевые слова: социальное неравенство,
социальная структура, социальный капитал,
фактор, развитие.

На современном этапе развития
научной мысли, исследования традици-
онной проблемы социогуманитарных
наук – социального неравенства – с по-
мощью стратифицированных классифи-
каций не новы [2, с. 60]. Подходы для от-
ражения вертикального среза социаль-
ной структуры общества условно разде-
ляют на категориальные, согласно кото-
рым общество разделено на ограничен-
ное количество категорий, которые од-
новременно являются внутренне одно-
родными, а внешне неоднородными, и
непрерывными [7, с. 3]. Это предпола-
гает континуум социальных категорий,
для определения которых можно ис-
пользовать как один параметр, так и их
многообразие [5, с. 585].

Примером категориального подхода
служит известная в европейской тради-
ции классовая схема, названная по пер-
вым буквам фамилий ее создателей –
Роберта Эриксона, Джона Голдторпа и
Люсена Портокареро – EGP-схема [1, с.
17]. Ключевыми для ее конструирования
являются объективные критерии,
например: профессиональная принад-
лежность индивида (сфера деятельно-
сти), характер занятости и тип заклю-
ченного трудового контракта [6, с. 29].
Примером непрерывного одномерного
подхода является шкала престижа про-
фессий Д. Треймана, который использо-
вал суждения индивидов относительно
социального положения других, а
именно относительно профессий [8, с.
295]. Социально-экономический индекс
(SEI), начальная идея разработки кото-
рого принадлежит А. Данкену, – состав-
ляющая многомерного непрерывного
подхода. Параметрами для его констру-
ирования является престиж профессии,

уровень образования и дохода [3, с. 146].

Способ, с помощью которого О. И. Шкаратан с коллегами описывает социально-экономическое неравенство, также является примером подобного подхода. Классификация создавалась с использованием параметров, которые в результате энтропийного анализа были признаны наиболее дифференцирующими респондентов. Такими параметрами стали: владение предприятием или фирмой, ценными бумагами или облигациями, основной источник доходов, уровень властных полномочий, попытка организовать собственное дело [10, с. 394].

Кроме того, к этой группе относится трехкомпонентная конъюнкция, сконструированная под руководством В.В. Локосова, которая для размещения респондентов в плоскости неравенства комбинировает объективные и субъективные критерии и предполагает многомерный анализ в контексте концептуальной модели «позиции & диспозиции & практики» [9, с. 32].

Эмпирической основой работы стал информационный массив модуля по изучению социальных неравенств («Social Inequality»), периодически возобновляемый в рамках Международной программы социального исследования (ISSP) и впервые проведенный в России [4, с. 116]. Опрос проводился 12-22 мая 2020 года, по случайной выборке было опрошено 2012 респондентов, которые по демографическим, образовательным и региональным признакам репрезентировали взрослое население старше 18 лет.

Анкета модуля по изучению социального неравенства содержит пятьдесят вопросов. Для конструирования нашей классификации были отобраны двадцать девять вопросов, касающихся возможности осуществить карьеру, получить высшее образование, получить должное обслуживание в сфере здравоохранения. Для дальнейшего анализа список из двадцати девяти характери-

стик, описывающих различные ситуации проявления неравенства, был сокращен до обобщенных показателей. В этом случае факторный анализ является приемлемым методом, поскольку значение критерия адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина (КМО) равен 0,7, а критерий сферичности Бартлета статистически значим на уровне 0,001. Факторы определялись методом главных компонент. Учитывая величину собственного значения, доли выявленной дисперсии, а также с помощью диаграммы «Chart Edit» выбор был остановлен на десяти факторах, которые в целом описывают 66,3 % общей дисперсии. Путем использования ортогонального метода вращения «Варимакс» была получена достаточно простая структура взаимосвязей, и большие значения коэффициентов факторной нагрузки для переменных рассчитаны лишь для одного из факторов (более 0,6).

Таблица 1
Факторы оценок неравенства

№ фактора	Название фактора	% дисперсии
1	Острота социального конфликта	13,4
2	Важность социального капитала для достижения успеха	10,8
3	Важность признаков, дифференцирующих для достижения успеха	7,6
4	Чувство социальной справедливости	6,5
5	Доступность высшего образования в соответствии с признаками, которые далее стратифицируют	5,7
6	Оценка разницы в доходах	5,6
7	Важности личных качеств для достижения успеха	4,8
8	Оценка перераспределения богатства в обществе	4,3
9	Оценка справедливости оплаты труда	3,8
10	Доступность высшего образования в соответствии с признаками, которые дифференцируют	3,7

Первый фактор (табл. 1) интегрирует переменные, взаимная корреляция которых обуславливает наибольшую долю общей дисперсии – 13,4 %. Он, очевидно, отражает социальные конфликты и объединяет оценки их остроты между людьми на вершине общества и людьми из низов, бедными и богатыми, между руководителями и подчиненными и т.п.

Следующий фактор воспроизводит важность социального капитала для достижения успеха, так как наибольшие значения коэффициентов факторных нагрузок рассчитаны для переменных, которые измеряют важность политических связей, знакомств с нужными людьми, взяток и происхождение из богатой семьи для достижения успеха и осуществления карьеры (10,8 % выявленной дисперсии). Фактор, описывающий важность для достижения успеха признаков, которые дифференцируют население (религия, национальность, пол), объясняет 7,6 % дисперсии. Оценки важности личных качеств для успеха, в том числе качественного образования, упорного труда, амбиций и происхождения из образованной семьи составляют 4,8 % общей дисперсии (седьмой фактор).

Чувство социальной справедливости очерчивает 6,5 % дисперсии (четвертый фактор), соединяя оценки неравенства доступа услуг в сфере здравоохранения и образования. Зато оценки справедливости оплаты труда обнаруживают 3,8% (девятый фактор) и включают оценки общей справедливости по оплате труда и ее соответствия квалификации и усилиям, затраченным работником на работе.

Пятый фактор охватывает оценки неравенства шансов на получение высшего образования, обусловленной уровнем школы (лица, гимназии), степенью семейного дохода и коррумпированности и сформулирован как доступность высшего образования в соответствии с социально-стратификационными признаками (5,7 % дисперсии).

Оценки неравенства доступа к университетскому обучению, что связано с полом, национальностью и социальным происхождением индивида, объединены в десятый фактор и объясняют 3,7 % общей дисперсии.

Следующий фактор очерчивает ситуацию относительно разницы в доходах граждан, описывает 5,6 % дисперсии и объединяет ответы на вопросы, обязано ли правительство уменьшить разницу в доходах, есть ли такая разница, слишком ли она велика, и обязано ли правительство обеспечивать приемлемый уровень жизни для безработных граждан. Последний фактор касается перераспределения богатства в обществе (4,3 % общей дисперсии). К показателю относятся оценки уровня налогообложения граждан с высокими доходами, суждения респондентов относительно того, могут ли лица с высоким уровнем доходов платить большие налоги, должны ли они платить такие же или даже меньшие налоги, а также, необходимо ли правительству уменьшить расходы на социальные выплаты бедным.

Таким образом, структура взаимосвязей между оценками респондентов по социальному неравенству выявляется с помощью десяти факторов, из которых наибольшую долю общей дисперсии предопределяет фактор «остроты социальных конфликтов», а наименьшую – фактор «неравенства доступа к высшему образованию по полу, национальности и социальному происхождению».

Переменные, входящие в каждый из факторов, объединялись путем расчета аддитивных индексов, в частности среднего значения ответов. Для этого проводили проверку внутренней согласованности переменных с помощью коэффициента α Кронбаха, проверку соответствия формы распределений нормальному виду с помощью непараметрического теста Колмогорова–Смирнова, значений асимметрии и эксцессов и графическому изображению частот.

Следующим этапом построения классификации стало составление уравнения линейной регрессии, где зависимая переменная выступала индексом оценок неравенства, а независимые переменные – указанные десять факторов.

Предварительно для исключения взаимосвязанных предикторов была проанализирована корреляционная матрица. Полученные значения коэффициентов корреляции между факторами не превышают 0,4, за исключением связи на уровне 0,5 между шестым и восьмым фактором, которые соответствуют оценке разницы в доходах и перераспределения богатства в обществе (значение не превышает допустимого предела).

В целом качество модели достаточно высокое, значение коэффициента детерминации равно 0,817, а следовательно, 82% дисперсии зависимой переменной обусловлено влиянием очерченных факторов. Вероятность возрастания величины стандартной ошибки почти исключена, поскольку мера коллинеарности варьируется от 0,927 до 0,808, за исключением тех самых шестого и восьмого факторов, для которых величина толерантности равняется 0,647 и 0,727 соответственно, что также достаточно близко к единице.

О точности описания данных свидетельствует анализ остатков, описывающих долю необъяснимой дисперсии зависимой переменной. Форма распределения остатков в незначительной степени отличается от нормальной кривой (тест Колмогорова–Смирнова свидетельствует о значимом уровне различия, но величины асимметрии и эксцесса не превышают значения от -1 до 1), а диаграмма нормальных вероятностей демонстрирует незначительные отклонения от прямой линии.

Анализ формы связи, содержащий графическое отображение типа отношений, величину коэффициента детерминации и уровень статистической значимости параметров уравнений, свидетельствует о линейной зависимости для

всех предикторов за исключением седьмого и восьмого. Другими словами, чем меньше острота конфликта в обществе, по мнению респондента, чем менее важными для достижения успеха является социальный капитал, а внешние признаки, личные качества, если есть равный доступ к услугам в сфере здравоохранения, образования, учитываемые высшие учебные заведения, чем более справедливая оплата труда и менее ощутимая разница в доходах, тем ближе оценки граждан к констатации равенства. Вместе с тем, что острее, важнее и ощутимее перечисленные факторы, тем чаще респондент говорит о неравенстве.

Относительно седьмого и восьмого факторов характер взаимосвязи лучше воспроизводит парабола. На уровне небольших показателей при увеличении значений факторов возрастают и оценки неровности, но как только линия достигает средних показателей шкалы, так ветка начинает склоняться. Другими словами, если респондент замечает чрезвычайную, сильную или просто важность личных качеств для достижения успеха, то в оценках это отражается как максимальное, умеренное или минимальное неравенство соответственно. Но с увеличением значений фактора или фиксацией степени неважности таких параметров, как качественное образование, упорный труд, наличие амбиций, происхождения из образованной семьи для достижения успеха, не происходит констатации равенства. Наоборот, неважность личных качеств для успеха граждане также оценивают как неравенство, и чем менее они важны, тем большее неравенство фиксируется. Относительно перераспределения богатства в обществе складывается впечатление, что такая идея совсем не привлекает опрошенных. Неравенством, по мнению респондентов, является то, что правительство тратит слишком много средств на социальные выплаты бедным, и то, что тратит мало. То же самое относительно уровня налогообложения лиц с высокими доходами:

и те, которые считают, что богатые должны платить большие налоги и сейчас платят слишком низкие, и те опрошенные, которые считают уровень налогообложения лиц с большими доходами слишком высоким и стремятся его уменьшить, констатируют неравенство. Наименьшим проявлением неравенства, считают граждане, когда и богатые, и бедные должны платить одинаковые налоги, а в целом уровень налогообложения доходов богатых является нормальным. Относительно уменьшения расходов на социальные выплаты бедным позиция остается неопределенной (насколько согласны, настолько и не согласны).

Для построения модели нами использован прямой пошаговый метод включения предикторов, суть которого заключается в определении в первую очередь фактора, который имеет наибольший коэффициент корреляции с зависимой переменной, и включении его в уравнение. Далее из перечня предикторов, которые остались, отбирали то, что имеет наибольший коэффициент β (стандартизированный коэффициент регрессии), значимый на уровне 0,05. Процедура продолжается до тех пор, пока в уравнение не будут включены все независимые переменные, значимо влияющие на критерий, то есть имеют статистически достоверный коэффициент β .

Таким образом, в уравнения были включены все десять факторов, которые, как ранее отмечали, имеют прямое направление связи с критерием, и коэффициенты значимо отличаются от нуля на уровне 0,001. Фактор важность социального капитала для достижения успеха был включен в модель первым, а последним – фактор, объединяющий оценки разницы в доходах.

Наиболее весомыми предикторами, обуславливающими общие оценки неравенства, являются факторы остроты социальных конфликтов и важность социального капитала для достижения успеха, о чем свидетельствует величина значений стандартизированного

коэффициента β (0,340 и 0,313 соответственно). Чуть меньшие оценки неравенства обусловлены степенью важности личных и социально-дифференцированных признаков для успеха, неравенства доступа к услугам в сфере здравоохранения и образования, в частности высшего образования (пятый фактор), и удовлетворенности ситуации относительно перераспределения богатства в обществе (значение коэффициента β равны 0,21; 0,20; 0,20; 0,19; 0,16 соответственно). В наименьшей степени оценки неравенства обусловлены неравенством доступа к высшему образованию в соответствии с полом, национальностью и социальным происхождением индивида, оценками разницы в доходах граждан и справедливости оплаты труда (значение коэффициента β равны 0,12; 0,10; 0,09 соответственно).

Следующим шагом является расчет классифицирующего признака и группирование его значений в классы представлений. После расчета параметров регрессионного уравнения была получена нестандартизованная шкала значений от 0,6 до 4,6, сравниваемая с фактическими значениями индекса оценки неравенства. Поскольку количество типов известно, то значение размаха шкалы (4) делится на количество групп (4) для того, чтобы получить равный диапазон каждого интервала (1, но 0,99 для того, чтобы каждый новый интервал начинался с десяти). Таким образом, значения от 0,6 до 1,59 сплочены в первом типе, который имеет название «максимальное неравенство», значениям от 1,6 до 2,59 приписан тип «умеренное неравенство», значениям от 2,6 до 3,59 – тип «минимальное неравенство», а значениям от 3,6 до 4,6 – тип «минимальное равенство».

Подавляющее большинство респондентов дает оценки в кодах большего или меньшего неравенства (всего около 93 %), наибольшая доля опрошенных отнесена к типу «минимальное неравенство» - 50,1%, 37,9% приписан тип «уме-

ренное неравенство», 4,8 % – тип «максимальное неравенство» и лишь 7,1% указывают на «минимальное равенство». Несмотря на то, что первая и последняя категории маловаты для корректного определения социально-демографического профиля, для них обозначим лишь соответствующие оценки неравенства.

Тип «Максимальное неравенство» объединяет граждан, которые считают, что в Российской Федерации существует острый конфликт между социальными группами, социальный капитал и личные качества чрезвычайно важны для успеха, что ситуация, когда состоятельные люди могут себе позволить более качественные услуги в сфере охраны здоровья, чем лица с низким уровнем доходов, а также качественные услуги в сфере образования для своих детей, несправедливая и неправильная. Граждане также согласны, что в Российской Федерации только выпускники лучших средних учебных заведений имеют высокие шансы получить образование в университете, что только богатые люди могут оплатить такое обучение, а для продвижения к высшим должностям надо быть коррумпированным. Более того, они скорее не согласны с тем, что в нашей стране каждый имеет равные шансы для поступления в университет, независимо от пола, национальности или социального происхождения. Относительно разницы в доходах, представители этого типа считают ее слишком большой, а оплату труда – несправедливой.

К типу «Умеренное неравенство» относятся жители крупных городов западного региона в возрасте от 18 до 29 лет, имеющие высшее или незаконченное высшее образование, доход более 50000 руб., считающие свое социальное положение в обществе средним. Это представители служебного класса: профессионалы, администраторы, государственные служащие, менеджеры или владельцы крупных промышленных предприятий. Они оценивают ситуацию

не так радикально, как представители предыдущего типа.

Модальной категорией типа «Минимальное неравенство» являются мелкие собственники без наемных работников в возрасте от 40 до 49, которые проживают в крупных городах (с населением более 500 тысяч) юга страны и оценивают свое социальное положение как низкое. Хотя их оценки более умеренные по сравнению с предыдущими типами, особенно в отношении первых трех факторов, они все-таки соглашались с тем, что разница в доходах россиян слишком большая, а оплата труда и перераспределение богатства в обществе несправедливы.

Тип «Минимальное равенство» статистически маловат для определения социально-демографических характеристик, однако категория объединяет респондентов, которые считают конфликты между социальными слоями не очень острыми, а социальный капитал и личные качества не слишком важными для достижения успеха. Доступность услуг в сфере здравоохранения и образования оценивают неоднозначно и скорее соглашались с тем, что в Российской Федерации каждый имеет равные шансы для поступления в университет, независимо от пола, национальности или социального происхождения. Вместе с тем они считают, что разница в доходах является слишком большой, а оплата труда не всегда соответствует квалификации и трудозатратам.

Представленная стратификационная картина в целом свидетельствует об умеренных настроениях в российском обществе по отношению к проблеме социального неравенства. Однако практически во всех странах отмечается однозначно негативное отношение к большой разнице в доходах населения. Представления и оценки характера и размеров социального неравенства, готовность к решительным действиям для восстановления социальной справедливости могут сильно изменяться со временем в зависимости как от реальной ситуации неравенства, так

и от множества других факторов (медиа, политика и т.п.). В связи с этим полагаем крайне важным и необходимым дальнейшее изучение и анализ отношения общества к социальному неравенству, выявление и описание актуальных на данный момент «классов представлений».

Литература

1. Большакова Ю.М., Большаков С.Н. Социальное неравенство и проблемы экономического роста // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2016. № 3. С. 12-18.

2. Ван Ц. Социальное неравенство и формы капитала: классические и современные концепции // Социология и право. 2019. № 2 (44). С. 54-61.

3. Корчак Е.А. Риски социального и имущественного неравенства в контексте решения задачи накопления человеческого капитала арктической зоны России // Фундаментальные исследования. 2018. № 6. С. 143-147.

4. Кунижева Д.А. Снижение уровня бедности как способ уменьшения социально-экономического неравенства в цифровой экономике страны // В сборнике: Человеческий капитал-главная ценность цифровой экономики: окна возможностей и риски развития Сборник научных трудов по материалам IX Международного научного студенческого конгресса "Цифровая экономика: новая парадигма развития". 2018. С. 114-117.

5. Ларионов А.В. Взаимосвязь социального неравенства и человеческого капитала в XXI веке // Финансовая экономика. 2018. № 6. С. 583-586.

6. Лебедева Л.Г. Человеческий капитал, социальное неравенство и преемственность поколений // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2016. № 2-1. С. 28-29.

7. Мендибаев Н., Панченко О.Л. Социальный капитал и неравенство на селе: социологический анализ // Интернаука. 2017. № 15 (19). С. 29-31.

8. Пружинин А.Н., Вершинина Ю.В. Воспроизводство человеческого капитала как инструмент формирования социального неравенства // В сборнике: В поисках социальной истины Материалы I Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В. А. Решетникова, О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. 2019. С. 293-296.

9. Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономической и демографической динамики: монография – М.: ИСЭПН РАН, 2010 – 43 с.

10. Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: ИД ВШЭ, 2012. 528 с.

Stratification of ideas about social inequality in Russian society: "representation classes" vs "classes of society"

Sheremet A.N.

ISESP FISIS RAS

The question of finding the most suitable methods for calculating features that would classify and show the location of certain social groups in the system of social hierarchy remains open. Typically, in non-specialized surveys, only a few attributes are used that indirectly indicate inequality and which are appropriate for stratification of respondents. Most often, these are variables related to the socio-demographic block, namely: material status, income, subjective assessment of the social situation on the imaginary ladder, and the like. Given that in specialized studies there are much more signs fixing various manifestations of inequality, there is a need for aggregation of the information received, and the analysis of methods suitable for this requires a more detailed examination. The article attempts to create a stratified classification. The main goal of the proposed article is to develop a new classification option based on assessments made by respondents regarding situations of inequality in various areas of social life, which would make it possible to calculate a variable whose differences in values form a hierarchy. The latter is not a stratum structure of society, but a vertically oriented sequence of respondents' ideas about the state of affairs regarding inequality in each individual case or in

general. The end result is "representation classes", not "social classes". Despite the fact that their "carriers" have specific socio-demographic characteristics, the totality of which forms a generalized empirical type, which is subject to and amenable to description.

Key words: social inequality, social structure, social capital, factor, development.

References

- Yu.M., Bolshakov S.N. Social inequality and problems of economic growth // Corporate Governance and Innovative Development of the North Economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2016. No. 3. P. 12-18.
2. Van C. Social inequality and forms of capital: classic and modern concepts // Sociology and Law. 2019.No 2 (44). S. 54-61.
 3. Korchak EA The risks of social and property inequality in the context of solving the problem of the accumulation of human capital in the Arctic zone of Russia // Fundamental Research. 2018. No. 6. P. 143-147.
 4. Kunizheva D.A. Poverty reduction as a way to reduce socio-economic inequality in the digital economy of the country // In the collection: Human capital is the main value of the digital economy: windows of opportunity and development risks Collection of scientific papers on the materials of the IX International Scientific Student Congress "Digital economy: a new development paradigm" . 2018.S. 114-117.
 5. Larionov A.V. The relationship of social inequality and human capital in the 21st century // Financial Economics. 2018. No. 6. P. 583-586.
 6. Lebedeva L.G. Human capital, social inequality and the succession of generations // Science of the XXI century: current trends. 2016. No. 2-1. S. 28-29.
 7. Mendibaev N., Panchenko O.L. Social capital and rural inequality: a sociological analysis // Internauka. 2017. No. 15 (19). S. 29-31.
 8. Pruzhinin A.N., Vershinina Yu.V. Reproduction of human capital as a tool for the formation of social inequality // In the collection: In Search of Social Truth Materials of the I International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of V. A. Reshetnikov, O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. 2019.S. 293-296.
 9. Shevyakov A.Yu. Income inequality as a factor in economic and demographic dynamics: monograph - M. : ISEPN RAS, 2010 - 43 p.
 10. Shkaratan O.I. The sociology of inequality. Theory and Reality. M. : HSE, 2012.528 s.

Апология Великой Победы. 1941-1945. Великая Победа как национальная идея

Васецкий Николай Александрович

доктор исторических наук, профессор кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. NAVASECKIY@yandex.ru

В статье исследуются место и роль Великой Победы в процессе утверждения и развития ценностей и смыслов Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации. Может ли Великая Победа стать вехой на пути обретения русским миром так называемой национальной идеи?

Русский мир служит мощным стимулом для интеграции Восточно-христианской и Евразийской цивилизаций, а возможно и гораздо шире. В Африке и на Ближнем Востоке – православно-христианские сегменты коптов, Эфиопская цивилизация. В Америке – социалистическая Куба, боливарианские конгломераты в Венесуэле, Боливии. Русские диаспоры в Бразилии и Аргентине, Уругвае, Австралии и Новой Зеландии. Словом, процессы идут не останавливаясь, несмотря на временные неудачи и отступления. Это свидетельствует, что ценности и смыслы принесённые во всемирную историю Великой Победой, Русским миром, Российской (Восточно-христианской православной) цивилизацией значительно шире, чем социально-политические и идеологические режимы и мировоззрения.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Великая Победа, 1941-1945 гг., идеология, патриотизм, национальная идея

1. «Идеология возможна только одна – патриотизм» (В.В. Путин)

19 декабря 2019 г. на Большой пресс-конференции года президент Российской Федерации В.В. Путин чётко и ясно сформулировал, как говорит современная молодёжь, бренд сегодняшнего дня: «По поводу Конституции и идеологии в ней...Идеология, на мой взгляд, возможна только одна – патриотизм».

И затем дал более развёрнутую формулу:

1) патриотизм в самом широком, рошом смысле этого слова;

2) это понятие должно быть деполи-тизировано;

3) но направлено на укрепление внутренних основ российского общества (1).

Исчерпывающая оценка. Хотя многим и может показаться не до конца оформленной. Но это только на первый взгляд. В ходе той же пресс-конференции, отвечая на вопросы по разным темам, Путин раз за разом по сути возвращался к приведённой выше оценке современного состояния идейно-политической ситуации в России и в остальном мире.

Напомним некоторые тезисы идеологии патриотизма Путина для тех, кто может быть не совсем внимательно слушал и затем знакомился со стенограммой его пресс-конференции.

1. Недопустимо ставить на одну доску СССР и фашистскую Германию. Это – верх цинизма. Такого рода совмещение означает полнейшее незнание истории.

2. В 1938 г. был подписан не договор, а мюнхенский сговор между Германией, Францией и Великобританией по поводу раздела Чехословакии. В этом

разделе приняла участие также и Польша. Германия аннексировала у Чехословакии Судетскую область, а Польша прибрала к рукам Тешинскую область (Заользье).

3. СССР действовал вопреки этим договорённостям с Гитлером. Советское руководство предложило создать антифашистский фронт.

4. Сталин не запятнал себя прямыми контактами с Гитлером. Тогда как руководители Франции и Великобритании встречались с ним и подписывали международные договоры.

5. СССР заключил пакт Молотова-Рибентропа и секретные приложения к нему. Но СССР оказался последним в очереди на подписание договоров о ненападении с Германией. До пакта уже все европейские государства такие договоры о ненападении с Гитлером подписали. СССР не захотел оставаться один на один с вооружённой до зубов нацистской Германией. Вооружённой кстати при посредничестве США и с помощью всей Европы.

6. Что касается секретных протоколов о разделе Польши. СССР не претендовал на польские земли. Просто вернул те, что были ей подарены после Октябрьской революции 1917 г. большевиками во главе с Лениным. За этот подарок Польша отплатила войной против Советской России. В польских концлагерях оказалось более 100 тыс. красноармейцев. Там они бесславно сгинули от голода и болезней. Катынь не идёт ни в какое сравнение с этим преступлением польских властей.

7. Какова была цель нацистской Германии при нападении на СССР? Эта цель расписана в документах фашистов. Часть славянского населения использовать на подневольных работах. Другую, значительно большую часть, выселить за Урал, в тундру, на северные территории без всяких средств к существованию. Это означало бы только одно – вымирание русского населения.

8. В Великой Отечественной войне против Германии и её европейских сателлитов речь шла не просто и не

только о сохранении советской государственности. Вопрос был поставлен с расистской прямолинейностью. Речь велась о физическом сохранении в живых всего восточно-славянского этноса. Вот о чём говорилось в документах нацистской Германии.

9. Когда слышишь о том, что может быть, было бы лучше сдать Ленинград, оказалось бы меньше жертв и не было бы глумления над мирным населением, приходится возражать: «Вы придурки?! Нет? Вас бы никого не было, кто так сегодня рассуждает!» (1, 2).

Такова военная программа идеологии патриотизма Путина. На той же пресс-конференции президентом была озвучена и мирная часть идеологии. Напомним некоторые его соображения.

1. Путин сразу же подчеркнул: «Я жалею, что нет Советского Союза». Это для всех нас была общая Родина. Поэтому, что касается участия военнослужащих из бывших республик СССР на праздновании 75-летия Великой Победы, то это их выбор. Если кто-то не придет, руководствуясь современной политической конъюнктурой, то это для них будет большой ошибкой. Будет означать, что они не проявляют должного уважения к тем людям, которые боролись и отдали свою жизнь за независимость их собственной Родины.

2. Когда Путин говорил о тысячелетней истории нашего государства, то имел в виду, что оно было строго централизованным, унитарным государством. Ленин по сути сделал из СССР конфедерацию. Советские этносы оказались привязанными к конкретным союзным территориям с правом выхода из СССР. Даже Сталин не поддержал ленинский проект. Но вынужден был с ним согласиться.

3. Территории были нарезаны так, что они не всегда соответствовали и до сих пор не соответствуют традиционным местам проживания многих народов. Поэтому после распада СССР возникли «болевы точки» между бывшими союзными республиками. В том числе и

внутри Российской Федерации. По разным подсчётам таких точек более двух тысяч. Стоит только выпустить их на секунду из-под контроля – мало не покажется.

4. Пример Украины очень показательен. К ней были приписаны территории, которые никакого отношения к украинским землям не имели. Это – всё Причерноморье вместе с Крымом и Севастополем, все западные российские земли и др. Переданы Украине со странной формулировкой – «для повышения процентного соотношения пролетариата на Украине». Украина – это территория с сельским населением, преобладанием мелкобуржуазного крестьянства. Его раскулачивали по всему СССР. Теперь нам приходится разбираться со всем этим большевистским наследием.

5. Что самое главное в советской политике большевизма и Ленина в частности? «Они связали будущее страны со своей собственной партией». Признание её руководящей роли кочевало из конституции в конституцию СССР. Как только партия затрещала, начала рассыпаться, за ней стала рассыпаться и вся страна. Исторический опыт показывает, что помимо идеологической составляющей следует учитывать ещё и геополитические основы развития государственности. Эти основы совершенно не учитывались при создании СССР. «Это - ошибка. Абсолютная, кардинальная, фундаментальная ошибка при государственном строительстве».

6. Выносить или нет тело Ленина из Мавзолея? «Не нужно трогать».

7. Относительно того, что сегодня Российская Федерация живёт «на всём старом, советском, то мы, конечно, не можем не пользоваться тем, что досталось от тысячелетнего Российского государства, в том числе и за его советский период. Это абсолютно очевидно».

8. В советский период было сделано много такого, чем мы можем гордиться и гордимся до сих пор: Победа в Великой Отечественной войне, прорыв в космос, создание мощной индустрии, культурная революция и многое другое.

«Мы должны быть благодарны нашим предкам, нашим отцам, дедом, которые за советский период создали огромную, мощную державу».

9. Но одновременно нельзя приуменьшать и те достижения, которых российский народ добился уже в составе Российской Федерации за последние 20 лет, в XXI веке.

10. Синтез лучшего из опыта советского прошлого и развитие современной практики строительства солидарного общества, в котором единство всех социальных слоёв и категорий населения является главной движущей силой успеха с неременной заявкой на использование новейших технологий и достижений мирового опыта – такова стратегия развития Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации в идеологии патриотизма, предложенной президентом Путиным (1).

Обратите внимание, как аккуратно и дозированно президент выбирает идейно-политическую проблематику, ничего лишнего. Как тщательно встраивает её в иерархию ценностей и смыслов Российской цивилизации. Тут есть над чем размышлять. И как нам представляется, Путин продолжит этот разговор и в дальнейшем.

Тем более, что споры о Великой Победе и её значении в судьбах человечества вышли на качественно иной, чем в советские времена, а затем и в лихие 1990-е годы. Они обрели не просто мировоззренческий характер. А стали ярко выраженной формой выяснения отношений между цивилизациями. И от того, как наши государство и народ будут реагировать на это выяснение зависит отношение к нам Западной и незападных цивилизаций сегодня и в обозримом будущем.

2. На Западном фронте без перемен

19 сентября 2019 г. Европарламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы». В этом парламенте заседают депутаты от тех самых стран,

народы которых стали прямыми жертвами фашистской агрессии во Второй мировой войне. Казалось бы, должны проявлять хотя бы внимательность к тому, за что голосуют.

Но где там! Русофобская пелена застил глаза. Даже не помогает элементарный инстинкт самосохранения, отсутствие которого уже чуть не привело к гибели эти самые народы. Их парламентские представители продолжают и в наши дни не замечать происходящего на Западе оживления экстремизма во всевозможных формах. Наводят тень на плетень. Чудовищная неразборчивость в средствах, граничащая с полнейшей безответственностью.

Вот некоторые перлы, которые и комментировать не имеет никакого смысла. Те, кто их принял, никого и ничего не хотят слышать, кроме собственной самонадеянности и дешёвого тщеславия.

1. Прямым результатом начала Второй мировой войны стал пакт Молотова-Рибентропа и его секретных протоколов. Они разделили Европу и территории независимых государств между двумя тоталитарными режимами.

2. Нацистский и коммунистический режимы повинны в массовых убийствах, геноциде и депортациях, Холокосте и прочих прегрешениях против демократии и свободы.

3. Россия остаётся самой большой жертвой коммунистического тоталитаризма. Её путь к демократии сдерживается политической элитой и пропагандой, обеляющих советский тоталитарный режим.

4. Российское руководство искажает исторические факты и обеляет преступления советского тоталитарного режима. И таким образом превращается в опасный компонент современной информационной войны против демократической Европы с целью расколоть её.

5. Запретить использование нацистских и коммунистических символов в публичном пространстве. То есть демонтировать памятники советским воинам и другим героическим поступкам в истории советской страны.

6. Модель современного мира – европейская интеграция. Присоединившиеся в результате к Евросоюзу страны демонстрируют прогресс в проведении реформ и социокультурном развитии (3).

Даже в России среди оруженосцев, состоящих на подкормке у Запада иностранных агентов, не нашлось таких, кто выступил бы в поддержку столь идиотской резолюции. Ведь, если кто-то не понимает, отметим, что это не игра в бирюльки. В 1930-е гг. такая же словесная игра уже привела эту самую Европу к фашистской катастрофе. Видимо, мало-мало показалось. Хочется ещё.

Ну, ладно, эти играют в словопрения. А вот по другую сторону Атлантики ведут себя куда серьёзнее и основательнее. Там разрабатывают всевозможные доктрины устрашения и варианты их реализации с участием не просто US Army, а непременно – с использованием её ядерного потенциала.

3. Ещё раз о пользе сравнения

За последние два года в США и России фактически синхронно были приняты важнейшие документы – Стратегия безопасности США (2017) и Военная доктрина России (2019). В этих программных документах уточняются цели и задачи военных факторов генеративно-политических центров двух мировых христианских цивилизаций – Западной и Восточной. Их сравнение показывает принципиальную разницу в подходах к использованию цивилизационного фактора в мировой политике.

Для Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации приоритетами как и прежде провозглашаются защита национальной безопасности и укрепление обороноспособности Российского государства и его государств-союзников. Для Западно-христианской цивилизации приоритеты выходят далеко за рамки этой цивилизации и преследуют цель достижения мирового порядка по принципу Pax Americana.

В Стратегии-2017 получили развитие четыре приоритета внешней политики президента Трампа:

- 1) защита родины, американцев и американского образа жизни;
- 2) обеспечение процветания Америки;
- 3) укрепление мира при помощи силы;
- 4) распространение американского влияния.

Трампа и его команда изображают эти 4 принципа как новейший вклад в развитие цивилизационных ценностей и смыслов США как национального государства, а не мировой сверхдержавы. Гнаться за превосходством всего коллективного Запада над остальным миром, пыжиться, изображая из себя гегемона мирового устройства, как это делалось в период президентства Обамы, новая Стратегия вроде бы не собирается.

Её основная цель – не утверждение мирового гегемонизма, а обеспечение конкуренции США с другими державами, начиная с так называемого нулевого цикла или «игра с нулевой суммой». Что это за «нулевые показатели» никто толком объяснить не может, да и не собирается. Главное для Трампа – заявить новую Стратегию как национальную идею, а не претензию на глобальное превосходство.

4. Демагогия с позиции силы

Все 4 приоритета цивилизационного фактора в мировой политике США оказываются заточенными на безусловное признание возможности внешней агрессии без всякого на то даже словесного прикрытия. Как можно обеспечить процветание Америки, не покушаясь на процветание других государств, для начала - соседней по континенту Америки?

Опять берутся защищать континент, а не только самих себя. Снова в ход идёт доктрина Монро, провозглашённая президентом США Джеймсом Монро в декабре 1823 г. в послании конгрессу страны. Эта доктрина обошлась соседям США по континенту немалых территориальных уступок и человеческих жертв.

Что значит укреплять мир при помощи силы? Обращаться с просьбами «не шалить», глядя через дуло автомата или того впечатлительнее – сквозь жерло авианосцев Военно-морского флота США? Как обеспечивается эта самая «сила»? Введением экономических санкций? Осуществлением внешней торговли под диктовку госдепа США? Кому можно строить «Северный поток-2», а кому - нельзя?

А что означает распространение американского влияния во всём мире? Как можно влиять по-американски? Посредством утверждения массовой культуры? Засильем голливудских фильмов? Диктовкой с сайтов Интернета? То есть - ведением информационных войн против сопредельных государств? Как по-другому «влиять»?

В Стратегии обозначены главные геополитические соперники США: Россия, Китай, Иран и КНДР. Соответственно к каждому из этих соперников приложены меры воздействия по ограничению их влияния в мировом устройстве. Не исключая, кстати, и мер ядерного воздействия. Если это «защита родины и американцев», тем более «с нулевого цикла», то весьма опасная и агрессивно-навязчивая защита с далеко не нулевыми исходными показателями.

Ведь всем в мире хорошо известно, что военные расходы США и их союзников по НАТО в несколько раз превосходят аналогичные расходы всех четверых соперников США по геополитике. В США – 750 миллиардов долларов в год. В Китае – 250, России – 60, Иране – 13. У России за рубежом 20 военных баз. У Китая - одна. А у США – по самым скромным подсчётам их стратегов 730. Только в Германии – под 300 штук. Для чего? Для «защиты родины и американцев»?

5. Вот тебе, бабка, и Юрьев день...

Особую неприязнь в Стратегии вызывают военные факторы России и Китая, которые, опираясь на свои военные потенциалы, повели себя на мировой арене как ревизионистские державы.

Термин «ревизионизм» впервые был употреблён в XIX в. в социал-демократическом движении Западной Европы. Ревизионистом называли Эдуарда Бернштейна (1850-1932), одного из учеников Ф. Энгельса.

Бернштейн ревизовал учение К. Маркса о диктатуре пролетариата, которая должна прийти на смену диктатуре буржуазии. Выдвинул взамен марксовской теорию POSSИБИЛИЗМА, от лат. possibile – «возможное»: «движение – всё, конечная цель – ничто». То есть не надо стремиться к невозможному, а именно – желать краха господства буржуазии. Достаточно доволствоваться малым, тем, чего можно достичь здесь и сейчас, используя для этого уступки правящей буржуазии.

Впоследствии под ревизионизмом стали понимать любые начинания к пересмотру (ревизии) устоявшихся теорий, концепций и в целом существующего положения дел.

В Стратегии США речь ведётся не о пресловутом Бернштейне, а о попытках России и Китая ревизовать устоявшееся в первой четверти XXI столетия однопольное мироустройство во главе с США. Это означает, по мнению авторов Стратегии, бросить вызов процветанию США, подорвать их суверенитет и национальную безопасность.

Достичь ревизионистскую цель Россия и Китай намерены следующими способами:

- 1) сделать мировую экономику менее свободной и честной;
- 2) нарастить свои военные потенциалы;
- 3) контролировать информационные потоки;
- 4) репрессировать собственные общества;
- 5) распространять своё влияние в мире.

В процессе сдерживания ревизионизма России и Китая в Стратегии предлагается использовать ядерное оружие. Оно призвано стать «основой американской стратегии по сохранению мира и

стабильности, отражению агрессии против США. Их союзников и партнёров» (4).

По такому поводу на Руси говорили: «Вот тебе, бабка и Юрьев день». Этот день приходился на 26 ноября по старому стилю (9 декабря – по новому). Он означал окончание сельхозработ, подведение итогов и планирование возможностей на следующий год.

За неделю до этого позднего осеннего дня крестьяне получали право сменить помещика, у которого они работали весь предыдущий год. Могли перейти к другому, более покладистому и выгодному для крестьянской доли помещику. Своего рода принцип многополярности выбора условий работы.

С началом царствования Бориса Годунова (1551-1605) на Московской Руси произошло установление крепостного права. Крестьяне превратились в крепостных, то есть оказались юридически закреплены навечно за своими помещиками. Естественно, Юрьев день как правило добровольного перехода крестьян к другим помещикам был отменён. С многополярностью в крестьянской жизни покончили раз и навсегда...

С 1972 г., президент США Р. Никсон (1913-1994) и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев (1906-1982) достигли ядерного паритета между США и СССР. Подписали Договор о нераспространении ядерного оружия. В официальных документах ни в США, ни в СССР ядерное оружие как средство давления друг на друга перестало фигурировать. Это считалось с обеих сторон недопустимым в отношениях между сверхдержавами.

Таков принцип биполярности цивилизационного фактора в мировой политике. Обоюдостороннее признание права на мирное сосуществование. Своего рода многополярность на двоих. Как минимум на двоих. На практике двоими не ограничивались никогда. Всегда привлекались к выработке решений многие другие участники международных отношений. Никакого крепостного

права в мировой политике не было и в помине.

С принятием Стратегии США-2017 Юрьев день в мировой политике отменяется. Ядерное оружие превращается в средство установления крепостного права в мировом порядке. Никакой bipolarности, тем более multipolarity. Хозяин должен быть один-единственный. Остальные – в услужении.

Ядерное оружие возвращается в активный инструмент принуждения мира к цивилизационному фактору в мировой политике США. Не случайно после принятия этой Стратегии США не захотели продлевать договор по РСМД – ограничению производства ракет средней и малой дальности. По сути остаётся ещё одно препятствие для свободного использования ядерного оружия – выход из договора СНВ-3.

Это - Договор между Российской Федерацией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений. Его подписали президенты России и США – Д.А. Медведев и Б. Обама в 2010 г. в Праге. Вступил в силу в 2011 г. Срок действия 10 лет с возможным продлением на 5 лет. Предусматривается сокращение ядерных боезарядов до 1550 единиц межконтинентальных и баллистических ракет и до 700 единиц баллистических ракет подводных лодок и тяжёлых бомбардировщиков Договор сменил в 2009 г. истёкший СНВ-1.

Выполнялся ли этот договор и в каких объёмах сторонами его подписавшими сейчас уже не столь важно. Как никак, а всё-таки соглашение, зафиксированное на бумаге, то есть с соблюдением принципов и правил договорного международного права. Отказ от этого договора будет фактическим отказом от международного права в обеспечении мировой безопасности. Кому это выгодно и кому это надо? Чей цивилизационный фактор в мировой политике выиграет от подобного правового беспредела?

6. Развитие положений Стратегии-2017

Указанные выше цивилизационные приоритеты в мировой политике США получили дальнейшее развитие в комплексе последующих документов госдепа и Минобороны США.

В принятой в январе 2018 г. Стратегии национальной обороны США сформулирован ещё один новый цивилизационный посыл – терроризм перестали считать основной проблемой, с которой следует бороться, защищая национальную безопасность США. Приоритет отведён стратегическому соперничеству между государствами (5).

Ещё, как говорится, не политика холодной войны bipolarного мира середины XX в., но и далеко не мирное сосуществование государств и цивилизаций. Причём, даже не разных социально-общественных укладов и ценностей. А вообще – с любого типа цивилизациями и государственностями. В том числе и с военно-стратегическими союзниками по НАТО и Западно-христианской цивилизации – Евросоюзом, Турцией и далее по списку. Вот такая цивилизационная и геостратегическая новация.

В феврале 2018 г. принята ещё одна программная директива – новая ядерная стратегия США. В отличие от стратегии-2010 Б. Обамы главными виновниками ядерной уязвимости США вновь названы Россия и Китай. В этом стратегия-2018 не ошиблась.

Китай в меньшей степени, а Россия в прямом отношении являются единственными в мире ядерными державами, способными уничтожить США в случае возникновения мирового ядерного конфликта. Здесь присутствует трезвая оценка российских и китайских потенциалов и гипотетических возможностей военных факторов двух незападных цивилизаций.

Но вновь возникает вопрос – а намерены ли Россия и Китай применять ядерное оружие для уничтожения США? А как быть с возможным ответом США?

И неминуемой «ядерной зимой», которая накроет планету Земля без разбора США это, Россия или Китай?

События 11 сентября 2001 г., когда с лёгкостью коммивояжёров были уничтожены две высотки в Нью-Йорке и здание Пентагона в Вашингтоне выявили просто-таки огромные проблемы с обеспечением безопасности страны. Если, конечно, эта бомбардировка не была организована самими спецслужбами США, чтобы дать повод US Army для вторжения в Ирак и Афганистан с целью уничтожения Саддама Хусейна и Талибана. Мол, возмездие за причинённые арабскими террористами человеческие жертвы, материальный ущерб и моральное беспокойство.

Вот и занялись бы предметной организацией собственной безопасности, а не искали виновников её нарушений на стороне. Тем более в лице России и Китая.

Вслед за обвинениями этих стран как основной угрозы США, последовало принятие программы модернизации ядерных сил страны, создание новых систем вооружений и обновления уже устаревших образцов. Привлечение к ядерному сдерживанию России ядерных потенциалов Великобритании и Франции. Всё как в годы холодной войны и никак не меньше.

В начале 2019 г. была представлена обновлённая стратегия развития американской системы ПРО – противоракетной обороны. И здесь соперниками США обозначена всё та же четвёрка государств – Россия, Китай, Иран и КНДР (7).

Военные разработки России являются вызовом оборонительным системам США. Поэтому необходимо существенно модернизировать эти системы для улучшения возможностей перехвата ракет противника на всех стадиях их запуска и полётов. Нельзя допускать поставок Россией новейших комплексов противоракетной обороны С-400 Китаю, Ирану и Турции. А также содействия Россией по обновлению мобильной системы противовоздушной и противоракетной обороны КНДР.

Если и дальше пойдёт обновление и усовершенствование военной составляющей цивилизационного фактора в мировой политике США, то вряд ли можно надеяться на улучшение отношений между Западной и незападными цивилизациями в ближайшие 10-20 лет. Именно на такой срок рассчитывается модернизация вооружений США и их западных союзников и прочих сателлитов.

7. Военная доктрина России-2019

Доминантный посыл доктрины заключён в самом определении её содержания как системы «официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооружённой защите и вооружённую защиту Российской Федерации».

Правовой характер Военной доктрины определяется её соответствием Конституции Российской Федерации, общепринятым принципам и нормам международного права, федеральным законам, нормативным актам Президента и Правительства Российской Федерации.

Приоритетными в Военной доктрине названы возможности использования политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и иных инструментов ненасильственного характера. Только когда эти возможности окажутся исчерпанными, следует применять военные меры.

В военно-экономическом обеспечении обороны страны Военная доктрина опирается на опыт Советской цивилизации, указывает в качестве основной задачи создание условий для устойчивого развития военно-экономического и военно-технического потенциалов государства на уровне надёжной реализации военной политики и потребностей военной организации в мирное и военное время (в случае его возникновения).

Разработан комплекс мер по оснащению Вооружённых Сил военной техникой и материальными средствами; развитию оборонно-промышленного комплекса; совершенствования военно-

политического сотрудничества с иностранными государствами и др.

В доктрине чётко и ясно указаны место и роль ядерного оружия. Признана целесообразность его использования как важного фактора предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения – крупномасштабной и региональной разновидностей войн

К серьёзному вкладу в развитие современной военной науки относится разработка в доктрине следующих основных категорий военного фактора Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации:

1) военная безопасность Российской Федерации – состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз;

2) военная опасность как состояние межгосударственных и внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных привести к возникновению военной угрозы;

3) военная угроза – состояние межгосударственных и внутригосударственных отношений, характеризующее реальную возможность возникновения военного конфликта, высокой степенью готовности государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы или вооружённого насилия;

4) военная политика – деятельность государства по организации и осуществлению обороны и обеспечению безопасности Российской Федерации и интересов её союзников;

5) мобилизационная готовность Российской Федерации как способность Вооружённых Сил, войск и органов, экономики государства, федеральных органов государственной власти и управления, а также субъектов Федерации и органов местного самоуправления к выполнению мобилизационных планов;

6) система неядерного сдерживания как комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер,

направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами.

В развитие военной науки в доктрине уточнены и проработаны детально произошедшие за последние четверть века глобальные и иные изменения при определении суммы категорий и понятий, затрагивающих характеристику современных:

военных и вооружённых конфликтов;

локальной, региональной и крупномасштабной войн;

военной организации государства;

военно-промышленного комплекса;

военного планирования и др.

Определены военные опасности и угрозы:

усиление глобальной конкуренции;

соперничество ценностных ориентиров и моделей развития;

неуточивость процессов экономического и политического развития;

позапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического и политического притяжения;

неурегулированности многих региональных конфликтов и тенденции к их силовому разрешению;

тенденция смещения военных опасностей и угроз в информационное и внутреннее пространство Российской Федерации;

наращивание силового потенциала НАТО, его приближение к границам Российской Федерации;

растущая угроза глобального экстремизма и терроризма и др.(8).

Комментарий

В СССР была очень популярна молодая западная литература, сформировавшаяся между двумя мировыми войнами и определявшая тонус развития мировой культуры в послевоенное время. В стране переводились на русский язык практически все сколько-нибудь значимые произведения западных писателей.

Это помогало нам, советской молодёжи быть в курсе мировых гуманистических достижений. Никакого железного

или, как там ещё называют сегодня наши недруги, занавеса не было. Шёл плодотворный обмен идеями, эстетикой и другими измерениями мировой вертикальной цивилизации.

Мне, как и миллионам моих сверстников, особенно импонировала литература и позиция так называемого «потерянного поколения» Запада. Это - многочисленная плеяда писателей, философов, кинорежиссёров, актёров, художников и т.д. В их числе особо стояло творчество непосредственных участников Первой мировой войны – Эриха Марии Ремарка (1898-1970), Эрнеста Хемингуэя (1899-1961), Ричарда Олдингтона (1892-1962) и др. (9).

Подкупало в их творчестве открытость, честность, ясность позиции. Активное неприятие войны, против которой они боролись в силу отведённых им возможностей. К сожалению, эта борьба не увенчалась успехом. От Первой мировой войны Запад последовал ко Второй.

Тем не менее роман Э.М. Ремарка «На Западном фронте без перемен» очень характерен для оценки общего состояния западной цивилизации, оказавшейся неспособной противостоять германскому и итальянскому фашизму.

И сегодня, я не случайно выбрал перифраз романа Ремарка - на западном направлении глобальной политики, к глубокому для всех нас сожалению, нет никаких значимых перемен. Более того, ситуация напоминает ту безбашенность и тупоголовие, которые привели ко Второй мировой войне.

8. Идеология Победы

Великая Победа, достигнутая в середине XX века, обрела вневременные измерения. В любом году любого столетия она была и останется бессмертной как образец и символ величайшего военного и ратного подвига в борьбе за общечеловеческие цивилизационные ценности и смыслы всего мирового сообщества против сил зла и мракобесия.

Будучи подвигом всех народов и народностей, проживавших в СССР, Великая Победа является Победой

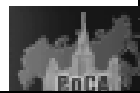
прежде всего русского народа. Потому что русский народ не только понёс самые ощутимые физические, материальные и моральные жертвы. Но и потому что он является этнодоминантой генеративно-политического центра всей Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации.

Великая Победа подтвердила основное предназначение русского народа и особенность его мессианской роли в современном мире. Русский народ – это цивилизационно образующий народ. В этом заключается его историческая миссия – собирать, объединять, скреплять, защищать – интегрировать все народы, проживающие на территории Российской цивилизации, а в XXI веке становится очевидным, что и на территории формирующейся Евразийской цивилизации.

Не с помощью насилия и денег, как происходила и продолжается интеграция/дезинтеграция Западно-христианской цивилизации, а культурологически – с помощью русского языка, русской культуры, соучастия в судьбах всех других народов. Качества и способности национального характера, которые Ф.М. Достоевский определял как «всемирную отзывчивость» русских.

Великая Победа углубила такую исключительную черту русского народогенеза, как появление в его недрах таких специфических этнических и социальных новоделов как русские татары, русские евреи, русские немцы, русские азербайджанцы, русские армяне. И далее по списку практически всех 200 народов России согласно переписи населения 2010 года. Русский народогенез формирует такой тип цивилизации, в котором нет места так называемым «чуркам» или «нацменам». Русская этнодоминанта интегрирует любые разновидности самоидентифицирующихся этнических групп..

Именно поэтому, на наш взгляд, русофобы всех мастей и оттенков, начиная с 9 мая 1945 г., а в наше время особенно яростно, пытаются принизить

значение Великой Победы как вдохновляющего и животворящего творца новой этнической самоидентификации, происходящей не по традиционным лекалам «свой»-«чужой», преобладающим в других мировых цивилизациях, а по добровольному признанию принадлежности к общей культуре и общим ценностям и смыслам Российской (Востоочно-христианской православной) цивилизации.

Великая Победа объединяет и консолидирует все социальные слои российского общества, все его возрастные и гендерные группы, что наиболее наглядно проявляется в международном общественном движении Бессмертного полка. В этом движении слиты воедино историческая память, настоящее и будущее Российской (Востоочно-христианской православной) цивилизации.

Великая Победа ещё раз продемонстрировала, что Россия – это не этническое государство-цивилизация и не американский «melting pot» - плавильный котёл, в котором все сознают себя как временно проживающими мигрантами-трансплантатами «принесёнными ветром» из других мировых цивилизаций.

Россия возникла и 1150 лет развивается как многонациональная государственность и цивилизация. В России постоянно идёт процесс привыкания этносов и народов друг к другу, формирования принципов взаимного уважения независимо от количественного состава народов и этносов, смешивания, но не их ассимиляции и тем более этнопоглощения, как в других мировых цивилизациях, а взаимного проникновения на разных уровнях – семейном, дружеском, служебном.

Советский народ как предшественник современного российского народа, включал в себя 22 миллиона межэтнических браков. Семьи состояли в среднем из 4 членов. В результате – 88 миллионов межэтнических персонажей из 250-миллионного населения СССР. Вот вам и ядро Советской цивилизации.

Великая Победа – непосредственный результат деятельности социали-

стического по своей природе общественно-политического строя Советской цивилизации. Но одновременно – она результат и следствие меняющейся как в калейдоскопе парадигмы развития Российской (Востоочно-христианской православной) цивилизации.

С 1917 г. в России 3 раза изменялись общественно-экономические формации – с капиталистической на социалистическую и снова с социалистической на капиталистическую. Имели место как минимум 8 политических режимов – военный коммунизм 1918-1920-х гг., НЭП (новая экономическая политика) 1921-1929 гг., административно-мобилизационная система 1930-40-гг., волюнтаризм 1950-начала 60-х гг., развитой социализм 1970-первой половины 1980-х гг., перестройка конца 1980-начала-1990-х гг., ельцинизм вкуче с гайдариномикой лихих 1990-х гг., стабилизация и развитие 2000-2020 гг.

Каждый из этих этногеополитических факторов по-разному влиял на ценности и смыслы Востоочно-христианской цивилизации, на интеграцию/дизинтеграцию внутри и вовне СССР-России. Но все они свидетельствуют о непрерывающемся творчестве масс. Российская (Востоочно-христианская православная) цивилизация как и любая другая мировая локальная цивилизация, на протяжении 1150 лет своего развития стремилась к созданию новых форм своего существования как в мировом, так и локально-цивилизационном масштабе.

Великая Победа изменила критерии оценки мировых локальных цивилизаций, внесла в социологию мировых цивилизаций новую забытую в новейший период всемирной истории категорию «страна-цивилизация». Опираясь на идейно-политическое наследие Великой Победы президент В.В. Путин, патриарх Кирилл, другие отечественные политики и социологи стали использовать такую терминологию как «Россия – страна-цивилизация», «историческая Россия», «Большая Россия», «Русский мир», «Евразийская цивилизация», «ци-

визационный культурный код», «солидарное общество» и др.

Они же в оценках Великой Победы используют такие ценности и смыслы России страны-цивилизации как гражданский патриотизм, всемирная отзывчивость русского народа, гражданский мир, межцивилизационное согласие, полиэтническая цивилизация, цивилизационная идентичность, русская культурная доминанта.

Показателен и их солидарный ответ на вопрос: «Сопоставима ли Россия как страна-цивилизация с цивилизациями Запада, Китая и Индии?». Ведь у России нет таких финансовых и технологических возможностей как у Запада. Отсутствует и такой как у Китая и Индии демографический ресурс в более чем 1 миллиард населения их стран. Что же тогда ставит интеграционный проект Россия страна-цивилизация в один ряд с цивилизациями Запада и Востока?

Ценность любой локальной мировой цивилизации на наш взгляд не определяется только лишь одними количественными показателями. Главное – что и как конкретная цивилизация приносит в копилку всего человечества, какими показателями определяется её вклад в развитие всемирной истории и мирового социума.

На протяжении двух тысячелетий всемирной истории преобладающей оказывается модель общественного развития по типу модели общества-конфликта. В этой модели предусматривается враждебность отношений по известным принципам, лежащим в основе формирования Западно-христианской цивилизации, «Цель оправдывает средства» (Н. Макиавелли) и «Война всех против всех» (Т. Гоббс).

Общественный идеал России страны-цивилизации – солидарное общество, организованное не по принципу разделения властей, а по принципу симфонии властей, где действуют не бьющиеся на смерть как древнеримские гладиаторы конкуренты, а соработники. Повторяем, речь идёт об общественных идеалах, а не пунктуальном следовании реальным отношениям.

Великая Победа показала, что с точки зрения цивилизационного предназначения России есть чем ответить на вызовы современного времени и мира. За Российской (Восточно-христианской православной) цивилизацией, как неоднократно отмечается в итоговых документах Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС), собирающегося с 1993 г. на ежегодные сессии в храме Христа Спасителя в Москве стоят:

1) уникальность опыта государственного развития путём не колонизации, а собирания и интеграции в цивилизационную общность разобщённых земель и народов. Многонациональная цивилизация. Но при этом – единый русский народ. А в XXI в. уже и российский народ. Как писал И.П. Ильин: «Русская нация – это многонародная нация»;

2) 1150-летний опыт строительства межнациональных отношений на почве уважения мира и справедливости. В России как стране-цивилизации, в отличие от цивилизаций Китая и Индии не было и нет народов-господ и народов-рабов, каст-правителей и каст неприкасаемых;

3) господствующая цивилизационная Традиция (именно с большой буквы) самоограничения или в православной трактовке – нестяжательства, основоположником которого был монах Кирилло-Белозерского монастыря, преподобный Нил Сорский (1433-1508);

4) приоритет нравственным в противоположность материальным ценностям и смыслам, данных человеку Господом Богом, – добротоделанию, справедливости, труду, коллективизму, семье и др.

9. Русский мир

Великая Победа впервые во всемирной истории выдвинула на мировую арену и определила в основных чертах такую цивилизационную общность как Русский мир. К Русскому миру принадлежат все и всё, что входит в определение категорий «русскости», а теперь и «российскости». Что это такое? Вспомните Пушкина; «Здесь русский дух,

Здесь Русью пахнет» («Руслан и Людмила») (5).

Тысячу раз был прав Пётр 1, когда в 1721 г. при принятии титула императора России и обозначении страны как новой империи назвал Россию не Русской, а Российской империей. Царь Пётр как «Работник на троне» (определение С.М. Соловьёва) прекрасно отдавал себе отчёт в том, что в государственном строительстве помимо русских участвовали сотни и других народов и этничностей, проживавших на территории Евразии.

Великая Победа утвердила модель Русского мира. Эта модель включает следующие компоненты:

1) **цивилизационно** – мировое ядро Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации. В ХХ1 в. развитие локальных мировых цивилизаций с географическим местоположением в Евразии свидетельствует о формировании ещё одной горизонтальной Евразийской цивилизации. И в ней этнодоминантным и культурологическим центром вполне заслуженно выступает именно Русский мир;

2) **геополитически** – мир без войн и социальных потрясений, действительная мировая общность имеющая предпосылки русской соборности как дееспособной демократии и солидарности в обществе. В мировом устройстве – основа и один из центров многополярного мира без гегемонии и диктата;

3) **этнически** – сообщество не только русских россиян. И не только наших соотечественников в странах ближнего и дальнего зарубежья. Но также - эмигрантов из России разных времён и их нынешних потомков. Это может быть миром и для тех иностранных лиц, которые говорят и думают по-русски, интересуются Россией, болеют за её настоящее и будущее благополучие;

4) **функционально** - мир причастных к России культурно и религиозно, магнитное силовое поле, собирающее вокруг генеративно-политического центра Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации все уровни

и категории солидарного мира: а) полиэтничного; б) многоконфессионального; в) социального; г) идеологически неоднородного характера; д) мультикультурного по составу; ж) географически сегментированного;

5) **психологически** – мировая форма и способ глобальной самоидентификации;

6) **мобилизационно** – мир без конфликтной вражды, механизм воссоединения расколотого русского и других народов бывшего СССР, мир примирения и русского лада, общественного единства и преодоления разобщённости.

Не будем забывать, что ещё в Х1Х в. перспектива всеславянского единства пусть и не в совсем проработанной форме панславянизма была путеводной звездой для многих народов Восточной Европы и Балканского полуострова. В случае объединения славянской общности всей Европы мечтам о гегемонии и всемирном диктате со стороны англосаксонского и романо-германского миров пришёл бы окончательный крах. Не было бы ни наполеоновского нашествия, ни фиаско в Крымской войне (1854-1856), ни может быть и двух мировых войн.

Русский мир служит мощным стимулом для интеграции Восточно-христианской и Евразийской цивилизаций, а возможно и гораздо шире. Ведь в числе стремившихся к русскому и славянскому единству в разное время выступали разные страны и народы. Среди них называют Великую Моравию (822-907), Великое княжество Литовское (1316-1795), Речь Посполитую (1569-1795) и др.

В Африке и на Ближнем Востоке – православно-христианские сегменты коптов, Эфиопская цивилизация. В Америке – социалистическая Куба, боливарианские конгломераты в Венесуэле, Боливии. Русские диаспоры в Бразилии и Аргентине, Уругвае, Австралии и Новой Зеландии.

Словом, процессы идут не останавливаясь, несмотря на временные не-

удачи и отступления. Это свидетельствует, что ценности и смыслы принесённые во всемирную историю Великой Победой, Русским миром, Российской (Восточно-христианской православной) цивилизацией значительно шире, чем социально-политические и идеологические режимы и мировоззрения.

Не случайно, именно СССР в середине 1970-х годов как ГПЦ всей мировой системы социализма стал вершиной в развитии Восточно-христианской православной цивилизации и Русского мира. Хотя среди руководства СССР многие даже не подозревали о существовании ни такой цивилизации, ни такого мира.

Выводы

Заканчивая разговор о возможном проекте Великой Победы как национальной идеи заметим и такую особенность. В истории каждого этапа развития Восточно-христианской цивилизации были свои национальные идеи и даже доктрины. На наш взгляд, к их числу можно отнести следующие.

1. Древнерусская цивилизация (У111-Х111 вв.) – обретение Православной Благодати (митрополит Иларион «Слово о Законе и Благодати»).

2. Третьемировская цивилизация Московской Руси (Х111-ХУ111 вв.) – Москва – третий Рим (монах Филофей и царь Иван Грозный).

3. Российская цивилизация (ХУ111-ХХ вв.) – Самодержавие. Православие. Народность (министр образования С.С.Уваров и император Николай I).

4. Советская цивилизация (1917-1991) – Труд. Справедливость. Народовластие (коллективная мысль РКП(б)-ВКП(б)-КПСС).

5. Российская цивилизация (1992-настоящее время) - Великая Победа в Отечественной войне 1941-1945 гг. как наследие и продолжение ценностей и смыслов Российской (Восточно-христианской православной) цивилизации.

Литература

1. Владимир Путин: «Идеология может быть только одна – патриотизм», -

Завтра, 19.12.2019.

2. Подлинные виновники Второй мировой: урок истории от В.В. Путина, - Завтра, 24.12.2019.

3. European Parliament resolution of 19 September 2019 of European remembrance for the future of Europe – European Parliament, 07.01.2020.

4. National Security Strategy of the United States of America February 2015– [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (дата обращения: 07.01.2020).

5. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America, - Краткое содержание Стратегии национальной обороны США, Министерство обороны США, 19.01.2018.

6. Nuclear Posture Review, NPR-2018. 7. 2019 Missile Defense Review).

8. Военная доктрина Российской Федерации, - Kremlin.ru, 07.01.2019.

9. Ремарк Эрих Мария. На Западном фронте без перемен. М.: АСТ. 2015,

10. Хемингуэй Эрнест. Прощай оружие. М.: АСТ. 2016

11. Олдингтон Ричард. Смерть героя. М.: Издательский дом Мещерякова. 2007.

Apology of the Great Victory. 1941-1945. Great Victory as a national idea

Vasetskiy N.A.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article explores the place and role of the Great Victory in the process of establishing and developing the values and meanings of Russian (Eastern Christian Orthodox) civilization. Can the Great Victory become a milestone on the path to the acquisition of the so-called national idea by the Russian world?

The Russian world serves as a powerful incentive for the integration of East Christian and Eurasian civilizations, and possibly much wider. In Africa and the Middle East - Orthodox Christian segments of the Copts, Ethiopian civilization. In America, socialist Cuba, Bolivarian conglomerates in Venezuela, Bolivia. Russian diasporas in Brazil and Argentina, Uruguay, Australia and New Zealand. In short, the processes are not stopping, despite temporary setbacks and retreats. This indicates that

the values and meanings brought into world history by the Great Victory, the Russian World, and the Russian (East Christian Orthodox) civilization are much broader than socio-political and ideological regimes and worldviews.

Keywords: Great Patriotic War, Great Victory, 1941-1945, ideology, patriotism, national idea

References

1. Vladimir Putin: "There can only be one ideology - patriotism", - Tomorrow, 12/19/2019.
2. The true culprits of World War II: a history lesson from VV Putin, - Tomorrow, 12.24.2019.
3. European Parliament resolution of 19 September 2019 of European remembrance for the future of Europe - European Parliament, 07/07/2020.
4. National Security Strategy of the United States of America February 2015– [Electronic resource]. - Access mode: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2015/02/2015.pdf> (access date: 01/07/2020).
5. Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America, - Summary of the US National Defense Strategy, US Department of Defense, 01/19/2018.
6. Nuclear Posture Review, NPR-2018.
7. 2019 Missile Defense Review).
8. Military doctrine of the Russian Federation, - Kremlin.ru, 01/07/2019.
9. Remarque Erich Maria. On the Western Front, no change. M.: AST. 2015,
10. Hemingway Ernest. Bye weapons. M.: AST. 2016
11. Aldington Richard. The death of a hero. M.: Publishing house Meshcheryakova. 2007.

Социальная ответственность бизнеса: условия для консолидации

Аносов Сергей Сергеевич – кандидат философских наук, преподаватель кафедры истории и философии Иркутского национально-исследовательского технического университета. ssanosov@mail.ru

В статье представлен теоретический анализ социальных практик общественного воспроизводства, способствующих формированию социальной консолидации. На примере социальной ответственности бизнеса показывается роль и значимость социальной активности и включенности в общественное развитие руководителей среднего и крупного бизнеса. В основе эмпирического материала используются результаты авторского экспертного исследования о процессах социальной активности различных институтов в социальной солидарности.

Ключевые слова: социальная ответственность, ответственность бизнеса, консолидация, социальная активность, инертность, интеграция

Одним из пространств конструирования социальной консолидации современного общества выступает социальная активность и социальная осознанность отдельных членов нашего сообщества. Особенно важен данный контекст среди руководителей среднего и крупного бизнеса, так как они могут быть лидерами трансформации социальных процессов общественного воспроизводства и социального развития.

Существуют три основные интерпретации концепции социально-ответственного бизнеса. Первая и наиболее традиционная подчеркивает, что единственная ответственность бизнеса – увеличение прибыли для своих акционеров. Эта точка зрения была «озвучена» Милтоном Фридманом (Milton Friedman) в 1971 г. и может быть названа теорией корпоративного эгоизма: «Существует одна и только одна социальная ответственность бизнеса: использовать свои ресурсы и энергию в действиях, ведущих к увеличению прибыли, пока это осуществляется в пределах правил игры».

Вторая точка зрения прямо противоположна теории Фридмана. Назовем ее теорией корпоративного альтруизма. Появилась она одновременно с опубликованием нашумевшей статьи Фридмана в *New York Times* и принадлежала Комитету по экономическому развитию. В рекомендациях Комитета подчеркивалось, что «корпорации обязаны вносить значительный вклад в улучшение качества американской жизни». Отрадно, что подобные фразы (с поправкой на то, что речь идет о жизни россиян) все чаще звучат из уст российского президента.

Третью позицию представляет одна из самых сильных «центристских» теорий, теория «разумного эгоизма» (enlightened self-interest). Она настаивает на том, что социальная ответственность бизнеса – это просто «хороший бизнес», поскольку сокращает долгосрочные потери прибыли. Тратя деньги на социальные и филантропические программы, корпорация сокращает свои текущие прибыли, но в долгосрочной перспективе создает благоприятное социальное окружение и, следовательно, устойчивые прибыли. Социально ответственное поведение – это возможность для корпорации реализовать свои основные потребности в выживании, безопасности и устойчивости [14, с. 65].

Через деятельность в рамках социальной ответственности бизнес, с одной стороны, реализует свою программу создания лояльной внутренней и внешней аудитории (стейкхолдеров); с другой стороны, демонстрирует государству свою готовность разделять его социальное бремя, а значит – позиционирует себя в качестве надежного партнера (что в пределе должно поддержать или даже повысить жизнеспособность и прибыльность данного бизнеса), и с третьей стороны, так или иначе, но отдает известный долг обществу, используя различные ресурсы которого он, собственно, и извлекает прибыль. В результате все три аспекта работают на укрепление социальной консолидации общества, несмотря на то, что эта цель изначально бизнесом может и не ставиться, и даже не осознаваться.

Концепт и практика социальной ответственности бизнеса (СОБ), как и очень многое, импортированы в сферу российских социально-экономических отношений из развитых стран Запада. На «родной почве» данный институт формировался и вызревал столетиями, в отечественных же реалиях он, хоть и нашел некоторые исторические корреляты (прежде всего – в явлении благотворительности, весьма развитом в дореволюционной

России), все же оказался достаточно новым, что с неизбежностью должно было придать, и придало ему специфические российские черты.

В самом общем виде под социальной ответственностью бизнеса, или корпоративной социальной ответственностью понимаются «обязательства, которые берут на себя компании, предприятия, бизнес-группы для решения общественно значимых проблем как в рамках самого бизнес-сообщества, так и за его пределами, то есть на муниципальном, региональном, национальном, а иногда и глобальном уровнях» [20, с. 3].

Условной формальной точкой отсчета внедрения СОБ в России можно считать 16 ноября 2004 года, когда Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП) на XIV съезде была одобрена «Социальная хартия российского бизнеса». Работчиками постулируется, что хартия в 2007 году «официально признана национальным документом, соответствующим Глобальному Договору ООН» [21, с. 2]. Другими словами, это программный документ, который должен определять основное содержание, характер и механизмы реализации социальной ответственности бизнеса в российском обществе. В связи с этой претензией, уделим ему некоторое внимание. На начало 2020 года к хартии присоединилась 265 организаций (компании, отраслевые и региональные объединения бизнеса и другие НКО) [20]. Одновременно, по состоянию на 20 декабря 2017 года в Реестре РСПП числится 421 организация [11]. Тем самым, более полутора сотен членов РСПП от подписания хартии по тем или иным причинам воздержались. Интересным, на наш взгляд, является также тот факт, что в Национальный Регистр нефинансовых отчетов внесены 166 компаний из числа присоединившихся к тому программному документу. То есть, именно такое количество организаций предоставили экологические, социальные отчеты, отчеты в области устойчивого развития, отраслевые и интегрированные отчеты

[9]. Получается, сотня компаний, подержавших вступлением идеи хартии, являются ее подписантами чисто номинально.

Другими словами, хартия оставила равнодушными без малого две трети членов РСПП. Обращает на себя внимание и некоторое смещение акцентов в двух редакциях данного документа – 2004 (первая) и 2007 гг., прежде всего – относительно понимания самого предмета. В первой редакции утверждается «...принятие социальных обязательств российским деловым сообществом и отдельными компаниями – не альтруизм и не выкуп “социальной лицензии” на коммерческую деятельность. Социальная ответственность бизнеса может и обязана быть полезна для долгосрочного успеха самих компаний в той же мере, как и полезна для общества в целом» [20]. Из второй редакции красноречивый пассаж об обязанности быть полезным для общества исключен, но появился следующий: «Корпоративная социальная ответственность в нашем понимании – это часть эффективных бизнес-стратегий, прежде всего связанная с деятельностью и задачами развития каждой компании» [21, с. 5].

Смысловое смещение от признания общества обязательным равноправным бенефициаром деятельности компаний до недвусмысленного утверждения приоритетности базовых задач, то есть извлечения прибыли, очевидно. Характерна и смена терминологии – словосочетание «социальная ответственность бизнеса» из новой редакции исключено, ему на смену пришла «корпоративная социальная ответственность». С одной стороны, последнее выглядит безобидной калькой с англоязычного аналога (*corporate social responsibility*), но с другой, эта смена терминов означает смену фокуса социальной ответственности с внешнего вектора на преимущественно внутренний – социальную ответственность внутри и для корпорации [4].

Именно с этим ненавязчивым смещением акцентов связана, на наш взгляд, и еще одна примечательная

корректурa, касающаяся характера отношений и цели взаимодействия власти, бизнеса и общества. В первой редакции хартии утверждается: «...важнейшее условие экономического и социального благополучия страны – формирование солидарной ответственности (здесь и ниже выделено мною – С.А.) государства, бизнеса и гражданина, в основе которой – демократия, соблюдение гражданских прав и свобод, включая право частной собственности, равенство возможностей, уважение человеческого достоинства и приоритет закона» [20]. Вторая же редакция провозглашает: «Мы способствуем формированию взаимной ответственности государства, бизнеса и гражданина, в основе которой – демократия, соблюдение гражданских прав и свобод, включая право частной собственности, равенство возможностей, уважение человеческого достоинства и приоритет закона» [21, с. 10]. Тем самым, первая редакция подобно тому, как «корпоративная этика», «корпоративная культура» четко указывают на внутреннего адресата данных понятий.

В то же время вторая редакция постулирует их взаимную ответственность без такой видимой цели. Рискнем все же предположить, что определенная цель все-таки присутствует, но подразумевает благополучие не общества в целом, а конкретных субъектов такой взаимности. Впрочем коллизии «официального национального документа» о социальной ответственности бизнеса вполне соответствуют достаточно противоречивой институционализации последней в российском обществе.

Одно из наиболее очевидных противоречий – специфика мотивации бизнеса к социально-ответственной деятельности в контексте проблем адаптации и институционализации последней. Пожалуй, характер такой мотивации в значительной (если не решающей) степени определяют сложившиеся взаимоотношения между бизнесом и государственной властью.

По словам Н.Ю. Лапиной, «В современной России по мере обострения отношений между верхушкой бизнеса и государством социальная ответственность стала рассматриваться многими представителями высшей страты бизнеса как “стратегия адаптации” к новой политической ситуации» [10, с. 31].

Адаптацию, преследующую целью создание по возможности благоприятных условий для функционирования бизнеса, имеет в виду и А. В. Капкина, которая, вместе с тем, добавляет в реестр мотиваторов и мораль: «Существуют три группы факторов, влияющих на социальную ответственность бизнеса: а) лояльность властей; б) экономические выгоды (эти факторы напрямую связаны со стремлением бизнеса обезопасить себя от излишних проблем, гарантировать собственную стабильность и позитивный имидж как на внутреннем, так и на внешнем рынке); в) морально-нравственные причины, которыми бизнес руководствуется, принимая участие в благотворительной деятельности» [7, с.116].

В свою очередь, Ф. В. Филина, расширяет количество причин необходимости адаптации, включая в них также и общество граждан. По ее мнению, корпоративная социальная ответственность (КСО) является элементом европейской социальной модели, базирующейся на развитии партнерства и направленной на ускорение экономического роста, при неослабевающем внимании к задачам устойчивого развития. Этот автор считает, что именно КСО формирует доверие и способствует взаимной ответственности бизнеса, общества и власти (мнение, по всей видимости, основанное на второй редакции Социальной хартии). Ф. В. Филина утверждает, что КСО «...становится способом реализации стратегии устойчивого развития отдельной компании, что одновременно вносит вклад в устойчивое развитие национальной и даже мировой экономики; является эволюционной формой институциональной адаптации

бизнес-структур к растущим требованиям гражданского общества, формой разрешения противоречия между краткосрочными экономическими и финансовыми интересами и долгосрочными целями устойчивого развития как отдельных корпораций, так и всей национальной экономики; запускает в действие процессы институциональной рациональности организационно-функционального поведения фирмы в современных условиях» [22, с. 204–205].

Противоречивые тенденции в развитии корпоративной ответственности компаний отражены в работах О. А. Полюшкевич [14,15,16], где указываются как социокультурные и исторические причины, так и социально-психологические характеристики руководителей бизнеса. А также в работах А. Н. Пружинина [18,19] подчеркивается роль человеческого капитала и его развития в формировании стратегий социальной ответственности бизнеса. Также как и в исследованиях Г. В. Дружинна [4,5,6] проводится связь миссии и идеи корпоративизма и ресурсов развития человеческого капитала сообществ.

В институциональной парадигме рассматривают адаптацию СОБ к российскому контексту также Д. П. Фролов и А. А. Шулимова. Исследователями осуществлен критический анализ затрат и выгод отдельных институций социальной ответственности бизнеса. К таковым они относят следующие: корпоративная благотворительность, меценатство, спонсорство, социальный маркетинг, социальное инвестирование и партнерство, корпоративное гражданство и волонтерство. Как считают авторы, практика адаптации «трансплантированного института СОБ» к особенностям российской институциональной среды происходит в трех основных формах, к которым относятся:

1) экзактация – реализация данного института без особой глубины, с изменением его изначальных функций, показной социальной ответственностью, вынужденным социальным инвестированием и таким же «партнерством», что

сопровождается спорадическими социальными акциями, реализуемыми эпизодически и несистемно;

2) кооптация – глубокое внедрение института СОБ, обусловленное переходом от соответствия букве закона к добровольным проектам, развитием коммерческих форм (спонсорство, социальное инвестирование, социальный маркетинг);

3) интеграция – усвоение данного института организационным этосом, использование новейших инструментов (корпоративное гражданство, волонтерство), внедрение социально-ответственных принципов во все деловые процессы фирмы, включая ее экономическую стратегию, соответствие международным стандартам [23, с. 134].

На наш взгляд, исследователи излагают в своем видении достаточно логичную последовательную институционализацию СОБ в отечественных реалиях, хотя почему-то считают эти формы «параллельно сосуществующими». Представить себе, как могут одновременно реализовываться в рамках одной компании экзактация, носящая демонстративный характер, и интеграция, как укоренение в организационной культуре, все же достаточно сложно.

Обратим также внимание, что при описании процесса внедрения СОБ в российскую социально-экономическую среду исследователи могут использовать термины «адаптация» или «институционализация». Очевидно, что первый больше устраивает тех, кто воспринимает СОБ в качестве «трансплантированного» института, который должен укорениться в российских условиях (подход Г. В. Дружинина, А. Н. Пружинина, Ф. В. Филиной, Д. П. Фролова, А. А. Шулимовой).

Мы же, в свою очередь, отдаем предпочтение второму термину – «институционализация» – в силу того, что данная практика все еще находится в процессе становления и легитимации в России, и социальной ответственности бизнеса еще только предстоит, продолжая выражаться языком П. Бергера и Т.

Лукмана, этапы «опривычивания» или «хабитуализации», и последующей рутинизации как превращения практики в нечто, само собой разумеющееся, короче – в социальный институт, поддерживаемый, несмотря на свою «объективность», ежедневным взаимодействием членов общества [2].

Впрочем, А.Н. Пружинин и Д. П. Фролов и А. А. Шулимова не проходят мимо проблем, которыми сопровождается эта институционализация или адаптация, будь она параллельная или последовательная. К таким сложностям авторы причисляют факторы, которые можно разделить на рефлексивные, функциональные и средовые [23]. К первым мы бы отнесли из перечисленного исследователями: искаженное представление о сути социальной деятельности компаний среди их собственников и топ-менеджеров, что и ведет «...к подмене инициативных форм СОБ спонсорством и точечным социальным инвестированием с целью формирования позитивного имиджа перед государством и извлечения дополнительной прибыли»; и «одностороннее понимание социальной ответственности местными и региональными властями, рассматривающими данный институт как форму дополнительной эксплуатации бизнеса в качестве донора бюджета путем делегирования ему затратных социальных функций».

К функциональным факторам относится «...функциональная “дистрофия” социальной ответственности, например, сужение сферы реализации социального партнерства вплоть до взаимодействия руководства корпораций и профсоюзов в области трудовых отношений». К средовым же проблемам логично причислить следующие факторы: «...незрелость, недостаточная активность и высокая фрагментация институтов гражданского общества, не обеспечивающих достаточных импульсов субъектам бизнеса к расширению спектра социальных программ».

Но в качестве главной проблемы исследователи выделяют все-таки очевидный «...дефицит мотивации топ-ме-

неджмента российских компаний к внедрению институций и программ СОБ. Социальная ответственность все еще не воспринимается даже «активным меньшинством» руководителей бизнеса как объективная необходимость и основа стратегического развития» [23, с. 134–135]. Вместе с тем, мы бы классифицировали данную проблему как также относящуюся к факторам рефлексивного характера: собственники и топ-менеджеры искренне не понимают, зачем им нужна социальная ответственность, и почему они должны направлять часть прибыли на финансирование заведомо не приносящих доходов акций. То, что находится в пределах понимания бизнеса, начинает истолковываться как социальная ответственность, и тогда в ее разряд попадают практики, включение которых в ответственность перед обществом выйдет не вполне убедительным. Например, в представлениях топ-менеджеров российского бизнеса социальная ответственность подразумевает, прежде всего, так называемые социально-правовые аспекты, включающие своевременную выплату зарплаты, обеспечение безопасности труда и уплату налогов – эту группу признаков назвали 90 % опрошенных в исследовании М. А. Шабановой [24], развитие человеческих ресурсов виде корпоративного образования, создания корпоративных университетов, что рассмотрено в исследовании А. Н. Пружинина [18].

Социальные аспекты, такие как повышение образования персонала, детские сады, медицина, жилье – назвали 59 % бизнес-лидеров. «Внешние» инициативы, направленные на сообщество, в котором функционирует данный бизнес, назвали признаком социальной ответственности 70 % респондентов выше упомянутого автора [24, с. 21]. Однако выплата зарплаты, безопасные условия труда и уплата налогов не являются предметом свободного выбора предпринимателя и работодателя, это установления, которые должны выполняться по умолчанию. Бизнесмен, объ-

являющий себя социально ответственным только потому, что вовремя и в полном объеме платит работникам полагающееся им вознаграждение, или лукавит, или действительно не понимает сути СОБ. Последнее совершенно не исключено, ведь по выводу М. А. Шабановой, «...сегодня даже у наиболее продвинутой группы деловых людей образы социально ответственного бизнеса пока весьма фрагментарны, внутренне слабо согласованы. На их формирование воздействует множество факторов – институциональных, экономических, культурных, социоструктурных, включая, кстати, низкий уровень социальной ответственности со стороны самих властей, и пр.

Реагируя на внешние и внутренние вызовы, топ-руководители включаются в самые разные виды социальной активности, по мере возможностей – нередко вынужденно – беря на себя социальные функции в самых разных областях, но чаще всего, не охватывая всецело компоненты ни одной из них. Сегодня внешние вызовы таковы, что, как правило, способствуют формированию у хозяйствующих субъектов ситуативно-реактивных образов социально ответственного бизнеса и мало содействуют их стратегическому выстраиванию» [24, с. 20–21].

Для формирования такой рефлексии необходимо, прежде всего, долгосрочное стратегирование, а это именно то, что в большом дефиците у отечественных «капитанов бизнеса», мыслящих категориями настоящего и очень обозримого будущего. По словам Н. Г. Анохина, «многие российские предприятия начинают внедрять в свою деятельность принципы социальной ответственности. Но большинство предпринимателей убеждены в том, что они никому ничего не должны, поэтому усиление социальной ответственности в большей степени обусловлено давлением государства» [1, с. 27].

Государственное давление – это следующий фактор, специфичный для

процесса институционализации социальной ответственности бизнеса в российском обществе.

Как отмечает Н. Ю. Лапина, «...в России в начале нового столетия требование “социальной ответственности” в жесткой форме было сформулировано государством. В понимании российской власти социальная ответственность должна стать своеобразным “отступным” за приватизацию, в ходе которой государственная собственность за бесценок была передана новым владельцам» [10, с. 31]. Другими словами, государство отдает себе отчет в, мягко говоря, неполной законности произошедшего обогащения ряда лиц, структур, однако, возникает ощущение, что такое восприятие, по Н. Ю. Лапиной, относится к целой сфере деятельности. Действительно, похоже, что «презумпция виновности» распространяется правящим сообществом на предпринимательскую активность вообще, на что указывают целый ряд исследователей.

Е. Я. Виттенберг, в частности, утверждает: «большим препятствием на пути развития СОБ в России является неравноправный характер отношений между бизнесом и властью. Вопреки мировому тренду передачи ряда сфер ответственности от государства к бизнесу в условиях нарастающего процесса глобализации, в России пока государство безраздельно доминирует над бизнесом, нередко вмешивается в его деятельность, иногда мелочно опекает его, мешая тем самым становлению его как самостоятельного субъекта социальной ответственности и формированию современной модели СОБ» [3, с. 88].

Имеются и эмпирические корреляты таких теоретических предположений. Так, Л. Н. Коровина приводит данные исследования, согласно которому «73 % опрошенных бизнесменов сочли важнейшим фактором, влияющим на социальную активность делового сообщества, административное давление власти» [8, с. 50]. В свою очередь, 30 % предпринимателей, респондентов

ВЦИОМ, на вопрос «Почему Ваше предприятие оказывало помощь региональным и местным властям в социальном развитии региона?» выбрали вариант ответа «Без участия в такого рода расходах предприятие в своей деятельности может столкнуться с определенными проблемами со стороны местных и региональных властей».

Еще 32 % выбрали ответ – «Об этом лично просил губернатор/ мэр города или его представители». Учитывая некорректную, на наш взгляд, формулировку первого варианта ответа на этот закрытый вопрос – «Это общепринятая практика, так делают другие предприятия в Вашем городе» (здесь факт тонко подменил мотивацию), выбранного 42 % респондентов, доля бизнесменов, сославшихся на давление власти, как главный мотиватор их социальной активности, может достигнуть 100 %. [12].

Таким образом, социальная ответственность – это предложение бизнесу со стороны власти, от которого сложно или совсем невозможно отказаться. Известной парадоксальности данной ситуации добавляет обстоятельство, подмеченное процитированной нами выше М. А. Шабановой: власть сама демонстрирует низкий уровень социальной ответственности. Исследователь развивает свое видение дальше, пытаясь определить уровень цивилизованности отечественного бизнеса и приходя к не самым оптимистичным выводам: «Признаки цивилизованности сегодня меньше всего присутствуют в отношениях “бизнес – власть” (по сравнению с отношениями “бизнес – бизнес” и “бизнес – общество”).

В первую очередь, это связано с низкой законопослушностью представителей самой власти, нестабильностью правил ее игры с бизнесом; слабой защищенностью бизнеса со стороны правоохранительных органов и др. Если учесть еще и то, что отношения “власть – бизнес” негативно воздействуют на степень цивилизованности и отношений “бизнес – бизнес” и “бизнес – общество”, то можно заключить, что именно власть

выступает решающим (хотя и не единственным) актором, тормозящим продвижение российского бизнеса к более цивилизованному» [24, с. 24].

Примечательно, что к выводу о такой, мягко говоря, неоднозначной роли власти приходит не только М. А. Шабанова. По словам Г. К. Овчинникова, «...по Конституции РФ российское государство позиционирует себя как государство социальное. Но социальные проблемы, связанные в конечном счете с обеспечением стабильности развития страны в целом как субъекта мировой цивилизации, настолько сложны и масштабны, что ресурсов и усилий государства, в т. ч. социальной воли, недостаточно. В этих условиях крайне важна социальная миссия бизнеса как основного социально-экономического института в системе хозяйствующих субъектов» [13, с. 96]. Государство с недостаточной «социальной волей» – так определяет современную российскую власть исследователь.

Н. Ю. Лапина, в свою очередь, утверждает: «Социально ответственный бизнес мог бы помочь решить многие острые проблемы современного российского общества – сгладить социальное неравенство, гармонизировать общественные отношения. Но социальная ответственность бизнеса требует социальной ответственности от государства, а такого государства в современной России не существует» [10, с. 38].

Этому видению вторит Е. Я. Виттенберг, по убеждению которого, «...в России наблюдается эманация безответственности и существует некая пирамида безответственности, когда социальная безответственность правящих элит экстраполируется на бизнес и общество. В упрощенном виде это выглядит примерно так: власть в ряде случаев принимает социально безответственные законы и решения (например, “Закон Димы Яковлева”, санкции против западного продовольствия, уничтожение санкционных продуктов и т. д.). Биз-

нес, в свою очередь, допускает социальную безответственность в вопросах налогообложения, качества производимых товаров и услуг, охраны окружающей среды и т. д.» [3, с. 105].

Исследователи отмечают и своеобразную реакцию бизнеса на правила игры, устанавливаемые государством, и представляющиеся деловому миру довольно несправедливыми. Е. Я. Виттенберг, в частности, указывает на то, что многие получающие зарплату в конверте сотрудники идут на это сознательно, и в этом «проявляется солидарное безответственное поведение предпринимателей и работников. Оправданием подобного поведения может служить феномен недоверия к государству со стороны значительной части бизнеса и граждан. В условиях, когда государство никак не может отработать пенсионную систему и правила игры постоянно меняются (то замораживается накопительная часть пенсии, то полностью прекращают индексацию по уровню инфляции пенсий работающим пенсионерам, то идут постоянные разговоры по поводу пенсионного возраста и т. д.), многие граждане сами пытаются создавать для себя пенсионные накопления.

В результате анализа сложившейся ситуации, нами была сформулирована цель исследования – выявление целей и проблем развития социальной ответственности бизнеса в современных условиях России. Исследование проводилось в форме экспертного интервью в 2019-2020 годах, в нем приняли участие 30 руководителей среднего и крупного бизнеса, развивающих в своих компаниях комплекс или отдельные элементы социальной ответственности бизнеса.

В ходе исследования мы выявили, что существуют три основные группы факторов, оказывающих влияние на социальную ответственность бизнеса: первая – потенциально возможная лояльность власти к тем компаниям, которые совместно с государством реализуют задачи социальной политики; вторая – потенциально возможные выгоды

компании на внутреннем рынке, извлекаемые из более конкурентоспособного положения в том случае, когда высок уровень социальной ответственности; третья – морально-нравственные принципы, лежащие в основе добровольной благотворительной и социально ответственной деятельности российских компаний.

Из всех опрошенных, только 16% предпринимателей считают, что уровень социальной ответственности бизнеса высок; 37% считают его очень низким или близким к этому; 47% предпринимателей полагают, что их социальная ответственность должна сводиться к уплате налогов, выплате достойной заработной платы сотрудникам, созданию

рабочих мест. То есть большинство предпринимателей считают излишним осуществлять какие-либо добровольные проекты социальной ответственности, что не противоречит вышеупомянутым показателям, однако может свидетельствовать о принудительном характере участия бизнеса в социальных проектах.

Участники опроса отметили, что социальная ответственность помогает расширению бизнеса на рынке (21%), повышает имидж (18%) и репутацию компании (16%), укрепляет бренд (14%) и дает вторичную рекламу компании (11%). При этом, 20% экспертов говорят о том, что социальной ответственности требует правительство (см. рис.1.).

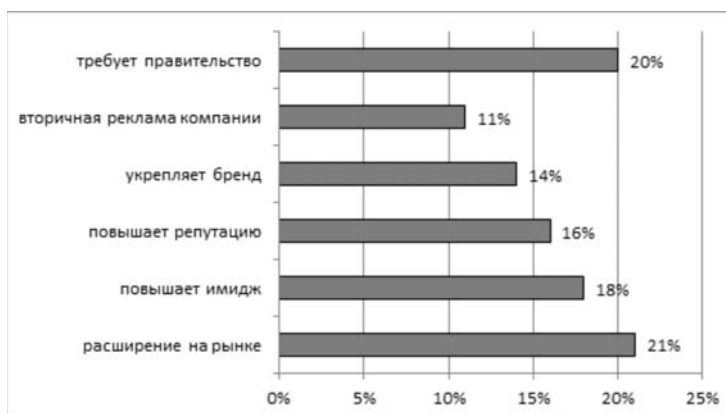

Рис.1. Что дает социальная ответственность российскому бизнесу

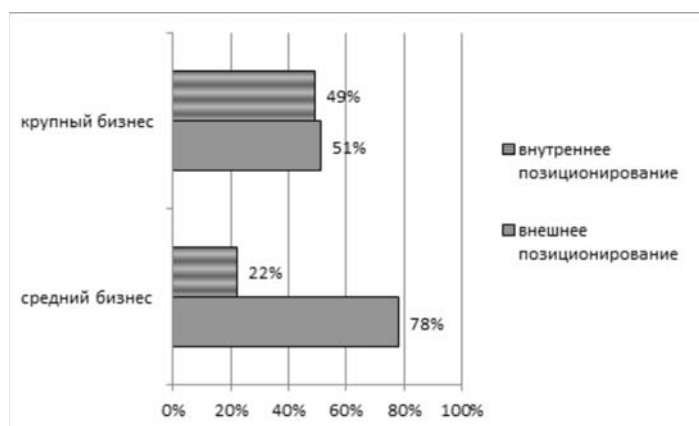

Рис.2. Внешние и внутренние стратегии развития социальной ответственности бизнеса

При этом, даже те, кто занимается социальной ответственностью признают, что до полной прозрачности им далеко. Иными словами, социальная ответственность существует однобоко, регулируя только часть социальных процессов.

Из проектов социальной ответственности существующих на сегодняшний день в нашей стране, наиболее продуманы проекты внешнего позиционирования (забота об окружающей среде, патронаж детских домов, школ, клубов и т.д.), значительно реже встречаются проекты социальной ответственности внутреннего ориентира, исключение составляет крупный бизнес, где имеются расширенные программы социального страхования, социальные гарантии, дополнительные стимулы и формы поддержки и развития своих сотрудников (корпоративные университеты, спортивные и социальные программы развития сотрудников и членов их семей). См. рис.2.

Существует ряд причин и обстоятельств, вследствие которых государство без помощи бизнеса обойтись не может. Здесь встает вопрос о разделении двух различных измерений социальной ответственности – эксплуатации бизнеса государством и разумного взаимодействия бизнеса и власти.

Эффективное государственное управление подразумевает регламентированные, четко установленные и законодательно закреплённые права и обязанности субъектов государственной политики и управления. Необходимо учитывать, что бизнес, которому дана возможность зарабатывать сверхкапиталы, заключает негласные договоренности с государством по исполнению социальных заказов. Отсутствие законодательной базы, регулирующей лоббистскую деятельность, оставляет бизнесу и власти большой простор для теневого взаимодействия. Нерегулируемый лоббизм провоцирует невозможность регламентировать обязанности и права бизнеса и устанавливать ясный и прозрачный порядок взаимодействия

бизнеса, власти и общества. Отсюда вытекает вопрос эффективности деятельности бизнеса в рамках социальной ответственности. Довольно сомнительной представляется эффективность отдельных вливаний для устранения следствий социальных проблем, в то время когда очевидна необходимость серьезной работы над их причинами. Помощь крупного российского бизнеса в преодолении последствий летних пожаров 2010 г., 2019 г. была необходима, однако эта помощь не способна побороть, например, одну из причин катастрофического распространения пожаров, а именно – отсутствие систем быстрого реагирования в условиях чрезвычайной ситуации по всей стране. Решение проблем такого уровня служит задачей обеспечения государственной безопасности. Для России как государства, обладающего богатым историческим опытом, характерна традиция преодолевать проблемы общегосударственного масштаба «всем миром», однако современные реалии диктуют необходимость разработки новых эффективных мер по решению государственных задач.

Принимая во внимание, что в условиях кризиса произошло обострение крупномасштабных проблем экономики и политики, возникла необходимость построения совместной стратегии бизнеса и власти по преодолению этих проблем. Однако важно четко разграничить компетенции бизнеса и государства в сфере социальной ответственности. Ресурсы бизнеса достаточно ограничены, чтобы влиять на государственную политику и принятие государственных решений. Разделение полномочий в данном случае способно увеличить эффективность применяемых мер, оно не исключает взаимодействия бизнеса и государства, которое, безусловно, является действенным механизмом по преодолению вызовов современности. Привлечение ресурсов бизнеса в социальную сферу может быть эффективно как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, но лишь в случае,

если государство возьмет на себя ответственность и предложит продуманную стратегию по решению социальных и других проблем; бизнес сможет успешно выполнять свои задачи, а государственные структуры – свои.

Таким образом, отсутствие доверия части бизнеса и граждан к государству является одной из фундаментальных причин наличия большого теневого сектора в российской экономике» [3, с. 90]. Очевидно, что в такого рода положении вещей мы можем зафиксировать по крайней мере два феномена, являющихся объектом внимания в нашей работе: во-первых, особую партикулярную солидарность граждан и бизнеса (точнее говоря – работников и работодателя), своеобразное «объединение против», носящее, возможно, негативный, но вынужденный *ad hoc* характер, являющееся попыткой гарантировать хотя бы базовую часть своего благосостояния за счет теневого механизма его получения; и, во-вторых, выразительный пример факторной интерференции, при котором психологические аспекты – доверие/недоверие – обуславливают социально-экономические практики.

По мнению Е. Я. Виттенберга, в сложившихся форс-мажорных условиях, особую серьезность которым придает продолжающийся в России кризис, важнейшим фактором выхода из такого состояния и «перехода на рельсы устойчивого развития является повышение социальной ответственности всех ее акторов – власти, бизнеса и гражданского общества» [3, с. 79], а также «установление атмосферы доверия между институтами власти и бизнеса, ... изменение характера их отношений в сторону повышения равноправия» [3, с. 106]. Очевидно, что ни взаимная ответственность, ни равноправие немислимы без базового феномена доверия – социально-психологического фактора, не просто способствующего, а обуславливающего саму возможность такого рода отношений.

При этом, на наших глазах рождается новая парадигма социальной ответственности. Ее основные элементы:

1. Корпоративное гражданство, предполагающее взаимную ответственность бизнеса и власти перед обществом, а также учет интересов предпринимателей не только в экономической, но и в социальной сфере. Создание взаимовыгодных механизмов социальных инвестиций бизнеса в общество становится важным элементом переговорной стратегии бизнеса и власти.

2. Социальные инвестиции, расширяющие понятие социальной ответственности бизнеса. Переход от благотворительности к фокусированным социальным инвестициям компаний на национальном и региональном уровнях, направленным на решение самых актуальных для страны проблем в сфере занятости, борьбы с бедностью, образования, жилья, безопасности, охраны здоровья и среды обитания.

3. Социальное партнерство – пересмотр сфер ответственности бизнеса, власти и общества в решении общественно-значимых вопросов. Искоренение социального иждивенчества, создание механизмов общественного контроля за выполнением государством своих социальных обязательств. В условиях слабого гражданского общества функции «социального лоббизма» берут на себя «корпоративные граждане».

Таким образом, сложность развития социальной ответственности бизнеса в современной России обусловлена как внешними экстремальными условиями постоянного выживания и преодоления все новых и новых преград, так и внутренним потенциалом не готовности большей части руководителей среднего и крупного бизнеса регулировать социальную политику, способную мобилизовать сотрудников для более слаженной и солидарной работы.

Литература

1. Анохин Н. Г. Социальная ответственность бизнеса в условиях современной России: теория и практика: Материалы заседания «круглого стола» /

- Н. Г. Анохин ; под общ. ред. В. С. Комаровского, Н. А. Волгина. М. : Изд-во РАГС, 2005. 224 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Academia, 1995. 323 с.
3. Виттенберг Е. Я. Социальная ответственность российского бизнеса в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2017. № 20. С. 76–113.
4. Дружинин Г. В. Корпоративные общности и их роль в изменении социально-правового пространства // Теория государства и права. 2019. № 1. С. 39–43.
5. Дружинин Г. В., Пружинин А. Н. Воспроизводство человеческого капитала в отечественных компаниях // Социология. 2019. № 3. С. 62–70.
6. Дружинин Г. В., Пружинин А. Н., Мамруков Е. В. Стратегии развития человеческого капитала нефтяных компаний // Социология. 2019. № 1. С. 114–123.
7. Капкина А. В. Проблемы социальной ответственности бизнеса в современной России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2012. № 4. С. 109–117.
8. Коровина Л. Н. Тенденции социальной ответственности российского бизнеса: состояние и проблемы (Часть 1) // Социально-экономические явления и процессы. 2015. Т. 10. № 8. С. 48–55.
9. Краткие сведения о членах ООР «Российский союз промышленников и предпринимателей» [Электронный ресурс]. – URL: <http://rspp.ru/simplepage/172> (дата обращения: 17.05.2020).
10. Лапина Н. Ю. Социальная ответственность бизнеса: какое будущее для России? // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 6. С. 31–38.
11. Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов РСПП. – URL: <http://rspp.ru/simplepage/157> (дата обращения: 17.05.2020).
12. Незэквивалентный обмен: социальная ответственность бизнеса и его признание российским обществом / ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1516. 16.06.2010. – URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13587> (дата обращения: 17.05.2020).
13. Овчинников Г. К. Социальная и классовая ответственность бизнеса // Alma Mater. 2013. № 12. С. 96–103.
14. Полюшкевич О. А. Введение в корпоративную социальную ответственность. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2013. 146 с.
15. Полюшкевич О. А. Тенденции развития корпоративной социальной ответственности: федеральный и региональный аспекты // Проблемы управления развитием социальных систем: личности, организации, территории. Сборник научных трудов. Иркутск, 2014. С. 103–110.
16. Полюшкевич О. А., Пружинин А. Н. Ресурсы развития человеческого потенциала в крупных нефтяных компаниях Иркутской области // Активизация интеллектуального и ресурсного потенциала регионов. Материалы 4-й Всероссийской научно-практической конференции: в 2 частях. Под науч. ред. Н. Н. Даниленко, О. Н. Бaeвoй. 2018. С. 341–346.
17. Представление Социальной хартии. Ассоциация промышленников горно-металлургического комплекса России. – URL: http://www.amror.ru/gen_dir/hartia.htm (дата обращения: 17.05.2020).
18. Пружинин А. Н. Анализ корпоративного образования нефтяных компаний (на примере компаний «Роснефть» и «Газпром нефть») // Государственная служба. 2019. № 4. С. 58–65.
19. Пружинин А. Н. Человеческий капитал нефтяных компаний // Социология. 2018. № 4. С. 151–154.
20. Социальная ответственность бизнеса и корпоративное гражданство (Ученый совет ИМЭМО РАН) // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 11. С. 3–13.
21. Социальная хартия российского бизнеса. – URL: <http://rspp.ru/12/6273.pdf> (дата обращения: 17.05.2020).

22. Филина Ф. В. Институты социально ответственного бизнеса как фактор повышения устойчивости развития общества // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 5. С. 202–216.

23. Фролов Д. П., Шулимова А. А. Институциональная системность социальной ответственности бизнеса (природа, институции, механизм) // Журнал институциональных исследований. 2013. Т. 5. № 1. С. 124–144.

24. Шабанова М. А. Российский бизнес на пути к более цивилизованному? // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 11–26.

Social responsibility of business: conditions for consolidation

Anosov S.S.

Irkutsk National Research Technical University. The article presents a theoretical analysis of social practices of social reproduction that contribute to the formation of social consolidation. The role and significance of social activity and the involvement of managers of medium and large businesses in social development are shown on the example of social responsibility of business. The empirical material is based on the results of an expert study on the processes of social activity of various institutions in social solidarity.

Key words: social responsibility, business responsibility, consolidation, social activity, inertia, integration

References

1. Anokhin N. G. Social responsibility of business in modern Russia: theory and practice: Materials of the round table / N. G. Anokhin; under the general. ed. V.S. Komarovskiy, N.A. Volgin. M.: Publishing House of the RAGS, 2005. 224 s.
2. Berger P., Luckman T. Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge. M.: Academia, 1995. 332 s.
3. Wittenberg E. Ya. Social responsibility of Russian business in a crisis // Bulletin of the Institute of Sociology. 2017. No 20. С. 76–113.
4. Druzhinin G. V. Corporate entities and their role in changing the socio-legal space // Theory of State and Law. 2019.No 1. S. 39-43.
5. Druzhinin G. V., Pruzhinin A. N. Reproduction of human capital in domestic companies // Sociology. 2019. No. 3. P. 62-70.
6. Druzhinin G. V., Pruzhinin A. N., Mamrukov E. V. Strategies for the development of

human capital of oil companies // Sociology. 2019.No 1. S. 114-123.

7. Kapkina A. V. Problems of social responsibility of business in modern Russia // The contours of global transformations: politics, economics, law. 2012. No. 4. P. 109–117.
8. Korovina L. N. Trends in the social responsibility of Russian business: status and problems (Part 1) // Socio-economic phenomena and processes. 2015. V. 10. No. 8. P. 48–55.
9. Brief information about the members of the OER "Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs" [Electronic resource]. - URL: <http://rspp.ru/simplepage/172> (accessed date: 05/17/2020).
10. Lapina N. Yu. Social responsibility of business: what is the future for Russia? // World economy and international relations. 2006. No. 6. P. 31–38.
11. National Register and the Library of Corporate Non-Financial Reports of the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. - URL: <http://rspp.ru/simplepage/157> (accessed date: 05/17/2020).
12. Non-equivalent exchange: the social responsibility of business and its recognition by Russian society / VTsIOM. Press release No. 1516. 06.16.2010. - URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13587> (accessed 05.17.2020).
13. Ovchinnikov G. K. Social and class responsibility of business // Alma Mater. 2013. No 12. С. 96–103.
14. Polyushkevich O. A. Introduction to corporate social responsibility. Irkutsk ISU Publishing House, 2013. 146 s.
15. Polyushkevich O. A. Trends in the development of corporate social responsibility: federal and regional aspects // Problems of managing the development of social systems: individuals, organizations, territories. Collection of scientific papers. Irkutsk, 2014. S. 103-110.
16. Polyushkevich O. A., Pruzhinin A. N. Resources for the development of human potential in large oil companies in the Irkutsk region // Activization of the intellectual and resource potential of the regions. Materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 parts. Under the scientific. ed. N. N. Danilenko, O. N. Baeva. 2018. S. 341-346.
17. Submission of the Social Charter. Association of Industrialists of the Mining and Metallurgical Complex of Russia. - URL:

- http://www.amror.ru/gen_dir/hartia.htm
(accessed: 05.17.2020).
18. Pruzhinin A. N. Analysis of corporate education of oil companies (for example, Rosneft and Gazprom Neft) // State service. 2019.No 4.P. 58-65.
 19. Pruzhinin A. N. The human capital of oil companies // Sociology. 2018. No. 4. P. 151-154.
 20. Social responsibility of business and corporate citizenship (Scientific Council IMEMO RAS) // World Economy and International Relations. 2005. No. 11. P. 3-13.
 21. Social charter of Russian business. - URL: <http://rspp.ru/12/6273.pdf> (accessed date: 05/17/2020).
 22. Filina F.V. Institute of socially responsible business as a factor in increasing the sustainability of the development of society // Social and humanitarian knowledge. 2015. No 5. C. 202-216.
 23. Frolov D. P., Shulimova A. A. Institutional consistency of business social responsibility (nature, institutions, mechanism) // Journal of Institutional Studies. 2013. V. 5. No. 1. P. 124-144.
 24. Shabanova M. A. Russian business on the way to a more civilized? // Social sciences and modernity. 2008. No. 6. C. 11-26.

Трансформация понятия «Человеческий капитал»

Григорьев Константин Николаевич

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный менеджмент» Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет», 006955@pnu.edu.ru

В статье рассматривается возникновение и трансформация понятия «человеческий капитал». Автором в ходе анализа основных трудов зарубежных и отечественных ученых, посвященных теории человеческого капитала, выделены и обобщены ключевые признаки понятия «человеческий капитал». Отдельное внимание в статье уделяется структуре человеческого капитала, его качественным и количественным характеристикам.

Ключевые слова: человеческий капитал, формирование человеческого капитала, виды человеческого капитала, критерии и методы оценки человеческого капитала.

Понятие «человеческий капитал» было введено в научный оборот в 1956 г. американским экономистом Милтоном Фридменом (Milton Friedman). В статье «Количественная теория денег: новая формулировка», посвященной исследованиям в области теории денег и их взаимосвязи с теорией богатства, доходов и ценообразования, человеческий капитал рассматривался, во-первых, как одна из форм богатства, а во-вторых, как специфический ресурс с определенным набором характеристик, способный приносить доход [14].

Зарождению теории человеческого капитала мы обязаны другому американскому экономисту польского происхождения Джейкобу Минсеру (Jacob Mincer). В 1958 г. в научном труде «Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода» им была разработана модель персонального распределения доходов работающих мужчин (с разбивкой по группам специальностей) от уровня полученного профессионального образования. Величина пожизненного заработка работника не предопределялась выбором профессии, а зависела от уровня инвестиций в образование, необходимое в данной профессии» [18]. В результате анализа предложенной модели им были сделаны выводы о наличии прямой зависимости между уровнем доходов и уровнем образования, а также и профессиональными навыками работника. Под «человеческим капиталом» Джейкоб Минсер понимал уровень образования и профессиональных навыков работника, способных приносить доход как ему лично, так и предприятию, на котором он трудится.

Дальнейшее развитие теории человеческого капитала получило в трудах

Гери Беккера (Gary Becker). В статье «Инвестиции в человеческий капитал: теоретический анализ», вышедшей в 1962 г., а затем в 1964 г. в книге «Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ», посвященным исследованиям экономической отдачи от образования, Гери Беккер теоретический обосновал и далее в ходе статистических исследований подтвердил, что инвестиции в образование молодежи с низким уровнем текущих доходов позволяют в дальнейшем получить доступ к высокооплачиваемым рабочим местам [15, 16].

По мнению Гери Беккера человеческий капитал – «это имеющийся у каждого человека запас знаний, навыков, мотиваций». Сохранение и накопление человеческого капитала осуществляется через образование, накопление профессионального опыта, сохранение здоровья, географическую мобильность и доступ к информации [2].

Параллельно с Гери Беккером работой по разработке теории человеческого капитала занимался Теодор Шульц (Theodore Schultz). В своей книге «Инвестиции в человеческий капитал: роль образования и исследований», изданной в 1972 г., он так же обосновывает зависимость между развитием уровня экономики государства и инвестициями в образование и здравоохранение. Под человеческим капиталом он понимал «все человеческие способности, врожденные или приобретенные. Каждый человек рождается с индивидуальным комплексом генов, определяющим его врожденные способности. Приобретенные человеком ценные качества могут быть усилены соответствующими вложениями...» [19].

Благодаря популяризации Теодором Шульцем теории человеческого капитала в США образование стало рассматриваться как инструмент социальной политике в борьбе с бедностью.

Исследуя вопрос трансформации понятия «человеческого капитала», нельзя обойти стороной его социальную

и культурную составляющую, получившие свое развитие в работах известных ученых.

Французский социолог Пьер Бурдьё (Pierre Bourdieu) в 1982 г. в своей статье «Экономический капитал, социальный капитал, культурный капитал» провел глубокий теоретический анализ категории социальный и культурный капиталы, рассматривая социальный капитал как набор ресурсов в виде устойчивых социальных связей, институционализированных отношений и признания индивидуума в конкретной социальной группе [17].

Объем социального капитала индивидуума зависит от размера «сети связей», которые он может задействовать, а также от объема таких же сетей лиц, с которыми он связан.

В более поздних работах Пьером Бурдьё были сформированы виды и формы социального капитала. К видам относились капиталы: «академической власти», «научного влияния», «экономического и политического влияния». Социальный капитал может выступать в трех формах: социальные сети, социальные нормы и доверие.

Он утверждал, что положение человека в обществе определяется объемом и структурой накопленного им экономического, социального и культурного капиталов. При этом социальный капитал, формируя социальные сети, позволяет с меньшими транзакционными издержками накапливать экономический капитал.

В трактовке Пьера Бурдьё культурный капитал представляет из собой объем знаний, навыков и представлений, который получает, сохраняет и использует индивидуум.

По формам культурный капитал разделяется на: инкорпорированное состояние, в форме длительных диспозиций ума и тела; объективированное состояние, в форме объектов культуры и наконец, институционализированное состояние, в форме объективации.

Культурный капитал приобретает неосознанно, объем его может быть

различен и зависит от периода времени приобретения и социума, с которым взаимодействует человек. На его структуру и объем так же влияют условия, в которых приобретался культурный капитал.

Экономический, социальный и культурный капиталы при определенных условиях могут конвертироваться друг в друга, а также могут быть институционализированы [4].

Концептуальной проработке категории «социальный капитал» также были посвящены работы американского социолога Джеймса Коулмена (James Coleman).

По его мнению, формирование социального капитала связано с изменениями в отношениях среди индивидов и призвано облегчить их взаимодействие. Он не осязаем и проявляется в навыках и знаниях, приобретенных индивидом при взаимодействии с индивидами.

Идентификация социального капитала производится через отдельные функциональные аспекты социальной структуры. Сам же по себе он представляет структуру прямых и опосредованных связей между акторами, способствующих достижению определенных целей, добиться которых при отсутствии данного капитала невозможно.

К формам социального капитала, способствующим его развитию, Джеймс Коулмен относит информационные каналы, социальную структуру, нормы и эффективные санкции. В зависимости от формы социального капитала в одних действиях он может приносить пользу, в других быть бесполезным или даже вредным [11].

Американские экономисты Стенли Фишер (Stanley Fischer), Рудигер Дорнбуш (Rudiger Dornbusch), Ричард Шмалензи (Richard Schmalensee) в учебнике по экономической теории дают определение социальному капиталу как экономической категории, способности человека (врожденной или приобретенной) приносить доход [6].

Так же свой вклад в развитие теории человеческого капитала внесли и российские ученые.

Р.И. Капелюшников в 1977 г. в своей статье «Концепция человеческого капитала» дает трактовку «человеческому капиталу» как некоему уникальному набору знаний, навыков и способностей человека, которые могут им использоваться в производстве или потреблении. Инвестиции в человеческий капитал представляют собой одну из форм распределения ресурсов во времени, когда отказ от настоящих благ происходит для получения больших благ в будущем [9].

В более поздних своих работах Р.И. Капелюшников при исследовании человеческого капитала разделяет знания и навыки индивидуума на общие и специфические. Общие знания и навыки представляют ценность безотносительно к тому, где они были получены, так как могут находить применение во множестве самых разных мест. Специфические – могут использоваться только на конкретных рабочих местах и утрачивают свою ценность при переходе на другое рабочее место [8].

Так же вклад в изучение структуры человеческого капитала внес И.В. Ильинский, предложив разделить его составляющие на капитал образования, капитал здоровья и капитал культуры. Под капиталом здоровья им понимались инвестиции в поддержание здоровья человека и, как следствие, его работоспособности. Капитал образования в рассматриваемом контексте представляет собой затраты на образование индивидуума, включая общее, профессиональное, дополнительное. Капиталом культуры, в свою очередь, он считал интеллектуальные способности и морально-нравственные характеристики индивида, создающие предпосылки для социальной мобильности.

Вся вышеописанная структура человеческого капитала рассматривалась во взаимосвязи инвестиций в человека, способных приносить максимальную производственную отдачу в виде объема выполняемых работ для работодателя и дохода для работника [7].

В своих трудах М.М. Критский определяет человеческий капитал как накапливаемый ресурс в виде знания, навыков и умений, применяемых в экономических системах организаций. Подразделяя человеческий капитал, по уровням взаимодействия на индивидуальный и национальный. Так же он предлагает производить оценку капитала на основании расчета стоимостной величины дохода от его использования [12].

Коллектив авторов в составе Добрынина А.И., Дятлова С.А., Цыреноваой Е.Д., проведя исследование человеческого капитала в транзитивной экономике, указывают на следующие компоненты человеческого капитала, способствующие росту производительности труда и увеличению доходов индивидуума: уровень образования, индивидуальные способности, уровень здоровья, мотивации. При этом авторы выделяют, что человеческий капитал является результатом трансформации затрат на получение знаний и навыков, сохранения здоровья и трудовую миграцию [5].

В ходе проведенного исторического анализа возникновения и развития концепции человеческого капитала, подходов к его изучению и методам количественной оценки А.В. Корицкий отмечает, что основными формами инвестиций в человеческий капитал являются вложения в образование (уровень знаний и навыков), сохранение здоровья (продление срока службы человеческого организма), миграцию (как способ определения наиболее эффективного места применения человека), рождение и образование детей (форма воспроизводства капитала в будущих поколениях) [10].

Проведя исследование теоретико-методологических основ человеческого капитала, Е.В. Анишин предлагает его классификацию по категориям в зависимости от сферы исследования, разделяя на следующие группы: капитал индивидуума, семьи, организации, региона, страны, мира [1].

Исследуя человеческий капитал с позиции социально-культурной концепции, Г.И. Бондаренко указывает на особую роль социальных институтов в его накоплении и сохранении. За его формирование в части знаний, умений и навыков отвечает институт образования; воспроизводства и развития – институт семьи; поддержания и развития биологических качеств человека – институт здравоохранения [3].

В цикле публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте» В.Л. Тамбовцев предлагает использовать для оценки человеческого капитала «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП). В методике измерения ИРЧП используется функция включающая три показателя: среднедушевой доход, уровень образования и продолжительность жизни в стране. Отдельное внимание в дискуссии уделяется ограничению роста численности населения и, как следствие, переход от экстенсивных способов воспроизводства человеческого капитала к интенсивным [13].

Бахшиян Д.В., Зевеке О.Ю. исследуют использование человеческого капитала в сервисной деятельности, анализируя согласованность действий участников процесса и делают выводы о том, что человеческий капитал является основным ресурсом, через который объективируется процесс экономического взаимодействия между клиентом и производителем [20].

В процессе развития социальной и экономической теории понятие «человеческий капитал» претерпело серьезные изменения, если изначально под ним понимался приобретенный человеческий ресурс в виде знаний, навыков и умений, способных приносить доход индивидууму, то в ходе трансформации теории количество ресурсов, включаемых в структуру человеческого капитала, было существенно расширено, к ним стали причислять все нематериальные ресурсы, которыми обладает индивидуум, способные приносить доход.

Не смотря на существенную трансформацию понятия «человеческий капитал», он остается исключительно экономической категорией и рассматривается экономистами в контексте способности человека к производству и потреблению. Однако, по мнению автора, развитие теории человеческого капитала имеет огромный потенциал не только для исследования экономических, но социальных явлений.

В узком смысле слова под человеческим капиталом понимается ресурс, обладателем которого является человек, используемый для получения дохода. В широком смысле – это уникальный набор качественных и количественных характеристик человека в виде образования, здоровья, социальных связей, индивидуальные способности, уровня культуры и способности к воспроизводству, использование которых приносит доход и вносит вклад в экономику.

По способу возникновения человеческий капитал можно разделить на два вида, врожденный и приобретенный. Врожденный капитал представляет собой генетические особенности личности, влияющие на индивидуальные предрасположенности и здоровье. Приобретенный капитал, т.е. получаемые и накапливаемые личностью в процессе жизнедеятельности, – это образование (знания, умения и навыки), социальные связи, уровень культуры человека, психологические особенности личности.

Приобретенный человеческий капитал формируется за счет инвестиций в человека (затраты на обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и т.п.). Такая составляющая человеческого капитала, как здоровье, влияет на срок накопления и использования других его элементов (например, образования и опыта). Размер и длительность получения дохода индивидуумом на прямую зависит от срока и длительности инвестиций в человеческий капитал.

Оценка человеческого капитала производится через уровень доходов, получаемых индивидуумом, и его вклад в

экономику. Качественные и количественные характеристики человеческого капитала влияют как на отдельные экономические показатели (экономическую активность населения, занятость, безработицу, трудовую мобильность, заработки) так и на рынок труда в целом.

Таким образом, развитие понятия «человеческого капитала» позволяет сделать вывод о возможности его применения не только в экономической, но и социологической науке.

Литература

1. Анишин, Е.В. Человеческий капитал как совокупность социально-экономических отношений (08.00.01) [Текст]: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Евгений Владиславович Анишин; Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары, 2006. – 26с.
2. Беккер, Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории [Текст] / Г.С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 672.
3. Бондаренко, Г.И. Человеческий капитал: взаимодействие социальных институтов, власти и бизнеса в условиях трансформирующегося российского общества (22.00.03) [Текст]: автореф. дис. ... док. соц. наук / Бондаренко Галина Ивановна; Уфим. гос. авиац.-техн. ун-т. – Уфа, 2006. – 43 с.
4. Бурдые, П. Формы капитала [Текст] / Пьер Бурдые // Экон. социология. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 20–32.
5. Добрынин, А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования [Текст] / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. – СПб.: Наука, 1999. – 310 с.
6. Дорнбуш, Р. Экономика [Текст] / Р. Дорнбуш, С. Фишер, Р. Шмалензи; пер. со 2-го англ. изд. – М.: Дело ЛТД, – 1995. – 864 с.
7. Ильинский, И. В. Инвестиции в будущее: образование в инвестиционном

воспроизводстве [Текст] / И. В. Ильинский. – СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1996. – 163 с.

8. Капелюшников, Р. И. Записка об отечественном человеческом капитале [Текст] / Р. И. Капелюшников. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 56 с.

9. Капелюшников, Р. И. Концепция человеческого капитала [Текст] / Р. И. Капелюшников // Критика современной буржуазной политэкономии / отв. ред. А. Г. Милейковский, И. М. Осадчая; АН СССР, Институт мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 1977. – 582 с.

10. Корицкий, А.В. Введение в теорию человеческого капитала [Текст] / А.В. Корицкий. – Новосибирск: СибУПК, 2000. – 112 с.

11. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий [Текст] / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121–139.

12. Критский, М.М. Теория человеческого капитала как приоритетный фактор реформирования экономики [Текст] / М.М. Критский // Экономич. теор. и хозяйств. реформа: сб. науч. трудов. – СПб.: СПбГИЭА, 1995. – С.5–28.

13. Тамбовцев, В.Л. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте» [Текст] / В.Л. Тамбовцев // Демографический императив и человеческий капитал. – М., 2006. – Вып. 28. – С. 54–63.

14. Фридмен, М. Количественная теория денег: новая формулировка [Текст]: Количественная теория денег / М. Фридмен; пер. с англ. – М.: «Эльф пресс», – 1996. – 76 с.

15. Becker, G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G.S. Becker // Journal of Political Economy. – 1962. – Vol.70. – No.5. –Part 2. – С. 9 – 49.

16. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third Edition. / G.S. Becker. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 1993. – 390 p.

17. Bourdieu, P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) // Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). – Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. – P. 183-198.

18. Mincer, J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution / J. Mincer // Journal of Political Economy. – 1958. – Vol. 66. – No. 4. – PP. 281-302.

19. Schultz, T.W. Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities) / T.W. Schultz. – New York: National Bureau of Economic Research. 1972. – 83 p.

20. Бахшиян, Д.В. Человеческий капитал – основной ресурс эффективного предприятия, как резонанс на вызовы современного мира [Электронный ресурс] / Д.В. Бахшиян, О.Ю. Зевеке. Электронный научно-практический журнал «Экономика и менеджмент инновационных технологий». – 2017. – №3. – Режим доступа: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/03/14317>

Transformation of the concept «Human capital»

Grigorev K.N.

Pacific State University

The article discusses the emergence and transformation of the concept of "human capital". During the analysis of the main works of foreign and domestic scientists devoted to the theory of human capital, the author identifies and generalizes the key features of the concept of "human capital". Special attention is paid to the structure of human capital, its qualitative and quantitative characteristics.

Key words: human capital, the formation of human capital, types of human capital, criteria and methods for assessing human capital.

References

1. Anishin, E.V. Human capital as a set of socio-economic relations (08.00.01) [Text]: author. dis. ... cand. econ. Sciences / Evgeny Vladislavovich Anishin; Chuvash State University named after I.N. Ulyanova. - Cheboksary, 2006. - 26s.
2. Becker, G.S. Human behavior: an economic approach. Selected Works on Economic Theory [Text] / G.S. Becker. → M.: HSE, 2003. → S. 672.
3. Bondarenko, G.I. Human capital: the interaction of social institutions, government and business in a transforming Russian society

- (22.00.03) [Text]: author. dis. ... doc. social Sciences / Bondarenko Galina Ivanovna; Ufim. state Aviation Tech. un-t - Ufa, 2006 .- - 43 p.
4. Bourdieu, P. Forms of capital [Text] / Pierre Bourdieu // Econ. sociology. - 2002. - T. 3. - No. 5. - S. 20–32.
 5. Dobrynin, A.I. Human capital in a transitive economy: formation, assessment, use efficiency [Text] / A.I. Dobrynin, S.A. Dyatlov, E.D. Tsyrenova. - St. Petersburg: Nauka, 1999 .-- 310 p.
 6. Dornbusch, R. Economics [Text] / R. Dornbusch, S. Fisher, R. Schmalenzi; per. from the 2nd English ed. - M.: Delo LTD, - 1995. - 864 p.
 7. Ilyinsky, I.V. Investments in the future: education in investment reproduction [Text] / I.V. Ilyinsky. - SPb.: Publishing house of SPbUEF, 1996. - 163 p.
 8. Kapelyushnikov, R. I. A note on domestic human capital [Text] / R. I. Kapelyushnikov. - M.: Publishing. House of the Higher School of Economics, 2008. - 56 p.
 9. Kapelyushnikov, R. I. The concept of human capital [Text] / R. I. Kapelyushnikov // Criticism of modern bourgeois political economy / ed. ed. A. G. Mileikovsky, I. M. Osadchaya; USSR Academy of Sciences, Institute of World Economy and Int. relationship. - M.: Nauka, 1977 .-- 582 p.
 10. Koritsky, A.V. Introduction to the theory of human capital [Text] / A.V. Koritsky. - Novosibirsk: SibUK, 2000 .-- 112 p.
 11. Coleman, J. Social and Human Capital [Text] / J. Coleman // Social Sciences and Modernity. - 2001. - No. 3. - P. 121–139.
 12. Cretan, M.M. The theory of human capital as a priority factor in economic reform [Text] / M.M. Cretan // Economical. theor and economic reform: Sat. scientific labor. - SPb.: SPbGIEA, 1995. - S.5–28.
 13. Tambovtsev, V.L. Public Debate Series "Russia in the Global Context" [Text] / V.L. Tambovtsev // Demographic imperative and human capital. - M., 2006. - Issue. 28. - S. 54-63.
 14. Friedman, M. Quantitative theory of money: a new formulation [Text]: Quantitative theory of money / M. Friedman; per. from English - M.: "Elf Press", - 1996. - 76 p.
 15. Becker, G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G.S. Becker // Journal of Political Economy. - 1962. - Vol. 70. - No.5. –Part 2. - P. 9 - 49.
 16. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education. Third Edition. / G.S. Becker. - Chicago and London: The University of Chicago Press. - 1993. - 390 p.
 17. Bourdieu, P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) // Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). - Güttingen: Otto Schwartz & Co., 1983. - P. 183-198.
 18. Mincer, J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution / J. Mincer // Journal of Political Economy. - 1958. - Vol. 66. - No. 4. - PP. 281-302.
 19. Schultz, T.W. Human Resources (Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities) / T.W. Schultz. - New York: National Bureau of Economic Research. 1972. - 83 p.
 20. Bakhshiyani, D.V. Human capital is the main resource of an effective enterprise, as a response to the challenges of the modern world [Electronic resource] / D.V. Bakhshiyani, O.Yu. Seebeck. Electronic scientific and practical journal "Economics and management of innovative technologies." - 2017. - No. 3. - Access mode: <http://ekonomika.snauka.ru/2017/03/14317>

Эффективные инструменты стимулирования молодежи в присваивании символического капитала (на основе инновационного проекта)

Загородний Валентин Дмитриевич
магистрант, Института социальных наук
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный уни-
верситет», lic-kric97@mail.ru

В данной работе описывается инновационный проект, разработанный по результатам авторского социологического исследования на тему «Роль символического капитала в формировании социокультурных ценностей современной молодежи России (на примере Иркутской области). Отражено научное обоснование данного проекта, а также раскрыты основные структурные элементы, а именно: актуальность, цель и задача, положение дел в изучаемой области, риски и другие. Дается финансовое обоснование реализации проекта и проанализированы основные проблемы его реализации.

Ключевые слова: символический капитал, социокультурные ценности, молодежь, культурный центр, инновационные инструменты стимулирования, надпрофессиональные навыки.

В майских указах Президента Российской Федерации одним из приоритетных направлений развития государства была обозначена сфера культуры в молодежной среде. Совет по культуре и искусству при Президенте РФ особое внимание уделил национальной программе в сфере культуры. Задача её формирования была поставлена в майском указе, где были определены ключевые направления развития страны. И в эти приоритеты входит культура как основа общественной жизни и нашей идентичности. Глобальная конкуренция за создание лучших условий для самореализации, раскрытия потенциала каждого человека растёт, и ведущие страны мира справедливо видят в этом «ключ» к будущему. Развитие социокультурных ценностей молодежи – одна из приоритетных задач государства, а реализация этой задачи видится через создание культурных центров в крупных субъектах государства / в региональных (окружных) центрах.

А. Ш. Назарова раскрывая сущность социокультурных ценностей молодежи, говорил, что «на формирование у молодого поколения социокультурных ценностей оказывают влияние следующие факторы: современное состояние общества, характер развития его социальной, экономической, политической, культурно-нравственной сферы; место и роль личности в общественной жизни, ее принадлежность к классу, социальной группе, профессиональному коллективу, а также идеи и образ жизни, которые она принимает; уровень общей

культуры личности, как результат приобретения социального опыта, усвоения моральных принципов и норм, определяющий: степень ее самосознания; умение оценивать объективные закономерности, интересы и потребности общественного и индивидуального развития; возрастные и психофизиологические особенности личности» [6].

Исходя из некоторых положений, описанных выше, можно сказать, что на формирование социокультурных ценностей индивида влияют следующие категории: образование, престиж, честь, признание, власть, экспертное влияние, принадлежность к той или иной статусной группе, выгодные связи, репутация, внешность, кредит доверия, навыки речи, знаки высокого социального статуса. Эти понятия являются статусными характеристиками человека, а количество и качество совокупности этих характеристик приобретённых индивидов при постоянной их демонстрации является его символическим капиталом. То есть можно сказать, что символический капитал - это совокупность неэкономических категорий, которые могут служить неким эквивалентом при взаимодействии или обмене между индивидами.

Проведение комплексного социологического исследования роли символического капитала в формировании социокультурных ценностей современной молодежи позволило получить данные прикладного характера, которые были положены в основу инновационного проекта по разработке эффективных инструментов стимулирования молодежи в присвоении символического капитала путем создания специализированного центра.

Создание специализированных молодежных центров является задачей молодежной политики государства, но для этого необходимо понимание положения дел в молодежной сфере регионов. Молодежная политика Иркутской области является одной из отстающих отраслей региона, имеющая следующие проблемы:

1. Недостаточное финансирование молодежных программ;
2. Ограниченная грантовая поддержка талантливой молодежи;
3. Отсутствие областных молодежных центров;
4. Слаборазвитая коммуникация с муниципальными отделами по молодежной политике;
5. Высокая конкуренция между областными и муниципальными властями в сфере молодежной политики;
6. Бюрократизация и вертикальное подчинение федеральными властям в сфере молодежной политики;
7. Слаборазвитая система стимуляции молодежи в достижении статусных возможностей.

Символический капитал является крайне широким понятие, так как включает в себя огромное количество статусных характеристик человека, некоторые из которых изучены не в полном объеме или же исследования не являются принятыми в нашем регионе / государстве. Таким образом, острота и новизна проблемы формирования символического капитала молодёжью, незначительное количество исследований, ограниченность инструментов молодежной политики Иркутской области в стимуляции молодежи в формировании символического капитала обуславливают актуальность проекта.

Для решения поставленных проблем был разработан данный инновационный проект, при реализации которого возможно достичь минимизации влияния проблемных сегментов данной сферы на молодежь.

Существо предполагаемого проекта состоит в разработке эффективных инструментов стимулирования молодежи в присвоении символического капитала, а точнее создание специализированного центра на базе министерства по молодежной политике Иркутской области / НКО или отдельным бизнес-проектом. В рамках данного центра молодежь сможет получать консультационную помощь по ряду проблем, связанных с

формированием символического капитала, развивать свои надпрофессиональные навыки (soft-skills) во время специальных встреч, сессий, тренингов, организованные центром. Также центр будет организовывать открытые тематические встречи с представителями органов власти, бизнес-сообществом,

общественностью, где участники проекта смогут задать интересующие вопросы, а также самопрезентовать себя. Ещё один вектор деятельности центра является информирование молодежи по различным государственным и частным программам поддержки молодежи.

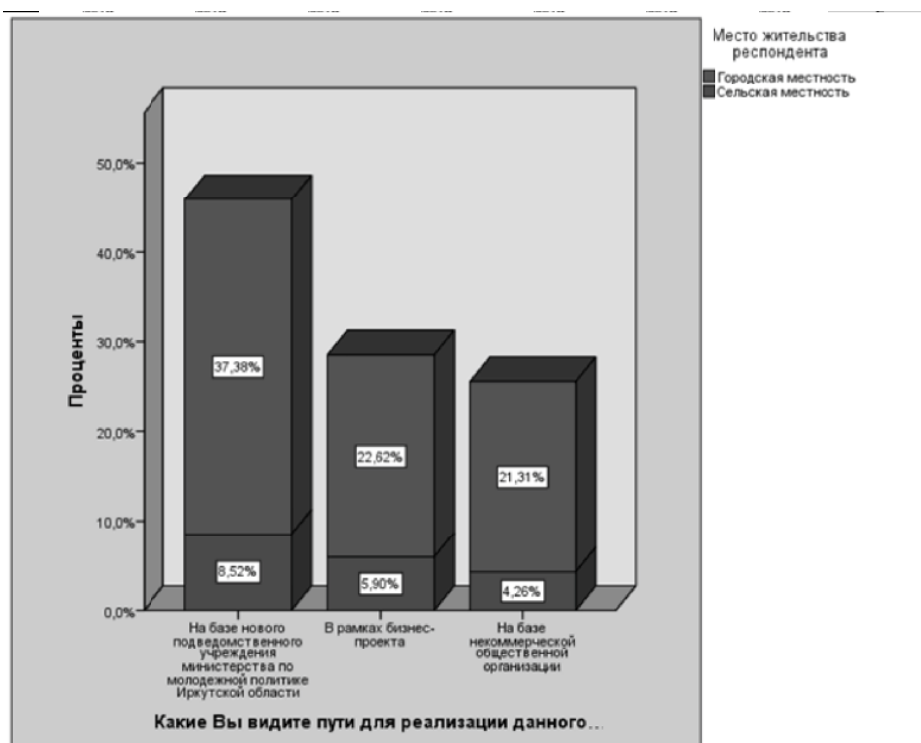

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие Вы видите пути реализации данного проекта?», в %

Инновационные направления данного центра:

1. Выработка системного мышления;
2. Выработка стратегического мышления;
3. Выработка антикризисного мышления;
4. Инновационные подходы овладения профессиональными навыками (дистанционное обучение и т.д.);

5. Обучение экономическому знанию;
6. Обучение юридическому знанию;
7. Обучение менеджменту;
8. Умение работать в мультикоммуникативном пространстве;
9. Обучение работы в социальных сетях и компьютерной грамотности;
10. Развитие эмоционального мышления;
11. Обучение проектной деятельности.

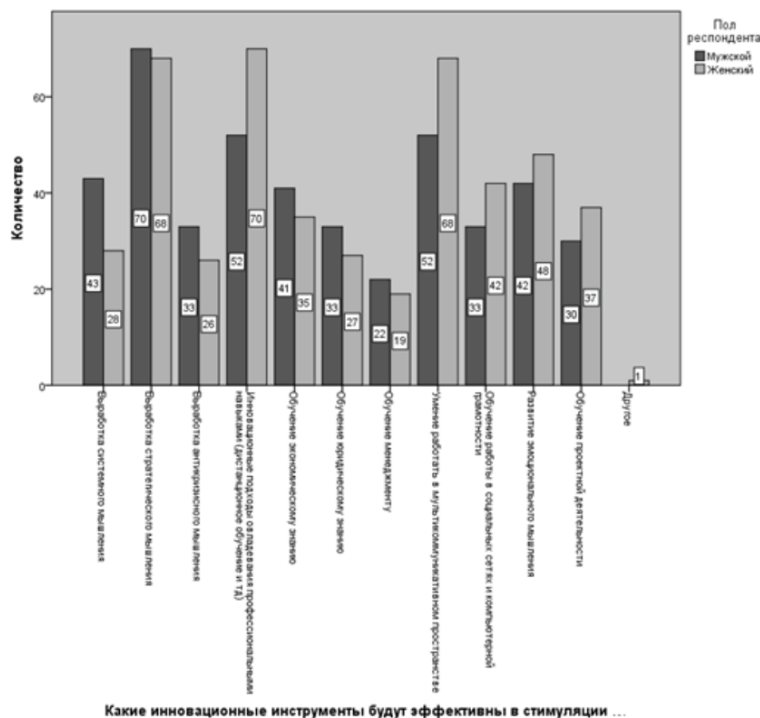

Рис. 2. Распределение ответов населения на вопрос: «Какие инновационные инструменты будут эффективны в стимуляции молодежи в присвоении символического капитала?», в %

Целью данного проекта является обоснование необходимости создания специализированного центра для молодежи, основной деятельностью которого будет помощь молодежи в достижении статусных возможностей.

В разработке данного проекта, необходимо выполнить следующие задачи:

1. Определить сроки реализации проекта;
2. Определить основные мероприятия проекта;
3. Разработать план мероприятий, которые будут проводиться;
4. Установить сроки проведения данных мероприятий;
5. Обеспечение необходимого финансирования;
6. Обеспечение безопасности посещаемых специализированного центра;
7. Рассмотреть возможные риски проекта;

8. Разработать практические реализации проекта.

Основные мероприятия проекта. Первый этап включает в себя следующее:

1. Разработку проекта;
2. Изучение необходимой документационной базы;
3. Подсчёт суммы, необходимой для реализации проекта и поиск инвесторов, спонсоров;
4. Согласование проекта с Министерством молодежной политики Иркутской области, Администрацией г. Иркутска, а также с бизнес структурами региона;
5. Утверждение комплекса мероприятий;
6. Определение информационных каналов и организация рекламы по проекту;
7. Поиск инвесторов, спонсоров.

Второй этап предполагает под собой реализацию следующих этапов подготовки:

1. Подготовка необходимой документации, необходимой для деятельности центра;
2. Поиск помещения центра, закупка необходимого оборудования;
3. Наем сотрудников центра;
4. Организацию комплекса мероприятий, связанных с открытием центра;
5. Заказ рекламных объявлений.

Третий этап включает в себя проведение комплекса мероприятий по проекту:

1. Выработка и реализация стратегий решения проблем, связанных с формированием символического капитала, в форме консультационной помощи;
2. Проведением специальных встреч, сессий, тренингов, направленных на развитие надпрофессиональных навыков молодежи;
3. Организация и проведение открытых тематических встреч с представителями власти, бизнес-сообщества и общественности региона, на которых молодежь сможет самопрезентовать себя;
4. Создание и поддержка информационных каналов в СМИ и социальных сетях, направленные на информирование молодежи о деятельности центра и об актуальных государственных и частных программах поддержки молодежи.

Для того чтобы реализовать наш проект, потребуются следующие ресурсы:

1. Научно-методические ресурсы: разработка содержания проекта и реализации проекта;
2. Кадровые: специалист по социальным вопросам, тренер – психолог, менеджер проектов, специалист по информационной работе;
3. Финансовые: инвесторы, спонсоры;
4. Организационные (навыки и знания, культура организации);
5. Материально – технические (столы, стулья, шкафы, компьютер, система мультимедиа, раздаточный информационный материал).

Механизм реализации проекта. Организационно-экономический механизм реализации проекта включает: нормативные документы, на основе которых осуществляется взаимодействие участников; обязательства, принимаемые участниками в связи с осуществлением ими совместных действий по реализации проекта, гарантии таких обязательств и санкции за их нарушение; условия финансирования инвестиций; систему управления реализацией проекта, обеспечивающую (при возможных изменениях условий реализации проекта) должную синхронизацию деятельности отдельных участников, защиту интересов каждого из них и своевременную корректировку их последующих действий в целях успешного завершения проекта.

Научная новизна и научно-практическое значение проекта. Впервые разработан проект по созданию условия для формирования символического капитала молодежью Иркутской области с помощью открытия специализированного центра. При помощи определенного спектра услуг, которые будет оказывать центр, повысится заинтересованность молодежи в достижении статусных возможностей, что в дальнейшем положительно отразится на развитии региона.

Инвестиционный климат и социальные риски. Возможны следующие риски:

1. Отклонение в сроках реализации этапов проектирования;
2. Недостаточность финансирования данного проекта.
3. Несоответствие кадров профессиональным требованиям проекта;
4. Нежелание администрации и бизнес структур принять участие в стимулировании молодежи в достижении статусных возможностей;
5. Незаинтересованность молодежи в посещении данных мероприятий.

Организационный план. Центр будет состоять из социологов, психологов, специалиста в информационных технологиях / специалиста по PR и рекламе,

социального работника, event-менеджера; студентов-волонтеров, оказывающие содействие в организации, проведении (обеспечении проведения) мероприятий.

Финансовое обеспечение проекта. Для реализации проекта, нам потребуются финансовые источники. Предлагаются использовать:

1. Средства государственного, регионального, муниципального бюджета;
2. Привлечение коммерческого сектора города.

Средства федерального бюджета – 25%, регионального – 25%, муниципального – 0%, коммерческий сектор – 50%.

Экономическая и социальная эффективность проекта. Социальная эффективность заключается в том, что

данный центр будет помогать молодежи с проблемами формирования символического капитала. Решение этих проблем позволит более эффективно формировать / присваивать данный вид капитала, соответственно, молодежь стане более активна и успешна, что напрямую отразится на развитии и благосостоянии региона.

Экономическая эффективность предполагает ведение коммерческой деятельности в рамках предлагаемого центра, что будет приносить определенный доход за предоставляемые услуги.

Общая сумма проекта. Общая сумма проекта составляет 9 351 298 рублей. Необходимая для реализации проекта сумма представлена в смете расходов.

Таблица 1
Смета проекта

№ п/п	Наименование работ	Единица измерения	Кол-во единиц	Цена на ед. изм., руб.	ВСЕГО в текущих ценах, руб.
I. Первый этап: Разработка и утверждение проекта					
1.	Составление документов для подачи в регистрирующие органы			7 000	7 000
Итого по разделу:				7 000 рублей	
II. Второй этап: Обустройство центра					
Приобретение площади для центра					
1.	Покупка площади для центра	кв. м.	120	55 000	7 000 000
Приобретение организационной техники					
2.	Компьютер	шт.	4	25 000	100 000
	Принтер	шт.	3	7 000	21 000
	Система мультимедиа	шт.	1	35 000	35 000
	Видеопроектор	шт.	3	10 000	30 000
Приобретение необходимых канцелярских принадлежностей					
3.	Бумага офисная	шт.	8	150	1 200
	Набор маркеров	шт.	5	250	1 250
	Цветные карандаши	шт.	5	100	500
	Набор шариковых ручек	шт.	5	200	1 000
Приобретение мебели					
4.	Офисное кресло	шт.	3	2 500	7 500
	Стулья	шт.	15	1 500	22 500
	Диван	шт.	2	7 000	14 000
	Шкаф-гардероб	шт.	2	5 000	10 000
	Комплект офисной мебели (стол, стул, тумба)	шт.	3	10 000	30 000
	Флипчарт	шт.	3	2 500	7 500
5.	Оплата рекламы			25 000	25 000
Итого по разделу:				7 306 450 рублей	
III. Третий этап: Начало реализации проекта и функционирования центра					
1.	Заработная плата руководителя (социолога)	чел.	1	25 000	300 000
2.	Заработная плата тренеров-психологов	чел.	2	20 000	480 000
3.	Заработная плата специалиста по информационной работе	чел.	1	18 000	216 000
4.	Заработная плата менеджера event-проектов	чел.	1	18 000	216 000
5.	Заработная плата специалиста по социальным вопросам	чел.	1	15 000	180 000
Итого по разделу:				2 044 848 рублей (вместе с налогами)	
Итого по всем разделам:				9 351 298 рублей	

*Цены указаны на март 2020 г.

Проблемы прогнозирования реализации проекта. Есть четыре стадии процесса прогнозирования:

1. Субъективное представление о задаче;
2. Оценка последствий принимаемых решений и их;
3. Прогноз эффективности альтернатив;
4. Выбор из всех рассмотренных альтернативных вариантов.

Аналитика осуществляется в три этапа. На первом этапе формируются «предмодельные задачи». Анализируются ситуации, процессы и их виды, уровень информации, строится матрица моделей, отражающая их форму, этапы и соотношения.

На втором этапе строится исходная точка решения общей задачи исследования - содержательная концептуальная модель развития. На основе двух групп понятий: сущность-явление, содержание-форма, количество-качество; материя, пространство, движение, время - строится универсальная конструкция-конфигуратор, которая задает последующие рамки исследования.

Третий этап представляет собой детальный анализ внутренней структуры и составляющих частей международных отношений. Происходит построение развернутой модели системы международных отношений. Интересы, ресурсы, цели, образ действий, соотношение сил, партнерские отношения - все учитывается в качестве системообразующих элементов модели. Таким образом, конструируется теоретическая модель.

Заключение. Впервые разработан проект по разработке эффективных инструментов стимулирования молодежи в присвоении символического капитала. Системный подход в реализации проекта поможет молодежи сформировать представления о своем месте и роли в общественной жизни, ее принадлежность к классу, социальной группе, профессиональному коллективу, а также идеи и образ жизни, мировоззрения, планирование дальнейшей жизни, выбора профессии, хобби, окружения.

Целью данного проекта является обоснование необходимости создания специализированного центра для молодежи, основной деятельностью которого будет помощь молодежи в достижении статусных возможностей.

В рамках создания центра планируется ряд мероприятий, которые будут являться циклическими: консультация молодежи; специальные встречи, сессии, тренинги, направленных на развитие надпрофессиональных навыков молодежи; открытые тематические встречи с представителями власти; бизнес-сообщества и общественности региона, на которых молодежь сможет самопрезентовать себя; информирование молодежи о деятельности центра и об актуальных государственных и частных программах поддержки молодежи.

Таким образом, нами отражены все важные аспекты инновационного проекта по разработке эффективных инструментов стимулирования молодежи Иркутской области в присвоении символического капитала. Мы пришли к выводу, что данный проект актуален в наше время не только молодежи, но и для других социальных групп. Данный проект полностью отвечает всем требованиям государственной молодежной политики и отлично коррелируется с ними. Общие затраты на данный проект составляют 9 351 298 рублей. Резюмируем, что для решения проблемы формирования символического капитала для корректировки социокультурных ценностей данный проект по стимуляции молодежи в присвоении символического капитала является эффективным.

Литература

1. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и Послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: «Институт экспериментальной социологии», 2001, 562 с.
2. Горшков М. К. Молодежь России: социологический портрет. / Ф. Э. Шереги М.: ЦСПиМ, 2010. 592 с.

3. Кадария Ф.Д. Социология молодежи: учебное пособие / И. П. Савченко, Ю. Г. Волков, В. И. Добренков, В. А. Шаповалов / Под ред. Ю.Г.Волкова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. 576 с.

4. Лисовского В. Т. Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб.: Изд-во СПбГУ. 1996. 460 с.

5. Манхейм К. Избранное: Социология культуры. / К. Манхейм. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 501 с.

6. Назарова А. Ш. Роль социокультурных ценностей в формировании личности. - Казань : Школа, 2004. 163 с.

7. Сорокин П. А. Социокультурная динамика. / П. А. Сорокин, М.: Директ-Медиа, 2007. 344 с.

Instruments to encourage young people to assign symbolic capital (innovative project to develop effective)

Zagorodniy V. D.

Irkutsk State University

This work describes an innovative project developed because of the results of the author's sociological study on the Role of Symbolic Capital in the Formation of Sociocultural Values of Modern Youth of Russia (on the example of the Irkutsk Region). The scientific justification of this project is reflected, as well as the main structural elements are disclosed, namely, relevance, purpose and task, state of affairs in the field under study, risks and others. The financial justification of the project implementation is given and the main problems of its implementation are analyzed.

Key words: symbolic capital, sociocultural values, youth, cultural center, innovative incentive tools, over-professional skills.

References

1. Bourdieu P. Practical meaning / Transl. with fr.: A.T. Bikbov, K.D. Voznesenskaya, S.N. Zenkin, N.A. Shmatko; Repl. ed. per. and after. ON THE. Shmatko. SPb.: Aletyya, M.: "Institute of Experimental Sociology", 2001, 562 p.
2. Gorshkov M. K. Youth of Russia: a sociological portrait. / F.E. Sheregi M.: TsSPiM, 2010.592 s.
3. Kадария F.D. Sociology of youth: a training manual / I.P. Savchenko, Yu. G. Volkov, V.I. Dobrenkov, V.A. Shapovalov / Ed. Yu.G. Volkova. Rostov-on-Don: Phoenix, 2001.576 s.
4. Lisovsky V. T. Sociology of Youth / ed. V.T. Lisovsky. SPb.: Publishing House of SPbSU. 1996.460 s.
5. Manheim K. Favorites: Sociology of culture. / K. Manheim. M.; St. Petersburg: University Book, 2000.501 p.
6. Nazarova A. Sh. The role of sociocultural values in the formation of personality. - Kazan: School, 2004.163 s.
7. Sorokin P. A. Sots

Труд как первая жизненная потребность: вымысел и правда

Кравченко Альберт Иванович

доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. kравchenkoai@mail

Советское прошлое памятно нам, представителям уходящего поколения, не только достижениями в космосе, романтическими стройками и очередями в магазинах. Философы и социологи, пытаясь осмыслить тот феномен, с которым они столкнулись, придумывали порой такие небылицы, которые сегодня вызывают улыбку, а то и разочарование. Среди них следует назвать концепцию труда как первой жизненной потребности. Она, по замыслу ее творцов, была призвана продемонстрировать гармоничный переход советского общества от социализма к коммунизму. Перехода, как мы сегодня знаем, не произошло. А что случилось с концепцией? Все ли мы знаем об истинной подоплеке и истинном смысле этого грандиозного социологического мифа?

Ключевые слова: труд как первая жизненная потребность, центральный жизненный интерес, удовлетворенность трудом, советская и американская социология

Отношение к труду

Без сомнения, отношение к труду стоит в ряду фундаментальных ценностей таких, как отношение к жизни, отношению к человеку, отношению к самому себе, отношению к семье, к обществу. Такого рода ценностные ориентации определяются, конечно же, не настроением или погодой на улице, а глобальными социально-политическими и экономическими факторами: господствующими принципами равенства и справедливости, гарантией и реальным обеспечением работы, безопасности жизни, соблюдением основных прав и свобод человека, отсутствием угнетения. Второй уровень, на котором происходит формирование отношения к труду, зависит не от природы общества, как в первом случае, а от конкретно-исторического этапа его социальной зрелости. Так, в 1960-е годы форсированными темпами подготавливались инженерные кадры и специалисты с высшим образованием. Необычайно приоритетным был творческий труд, молодежь стремилась в вузы, особым почетом пользовались «физики». Соответственно этому формировалось и отношение к труду в первую очередь как творческому началу жизни. Сегодня социальная реальность изменилась, ориентации людей на профессию складываются более пропорционально. Удовлетворенность трудом становится инструментальной ценностью. К группе факторов второго уровня относятся: 1) господствующая в данный момент система школьного воспитания (ориентированная на теоретические знания или трудовое воспитание выпускников), 2) стереотипы и нормы общественной психологии, отражающиеся в правилах и требованиях обыденного сознания (оправдание или порицание

мещанства, стремления к достижению жизненного успеха, построению деловой карьеры), 3) механизмы социального контроля (нетерпимость и осуждение тунеядства, воровства, нарушений дисциплины).

Объективные условия, влияющие на формирование отношения к труду, имеют многоуровневую иерархию. То же самое можно сказать и о субъективных факторах. Отношение к труду, заинтересованная, творческая, активная позиция могут стать глубоким нравственным убеждением личности, его мировоззренческой основой. Даже во вред своей сиюминутной выгоде работник с подобными ценностными ориентациями не отступит от своих нравственных норм. Там, где большинство безнаказанно уходит пораньше с работы или беззастенчиво «гонит» брак, он никогда не сделает так именно потоку, что поступить подобным образом, значит, поступить безнравственно, унижить свое человеческое достоинство. Это высокий уровень совпадения отношения к труду с мировоззренческими и нравственными основами личности. Социальная норма выступает здесь как императив действия, как беспрекословный эталон.

На рис.1 показаны взаимосвязь различных факторов труда - содержание работы, удовлетворенность трудом, связь между работой и рабочей ситуацией, удовлетворенностью, мотивацией, абсентеизмом, текучестью и др. исходя из этой схемы, социолог может предсказывать степень влияния различных факторов организации труда на поведение людей и их удовлетворенность работой. В частности, можно предположить, что мотивация к выполнению работы (фактор 5) зависит от ожидаемой индивидом удовлетворенности в зависимости от последствий для него (фактор 8), его усилий (фактор 6), исполнения (фактор 7) и от степени, с какой работник верит, что эти благоприятные последствия произойдут.

Общественно значимое, т.е. правильное, одобряемое обществом и поощряемое другими отношение к труду,

может и не затрагивать глубинные слои человеческой личности. Оно остается фактором внешней привычки. Например, человек знает, что работать с прохладцей и подводить своих товарищей - плохо. Такое поведение явно не одобряется коллективом, особенно в условиях хозрасчета или аренды. Сознает он и множество других нравственных норм, регулирующих отношения с людьми в трудовом процессе. Однако подобные нормы усвоены, допустим, поверхностно, остались для индивида чем-то внешним. От них при любом удобном случае он может отказаться. Что тогда? Каким становится его поведение? Ответ прост: если никто из администрации или товарищей за ним не наблюдает, он готов «прихватить» из цеха что-то «для дома», не отключить бесполезно горящий свет в заводском помещении и т.д.

При этом человек полностью отдает себе отчет, что все это плохо, что «на людях» он так не поступил бы. В том-то все и дело, что ценностные нормы по отношению к своему или чужому труду только фиксируются сознанием, выступают для индивида своего рода «правилами движения» во взаимоотношениях с другими людьми. Но они не формируют личностную структуру, его мировоззрение и нравственность. Индивид подчиняется им в буквальном смысле, а не выбирает добровольно. Но выбирать добровольно, значит, относиться ко всему критически, в том числе и к недостаткам на производстве. Только этот путь есть творческое усвоение социальных норм. В противном случае отношение к труду является социально вынужденным поведением: если за отклонение от нормы грозит строгое наказание, то поведение последует предписанным образцам лишь из-за страха. Когда наказания нет или оно не явно, поведение человека становится непредсказуемым. Мотивация страха снимается, но взамен у него ничего нет. Ведь глубокая нравственная основа не сформировалась.

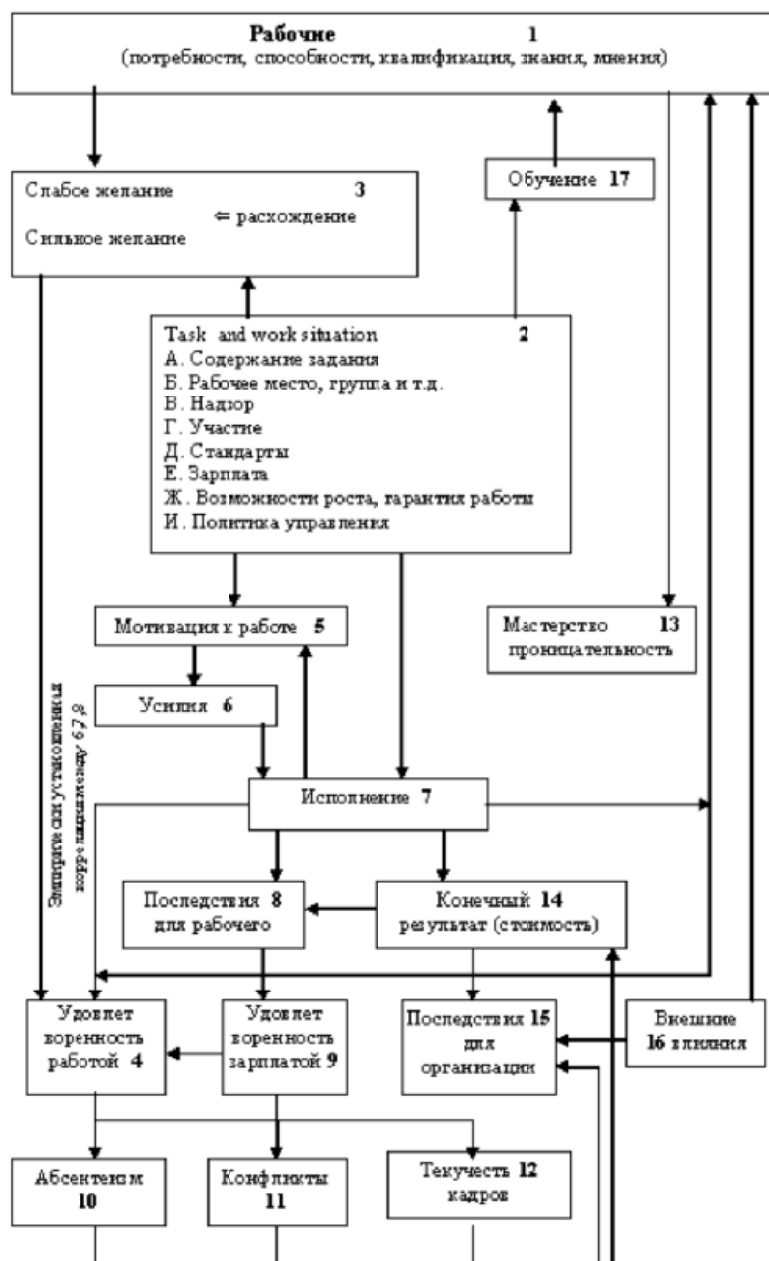

Рис.1. Взаимосвязь факторов содержания и удовлетворенности трудом¹.

¹ Jong J.R. Roles and instruments in work design and redesign // *Satisfactions in Work design: ergonomics and other approaches* / Ed. by R.G.Sell and P.Shipley. London: Taylor and Francis, Ltd, 1979. p.41-46.

Работофобия и работомания

На поведенческом уровне отношение к труду подчас принимает настолько разнообразные формы, что едва ли играется классификации. Тем не менее, их можно упорядочить и расположить на некоторую континууме, имеющем два крайних полюса. Один полюс мы назвали *работофобией*. Она выражает пренебрежительное или наплевательское отношение к работе. От бездельников всех мастей вошли в обиход выражения типа «где бы ни работать, лишь бы не работать», «работа не бей лежачего», «кантоваться», «отсиживаться» и другие. Категорию таких работников можно узнать везде, где процветают приписки, неоправданные прогулы, допускается бракованная продукция, существует формализм и бюрократизм. Для них характерно отношение к труду как к инструментальной ценности, т.е. всего лишь средству существования. Главный мотив - заработная плата. Сюда же относится и работа с прохладцей, т.е. работа по видимости.

Противоположный полюс мысленной шкалы занимает *работомания*. Она характеризует увлеченность человека, своей работой и присуща главным образом людям умственного, творческого труда. Например, директор или главный инженер может сутками не выходить за проходную предприятия, решая какую-то техническую или организационную задачу; ученый или конструктор, поглощенный своей проблемой, исследовательской разработкой или научным изобретением, продолжает заниматься своим делом в субботу и воскресения. Степень работомании как раз измерил Г. Ментцель при помощи специального теста.

Оба явления - *работофобия* и *работомания* - выражают крайнее, патологическое состояние человеческого поведения, структурное смещение ценностных ориентаций и установок. Работа оборачивается либо отчуждением человека от самой работы, либо превращается в наваждение, в болезнен-

ную страсть. Неумеренная ею одержимость, стремление распространить работу на сферу свободного времени выключает человека из нормального функционирования в социально значимом для него окружении. Поглощенный работой, он забывает уделять внимание родным, семье, друзьям, ритм его жизни настолько рационализируется, что каждая минута и каждое движение строго учитываются. Измеряются и оцениваются с точки зрения единственного критерия - в какой степени они способствуют достижению поставленной цели. Разрушаются привычные жизненные ценности и представления. Цель и средство меняются местами, выстраиваются в новой, искусственной и не свойственной им последовательности. Современные горожане - это вечно спешащие, обгоняющие друг друга, не успевающие осмотреться и поговорить между собой люди.

Парадокс заключается в том, что современный или, как его называют, жестко регламентированный труд вовсе не требует самопожертвования. Ему больше присущ спокойный, размеренный ритм хорошо организованного дела, а не суета и спешка. Неадекватное восприятие человеком условий и правил труда, оборачивается не только психологическими (для него лично) - например, переутомлением, повышенной возбудимостью, нервозностью, но и социальными (для общества) потерями. Прибежав на работу, многие из нас все не спешат сразу же взяться за дело. Некоторое время мы успокаиваемся и приходим в себя, поговорим по телефону и убеждаемся, что дома все в порядке. Затем обсуждаем с коллегами последние события, и только потом уже - работа.

Работомания в действительности оборачивается *скрытой формой* работофобии, или работы с прохладцей. Крайности сливаются в одно целое, называемая отсутствием культуры труда, настоящего профессионализма и рациональной организации трудового

ритма. Поведением человека и становлением его образа жизни здесь управляют не реальные общественные потребности, а вымышленные представления о своей работе и отношении к ней. Чрезмерное усердие оказывается видимостью, за которой скрывается стремление сделать свою карьеру, а не заинтересованность в успехе общего дела. Деловое, социально признанное отношение к труду, подменяется делачеством. Под маской усердия и коллективизма скрывается настоящий эгоизм и стремление не выглядеть плохо в глазах начальства.

Разумеется, мы далеки от мысли, что реальное поведение и отношение к труду людей укладывается в прокрустово ложе двумерной шкалы. Более того, патологические, равно как и вырожденные формы обычно являются исключением. Однако их четкое определение позволяет социологу глубже разобраться в многообразии других типов и форм поведения людей в трудовом процессе. Думается, что они-то, т.е. реальные типы взаимоотношения людей, обуславливаются не столько сознанием или самосознанием индивида, - неважно, является таковое правильным или искаженным, - сколько объективными, социально-историческими причинами. Ясно, что логика нашего рассуждения заставляет искать ключ к решению проблемы также и в сфере отношений к собственности.

В свое время автору довелось поработать несколько месяцев в бригаде строителей. Правда, строго научным такое исследование назвать нельзя. Я был еще начинающим социологом, деньги получал небольшие и решил подзаработать. Специальной программы и четкого плана исследования я не имел, в ситуации включенного наблюдения оказался неожиданно и никакой научной цели поначалу не ставил. К тому же работа на первых порах была действительно тяжелой, хотя я владел строительной специальностью. Адаптировавшись в новой среде, я начал при-

глядываться к поведению своих товарищей. Регистировал их поведенческие реакции, характерные привычки, манеру обращения с людьми, трудовые навыки и даже обороты речи. Иногда удавалось спровоцировать то одного, то другого своего товарища на непредсказуемые действия с тем, чтобы лучше узнать, как они ведут себя в необычных условиях. В конечном итоге у меня выстроилась определенная стратегия наблюдения, и в дальнейшем я уже действовал, придерживаясь ее.

Самыми типичными формами поведения были выпивки в обеденный перерыв и игра в «сику» (на деньги). Для того чтобы «наскрести» на бутылку портвейна, по очереди каждый из нас «стрелял» деньги у знакомых, работавших в ремонтируемом здании («моя» бригада числилась как ремонтно-строительная). Денег набиралось обычно на одну-две бутылки, и на каждого члена бригады (в разное время в ней было занято от 3 до 6 человек) приходилась незначительная доза спиртного. Как правило, она не отражалась на качестве работы, но замедляла ее темп. После обеда мы просто «дорабатывали», так что основной объем выполненного задания приходился на утреннее время. Малая доза спиртного придавала людям оживление и слегка повышенную возбужденность. Агрессивность и усталость сменялись миролюбием и снисходительностью к недостаткам. Деловые отношения переходили в межличностные, а разговоры о работе уступали место беседам о семье, отдыхе, развлечении.

Отношение к работе в России за последние 10-15 лет изменилось. Социологи утверждают, что сегодня россияне проявляют больше трудолюбия, чем в советское время. Если в США работа важна для 57% граждан, то в России – уже для 70% населения. «Труд стал более монопольным средством обеспечения благосостояния, - считает сотрудник Института социологии РАН В. Магун. - На социальные гарантии и льготы уже нельзя так смело полагаться, как при социализме».

Труд - это деятельность, благодаря которой человек производит нечто, имеющее ценность для других людей. Причем другие - это обязательно те, кто не связан с вами родственными или дружескими отношениями.

Социально обкраденный труд

Подобная метаморфоза лежит в самой природе наемного труда как неполного, социально обкраденного труда. Ведь изначально, по своему определению, труд выступает такой целесообразной деятельностью, в которой присутствуют и должны присутствовать все необходимые моменты этого преобразовательного процесса: сырье или предмет труда, сам процесс труда как совокупность трудовых операций и физических (плюс умственных) затрат человека, конечный продукт труда и цель труда. Наемного работнику остался только один момент - сам процесс труда и физические затраты. Предмет и продукт труда находятся в собственности другого лица, но одновременно с отчуждением этих моментов обесмысливается и весь процесс труда. Из него изымается главное - цель, во имя которой и происходит преобразование вещества природы. Мешки с картошкой переходят в собственность другого лица. Для любого нормального человека цель труда - получение осязаемого, материально значимого продукта: автомобиля или костюма. Но если вы выполняете частичный труд или не видите конечного результата работы своих рук, то сложно сказать, есть у такого труда цель или ее нет. Вы получили за свою работу кучу денег, но в глубине души у вас нет ясной цели: во имя чего вы трудились. Так, работа на конвейере не оправдывает, - правда, психологически, а не экономически, поскольку произошел эквивалентный обмен, - затраченных усилий. Психологически наемный работник смотрит на свой труд как на бесцельное, требующее изнурительного напряжения, занятие. Если добавить сюда ясное

осознание работником, что он дал собственнику продукции на 100 рублей, а получил всего лишь 30, то негативное отношение к труду становится не только очевидным, но и социально оправданным.

Анализируя объективный механизм формирования отношения к труду у наемного работника, К. Маркс отмечал, что раз уж целью труда для него становится заработная плата, в которой исчезает всякое своеобразие потребительной стоимости, то «он совершенно равнодушен к *содержанию* своего труда и поэтому к особому роду своей деятельности»², т.е. к своей профессии. Равнодушное отношение к труду здесь объясняется тем, что целью труда становится нечто внешнее его содержанию - заработная плата. Ведь она не является органической частью трудового процесса, как, допустим, продукт труда. Поэтому зарплата может быть целью труда только формально, а не содержательно.

Подчеркнем важность данного тезиса: зарплата выступает формальной целью труда. Если человек с самого начала знает, что работает всего лишь за деньги, а продуктом его труда распоряжается кто-то другой, то будет ли он заботиться о качестве продукции? По всей вероятности, нет. Более того, и сырье, и средства труда (оборудование) для него не имеют практической цены, т.е. потребительной стоимости. Отсюда следует: индивид не заинтересован в их сохранности и бережном отношении. Его интересует только зарплата как единственная и всепоглощающая цель труда. Чтобы получить больше, он готов прибегнуть к любым, даже незаконным, действиям.

Удовлетворенность трудом

Новый поворот в трактовке труда как приоритетного жизненного интереса у американских социологов наметился после критики теоретико-методологиче-

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 12.

ских принципов этой концепции и активного проникновения исследований в сферу постиндустриального труда. Приоритетность труда стали связывать с удовлетворенностью работой и пониманием ее социально-психологической ценности.

Американским социологам удалось обнаружить следующие тенденции:

а) молодые рабочие, чернокожие и национальные меньшинства в меньшей степени удовлетворены своей работой, чем белые, служащие и клерки;

б) руководители больше удовлетворены трудом, чем подчиненные;

в) женщины примерно так же удовлетворены трудом, как и мужчины;

г) не существует прямой связи между количеством лет учебы и удовлетворенностью трудом;

д) не существует прямой связи между удовлетворенностью работой и производительностью труда.

е) удовлетворенность работой имеет меньшее значение для того, чтобы человек был счастлив, чем брак и семья.

Удовлетворенность работой - эмоциональное состояние, в котором выражается степень соответствия между теми требованиями, которые человек предъявляет к своей работе и ее объективными характеристиками. При этом многие авторы различают общую и частную (удовлетворенности специальностью) удовлетворенность работой. Общая удовлетворенность характеризуется удовлетворенностью работой в целом, а частная - степенью удовлетворенности конкретными аспектами работы, в том числе зарплатой, специальностью, условиями и организацией труда, продуктивностью труда, предпринятием. Удовлетворенность работой в целом формируется под воздействием широкого круга социально-экономических факторов: социально-гигиенических условий труда, его организации и нормирования и др.³ Специальность в этом контексте выступает лишь

как один из моментов производственной ситуации.

Удовлетворенность работой — эмоционально-оценочное отношение личности или группы к выполняемой работе и условиям ее протекания. Согласно двухфакторной («мотивационно-гигиенической») теории удовлетворенности работой (Ф. Херцбергер), к «мотивационным» факторам относятся: содержание труда, достижения в работе, признание со стороны окружающих, возможность квалификационного роста. К «гигиеническим» факторам относятся условия труда, заработная плата, линия поведения администрации, взаимоотношения между работниками. При наличии благоприятных «гигиенических» факторов возникает особое состояние, которое приводит к уменьшению чувства неудовлетворенности характером работы, но не к повышению удовлетворенности работой. Эмпирической базой послужили результаты изучения отношения к труду питтсбургских инженеров и бухгалтеров. В исследовании использовался метод «критических ситуаций»: респонденту предлагалось описать моменты работы, когда он чувствовал себя особенно хорошо и особенно плохо. В благоприятных ситуациях чаще упоминались одни факторы (достижение тех или иных целей, признание, сама работа, ответственность и продвижение), а в неблагоприятных — совершенно другие (политика компании, технический контроль, межличностные отношения, условия труда и личная жизнь)⁴. Ф.Херцберг и его коллеги, обобщив данные нескольких исследований, пришли к заключению: из 26 исследований 14 показали, что позитивные установки к работе связаны с более высокой производительностью; 9 исследований связи не показали и 3 исследования показали, что рабочие с позитивной установкой к работе имели более низкие результаты производительности, чем те, кто имел негативные

³ Рабочий и инженер: социальные факторы эффективности / Под ред. О.И.Шкаратана - М., 1985.с. 119-120

⁴ Herzberg F., et al. The Motivation to Work. 2 ed. N. Y.: Wiley, 1959, p. 72.

установки⁵. Они также предположили, что удовлетворение работой может влиять на эффективность труда и трудовое поведение только при определенных условиях.

На самом деле результаты проверки теории крайне противоречивы. Сам Херцберг приводит материалы 17 исследований, полностью подтверждающих его выводы⁶. Во всех этих исследованиях применялся метод «критических ситуаций». При использовании иных процедур подтверждения теории не получено. По одним данным, мотиваторы обуславливают и удовлетворенность, и неудовлетворенность. По другим, и мотиваторы, и факторы гигиены теснее связаны с первой, чем со второй. В ряде работ отмечается: на удовлетворенность больше влияют факторы гигиены, нежели мотиваторы⁷.

М. Блумберг и Ч. Прингл⁸ считают, что за 50 лет проведено значительное число исследований производительности труда, но так и не выяснены устойчивые факторы, влияющие на нее. Среди таких факторов чаще называют удовлетворенность трудом, отношение к труду, индивидуальные характеристики, принципы мотивации, методы и стиль руководства, структура организации и внутригрупповые процессы. По мнению И. Берга⁹, удовлетворенность и неудовлетворенность может быть как «внутренней», так и «внешней». При этом социоэкономические факторы (жалование, заработная плата) интерпретируются как внешние, а социопсихологические (групповое членство и отношения власти) — как внутренние факторы. Важной причиной, определяющей удовлетворенность является технология.

В 1988 г. Кристофер Дженке, Лаури Перман и Ли Рейнуотер¹⁰ по огромной

выборке опросили рабочих. Они спрашивали, что такое "хорошая" работа в сравнении со "средней". Самым главным фактором привлекательности работы служит доход. Но 13 других аспектов работы, не касающихся оплаты, вместе взятые, в 2 раза перевесили зарплату. Безопасность труда, получение квалификации, разнообразие, автономия, отсутствие грязи, отпуск — вместе были самыми важными. Иначе говоря, работник вряд ли будет высоко удовлетворен работой, получая высокий заработок, если другие аспекты будут неподходящими. Согласно данным исследования Conference Board, международной бизнес-организации со штаб-квартирой в Манхэттене, по сравнению с 1995 г. в настоящее время число довольных своей работой сотрудников ниже на 8%. Работников волнуют возможности продвижения по службе и получения новых знаний, и для них эти факторы так же значимы, как и размер заработной платы.

В географическом плане в США наименее довольны своей работой жители Нью-Йорка, Нью-Джерси и Пенсильвании, где лишь 46% удовлетворены по сравнению с 53% пятью годами раньше. Штаты района Скалистых гор — Аризона, Колорадо, Айдахо, Монтана, Невада, Нью-Мексико, Юта и Вайоминг — родина наиболее довольных рабочих и служащих. Таких здесь 60% по сравнению с 63% в 1995 г. Согласно данным Conference Board, степень удовлетворенности также связана с уровнем заработной платы. Семьи с доходом менее 25 000 долл. в год наименее довольны родом своей деятельности. Доход от 50 000 долл. свидетельствует о наибольшей удовлетворенности. Хотя недовольные работой встречаются во

⁵ Herzberg F. et al. Job Attitudes: Review of Research and Opinion. Pittsburgh: Psychological Service of Pittsburgh, 1957, p.99.

⁶ Herzberg F. Work and Nature of Man. L.: Crosby Lockwood Staples, 1974.

⁷ Journal of Applied Psychology, 1964, v. 48, p. 388—392; Handbook of Industrial and Organizational Psychology / Ed. by M. D. Dunnette. Chicago: Rand McNally, 1976, p.

1297—1350; Journal of Applied Psychology, 1974, v. 59, p. 369—370.

⁸ Blumberg M., Pringle Ch. D. The missing opportunity in organizational research: Some implications for a theory of work performance. — Acad. Manag. Rev., 1982, Vol.7, №4, p.560-569.

⁹ Berg Ivar E. Managers and work reform. N.Y.: Free Press, 1978.

¹⁰ American Journal of Sociology, 1988, vol. 93. P.1322.

всех штатах и среди всех возрастных слоев, все же, согласно данным той же Conference Board, опросившей 5000 домохозяев, менее всего удовлетворены работой американцы в возрасте 45–54 лет. К самым счастливым причисляют себя более активные и агрессивные работники среднего возраста, родившиеся в период между 1965-м и 1979 годом. Степень их удовлетворенности работой составляет 58,1%¹. Эта категория работников наиболее удовлетворена работой потому, что ее представители готовы бросить неинтересную работу, даже если зарплата высока. Помимо прочего, они стали свидетелями краха крупного бизнеса, массовых увольнений и дезинтегрирующих экономику сделок с акциями в период экономического спада конца 1980-х — начала 1990-х годов. Они задумываются об альтернативной карьерной лестнице как о более привлекательном варианте, который включает деятельность в режиме подработки, заключение самостоятельных контрактов, совместительство и дистанционная работа.

По данным исследований в США в 1958 г. были удовлетворены своей работой 81%, а в 1973 — 90%. Новые исследования выявили иной уровень удовлетворенности. Оказалось, что большинство (70%) относятся к своей работе нейтрально, от 10 до 20% — ею очень удовлетворены, еще 10-20% — совершенно не удовлетворены. Таковое нормальное распределение, которое должно существовать в стабильном обществе. Специалисты считают, что всплеск удовлетворенности трудом в 1950-60-е годы — скорее исключение, нежели правило. До этого периода и после него кривая удовлетворенности приняла свой обычный вид. Американский социолог М. Фейн утверждал: «неверно, что рабочие имеют потребность

выразить себя в труде, что цели рабочих совпадают с целями менеджмента в тех случаях, когда рабочим предоставляется возможность идентифицироваться с трудом, что рабочие хотят обогащенного и реконструированного труда, что обогащенный труд повышает желание рабочего трудиться. Только 15–20% рабочих ищут в труде удовлетворения и самореализации. Основная масса трудящихся выдвинула на два первых места в своих требованиях повышение уровня оплаты труда и гарантии занятости, а не интересную работу»². Рабочие не хотят идентифицировать себя с целями менеджмента и администрации. «Менеджмент стремится увеличить производительность труда, повысить доходы, укрепить позицию предприятия на рынке, усилить его финансовую обеспеченность, создать более эффективную организацию, а рабочие хотят в первую очередь увеличения оплаты труда, гарантии занятости, уменьшения рабочего времени»³. В своей книге «Маркетинг менеджмент», вышедшей в 1997 г., Ф. Котлер по существу повторяет суждения М. Фейна: «Сегодня работа воспринимается не как средство удовлетворения, самореализации, а как неизбежное зло, позволяющее заработать деньги на удовольствия в свободное время»⁴.

В ходе многочисленных эмпирических исследований было установлено, что на удовлетворенность и поведение рабочих влияют следующие факторы: содержание труда, рабочее место, физические условия труда, рабочая группа, организация труда, система снабжения (сырье, инструмент, информация), надзор (стиль руководства), участие, стандарты выполнения работы, цели, заработная плата, возможность продвижения и безопасность труда, политика управления⁵. При по-

¹ По материалам Vault.com

² Fein M. Motivation for work // Handbook of work, organization and society. Chicago, 1976, p.500-501.

³ Fein M. Motivation for work // Handbook of work, organization and society. Chicago, 1976, p.488-489.

⁴ Котлер Ф. Маркетинг менеджмент. СПб.: Питер, 1999. С.223.

⁵ Jong J.R. Roles and instruments in work design and redesign // Satisfactions in Work design: ergonomics and

строении индексов измерения удовлетворенности применяются следующие переменные: общая удовлетворенность, социальная удовлетворенность, удовлетворенность контролем, удовлетворенность возможностями профессионального роста.

Большинство рабочих в США выражают удовлетворенность своим занятием – молодежь в меньшей, а старшие в большей степени. Хотя само состояние занятости им не нравится. Многие занижают свои ожидания, чтобы потом не расстраиваться, столкнувшись с реальностью. Другие находят компенсацию в виде дружбы, внерабочих удовольствий. У них повышается удовлетворенность, если они видят, что работодатель поступает справедливо¹. Наибольшая удовлетворенность там, где рабочий сам может контролировать трудовой процесс, не имеет жесткого надзора. Это называется *автономией труда*. Она включает принятие самостоятельных решений по поводу начала и конца рабочего дня, пауз, режима труда, последовательности операций, осуществляемых по собственному усмотрению и влияние на конечный результат. Все это повышает самооценку, интеллектуальную гибкость, снижает стрессы. В целом, чем выше оплачивается труд, тем выше его автономность, и наоборот. На рутинной работе с жестким надзором удовлетворенность самая низкая.

В. Ядов и ленинградские социологи в исследовании 1976 г. обнаружили перелом в сознании советских рабочих от нематериальных ценностей к материальным. Если бы стремлению людей к материальным ценностям, т.е. к личному и ничем не ограниченному стремлению обогатиться, власти быстро придали легитимный характер, перестроили производство и политические отношения, то общество, в короткое время справившись с кризисом, смогло бы перескочить на более высокую ступень развития, а самое главное

- подняло бы производительность труда. Но этого не произошло и не могло произойти. Рабочий оценивает не только размеры предлагаемого вознаграждения, но и степень неприятия труда. Уравнение этих двух элементов и дает в результате ту сумму требований, с которой он выступает перед работодателем. Причиняющими неприятие факторами могут выступать вредные условия труда, неудобный график работы, отсутствие безопасности труда и высокий травматизм. При малой оплате человек ограничивает свои потребности, отказывая себе и семье во многих удовольствиях, при большой – он автоматически расширяет их. Каждый индивид строит незримые уравнения, где по одну сторону стоит необходимость (иногда весьма острая) удовлетворить насущные потребности и готовность взяться для этого за любую работу, а по другую – отвращение или неприятие, которые внушает ему малопrestижная и тяжелая работа.

Большинство рабочих в США выражают удовлетворенность своим занятием – молодежь в меньшей, а старшие в большей степени. Хотя само состояние занятости им не нравится. Многие занижают свои ожидания, чтобы потом не расстраиваться, столкнувшись с реальностью. Другие находят компенсацию в виде дружбы, внерабочих удовольствий. У них повышается удовлетворенность, если они видят, что работодатель поступает справедливо². Наибольшая удовлетворенность там, где рабочий сам может контролировать трудовой процесс, не имеет жесткого надзора. Это называется *автономией труда*. Она включает принятие самостоятельных решений по поводу начала и конца рабочего дня, пауз, режима труда, последовательности операций, осуществляемых по собственному усмотрению и влияние на конечный результат. Все это повышает самооценку, интеллектуальную гибкость, снижает

other approaches / Ed. by R.G.Sell and P.Shipley. London: Taylor and Francis, Ltd, 1979. p. 41-42.

¹ Hess B.B., Markson E.W., Stein P.J. Sociology. N.Y., 1991. p. 321

² Hess B.B., Markson E.W., Stein P.J. Sociology. N.Y., 1991. P.321.

стрессы. В целом, чем выше оплачивается труд, тем выше его автономность, и наоборот. На рутинной работе с жестким надзором удовлетворенность самая низкая.

Психологи и социологи полагают, что удовлетворенность трудом в действительности не имеет того значения, какое ей придают. Работа является лишь одним из аспектов жизни человека, но не единственной его целью, оправданием его существования. Правда, это верно до тех пор, пока человек не потерял работу. В кризисной ситуации мы осознаем, что труд — нечто такое, без чего человек не может обойтись. Безработным овладевает растерянность и фрустрация. Не помогает даже пособие, которое позволяет сводить концы с концами. Если без работы человеческое существование теряет смысл, значит, труд превращается в первую жизненную потребность, т.е. центральный жизненный интерес.

И в нашей стране в конце 1980-х - начале 1990-х в социологии наметился тематический сдвиг. Среди новых проблем, которые начинают интенсивно изучать социологами, следует отметить трудовые конфликты и забастовки рабочих, экономическая преступность и ее социальные последствия, рынок и поведение потребителей, многообразие форм собственности на производстве, занятость и безработица, рабочее движение, предпринимательство, приватизация, экономическая социология. Вместе с тем продолжали исследоваться проблемы, характерные для предыдущих этапов, в том числе вопросы оплаты труда и материального стимулирования, участие работников в управлении, организация и условия труда, стабилизация коллектива и социально-психологический климат и др. Интенсивно ведется изучение трудовых отношений на разных уровнях. Речь идет, прежде всего, о потенциале трудовых конфликтов, деятельности различ-

ных профессиональных союзов, трудовых и статусных позициях социально-профессиональных групп на предприятии. По-прежнему активно ведутся исследования в области социально-профессиональной структуры и мобильности, трудовой мотивации и удовлетворенности трудовым процессом, социально-экономическим проблемам села.

В XXI веке ни в США, ни в России никто из социологов не занимается эмпирическим исследованием труда как первой жизненной потребности. Обе страны заняты будничными проблемами капиталистического общества. Ушли в прошлое идеологические запреты и партийные указы, российские социологи изучают новых героев экономической жизни – предпринимателей.

Удовлетворенность трудом как многомерная переменная

Теории удовлетворенности работой изучались на протяжении многих лет, и не все консультанты и исследователи склонны соглашаться на одно-единственное определение удовлетворенности работой. По словам Фредерика Херцберга, который занимался исследованиями в области мотивации в 1950-х годах, на удовлетворенность работой влияют два набора факторов - факторы гигиены (неудовлетворенности) и мотиваторы (удовлетворенность). Как только решены проблемы гигиены, в действие вступают мотиваторы, которые создают удовлетворенность работой. Вопросы гигиены - это корпоративная и административная политика, надзор, зарплата, межличностные отношения и условия труда. Мотиваторов всего 5: сама работа, достижение, признание, ответственность и продвижение. К началу 1990-х годов за рубежом было опубликовано более 12 000 исследований по теме удовлетворенности работой¹. К 2017 г., после сотен тысяч проведенных исследований, опубликованных статей и практических рецептов,

¹ Franek M., Vecera J. Personal characteristics and job satisfaction // E+M Ekonomie A Management, 2008; 4: 63-75.

призванных улучшить удовлетворенность трудом, выяснилось, что сегодня рабочие не намного счастливее, чем 15 лет назад или 60 лет назад: согласно данным опросов Гэллага, только 13% людей во всем мире довольны своей работой¹.

Что такое удовлетворенность работой? Удовлетворенность работой можно кратко описать как чувства и эмоции, проявляемые относительно своей работы, и то, насколько мы счастливы, что заняты именно ею. Иными словами, удовлетворенность работой - это удовольствие, которое мы получаем от выполнения нашей работы. Кембриджский словарь дает следующее определение термина: «Чувство удовольствия и достижений, которые вы испытываете в своей работе, когда знаете, что ваша работа стоит того, или степень, в которой ваша работа дает вам это чувство». Некоторые исследователи утверждают, что удовлетворенность работой может быть формально определена «как степень, в которой люди положительно и отрицательно относятся к своей работе»². Ученые используют разные инструменты и критерии для оценки удовлетворенности работой. Практика показывает, что наилучшими инструментами измерения удовлетворенности работой выступают такие индекс и шкалы описания работы, как Job Diagnostic Survey, Job Satisfaction Index, Job Satisfaction Survey (JSS), Minnesota Satisfaction Questionnaire, Job Satisfaction Relative to Expectations, Global Job Satisfaction, Job Descriptive Index (JDI).

Ф. Херцберг с коллегами³ разработал мотивационную модель удовлетворенности работой и с помощью исследований обнаружил, что факторы, связанные с работой, можно разделить на две категории: факторы гигиены и фак-

торы мотивации. Гигиенические факторы не могут вызывать удовлетворение, но они могут изменить неудовлетворенность на отсутствие неудовлетворенности или краткосрочной мотивации, тогда как мотивационные факторы имеют длительный эффект, поскольку они повышают положительные чувства к работе и не превращают неудовлетворенность в удовлетворенность. Результаты одного из исследований⁴ подтверждают выводы двухфакторной теории Херцберга о том, что такие переменные, как возможности для развития, ответственность, ответственность, достижения, признание, возможности для развития и отношения с персоналом, оказывают значительное влияние на уровень удовлетворенности работой. В частности оказалось, что неудовлетворенность работой связана с гигиеническими факторами, к которым относятся заработная плата, качество надзора и условия труда. Исследование показало, что 54,29% были удовлетворены, 18,48% участников не были удовлетворены и 27,24% участников были неопределенными и удовлетворены уровнем общей удовлетворенности работой. Результаты опроса в Офтальмологическом центре Тилганга свидетельствуют о том, что более двух третей респондентов были в значительной степени удовлетворены своей нынешней ответственностью на рабочем месте. Двухфакторная теория Херцберга предполагает, что основные факторы работы, такие как признание сотрудников и развитие навыков, могут повысить удовлетворенность работой. В целом, общая удовлетворенность имеет высокую положительную связь с другими факторами, влияющими на удовлетворенность работой.

Наиболее признанная теория удовлетворенности работой принадлежит

¹ Shriar J. 12 Proven Strategies To Increase Job Satisfaction; July 20, 2017 // <https://www.officevibe.com/blog/how-to-improve-job-satisfaction>

² Steyn G M & Van Wyk J N 1999. Job Satisfaction: Perceptions of Principals and Teachers in Urban Black Schools. South African Journal of Education, 19: 37-43.

³ Herzberg F., Mausne B., Snyderman B. The Motivation to Work. John Wiley, 1959.

⁴ Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // International Journal Of Scientific & Technology Research. Vol. 1, Issue 11, December 2012, p.34.

Е. Локку¹, который определил удовлетворенность работой как «приятное или позитивное эмоциональное состояние в результате оценки работы на работе или работы»². Удовлетворенность работой имеет эмоциональные, когнитивные и поведенческие компоненты. Эмоциональный компонент относится к связанным с работой чувствам, таким как скука, беспокойство, признание и волнение. Когнитивная составляющая удовлетворенности работой относится к убеждениям относительно своей работы, является ли она уважаемой, умственно сложной/креативной и полезной. Наконец, поведенческий компонент включает в себя действия людей в отношении их работы, такие как опоздание, сверхурочные, фальсификация болезни и абсентеизм³. Позже исследование Л. Шелла и К. Брайана⁴ показало, что различные психосоциальные и рабочие переменные среды, такие как место работы, социальная поддержка, оказывают непосредственное влияние на удовлетворенность работой и что увеличение вознаграждения не улучшает уровень неудовлетворенности среди сотрудников.

Существуют различные виды удовлетворенности работой. Общая удовлетворенность работой представляет собой сочетание внутренней и внешней удовлетворенности работой: 1) *внутренняя* удовлетворенность работой - это когда работники рассматривают только ту работу, которую они выполняют, задачи, которые составляют работу; 2) *внешняя* удовлетворенность работой - это когда работники рассматривают условия работы, такие как их оплата, коллеги и руководитель. Как и

многие вещи в жизни, общая удовлетворенность работой - это компромисс. Люди испытывают неудовлетворенность даже на лучших рабочих местах. И в сегодняшнем рабочем мире вы не можете ожидать, что ваша компания будет заботиться о вас - вы должны сами взять на себя инициативу. Общая удовлетворенность работой на самом деле представляет собой сочетание базовой и внешней удовлетворенности работой. Основная удовлетворенность работой - это когда работники рассматривают только вид работы, которую они выполняют, и задачи, которые составляют работу, в то время как внешняя удовлетворенность работой - это когда работники рассматривают условия работы, такие как, оплата труда, сотрудники, стиль управления и общение. С точки зрения сотрудников, удовлетворенность работой может отражать преимущества, которые люди могут искать, когда они берутся за работу; эти преимущества, как правило, определяются работодателем на основе их стратегии, чтобы быть прибыльным и конкурентоспособным в наборе и удержании людей. С другой стороны, факторы, связанные с работой, которые влияют на удовлетворенность, связаны с желанием сотрудников использовать свои навыки и способности, чтобы внести значимый вклад и быть оцененными⁵.

Л. Маллинс уверен, что удовлетворенность работой является сложным и многомерным понятием, которое может означать разные вещи для разных людей. Он соглашается с тем, что удовлетворенность работой - это отношение и внутреннее состояние человека, которое может

¹ Locke E. Personnel attitudes and motivation // Annual Review of Psychology, (1975). 457-480; Locke E.A. What is job satisfaction? // Organizational Behavior and Human Performance, (1969). 4, 309-336; Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction // M. D. Dunnette (Ed.), Handbook of industrial and organizational psychology Chicago, IL: Rand McNally, 1976, p. 1297-1349.

² Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction // M. D. Dunnette (Ed.), Handbook of industrial and organizational psychology Chicago, IL: Rand McNally, 1976, p. 1305.

³ Bernstein D.A., Nash P.W. Essentials of psychology (4th ed.). Boston: Cengage Learning, 2008.

⁴ Sell L., Bryan C. Job Satisfaction, Work Environment, and Rewards: Motivational Theory Revisited // LABOUR, (2011). 25(1), 1-23.

⁵ Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // International Journal Of Scientific & Technology Research. Vol. 1, Issue 11, December 2012, pp.33.

быть связано с личными чувствами достижения, как в количественных, так и в качественных показателях¹. По мнению Л. Гибсона, Дж. Доннели и Дж. Иванцевича, удовлетворенность работой является индивидуальным выражением коллективных условий труда, способствующих или не способствующих личному благополучию, связанному с выполнением требуемой работы². По данным Л. Руэ и Л. Байерса³, удовлетворенность работой состоит из 5 компонентов: 1) отношение к коллегам, 2) общие условия труда, 3) отношение к системе образования, 4) финансовые выгоды, 5) отношение к надзору. А. Барон и Дж. Гринберг присоединяются к тем, кто выделяет в индексе удовлетворенности работой три переменные - когнитивную, аффективную и оценочную реакцию на работу⁴. Опираясь на идеи С. Макшейна и М. фон Глиноу⁵, мы можем утверждать, что удовлетворенность работой - это многогранное понятие, подразумевающее три оси времени: прошлое (трудовой стаж и рабочий опыт), настоящее (эмоциональная оценка «здесь и теперь»), будущее, ориентированное на ожидание приятного чувства, которое возникает, когда человек оценивает свою роль в труде. В исследовании социологов из Бангладеш рассматривалось несколько показателей удовлетворенности работой, таких как заработная плата, отзывчивое отношение к клиентам, способ распределения прибыли, функционирование служб социального обеспечения, бонусные выплаты, вознаграждение, работа с нынешними коллегами, стиль руководства, режим отпусков, безопасность труда, показатели эффективности и процесс ее оценки, рабочий график и работа в команде⁶. При этом общий уровень удовлетворенности работой был высоким

(более 80%).

Таким образом, удовлетворенность работой можно трактовать как суммирующую множество показателей, как совокупность самых отношений, чувств, убеждений и моделей поведения по отношению к своей работе. Многомерная характеристика удовлетворенности трудом включает в свой «горизонт событий» самый широкий социальный контекст, связанный со всеми проявлениями социальной картины мира: способна ли зарплата достойно прокормить свою семью, организовать досуг и отдых за рубежом, гордиться перед значимыми другими, арендовать комфортное жилье и эксплуатировать личное авто, оплатить учебу детей, медицинскую страховку и т.д.; в какой степени содержание труда позволяет испытывать работнику удовлетворение, а не мобилизовать усилия на психологическое сопротивление и преодоление отчуждения; какое место занимает данная профессия на шкале общественного признания; можно ли испытывать гордость за свою специальность и советовать сыну ее в качестве будущего выбора и т.п.

В результате за простой и на первый взгляд неказистой формулировкой одного из субъективных моментов работы кроется многоплановое и до конца не изученное социальное явление глобального масштаба. Смена трудовых приоритетов – труд как принуждение, труд как первая жизненная потребность, труд как второстепенный по сравнению с досугом момент на жизненном пути – вызвала смену исторических типов общества, в частности переход от трудового к потребительскому обществу, и серьезные трансформации в его социально-экономической структуре.

¹ Mullins L.J. Management and Organisational Behaviour. Pitman Publishing, 2002, p. 645-646.

² Gibson L.J., Donnelly J.H., Ivancevich J.M. Fundamentals of Management. Chicago: Irwin, 2000, p. 352-353.

³ Rue L.W., Byers L.L. Management skills and application. Homewood. Irwin, 1994, p. 294-295.

⁴ Baron A.R., Greenberg J. Organisational Behaviour in Organisation: Understanding and managing the human side of work. Canada: Prentice Hall, 2003, p.148-150.

⁵ McShane S., Von Glinow M. Organizational behavior: Emerging realities for the workplace revolution (3rd ed.). New York: McGraw-Hill Higher Education, 2005, p. 122-123.

⁶ Rahman M, Ashraf A, Hasan N, Hoshen S, Chowdhury R.H.K., et al. Job Satisfaction Levels among Employees of Private Commercial Banks at Chuadanga District in Bangladesh // Journal of Business & Financial Affairs. (2017) Vol 6. Issue 2. P. 256.

Удовлетворенность работой стала одним из самых сильных мета-аналитических корреляторов удовлетворенности жизнью (исправленная корреляция 0,44 в Heller¹), и теоретическая удовлетворенность работой должна влиять на удовлетворение жизни, поскольку люди тратят большую часть своего времени на труд, и они получают смысл жизни от работы². Ваш уровень удовлетворенности работой предсказывает то, насколько вы настроены на работу. Недовольство может привести к чему-то еще более худшему - потере работы, несчастным случаям, даже психическим заболеваниям. Депрессия, беспокойство, напряжение и межличностные проблемы могут возникнуть или ухудшиться вследствие неудовлетворенности работой. Фактически, удовлетворенность работой была признана лучшим предсказателем того, как долго вы проживете, даже лучше, чем диагноз врача о физическом функционировании организма или генетических показателей³. Работники с низкой удовлетворенностью работой могут негативно повлиять на компанию, поскольку у них обычно не хватает мотивации, плохо работают и имеют негативное отношение. Эти симптомы могут напрямую влиять на итоговую прибыль компании.

Расхождение эмпирических данных

Эмпирические данные об уровне удовлетворенности в различных странах, в различные периоды времени и у различных категорий тружеников очень разнятся, а нередко и противоречат друг другу. Рассмотрим некоторые итоги исследований. Согласно Википедии, «опрос

FlexJobs 2016 года показал, что 97% респондентов считают, что работа, которая обеспечивала гибкость, положительно повлияет на их жизнь, 87% считают, что это поможет снизить стресс, а 79% считают, что гибкость поможет им жить здоровее»⁴. «Кроме того, второе исследование 650 работающих родителей показало, что гибкие механизмы работы могут положительно повлиять на личное здоровье людей, а также улучшить их романтические отношения, и 99% респондентов считают, что гибкая работа сделает их более счастливыми людьми в целом»⁵. Другие исследования, однако, обнаружили небольшую корреляцию между удовлетворенностью работой и жизнью, когда исследователи учитывали другие факторы⁶. Только 48% людей довольны своей работой. (Conference Board⁷) С таким недовольством работников, как вы можете избежать этого? Или, если вы работаете и недовольны, что вы можете с этим поделать? Дж. Гордон утверждает, что удовлетворенность работой достигается тогда, когда работа отвечает ожиданиям, ценностям и стандартам человека и будет влиять на их приверженность и производительность⁸. Чем выше степень удовлетворения ожиданий, тем выше будет уровень удовлетворенности работой. По словам Т. Бейтмена и С. Снелла, сотрудники будут удовлетворены, если к ним будут справедливо относиться с учетом полученных результатов или выполняемых ими операций⁹. Однако они также предупреждают, что удовлетворенный работник не обязательно может быть производителем.

Одни социологи¹⁰ уверяют, что ими

¹ Heller, D., Watson, D., & Iles, R. (2004). The role of person versus situation in life satisfaction: A critical examination. *Psychological Bulletin*, 130, 574-600.

² Heller, D., Watson, D., & Iles, R. (2004). The role of person versus situation in life satisfaction: A critical examination. *Psychological Bulletin*, 130, 574-600.

³ Dawis R.V. Job satisfaction // L.K. Jones (Ed.), *Encyclopedia of career change and work issues*. Phoenix: The Oryx Press, 1992, p. 142-143.

⁴ Источник: <http://marketbusinessnews.com/financial-glossary/job-satisfaction/>

⁵ Источник: <http://marketbusinessnews.com/financial-glossary/job-satisfaction/>

⁶ Источник: <http://marketbusinessnews.com/financial-glossary/job-satisfaction/>

⁷ The Conference Board // <https://www.conference-board.org/press/index.cfm>

⁸ Gordon J.R. *Organizational Behaviour: A Diagnostic approach*. New Jersey. Prentice Hall Inc., 1999, p. 67-68.

⁹ Bateman T.S., Snell S.A. 1999. *Management – Building a competitive advantage*. Boston. Mc Graw-Hill, 1999, p.458.

¹⁰ Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // *International Journal Of*

не обнаружено никакой связи между социально-демографическими характеристиками и удовлетворенностью работой. В другом исследовании¹ доказывалось, что различные социально-демографические факторы, такие как возраст, назначение, заработная плата, семейное положение, срок службы и условия труда, показали значимые межклассовые различия в уровнях удовлетворенности работников.

Существенные расхождения обнаружены относительно показателя общей удовлетворенности трудом в современном обществе. Опросы с 2005 года показывают, что большинство американцев не удовлетворены своей работой². Напротив, согласно данным Общества по управлению человеческими ресурсами (SHRM), число сотрудников, которые говорят, что удовлетворены своей текущей работой, сильно выросло с 81% в 2013 г. до 88% в 2016 г.³ По данным исследования 2016 г., 88% работников в США сообщили об общей удовлетворенности своей текущей работой, отметив высокий уровень удовлетворенности за последнее десятилетие⁴. В исследовании М. Рахмана и коллег утверждается, что более 80% сотрудников изученного банка остались довольны своей работой⁵.

Опрос 5000 домашних хозяйств, который был проведен глобальной исследовательской компанией Kantar TNS в 1987 г., показал, что довольны своей работой 61% респондентов. В 2008 г. об удовлетворенности работой сообщили 49% опрошенных, а в 2010 г. только 45% американцев остались довольны своей работой. Работники в возрасте до 25

лет выразили высокий уровень неудовлетворенности. Примерно 64% работников в возрасте до 25 лет заявили, что они недовольны своей работой. Некоторые аналитики говорят, что рецессия была особенно тяжелой для молодых рабочих, которым пришлось столкнуться с сокращением рынка труда, снижением заработной платы и рецессией. Больше всех удовлетворены респонденты в возрасте от 25 до 34 лет, которые увидели возможности для повышения мобильности в результате освобождения вакансий уходящим на пенсию поколением бэби-бумеров. Около 47% работников от 25 до 34 лет заявили, что были довольны своей работой⁶.

«Угроза растущего недовольства работой кроется в том, что в будущем данный фактор может ухудшить конкурентный характер американской рабочей силы и негативно повлиять на рост экономики США», - отметил Линн Франко, директор Исследовательского центра потребительского исследования Conference Board. Экономисты предположили, что слабый рост заработной платы помогает объяснить то, почему неудовлетворенность работой растет уже более 20 лет. После роста в 1980-х и 1990-х годах средние доходы домашних хозяйств, скорректированные с учетом инфляции, с 2000 года сокращаются⁷.

Одной из основных причин неудовлетворенности работой являются компании, которые недоплачивают работникам. Согласно статистике США, с 2011 г. доходы работников отстают от инфляции. Это означает, что они должны еще больше «растянуть» свой доллар, чтобы купить товары и услуги

Scientific & Technology Research. Vol. 1, Issue 11, December 2012 p.35.

¹ Rahman M, Ashraf A, Hasan N, Hoshen S, Chowdhury R.H.K., et al. Job Satisfaction Levels among Employees of Private Commercial Banks at Chuadanga District in Bangladesh // Journal of Business & Financial Affairs. (2017) Vol 6. Issue 2. P. 256.

² Job Satisfaction in the US // <https://dornsife.usc.edu/map/the-importance-of-job-satisfaction-in-todays-workforce/>

³ How Important is Job Satisfaction in Today's Workplace? April 5, 2018 //

https://www.villanovau.com/resources/hr/importance-of-job-satisfaction-in-the-workplace/#:Wxe_Re6FOYk

⁴ Employee Job Satisfaction and Engagement: Revitalizing a Changing Workforce // SHRM.org. Apr 18, 2016

⁵ Rahman M, Ashraf A, Hasan N, Hoshen S, Chowdhury R.H.K., et al. Job Satisfaction Levels among Employees of Private Commercial Banks at Chuadanga District in Bangladesh // Journal of Business & Financial Affairs. (2017) Vol 6. Issue 2. P. 256.

⁶ Survey: More Americans Unhappy at Work // Cbsnews.com. January 5, 2010.

⁷ Survey: More Americans Unhappy at Work // Cbsnews.com. January 5, 2010.

с возросшими ценами. Замораживание заработной платы происходит на фоне роста затрат на медицинское страхование. Стресс, связанный с оплатой счетов для людей с ограниченным доходом, заставляет многих из них чувствовать себя неудовлетворенными своей работой. Отсутствие карьерного роста и продвижения является еще одной причиной, по которой работники недовольны своей работой. Труженики, которые чувствуют себя застрявшими на рабочем месте, не склонны поддерживать высокую производительность. Сотрудники чувствуют себя ценным ресурсом только тогда, когда менеджеры включают их в свои долгосрочные планы и демонстрируют свою благодарность и признательность. Недостаток интереса к работе – еще одна причина недовольства. Однообразная работа заставляет работника испытывать скуку. Важными факторами, влияющими на уровень удовлетворенности работой, являются сама работа, заработная плата, возможности продвижения по службе, условия труда, гарантии занятости и сотрудники.

По замечанию С. Роббинса, существует отрицательная связь между удовлетворенностью и абсентеизмом. Работники, испытывающие низкую удовлетворенность работой, как правило, чаще прогуливают¹. Кроме того, высокий уровень прогулов ведет к росту финансового бремени для управления с точки зрения производительности и эффективности. Прогулы аналогичны текучести кадров в том смысле, что нормальные операции и производственная деятельность в целом нарушаются, а дополнительные расходы только возрастают². Неудовлетворенность работой, которая «выталкивает» работников

с насиженных мест, оказывает большее влияние на текучесть кадров, чем стимулы, которые «заманивают» их на новые рабочие места³. Согласно мета-анализу 42 исследований, корреляция между удовлетворенностью работой и оборотом кадров составляет 0,24⁴. Одним из очевидных факторов, влияющих на оборот рабочей силы, является экономический спад, в течение которого неудовлетворенные работники могут не иметь альтернатив для трудоустройства. С другой стороны, довольный работник может быть вынужден уйти в отставку по личным причинам, таким как болезнь или переезд. Кроме того, человек с большей вероятностью будет активно искать другую работу, если у него мало удовлетворения; тогда как человек, который удовлетворен своей работой, с меньшей вероятностью будет заниматься поиском работы.

Недавние исследования показали, что 63% сотрудников крупных компаний чувствуют, что не получают в достаточной мере одобрения и похвалы со стороны менеджмента⁵. Gallup определяет заинтересованных работников в качестве таких людей, которые увлечены и привержены своей работе и рабочему месту. Но большинство сотрудников безразличны, на протяжении всего рабочего дня их характеризует «лунализм» (sleepwalking), хотя они могут быть вполне успешны и производительны, направляя свои усилия во благо своей организации⁶. В результате под угрозой оказываются такие жизненно важные приоритеты, как экономический и личностный рост, инновации и креативность.

С середины XX века в мировой социологии бытует несколько мифов относительно удовлетворенности работой.

¹ Robbins S.P. Organisational Behaviour. New Jersey. Prentice Hall, 2001, p.78.

² Arnold, H.J. & Feldman, D.C. Organizational Behaviour: McGraw Hill, 1996, p.94.

³ McShane S.L., Von Glinow M.A. Organization behavior: Emerging realities for the workplace revolution (2nd ed.). New York: McGraw-Hill, 2003, p.37.

⁴ Carsten J.M., Spector P.E. Unemployment, job satisfaction, and employee turnover: A meta-analytic test

of the Muchinsky model // Journal of Applied Psychology, (1987). 72, 374-381.

⁵ Shrirar J. 12 Proven Strategies To Increase Job Satisfaction; July 20, 2017 // <https://www.officevibe.com/blog/how-to-improve-job-satisfaction>

⁶ Harter J., Adkins A. Employees Want a Lot More From Their Managers // Business Journal. April 8, 2015.

Один из них заключается в том, что счастливый сотрудник является продуктивным сотрудником. Однако эмпирические исследования, а их за 60 лет проведено во всех странах уже более 20 тыс., не подтвердили и не опровергли исходную гипотезу¹. Общая удовлетворенность работой как понятие сама представляет собой миф, т.е. чрезмерно абстрактный термин, имеющий пустой множество референтом, либо в лучшем случае метафору. Действительно, быть удовлетворенным работой или трудом вообще нельзя, потому что работы и труда вообще не существует. А когда социологи начинают операционализировать исходное понятие, то получается ветвистое дерево многочисленных переменных, каждую из которых, например, условия труда или отношения с супервайзером, в свою очередь необходимо конкретизировать далее. Но и это еще не все. Получившийся в буквальном смысле многотомный фолиант надо «прокатать» на разных выборах в разных отраслях и сферах деятельности на разных социально-демографических группах в разное время в разных странах. Что мы получим в итоге? Вот именно, то, с чего все и началось.

Негатив и позитив

Негативный момент концепции труда как первой потребности – забегающие вперед. Оно проявилось в двух формах: абстрактном теоретизировании и «ползучем эмпиризме». Речь идет о том, что советские социологи старались вот уже сейчас, сию минуту увидеть в настоящем поросль будущего. С этой целью и проводились многочисленные, возможно, не меньшие по числу, эмпирические исследования по поиску «индикаторов счастья». Кайдалов пишет о таких индикаторах, как воз-

ращение привлекательности труду, чередование занятий, превращение труда «в наслаждение, а значит, и в первую жизненную потребность человека», воспитание глубокого сознания, укрепление здоровья, повышение жизнерадостности, придание труду характера наслаждения и источника здоровья, о необходимости «работать в полную меру своих сил и способностей по привычке, отдаваясь труду всей душой и сердцем, с хорошо осознанным пониманием его нового, глубокого содержания»². Всё это и есть показатели процесса превращения труда в первую жизненную потребность. «Абстрактный эмпиризм» проявляется в том, что для глобального процесса, какковым, собственно, и является процесс эволюции общественного труда, подбирают сиюминутные, легко осязаемые и почти видимые глазом показатели, как жизнерадостность или удовлетворенность работой.

Надо полагать, что у социологической концепции труда как первой потребности в СССР существовал не только явный – идеологическая заданность, – но и скрытый смысл. Видный теоретик в области социологии труда тех лет Д.П. Кайдалов отмечал, что для превращения труда в первую жизненную потребность нужно коренным образом изменить организацию труда³. Необходимы такие преобразования, как: ликвидация разделения труда, создание условий для всестороннего развития личности, исчезновение противоречий умственного и физического труда, достижение в обществе изобилия материальных благ и их распределение по потребностям. Надо повышать производительность труда, рачительно относиться к общенародной собственности, укреплять трудовую дисциплину, а самое главное – гуманизировать труд, приспособлявая труд к потребностям

¹ Если учесть минимальную стоимость подобных исследований за рубежом в 40-50 тыс. долл., то общая цена усилий, которые не привели ни к какому вескому результату, по изучению удовлетворенности работой превысит 800.000.000 долл.

² Кайдалов Д.П. Закон перемены труда и всестороннее развитие человека. М.: Мысль. 1968, с. 280, 309, 311-312.

³ Кайдалов Д.П. Закон перемены труда и всестороннее развитие человека. М.: Мысль. 1968, с.280.

людей, а не людей к техническим требованиям труда.

Если лозунг «за гуманизацию труда!» мог привести к реальным действиям - выделению дополнительных ресурсов на улучшение труда и быта советских людей, строительству детских садов и жилья, - то скрытая функция этой концепции своей пользой может перевесить вред, наносимый явной функцией. Кстати сказать, мощное развитие заводской социологии, в рядах которой насчитывалось от 10 до 35 тысяч специалистов-гуманитариев, стало возможным именно на этой волне гуманизации или, как ее позже назовут, построения «социализма с человеческим лицом».

Понятие труда как первая жизненная потребность выгодно тем, что указывает цель развития социализма - коммунистический труд. Вся совокупность категорий исторического материализма и теоретической социологии, до тех пор изучавшихся порознь, вдруг приобрела законченный вид благодаря своей целевой, прежде всего идеологической, заданности: закон возвышения потребностей, повышение материального благосостояния, всестороннее развитие личности, всеобщность труда, отсутствие эксплуатации и порабощения человека человеком, стирание социальных различий между умственным и физическим трудом, между индустриальным и аграрным трудом, между городом и деревней (как следствие), исчезновение классовых различий и формирование социальной однородности общества. Все они работали на главную категорию - превращение труда в первую жизненную потребность.

Именно так, опережая друг друга, советские социологи в годы оттепели, а затем и застоя стремились своими исследованиями еще раз подтвердить успехи страны. Труд для советских людей - не обязанность, а потребность, то, без чего они не могут обходиться ни днем, ни ночью. Передовики производства и победители в социалистическом

соревновании своим героическим трудом неустанно доказывали, что труд им в радость, и труд - сама радость. Они счастливы жить и трудиться в такой стране. И своих детей они воспитывают в трудолюбии и беззаветной преданности делу партии, делу коммунизма. Когда задан исторический вектор движения общества, подтвердить правильность избранного пути эмпирическими данными - дело чисто техническое. Так, в одном из исследований на фабрике «Трехгорная мануфактура» в Москве социологии, опросив несколько сотен работниц, высчитывали, сколько часов в день для них труд - обязанность, а сколько часов - первая жизненная потребность. Оказалось, что на полчаса второй показатель превышает первый. Социологи радостно рапортовали партии и правительству, что советское общество решительно свернуло с социалистического пути (труд как обязанность) на коммунистические рельсы (труд как потребность).

Почему мы считаем, что выводы советских социологов были скорее идеологическими, нежели научными? Дело в том, что по результатам исследований можно было говорить только о различиях между людьми и условиями труда, но никак не о различиях между разными странами (социалистическими и буржуазными) или между разными формациями (социализмом и коммунизмом). Для второго вывода необходим не конкретно-социологический, а историко-политический и философский анализ. Отношение к работе, проявляющееся у респондента на момент опроса, никак не свидетельствует о его отношении к труду как ценности; в момент опроса он выказывает сиюминутное настроение и отношение к самому опросу. Два понятия - отношение к работе и отношение к труду - это два разных уровня социологического обобщения, отражающих разные срезы реальности. Если не разные реальности вообще: уровень социального настроения никак не эквивалентен уровню философских ценностей. В одном случае мы измеряем эмоции и

чувства, в другом – рефлексию, итог длительных размышлений, срез жизненной философии.

Динамика отношения к труду

Отношение к труду и удовлетворенность работой в СССР исторически менялись. В 1960-е годы впервые было признано, что отношение к труду - основной мотиватор поведения человека. В те же годы социологи считали, что чем шире творческие возможности работы, разнообразнее и интереснее ее содержание, тем выше удовлетворенность ею. В 1970-е годы наблюдается отход от иерархической структуры мотивации, в которой наиболее значимым являлось содержание труда. Формируется сбалансированный подход: единственными по силе воздействия на человека признаны два фактора - содержание труда (моральное стимулирование) и зарплата (материальное). В 1980-е годы в социальной и экономической сфере общества обнаружилось негативные явления - девальвировалась ценность труда как на уровне реального поведения, так и на уровне сознания людей. Отношение к работе стало иным. Его выражает рассмотренный выше континуум, крайними полюсами которого выступают работомания (поглощенность работой, профессионализм, преданность делу) и работобоязнь (манкирование своими должностными обязанностями, «работа с прохладцей», ориентация на ценности досуга и отдыха). Реальный мир труда сегодня - это бесконечное разнообразие промежуточных форм, в которых содержание труда и зарплата имеют не одинаковую ценность для разных категорий работников.

Исследование, проведенное при участии автора еще в 1988 г. на промышленных предприятиях Калуги, Брянска и Калинина (Твери), не подтвердило распространенное в отечественной социологии мнение о превращении труда в первую жизненную по-

требность. Для большинства опрошенных (от 62 до 83%) труд не является центральным жизненным интересом. Они не согласны с утверждением, что наибольшее удовлетворение, какое они получают в жизни, связано с работой; что работа занимает первое место среди самых важных ценностей в жизни человека; что человек настолько поглощен своей работой, что буквально живет и дышит только ею. Именно эти показатели выступают в зарубежной социологии критериями труда как центрального интереса. Только для одной трети опрошенных труд является самой важной ценностью.

Gallup отслеживает уровень заинтересованности трудом с 2000 г. Несмотря на небольшие приливы и отливы, менее трети американцев заинтересованы в своей работе и своем рабочем месте в течение последних 15 лет. Согласно мониторингу Gallup Daily, только 32% американцев заинтересованы работой. Это означает, что они участвуют в планировании своего труда, полны энтузиазма и привержены работе и рабочему месту. Gallup отслеживает вовлеченность сотрудников в США с 2000 г. Хотя были некоторые незначительные приливы и отливы, менее трети американских работников были заняты на своих рабочих местах и рабочих местах в течение этих 15 лет. По данным Gallup Daily tracking, 32% сотрудников в США заняты - это означает, что они вовлечены, увлечены и привержены своей работе и рабочему месту. Во всем мире только 13% сотрудников, работающих в организациях (т.е. рабочих, служащих, инженеров и менеджеров), можно назвать людьми заинтересованными и мотивированными¹. Это значит, что ошеломляющие 87% работников во всем мире не заинтересованы своим трудом, т.е. не работают в полную силу на работе, а думают о чем-то ином.

Таким образом, вывод, к которому пришел Р. Дабин в 1956 г., изучая американских рабочих, подтвердился в

¹ Mann A., Harter J. The Worldwide Employee Engagement Crisis // Business Journal. January 7, 2016 URL:

<http://news.gallup.com/businessjournal/188033/worldwide-employee-engagement-crisis.aspx>

1988 г. при исследовании советских рабочих, и подтверждается сегодня по всему миру. Работа занимает скорее промежуточное место среди важнейших ценностей современного человека: для 56% работа не выделяется среди других занятий, составляющих круг их жизненных интересов; для 73,6% респондентов существуют и другие занятия, где они получают большее или примерно такое же удовлетворение, как на работе. Для половины опрошенных работа доставляет гораздо меньшее удовлетворение, чем другие виды деятельности, в частности досуговые; 40,7% ответили, что работа их эмоционально не увлекает, не вызывает подъема чувств и мыслей.

Хотя у большинства опрошенных отношение к работе, т.е. к конкретным условиям труда на данном предприятии, сдержанное, общая оценка труда как профессионального мастерства довольно высокая. Например, 63,7% рабочих судят о других людях прежде всего потому, как хорошо они выполняют свою работу, а 78,8% заявили, что если бы у них была возможность выбора, то они не стали трудиться вместе с человеком, который недобросовестно относится к своей работе.

Между оттепелью и застоем

Политический лозунг периода хрущевской оттепели «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» конкретизировался как экономическая задача построения материально-технической базы коммунизма, во-первых, и повышения материального уровня жизни народа, во-вторых. Вторая задача считалась почти реализованной уже к середине 1960-х годов, когда партия и правительство отчитывались народу: мы догнали США по молоку, маслу и яйцам на душу населения.

Но это успехи экономистов. А что социологи? Чем они порадуют народ? И

вот в партийной верхушке советской социологии родился лозунг – важный, но не единственный, – который превратился затем в крупную научную и идеологическую категорию: превращение труда в первую жизненную потребность советских людей по мере успешного построения коммунистического общества.

Труд как первая жизненная потребность – существовавшая в советской социологии труда концепция, согласно которой труд должен служить не только средством существования, но и первой жизненной потребностью, являясь способом самореализации личности. Другое наименование – *труд как центральный жизненный интерес*. Трудом как первой жизненной потребностью отечественные социологи занимались с середины 1960-х годов до конца 1980-х годов.

Образцом теоретического декларирования можно считать многие книги того времени. И цитируемый источник не исключение. Теоретическое декларирование – это: 1) пользование квантором всеобщности там, где речь должна идти максимум о кванторе существования; 2) полный отрыв от жизни, противоречие фактам – известно, что далеко не везде организация труда и производства способна прогрессивному росту и т.п.; 3) мистификация и приукрашивание реальности.

В схоластическом теоретизировании социология договорилась до абсурда: «Дисциплину в нашем обществе характеризует прежде всего свобода труда»². Только при социализме необходимость встречали как праздник свободы. Философия выражалась изящнее: свобода есть осознанная (познанная) необходимость, социологи – скромнее: «поскольку труд при социализме ещё не стал первой потребностью, то необходимо материальное стимулирование»³.

В годы застоя в парадный раппорт социологов принималась любая информация, даже построенная на весьма со-

² Диалектика становления коммунистического труда. Киев: Наукова думка, 1978, с.237.

³ Диалектика становления коммунистического труда. Киев: Наукова думка, 1978, с.292.

мнительной научной методике и совершенно несомненной псевдометодологии: «Суммируя результаты данных исследований, мы можем сделать однозначный вывод: на заводе, как и на тысячах других предприятий нашей страны, обеспечены права и созданы реальные условия каждому человеку для его всестороннего развития и духовного роста»⁴.

Для каких категорий занятых на самом деле труд становится центральным жизненным интересом и первой потребностью? Как правило, это работники среднего возраста от 35 до 54 лет. Сюда не входят пожилые и молодежь. Чем выше зарплата, тем чаще труд считают самым ценным в жизни. Высокооплачиваемые активны в труде, мало оплачиваемые активны в сфере досуга.

Последней монографией по данной теме следует считать книгу, появившуюся в 1987 г. «Труд как первая жизненная потребность»⁵. Почти 30 лет эта проблема, не имея практического подтверждения, рассматривалась как абстрактная характеристика отношений коммунистического способа производства, причем отношений не по поводу результатов труда, а по поводу самого труда как цели жизнедеятельности человека. Социологические данные, якобы, эмпирически подтверждали превращение труда в первую жизненную потребность, если не в качестве закономерности, то хотя бы в качестве тенденции труда при социализме. Какие же это факторы? Речь идет о творческом характере труда, обогащении его содержания, улучшении условий труда как предпосылки формирования нового отношения к нему, влиянии соцсоревнования, бригадного подряда, общеобразовательной и профессиональной подготовки работников, наконец, дисциплины и свободного времени на развитие потребности в коммунистическом отношении к труду.

По существу здесь охвачен весь круг

традиционной проблематики социологии труда, которой из года в год занимались советские ученые. Понятие труд как первая жизненная потребность выгодно тем, что указывает цель развития социализма - коммунистический труд. Вся совокупность категорий исторического материализма и теоретической социологии, до тех пор изучавшихся порознь, вдруг приобрела законченный вид благодаря своей целевой, прежде всего идеологической, заданности: закон возвышения потребностей, повышение материального благосостояния, всестороннее развитие личности, всеобщность труда, отсутствие эксплуатации и порабощения человека человеком, стирание социальных различий между умственным и физическим трудом, между индустриальным и аграрным трудом, между городом и деревней (как следствие), исчезновение классовых различий и формирование социальной однородности общества. Все они работали на главную категорию - превращение труда в первую жизненную потребность.

По мнению авторов указанной монографии, приоритетной жизненной потребностью «может стать не любой труд, а лишь высокопроизводительный, содержательный, привлекательный, творческий, приносящий гармоническому человеку настоящее физическое и моральное удовлетворение». Ученых не смущало то обстоятельство, что отобрать среди реальных людей «гармонических личностей», - а опрошено было 3 тыс. человек, - невозможно, не определив четких критериев. Еще сложнее измерить при помощи анкеты «настоящее физическое и моральное удовлетворение». Тем не менее, по данным минских ученых, для 50% опрошенных «труд стал общественно необходимым делом, приносящим пользу обществу, т.е. первой жизненной потребностью, а для 40% он пока остается

⁴ Диалектика становления коммунистического труда. Киев: Наукова думка, 1978, с.224.

⁵ Боровик, Ф. В. Труд как первая жизненная потребность / Ф. В. Боровик, Н. И. Климова, Н. С. Сухарев, Н. Н. Филинович - Минск: Вышэйш. шк., -1987.

средством для жизни». В другом исследовании 26,7% респондентов заявили, что для них работа - жизненно необходимое дело, лишь 2,6% ответили: работа - исполнение неприятной обязанности.

Именно так, опережая друг друга, советские социологи в годы оттепели, а затем и застоя стремились своими исследованиями еще раз подтвердить успехи страны в деле превращения труда в первую жизненную потребность. Труд для советских людей – не обязанность, а потребность, то, без чего они не могут обходиться ни днем, ни ночью. Передовики производства и победители в социалистическом соревновании своим героическим трудом неустанно доказывали, что труд им в радость и труд – сама радость. Они счастливы жить и трудиться в такой стране. И своих детей они воспитывают в трудолюбии и беззаветной преданности делу партии, делу коммунизма. Когда задан исторический вектор движения общества, подтвердить правильность избранного пути эмпирическими данными дело чисто техническое. Так, в одном из исследований на фабрике «Трехгорная мануфактура» в Москве социологи, опросив несколько сотен работниц, высчитывали, сколько часов в день для них труд – обязанность, а сколько часов – первая жизненная потребность. И ведь-таки рассчитали. Оказалось, что на полчаса второй показатель превышает первый. Социологи радостно рапортовали партии и правительству, что советское общество решительно свернуло с социалистического пути (труд как обязанность) на коммунистический (труд как потребность).

Почему мы считаем, что выводы советских социологов были скорее идеологическими, нежели научными? Дело в том, что в эмпирическом исследовании можно измерить только разное отношение к своей работе разных по темпераменту людей, занятых на разном производстве в разных условиях труда. Люди по-разному относятся к своему труду. Одни не переобременяют себя работой

и трудятся с прохладцей. Другие буквально «горят» на работе. Приходя домой, они продолжают думать о том, что не успели сделать за день. Вторые привязаны к труду, а первые — отчуждены от него. Именно для «горящих» на работе труд становится центральным жизненным интересом.

Таким образом, по результатам исследования можно было говорить только о различиях между людьми и условиями труда, но никак не о различиях между разными странами (социалистическими и буржуазными) или между разными формациями (социализмом и коммунизмом). Для второго вывода необходим не конкретно-социологический, а историко-политический и философский анализ. Отношение к работе, проявляющееся у респондента на момент опроса, никак не свидетельствует о его отношении к труду как ценности, в момент опроса он выказывает сиюминутное настроение и отношение к самому опросу (очень часто респонденты в глазах опрашивающего, который держит в руках некий «бумажный документ», стремились казаться лучше, чем они есть на самом деле). Два понятия – отношение к работе и отношение к труду – это два разных уровня социологического обобщения, отражающих разные срезы реальности. Если не разные реальности вообще: уровень социального настроения никак не эквивалентен уровню философских ценностей. В одном случае мы измеряем эмоции и чувства, в другом – рефлексию, итог длительных размышлений, срез жизненной философии.

Пытаясь доказать то, чего не было на самом деле, социологи выдавали желаемое за действительное, универсальные для всех индустриальных стран - за признаки наступающего коммунизма. Интеллектуализация труда, насыщение физического труда элементами умственного и их постепенное сближение, обогащение содержания труда на основе полной механизации и автоматизации производства, индустриализация

сельскохозяйственного труда и превращение его в разновидность промышленного - это не столько условия превращения труда в первую жизненную потребность, сколько объективная логика развития современного производства. Причем у ведущих капиталистических стран процесс технологического обновления производства в 1980-е годы шел более высокими темпами, чем у нас. Однако капитализму сторонники советской концепции отказывали в гуманизме. Эксперименты в области обогащения содержания труда, внедрение новых форм его организации (ротация, расширение функций) явно свидетельствовали о том, что западные страны вплотную занялись решением проблемы гуманизации труда не на словах, а на деле. По существу данная концепция являлась не чисто советским изобретением, а выступала аналогом американской концепции труда как центрального жизненного интереса.

Между страхом и цензурой

Трудом как первой жизненной потребностью отечественные социологи занимались с середины 1960-х годов до конца 1980-х годов. В своих статьях и монографиях они писали о том, что важнейшей характеристикой коммунистического труда является отношение к нему как первой жизненной потребности. В эмпирических исследованиях на промышленных предприятиях они изучали трансформацию труда как средства существования рабочего в его первую жизненную потребность, где значительная роль принадлежит фактору удовлетворенности трудом. Повышению статуса труда и удовлетворенности своей работой, как пытались теоретически и эмпирически доказать советские социологи, способствует только социалистическое общество, но не капитализм.

Сегодня очевидно, что ученые в ту эпоху идеализировали реальность, гипертрофировали позитивные черты социализма и умалчивали о негативных чертах (коррупция, преступность, скрытая безработица и рестрикционизм). В

каждом советском социологе и философе (говорю это не с чужих слов, а как очевидец и современник событий тех лет) существовала внутренняя цензура и страх получить наказание

Страх и внутренняя цензура были намного сильнее цензуры внешней. Так что приукрашивание действительности – вовсе не внутреннее убеждение советских социологов, не их «центральный жизненный интерес», а суровая необходимость не оказаться безработным в условиях тоталитарного строя. Здесь кроется парадокс: те, кто писал о труде как первой жизненной потребности и удовольствии, в реальности занимались трудом по принуждению. Социологи писали о светлом коммунистическом обществе, где труд станет для человека свободной радостной деятельностью, а сами прозябали в тяжелых условиях тоталитарного режима. Их можно сравнить с узниками, заточенными в тюремную камеру и мечтающих о свободе. Но мечты и реальность – это разные явления. Строго говоря, советские социологи выдавали свои мечты за реальность, в которой жили советские рабочие, и пытались доказать их при помощи эмпирических исследований. На помощь им приходила пропагандистская машина коммунистической партии СССР, которая через послушные ей масс-медиа внушала советским людям, что они живут в самой лучшей стране мира. Именно в это время философы призывали к «социальному оптимизму», неустанной борьбе за повышением производительности труда, которая связана с постоянной забытой о человеке. В то время как социология провозглашала «Да здравствует!», «ура!», жизнь кричала «Караул!».

В 1970-е годы раппорты социологов опирались не только на достоверную информацию, но и на весьма сомнительные данные. Они описывали не реальное положение дел в стране, а конкретизировали при помощи цифр и таблиц идеологические рекомендации коммунистической партии. Даже в конце 1980-х годов публиковались научные

монографии, где эмпирически подтверждалось превращение труда в первую жизненную потребность как закономерности развития труда при социализме. Речь идет о творческом характере труда, обогащении содержания труда, улучшении условий труда как предпосылки формирования нового отношения к нему, влиянии социалистического соревнования, бригадного подряда, общеобразовательной и профессиональной подготовки работников, наконец, о влиянии дисциплины и свободного времени на развитие потребности в коммунистическом отношении к труду.

На мой взгляд, понятие труда как первой жизненной потребности идеологически было выгодно тем, что указывало цель развития социализма - коммунистический труд. Вся совокупность категорий исторического материализма и теоретической социологии приобрела благодаря этому целостный, законченный вид: закон возвышения потребностей, повышение материального благосостояния, всестороннее развитие личности, всеобщность труда, отсутствие эксплуатации и порабощения человека человеком, стирание социальных различий между умственным и физическим трудом, между индустриальным и аграрным трудом, между городом и деревней (как следствие), исчезновение классовых различий и формирование социальной однородности общества. Эти понятия были главными в советской социологии и антропологии труда. Можно легко обнаружить их идеологическую ориентацию. По существу идеологические клише принимали вид научных понятий. Все они были нацелены на главную категорию - превращение труда в первую жизненную потребность.

Именно так советские социологи стремились своими исследованиями еще раз подтвердить успехи страны в деле превращения труда в первую жизненную потребность. Они утверждали, что труд для советских рабочих - не обязанность, а потребность, то, без чего они не могут обходиться ни днем, ни но-

чью. Передовики производства и победители в социалистическом соревновании своим героическим трудом неустанно доказывали, что труд им в радость и труд - сама радость. Они были счастливы жить и трудиться в такой стране. И своих детей они воспитывают в трудолюбии и беззаветной преданности делу партии, делу коммунизма.

Когда задан исторический вектор движения общества, подтвердить правильность избранного пути эмпирическими данными - дело чисто техническое. Так, в одном из исследований на фабрике «Трехгорная мануфактура» в Москве социологи, опросив несколько сотен рабочих, высчитывали, сколько часов в день для них труд - обязанность, а сколько часов - первая жизненная потребность. Оказалось, что на полчаса второй показатель превышает первый. Социологи радостно рапортовали партии и правительству, что советское общество решительно свернуло с социалистического пути (труд как обязанность) на коммунистический (труд как потребность).

Почему я считаю, что выводы советских социологов были скорее идеологическими, нежели научными? Дело в том, что в эмпирическом исследовании можно измерить только разное отношение к своей работе разных по темпераменту людей, занятых на разном производстве в разных условиях труда. Люди по-разному относятся к своему труду. Одни не переобременяют себя работой и трудятся с прохладцей. Другие буквально «горят» на работе. Приходя домой, они продолжают думать о том, что не успели сделать за день. Одни люди привязаны к своему труду, а другие отчуждены от него. Труд становится центральным жизненным интересом только для узкого круга рабочих и служащих, а именно для тех, кто одержим своей работой, кто испытывает работоманию.

Таким образом, по результатам исследования можно было говорить только о различиях между людьми и условиями труда, но никак не о разли-

чиях между разными странами (социалистическими и буржуазными) или между разными формациями (социализмом и коммунизмом). Для второго вывода необходим не конкретно-социологический, а историко-политический и философский анализ. Отношение к работе, проявляющееся у респондента на момент опроса, никак не свидетельствует о его отношении к труду как ценности, в момент опроса он выказывает сиюминутное настроение и отношение к самому опросу (очень часто респонденты в глазах опрашивающего, который держит в руках некий «бумажный документ», стремились казаться лучше, чем они есть на самом деле). Два понятия – отношение к работе и отношение к труду – это два разных уровня социологического обобщения, отражающих разные срезы реальности. Если не разные реальности вообще: уровень социального настроения никак не эквивалентен уровню философских ценностей. В одном случае мы измеряем эмоции и чувства, в другом – рефлексию, итог длительных размышлений, срез жизненной философии.

Литература

1. Jong J.R. Roles and instruments in work design and redesign // *Satisfactions in Work design: ergonomics and other approaches* / Ed. by R.G.Sell and P.Shipley. London: Taylor and Francis, Ltd, 1979.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 12.
3. Рабочий и инженер: социальные факторы эффективности / Под ред. О.И.Шкаратана - М., 1985.с. 119-120
4. Herzberg F., et al. *The Motivation to Work*. 2 ed. N. Y.: Wiley, 1959.
5. Herzberg F. *Work and Nature of Man*. L.: Crosby Lockwood Staples, 1974.
6. *Journal of Applied Psychology*, 1964, v. 48, p. 388—392; *Handbook of Industrial and Organizational Psychology* / Ed. by M. D. Dunnette. Chicago: Reand Menally, 1976, p. 1297—1350; *Journal of Applied Psychology*, 1974, v. 59, p. 369—370.
7. Blumberg M., Pringle Ch. D. The missing opportunity in organizational research: Some implications for a theory of work performance. – *Acad. Manag. Rev.*, 1982, Vol.7, №4, p.560-569.
8. Berg Ivar E. *Managers and work reform*. N.Y.: Free Press, 1978.
9. *American Journal of Sociology*, 1988, vol. 93. P.1322.
10. Fein M. *Motivation for work* // *Handbook of work, organization and society*. Chicago, 1976, p.500-501.
11. Котлер Ф. *Маркетинг менеджмент*. СПб.: Питер, 1999. С.223.
12. Hess B.B., Markson E.W., Stein P.J. *Sociology*. N.Y., 1991.
13. Franek M., Vecera J. *Personal characteristics and job satisfaction* // *E+M Ekonomie A Management*, 2008; 4: 63-75.
14. Shriar J. *12 Proven Strategies To Increase Job Satisfaction*; July 20, 2017 // <https://www.officevibe.com/blog/how-to-improve-job-satisfaction>
15. Steyn G M & Van Wyk J N 1999. *Job Satisfaction: Perceptions of Principals and Teachers in Urban Black Schools*. *South African Journal of Education*, 19: 37-43.
16. Herzberg F., Mausne B., Snyderman B. *The Motivation to Work*. John Wiley, 1959.
17. Chaulagain N., Khadka D.K. *Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal* // *International Journal Of Scientific & Technology Research*. Vol. 1, Issue 11, December 2012, p.34.
18. Locke E. *Personnel attitudes and motivation* // *Annual Review of Psychology*, (1975). 457-480; Locke E.A. *What is job satisfaction?* // *Organizational Behavior and Human Performance*, (1969). 4, 309-336; Locke E.A. *The nature and causes of job satisfaction* // M. D. Dunnette (Ed.), *Handbook of industrial and organizational psychology* Chicago, IL: Rand McNally, 1976, p. 1297-1349.
19. Locke E.A. *The nature and causes of job satisfaction* // M. D. Dunnette (Ed.), *Handbook of industrial and organizational*

- psychology Chicago, IL: Rand McNally, 1976, p. 1305.
20. Bernstein D.A., Nash P.W. Essentials of psychology (4th ed.). Boston: Cengage Learning, 2008.
21. Sell L., Bryan C. Job Satisfaction, Work Environment, and Rewards: Motivational Theory Revisited // LABOUR, (2011). 25(1), 1-23.
22. Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // International Journal Of Scientific & Technology Research. Vol. 1, Issue 11, December 2012, pp.33.
23. Mullins L.J. Management and Organisational Behaviour. Pitman Publishing, 2002, p. 645-646.
24. Gibson L.J., Donnelly J.H., Ivancevich J.M. Fundamentals of Management. Chicago: Irwin, 2000, p. 352-353.
25. Rue L.W., Byers L.L. Management skills and application. Homewood. Irwin, 1994, p. 294-295.
26. Baron A.R., Greenberg J. Organisational Behaviour in Organisation: Understanding and managing the human side of work. Canada: Prentice Hall, 2003, p.148-150.
27. Rahman M, Ashraf A, Hasan N, Hoshen S, Chowdhury R.H.K., et al. Job Satisfaction Levels among Employees of Private Commercial Banks at Chuadanga District in Bangladesh // Journal of Business & Financial Affairs. (2017) Vol 6. Issue 2. P. 256.
28. Heller, D., Watson, D., & Iles, R. (2004). The role of person versus situation in life satisfaction: A critical examination. Psychological Bulletin, 130.
29. Dawis R.V. Job satisfaction // L.K. Jones (Ed.), Encyclopedia of career change and work issues. Phoenix: The Oryx Press, 1992, p. 142-143.
30. Gordon J.R. Organisational Behaviour: A Diagnostic approach. New Jersey. Prentice Hall Inc., 1999, p. 67-68.
31. Bateman T.S., Snell S.A. 1999. Management – Building a competitive advantage .Boston. Mc Graw–Hill, 1999, p.458.
32. Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // International Journal Of Scientific & Technology Research. Vol. 1, Issue 11, December 2012 p.35.
33. Job Satisfaction in the US // <https://dornsife.usc.edu/map/the-importance-of-job-satisfaction-in-todays-workforce/>
34. How Important is Job Satisfaction in Today's Workplace? April 5, 2018 // https://www.villanovau.com/resources/hr/importance-of-job-satisfaction-in-the-workplace/#.Wxe_Re6FOYk
35. Employee Job Satisfaction and Engagement: Revitalizing a Changing Workforce // SHRM.org. Apr 18, 2016
36. Rahman M, Ashraf A, Hasan N, Hoshen S, Chowdhury R.H.K., et al. Job Satisfaction Levels among Employees of Private Commercial Banks at Chuadanga District in Bangladesh // Journal of Business & Financial Affairs. (2017) Vol 6. Issue 2. P. 256.
37. Survey: More Americans Unhappy at Work // Cbsnews.com. January 5, 2010.
38. Robbins S.P. Organisational Behaviour. New Jersey. Prentice Hall, 2001, p.78.
39. Arnold, H.J. & Feldman, D.C. Organizational Behaviour: McGraw Hill, 1996, p.94.
40. McShane S.L., Von Glinow M.A. Organization behavior: Emerging realities for the workplace revolution (2nd ed.). New York: McGraw-Hill, 2003.
41. Carsten J.M., Spector P.E. Unemployment, job satisfaction, and employee turnover: A meta-analytic test of the Muchinsky model // Journal of Applied Psychology, (1987). 72, 374-381.
42. Shriar J. 12 Proven Strategies To Increase Job Satisfaction; July 20, 2017 // <https://www.officevibe.com/blog/how-to-improve-job-satisfaction>
43. Harter J., Adkins A. Employees Want a Lot More From Their Managers// Business Journal. April 8, 2015.

44. Кайдалов Д.П. Закон перемены труда и всестороннее развитие человека. М.: Мысль. 1968.

45. Mann A., Harter J. The Worldwide Employee Engagement Crisis // *Business Journal*. January 7, 2016 URL: <http://news.gallup.com/businessjournal/188033/worldwide-employee-engagement-crisis.aspx>

46. Диалектика становления коммунистического труда. Киев: Наукова думка, 1978.

47. Боровик, Ф. В. Труд как первая жизненная потребность / Ф. В. Боровик, Н. И. Климова, Н. С. Сухарев, Н. Н. Филанович - Минск: Вышэйш. шк., -1987.

Work as the first need of life: fiction and truth Kravchenko A.I.

Moscow State University M.V. Lomonosov
The Soviet past is memorable to us, the representatives of the outgoing generation, not only accomplishments in space, romantic buildings and queues in shops. Philosophers and sociologists, trying to understand the phenomenon with which they are faced, though sometimes these stories, which today cause a smile, and even disappointment. These include the concept of labor as the first necessities of life. She, as conceived by its creators, was designed to demonstrate a harmonious transition of Soviet society from socialism to communism. The transition, as we now know, did not happen. What happened to the concept? All we know about the true background and true meaning of this Grand sociological myth?

Keywords: labor as the first need of life, Central life interest, job satisfaction, Soviet and American sociology

References

1. Jong J.R. Roles and instruments in work design and redesign // *Satisfactions in Work design: ergonomics and other approaches* / Ed. by R.G.Sell and P.Shipley. London: Taylor and Francis, Ltd, 1979.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 48. С. 12.
3. Рабочий и инженер: социальные факторы эффективности / Под ред. О.И.Шкаратана - М., 1985.с. 119-120
4. Herzberg F., et al. *The Motivation to Work*. 2 ed. N. Y.: Wiley, 1959.
5. Herzberg F. *Work and Nature of Man*. L.: Crosby Lockwood Staples, 1974.
6. *Journal of Applied Psychology*, 1964, v. 48, p. 388—392; *Handbook of Industrial and Or-*

ganizational Psychology / Ed. by M. D. Dunnette. Chicago: Reand Menally, 1976, p. 1297—1350; *Journal of Applied Psychology*, 1974, v. 59, p. 369—370.

7. Blumberg M., Pringle Ch. D. The missing opportunity in organizational research: Some implications for a theory of work performance. – *Acad. Manag. Rev.*, 1982, Vol.7, №4, p.560-569.
8. Berg Ivar E. *Managers and work reform*. N.Y.: Free Press, 1978.
9. *American Journal of Sociology*, 1988, vol. 93. P.1322.
10. Fein M. Motivation for work // *Handbook of work, organization and society*. Chicago, 1976, p.500-501.
11. Котлер Ф. *Маркетинг менеджмент*. СПб.: Питер, 1999. С.223.
12. Hess B.B., Markson E.W., Stein P.J. *Sociology*. N.Y., 1991.
13. Franek M., Vecera J. Personal characteristics and job satisfaction // *E+M Ekonomie A Management*, 2008; 4: 63-75.
14. Shriar J. 12 Proven Strategies To Increase Job Satisfaction; July 20, 2017 // <https://www.officetvibe.com/blog/how-to-improve-job-satisfaction>
15. Steyn G M & Van Wyk J N 1999. Job Satisfaction: Perceptions of Principals and Teachers in Urban Black Schools. *South African Journal of Education*, 19: 37-43.
16. Herzberg F., Mausne B., Snyderman B. *The Motivation to Work*. John Wiley, 1959.
17. Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // *International Journal of Scientific & Technology Research*. Vol. 1, Issue 11, December 2012, p.34.
18. Locke E. Personnel attitudes and motivation // *Annual Review of Psychology*, (1975). 457-480; Locke E.A. What is job satisfaction? // *Organizational Behavior and Human Performance*, (1969). 4, 309-336; Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction // M. D. Dunnette (Ed.), *Handbook of industrial and organizational psychology* Chicago, IL: Rand McNally, 1976, p. 1297-1349.
19. Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction // M. D. Dunnette (Ed.), *Handbook of industrial and organizational psychology* Chicago, IL: Rand McNally, 1976, p. 1305.
20. Bernstein D.A., Nash P.W. *Essentials of psychology* (4th ed.). Boston: Cengage Learning, 2008.

21. Sell L., Bryan C. Job Satisfaction, Work Environment, and Rewards: Motivational Theory Revisited *labr // LABOUR*, (2011). 25(1), 1-23.
22. Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // *International Journal Of Scientific & Technology Research*. Vol. 1, Issue 11, December 2012, pp.33.
23. Mullins L.J. *Management and Organisational Behaviour*. Pitman Publishing, 2002, p. 645-646.
24. Gibson L.J., Donnelly J.H., Ivancevich J.M. *Fundamentals of Management*. Chicago: Irwin, 2000, p. 352-353.
25. Rue L.W., Byers L.L. *Management skills and application*. Homewood. Irwin, 1994, p. 294-295.
26. Baron A.R., Greenberg J. *Organisational Behaviour in Organisation: Understanding and managing the human side of work*. Canada: Prentice Hall, 2003, p.148-150.
27. Rahman M, Ashraf A, Hasan N, Hoshen S, Chowdhury R.H.K., et al. Job Satisfaction Levels among Employees of Private Commercial Banks at Chuadanga District in Bangladesh // *Journal of Business & Financial Affairs*. (2017) Vol 6. Issue 2. P. 256.
28. Heller, D., Watson, D., & Iles, R. (2004). The role of person versus situation in life satisfaction: A critical examination. *Psychological Bulletin*, 130.
29. Dawis R.V. Job satisfaction // L.K. Jones (Ed.), *Encyclopedia of career change and work issues*. Phoenix: The Oryx Press, 1992, p. 142-143.
30. Gordon J.R. *Organisational Behaviour: A Diagnostic approach*. New Jersey. Prentice Hall Inc., 1999, p. 67-68.
31. Bateman T.S., Snell S.A. 1999. *Management – Building a competitive advantage*. Boston. Mc Graw-Hill, 1999, p.458.
32. Chaulagain N., Khadka D.K. Factors Influencing Job Satisfaction Among Healthcare Professionals At Tilganga Eye Centre, Kathmandu, Nepal // *International Journal Of Scientific & Technology Research*. Vol. 1, Issue 11, December 2012 p.35.
33. Job Satisfaction in the US // <https://dornsife.usc.edu/map/the-importance-of-job-satisfaction-in-todays-workforce/>
34. How Important is Job Satisfaction in Today's Workplace? April 5, 2018 // https://www.villanovau.com/resources/hr/importance-of-job-satisfaction-in-the-workplace/#.Wxe_Re6FOYk
35. Employee Job Satisfaction and Engagement: Revitalizing a Changing Workforce // *SHRM.org*. Apr 18, 2016
36. Rahman M, Ashraf A, Hasan N, Hoshen S, Chowdhury R.H.K., et al. Job Satisfaction Levels among Employees of Private Commercial Banks at Chuadanga District in Bangladesh // *Journal of Business & Financial Affairs*. (2017) Vol 6. Issue 2. P. 256.
37. Survey: More Americans Unhappy at Work // *Cbsnews.com*. January 5, 2010.
38. Robbins S.P. *Organisational Behaviour*. New Jersey. Prentice Hall, 2001, p.78.
39. Arnold, H.J. & Feldman, D.C. *Organizational Behaviour: McGraw Hill*, 1996, p.94.
40. McShane S.L., Von Glinow M.A. *Organization behavior: Emerging realities for the workplace revolution (2nd ed.)*. New York: McGraw-Hill, 2003.
41. Carsten J.M., Spector P.E. Unemployment, job satisfaction, and employee turnover: A meta-analytic test of the Muchinsky model // *Journal of Applied Psychology*, (1987). 72, 374-381.
42. Shriar J. 12 Proven Strategies To Increase Job Satisfaction; July 20, 2017 // <https://www.officevibe.com/blog/how-to-improve-job-satisfaction>
43. Harter J., Adkins A. Employees Want a Lot More From Their Managers // *Business Journal*. April 8, 2015.
44. Кайдалов Д.П. *Закон перемены труда и всестороннее развитие человека*. М.: Мысль. 1968.
45. Mann A., Harter J. The Worldwide Employee Engagement Crisis // *Business Journal*. January 7, 2016 URL: <http://news.gallup.com/businessjournal/188033/worldwide-employee-engagement-crisis.aspx>
46. Диалектика становления коммунистического труда. Киев: Наукова думка, 1978.
47. Боровик, Ф. В. Труд как первая жизненная потребность / Ф. В. Боровик, Н. И. Климова, Н. С. Сухарев, Н. Н. Филанович - Минск: Вышэйш. шк., -1987.

Деньги и общество: социологический анализ

Кузнецова Ирина Валерьевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. ireneheupferd@yandex.ru

Статья посвящена исследованию феномена денег. В ней акцентируется внимание на неоднозначном отношении общества к этому социальному явлению. В науке сформировались два основных подхода к исследованию денег. Первый рассматривает их как экономический и рыночный феномен, элемент системы товарно-денежных отношений, носящий сугубо функциональный характер. Главными свойствами денег полагает их однородность и унифицированность. Второй подход предполагает рассмотрение денег как результата генезиса социальных отношений и связей, социального феномена, которому присуща множественность модусов. Кроме того в публикации приводятся результаты эмпирического исследования денежного феномена, которое позволяет заключить, что российское общество относилось и относится к деньгам неоднозначно. Социальные установки людей к деньгам существенно различаются: добро, зло, зависть, уважение, власть, достижение, свобода, безопасность и др.

Ключевые слова: деньги, отношение к деньгам в России, эмпирическое исследование, современные социальные установки в отношении денег.

Деньги приковывали к себе внимание людей на протяжении всего своего существования. С самого момента появления они вплетаются в социальное бытие и становятся неотъемлемой частью человеческих взаимоотношений. Сами формы и виды денег менялись в ходе длительного процесса эволюции от первых примитивных форм к современным сложным монетарным системам. Вместе с тем трансформировались и представления людей о деньгах. «... Будучи предметом рассуждений религиозных мыслителей и философов, моралистов и политиков, идеологов и художников различных направлений, они превратились в миф, ставший важнейшим элементом культуры»⁶. Отношение к деньгам является неотъемлемым компонентом общественного сознания социальных групп и конкретных людей. Вот, что думали о феномене денег российские писатели и публицисты:

«Деньги ныне в цене: почет достается за деньги, дружба за деньги; бедняк людям не нужен нигде». **Ф. И. Карпов**

*«Внемлите истине полезной:
Наш век - торгаш; в сей век железный»*

«Без денег и свободы нет». А.С. Пушкин.

«Деньги, конечно, деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся их главная сила. Деньги сравнивают все неравенства». **Ф. М. Достоевский.**

«Деньги - это солнце жизни, без которого жизнь тяжка, мрачна и холодна». В. Г. Белинский.

⁶ Зарубина Н.Н. О мифологии денег в российской культуре // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 43.

«Ничто так не усыпляет и не опьяняет, как деньги; когда их много, то мир кажется лучше, чем он есть». А. П. Чехов.

«Человек ... сделался принадлежностью собственности; жизнь свелась на постоянную борьбу из-за денег». А. И. Герцен.

Приведенные выше высказывания свидетельствуют о противоречивости концепта «деньги»: с одной стороны они – «солнце жизни», а с другой поработящая сила.

По мнению Дмитрия Быкова у русской литературы сложные отношения с деньгами: сами писатели зарабатывали мало, а деньги воспринимались не как награда за труды, а как таинственная субстанция.

«В России труд никаким образом не связан с его оплатой. ... Труд, особенно физический — это проклятие человека. ... И нет другой литературы, в которой процесс зарабатывания денег так мало, снисходительно и презрительно был бы описан, как в России.

Деньги — это волшебное вещество, которое одних осеняет, от других в ужасе бежит. Это вещество осеняет собою даже недостойных и не лучших — это иррациональный момент»⁷.

Об амбивалентности денег говорят русские народные пословицы:

Горе - деньги, а вдвое - без денег.

Деньги – хороший слуга, но плохой хозяин.

Двойственное отношение к деньгам по мнению ряда исследователей является неотъемлемым свойством русского характера. «Среди русских не принято в обществе говорить о деньгах, сосредотачиваться на этой теме — это вызывает у них неловкость, даже чувство стыда»⁸. Отмечается негативное

недоверчивое отношение россиян к богатому и богатству. *От трудов праведных не построишь палат каменных*, гласит народная мудрость. Но вместе с тем наши соотечественники осознают, что в современном обществе прожить без денег невозможно, поэтому желание стать богатыми, а значит материально независимыми людьми благополучно сосуществует с отрицанием культа денег. Что же думают по поводу денег ученые?

Социология денег

Изучением денег как социального явления занимаются экономика, социология, психология, лингвистика и др. научные направления. Представляя собой сложное, противоречивое и постоянно развивающееся явление общественной жизни, феномен денег не укладывается в предметные области традиционных направлений современного обществознания. «Деньги объективируют себя как нечто между добром и злом, свободой и рабством, насилием и доверием, как феномен, не поддающийся строгому определению»⁹.

В результате многолетних исследований сформировались два основных подхода к исследованию денег:

первое, анализ денег как экономического и рыночного феномена, элемента системы товарно-денежных отношений, с акцентом на их функциональный характер, однородность и унифицированность (К. Поланьи, Дж. Коулмен, Э. Гидденс, и др.);

второе, рассмотрение денег как результата генезиса социальных отношений и связей, социального феномена, которому присуща множественность

⁷ Быков Д.Л. Что русские писатели думали о деньгах: лекция. URL: <https://www.sravni.ru/text/2017/11/29/chtorusskie-pisateli-dumali-o-dengakh-lekcija-dmitrija-bykova/> (дата обращения: 09.01.2018).

⁸ См.: например: Сергеева А.В. Отношение россиян к деньгам / Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность : Монография / Сергеева А.В., - 11-е изд., стер. - М.:Флинта, 2017. URL:

<https://culture.wikireading.ru/38262> (дата обращения: 09.01.2018).

⁹ Лимаренко А. П. Деньги как социальный феномен и предмет социологических исследований // Социология. 2012. № 4. С. 28. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/58025/1/27-39%20%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (дата обращения: 09.01.2019).

модусов (В. Зелизер, Н. Додд, К Харт и др.)¹⁰.

Начало монетарным исследованиям положила классическая политическая экономия 19 века. Экономисты рассматривали деньги прежде всего через их функции в рыночной системе хозяйствования:

- идеальный измеритель стоимости товаров и услуг;
- посредник в процессе их обмена;
- уникальное платежное средство;
- вместительное накопленное в результате хозяйственной деятельности богатства.

Деньги понимались политэкономами как товар всеобщий эквивалент, форма, в которой выражают свою стоимость другие товары и в результате становятся сравнимыми и сопоставимыми. Г. Зиммель поддерживал предложенную учеными экономистами идею универсальности денег. Он считал их квинтэссенцией всего экономического, формальным посредником любых ценностных отношений в обществе, средством измерения значимых ценностей в мире современной культуры. Зиммель расширяет границы власти денег, распространяя их функциональные свойства за пределы чисто экономических отношений. Таким образом, деньги в обществе рыночного типа превращаются в универсальный эквивалент не только экономических, но и социальных, культурных и прочих ценностей.

К. Маркс в своих исследованиях денежных отношений также не ограничивался исключительно сферой рыночного обмена. Он рассматривал их как специфический тип социальных отношений. Деньги как всеобщая стоимость всех вещей лишили как человеческое общество, так и природу их собственной

стоимости¹¹. Анализируя социальные функции денег, Маркс приходит к заключению, что они формируют особый тип общественных отношений, порождающих отчуждение и товарно-денежный фетишизм. Причем денежный фетишизм выступает как наиболее ярко выраженная форма товарного фетишизма, преобразующая социальные отношения между людьми в материальные отношения между вещами. «Как наивысший объективатор – "бог среди товаров" – деньги не только стирают всякие субъективные связи между предметами и индивидами, но и сводят личные взаимоотношения к "денежным отношениям"»¹².

Ф. фон Хайек полагал, что деньги приводят к общему знаменателю, соизмеряют в процессе социально-экономического обмена множество шкал индивидуальных ценностей отдельных людей и делают возможным их взаимодействие, связанное, прежде всего, с переводом ценностей, ранжированных по индивидуальным шкалам, в универсальные и всем понятные ценовые масштабы, выраженные в деньгах. С помощью денег осуществляется замещение конкретно и чувственно воспринимаемого абстрактными понятиями, в которых сформулированы правила, руководящие экономической деятельностью. Они делают возможным расширенный порядок человеческого сотрудничества и осуществления всех расчетов в единицах рыночных ценностей¹³.

Основополагающей характеристикой современного общественного бытия денег Зиммель полагал их способность сводить качество к количеству. Деньги, по его мнению, представляют собой абсолютно бескачественную вещь, заменяющую любую ценность. Только деньги «свободны от каких бы то ни

¹⁰ См., например: Аникаева Е.А. Основные подходы к исследованию денег в социологии // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 115; Зарубина Н.Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 13.

¹¹ Маркс К. Капитал. Т. 1. – М.: Центр социальной экспертизы. 2001. С. 90.

¹² Маркс, Энгельс. Соч. Т. 46. С. 166.

¹³ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Изд-во «Новости» при участии издательства «Catallaxy»? 1992. С. 177, 179, 181.

было качеств, и определяются исключительно количеством»¹⁴. Под воздействием денежного механизма социальные и культурные отношения лишаются своего качественного своеобразия и превращаются в количественные и обезличенные.

Подход М. Вебера к феномену денег отличается неоднозначностью. Деньги у него то выступают, как простое средство рыночного обмена, абстрактный и безличный элемент человеческого бытия, то фигурируют, как средство подтверждения престижа их обладателя, а следовательно инструмент социальной дифференциации индивидов.

Противоречивость денег в наибольшей степени проявляется при рассмотрении их как общественного отношения. Они предстают перед нами и как отчуждающая порабощающая сила (К. Маркс), подчиняющая своей власти все остальные общественные отношения, и как мощный эмансипирующий механизм, позволяющий, по мнению Зиммеля, освободить человека от жесткого контроля традиционных общественных институтов. Язык денег понятен всем и каждому, что дает им возможность уравнивать людей, освобождая их от множественных социальных моральных и идеологических связей. Но, дав людям эти преимущества, монетарная система отношений постепенно распространяется на личные ценности человека, делая его самого объектом купли-продажи и низводя до уровня простого посредника денег.

Деньги не знают ни родства, ни национальной, культурной, конфессио-

нальной общности. Они разрушают традиционные формы общности людей – семью, сословное общество, государство, этнос и т.д. Вторгаясь в эти общности, деньги разделяют их на тех, у кого много денег, и тех, у кого их нет. Независимо от семейных, сословных, государственных, этнических и прочих различий люди идентифицируются по их финансовым возможностям¹⁵.

Т. Парсонс описывает четыре степени свободы, которые дают деньги:

1. свободу выбора товара;
2. свободу выбора продавца;
3. свободу выбора времени покупки;
4. свободу принять или отказаться от условий покупки.

Вебер идет путем, противоположным Зиммелю: первый полагает, что ценности общества полностью определяют отношение к деньгам, а второй считает современную культуру, в том числе и сложившуюся систему ценностей, следствием господства денег¹⁶. Экспансия денег с позиции Ю. Хабермаса ведет к овеществлению общественных отношений. Люди и вещи ценятся на основе их денежной стоимости и вне зависимости от их собственных свойств.

Деньги обладают способностью связывать людей друг с другом, выступая тем самым средством их коммуникации. «Самые далекие друг от друга люди, не знакомые, не имеющие ничего общего, никогда не видевшие друг друга, могут вступить в контакт посредством денег, стать взаимно полезными и необходимыми»¹⁷. Это свойство денег получило отражение в работах многих ученых-социологов. Однако, разделяя общее понимание коммуникативных свойств со-

¹⁴ Simmel G. The Philosophy of Money. L.: Routledge & Kegan Paul, 1990. P. 279.

¹⁵ Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 18.

¹⁶ Аникаева Е.А. Основные подходы к исследованию денег в социологии // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 118.

¹⁷ Зарубина Н. Н. Деньги в социальной коммуникации / Экономическая социология : учебник и практикум для академического бакалавриата / Н. Н. Зарубина. — 3-е изд. — М. : Издательство Юрайт, 2015. URL: https://studme.org/1997062624837/sotsiologiya/dengi_sotzialnoy_kommunikatsii (дата обращения 09.01.2019)

временных денег, разные авторы отмечают зачастую противоположные их свойства и характеристики.

Н.Н. Зарубина, исследуя деньги в качестве социальной коммуникации, отмечает, что в работах Г. Зиммеля, К. Поланьи, С. Московичи, М. Маклюэна и других исследователей деньги уподобляются «универсальному языку» современного общества. Ж. Бодрийяр рассматривает виртуальные деньги постмодернистской экономики как «код», которым «помечены» практически все сферы жизни. Э. Гидденс видит в деньгах одну из базовых «символических систем», обеспечивающих освобождение общественных институтов от локальной привязки, их универсализацию в глобальном масштабе. В противоположность этому «универсалистскому» подходу В. Зелизер обосновывает концепцию «создания множественных денег» как специфических «диалектов» различных социальных групп для разных типов отношений¹⁸.

Как уже говорилось выше, в современной социологии рассмотрение денег как особого социального отношения основывается на признании концепции «множественности денег», которая противопоставляется «универсалистскому» подходу, преобладавшему в общественном знании на протяжении весьма длительного периода времени и объяснявшему феномен денег с функционалистской позиции как преимущественно элемент рыночных обменных отношений.

Необходимо отметить, что множественные деньги были характерны для традиционных обществ, являясь таким образом исторически первыми по отношению к современным «единым» деньгам. М. Вебер исследуя генезис денег в докапиталистическую эпоху, отмечал

существование множественности денег в зависимости от целей их использования. «На этой ступени развития нечего искать денег единого образца в нынешнем смысле; в каждой отдельной области хозяйства различным видам услуг соответствуют определенные виды предметов или благ, которым присваиваются платежные функции; вследствие этого, специфические, но разнородные деньги самостоятельно существуют друг возле друга. Например, нигде и никогда нельзя было купить жену в обмен на раковины, но всегда только в обмен на скот, между тем как при мелких оборотах брались и раковины...»¹⁹. Множественность денег в докапиталистических обществах отмечали и другие исследователи. К. Поланьи называл их «целевыми деньгами»²⁰, М. Дуглас – «первобытной купонной системой»²¹.

Идею множественности денег подхватила В. Зелизер, распространив ее на современные нам деньги. Она предложила альтернативную, дифференцированную модель денег. «Деньги не являются ни культурно нейтральными, ни социально анонимными. Деньги могут "превращать" ценности и социальные связи в числа, однако ценности и социальные отношения в ответ трансформируют сами деньги, наполняя их смыслом и встраивая в социальные паттерны»²². Эту концепцию отличает отход от нормативного представления о деньгах как о чем-то однородном и универсальном. Концепция множественности денег по мнению В. Зелизер включает три процесса: выпуск различных денежных единиц (бумажные купюры, монеты); использование денежных суррогатов и целевое распределение денег («целевые деньги» домашних хозяйств). Таким образом функционирование денег предполагает установление

¹⁸ Зарубина Н. Н. Деньги в социальной коммуникации // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 13.

¹⁹ Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. М.: КАНОН-ПРЕСС-Ц, Кучково поле, 2001. С. 223.

²⁰ Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост.

и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 101.

²¹ Douglas M. Primitive Rationing // Themes in Economic Anthropology / Ed. by R. Firth. L.: Tavistock, 1967. P. 119-145.

²² Зелизер В. Создание множественных денег // Экономическая социология: электронный журнал. Т. 3. № 4. 2002. С. 62.

устойчивого взаимодействия между людьми, наличие социальных сетей, отношений. Социальные сети в этом случае служат носителями информационного контента, накопления взаимных обязательств и социального капитала, формирования социальных установок к деньгам.

Следует согласиться с мнением ряда авторов, что понятие множественности денег лишь маскирует, но не устраняет их безличную, универсальную и отчуждающую сущность, первичную по отношению к разнообразию источников и целевых назначений денег: «Превратившись из простого механизма достижения цели в саму цель, деньги подменяют собой весь процесс мотивации. ... Являясь абсолютным средством, деньги становятся и абсолютной целью, лишая все другие цели их самостоятельной ценности и значимости»²³

Внешние социальные условия определяют внутренние, сущностные черты денег как социального отношения. Важно отметить, что деньги не просто воплощают в себе социальные отношения, они сформированы ими и в то же время дифференцируют и сами социальные отношения²⁴.

Социальные установки людей в отношении денег разнятся не только в эмоциональном плане, кто-то считает их привлекательными и оценивает позитивно, а кто-то полагает их воплощением зла. «Деньги могут концентрировать на себе фантазии, страхи и желания, а также быть объектом вытеснения, искажения и защиты; могут быть связаны с оружием, страстью, восхищением, свободой, властью и авторитетом, восторгом и возбуждением, выживанием и безопасностью, сексуальной потенцией, победой и наградой. Они

могут восприниматься как орудие нападения или щит, транквилизатор или стимулятор, талисман или приворотное зелье, лакомое блюдо или пушистое одеяло... То, что мы носим деньги в кармане, тратим их или откладываем, наполняет нас чувствами гордости, сексуальной привлекательности, неуязвимости, и, возможно, даже бессмертия. Наоборот, нехватка денег может вызывать у нас ощущения пустоты, заброшенности, унижения, неполноценности, тревоги, гнева и зависти»²⁵ Таким образом, социальные установки людей к деньгам совершенно различны: добро, зло, зависть, уважение, власть, достижение, свобода, безопасность и др.

Эмпирические исследования денежного феномена

Обратимся теперь к российским исследованиям социальных установок людей в отношении денег. Нельзя обойти вниманием публикацию «Фетиш и табу: антропология денег в России»²⁶, явившуюся результатом российско-немецкого проекта «Антропология денег в России» (2012-2017 гг.). На большом количестве полевого материала авторы — социологи, антропологи, фольклористы, историки — развенчивают устойчивое мнение, что денежная система рационализировала экономические отношения между людьми, показывают, как и с какой целью используется денежная магия в различных возрастных, профессиональных и социальных группах. В центре внимания этой коллективной монографии находится вопрос о происхождении, развитии и функционировании мифологических представлений и ритуальных практик, связанных с деньгами, на территории современной России.

²³ Московичи С. Деньги как страсть и как представление // Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998. С. 232.

²⁴ Аникаева Е.А. Основные подходы к исследованию денег в социологии // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 121.

²⁵ Спасенников В.В. Экономическая психология: Учебное пособие. М.: ПЕР СЭ, 2003. С. 240.

²⁶ Фетиш и табу: Антропология денег в России: Сб. науч. ст. / Сост. А. С. Архипова, Я. Фрухтманн. — М.: ОГИ, 2013. — 528 с.

Особое внимание иррациональным денежным практикам уделяют участники проекта антропологи А.С. Архипова (Российский государственный гуманитарный университет) и Я. Фрухтманн (Институт исследований Восточной Европы, Бремен, Германия)²⁷. Свою задачу авторы видят в реконструкции системы символических отношений, связанных с деньгами, в современном российском обществе, а главную сложность в многослойности современной денежной системы отношений, включающей самые разные по времени и месту происхождения представления и практики.

Деньги не воспринимаются ни как экономический объект, ни как экономическое средство приобретения или умножения денег, т.е. не ассоциируются с монетарными свойствами, а оказываются амбивалентным магическим инструментом: в традиционном магическом мире с их помощью лечили, изгоняли беса, наводили порчу.

2 февраля 2017 года в Фонде «Общественное мнение» прошла дискуссия о скрытых паттернах отношения к деньгам, где с основным докладом выступила Александра Архипова. Она отметила, что почти на любые монетарные взаимодействия между людьми в современной России накладываются огромное количество ограничений, определяемых традицией (в том числе, мифологическими представлениями). «Мы призывали думать, что появление монетарных отношений между людьми рационализировало их взаимоотношения. Но помимо рациональной, у денег есть символическая коннотация. По мнению многих людей, деньги передают пози-

тивные качества другим объектам. Более того, деньги умножают деньги. Например, практика носить долларовую купюру в кошельке. Деньги, согласно современным представлениям, всегда являются чьей-то собственностью. Не твоей. Ты как бы их заимствуешь на время. И поэтому на обладание ими накладывается определенный свод практик»²⁸.

Интересными представляются работы по изучению концепта денег специалистов в области языкознания²⁹. В работе Е. В. Палеевой сделана попытка выделить в структуре концепта образный, информационный и интерпретационный компоненты. Язык представляет собой определенную систему концептов, благодаря которой его носители могут воспринимать, структурировать, классифицировать и интерпретировать поток информации, поступающей из окружающего мира. Концепт представляет собой ту абстрактную единицу, которой человек оперирует в процессе мышления. Эти единицы отражают результаты знаний, полученных людьми, накопленного ими опыта. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая, соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результат мышления. Палеева отмечает в частности противоречивые эмоциональные реакции на стимул деньги: радость - злость; счастье - несчастье. Были выявлены такие положительные оценки как удовольствие, радость, счастье, цветы жизни, счастливая жизнь; любимые, приятные, комфортные, желанные, радоваться, не думать ни о чем, смеяться, наслаждаться, быть счастливым. Но кроме того обнаружилось и откровенно отрицательные зло, опасность, риск,

²⁷ Архипова А.С., Фрухтманн Я. «Приманно деньги быстро и дешево»: денежная магия в современной России // Антропологический форум. 2013. №18-online. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primanyu-dengi-bystro-i-deshevo-denezhnaya-magiya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 22.01.2019).

²⁸ «Больше, чем деньги»: антропология денег в России / Фонд «Общественное мнение»: материалы дискуссии. 02.02.2017. URL: <https://fom-gk.ru/events.html/16> (дата обращения 20.01.2019)

²⁹ См., например: Палеева Е. В. Концепт «Деньги» в сознании носителей русского языка // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3. (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-dengi-v-soznanii-nositeley-russkogo-yazyka> (дата обращения: 09.01.2019).

стресс, грусть, корысть, мусор, бумажки, разлагающие душу; вещь, которая портит людей; утрата духовных ценностей; то, что отравляет общество.

Приведем некоторые результаты собственного исследования денег как социального феномена, проведенного интернет-коммуникации в рамках сетевых сообществ. Изучение контента социальных медиаплатформ позволяет получить репрезентативную картину мира денежных отношений в представлении наших соотечественников.

Одной из методологических особенностей изучения монетарных установок россиян с использованием контент-анализа медиaproстранства социальных сетей является очень широкий тематический разброс обсуждаемых в рамках денежного дискурса проблем. Представляется целесообразным продолжить изучение феномена деньги с позиции его амбивалентности.

Но прежде чем переходить собственно к контент-анализу воспользуемся психологическим методом свободных ассоциаций. Для анализа структуры концепта «деньги» применялся Интернет-сервис «Русский ассоциативный словарь»³⁰. Русский ассоциативный словарь (РАС) составляет первую и основную часть Ассоциативного тезауруса русского языка, который моделирует вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка. РАС — это мощный инструмент социологического и социально-психологического исследования, позволяющий судить о ментальном климате, сопряженном с широким социально-психологическим контекстом, а также о возможном отношении к вещному миру, предопределяемом сегодняшними установками. По запросу (стимулу) «Деньги» обнаружил 534 реакции. Приведем наиболее частые ассоциации: большие — 41; много — 19; бешеные — 14; кошелек — 14; золото — 12; бумага — 11,

крупные — 11, нужны — 11; мало — 10; зло — 9; рубль — 9; бумажные — 8; вода — 8; время — 8; не пахнут — 8; нет — 8.

Проанализировав весь ассоциативный ряд, удалось выяснить, что в представлении наших соотечественников деньги устойчиво ассоциируются с богатством, об этом свидетельствуют 93 ассоциации: большие — 41; много — 19; бешеные — 14; крупные — 11; огромные — 2; немалые — 2; блеск — 1богатство — 1; много золотых монет — 1; необходимость иметь много — 1.

Немалое количество россиян при упоминании денег сетуют на их нехватку, 57 ассоциаций с бедностью: нужны — 11; мало — 10; нет — 8; кончились — 5; маленькие — 3; отсутствуют — 3; истрачены — 2; где взять — 2; побольше — 2; их никогда не бывает — 1; всегда не хватает — 1; истратил — 1; исчезли — 1; копейки — 1; мне очень нужно — 1; мусор, но их не хватает — 1; не имеют — 1; не хватает — 1; нехватка — 1; нужда — 1; они нужны — 1; проблема — 1.

Представляют интерес оценочные суждения наших граждан о деньгах.

Положительные ассоциации денег (27 реакций) явно проигрывают по сравнению с суммой отрицательных (26) и презрительных (33). Среди положительных оценок чаще всего встречаются: счастье — 5, жизнь — 3, — встречаются здесь и такие оценки: власть и свобода, возможности, сила, радость и др. Среди отрицательных суждений преобладают: зло — 11, дрянь — 3, а также зависимость, злость, несчастье, ссора, фальшь и др. О презрительном отношении к деньгам наших соотечественников можно судить по таким их мнениям: бумага — 17; мелочь — 4; мусор — 3, кроме того труха, фантики, хлам и др.

На основе анализа ассоциаций удалось выявить неоднозначное отношение людей к тому, откуда берутся деньги. Оказалось, что бывают «честные» и «нечестные» деньги. Первые

³⁰ Русский ассоциативный словарь. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения 09.01.2019)

описываются как заработанные, трудовые – 13 ассоциаций, а вторые как нечестные, несправедно полученные, грязные – 21 ассоциация, здесь можно встретить и такие характеристики: проихода, спекулянт, блат.

Выше уже упоминалось двойственное отношение российских граждан к деньгам. Ассоциативное исследование это лишний раз подтверждает. Деньги для одних добро, для других зло. У кого-то они ассоциируются с богатством у других с бедностью. Есть те, кто их ненавидит или презирает, тогда как другие любят и видят в них счастье.

Перейдем к программе исследования интернет-коммуникаций. Его объектом выступили сообщения (352 информационных блока) – статьи, посты и комментарии, размещенные пользователями в социальных медиа – социальных сетях, блогах и на форумах, тематика которых прямо или косвенно связана с феноменом денег. Предметом исследования послужили оценочные и содержательные мнения авторов сообщений по указанной теме. Цель исследования заключалась в выявлении особенностей восприятия денег в российском интернет-пространстве. Исследование проводилось в конце 2017 г. – начале 2018 г. методами контент-анализа и качественного анализа интернет-сообщений. Были обработаны сообщения за 2013-2018 гг. и проведены следующие исследовательские процедуры:

- отбор из всей информационной совокупности сообщений по исследуемым темам;

- выделение факторов, объясняющих причины исследуемых феноменов, путем многоступенчатой содержательной группировки соответствующих высказываний в сообщениях;

- выделение (также путем группировки) индикаторов, с которыми у авторов сообщений ассоциируются исследуемые феномены;

- подсчет появления индикаторов в сообщениях (единиц анализа) в количестве слов (единицы счета) и определение их удельного веса в процентах;

- подсчет оценочных характеристик исследуемых феноменов (единиц анализа) в каждом из сообщений (единицы счета) и определение процентного соотношения этих характеристик, в первую очередь, характера оценок – позитивного, негативного или нейтрального;

- качественный анализ наиболее репрезентативных высказываний, различающихся по своим оценочным и содержательным характеристикам.

Выборку составили наиболее часто посещаемые интернет-ресурсы, напрямую не связанные с обсуждением политических проблем, поддержкой определенных политических сил или идеологий.

Были проанализированы статьи и комментарии читателей Ежедневного познавательного журнала «Школа-Жизни.ру», число читателей в среднем за месяц – 2 809 788 чел.; сообщества «Бизнес и деньги» социальной сети ВКонтакте (<https://vk.com/businessdeneg>) – 115 923 подписчика; сайта VsyoproDengi.ru (<https://www.vsyoprodengi.ru/>) – 57 720 посетителей; форума Академии MasterForex-V (<http://forum.masterforex-v.org/>) – 227 139 пользователей; ответы пользователей сайта The Question (<https://thequestion.ru/ru/feed>) – 356 665 подписчиков, ежемесячное количество посетителей форума – 411 954; ответы и комментарии к вопросам сайта Ответы.Mail.ru (количество посетителей на Декабрь 2018 г. – 65 617 574 чел.).

Прежде чем перейти к результатам проведенного нами исследования, необходимо отметить, что тема денег является очень популярной среди пользователей Интернета. Так пользователи поисковой сети Яндекс в течение одного только месяца сделали 13 366 249 запросов с ключевым словом «деньги»³¹. Согласно

³¹ Статистика ключевых слов на Яндексе. URL: <https://wordstat.yandex.ru/> (дата обращения 22.01.2019).

сервису Google Trends популярность запроса «деньги» в течении года колебалась в пределах от 80 до 100, где 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса³².

Числа обозначают уровень интереса к теме по отношению к наиболее высокому показателю для определенного периода времени. 100 баллов означают наивысший уровень популярности запроса, 50 – уровень популярности запроса, вдвое меньший по сравнению с первым случаем. 0 баллов означает местоположение, по которому недостаточно данных о рассматриваемом запросе.

Проанализированный массив текстов, касающихся денег затрагивает весьма широкий круг проблем. Помимо чисто экономической тематики, касающейся оплаты труда, пенсионного обеспечения, заработков в интернете, инвестирования, кредитов, финансовой грамотности, россияне активно обсуждают следующие вопросы:

- *Зачем людям нужны деньги?*
- *Что значат Деньги для Вас в жизни?*
- *Роль денег в жизни человека, что для тебя деньги?*
- *Что можно купить за деньги?*

Анализ обсуждений российским интернет-сообществом феномена денег подтвердил наш тезис о его двойственности, что подтверждается частотой таких индикаторов «деньги – благо» (42,9 % общего объема информации), «деньги – зло» (9,6 %), «богатство» (25,3 %), «бедность» (14,3 %), «легкие» (5,0 %), «трудные» (2,9 %). На основании полученных данных можно заключить, что россияне интересуют деньги не только как экономический, но и социальный феномен, кроме того наши соотечественники различают деньги по способу получения к ним доступа на «легкие» (подарки, выигрыши, полученные по наследству или нелегитимно и т.п.) и

«трудные» (заработанные честным трудом). Гендерные различия среди авторов проанализированного интернет-контента весьма скромны. Численность женщин, принявших участие в обсуждении, составила 54 %, против 46 % мужчин (табл. 1).

Таблица 1
Распределение объема и удельного веса информации о деньгах

Индикатор	Объем информации в словах	Удельный вес информации в процентах
деньги – благо	1914	42,9
деньги – зло	430	9,6
богатство	1127	25,3
бедность	636	14,3
легкие	223	5,0
трудные	128	2,9
Итого	4458	100,00

Приведенные в таблице результаты количественного исследования свидетельствуют о преобладании у россиян позитивных представлений о деньгах и их роли в человеческой жизни. Негативное восприятие денежного мира все же присутствует в общественном сознании, хотя и в значительно меньшей степени. Деньги ассоциируются у людей скорее с богатством, чем с бедностью. И, видимо, именно с этим связано преобладающее мнение о «легкости» денег, так как богатство традиционно воспринимается в России, как нелегитимное, приобретенное путем обмана, хитрости, а может быть и подлости.

Качественный анализ текстов позволил выявить целый ряд нюансов, скрытых в количественных показателях. В ходе дискуссий о деньгах интернет-пользователи затрагивали в частности вопрос о том, что можно и чего нельзя купить за деньги. По их мнению купить можно все, кроме свободы, любви, здоровья, времени, жизни и т.п.

³² Google Trends. URL: <https://trends.google.ru/> (дата обращения 22.01.2019).

«Да по большому счету ничего нельзя купить за деньги! Попробуй купить здоровье, дружбу, любовь, счастье... А материальные блага, они конечно, нужны, но это далеко не главное...» (Ezhik).

«Всё самое лучшее, что есть у человека: здоровье, мудрость, красота, любовь, – даны бесплатно» (Василий Морозов).

«Любая покупка или приобретение делает счастливым лишь на пару минут» (Сергей).

«Николай Лобачевский умер в нищете, а был ли он счастлив, ответ однозначен, ДА, ибо служа истине, определился в цели и достиг её. А что окружающие, академик Остроградский просто смеялся над Николаем Лобачевским. Далее подобных примеров в истории немало и деньги решают далеко не всё...» (Александр Епифанов).

Эти высказывания говорят об осознании людьми существования высших ценностей неподвластных денежным отношениям. Однако многие участники обсуждения выражают сомнение, что возможно обрести счастье в нищете, как утверждает автор последнего высказывания.

«Само счастье напрямую не зависит от денег. Однако наличие денег способствуют развитию этому самому счастью. Так как в современном мире невозможно быть полностью счастливым без денег. Вот, к примеру, счастливый человек не может быть большим человеком. А что бы быть здоровым человеком и не болеть необходимо правильно и своевременно питаться, следить за своим здоровьем, хорошо одеваться, следить за гигиеной и т.д. Для этого необходимы деньги. Вот поэтому нужно понимать, что деньги — это не все самое главное в жизни, но и без них стать полностью счастливым человеком не получится» (Константин).

«Вне всякого сомнения, деньги необходимы, и лучше, когда они есть, нежели, когда их нет. Качество жизни

напрямую зависит от количества денег» (Наталья).

Многие тексты свидетельствуют о понимании людьми тесной взаимосвязи между деньгами и трудом. Авторы постов увязывают уважение к деньгам с уважением к тем усилиям, которые человеку приходится прикладывать, чтобы их заработать.

«...Деньги это некий эквивалент потраченного тобой времени и вложенного тобой труда. Это как круговорот: заработал - потратил - заработал - потратил... Деньги возвращаются, а время не вернуть. Важно ценить своё и чужое время, уважать труд других людей, вне зависимости от того, сколько денег они за этот труд получают» (Екатерина Егорова).

«Чтобы жить хорошо имея солидный доход каждый месяц, трудитесь! Трудитесь умом или физически» (Белка).

Всем известно выражение «*Не в деньгах счастье*». Наши современники оживленно обсуждают эту тему в сети. Единства мнений здесь, как можно было бы предположить, нет.

«Смысл не в деньгах счастье в том, что за деньги все не купишь, например, не купишь здоровье, любовь, верность...» (Маша).

«Заберите у человека деньги и посмотрите насколько он будет счастливым, а потом дайте человеку миллион долларов и так же посмотрите продолжит ли он грустить. По моему мнению утверждение что деньги не нужны для счастья - полный бред, что человеку нужно для счастья? Еда, тепло, хорошее жилище, возможность заниматься тем что нравится. Можно ли это получить без денег? Нельзя» (Владислав Романенко).

«...Люди никогда не могут насытиться деньгами, сколько бы не имели им всегда МАЛО. Потому и счастливы быть не могут от денег. Более того некоторые еще волнуются за деньги вот тогда не жизнь, а ад :) Радость в детях и взаимопонимании» (Max Bastrakov).

«Сколько денег для счастья надо и нужны ли для счастья деньги? В каждом человеке сидит «червячок», который точит его изнутри: «тебе надо купить это, тебе надо купить то, а этого у тебя ещё нет, а это купили соседи и тебе тоже надо купить, а ещё надо купить то, чего ещё ни у кого нет». ... И аппетиты этого "червячка" могут расти, и мы работаем на износ, чтобы удовлетворить "червя", и тогда деньги превращаются из инструмента превращаются в "наркотик". Нужно правильно воспринимать и принимать деньги, ведь смысл жизни не ограничивается в обеспечении только этого "червячка"» (Екатерина Лагуткина).

Важно также отметить, что многие пользователи в своих ответах и комментариях отмечают способность денег давать людям ощущение свободы, чувство уверенности и самоуважения, подкреплять социальный статус, наделять властью.

«Стремление к свободе и независимости. ... деньги дают свободу выбора, что зачастую дает и независимость, и контроль, и самооценку не ниже плинтуса. В нашем мире, как говорится в известном фильме, сила в деньгах...» (Екатерина Егорова).

«Безусловно деньги – это жизненное благо, которое дарит уверенность, свободу и даже в какой-то степени власть» (Юлия Павлова).

Некоторые пользователи отмечают, что деньги дают возможности к саморазвитию и самосовершенствованию, а также обеспечивают не только личный комфорт, но комфорт близких людей.

«Лично для меня деньги – это возможность самореализоваться, вложиться в себя, в свою дальнейшую жизнь, в своих детей» (Юлия Вар).

«Для счастья нужны деньги. Они позволяют это счастье делать полноценным, причем еще и удовлетворяют потребности не только наши, но и наших близких» (Сова Белая).

И в заключении противоположное мнение. По мнению автора этих строк

деньги не дают человеку свободы, а наоборот лишают ее, заставляя постоянно думать о том, как разбогатеть.

«Для меня деньги не имеют огромного значения в жизни! Я не стремлюсь заработать их как можно больше, чтобы заработать статусность и уважение! Я считаю, что уважать нужно за личностные качества человека, за его отношение к жизни, к другим людям, за наличие своей жизненной позиции и умение придерживаться ее, несмотря на давление со стороны других! Могу сказать откровенно – я человек, который не прилагает много усилий для того чтобы иметь несметные богатства... Я счастливый человек, даже мысли о деньгах не забывают мою голову обыденными проблемами! Я свободна!» (Элина Уметова).

Не подлежит сомнению, что деньги являются неотъемлемой частью нашей жизни. Споры о деньгах по сей день не затихают как в научном сообществе, так и среди неспециалистов. И это не удивительно. Мы живем в мире денег и слишком от них зависим, чтобы оставаться равнодушными.

Литература

1. Аникаева Е.А. Основные подходы к исследованию денег в социологии // Экономическая социология. 2008. Т. 9. № 1. С. 114-124.
2. Архипова А.С., Фрухтманн Я. «Приманю деньги быстро и дешево»: денежная магия в современной России // Антропологический форум. 2013. №18-online. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primanyudengi-bystro-i-deshvevo-denezhnaya-magiya-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 12.03.2020).
3. «Больше, чем деньги»: антропология денег в России / Фонд «Общественное мнение»: материалы дискуссии. 02.02.2017. URL: <https://fom-gk.ru/events.html/16> (дата обращения: 12.03.2020).
4. Быков Д. Л. Что русские писатели думали о деньгах: лекция. URL: <https://www.sravni.ru/text/2017/11/29/chto>

-russkie-pisateli-dumali-o-dengakh-lekcija-dmitrija-bykova/ (дата обращения: 12.03.2020).

5. Зарубина Н. Н. Деньги в социальной коммуникации // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 13-21.

6. Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 3-12.

7. Зарубина Н. Н. О мифологии денег в российской культуре // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 43-52.

8. Лимаренко А. П. Деньги как социальный феномен и предмет социологических исследований // Социология. 2012. № 4. С. 27-39. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/58025/1/27-39%20%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (дата обращения: 12.03.2020).

9. Палеева Е. В. Концепт «Деньги» в сознании носителей русского языка // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-dengi-v-soznanii-nositeley-russkogo-yazyka> (дата обращения: 12.03.2020).

10. Сергеева А. В. Отношение россиян к деньгам / Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность : Монография / Сергеева А.В., - 11-е изд., стер. - М.:Флинта, 2017. - 315 с. URL: <https://culture.wikireading.ru/38262> (дата обращения: 12.03.2020).

Money and Society: sociological analysis Kuznetsova I.V.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov

The article is devoted to social phenomenon of money with special attention to society's ambivalent attitude to it. Two basic approaches to the study of money have formed in science. The first considers them as an economic and market phenomenon, an element of the system of commodity-money relations, which has a purely functional character. The main properties of money are considered to be homogeneity and uniformity. In the second approach money is seen as result of genesis of social relations and connections, social phenomenon that is characterized by multiplicity of modes.

Moreover, the article includes results of empirical research of money that allows to conclude that Russian society showed and shows ambivalent attitude to money. People's social attitudes to money vary widely: good, evil, jealousy, power, achievement, freedom, safety etc.

Key words: money, attitude to money in Russia, empirical research, modern monetary attitudes

References

1. Anikaeva EA The main approaches to the study of money in sociology // Economic Sociology. 2008. Т. 9. No. 1. S. 114-124.
2. Arkhipova AS, Frukhtmann I. "I will lure money quickly and cheaply": money magic in modern Russia // Anthropological forum. 2013. No. 18-online. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primanyudengi-bystro-i-deshhevo-denezhnayamagiya-v-sovremennoy-rossii> (accessed: 03/12/2020).
3. "More than money": the anthropology of money in Russia / Public Opinion Foundation: discussion materials. 02.02.2017. URL: <https://fom-gk.ru/events.html/16> (date of appeal: 03/12/2020).
4. Bykov D. L. What Russian writers thought about money: a lecture. URL: <https://www.sravni.ru/text/2017/11/29/chtorusskie-pisateli-dumali-o-dengakh-lekcija-dmitrija-bykova/> (accessed: 03/12/2020).
5. Zarubina NN Money in social communication // Sociological studies. 2006. No. 6. S. 13-21.
6. Zarubina NN Money as a sociocultural phenomenon: the limits of functionality // Sociological studies. 2005. No. 7. P. 3-12.
7. Zarubina N. N. About the mythology of money in Russian culture // Sociological studies. 2007. No. 3. P. 43-52.
8. Limarenko A. P. Money as a social phenomenon and the subject of sociological research // Sociology. 2012. No. 4. P. 27-39. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/58025/1/27-39%20%D0%BB%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE.pdf> (circulation date: 03/12/2020).
9. Paleeva E. V. The concept of "Money" in the minds of native speakers of the Russian language // Uchenye zapiski. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2010. No. 3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-dengi-v-soznanii-nositeley-russkogo-yazyka> (accessed: 03/12/2020).
10. Sergeeva A. V. The attitude of Russians to money / Russians: stereotypes of behavior, traditions, mentality: Monograph / Sergeeva A.V., - 11th ed., Sr. - M.: Flint, 2017. -- 315 p. URL: <https://culture.wikireading.ru/38262> (access date: 03/12/2020).

Рынок труда в условиях глобальных вызовов современности

Ло Шуай

аспирант, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, luoshuai2016@mail.ru

В статье проведен сравнительный анализ состояния рынка труда Китая и других стран мира в современных условиях по основным показателям. Раскрыты основные проблемы в сфере труда Китая и очерчены негативное влияние кризисных явлений в мировой экономике на национальный рынок труда.

Использована система статистических показателей, характеризующих формирование и эффективность использования трудового потенциала. Выявлены основные тенденции и факторы, влияющие на процессы воспроизводства и формирования качества рабочей силы. Показана взаимосвязь между степенью развития социально-трудовых отношений и эффективности рынка труда. Используются методы сравнительного анализа стран по основным показателям рынка труда.

Для поиска новых путей повышения эффективности китайского рынка труда и уменьшение негативных последствий процессов глобализации актуальным остается вопрос изучения опыта стран мира по формированию институциональных предпосылок для стимулирования современных форм экономических отношений для оптимизации потоков рабочей силы на международном и национальном рынках труда.

Ключевые слова: рынок труда, конкурентоспособность, уровень безработицы, продуктивная занятость, оплата труда, производительность труда, Китай, мировой рынок труда.

Современность формирует определенные асимметричности социально-экономического развития, проявляющиеся в нестабильности и десоциализации, распространении явлений социального отторжения. Рынок труда является важнейшей подсистемой мирового хозяйства и объективным индикатором социально-экономических изменений в глобальном пространстве. Актуальность исследования китайского рынка труда в контексте глобализационных изменений определяется, прежде всего, значимостью самой подсистемы трудовых отношений и необходимостью оценки влияния на трансформационные процессы.

Глубокие изменения рынков труда в части его организации, структуры занятости, трудовых отношений на первое место выдвигают перед экономической наукой вопросы эволюции рынка труда и регулирования трудовых отношений. Распределение и использование рабочей силы все больше приобретает признаки трансграничности, поэтому возрастает роль исследования особенностей государственного регулирования рынка труда, как в национальных рамках, так и международных группировках.

Изучение мировых тенденций и управленческих особенностей регулирования рынков труда является важным аспектом выбора соответствующего вектора развития китайского рынка труда. Эффективность функционирования рынка труда является одной из составляющих глобального индекса конкурентоспособности, что подтверждает актуальность исследования. Одновременно, анализ наработок в этой сфере показал, определение места рынка труда Китая в глобальном пространстве и мониторинг наиболее эффективных

ее механизмов регулирования не теряет собственной актуальности, а значимость научных поисков в этой области повышается.

Цель статьи заключается в обосновании приоритетов развития китайского рынка труда на базе компаративного анализа ситуации в трудовой сфере стран с разным уровнем конкурентоспособности.

Конкурентоспособность любой экономики определяется структурой в сфере занятости, соответствует требованиям времени, и уровню производительности труда. Важным национальным приоритетом является создание современного рынка труда с прогрессивной структурой занятости, эффективно интегрированного в международную экономическую систему. Структура занятости Китая меняется, но направление этих изменений не соответствует национальным интересам и вызовам глобализационных процессов. В Китае продолжают глубокие структурно-институциональные сдвиги, обусловившие переориентацию направлений экономической деятельности и активизировали решения социально-экономических проблем по формированию и эффективному функционированию рынка труда.

Качество рабочей силы, уровень ее квалификации является фактором роста производительности труда и эффективного функционирования экономики. Обострение ситуации на рынке труда в значительной степени связано с динамикой спроса и предложения рабочей силы (конъюнктурой рынка труда). Динамика изменений на рынке труда свидетельствует, что согласование спроса и предложения рабочей силы в определенной степени осуществляется за счет стихийных внутренних регуляторов. До сих пор не созданы условия для зарождения в экономике Китая новых производств, которые в перспективе могли бы обеспечить качественные изменения в национальной экономике в соответствии с глобальными вызовами и формированию основы для эффективного функционирования рынка труда.

В контексте оценки конкурентных преимуществ экономических систем стран достаточно показателен рейтинг глобальной конкурентоспособности, что рассчитывается специалистами Всемирного экономического форума (ВЭФ). Общий рейтинг индекса глобальной конкурентоспособности течение последнего десятилетия возглавляет Швейцария. Что касается КНР, то она, уступая подавляющему большинству стран с трансформационной экономикой, в течение этого периода перемещалась в пределах 25-30 позиций среди 141 стран мира, в рейтинге 2018-2019 гг. - находилась на 28 месте [1] (рис. 1).

Страны, входящие в первую двадцатку рейтинга демонстрируют высокие позиции как по индикаторам гибкости, так и по эффективности использования квалифицированных работников. В эту группу не вошли постсоветские страны - Эстония и Польша на 31 и 37 соответственно, а Россия - на 43 месте. Но все равно первая треть стран общего рейтинга - это те страны, на которые стоит ориентироваться и изучать их развитие для обобщения международного опыта.

Высокая оценка эффективности рынка труда Китая обусловлены достигнутыми успехами в вопросах гибкости при определении заработной платы (2 место), практики приема/увольнения и оплаты и производительности труда (17-е места). Также Китай в этот период продемонстрировал хорошие результаты по характеристикам эффективности использования квалифицированных сотрудников и по основным позициям гибкости рынка труда.

Следует отметить, что по гибкости системы оплаты труда Китай в общем мировом рейтинге находятся на лидирующих позициях, опережая высокоразвитые страны, которые имеют длительную историю развития рыночной экономики, сформированы демократические политические системы, обладают высокими и очень высокими среднедушевыми доходами населения и очень высокими показателями индекса человеческого развития.

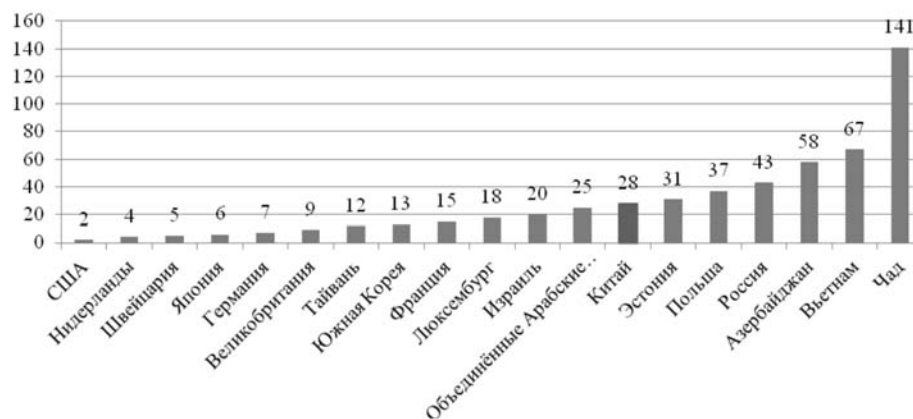

Рисунок 1. Расположение стран в рейтинге глобальной конкурентоспособности за оценке эффективности рынка труда (место в рейтинге)
 Источник: составлено автором по данным The Global Competitiveness Report 2018-2019

По характеристикам эффективности использования квалифицированных сотрудников в контексте эффективности рынка труда Китай получил достаточно высокие оценки. В частности, по индикаторам «оплата труда и производительность» и «доля женщин в общей численности занятых» КНР размещается соответственно на 43 и 55 местах. Такие закономерности присущи подавляющему большинству стран СНГ.

В рамках рейтинга глобальной конкурентоспособности в контексте исследования конкурентных преимуществ трудового потенциала стран заслуживает на особое внимание его составляющая «Высшее образование и профессиональная подготовка», характеризующая уровень охвата населения образованием, качество образования и обучения на рабочем месте.

Обеспечение эффективного функционирования рынка труда, прежде всего, связано с проблемой развития трудового потенциала путем улучшения его качественных характеристик за счет образования и профессиональной подготовки. Это обстоятельство приобретает особое значение в условиях глобализации и активизации процессов реформирования системы образования

Китая, характеризующегося изменениями в всех ее подсистемах.

В мировом рейтинге «Высшее образование и профессиональная подготовка», что оценивается по трем характеристиками, такими как: охват образованием (средним и высшим); качество образования (качество системы образования, качество преподавания математики и естественных наук, качество школ менеджмента, доступ к Интернету в школах); обучение на рабочем месте (доступность исследовательских и образовательных услуг, повышение квалификации персонала), Китай занимает 27 место. В целом в плоскости мировых рейтингов по уровню образования Китай получает относительно неплохие оценки. Так, в рейтинге QS Higher Education System Strength [2], включающий страны с самыми эффективными системами высшего образования, в 2019 г. Китай занял 9-е место. Первые три позиции рейтинга заняли страны-представители «большой семерки» - США, Великобритания и Австралия.

В этом исследовании образовательные достижения стран оцениваются по четырем показателям: позиция за эффективностью образовательной системы, доступ населения к рынку каче-

ственных образовательных услуг, достижения лучшего вуза государства и объемы инвестиций в отрасль.

Несмотря на достаточно высокие международные оценки уровня образованности, в КНР накоплены значительные проблемы в этой сфере. В частности, это касается вопроса сбалансированности спроса и предложения квалифицированных кадров на рынке труда. Сейчас подготовка кадров в Китае является неоптимальной, что не соответствует требованиям индустриального или постиндустриального развития. Нередки случаи обращения в центры занятости вчерашних выпускников вузов и последующей их переквалификации. По данным исследования домохозяйств по вопросам экономической активности, не по специальности работает 40% лиц с высшим образованием в области физических, математических и технических, 46% - биологических, агрономических и медицинских наук, 41% - прикладных наук и техники[3]. Однако в целом уровень образовательной подготовки индивида четко сказывается на его конкурентоспособности на рынке труда. Если уровень занятости населения с начальным образованием в средних возрастных группах не превышает 50%, то аналогичный показатель для населения с высшим образованием в возрасте 25-49 лет существенно превышает 70%. Следует отметить положительное влияние образовательного уровня на продолжительность экономической активности. Даже после 70 лет доля занятых с высшим образованием составляет 3,4% по сравнению с 0,5% занятых данной возрастной группы без образования. Однако наличие высшего образования не гарантирует наличия достойного рабочего места с достаточным уровнем оплаты труда. Об этом свидетельствуют статистические данные по численности безработных лиц с высшим образованием и рост количества студентов, которые хотят получить обра-

зование за рубежом и, соответственно, остаться там работать (таблица 1).

Таблица 1
Топ 10 стран, которые выбирают студенты КНР для академической мобильности, % [4]

№	Страна	%
1	США	21,3%
2	Великобритания	17,6%
3	Австралия	13,0%
4	Канада	12,3%
5	Япония	11,0%
6	Франция	9,0%
7	Германия	8,0%
8	РФ	6,2%
9	Сингапур	1,1%
10	Республика Корея	0,5%

Источник: составлено автором по Отчету EOL. China о тенденциях отправки на учебу за рубеж в 2018 г.

Отсутствие стратегического планирования развития рынка труда, неоптимальная сфера профессионального обучения приводят к несбалансированности имеющихся трудовых ресурсов и рабочих мест. Отсутствие государственных приоритетов в сфере образования и экономического развития формирует структуру занятости, что характеризует изменения на рынке труда Китая как деиндустриализированные. Источником проблем в сфере профессионального обучения заключается, прежде всего, в неэффективном распределении финансирования образования и науки.

Затраты на образование (от ВВП) в странах-лидерах рейтинге по индексу развития человеческого потенциала (ИРЧП) составляют: Исландия - 8,1%, Норвегия - 7,7%, Австралия - 4,7%, Канада - 5,5%, Ирландия - 4,8%, Швеция - 7,4%, Швейцария - 6,0%, Япония - 3,6%, Нидерланды - 5,4%, Франция - 5,5%. В тех странах, которые недавно вступили в Европейский Союз, расходы еще не столь значительны. Например в Чехии общие расходы на образование составляют лишь 4,1%, в Словакии - 4,2%, в Венгрии-5,4%, Польше-4,9%, Литве-4,6%, Эстонии - 5,5%, Латвии - 5,3%[5].

В Западной Европе наибольшая доля национального дохода на образование выделяется скандинавскими странами. Лидирует здесь Дания, которая тратит на нее 8,5% ВВП. Китай всего лишь 0,2%. Однако в абсолютном выражении больше всего средств на образование выделяют в США. По данным Института статистики ЮНЕСКО, на США приходится 28% от мировых годовых расходов на образование, при этом в этой стране проживает лишь 4% от общего количества детей и молодежи в мире [6].

Одновременно, соглашаясь с экспертами ОЭСР, отметим, что уровень расходов на образование не является определяющим фактором в достижении высоких образовательных результатов. Недостаточная эффективность использования средств, направляемых на финансирование системы образования, связанная с несовершенством организации процесса управления отраслью. Определяющим фактором воспроизводства и формирования качества рабочей силы выступают доходы населения, основой которых должна быть заработная плата как цена рабочей силы. Особенностью китайского рынка труда, как и большинство социалистических стран, является нестандартная ценовая гибкость, которая характеризуется реакцией на общеэкономический спад не уменьшением занятости, ростом хронической задолженности по выплате заработной платы и значительным уменьшением ее размера в реальном измерении. Зарплата в китайских реалиях стала тем инструментом, благодаря которому сдерживался рост безработицы и обеспечивалась стабильность занятости. Кроме того, конкурентоспособность продукции многих отраслей китайской промышленности, производственные процессы, уровень занятости лиц в возрасте, старше 15 лет, является в Китае невысоким по сравнению со странами Балтии и Вышеградской четверки, которые двигаются евроинтеграционным вектором. По уровню занятости КНР уступает также и странам СНГ (табл. 2).

Таблица 2
Индикаторы рынка труда Китая и других стран мира за 2019 год [7, 8, 9]

Страна	Уровень безработицы, % (2019)	Средне-месячная заработная плата, долл. США (2019)	ВВП на душу занятого населения, % прирост 2019/2018
США	4,4	3852,2	100
Нидерланды	2,9	н/д	78
Швейцария	2,9	6515,93	81
Япония	2,4	2852,4	73
Германия	3,2	4387,91	77
Великобритания	3,9	2798,54	70
Тайвань	3,7	3411,14	61
Южная Корея	3,3	3140,33	61
Франция	8,1	3267,86	80
Люксембург	5,5	5886,34	107
Израиль	3,4	3054,83	61
ОАЭ	2,64	н/д	84
Китай	3,62	976,66	27
Эстония	4,1	1609,85	53
Польша	5,5	1249,59	57
Россия	4,6	614,86	45
Азербайджан	5,2	418,82	28
Вьетнам	2,15	253,07	10
Чад	2,3	н/д	5

Источник: составлено автором на основе данных International labor organization, Рейтинга стран по заработной плате 2019 г., The Conference Board Productivity Brief 2019

В общем, сфера занятости является индикатором состояния экономической системы государства, уровня развития рыночных форм хозяйствования, институционального обеспечения социально-трудовых отношений, уровня развития бизнес-среды и предпринимательской активности населения. Именно поэтому в последние годы в развитых странах мира, в частности в странах ЕС, приоритетное значение приобретает активная политика занятости. Несмотря на различие моделей политики занятости, реализуемые в этих странах, общей их чертой является признание приоритетности активных мер, направленных на развитие качественных характеристик трудового потенциала и повышение эффективности его использования [10],

промышленности на мировых рынках поддерживается в большой степени благодаря низкому уровню заработной платы наемных работников.

Несмотря на это, следует отметить, что нынешняя ситуация на рынке труда многих стран, в том числе стран ЕС, России и Китая, является достаточно сложной. Повышение требований к качественным показателям рабочей силы (и, как следствие, - поляризация доходов работников разного образовательного и профессионально-квалификационного уровня) в сочетании по результатам последнего мирового экономического кризиса негативно повлияли на показатели безработицы на мировом рынке труда, причем данная тенденция характерна для всех регионов мира.

Следует отметить, что проблема совершенствования механизма управления занятостью населения является актуальной не только для Китая. На основе проанализированных источников и данных мы можем сформулировать основные проблемы рынка труда в условиях глобализационных изменений:

- 1) низкий уровень занятости населения, увеличение продолжительности и сверхвысокий уровень безработицы среди молодежи;
- 2) старение рабочей силы и повышение пенсионного возраста;
- 3) слабая конвергенция рынков труда «старых» и «новых» форм занятости;
- 4) высокий уровень неформальной занятости;
- 5) активные процессы трудовой миграции.

Также можно выделить особенности китайского рынка труда, в частности:

- высокий уровень безработицы, в том числе молодежной;
- ужесточение законодательства по высвобождению рабочей силы и низкая эластичность занятости к ВВП;
- наличие диспропорций в структуре спроса и предложения рабочей силы, вызванных несоответствием качества образования компетентностей и

требований работодателей на рынке труда;

- неэффективность и архаичность структуры занятости, что проявляется в слишком большой доле занятых в низкопродуктивном личном крестьянском хозяйстве и первичном секторе экономики в целом;

- стремительные процессы старения и миграционного оттока рабочей силы;

- компенсация снижения производительности за счет сокращения реальной заработной платы, что позволило удержать на относительно приемлемом уровне эффективность производства;

- несовершенство системы оплаты труда;

уход из формального сектора рынка труда в неформальный, существование неформальных институтов и договорных отношений, а также неразвитость стимулов к повышению эффективности трудовой деятельности.

Эти выводы свидетельствуют о том, что, с одной стороны, на китайском рынке труда присущ ряд проблем, характерных для стран-членов «большой семерки», с другой - китайский рынок труда по классической схеме демонстрирует особенности национальных институтов, которые непосредственно являются причиной обратной связи между динамикой ВВП и безработицей. Как показывает история, в стране реализуется курс на полную, а не продуктивную и эффективную занятость.

Таким образом, проведенное исследование убеждает, что вопрос роста уровня занятости, улучшения ее качественных характеристик остается актуальным для многих стран мира. Послекризисное восстановление экономик стран еще не позволило в достаточной степени стабилизировать рынки труда, особенно это касается трансформационных экономик и развивающихся стран. Развитые страны занимают лидирующие места в международных рейтингах, демонстрируя лучшие показатели, количественно и качественно характеризующих состояние их рынков

труда. По нашему мнению, опыт этих стран имеет быть использован в процессе дальнейшего проведения глубоких социально-экономических реформ и радикальных институциональных преобразований как в России, Китае, так и в любой другой стране, направленных на формирование конкурентных преимуществ рынка труда и эффективного его функционирования. Именно поэтому изучение опыта других стран мира по преодолению кризисных явлений на рынке труда и обеспечения качественной занятости требуют дальнейшего научного исследования.

Использование международного опыта с целью повышение эффективности отечественного рынка труда считается целесообразным с точки зрения уменьшения негативных последствий процессов глобализации. Речь идет о качественных изменениях в образовании, в системе переподготовки кадров, стимулировании инновационной деятельности во всех видах экономической деятельности, о создании благоприятного инвестиционного климата и формирования инновационной среды.

В этом контексте актуальным является исследование формирования институциональных предпосылок для стимулирование таких форм экономических отношений как франчайзинг, лизинг, совершенствование корпоративных отношений, применение технологического форсайта как инструмента оптимизации потоков рабочей силы на международном и национальном рынках труда.

Литература

1. The Global Competitiveness Report 2018-2019. URI: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>
2. QS Higher Education System Strength. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/employability-rankings/2019>.
3. National Bureau of Statistics of China. URI: <http://www.stats.gov.cn/English>.
4. Отчет EOL. China о тенденциях отправки на учебу за рубеж в 2018 г. – URL: <http://www.eol.cn/html/lx/baogao2018/page1.shtml>
5. Trendeconomy. URL: <http://data.trendeconomy.ru/dataviewer>.
6. Институт статистики ЮНЕСКО. URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/viz>.
7. International labor organization. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2019/WCMS_670554/lang-en/index.htm
8. Рейтинг стран по заработной плате 2019 г. URL: <https://takeprofit.org/statistics/wages>.
9. The Conference Board Productivity Brief 2019. URL: https://conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite
10. Миронов В., Кузнецов А. ВВП и промышленное производство в 2018 г.: итоги года и перспективы роста // Бюллетень «Комментарии о Государстве и Бизнесе». 18 февраля 2019 года. № 190. URL: <https://dcenter.hse.ru/mon/71896859/244877273.html>.

The labor market in the context of global challenges of our time

Luo Shuai

Lomonosov Moscow state University

The article provides a comparative analysis of the state of the labor market in China and other countries of the world in modern conditions on the main indicators. The main problems in the labor sphere of China are revealed and the negative impact of the crisis phenomena in the world economy on the national labor market is outlined.

We used a system of statistical indicators that characterize the formation and effectiveness of the use of labor potential. The main trends and factors affecting the processes of reproduction and formation of the quality of the labor force are identified. The relationship between the degree of development of social and labor relations and the effectiveness of the labor market is shown. Methods of comparative analysis of countries on the main indicators of the labor market are used.

To find new ways to improve the efficiency of the Chinese labor market and reduce the negative consequences of globalization, the issue of studying the experience of countries around the world on the formation of institutional prerequisites for stimulating modern forms of economic relations to optimize labor flows in the international and national labor markets remains relevant.

Keywords: labor market, competitiveness, unemployment rate, productive employment, labor remuneration, labor productivity, China, world labor market.

References

1. The Global Competitiveness Report 2018-2019. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index/info>
2. QS Higher Education System Strength. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/employability-rankings/2019>.
3. National Bureau of Statistics of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/English>.
4. EOL report. China on sending trends to study abroad in 2018 - URL: <http://www.eol.cn/html/lx/baogao2018/page1.shtml>
5. Trendeconomy. URL: <http://data.trendeconomy.ru/dataviewer>.
6. UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://uis.unesco.org/sites/default/files/viz>.
7. International labor organization. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2019/WCMS_670554/lang-en/index.htm
8. 2019 Country Salary Rankings URL: <https://take-profit.org/statistics/wages>.
9. The Conference Board Productivity Brief 2019. URL: https://conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite
10. Mironov V., Kuznetsov A. GDP and industrial production in 2018: results of the year and growth prospects // Bulletin "Comments on the State and Business". February 18, 2019. No. 190. URL: <https://dcenter.hse.ru/mon/71896859/244877273.html>.

Материальные и нематериальные формы стимулирования труда персонала на высокотехнологичных предприятиях (на примере АО «АВТОВАЗ»)

Осеев Александр Александрович

доктор социологических наук, профессор кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, oseev.a@mail.ru

Рудакова Анна Сергеевна

магистрант кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Статья посвящена исследованию и описанию социальной практики использования материальных и нематериальных форм стимулирования труда персонала на высокотехнологичных предприятиях. Представлены результаты сравнительного анализа применения форм стимулирования труда на АО «АВТОВАЗ» и данных Международной рекрутинговой компания Naus об использовании форм материального и нематериального стимулирования труда на предприятиях и организациях в России.

Ключевые слова: материальные и нематериальные формы стимулирования труда, высокотехнологичное предприятие, персонал организации.

Актуальность темы исследования. В современных экономических и политических условиях, характеризующихся процессами глобализации, важны высокотехнологичные производства, которые формируют конкурентоспособность и перспективы развития национальных экономик. Базовые элементы таких производств - это наукоемкие технологии и товары, получаемые затратами интеллектуального труда.

Высокотехнологичное предприятие представляют собой сложную производственно - технологическую и организационно - экономическую систему. Такой класс предприятий ориентирован в своей деятельности на создание и использование инноваций. Технологические инновации порождают процессные, продуктовые и другие инновации. Так вырабатывается необходимость формирования и новой организационной структуры.

Повышение темпов экономического роста России во многом зависит от эффективного использования социальных факторов производительности труда на высокотехнологичных предприятиях, важнейшим из которых является заинтересованность работника в результатах своего труда. Как уже неоднократно отмечалось, жизнь человека с давних времен неотделима от трудовой деятельности, в результате которой происходит социализация личности, включение в трудовую и общественную жизнь, создаются общественные блага. Трудовая деятельность основывается на определенных потребностях и мотивах:

труд выступает средством к жизни, способом самореализации и пр. Многочисленные исследования в области социологии, психологии, менеджмента и других наук гуманитарного профиля показывают, что зная потребности и мотивы человека, можно воздействовать на них с целью повышения удовлетворенности работников своим трудом, поднятия уровня производства и повышения эффективности работы организации в целом.

Как известно, углубленное научное исследование способов и методов стимулирования персонала производственных организаций мы находим в работах Ф.Тейлора, Г.Форда и других теоретиков управления, которые указывали на то, что чтобы увеличить эффективность производства, человека необходимо побуждать, заинтересовывать – стимулировать к выполнению высоких трудовых показателей. Так появились дифференцированная заработная плата, премии, возможность участия в прибыли организации и т.д. Позднее научные исследования и управленцы установили, что дело не только в материальном стимулировании работников, но и в человеческих отношениях. Хоторнские эксперименты Э. Мэйо показали, что для работников важны не только условия труда (освещенность, перерывы на обед и т.п.), но и психологическая атмосфера в коллективе (межличностные отношения, осознание себя значимым для решения важных производственных задач, коллег по работе и т.п.).

Тема стимулирования труда и по сей день остается весьма актуальной научной и практической проблемой для ученых, специалистов, управленцев практиков, рядового персонала организации. За свой труд, особенно ответственный и напряженный, человек всегда ожидает получить соответствующее вознаграждение. Труд выступает не

только средством к жизни, но и способом реализации его деятельных сил. И сегодня в глобальном обществе, в котором мы живем, именно трудовая деятельность остается источником существования и способом самореализации (зачастую несмотря на «личные жертвы», о чем писал Дж.Адамс.) Все руководители предприятий стремятся получить прибыль, и повысить конкурентоспособность своих организаций, и для этого ищут способы повышения эффективности и производительности труда, применяя разные формы стимулирования труда.

Данные исследовательских центров показывают, что сегодня, как и раньше, в России остро стоит проблема мотивации стимулировании трудовой деятельности персонала. Руководители, которые осуществляют планирование, разработку и внедрение инновационных, высокотехнологичных проектов, как и их подчиненные, нуждаются в совершенствовании систем мотивации труда. Международная рекрутинговая компания Hays опубликовала результаты исследования мотивации и удовлетворенности работой профессионалов в России – Motivation&Job Satisfaction Report³³. В феврале и марте 2018 года она опросила 3600 респондентов: 3114 профессионалов и 486 работодателей – представителей российских и международных компаний. Регионы, где живут и работают респонденты. Москва и МО 67%, 10% Санкт-Петербург, Центральный ФО 6%, Приволжский ФО 5%, Сибирский ФО 3%, Уральский ФО 3%, Южный ФО/Северо-Кавказский ФО/Крым 3%, Северо-Западный ФО 2%, Дальневосточный ФО 1%.

Результаты исследования, посвященные сверхурочной работе, балансу работы и личной жизни, атмосфере в коллективе, уровню заболеваемости сотрудников, снижению уровня рабочего

³³ Исследование Hays: результаты исследования мотивации и удовлетворенности работой профессионалов в России – Motivation&Job Satisfaction Report. 20

июня 2018. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fhr-elearning.ru%2Fissledovanie-hays-rezultaty-issledovaniya-motivacii_2018%2F (дата обращения 15.03.2020).

стресса и профессиональному выгоранию показали, что **87 % профессионалов работают сверхурочно и только 12 % из них получают за это компенсацию согласно ТК РФ!** (Занимает первое место среди факторов, вызывающих нарекание и недовольство в работе.) 52 % респондентов основной причиной переработки указали отсутствие ресурсов для делегирования задач. 31 % сотрудников считают, что руководство никак не помогает им справиться со стрессом на работе. И, видимо, как закономерный результат, - 57 % респондентов за последние три года задумывались о смене деятельности, а 48 % думали о перерыве в карьере. Атмосфера в коллективе, уровень заболеваемости сотрудников, баланс работы и личной жизни, снижение уровня рабочего стресса и профилактика профессионального выгорания – эти и другие насущные проблемы продолжает исследовать международная рекрутинговая компания Hays в России³⁴.

Все способы стимулирования труда важны, но при этом остается открытым вопрос: Что же является наиболее значимым мотивом трудовой деятельности разных категорий работников с учетом специфики и профиля производственной деятельности организации: деньги и размер заработной платы или содержание трудовой деятельности: интересная работа, возможность творчества, ответственность, значимость работы для других, отношения в коллективе и пр.?

Для выяснения ответа на предприятии Российской Федерации - АО «АВТОВАЗ» было проведено специальное социологическое исследование.

Теоретико-методологическая база. Методологической базой исследования послужили идеи и концепции классиков менеджмента в области роли

материального и нематериального стимулирования труда персонала организации, таких как: Ф.Тейлор, Г.Гант, А.Маслоу, Ф.Герцберг, В. Врум, Дж. Адамси др., а также взгляды современных авторов, таких как А.Я.Кибанов, А.Е.Ильин, О.В.Ильинова и др., благодаря которым впоследствии методы стимулирования труда на АО «АВТОВАЗ» классифицировались как материальные либо нематериальные.

В эмпирическом исследовании были использованы методы: анализ документов, метод кейс-стади, предполагающий изучение опыта отечественной практики использования форм материального и нематериального стимулирования труда на примере организации АО «АВТОВАЗ». А также сравнительный анализ данных социологического опроса Международной рекрутинговой компании Hays об использовании форм материального и нематериального стимулирования труда на предприятиях и организациях в России с данными социальной практики применения различных форм стимулирования труда работников АО «АВТОВАЗ».

Исследование. «Публичное акционерное общество «АВТОВАЗ» является мультибрендовым предприятием полного цикла производства автомобилей и осуществляет разработку, производство и поставку легковых автомобилей, сборочных комплектов и запасных частей»³⁵. «АВТОВАЗ» входит в Альянс Renault-Nissan-Mitsubishi и выпускает автомобили под четырьмя брендами: LADA, Renault, Nissan и Datsun. Производственные площадки расположены в двух городах - Тольятти и Ижевске. Официальная дилерская сеть LADA состоит более, чем из 300 центров и является самой крупной в России³⁶.

³⁴ Исследование Hays: результаты исследования мотивации и удовлетворенности работой профессионалов в России – Motivation&Job Satisfaction Report. 20 июня 2018. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fhr-elearning.ru%2Fissledovanie-hays-rezultaty_issledovaniya_motivacii_2018%2F (дата обращения 15.03.2020).

³⁵Руководство по системе менеджмента ПАО «АВТОВАЗ». Редакция №1. 2018. - С.4.

³⁶Официальный сайт LADA. Пресс-релизы. АВТОВАЗ готовится отметить свое 50-летие. URL: <http://www.lada.ru/press-releases/111543.html>

Особенности применения форм и методов материального стимулирования труда. На предприятии АО «АВТОВАЗ» действует коллективный договор³⁷, заключенный работодателем и профсоюзной организацией, распространяющийся на всех работников предприятия. На основе данного договора рассмотрим систему материального стимулирования труда работников данного предприятия. Данная система в теории обычно состоит из заработной платы, премий и выплат социального характера.

Начнем с заработной платы. Как гласит договор, оплата труда рабочих производится на основе тарифных ставок (начисляется по присвоенному тарифному разряду) и окладов. Их повышение производится в зависимости от выполнения показателей производственно-хозяйственной деятельности и исходя из темпов роста величины прожиточного минимума трудоспособного населения по Самарской области. Месячная оплата труда работника не может быть ниже 1,3 величины прожиточного минимума трудоспособного населения, установленного ФЗ. Должностные оклады РСИС устанавливаются при заключении и изменении трудового договора в соответствии с должностью и квалификацией работника. Системами оплаты труда для усиления материальной заинтересованности в повышении эффективности производства и выполнении установленных заданий предусматривается стимулирование по трем важным показателям - квалификации, объемов и качества продукции, работ, специальных направлений хозяйственной деятельности³⁸.

Всем работникам производятся доплаты и надбавки за следующее показатели³⁹, которые, как мы видим, учитывают важные отличительные особенности содержания, ответственности и напряженности труда:

- за работу в вечернее время в размере 20% часовой тарифной ставки за каждый час работы в сумме с доплатой за условия труда и его напряженность;

- за работу в ночную смену - 40% часовой тарифной ставки за каждый час работы в сумме с доплатой за условия труда и его напряженность;

- за выполнение индивидуальных показателей отдельным рабочим - до 50% к тарифной ставке, в сумме с доплатой за условия труда и его напряженность, в зависимости от присвоенного разряда и балльной оценки;

- за выполнение трудовых обязанностей на рабочих местах с вредными, опасными, горячими, тяжелыми условиями труда, а также на конвейерах, поточных и автоматических линиях доплаты за условия труда в зависимости от результатов проведения специальной их оценки;

- за отдельные рабочие места, где организационно-технические условия значительно отличаются от средних значений по бригаде и требуют более напряженного труда;

- часы сверхурочной работы, работа в выходной и нерабочий праздничный день оплачиваются в двойном размере или могут компенсироваться предоставлением дополнительного времени отдыха по желанию работника.

Как отмечается в Коллективном договоре в положении о премировании: «В целях усиления материальной заинтересованности рабочих в повышении качества выпускаемой продукции, обслуживания, снижении и ликвидации простоев бригад, занятых изготовлением продукции и обслуживанием производства, выплачивать рабочим общества премию. Руководителям, специалистам и служащим выплачивать премию за ре-

³⁷Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти.

³⁸Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - С.9-10.

³⁹Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - С.10-11.

зультаты хозяйственной деятельности»⁴⁰. Особое внимание уделяется выплатам социального характера, направленным на стимулирование труда работников и удовлетворение социально значимых потребностей персонала.

Рассмотрим выплаты социального характера, которые представляют собой, как показали исследования, обширный спектр различных форм и приемов. Работникам АО «АВТОВАЗ» предоставляется ежегодный основной оплачиваемый отпуск, который длится 28 календарных дней. Он может быть по соглашению разбит на 2 части, одна из которых не может быть менее 14 дней. Дополнительный отпуск предоставляется работникам, занятым на работах с вредными и/или опасными условиями труда. Работникам, которые принимали участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС (в АО к ним проявляют особое внимание) ежегодный основной отпуск предоставляется в удобное для них время, плюс дополнительный - продолжительностью 14 календарных дней. Руководителям, специалистам и служащим с ненормированным рабочим днем предоставляется ежегодный дополнительный отпуск - 3 дня⁴¹.

По социальным льготам АО «АВТОВАЗ» своим сотрудникам предоставляет широкий спектр различных форм и методов стимулирования трудовой деятельности⁴²:

- Женщинам (матерям), находящимся в отпуске по уходу за ребенком в возрасте до 3-х лет, после отпуска по беременности и родам выплачивается ежемесячное пособие, обеспечивающее доход в размере 70% минимальной тарифной ставки рабочего первого разряда первой тарифной сетки, вместе с пособием по уходу за ребенком, выплачиваемым напрямую Фондом социального страхования Российской Федера-

ции, и компенсационной выплатой матери. При наличии нескольких детей в возрасте до трех лет пособие выплачивается на каждого ребенка. При этом, следует отметить, что пособие выплачивается за счет средств общества.

- Для женщин устанавливается дополнительный оплачиваемый из средств общества 10-недельный отпуск, предшествующий отпуску по беременности и родам. Оплата дополнительного 10-недельного отпуска производится исходя из среднего дневного заработка, применяемого для оплаты отпуска.

- Работающие беременные женщины и работающие кормящие матери обеспечиваются диетическим питанием полностью за счет средств общества.

- Три оплачиваемых дня на бракосочетание при первом вступлении в брак.

- Отцу предоставляется один оплачиваемый день при рождении ребенка.

- Предоставляется три оплачиваемых дня, в случае смерти близкого родственника: отец, мать, жена, муж, сын, дочь, брат, сестра, тесть, теща, свекор, свекровь, зять (муж дочери), сноха (жена сына), или другого родственника, проживающего совместно.

- Реализация автомобилей LADA по льготной программе для работников общества.

- Выделение средств на удешевление питания в размере 75% от полной стоимости обеда (ужина) для работников, питающихся в столовых АО «АВТОВАЗ» по талонам или по пропускам в столовых, оборудованных электронной системой учета питающихся (ЭСУП).

- Перечисление пенсионных взносов на негосударственное пенсионное обеспечение работников АО

⁴⁰Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - С.10.

⁴¹Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - С.15-16.

⁴²Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - С.18-20.

«АВТОВАЗ» – участников АО «Негосударственный пенсионный фонд АВТОВАЗ», для выплаты им негосударственной пенсии при наступлении пенсионных оснований.

Также предоставляются работникам АО «АВТОВАЗ» другие социальные гарантии⁴³:

- При получении увечья либо иного повреждения здоровья, связанного с выполнением трудовых обязанностей, производится возмещение причиненного ущерба в соответствии с действующим законодательством. При переводе работника на другую, более легкую нижеоплачиваемую работу, за ним сохраняется средний заработок на период выздоровления или до установления стойкой утраты профессиональной трудоспособности. При невозможности работника вернуться к прежним трудовым обязанностям в результате стойкой утраты трудоспособности ему предоставляется возможность обучения новой профессии, при этом за время обучения не более 2 лет, ему выплачивается средняя заработная плата по прежнему месту работы.

- Лицам, получившим увечье либо иное повреждение здоровья, связанное с выполнением трудовых обязанностей в АО «АВТОВАЗ», направляемым в связи с этим на медицинское обследование и переосвидетельствование в другую местность, возмещаются из средств общества расходы на оплату проезда к месту медицинского обследования и обратно. На время нахождения работника на обследовании за ним сохраняется средняя заработная плата, в том числе обеспечиваются расходы на лечение до восстановления трудоспособности или установления стойкой утраты трудоспособности за счет средств общества сверх ОМС.

- Осуществляются выплаты семьям работников, погибших в результате несчастного случая на производстве.

- Осуществляется страхование работников АО «АВТОВАЗ», являющихся членами ДНД, от несчастных случаев, возникших в течение 24 часов в сутки на протяжении действия договора страхования.

- Обеспечивается страхование работников от несчастных случаев на производстве за счет средств работодателя.

АО «АВТОВАЗ» также занимается частью материального стимулирования, которая заключается в социальном обслуживании. Предприятие проводит учет работников-претендентов на получение безвозмездных жилищных субсидий, а именно одиноких и семейных работников, исходя из нормы обеспеченности 7 и менее квадратных метров или 12 и менее соответственно. Для ветеранов - 8 и 13 квадратных метров. Также включается категория одиноких и семейных работников (до 35 лет) при стаже работы не менее 3-х лет, проживающих с родителями в г.о.Тольятти и Ставропольском районе Самарской области, вне зависимости от общей их площади, которая у них имеется⁴⁴.

Важно отметить еще один важный момент, который характеризует социально-ответственное отношение АО к своему персоналу. В данную категорию стимулирования входит транспортное обслуживание и питание работников. Руководители АО «АВТОВАЗ» обязуются организовывать движение пассажирского транспорта по графику для обеспечения перевозки работников на работу и с работы. Создаются условия для получения горячего питания, в том числе диетического, во время рабочей смены в столовых. Что является весьма важным отличием от многих других высокотехнологичных предприятий, для которых обеспечение движения пассажирского транспорта по графику остается до сих пор нерешенной проблемой!

Еще одна важная часть стимулирования - это медицинское обслуживание,

⁴³Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - С.20-21.

⁴⁴Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - с.30.

организация отдыха и санаторно-курортного лечения. В этом плане АО «АВТОВАЗ» обеспечивает организацию и проведение различных мероприятий, направленных на профилактику заболеваний своих сотрудников. Также происходит реализация программ добровольного медицинского страхования для работников на условиях софинансирования. Комиссии социального страхования АО «АВТОВАЗ» ежегодно разрабатывают Программу санаторно-курортного лечения и отдыха работников общества и их детей в возрасте от 3 до 18 лет в соответствии с бюджетом. Более того, для неработающих пенсионеров и бывших сотрудников выделяются путевки для оздоровления в санаторные и оздоровительные учреждения⁴⁵.

Как показали исследования, различные формы материального стимулирования труда на практике активно применяются в АО «АВТОВАЗ». Проанализируем реализацию положений данного договора Общества (АО «АВТОВАЗ»), в годовом отчете 2016 года⁴⁶.

● У членов правления Общества, а именно у коллегиального исполнительного органа, заработная плата за 2016 год составила 215 млн. руб., премии - 25 млн. руб., компенсации расходов - 21 млн. руб. Средняя заработная персонала в 2016 году составила 28939 руб.⁴⁷

● В августе 2016 года выплачена премия всем работникам в размере 5000 руб. за вклад коллектива в обеспечение работы предприятия в период экономического кризиса и в связи с 50-летием АО «АВТОВАЗ»⁴⁸.

● Работникам выделялись средства в размере 75% от полной стоимости обеда. Так общая сумма дотации на удешевление стоимости питания в 2016 году составила 398 млн. руб.

● Также в социальные программы входит приобретение автомобиля на льготных условиях. В 2016 году их было реализовано 717 штук.⁴⁹

● В материальное стимулирование АО «АВТОВАЗ» также входит периодический медицинский осмотр, который прошли 32551 человек, занятых на участках с вредными и/или опасными условиями труда.

● Общее количество полисов, выданных за данный период, составил 3851. Взнос предприятия составил 7,21 млн. руб. Страхование от несчастного случая на период исполнения служебных обязанностей было произведено для всех работников.⁵⁰

● Происходила реализация «Программы санаторно-курортного лечения и отдыха работников акционерного общества и их детей в возрасте от 3 до 18 лет». В 2016 году в санаториях, пансионатах, базах отдыха на территории Российской Федерации было оздоровлено 7920 человек, из них в детских оздоровительных лагерях 890 детей. Неработающим пенсионерам, бывшим работникам Общества, было выделено в санаторные и оздоровительные учреждения 319 путевок на условиях, принятых для работников⁵¹.

● Для женщин, работающих в Обществе, устанавливался оплачиваемый из средств Общества 10-недельный дородовой отпуск дополнительно к дородовому отпуску, оплачиваемому из средств Фонда социального страхования. Выплата за отчетный период составила 44,292 млн. руб.⁵²

Таким образом, система материального стимулирования активно используется на предприятие АО «АВТОВАЗ». Она имеет системный характер и закреплена в официальных документах.

⁴⁵ Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019 гг. - Тольятти. - с.31-33.

⁴⁶ Годовой отчет ПАО «АВТОВАЗ». - 2016. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

⁴⁷ Годовой отчет ПАО «АВТОВАЗ». 2016. - с.22. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

⁴⁸ Газета «Волжский автостроитель». Спецвыпуск. 22.02.2017. - С.2.

⁴⁹ Годовой отчет АО «АВТОВАЗ». 2016. - с.62. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

⁵⁰ Годовой отчет АО «АВТОВАЗ». 2016. - с.63. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

⁵¹ Годовой отчет АО «АВТОВАЗ». 2016. - с.63. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

⁵² Газета «Волжский автостроитель». Спецвыпуск. 22.02.2017. - С.2.

Однако данную систему, можно улучшить.

1. Актуальным методом для стимулирования труда работников может стать лишение премии или снижение размера заработной платы за нарушение трудовой и производственной дисциплины или снижение производительности труда по вине работника.

2. По примеру Г.Форда, И.Ильин, А.Я.Кибанов, О.П.Чемарев считают, что работники должны иметь право участвовать в распределении прибыли. Это приведет к большей заинтересованности работника в успехе выпускаемой продукции.

3. Помимо льгот для матерей важно включить в нормативные документы льготы и для отцов: необходимо выделить несколько дней в году, оплачиваемых организацией, для родителей-отцов для решения ими социально-бытовых вопросов, помощи в проведении досуга с детьми и воспитании детей.

4. Расходы на транспорт работодатель может частично взять на себя. Хотя бы в размере 50% от средней стоимости билета на автобус/газель.

5. Важно изыскать возможности увеличить заработной платы, так как она до сих пор остается самым известным и действенным методом стимулирования персонала.

При этом, материальное стимулирование действительно в сочетании с нематериальным. Покажем систему нематериального стимулирования труда персонала АО «АВТОВАЗ», которая включает в себя широкий спектр форм и методов.

Особенности применения форм и методов нематериального стимулирования труда. Начнем анализ нематериального стимулирования труда с одного из важных документов - «Руководства по системе менеджмента АО «АВТОВАЗ»». Как известно, система данного вида стимулирования состоит из творческого, организационного, мо-

рального стимулирования, стимулирования свободным временем, обучением и элементами корпоративной культуры. Здесь оказывают влияние условия труда и вовлечение персонала в управление, то есть организационное стимулирование, а также информирование персонала о состоянии дел на предприятии. Моральное стимулирование труда реализуется в АО, прежде всего, через соответствующий профессиональный подбор и отбор кадров в соответствии с требованиями к компетентности, квалификации, навыкам и опыту. Периодически происходит аттестация РСиС⁵³.

Более того, одним из принципов достижения успеха в области качества АО «АВТОВАЗ» является то, что АО в своей корпоративной культуре ведет кадровую политику, лозунгом которой является, - «сотрудники компании - главная ценность АО «АВТОВАЗ»! Их вовлечение в работу по повышению качества и улучшению результативности является необходимым условием достижения стратегических целей»⁵⁴. Миссия данного лозунга, как показал анализ документов, во многом находит свое воплощение и в самой системе нематериального стимулирования. Осознание сотрудниками своей важности для компании становится важным элементом системы морального стимулирования.

Осведомленность о делах АО также становится элементом стимулирования труда персонала. «Обеспечение осведомленности работников об актуальности и важности их деятельности, вкладе в достижение целей, выполнении требований потребителей осуществляется процессом Р01, согласно И 37.101.5565...Цели до цехов и бригад в бизнес-процессах системы менеджмента разворачиваются согласно внутренним нормативным документам, разработанным в каждом процессе и размещаются на стендах в бригадах и цехах согласно И 37.101.8566 и И 37.101.8558»⁵⁵.

⁵³Руководство по системе менеджмента ПАО «АВТОВАЗ». Редакция №1. 2018. - с.23.

⁵⁴Руководство по системе менеджмента ПАО «АВТОВАЗ». Редакция №1. 2018. - с.74.

⁵⁵Руководство по системе менеджмента ПАО «АВТОВАЗ». Редакция №1. 2018. - с.26-27.

Другим важным документом предприятия АО «АВТОВАЗ» является Коллективный договор, который распространяется на всех работников и действует по 31 декабря 2019 года.⁵⁶ В нем также содержатся аспекты нематериального стимулирования.

Как отмечается в документе, стимулирование обучением, в том числе, подготовка, переподготовка и повышение квалификации работников производится в соответствии с утвержденными планами. Работникам, обучающимся без отрыва от производства в образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию, при наличии справок, предоставляются гарантии и компенсации⁵⁷.

Организационное стимулирование выражается в бригадной форме организации труда с общей и индивидуальной ответственностью, когда члены бригады осваивают смежные операции и профессии, осуществляют переодическое перераспределение работ между собой, либо перемещение по рабочим местам, включая рабочие места различной квалификации. Более того, рабочим, проработавшим на главном конвейере 9 лет и более, предоставляется право перевода на другие места с оплатой по среднему заработку на период переквалификации по новой специальности⁵⁸.

Работники могут участвовать в управлении АО «АВТОВАЗ», работодатель способствует созданию условий и оказывает необходимую помощь при организации различных форм участия⁵⁹. Работники могут высказывать свои идеи, организовывать различного рода мероприятия и т.п.

Еще одним методом морального стимулирования является организация

трудовых соревнований. Они организуются для производственных бригад, рабочих и РСИС. Для этого выделяются средства в пределах утвержденного бюджета⁶⁰.

Не менее важным методом морального стимулирования является проведение корпоративных и профессиональных праздников. Организация и проведение праздничных мероприятий, как и общегосударственные обеспечиваются в пределах выделенных средств. Также проводятся физкультурно-оздоровительные и спортивные мероприятия с работниками и членами их семей⁶¹.

На предприятии существует своя корпоративная культура. У АО «АВТОВАЗ» есть миссия, ценности, цели, которые являются частью этой формы стимулирования. Более того, у сотрудников организован совместный досуг, время приема пищи, принято празднование различных значимых дат в кругу коллег (от дня рождения и до нового года) и т.д.

Как мы видим, нематериальное стимулирование труда активно реализуется в АО «АВТОВАЗ». Рассмотрим данные, касающиеся Общества (АО «АВТОВАЗ»), в годовом отчете 2016 года⁶².

● В целях поощрения работников за добросовестный труд, вклад в повышение эффективности производства, улучшение качества продукции в 2016 году в Обществе высшими корпоративными наградами, наградами г.о.Тольятти, ведомственными знаками отличия в труде, наградами органов власти Самарской области было отмечено 403 человека⁶³.

● В 2016 году на курсах подготовки, переподготовки и повышения квалификации было обучено 21232 работника

⁵⁶Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти.

⁵⁷Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - с.7.

⁵⁸Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - с.13.

⁵⁹Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - с.35.

⁶⁰Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - с.36.

⁶¹Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти. - с.34.

⁶²Годовой отчет ПАО «АВТОВАЗ». 2016. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

⁶³Годовой отчет ПАО «АВТОВАЗ». 2016. - с.63. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

Общества, из которых рабочие 13616 человек, а РСиС - 7616.

- «Было обеспечено проведение мероприятия 46-й спартакиады АО «АВТОВАЗ» среди производственных коллективов по 25 видам спорта. Проведены ежеквартальные смотры-конкурсы на лучшую организацию физкультурно-оздоровительной работы среди подразделений Общества.

- В соответствии с физкультурно-оздоровительной программой для работников Общества и членов их семей было проведено 167 спортивных мероприятий с участием 20012 человек.

- Проведено 385 физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий по программе физкультурно-оздоровительной работы с количеством участников 22300 человек.

- Был проведен 17-й традиционный массовый профсоюзный лыжный кросс, в три этапа, с количеством участников более 5000 человек»⁶⁴.

- Были проведены тематические мероприятия, посвященные государственным и корпоративным праздникам с торжественными поздравлениями и концертами художественной самодеятельности. Всего их более 40 за 2016 год.⁶⁵ В 2017 году их количество составило более 60⁶⁶.

- Один из традиционных праздников является 1 Мая, которое празднуется митингом и шествием. В 2017 году в нем приняли участие более 4000 человек⁶⁷.

- В 2017 году был реализован конкурс, называвшийся «За идею - автомобиль!!!». Суть конкурса состояла в том, чтобы придумать, как снизить издержки на производствах мастерам бригад или Мопозукиги лидерам производств. Суперпризом был автомобиль последних моделей LADA в личное пользование на год с дальнейшим правом выкупа по льготной цене⁶⁸.

Таким образом, система нематериального стимулирования в ее самых разнообразных подходах активно используется на предприятии АО «АВТОВАЗ». Она имеет различные формы и закреплена в официальных документах.

Однако, как показывают исследования, в данную систему можно улучшить. Целесообразно внедрить следующие мероприятия по совершенствованию системы нематериального стимулирования.

1. Расширить права работников в управлении предприятия. Например, разрешить им принимать участие в собраниях с высшим руководством.

2. Поддерживать таланты и начинания работников, если в будущем их рационализаторские работы и рекомендации могут быть использованы на рабочих местах предприятия; рассмотреть возможность оплаты профессионального обучения этим навыкам.

3. Шире привлекать работников к обсуждению планов и при принятии решений об использовании материальных ресурсов.

4. Чаще публиковать результаты соревнований между бригадами или цехами предприятия, чтобы повысить дух конкурентности и чувства уважения за заслуги коллег и свои собственные усилия и достижения.

5. Проводить больше мероприятий, направленных на объединение коллектив. Например, раз в месяц для одного из отделов (выбор по установленному графику) проводить тим-билдинг или выезд на природу.

6. Регулярно помещать фотографии лучших работников месяца, года на доску почета и писать о них в собственной газете предприятия.

7. Реализовывать стимулирование гибким графиком, когда рабочий (от-

⁶⁴Газета «Волжский автостроитель». Спецвыпуск. 22.02.2017. - с.8.

⁶⁵Газета «Волжский автостроитель». Спецвыпуск. 22.02.2017. - с.8.

⁶⁶Газета «Волжский автостроитель». Спецвыпуск. 2018. - с.7.

⁶⁷Газета «Вести профсоюза». Спецвыпуск. 17.11.2017. - с.2.

⁶⁸Газета «Волжский автостроитель». 10.10.2017. - с.4.

дельные категории) мог бы часть работы в связи с особыми обстоятельствами делать на дому.

8. Шире использовать обучение персонала на рабочих местах. Необходимо ввести должность куратора (наставника) над новичками, чтобы они лучше адаптировались в коллективе, а также быстрее овладели профессиональными навыками своей работы и знали элементы организационной культуры.

9. Рассмотреть возможность для рабочих сократить срок работы на конвейере до 5 лет и обеспечить смену места работы с дальнейшей переквалификацией по их собственному желанию. Как неоднократно отмечается, оптимальный срок работы на одном рабочем месте составляет от 3 до 5 лет⁶⁹.

10. Чтобы работник мог реализовать свой творческий потенциал в инновационных разработках и планировании работ необходимо проводить больше курсов интеллектуального характера,

Важно подчеркнуть, что при всей важности совершенствования нематериального стимулирования оно должно сочетаться с материальным стимулированием, которое обеспечивает материальное воспроизводство жизненных сил работника, реализацию его базовых, жизненных потребностей. Без этого никакое нематериальное стимулирование не поможет эффективно побуждать работника работать качественнее и эффективнее.

В завершении статьи интерес представляет проведенный сравнительный анализ использования материальных и нематериальных форм стимулирования труда на предприятии АО «АВТОВАЗ» и данных, отраженных в исследованиях проведенных компанией Naus.

Как показал сравнительный анализ на предприятии АО «АВТОВАЗ» применяется самый широкий спектр современных форм материального и немате-

риального стимулирования труда. Активно используются значимое денежное вознаграждение, бонусы за выполнение производственных задач, медицинское страхование и т.п. Бонусами служат премии и грамоты, компенсация питания - оплата 75% стоимости обеда, путевки для детей в оздоровительные лагеря «Электроник-Дубрава» и т.п. Формой стимулирования повышения профессиональной подготовки являются различные курсы повышения квалификации в г. Москве. Как и в исследованиях зарубежной компании на предприятии волжского АО есть возможность карьерного роста, в штат привлекается компетентный управленческий состав, поддерживается открытая и дружелюбная корпоративная культура: проводятся празднование Нового года, отмечаются дни рождений сотрудников, проводятся дни открытых дверей для детей и т.п. Создается благоустроенное офисное пространство, проводятся мероприятия по повышению авторитета и известности бренда АО «АВТОВАЗ» на рынке и многое другое. Единственной формой, которая не используется, является возможность приходить на работу с домашними питомцами.

Выводы.

Анализ особенностей использования материальных и нематериальных форм стимулирования труда персонала в АО «АВТОВАЗ» показывает, что рост оплаты труда в АО «АВТОВАЗ» зависит от выполнения показателей и величины прожиточного минимума по Самарской области. Всем сотрудникам предусмотрены премии за результаты деятельности. Гарантируются выплаты социального характера (социальные гарантии женщинам-матерям, страхование и т.д.). На предприятии активно реализуются разные формы нематериального стимулирования (организационное, моральное, творческое стимулирование обучением и корпоративная культура).

⁶⁹Газета «Вечерняя Москва». 17.11.2013. URL: <http://vm.ru/news/2013/11/17/optimalnij-srok-raboti-na-odnom-meste-ot-treh-do-pyati-let-223019.html>

Для совершенствования системы материального и нематериального стимулирования труда необходимо внедрять новые методы: право в участии распределении прибыли, активное использование обучения персонала на рабочем месте, шире привлекать персонал для принятия управленческих решений и т.д. Мы полагаем, что полученные в ходе исследования результаты могут быть полезны руководителям предприятия АО «АВТОВАЗ», а также важны для совершенствования социальной практики применения методов материального и нематериального стимулирования персонала производственных предприятий аналогичного профиля по стране в целом.

Литература

1. Гораева Т.Ю., Шамина Л.К. Атрибутивные признаки высокотехнологичных предприятий [Электронный ресурс] // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/atributivnye-priznaki-vysokotekhnologichnyh-predpriyatij>
2. Губарев Р.В. Анализ современных теорий мотивации и стимулирования труда [Электронный ресурс] // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: экономика. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-teoriy-motivatsii-i-stimulirovaniya-truda>
3. Зайцев А.В. Особенности функционирования высокотехнологичного предприятия в инновационной экономике [Электронный ресурс] // Вопросы инновационной экономики. 2014. - №1. С.21-35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-funktsionirovaniya-vysokotekhnologichnogo-predpriyatija-v-innovatsionnoy-ekonomike>
4. Ильин И. Нематериальное стимулирование труда как инструмент управления персоналом. [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://www.el-history.ru/node/1230>
5. Ильин А.Е., Ильинова О.В. Экономическая сущность и элементы материального стимулирования труда [Электронный ресурс] // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. С.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekonomicheskaya-suschnost-i-elementy-sistemy-materialnogo-stimulirovaniya-truda>
6. Ильинова О.В. Социальный пакет как инструмент материального стимулирования [Электронный ресурс] // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnyy-paket-kak-instrument-materialnogo-stimulirovaniya>
7. Исследование Hays: результаты исследования мотивации и удовлетворенности работой профессионалов в России – Motivation&Job Satisfaction Report. 20 июня 2018. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fhr-elearning.ru%2Fissledovanie-hays-rezultaty-issledovaniya-motivatsii_2018%2F (дата обращения 15.03.2020).
8. Мандражи З.Р., Асанова З.С. Основные направления совершенствования системы нематериального стимулирования персонала [Электронный ресурс] // Творческий научный обозреватель. 2016. - №2(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-napravleniya-sovershenstvovaniya-sistemy-nematerialnogo-stimulirovaniya-personala>
9. Сычев А.А., Комолова О.О. Управление инновационным развитием высокотехнологичных предприятий [Электронный ресурс] // Вестник университета. 2013. №21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-innovatsionnym-razvitiem-vysokotekhnologichnyh-predpriyatij>
10. Дорофеева Л.И. Основы теории управления: УМК для студентов, обучающихся по направлению «Управление персоналом» для подготовки бакалавров. - Саратов. 2015. - с.179.
11. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. - М.: Инфра-М. [Электронный ресурс], 2014. 448с. URL: <http://econom-lib.ru/4.php>

12. Чекмарев О.П. Мотивация и стимулирование труда: учебно-методическое пособие. - СПб., 2013. 343с.

13. Годовой отчет ПАО «АВТОВАЗ». - 2016. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>

14. Коллективный договор публичного акционерного общества «АВТОВАЗ» на 2017-2019гг. - Тольятти.

15. Официальный сайт LADA. Пресс-релизы. АВТОВАЗ готовится отметить свое 50-летие. URL: <http://www.lada.ru/press-releases/111543.html>

16. Руководство по системе менеджмента АО «АВТОВАЗ». Редакция №1. 2018.

17. Газета «Вести профсоюза». Спецвыпуск. 17.11.2017.

18. Газета «Вечерняя Москва». 17.11.2013. URL: <http://vm.ru/news/2013/11/17/optimalnij-srok-raboti-na-odnom-meste-ot-treh-dopyati-let-223019.html>

19. Газета «Волжский автостроитель». Спецвыпуск. 22.02.2017.

20. Газета «Волжский автостроитель». 10.10.2017.

21. Газета «Волжский автостроитель». Спецвыпуск. 2018.

Material and non-material forms of incentives for the staff in high-tech enterprises: a case study of JSC «AVTOVAZ»
Oseev A.A., Rudakova A.S.

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article is devoted to the study and description of the social practice of using material and non-material forms of incentives for the staff in high-tech enterprises. The results of a comparative analysis of the use of forms of labor stimulation at JSC «AVTOVAZ» and the data of the Hays International Recruiting Company on the use material and non-material forms of incentives for the staff at enterprises and organizations in Russia are presented.

Keywords: material and non-material forms of incentives, high-tech enterprise, organization staff

References

1. Goraeva T.Yu., Shamina L.K. Attributive attributes of high-tech enterprises [Electronic resource] // Scientific journal NRU ITMO.

Series "Economics and Environmental Management". 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/atributivnye-priznaki-vysokotekhnologichnyh-predpriyatij>

2. Gubarev R.V. Analysis of modern theories of motivation and stimulation of labor [Electronic resource] // Bulletin of Ural State Technical University. Science, education, economics. Series: economics. 2014. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-sovremennyh-teoriy-motivatsii-i-stimulirovaniya-truda>
3. Zaitsev A.V. Features of the functioning of a high-tech enterprise in an innovative economy [Electronic resource] // Issues of an innovative economy. 2014. - No. 1. S.21-35. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-funktsionirovaniya-vysokotekhnologichnogo-predpriyatiya-v-innovatsionnoy-ekonomike>
4. Ilyin I. Non-material labor stimulation as a tool for personnel management. [Electronic resource]. 2012. URL: <http://www.el-history.ru/node/1230>
5. Ilyin A.E., Ilyinova O.V. Economic essence and elements of material labor stimulation [Electronic resource] // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2013.P.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/ekonomicheskaya-suschnost-i-elementy-sistemy-materialnogo-stimulirovaniya-truda>
6. Ilyinova O.V. Social package as a tool for material incentives [Electronic resource] // Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialnyy-paket-kak-instrument-materialnogo-stimulirovaniya>
7. Hays study: the results of a study of motivation and job satisfaction of professionals in Russia - Motivation & Job Satisfaction Report. June 20, 2018. URL: https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Fhr-elearning.ru%2Fissledovanie-hays-rezultaty_issledovaniya_motivatsii_2018%2F (accessed 15.03.2020).
8. Mandrazhi Z.R., Asanova Z.S. The main directions of improving the system of non-material incentives for personnel [Electronic resource] // Creative Scientific Reviewer. 2016. - No. 2 (7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/osnovnye-napravleniya-sovershenstvaniya-sistemy-nematerialnogo-stimulirovaniya-personala>
9. Sychev A.A., Komolova O.O. Management of innovative development of high-tech enterprises [Electronic resource] // University Bulletin. 2013. No. 21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/management-of-innovative-development-of-high-tech-enterprises>

- leninka.ru/article/n/upravlenie-innovatsionnym-razvitiem-vysokotekhnologichnyh-predpriyatij
10. Dorofeeva L.I. Fundamentals of management theory: teaching materials for students studying in the field of "Personnel Management" for the preparation of bachelors. - Saratov. 2015. -- p. 179.
 11. Kibanov A.Ya. Personnel management of the organization. - M.: Infra-M. [Electronic resource], 2014. 448 s. URL: <http://economlib.ru/4.php>
 12. Chekmarev O.P. Motivation and stimulation of labor: a training manual. - SPb., 2013. 343 s.
 13. Annual report of PJSC AvtoVAZ. - 2016. URL: <http://info.avtovaz.ru/index.php?id=186>
 14. The collective agreement of the public joint-stock company "AvtoVAZ" for 2017-2019. - Tolyatti.
 15. Official site of LADA. Press Releases AvtoVAZ is preparing to celebrate its 50th anniversary. URL: <http://www.lada.ru/press-releases/111543.html>
 16. Manual on the management system of AvtoVAZ JSC. Edition number 1. 2018.
 17. The newspaper "News of the union." Special issue. 11/17/2017.
 18. The newspaper "Evening Moscow". 11/17/2013. URL: <http://vm.ru/news/2013/11/17/optimalnij-srok-raboti-na-odnom-meste-ot-treh-do-pyati-let-223019.html>
 19. The newspaper "Volga Automobile Builder." Special issue. 02.22.2017.
 20. The newspaper "Volga Automobile Builder." 10/10/2017.
 21. The newspaper "Volga Automobile Builder." Special issue. 2018.

Анализ корпоративных норм регулирования человеческого капитала нефтяных компаний

Пружинин Александр Николаевич
преподаватель кафедры государственное и муниципальное управление Института социальных наук Иркутского государственного университета, alex.pruzhin@gmail.com

В работе анализируется опыт нефтяных компаний в реализации закрепленных корпоративных норм по развитию человеческих ресурсов. Полученные знания, позволяют предложить рекомендации меньшему по масштабу бизнесу по воспроизводству человеческого капитала, вместе с этим в подробно рассматривается путь развития корпоративных норм нефтяных компаний, относительно развития человеческих ресурсов.

Ключевые слова: человеческий капитал, инвестиции, нефтяная отрасль, корпоративная социальная ответственность.

Воспроизводство человеческого капитала необходимо России для перехода к инновационной экономике. В послании Президента Федеральному Собранию говорится о необходимости создания новой экономики, основанной на инновационном капитале, интеллектуализации труда и новых технологиях управления.

Человеческий капитал имеет разную структуру и функции в зависимости от уровня воспроизводства. Если в структуре регионального человеческого капитала выделяют в первую очередь социальный капитал промышленных и образовательных компаний, а также бренд-капитал самого региона, то для крупных промышленных компаний на первые позиции выходит структурный и организационный капиталы. Всё это составляющие человеческого капитала. Ключевым тезисом которого служит тезис Г.Беккера: инвестиции в человека окупаются и приносят прибыль. Следовательно, нужно знать, как и сколько инвестировать. Актуальность перехода стран к инновационной экономике подталкивает руководства стран к непростому решению: переходу от финансирования социальной сферы по остаточному принципу, к планированию инвестиций в человека и прогнозу экономического прироста ВВП.

Сегодня для стран Европы уже доказан тезис: инвестиции в социальную сферу вызывают резкий прирост ВВП. Инвестирует не только государство, но и бизнес. Первые для создания устойчивой экономики страны, вторые для развития своих экономических перспектив. Единые интересы частных инвесторов и

руководства стран обязывают к созданию новых механизмов социальной ответственности компаний.

Исследование социальной ответственности зарубежных нефтегазовых компаний, анализ зарубежного опыта воспроизводства человеческого капитала, может помочь России совершенствовать свои методики в управлении человеческими ресурсами.

Период транзитивной экономики всегда сопровождается серьезными трансформациями в правовом поле той страны, которая переживает подобный этап, для России особо актуальным становится регулирование воспроизводства человеческого капитала с помощью законодательных актов. Создание такой правовой основы может быть определено единолично государством, когда аппарат государственной власти самостоятельно предписывает ограничения, требования и дозволения в области политики развития своих человеческих ресурсов бизнеса и его ответственности перед ними. Либо учитывая стихийно сложившуюся практику бизнеса в развитии своего персонала, переводя в качество закона. Какой путь будет выбран – открытый вопрос. Целесообразно в рамках данной статьи рассмотреть опыт российских нефтяных компаний в нормативно правовом регулировании воспроизводства человеческого капитала, поскольку именно эти компании, обладая высоким экономическим ресурсом и переживая кадровый голод, смогли реализовать максимально разнообразную политику воспроизводства человеческого капитала [1].

Подобный анализ будет интересен представителям меньшего по масштабам бизнеса, как рекомендации в которых будет виден экономический и социальный эффект за определённый промежуток времени от инвестиций в свои человеческие ресурсы, применение опыта нефтяных компаний может помочь избежать пустых инвестиций, оценить срок окупаемости вложений и определить удобные механизмы инвестирования, иными словами с помощью

чего необходимо это делать: корпоративного обучения, договоренности с образовательными организациями, приглашением спикеров, либо обновления оборудования, расчета заработной платы и т.д. Для академических кругов, как основа для дальнейших исследований.

Изучение существующей практики и проведение междисциплинарных научных исследований могут стать надёжной опорой в развитии механизмов развития человеческих ресурсов российского бизнеса, а также повлиять на разработку законов, регулирующих воспроизводство человеческого капитала. Основой нашего исследования являются корпоративные отчеты нефтяных компаний ПАО «НК «Роснефть» и ПАО «Газпром нефть».

Начиная с 2000 по 2005 годы в структуре корпоративных отчетов компании Роснефть не показана, ни корпоративная, ни социальная ответственность компании, в том числе не отражаются и расходы на экологическую и промышленную безопасность, технологические инновации и устойчивое развитие в целом. Соответственно на данном этапе сотрудники не выделяются, как основная ценность компании, её основной ресурс развития и не создается необходимой инфраструктуры для инвестирования в людей, начиная от организации досуга и отдыха сотрудников, заканчивая организацией корпоративного образования.

С 2006 года в отчетах появляются новые разделы: наука и инновации, устойчивое развитие. Раздел наука и инновации раскрывает структуру корпоративного научно-производственного комплекса (КНПК), а также результаты его работы. В структуру КНПК входит четыре отраслевых научно-исследовательскую института в разных регионах России. В самом комплексе занято 1500 сотрудников, в том числе 90 кандидатов и 12 докторов наук. Основная цель КНПК обеспечение системами новых технологий добычи углеводородов. Ос-

новые направления проведения исследований: удаленное управление бурением, горизонтальное бурение, автоадаптация насосов и т.д. Вместе с этим прописана и система управления знаниями, включающая планирование исследований, распределение знаний, а также обмен знаниями и их хранение. Отмечается проведение курсов повышения ключевых компетенций сотрудников в области добычи нефти.

В разделе устойчивого развития нам интересны несколько подпунктов, в первую очередь – это персонал, в нем описана практика сотрудничества компании «Роснефть» с вузами и школами для отбора лучших выпускников с целью приглашения их работать в компании. Следом идет описание обучения и развития персонала, которое заключалось в организации тренингов внутри компании, а также сотрудничества с зарубежными и отечественными вузами, одно из основных направлений – это стратегический менеджмент. Исходя из этих отчетов обучение необходимо для повышения мотивации сотрудника работать в компании, профессионального роста и использования потенциала работников в полную силу. В подпункте охраны здоровья, труда и защиты окружающей среды прописано в первую очередь соответствие промышленного оборудования международным стандартам качества и безопасности, таких как ISO 14000 и OHSAS 18000, а также ряд мероприятий по снижению уровня производственного травматизма, и снижению выбросов загрязняющих веществ. Более детально расписаны показатели социальных программ и благотворительности, подобные программы включают в себя:

- обеспечение жильем;
- создание оптимальных условий труда;
- охрану здоровья;
- поддержку здорового образа жизни;
- негосударственное пенсионное обеспечение;

- содержание социальной инфраструктуры;
- благотворительность;
- Участие в экономическом развитии регионов.

Подобный скачок в развитии корпоративной социальной ответственности неслучаен – он был необходим для возможности торговли на международном рынке, поскольку в требованиях иностранных инвесторов, покупателей есть пункт сотрудничества только с компаниями, ведущих корпоративную социальную ответственность (КСО), поскольку это гарантия технологической и экологической безопасности поставщика, значит соблюдение сроков поставки товара и положительный имидж, КСО также должно быть закреплено в документах компании, которым и является корпоративный отчет. В отчетах также не отражается, ни экономический, ни социальный эффект от инвестиций обучения сотрудников и технологическое обновление оборудования в полном масштабе, исключение составляют новые технические возможности промышленного оборудования и увеличенные показатели добычи углеводородов, иными словами нефтяная компания достигла своей цели – вышла на уровень международного рынка, но не смогла посчитать экономический эффект от инвестиций в человеческие ресурсы.

У компании «Газпром-нефть» за период с 2000 по 2005 гг. ситуация похожая, социальная ответственность также резко появляется с 2006 г. Прописаны суммы инвестирования в социальную ответственность перед регионами присутствия, сохранение экологии, а также отмечен рост дополнительных выплат сотрудникам и т.д. Сотрудники компании «газпром-нефть» также проходят дополнительное обучение, как внутри компании, так и за её пределами в стенах профильных образовательных учреждений. И при этом, всё тот же минус: не представлен экономический эффект от подобных инвестиций [3,4].

Вместе с этим на данном этапе сложились корпоративные нормы в отношении развития своих человеческих ресурсов, компании регламентировали наличие дополнительного образования получаемого, либо в стенах компании, либо профильных образовательных учреждений, регламентировано сотрудничество со школами, развитие промышленной и трудовой безопасности, введены социальные программы, которые распространяются как на самих сотрудников, так и граждан РФ. Но это было только отправной точкой, как в развитии своей практики воспроизводства человеческого капитала, так и последующей регламентации.

Уже обозначенные практики в период с 2006-2017 г. получают количественно-качественное развитие, которое заключается в основном в развитии оценки социального или экономического эффекта от инвестиций, иными словами практика воспроизводства человеческого капитала переходит в разряд реальной опоры, которая имеет

свои подтвержденные результаты, оформленные в виде принципов социальной ответственности.

Роснефть расширила взаимодействие с школами (см. рис. 1) Школьники теперь проходят не только углубленные программы обучения, которые помогают им поступить в профильные вузы. Для лучших выпускников возможно целевое обучение, дополнительные материальные поощрения. Взаимодействие Роснефти с вузами напрямую связано в первую очередь с формированием кадрового резерва, например, в 2017 году 6 тыс. студентов прошли практику и из них 1437 выпускников устроились на работу в компании. Во-вторых, обеспечением сотрудников актуальными знаниями, подготовки собственных тренеров и специалистов. Это сотрудничество выгодно и для образовательных учреждений – повышается уровень трудоустройства выпускников вуза, и расширяется его материально-техническое оснащение.

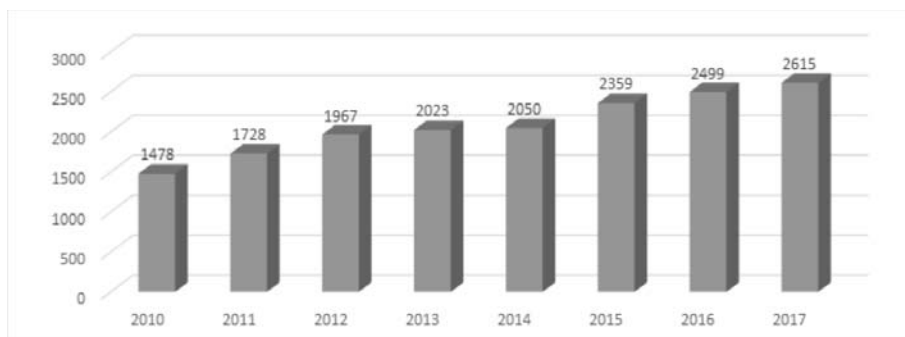

Рисунок 1. Динамика численности выпускников роснефть-классов (тыс. чел)

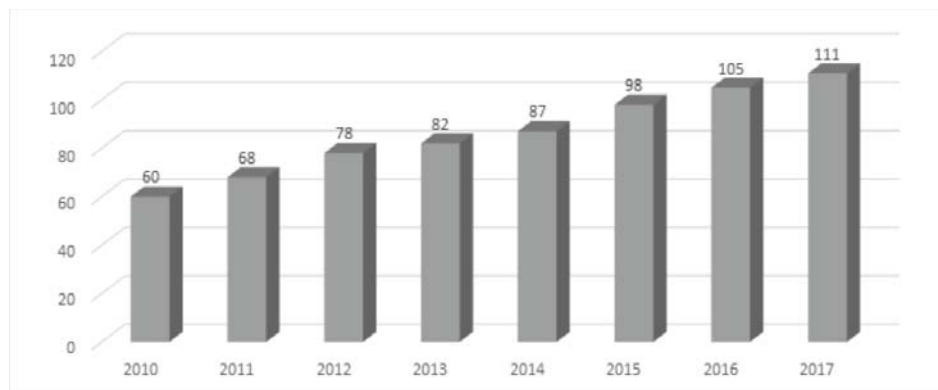

Рисунок 2. Количество Роснефть-классов

В 2010 году Роснефть сотрудничала с 10 российскими вузами, в 2017 году это число выросло до 27. Этим выражается интерес компании к инновационным разработкам, если раньше упор делался, в основном, на технологиях разведки и добычи углеводородов, то сегодня в область интересов входит исследование для арктического шельфа, промышленной безопасности и окружающей среды, обновления. Взаимодействие корпораций с образовательными учреждениями положительно сказывается, как на нефтяных компаниях, так и на вузах. Относительно компании Роснефть можно сказать, что практика корпоративного университета выросла из управления научно-технического развития, которое впервые упоминается в 2007 году. [2, 5] Цели этого управления состояли в проведении исследований нефтехимических процессов и т.п., но не развития (обучения) персонала. Впоследствии к 2012 г. корпоративный университет Роснефти к обеспечивал компанию на 51% необходимыми курсами подготовки, переподготовки и обучения персонала (135,9 тыс. человеко-курсов), значительно расширилось количество направлений научных исследований и средств, выделяемых на НИОКР (научно-технические и опытно-конструкторские работы). К 2016 г. эта отметка поднялась до 60%, в 2017 г. образовательная сеть компании включала в себя

60 учебных центров, было проведено 533,3 тыс. человеко-курсов, обучено 14 тыс. сотрудников, 13 тыс. прошли квалификационную аттестацию.

Практика корпоративного университета (основан в 2016 г.) компании Газпром-нефть отличается в первую очередь структурой самого университета, включающую 10 кафедр и 5 факультетов, деятельность которых контролирует отдельный регламент. Его исключительной особенностью является цифровая экосистема, которая помогает контролировать производственные и управленческие процессы – от добычи углеводородов до распространения знаний, одно из перспективных направлений разработок – это создание вычислительных комплексов, для помощи инженерам. На 2017 г. курсы университета компании прошли 80% сотрудников. Важно отметить, что в обеих компаниях практика обучения сотрудников существовала ещё до официального создания корпоративного университета. Объем обученных сотрудников Газпром-нефть постоянно растет (см. таблицу 1), как и объем времени обучения и количество курсов обучения также увеличивается. Предпочтение в обучении отдается специалистам и руководящему составу, большую часть обучения занимает промышленная безопасность и охрана труда, однако нужно отметить, что рост ответственности компании в

области экологии вводит новые требования к оборудованию, технологиям – соответственно обновляются и правила безопасности, управления для сотрудников, иными словами это количество часов может не носить большого объема новых знаний, оно является дополнением к существующим требованиям. Но вот курсы переобучения вполне могут вносить в управленческую практику значительные изменения, поскольку, как уже было отмечено выше, сегодня нефтяные компании заинтересованы в новых емких процессах управления и развития, что может делать эти курсы значимее, чем курсы безопасности труда [6, 7]. Тем не менее, чтобы утверждать это наверняка нам бы потребовалось изучить содержание этих программ, сравнить их новые элементы от-

носительно аналогичных предшествующих программ и оценить их экономическую значимость, а также отношение персонала к этим новшествам: что изменилось с нововведениями - каких усилий стоило перестроиться к ним, положительно ли сказались на процессах работы, как изменилось количество затраченного времени на изменившийся процесс и т.п. поскольку, помимо экономических выгод и интересов компании, переобучение сотрудников должно обеспечивать качественные изменения их отношения, взгляда, на обыденные, но трансформирующиеся или новые управленческие процессы. Изучение данного вопроса заслуживает отдельного исследования. управленческих практик.

Таблица 1
Статистика обучения персонала Газпром-нефть (2013-2017 гг.)

Показатели	2013	2014	2015	2016	2017
Всего прошло обучение	42 094	50 939	50 395	52 582	55 891
В том числе:					
Руководители и специалисты:	25 177	27 381	32 904	33 491	33 840
Рабочие	16 917	23 558	17 491	19 091	22 051
По видам обучения:					
Повышение квалификации	11 035	16 940	20 861	22 269	23 639
Обучение в соответствии с требованиями охраны труда, промышленной безопасности	31 059	33 999	29 534	30 313	32 252
Общая продолжительность обучения (часов)	1 651 514	2 054 092	1 927 478	2 289 437	2 930 760
Руководители и специалисты	805 664	876 192	1 052 928	1 145 836	1 404 960
Рабочие	845 850	1 177 900	874 550	1 143 601	1 525 800

Для оценки деятельности обоих образовательных комплексов возьмем во внимание количество объектов интеллектуальной собственности – заявки на патенты на ключевые технические и другие решения в области интересов компании (см. рисунок 3). За указанный период совокупное количество заявок на патенты у Роснефти 303, у Газпрома 178.

Вместе с этим будет правильным рассмотреть количество ресурсов, инвестируемых в НИОКР и экономический эффект от научных разработок (см. таблицу 2). И здесь мы увидим, что экономический эффект от внедрения инноваций не отражается в отчетах компании, возможно, это не является обязательным пунктом к отчетности компаний,

если же полномасштабная оценка эффективности инвестиции не ведется, компании рискуют потерять значительное количество ресурсов, не улучшая практику вложений. Можно только констатировать, что объем инвестиций будет продолжать расти. За период 2010-2017 гг. Роснефть выделила на НИОКР 163,8 млрд руб, Газпром-нефть 95,8 млрд руб. Относительно экономиче-

ского эффекта стоит заметить следующее: в отчетах компаний не отражено сокращали ли время инновации на производственные или управленческие процессы. Во-вторых, затраты на разработку и внедрение – единоразовые, а экономическая эффективность инновации сохраняется на последующие года, поэтому в долгосрочной перспективе подобная стратегия выгодна [8].

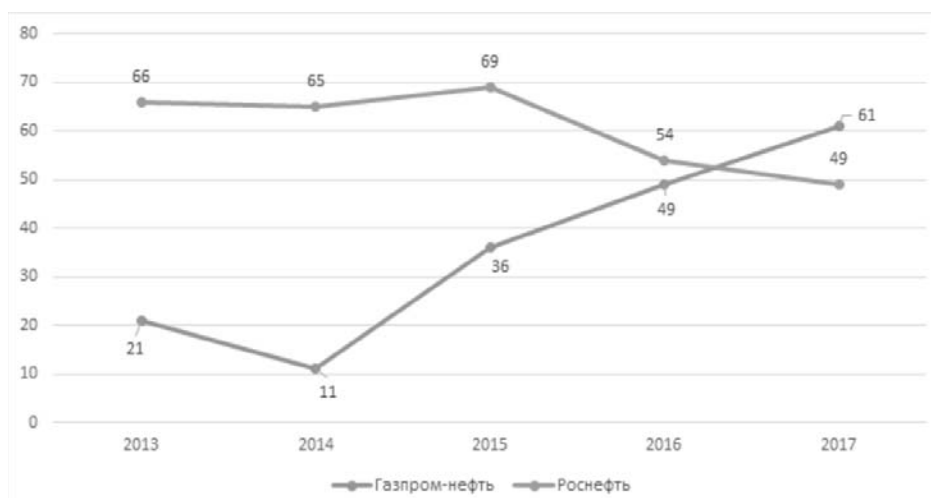

Рисунок 3. Динамика количества объектов интеллектуальной собственности компаний Газпром-нефть и Роснефть

Таблица 2
Финансовые инвестиции в НИОКР (2010-2017 гг.)

2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Инвестиции в НИОКР Роснефть (млрд. руб)							
29,9	20	36	33,2	23,2	9,9	8,6	3,0
Экономический эффект (млрд. руб):							
16,7	4,7	2,5	1,8	4	2,2	1,8	2,2
Инвестиции в НИОКР Газпром-нефть (млрд. руб)							
16,2	29	9,9	10,8	6,8	7,7	8,3	7,1
Экономический эффект (млрд. руб):							
29	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

Из представленных выше результатов анализа можно сделать вывод: чтобы инвестирование проходило максимально эффективным путем необходимо представлять какие компетенции нам потребуются в будущем и с помощью какого образовательного ресурса

возможно это получить (тренинги, повышение квалификации) и вместе с этим: какой срок окупаемости инвестиций. Без этих инструментов невозможно отследить экономический эффект от инвестирования в человеческие ресурсы и принять необходимые меры. Также, пустая

социальная ответственность, направленная на бренд компании, а не развитие своих человеческих ресурсов может сыграть в ущерб самому бренду. Вместе с этим существующие корпоративные нормы необходимо закреплять в локальных нормативно-правовых документах, поскольку это делает нормы регулярными и с накоплением опыта становится известна формула эффективного инвестирования.

Переход России к инновационной экономике требует новых управленческих решений. Гарантией перехода к экономике знаний становятся модели эффективного воспроизводства человеческого капитала. Информационное общество создается в первую очередь через общую стратегию развития человека государством и бизнесом. Государству в первую очередь необходимо начать инвестировать в социальную сферу: образование, здравоохранение, наука не по остаточному принципу, а в реализации полномасштабных инвестиций в виде комплексных государственных программ развития человеческого капитала. Главным инструментом бизнеса в развитии человеческого капитала является его социальная ответственность. Следовательно, должны существовать принципы эффективного инвестирования в воспроизводство человеческого капитала предприятий.

Литература

1. Брукинг Э. Интеллектуальный капитал: Ключ к успеху в новом тысячелетии / пер. с англ. Н. Мишакова. СПб. Питер, 2001.
2. Годовые отчеты ПАО «НК «Роснефть» // Сайт компании Роснефть [Электронный ресурс] URL: <https://cuu.su/kA8> (дата обращения: 22.04.20)
3. Грузков И.В. Теоретические аспекты оценки социально-экономической эффективности образования / рук. авт. Коллектива В.Н. Грузков. Ставрополь : Сервисшкола, 2003.
4. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. 2001. №3. С.49-55.
5. Пожарницкая О.В. Опыт российских нефтяных компаний в реализации корпоративной социальной ответственности // *Экономика и предпринимательство*. 2014. № 11-2 (52) С. 546-551.
6. Полюшкевич О.А. Корпоративная солидарность университета // *Alma mater*. 2016. № 12. С. 68-72.
7. Сайт компании Газпром-нефть [Электронный ресурс] URL: <https://cuu.su/kBh/> (дата обращения: 08.06.2019)
8. Сорокина Т.В. Непрерывная подготовка педагога профессионального обучения в корпоративном университете: дисс..д-р пед. наук. М.,2007.

Analysis of corporate standards for the regulation of human capital of oil companies Pruzhinin A.N.

Irkutsk State University

The paper analyzes the experience of oil companies in the implementation of fixed corporate standards for the development of human resources. The knowledge gained allows us to offer recommendations to a smaller-scale business on the reproduction of human capital, along with this, the path to the development of corporate standards of oil companies in relation to the development of human resources is examined in detail.

Key words: human capital, investments, oil industry, corporate social responsibility.

References

1. Brooking E. Intellectual capital: The key to success in the new millennium / trans. from English N. Mishakova. SPb. Peter, 2001.
2. Annual reports of Rosneft PJSC // Rosneft website [Electronic resource] URL: <https://cuu.su/kA8> (accessed date: 04/22/20)
3. Gruzkov I.V. Theoretical aspects of assessing the socio-economic effectiveness of education / hands. author Collective V.N. Gruzkov. Stavropol: Service School, 2003.
4. Coleman J. Social and human capital // *Social sciences and modernity*. 2001. No3. S.49-55.
5. Pozharnitskaya OV Experience of Russian oil companies in the implementation of corporate social responsibility // *Economics and Entrepreneurship*. 2014. No. 11-2 (52) S. 546-551.
6. Polyushkevich O.A. University Corporate Solidarity // *Alma mater*. 2016.No. 12.P. 68-72.
7. Gazprom Neft company website [Electronic resource] URL: <https://cuu.su/kBh/> (accessed date: 06/08/2019)
8. Sorokina T.V. Continuous training of a vocational education teacher at a corporate university: diss .. Dr. ped. sciences. M., 2007.

Анализ факторов, усиливающих развитие урбанизации в Китае

Чжан Цзе

аспирант кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, galya66888@mail.ru

В статье рассмотрены теоретические основы международной конкурентоспособности городов, как наиболее влиятельного фактора усиления урбанизации. Исследованы основные методологические основы современных моделей устойчивого конкурентоспособного развития стран. Проведен бенчмаркинг устойчивой конкурентоспособности городов и провинций КНР и проанализированы современные приоритеты сбалансированного развития КНР. Выявлены характер и масштабы урбанизационных процессов на территории Китая. На основе качественных показателей анализируется сбалансированная конкурентоспособность городов КНР и развитие умных городов в провинциях Китая, как наиболее влиятельных факторов усиления урбанизации. Исследованы принципы правительственного влияния на рост устойчивой конкурентоспособности мегаполисов Китая.

Ключевые слова: урбанизация, конкурентоспособность городов, Китай, сбалансированное развитие, конкурентные преимущества, конкурентный статус, мегаполис, «умный» город.

Обострение конкурентной борьбы в условиях развертывания четвертой промышленной революции обусловило неравномерность экономического и социального развития не только отдельных стран, но и регионов и городов. В этих условиях формирование и реализация эффективных конкурентных стратегий мегаполисов ради обеспечения высокого конкурентного статуса государств является приоритетной задачей в международной политике всех развитых стран мира. Конкурентная среда стран и ее мегаполисов обуславливают соответственно и конкурентные преимущества субъектов хозяйствования, качество жизни граждан и их безопасность. Тем не менее, очевидным и то, что конкурентоспособность страны напрямую зависит от структуры и эффективности функционирования ее городов и регионов, что имеет быть системно отражены в государственных программах и стратегиях по наращивание конкурентных преимуществ в мировом хозяйстве.

Среди научных трудов, в которых исследуются теоретические основы конкурентоспособности стран и городов, а также направления обеспечения их устойчивого развития необходимо выделить исследования таких зарубежных ученых, как: Т. Бертон⁷⁰, Т. Битли⁷¹, У. Саттертвайт⁷², Н. Пенгфей⁷³. Самыми

⁷⁰ Burton E. Achieving Sustainable Urban Forms / E. Burton, M. Jenks, K. Williams. Abingdon, UK and New York, Routledge, 2013. 388 p.

⁷¹ Beatley T. The sustainable urban development / T. Beatley, S. Wheeler. London and New York: Routledge, 2004. 348 p.

⁷² Satterthwaite W. Separating Intrinsic and Environmental Contributions to Growth and Their Population Consequences / W. Satterthwaite, P. B. Michael, B. M. Stephan. New York: Routledge, 2013. 95 p.

⁷³ Pengfei N. Wang Y. Urban sustainable competitiveness: a comparative analysis of 500 cities around the world / Handbook of Regions and Competitiveness Contemporary Theories and Perspectives on Economic Development, 2017. 592 p.

значимыми исследованиями международной конкуренции и теории конкурентных преимуществ стран, факторов, определяющих конкурентоспособность на микро- и мезоуровне были сделаны американским ученым М. Портером. Устойчивое развитие городов исследовали такие зарубежные ученые, как П. Эйч, Х. Андерсен¹, Е. Бертон, Т. Бетли, М. Брехени², С. Уилер и У. Саттервейт и много других. Исследования конкурентоспособности городов и мегаполисов было освещено в работах Л. Бадда³, И. Бегга⁴, Р. Камагни⁵, К. Керна, Н. Клифтона⁶, А. Робертса⁷, П. Томпсона⁸, И. Турока⁹ и многих других.

Вместе с тем, многие аспекты данной научной проблемы остается недостаточно раскрытыми и обоснованными. Нуждаются в дальнейшем исследовании теоретико-методологические основы феномена сбалансированной конкурентоспособности стран и мегаполисов в глобальной среде, как наиболее влиятельного фактора усиления урбанизации. Для разработки эффективных стратегий сбалансированного развития стран также является достаточно важным опыт стран, что за небольшой временной лаг достигли значительных конкурентных преимуществ, а в других и конкурентного лидерства.

На сегодняшний день Китай имеет одну из самых конкурентных экономик мира, национальная модель развития КНР на период до 2020 года изложена в долгосрочных стратегических документах развития, что позволят использовать потенциал китайской экономики и

глобальные ресурсы, преодолеть те угрозы, которые сдерживают экономический рост из-за, во-первых, введения земельных, финансовых и трудовых реформ для повышения конкурентоспособности экономики; во-вторых, формирования национальной инновационной системы, интегрированной в глобальную, в-третьих, обеспечение социальной защиты населения путем содействия предоставления равного доступа к рабочим местам, финансов, качественных социальных услуг и социального страхования и, в-четвертых, обеспечение устойчивого сбалансированного развития с использованием зеленых технологий и использование рыночных стимулов, правил, государственных инвестиции, промышленной политики, повышая эффективность использования энергетических ресурсов и защита окружающей среды.

Эти стратегические пути можно обобщить в такие основные группы, как индустриализация, интеллектуализация, диджитализация, модернизация сельского хозяйства и урбанизация.

Эксперты швейцарско-корейской консалтинговой компании SolAbility опубликовали рейтинг Индекса Глобальной устойчивой конкурентоспособности (Global Sustainable Competitiveness Index»), в котором различные страны мира сравниваются по уровню развития и устойчивости экономик. Рейтинг охватывает 180 стран мира и был составлен с учетом всех параметров сбалансированного роста – эффективность управления страной,

¹ Ache P. Cities between competitiveness and cohesion: discourses, realities and implementation – introduction / P. Ache, H. Andersen. Berlin: Germany: Springer, 2008. 6 p.

² Breheny M. Sustainable Development and Urban Form / M. Breheny. – London: UK: Pion, 1992. 31 p.

³ Budd L. Conceptual framework for regional competitiveness / L. Budd, A. Himis. New York: Regional Studies, 2004. 38 (9). 7 p.

⁴ Begg I. Cities and competitiveness / I. Begg. – New York: Urban Studies, 1999. 14 p. 36 (5-6).

⁵ Camagni R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? New York: Urban Studies, 2002. 39 (13). 16 p.

⁶ Clifton N. Competitiveness, creativity, and place-based development / N. Clifton, R. Huggins. – Washington: Environment and Planning A, 2011. 43 (6). 19 p.

⁷ Roberts A. Competitive cities and climate change / A. Roberts, L. KamalChaoui. – OECD Regional Working Papers, 2009. (02). 172 p.

⁸ Thompson W. Effects of Urban Green Space on Environmental Health, Equity and Resilience, Nature-Based Solutions to Climate Change Adaptation in Urban Areas: Linkages between Science, Policy and Practice. / W. Thompson, M. Martuzzi. Switzerland: SpringerOpen, 2017. 18 p.

⁹ Turok I. Competitive cities: introduction to the review / I. Turok, W. Lever. New York: Urban Studies, 1999. 4 p. 36 (5).

интеллектуальный капитал, социальный капитал, ресурсный менеджмент, доступность природного капитала. Индекс глобальной сбалансированной конкурентоспособности оценивает текущую и будущую способность стран создавать и поддерживать финансовые и нефинансовые доходы и богатства для своего населения. Специалисты различных международных организаций сходятся на общей точке зрения относительно сбалансированной конкурентоспособности как способности страны удовлетворять основные потребности нынешних поколений, сохраняя или увеличивая национальные и индивидуальные богатства в будущем, не истощая свой природный, интеллектуальный и социальный капитал. Сбалансированная конкурентоспособность стран и ме-

гаполисов – это содействие правительствам стран наиболее эффективному использованию ресурсов, развития экологической и социальной составляющей (рис. 1).

Первые места в рейтинге занимают четыре скандинавские страны – Швеция (60,5 балла), Норвегия (58,2), Исландия (57,4) Финляндия (57,8) и Дания (57,2). В первую десятку вошли также Ирландия, Швейцария, Австрия, Латвия, Эстония. На последних местах расположились Йемен (31,0) и Ирак (30,2). Эти страны обладают лучшими инструментами, которые позволяют стимулировать рост экономики в будущем. В рейтинге Китай опередил Австралию, Испанию, Венгрию, Израиль и другие. Так, по 100-балльной шкале КНР получил 48,9 баллов и находится на 30-м месте.

Рисунок 1. Основные составляющие устойчивого конкурентоспособного развития стран и городов

Источник: составлено автором на основе *The Sustainable Competitiveness Report 2017*. 60 p. URL: <http://solability.com/the-global-sustainablecompetitiveness-index> (дата обращения 05.04.2020).

То есть в мире возникает новая динамика устойчивого конкурентоспособного развития, не смотря на сохранение глубокой и устойчивой социально-экономического неравенства в этой сфере между различными странами и регионами.

В то же время стоит подчеркнуть особенность того, что одним из глобаль-

ных трендов, который оказывает решающее значение на развитие и повышение конкурентоспособности регионов и целых наций является быстрое развитие мегаполисов. Согласно последним исследованиям, в современной глобальной экономике реализуются тысячи инициатив по наращиванию конкурентоспособности городов и мегаполисов в

разных государствах мира. Именно города в 21 веке будут одной из движущих сил, что стимулировать дальнейший рост, процветание и глобальную конкурентоспособность стран и мега регионов¹.

Конкурентоспособность городов и мегаполисов Эксперты Глобального института Макинге (McKinsey Global Institute)² определяют мегаполисами города с населением более 150 000. Их классифицируют как небольшие средние города до 5 млн., города до 10 миллионов и мегаполисы с населением более 10 миллионов человек. Конкурентоспособность города определяется экспертами Всемирного экономического форума как совокупность факторов – политика, институты, стратегии и процессы, определяющие уровень сбалансированной производительности города как установлен уровень благосостояния и стандартов жизни населения, что должен сохраниться в определенный период. Устойчивость или сбалансированность охватывает экономические, экологические и социальные проблемы.

Основные детерминанты формирования высокого конкурентного статуса города – это институты, политика и регулирование, инфраструктура и социальный капитал. Специалисты считают, что именно эффективность государственной политики и регулирования формируют конкурентоспособность города, а среди основных факторов реформ являются: макроэкономическая политика, которая связана с финансовой политикой города, политика и правила, связанные с рынками товаров, услуг, капитала и рабочей силы, что формируют благоприятная бизнес-среды. Важна и внешнеэкономическая политика, позволяющая позиционировать город в глобальной экономике посредством международной торговли, финансов, прямых иностранных инвестиций, иностранных специалистов и туризма.

Среди характерных особенностей обеспечения конкурентоспособности мегаполисов следует выделить синергические эффекты, которые получают компании путем собственной локальной деятельности, связанной с глобальными цепочками создания добавленной стоимости в рамках кластеров и кластерных сетей расположенных, как правило, возле крупных городов, что в свою очередь способствует ускорению инновационного развития субъектов хозяйствования. Мировые тенденции свидетельствуют, что инновации являются императивом для городской экономической конкурентоспособности. Локальная система инноваций и конкурентоспособности включает: количество субъектов инновационной цепочке и взаимосвязи между ними; коммерциализацию идей; мягкую инфраструктуру, в том числе креативность, а также добавленную ценность культуры; финансирование; продажа и маркетинг, где новые идеи преобразуются в новые продукты и услуги; но они должны быть правильно отрегулированными на национальном и их экспорт на внешние рынки.

Такие факторы содержит Рейтинг Глобального индекса конкурентоспособности городов (Global Urban Competitiveness Index Rankings), что разрабатывается в Центре исследований городов и конкурентоспособности Китайской академии общественных наук (CASS). Он показал топ-10 мест Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Сингапур, Лондон, Сан-Франциско, Шэньчжэнь Токио, Сан-Хосе, Мюнхен и Даллас, которые достигли самых высоких конкурентных позиций. Данные отчета собраны на основе таких показателей: ВВП, ВВП / на душу населения, производительность труда, количество транснациональных компаний в городе, количество полученных патентов, уровень занятости, уровень экономического роста, ценовая преимущество. Исследованием

¹ Прим. автора: особый интерес представляет южнокорейский опыт использования «научных городов» для инновационного развития

² The Competitiveness of Cities The World Economic Forum. Report 2003-2004. URL: <http://www.weforum.org> (дата обращения 10.04.2020).

было охвачено 500 глобальных городов. Эксперты установили, что североамериканские города сохранили свои позиции, в то время как ведущие европейские города немного уступили в рейтинге, а азиатские города наращивают свой потенциал.

Так, в 2017 году Шэньчжэнь занял шестое место, обогнав ряд конкурентных городов ЕС и США и Азии. Если проанализировать исследование конкурентоспособности городов Китая¹, то среди лидеров такие мегаполисы КНР, как Шеньшэнь, Гонг Конг, Тайпей, Гуаньджоу, Пекин, Макао, Суджоу, Ухан, Фошан, Нанинг, Уши, Донгуан, Ченгду. Такой впечатляющий результат был достигнут благодаря правительственной политике КНР. Китайские мегаполисы обладают большим потенциалом для развития, о чем свидетельствует Innovation Cities Global Index 2013, по данному отчету 4 китайских мегаполиса входят в топ-100 инновационных городов мира, это города: Гонконг, Шанхай, Пекин, Шэньчжэнь. Стоит отметить, что первые 2 позиции заняли города США Бостон и Нью-Йорк, а в топ-10 – 4 города США, а остальные 6 из городов в топ-10 – представители Европейского континента, это города Вена, Париж, Мюнхен, Лондон,

Копенгаген, Амстердам.

В то же время, история становления экономики Китая показывает, что все стратегические документы, которые были связаны с конкурентоспособными развитием страны, содержали важные рекомендации по стратегическому развитию ее городов и мегаполисов. Кроме того, современные конкурентные города Китая позиционировались как благоприятные места для жизни граждан, где производственный процесс и деятельность человека функционируют как часть природного цикла, экономика базируется на низкоуглеродной модели развития, экологическом строительстве.

По оценке экспертов масштабы урбанизации Китая являются беспрецедентными в истории человечества по увеличению потребительского спроса, реструктуризации экономики и наращивание национального развития. Поэтому и не случайной на сегодня является такое большое внимание со стороны правительства КНР устойчивой конкурентоспособности городов КНР. Исследования показали, что Гонконг занимает высокие конкурентные позиции по этому показателю (рис. 2).

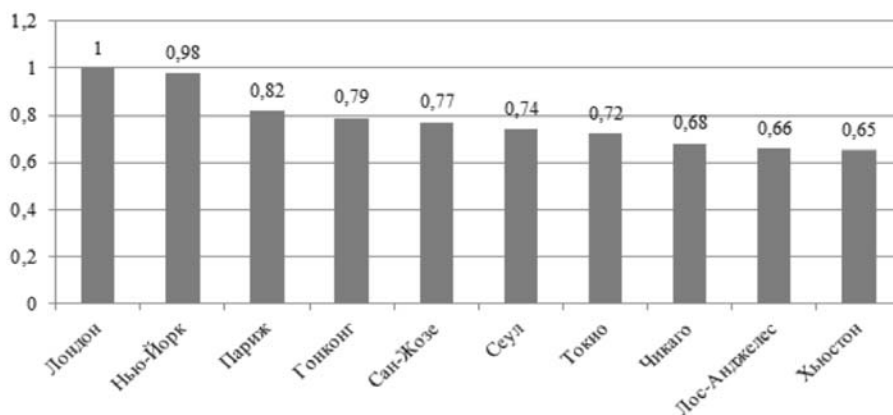

Рисунок 2. Топ 10 городов в глобальном индексе устойчивой конкурентоспособности городов

¹ China's Urban Competitiveness Rankings in 2017 Released. URL: <https://cob.sufe.edu.cn/en/Home/Detail/11811> (дата обращения 13.04.2020).

Источник: составлено автором на основе *The Global Competitiveness Report 2017—2018*. 393 p. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения 10.04.2020)

Факторный анализ этого показателя позволил выделить сильные стороны мегаполиса Гонконг, а именно разумное управление, глобальные связи и относительно высокая качество окружающей среды (15 позиция в мире) (табл. 1).

Таблица 1
Топ-5 городов в рейтинге глобальной устойчивой конкурентоспособности

Город	Экономическая эффективность	Социальная сплоченность	Качество окружающей среды	Технологические инновации	Глобализационные связи и партнерство	Культурная диверсификация	Государственная стратегия развития
Лондон	6	154	119	4	3	1	6
Нью-Йорк	16	339	2	6	1	5	22
Париж	53	137	120	1	7	110	177
Гонконг	139	70	15	50	4	33	2
Сан Хосе	2	418	171	2	67	33	22

Источник: Составлено автором на основе *Pengfei N. Urban sustainable competitiveness: a comparative analysis of 500 cities around the world / N. Pengfei, Y. Wang., 2017. 23 p.*

По данным «Доклада о состоянии окружающей среды в Китае» Министерства охраны окружающей среды КНР, только 16 из 161 городов отвечают экологическим стандартам, а качество подземных вод почти у 60% городов классифицированы как «плохой» или «очень плохой».

Эти экологические проблемы уже нанесли вред здоровью городских жителей. По оценкам OECD проблемы с загрязнением воздуха вызывают 350 ты-

сяч смертей в год. Консенсуса, достигнутого между общественностью и правительством о том, что среде должен быть отдан приоритет в развитии мегаполисов.

Стратегические приоритеты Китая в сбалансированном развитии

Столкнувшись с рядом указанных проблем правительство Китая разработало новую стратегию урбанизации, которая положила основы городского развития – Национальный план новой урбанизации (2014-2020)¹. Основные приоритетные задачи включают, во-первых, переселение сельского населения в города и городские районы, во-вторых, применение новейших информационных технологий для модернизации городской инфраструктуры и эффективного использования земельных ресурсов. Кроме того, большое значение предоставляется сохранению уникальных природных и культурных особенностей каждого города. Правительство Китая предсказало, что стимулы к новой урбанизации будут исходить от реформ в ключевых секторах, таких как финансы, сельское хозяйство. Для этого предполагается в течение семи лет инвестировать примерно 6,75 трлн. долл. США.

Разработаны прогнозы урбанизации КНР до 2020 года свидетельствуют, что постоянные городские жители будут составлять 60% населения Китая, а 45% из них должны быть зарегистрированы в качестве постоянных городских жителей. Также китайские ученые разработали прогнозы относительно развития урбанизированных регионов КНР и определили, какие из них будут иметь больше городского населения и потребуют наибольших инвестиционных фондов на их развитие (табл. 2).

В то же время стоит подчеркнуть, что

¹ World Bank. Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China. China 2030. URL: <http://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/docum>

ent/China2030-complete.pdf. (дата обращения 10.04.2020).

Национальный план урбанизации КНР сосредотачивает особое внимание на защите и сохранности окружающей среды. Таким образом, этот план подчеркивает необходимость сбалансированного процесса урбанизации, для достижения этих целей в течение короткого периода времени, что является одной из основных задач для правительства (табл. 3).

Таблица 2
Прогноз развития урбанизированных регионов КНР

№	Провинция	Общая численность населения в 2030 г., млн.	Городское население в 2030 году, млн.	Сельское население к городскому населению, млн.	Рост городского населения, десять тыс.	Новые строительные фонды для урбанизации, трлн. юаней	ВВП, трлн. юаней	фонды урбанизации, % к ВВП
1	Гуандун	1447 0.67	1390 1.97	5381. 01	6306. 46	17.17	164.4 2	10.4 4
2	Хэнань	9494. 06	5635. 67	1584. 68	1959. 84	5.36	83.78	6.4
3	Шаньдун	9799. 01	7315. 94	2079. 85	2566. 88	7.01	141.5	4.95
4	Цзянсу	8170. 34	7363. 93	2209. 68	2699. 9	7.37	157.3 3	4.68
5	Сычуань	7785. 76	4853. 64	1289. 88	1613	4.41	69.93	6.31

Источник: составлено автором на основе Dongqi S., Liang Z., Yu L., Haimeng L., Xiaoyan S., Zedong W, Xixi W *New-type urbanization in China: Predicted trends and investment demand for 2015–2030*. Washington: *Journal of Geographical Sciences*, 2017. P. 943-966.

«Дорожная карта» для городского развития КНР, что была разработана в результате сотрудничества между различными министерствами страны, города поощряет перенимать подход, при котором в центре внимания стоит именно сбалансированное развитие и «зеленый рост».

Реализация задач городского развития КНР осуществлялась согласно сформированных четырех основные миссии:

- повышение устойчивости городского развития;
- продвижение и содействие урегулированию положения сельских мигрантов в городах;
- оптимизация инфраструктуры и использование земель в городских районах;
- поощрение интеграции городских и сельских районов.

Таблица 3
Основные количественные показатели национального плана урбанизации Китая, %

Показатель	2012	2020
Уровень урбанизации		
уровень урбанизации населения	52,6	60
уровень урбанизации населения по системе прописки «хукоу»	35,3	40
Основные государственные услуги		
уровень образованности детей сельских рабочих-мигрантов	0	99
уровень охват страховым покрытием жителей города	95	98
уровень обеспеченности жильем постоянного городского населения	12,5	23
Инфраструктура		
коэффициент использования общественного транспорта в городах с более чем 1 миллиона жителей	45	60
охват общественной системы водоснабжения в городах	81,7	90
скорость обработки сточных вод в городах	87,3	95
скорость переработки отходов за сутки к общей детоксикации в городах	84,8	95
охват домашних хозяйств широкополосным интернетом	4	50
Ресурсная среда		
уровень потребления возобновляемой энергии в городах	8,7	13
соотношение зеленых архитектур к новой архитектуре в городах	2	5
соотношение зеленых зон в застроенных районах городов	35,7	38,9

Источник: составлено автором на основе *China's new Urbanization Plan 2014-2020*. 2014. URL: <https://dilemma-x.net/2014/03/17/china-national-new-type-urbanization-plan-2014-2020> (дата обращения 13.04.2020).

По результатам проведенных исследований можно утверждать, что стратегические направления реформ КНР сосредоточены вокруг таких сфер, как демографическое планирование; землеустройство; финансовая безопасность;

жилищное строительство в городах и экология и охрана окружающей среды. Цели новой урбанизации чрезвычайно тесно связаны с развитием инфраструктуры и коммунального транспорта. Эта важная задача предусматривает значительное финансирование и социальных и экологических требований устойчивого развития. В разделе «Охрана окружающей среды» обобщены все проблемы, связанные с загрязнением воздуха, воды и утилизацией отходов. Поскольку правительство КНР имеет целью обеспечить глобальную конкурентоспособность своего государства, где население будет с каждым годом увеличиваться, то это побуждает формировать экологически чистую среду, а качество жизни станет одним из ключевых факторов их конкурентного статуса. Поэтому важнейшей задачей в этом контексте китайские специалисты видят в повышении эффективности «зеленого» управления через стимулы и инструменты, которые позволяют эффективно управлять окружающей средой.

Применение принципов зеленого управления в секторальной политике будет способствовать структурным реформам, необходимым для достижения повышения ресурсоэффективности городов и мегаполисов с низким уровнем загрязнением. Во-первых, долгосрочная политика по вопросам окружающей среды принадлежат Министерству по охране окружающей среды, во-вторых, на уровне мегаполисов и регионов созданы Бюро по окружающей среде, которые отвечают за стратегические направления сбалансированного развития территорий, в-третьих, повышены налоги до уровней возмещения затрат в сфере водоснабжения, канализации и отходов; в-четвертых, предоставлены значительные субсидии в энергетическом секторе, в-пятых, в полной мере начали свое функционирование экологические суды.

Кроме того, в КНР проводится значительная работа по управлению качеством воздуха, воды и торговли пра-

вами на использование воды фермерами и предприятиями. Очень большое значение уделяется развитию зеленого транспорта, что позволит уменьшить использования бензина/газа, снижение выбросов.

Основой устойчивого развития городов КНР является использование чистой энергии с целью уменьшить использование угля в работе предприятий/заводов, повысить добычу чистого природного газа как замена углю, соблюдение мер контроля за выбросами в соответствии с Парижской соглашением и развитие возобновляемых источников. Важными являются меры по стимулированию субъектов хозяйствования на уменьшение потребления энергии в промышленности через повышение налогов на выбросы, использование альтернативных источников энергии и внедрение специальной экологической маркировки «голубой ангел». Основное внимание правительства КНР направлена на интеграцию системы управления водоснабжением и загрязнением окружающей среды, а также контроля за химическими веществами и опасными материалами. Кроме того, специалистами предлагается ввести льготы для стимулирования «зеленого местного управления».

Современная китайская государственная политика в сфере конкурентоспособности предполагает разработку индивидуальных планов конкурентного развития для отдельных городов обращая внимание на их сильные и слабые стороны. Важно отметить, что дальнейшие направления реформ в Китае, которые были утверждены на сессии 18-го съезда Коммунистической партии, направленные, по нашему мнению, именно формирование устойчивой конкурентоспособности КНР. Это обусловлено характером, основными задачами и инструментами, целеустремленностью таких реформ:

- снижение рыночных барьеров, предусматривающее: одинаковое отношение к иностранным предприятиям по сравнению с китайскими, снижение или

уборка вообще барьеров для входа в различные секторы экономики;

- упрощение процессов регистрации бизнеса; изменение процессов ценообразования на все товары, цена будет определяться на основе рыночного механизма без государственных интервенций;

- реформирование правительственных функций, что включает: контроль за расходами на содержание госаппарата; уменьшение размеров правительственных департаментов;

- обязательства правительственных структур привлекать услуги частного сектора через проведение тендеров;

- изменение системы оценки роста ВВП с целью предоставления высшей оценки работам, которые связаны с защитой окружающей среды, снижением затрат энергии;

- содействие реформированию государственных предприятий с последующим созданием совместных предприятий, то есть таких, в которых частные инвесторы будут иметь свою долю;

- финансовые реформы, предусматривающие содействие созданию новых и развития существующих рынков капитала; создание системы страхования банковских депозитов; либерализация процентных ставок;

- фискальные реформы, касающиеся перераспределения полномочий относительно налогообложения между центральным и местными органами власти;

- повышение прозрачности и эффективности наполнения и использования бюджета;

- изменения в налогообложении;

- реформы, связанные с защитой окружающей среды через содействие развитию рынков торговли разрешениями на выбросы вредных веществ;

- реформы, связанные с движением населения, развитием сельских регионов.

Увеличение городского населения в общей численности населения с 53% в 2012 году до 70% к 2030 году, в конеч-

ном счете, сможет расширить возможности внутреннего потребления.

Выводы. Национальная модель конкурентного развития Китая направлена на обеспечение устойчивых темпов экономического роста, модернизации промышленного сектора, улучшение условий жизни и благосостояния населения, укрепление позиций КНР на международной арене и преодоления самых насущных проблем страны и наращивания сбалансированной конкурентоспособности. Поставленные задачи правительство КНР достигает с помощью реализации ключевых реформ в сфере урбанизации, индустриализации, диджитализации и модернизации сельского хозяйства. Инновации пронизывают не только промышленный сектор, но и качество жизни граждан, медицины, развития инфраструктуры, защиты окружающей среды. Стратегия инновационного развития провинций и городов КНР направлена на то, чтобы сократить разрыв между самыми отсталыми и развитыми регионами страны. В отсталых районах основное внимание будет уделено развитию инфраструктуры и образовательной сфере. В таких регионах будут внедряться новейшие технологии в промышленный сектор и сферу услуг, что должно повысить экономическое положение, и инновационные возможности региона. В самых развитых регионах основные силы будут направлены на развитие информационных и высокотехнологичных отраслей экономики, мощного внедрения новейших технологий в промышленные предприятия и, при помощи зеленых технологий, выйти на новый уровень сбалансированного устойчивого развития.

Основными задачами развития китайских мегаполисов на следующие 5 лет является сохранение устойчивых темпов экономического развития, повышения уровня жизни населения города и модернизация промышленного сектора. Так же, как и в целом по стране, приоритетными являются высокотехнологичные отрасли промышленности,

развитие инфраструктуры города, внедрение высоких технологий, развитие науки, сохранение окружающей среды.

Китайские мегаполисы обладают большим инновационным потенциалом, важно и то, что этот потенциал еще не до конца раскрыт. На сегодняшний день уровень урбанизации в Китае превышает 50%, как известно из мирового опыта, что при такой ситуации значительно осложняется функционирование городов. Развитие китайских мегаполисов происходит по концепции «умных городов». Данная концепция предусматривает внедрение высоких технологий, что должно улучшить качество и стандарты жизни населения и обеспечить их эффективное функционирование даже несмотря на высокий уровень урбанизации.

Среди основных задач тринадцатого пятилетнего плана можно выделить: обеспечение устойчивых темпов экономического роста, преодоление экономического разрыва между городами и селами и между регионами, модернизация промышленного сектора, развитие высокотехнологичных отраслей, улучшение уровня жизни и увеличение доходов населения.

Кроме того, в современных условиях нехватки энергетических ресурсов и загрязнения окружающей среды, одной из приоритетных задач тринадцатой пятилетки является уменьшение потребления энергетических ресурсов и улучшение экологической ситуации в стране. Ради соблюдения курса на экологичность, промышленные предприятия Китая будут вынуждены к внедрению инноваций и новейших технологий, которые позволят им уменьшить выбросы CO₂ в атмосферу.

Литература

1. Ache P. Cities between competitiveness and cohesion: discourses, realities and implementation – introduction / P. Ache, H. Andersen. Berlin: Germany: Springer, 2008. 6 p.
2. Beatley T. The sustainable urban development / T. Beatley, S. Wheeler.

London and New York: Routledge, 2004. 348 p.

3. Begg I. Cities and competitiveness / I. Begg. – New York: Urban Studies, 1999. 14 p. 36 (5-6).

4. Breheny M. Sustainable Development and Urban Form / M. Breheny. – London: UK: Pion, 1992. 31 p.

5. Budd L. Conceptual framework for regional competitiveness / L. Budd, A. Hirmis. New York: Regional Studies, 2004. 38 (9). 7 p.

6. Burton E. Achieving Sustainable Urban Forms / E. Burton, M. Jenks, K. Williams. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2013. 388 p.

7. Camagni R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? New York: Urban Studies, 2002. 39 (13). 16 p.

8. China's new Urbanization Plan 2014-2020. 2014. URL: <https://dilemma-x.net/2014/03/17/china-national-new-type-urbanization-plan-2014-2020> (дата обращения 13.04.2020).

9. China's Urban Competitiveness Rankings in 2017 Released. URL: <https://cob.sufe.edu.cn/en/Home/Detail/11811> (дата обращения 13.04.2020).

10. Clifton N. Competitiveness, creativity, and place-based development / N. Clifton, R. Huggins. – Washington: Environment and Planning A, 2011. 43 (6). 19 p.

11. Dongqi S., Liang Z, Yu L, Haimeng L, Xiaoyan S, Zedong W, Xixi W New-type urbanization in China: Predicted trends and investment demand for 2015–2030. Washington: Journal of Geographical Sciences, 2017. P. 943-966.

12. Pengfei N. Wang Y. Urban sustainable competitiveness: a comparative analysis of 500 cities around the world / Handbook of Regions and Competitiveness Contemporary Theories and Perspectives on Economic Development, 2017. 592 p.

13. Pengfei N. Y. Wang «Urban sustainable competitiveness: a comparative analysis of 500 cities around the world»

14. Roberts A. Competitive cities and climate change / A. Roberts, L. Kamal-Chaoui. – OECD Regional Working Papers, 2009. (02). 172 p.

15. Satterthwaite W. Separating Intrinsic and Environmental Contributions to Growth and Their Population Consequences / W. Satterthwaite, P. B. Michael, B. M. Stephan. New York: Routledge, 2013. 95 p.

16. The Competitiveness of Cities The World Economic Forum. Report 2003-2004. URL: <http://www.weforum.org> (дата обращения 10.04.2020).

17. The Global Competitiveness Report 2017—2018. 393 p. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения 10.04.2020)

18. The Sustainable Competitiveness Report 2017. 60 p. URL: <http://solability.com/the-global-sustainablecompetitiveness-index> (дата обращения 05.04.2020).

19. Thompson W. Effects of Urban Green Space on Environmental Health, Equity and Resilience, Nature-Based Solutions to Climate Change Adaptation in Urban Areas: Linkages between Science, Policy and Practice. / W. Thompson, M. Martuzzi. Switzerland: SpringerOpen, 2017. 18 p.

20. Turok I. Competitive cities: introduction to the review / I. Turok, W. Lever. New York: Urban Studies, 1999. 4 p. 36 (5).

Analysis of factors that enhance the development of urbanization in China

Zhang Jie

Moscow State University M.V. Lomonosov

The article considers the theoretical foundations of international competitiveness of cities as the most influential factor in increasing urbanization. The main methodological bases of modern models of sustainable competitive development of countries are studied. A benchmarking of the sustainable competitiveness of cities and provinces of China was conducted and modern priorities for the balanced development of China were analyzed. The nature and scale of urbanization processes in China are revealed. Based on qualitative indicators, the balanced competitiveness of Chinese cities and the development of smart cities in China's provinces are

analyzed as the most influential factors in increasing urbanization. The principles of government influence on the growth of sustainable competitiveness of China's megacities are studied.

Keywords: urbanization, urban competitiveness, China, balanced development, competitive advantages, competitive status, megacity, smart city.

References

1. Ache P. Cities between competitiveness and cohesion: discourses, realities and implementation – introduction / P. Ache, H. Andersen. Berlin: Germany: Springer, 2008. 6 p.
2. Beatley T. The sustainable urban development / T. Beatley, S. Wheeler. London and New York: Routledge, 2004. 348 p.
3. Begg I. Cities and competitiveness / I. Begg. – New York: Urban Studies, 1999. 14 p. 36 (5-6).
4. Breheny M. Sustainable Development and Urban Form / M. Breheny. – London: UK: Pion, 1992. 31 p.
5. Budd L. Conceptual framework for regional competitiveness / L. Budd, A. Hirmis. New York: Regional Studies, 2004. 38 (9). 7 p.
6. Burton E. Achieving Sustainable Urban Forms / E. Burton, M. Jenks, K. Williams. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2013. 388 p.
7. Camagni R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? New York: Urban Studies, 2002. 39 (13). 16 p.
8. China's new Urbanization Plan 2014-2020. 2014. URL: <https://dilemma-x.net/2014/03/17/china-national-new-type-urbanization-plan-2014-2020> (дата обращения 13.04.2020).
9. China's Urban Competitiveness Rankings in 2017 Released. URL: <https://cob.sufe.edu.cn/en/Home/Detail/11811> (дата обращения 13.04.2020).
10. Clifton N. Competitiveness, creativity, and place-based development / N. Clifton, R. Huggins. – Washington: Environment and Planning A, 2011. 43 (6). 19 p.
11. Dongqi S., Liang Z, Yu L, Haimeng L, Xiaoyan S, Zedong W, Xixi W New-type urbanization in China: Predicted trends and investment demand for 2015–2030. Washington: Journal of Geographical Sciences, 2017. P. 943-966.
12. Pengfei N. Wang Y. Urban sustainable competitiveness: a comparative analysis of 500 cities around the world / Handbook of Regions and Competitiveness Contemporary Theories and Perspectives on Economic Development, 2017. 592 p.

13. Pengfei N. Y. Wang «Urban sustainable competitiveness: a comparative analysis of 500 cities around the world»
14. Roberts A. Competitive cities and climate change / A. Roberts, L. KamalChaoui. – OECD Regional Working Papers, 2009. (02). 172 p.
15. Satterthwaite W. Separating Intrinsic and Environmental Contributions to Growth and Their Population Consequences / W. Satterthwaite, P. B. Michael, B. M. Stephan. New York: Routledge, 2013. 95 p.
16. The Competitiveness of Cities The World Economic Forum. Report 2003-2004. URL: <http://www.weforum.org> (дата обращения 10.04.2020).
17. The Global Competitiveness Report 2017—2018. 393 p. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf> (дата обращения 10.04.2020)
18. The Sustainable Competitiveness Report 2017. 60 p. URL: <http://solability.com/the-global-sustainablecompetitiveness-index> (дата обращения 05.04.2020).
19. Thompson W. Effects of Urban Green Space on Environmental Health, Equity and Resilience, Nature-Based Solutions to Climate Change Adaptation in Urban Areas: Linkages between Science, Policy and Practice. / W. Thompson, M. Martuzzi. Switzerland: SpringerOpen, 2017. 18 p.
20. Turok I. Competitive cities: introduction to the review / I. Turok, W. Lever. New York: Urban Studies, 1999. 4 p. 36 (5).

Суеверия в жизни современных студентов: иррациональные стратегии сознания

Ардашев Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, преподаватель Института социальных наук Иркутского государственного университета; заместитель начальника отдела - начальник отделения психологического обеспечения отдела морально-психологического обеспечения Управления по работе с личным составом МВД по Республике Бурятия. ardashev.rg@bk.ru

В статье рассматриваются стратегии иррационального сознания студентов Иркутской области и Республики Бурятия. Изучается вопрос представлений в области пралогического, мифического и мистического сознания в современном обществе. На примере веры в колдунов, ведьм, ясновидящих, экстрасенсов и иных явлений, показывается изменение уровня внушаемости и критичности студентов, что приводит к тому, что молодые люди опираются не на себя, свой выбор и свою волю, а на волю высших сил.

Ключевые слова: суеверия, иррациональность сознания, студенты, вера, представления

Суеверия и приметы – это формы существования основных мифологем массового сознания. Миф невозможен без суеверия. Суеверие невозможно без мифа, но связь исторических и современных мифов с приметами и суевериями носит диалектический характер. С одной стороны, миф «объясняет» необходимость существования суеверия, а с другой – суеверие «требует» наличия объяснительного мифа. Миф «порождает» суеверие как способ защиты от негативных последствий или способ достижения позитивных результатов деятельности. В условиях, когда исходный миф утрачен, суеверие может продолжать жить, успешно видоизменяясь под условия реальности.

Суеверия являются неотъемлемой частью всех культур и осуществляют непосредственное влияние на повседневную жизнь человека. Достаточно актуальными являются вопросы о трактовке понятия суеверия, механизмах их возникновения, поддержания и распространения, мотивах, которые побуждают человека использовать суеверия, и особенности проявления суеверности как личностной характеристики на разных возрастных этапах [1].

Как и понятия «ложь», «истина», понятие «суеверие» четко не определено, и отнесение того или иного суждения к суевериям во многом субъективно. Как правило, к суевериям относят все, что невозможно объяснить рационально.

Суеверия уходят корнями в ранние этапы истории человечества, когда использовались тотемы, магия, амулеты, чтобы уберечься от зла. Одной из основных причин возникновения суеверий стало постоянное стремление людей предвидеть, что их ожидает в будущем (завтра, через месяц, через год). Такая

необходимость у людей возникла с началом освоения трудовой деятельности. Чтобы подготовиться к трудностям, которые их ожидают при выращивании урожая или в путешествиях, нужно было эти трудности предусмотреть. Ситуации, в которых человек хочет достичь успеха, несмотря на собственные усилия, и быть уверенным, что он сделал все возможное, что-бы гарантировать желаемый результат, могут побудить к суеверному поведению и, как следствие, повышению уровня суеверности. Важнейший результат, который получает человек на эмоциональном уровне от суеверий – ощущение безопасности и уверенности. Это тесно связано с плацебо – эффектом, что выражается в огромной силе веры в то, что выполнение определенного ритуала действительно помогает.

Суеверия упрощают и стабилизируют образ изменяющегося социального мира, обеспечивают его большую прогнозируемость и понятность. Страх есть причина, благодаря которой суеверия возникают, поддерживаются и сохраняются [3]. Люди обращаются к суевериям, чтобы уменьшить чувство беспомощности, чтобы стать более уверенными в себе.

Суеверия позволяют экономить время на обдумывание, а потому не ограничены в использовании в повседневной, бытовой деятельности. Суеверные люди верят, что могут управлять собственным будущим, выполняя определенные ритуальные действия, это помогает уменьшить их беспокойство и улучшить собственные возможности в определенной ситуации.

Человек может связать поведение и дальнейшее событие и начинает верить, что его поведение вызвало это событие. Таким образом, определенное действие закрепляется и начинает использоваться чаще. Суеверия можно рассматривать как форму психического отражения окружающего и внутреннего мира, что не требует логических доказательств и довольствуется любым пред-

лагаемым решением. Если человек сомневается в положительном результате важных для него событий, поддержку ему обеспечивают суеверия. Даже когда вера в суеверия непосредственно не влияет на события, она все же снижает внутреннее напряжение, а следовательно, реально влияет на субъективное благополучие человека. Чаще всего целью обращения к суеверно-ритуальной деятельности становятся деньги, достаток, хорошие оценки на экзаменах (или просто их сдача), хорошее настроение, успешная реализация задуманного дела, знание своего будущего, физическое и душевное благополучие, сохранение жизни, здоровья, семьи и т. п.

Анализ исследований, направленных на установления причин обращения к суевериям, позволяет утверждать, что они распространены в тех областях, где есть риск потерять что-то значимое. Уровень суеверности растет в условиях напряжения, опасности. Часто люди используют суеверия в экстремальных ситуациях, в которых решается их судьба, испытывается их потенциал, способности и устойчивость. Стрессовыми являются ситуации соревнований и ситуации, которые требуют принятия ответственного решения при решении особо важных дел (свидание, свадьба, вынашивание и рождение ребенка, уход за ним, похороны, важные поездки, встречи и т. д.). Функция веры в суеверия заключается в защите индивида от страха старения и неизбежности смерти. Таким образом, они уменьшают чувствительность к негативным жизненным событиям потерь, горя, одиночества, неразделенной любви, депрессии, отсутствия смысла жизни.

Часто авторы рассматривают суеверия как продукт дологического мышления. В рамках такого подхода суеверия трактуются как способ понимания необъяснимого и неизведанного с помощью упрощения познания, без опоры на какие-либо научные доказательства. По мнению Л. Леви-Брюля [4], суеверия как разновидность коллективных представ-

лений возникают посредством передачи от поколения к поколению, в основе их – механизмы внушения, заражения и подражания. Суеверия носят в значительной мере императивный характер: они воспринимаются индивидом почти автоматически, навязываются, слабо поддаются критике. В суевериях смешаны когнитивные элементы с эмоциональными переживаниями, вызванными явлениями окружающего мира.

Суеверия уходят корнями в ранние этапы истории человечества, когда использовались тотемы, магия, амулеты, чтобы уберечься от зла. Одной из основных причин возникновения суеверий стало постоянное стремление людей предвидеть, что их ожидает в будущем (завтра, через месяц, через год). Такая необходимость у людей возникла с началом освоения трудовой деятельности. Чтобы подготовиться к трудностям, которые их ожидают при выращивании урожая или в путешествиях, нужно было эти трудности предусмотреть. Ситуации, в которых человек хочет достичь успеха, несмотря на собственные усилия, и быть уверенным, что он сделал все возможное, что-бы гарантировать желаемый результат, могут побудить к суеверному поведению и, как следствие, повышению уровня суеверности. Важнейший результат, который получает человек на эмоциональном уровне от суеверий – ощущение безопасности и уверенности. Это тесно связано с плацебо – эффектом, что выражается в огромной силе веры в то, что выполнение определенного ритуала действительно помогает. Суеверия упрощают и стабилизируют образ изменяющегося социального мира, обеспечивают его большую прогнозируемость и понятность.

Ряд авторов рассматривают суеверия как регулятор поведения и деятельности человека. Дж. Блэйк и С. Фредерик определяют суеверия как сфокусированность на элементах поведения, которые повторяемы, последова-

тельны, и которые, как верят люди, обладают силой в управлении удачей и другими факторами жизни [8].

Большинство суеверий имеют глубокие исторические корни, часть относятся к древним религиозным верованиям. Основные причины, обуславливающие распространение суеверий:

- необходимость и желательность прогноза развития событий (стремление заглянуть в ближайшее будущее);
- приоритетность самосохранения (желание избежать неблагоприятных ситуаций);
- стремление к психологической компенсации (желание утешить человека, направить его к выбору правильного поведения или с помощью внушения чувства страха перед негативными последствиями, или обещанием позитивных последствий);
- гносеологические парадоксы (сохранение суеверия может быть связано с действительными закономерностями, которые слишком сложно в данный момент времени подтвердить научно);
- культурный и коммуникативный контекст (суеверия могут являться частью народного фольклора и коммуникативной культуры).

Каждая культура обладает неким набором суеверий, распространенных только в этой среде, и некоторым числом суеверий, являющихся общими для нескольких культур. Например, есть «русские» суеверия, которые до сих пор окружают нас в обыденной жизни. Традиционной религией для большинства русских является православие. Однако остатки язычества в виде суеверий сохраняются в быту русского населения вплоть до настоящего времени. Бытовое православие носит на себе явный след религиозного синкретизма.

Суеверия рассматривают как элемент, чаще появляющийся в кризисные моменты общества. По мнению О. А. Полюшкевич [5,6], любая общественная нестабильность может повлечь кризис идентичности, так как человек может быть плохо приспособлен к быстро ме-

няющимся условиям жизни. Один из вариантов кризиса идентичности отмечается автором как «магический» и проявляется в бурном всплеске интереса к мистическому, необъяснимому; деятельность человека направляется на поиск истины и разгадок тайн бытия. Помимо этого в условиях нестабильности и кризиса усиливается идентификация личности с группой (семьей, родом, этносом). Такая идентификация выполняет функцию психологической защиты личности и помимо прочего может реализовываться в суеверно-ритуальных действиях.

В социально-психологических исследованиях имеются данные о коллективных формах и стратегиях возникновения и закрепления суеверий как форм социализации и усвоение культурных программ (Н. П. Андрюшкова [1,2], Н. Н. Измоденова [3], О. В. Севостьянов, В. А. Руженков и А. В. Боева [7] и др.). Суеверия могут выполнять функцию способа психологической защиты. Когда человек испытывает тревогу, беспокойство, напряжение, он обращается к суевериям, как некоторым ритуальным техникам, которые были переданы предками или, возможно, созданы самостоятельно. С помощью суеверно-ритуальной деятельности человек достигает внутренней сбалансированности и снижения уровня тревожности.

Суеверия рассматривают как элемент, чаще появляющийся в кризисные моменты общества. Любая общественная нестабильность может повлечь кризис идентичности, так как человек может быть плохо приспособлен к быстро меняющимся условиям жизни. Один из вариантов кризиса идентичности отмечается автором как «магический» и проявляется в бурном всплеске интереса к мистическому, необъяснимому; деятельность человека направляется на поиск истины и разгадок тайн бытия. Помимо этого в условиях нестабильности и кризиса усиливается идентификация личности с группой (семьей, родом, этносом). Такая идентификация выполняет функцию психологической защиты

личности и помимо прочего может реализовываться в суеверно-ритуальных действиях [2].

Психологические факторы суеверного поведения, выделяет базовые из них: страх смерти, одиночества, чувство бессилия. Данные факторы усиливаются при экономической нестабильности и упадке культуры. В результате усиливается внушаемость человека, которая лежит в основе мистицизма [3].

Суеверия могут выполнять функцию способа психологической защиты. Когда человек испытывает тревогу, беспокойство, напряжение, он обращается к суевериям, как некоторым ритуальным техникам, которые были переданы предками или, возможно, созданы самостоятельно. С помощью суеверно-ритуальной деятельности человек достигает внутренней сбалансированности и снижения уровня тревожности.

Проявление тревоги может быть важным элементом адаптивного процесса. Однако если тревога чрезмерна и носит социальный характер, то она, наоборот, тормозит адаптивные возможности. Наблюдаемое в последние годы распространение мистицизма и суеверности является прямым следствием усиления социальной, экономической и духовной нестабильности, вынуждающей прибегать при чувствах тревоги и бессилия к защите сверхъестественных и таинственных сил.

Суеверие мы понимаем как установку на восприятие явлений окружающей действительности, заключающуюся в усмотрении причинноследственных связей при отсутствии объективно фиксируемых зависимостей между этими явлениями. В качестве установки суеверие включает в себя аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты. Суеверные представления реализуются в особой суеверно-ритуальной деятельности, направленной на защиту от предполагаемых опасностей и овладение желаемыми благами.

Таким образом, мы можем рассматривать суеверия как социально-психологический феномен. Однако, будучи

усвоенным человеком, данный феномен становится психологическим свойством личности, и мы можем рассматривать это как суеверность. В отличие от суеверий суеверность выступает как свойство личности, определяющее отношение к суевериям и веру в сверхъестественное и необъяснимое, использование ритуалов, примет, поверий и др. Поскольку в юношеском возрасте происходит становление мировоззрения и формируется отношение к окружающей действительности, идет поиск личностных смыслов, то изучение особенностей проявлений суеверности в этом возрасте имеет особую актуальность.

Целью нашего исследования стал анализ распространенности суеверий и примет среди студентов как одной из форм иррационального сознания.

Для этого в 2020 году мы опросили 340 студентов из Иркутского государственного университета (Иркутская область) и 340 из Бурятского государственного университета (Республика Бурятия). Методом исследования выступило анкетирование. Выборка квотная: пол, возраст, курс обучения и место обучения. Возраст респондентов от 18 до 23 лет. В исследовании участвовали студенты 1-4 курсов бакалавриата и 1-2 курса магистратуры. Из всех опрошенных 58% девушки и 42% юноши. Также, 54% живут в городе и 46% приехали учиться из сел.

При анализе результатов исследования применялся сравнительный анализ, интерпретационная и описательная статистика.

Большая часть студентов (98%) при возникновении каких либо вопросов обращается к специалисту по профилю: при заболевании – к врачам, при правовых сложностях – к юристу или в полицию, при сложностях во взаимоотношениях к психологу, но при этом более половины (56%) параллельно обращались и к специалисту нетрадиционного толка (экстрасенсу, гадалке, ясновидящему и прочее). Данные стратегии они объяс-

няли тем, что хотели «получить дополнительные гарантии решения проблемы», «на всякий случай», «для гарантии положительного результата» и так далее.

Мы полагаем, что в данном случае срабатывали коллективные формы мышления, традиционные представления о том, кто и как может решить возникающие вопросы. И при том, что работает рациональная оценка (обращение к лицензированному профессионалу в своей сфере), присутствует и иррациональная стратегия (опоры на непонимание силы).

Верят в то, что порча, проклятье и сглаз существуют и могут реально навредить человеку 72% респондентов, верят ясновидение и яснознание 62%, в колдовство верят 61%, в возможность предсказывать будущее при помощи гадания 58%.

Таблица 1
Вера в сверхъестественные явления (в %)

Вера в различные явления	Средний процент по всей выборке	Среди студентов БГУ	Среди студентов ИГУ
Порча, проклятье и сглаз	72	74	70
Ясновидение и яснознание	62	60	64
Колдовство	61	63	59
Гадание	58	60	56

По мнению 16% студентов они сами обладают экстрасенсорными способностями (среди студентов БГУ таких 18%, ИГУ 14%), обладают магическими или колдовскими способностями 22% (среди студентов БГУ таких 24%, ИГУ 20%).

На открытый вопрос, какие формы мистического, иррационального мышления вам известны, студенты говорили о суевериях и приметах, вещие сны и колдовство, порчи и сглазы, «родовое проклятие» и «венец безбрачия» (68%), среди студентов БГУ таких 70%, ИГУ

66%). И только 32% не верят в подобные вещи.

На людей могут влиять вышеперечисленные силы и явления – так считает 62% (среди студентов БГУ таких 64%, ИГУ 60%). На вопрос о том, как именно это осуществляется студенты перечисляли следующие примеры: «зомбирование» (37%), «вызывают заболевания» (35%), «приводят к смерти» (32%), «осуществляют приворот» (29%), «приводят к разорению» (28%), «вызывают импотенцию» (25%), «проклинают» (24%). И не верят в такие возможности 39% (среди студентов БГУ таких 37%, ИГУ 41%).

Позитивные события, которые можно получить, благодаря суевериям и приметам значительно реже упоминаются студентами. При помощи колдовства можно излечиться, верят 15%, заговоры могут помочь при излечении (36%). Иными словами, иррациональные образы мышления наносят больше вреда, чем пользы.

Защитить от воздействия злых сил может крестик (41%), амулет (36%), оберег (29%). Среди студентов ИГУ чаще называли крестик (в 85%), в БГУ амулет и оберег (82% и 85% соответственно), это объясняется постхристианской культурой и распространением буддизма на изучаемых территориях. Четверть студентов никак не защищаются от данного воздействия в обоих вузах.

Среди опрошенных студентов 29% мечтали стать волшебниками, 21% нравятся читать информацию и обсуждать со знакомыми информацию о суевериях, магии и мистике.

Становились жертвой колдовства 12% студентов (среди студентов БГУ таких 14%, ИГУ 10%), «наводили порчу» на 27% студентов (среди студентов БГУ таких 29%, ИГУ 25%).

Более половины студентов родители в детстве лечили у «бабок» от «испуга», «страхов», «сглаза», «выкатывали яйцом» и т.д. 54% (среди студентов БГУ таких 56%, ИГУ 52%). Самостоятельно к ведьмам и колдунам за помощью обращались 34% студентов (среди

студентов БГУ таких 36%, ИГУ 32%), гадали у предсказателей, чтобы узнать свое будущее четверть студентов 25% (среди студентов БГУ таких 27%, ИГУ 23%).

По мнению студентов, в разные моменты жизни можно обращаться за помощью к иным силам: при конфликтах – 23,5%, при тяжелых болезнях родственников – 46,1%, при своих тяжелых болезнях в два раза меньше – 26,7%, в кризисной ситуации – 35,3%, при желании улучшить свою жизнь – 22,1%, получить благословение высших сил – 18,7%, принести подношения иным силам – 18,8% и только 22,1% в любой ситуации рассчитывает только на себя.

Таблица 2
Моменты жизни, требующие обращения к высшим силам (в%)

Ситуации	Процент по всей выборке	Среди студентов БГУ	Среди студентов ИГУ
При конфликтах	23,5	16,5	29,8
При тяжелых болезнях родственников	46,1	25,6	39,9
В кризисной ситуации	35,3	12,2	24,7
При тяжелой болезни	26,7	13,1	26,6
При желании улучшить свою жизнь	22,1	16,6	19,4
Получить благословение высших сил	18,7	27,8	15,1
Открыть новые способности	14,5	26,8	13,3
Принести подношения иным силам	18,8	33,1	12,2
Другое	4,5	5,5	4,2
Рассчитывают на себя	22,1	13,2	18,8

*Выбирали больше чем один возможный вариант, поэтому % больше ста.

Интересным моментом выступает то, что среди студентов БГУ больше тех, кто обращается к иным силам для положительных моментов (опирается на положительные явления), тогда как

студенты ИГУ обращаются к иным силам только в тяжелые, кризисные моменты. Возможно, тут также прослеживается менталитет, так как среди жителей Республики Бурятия больше тех, кто сохранил и следует шаманским ритуалам поклонению духам, соединил с буддистскими представлениями и получил несколько отличающуюся картину мира.

Настораживающим явлением является то, что после обращения к иным силам, получили решение своего вопроса (они помогли) в 53,2% и не помогли в 44,8%, в 2% не могут точно сказать. Иными словами, иррациональное мышление в любой другой ситуации будет давать ложные подсказки и толкать на иллюзорные решения. Максимально общие ответы, символические обобщения, дополненные общим внушением приводят к нелогичным связям, разрушающим причинно-следственные связи поступков и решений людей в любой ситуации. Это становится основой разрушения логического мышления, увеличивает риск поддаться чужому влиянию.

Более половины студентов знают тех, кому точно помогли целители, экстрасенсы, предсказатели – 55% (среди студентов БГУ таких 57%, ИГУ 53%). При этом, достаточно малая часть студентов считает, что обращение к иным силам может нанести вред человеку 22% (среди студентов БГУ таких 18%, ИГУ 22%).

Таким образом, в результате нашего исследования выявлено, что более половины студентов верят в иные силы, регулирующие нашу жизнь (62%). Это высокий уровень иррационального мышления, который может привести к тому, что молодые люди не смогут рационально принимать решения, адекватно оценивать себя и окружающих и принимать взвешенные решения. Это приводит к тому, что он становится легко внушаем, не критичен в оценках, ведомый более сильными людьми или группами людей. На наш взгляд, иррациональность мышления формирует

безвольного человека, подчиняющегося невиданным и непознаваемым иным силам, уменьшается вера в себя и в то, что можно самому поменять свою жизнь. Чем более масштабным будет такая форма иррационального сознания, тем более ведомым будет население нашей страны. Особенно важно это не допустить среди молодежи, так как воспитанные ими дети – будут вбирать в себя еще больше иррациональных форм и стратегий поведения, что будет развивать пассивность и готовность согласиться с любыми решениями какого-то другого.

Таким образом, люди обращаются к суевериям, чтобы уменьшить чувство беспомощности, чтобы стать более уверенными в себе. Суеверия позволяют экономить время на обдумывание, а потому не ограничены в использовании в повседневной, бытовой деятельности. Суеверные люди верят, что могут управлять собственным будущим, выполняя определенные ритуальные действия, это помогает уменьшить их беспокойство и улучшить собственные возможности в определенной ситуации. Человек может связать поведение и дальнейшее событие и начинает верить, что его поведение вызвало это событие. Определенное действие закрепляется и начинает использоваться чаще.

Суеверия можно рассматривать как форму психического отражения окружающего и внутреннего мира, что не требует логических доказательств и довольствуется любым предлагаемым решением. Если человек сомневается в положительном результате важных для него событий, поддержку ему обеспечивают суеверия. Даже когда вера в суеверия непосредственно не влияет на события, она все же снижает внутреннее напряжение, а следовательно, реально влияет на субъективное благополучие человека. Чаще всего целью обращения к суеверно-ритуальной деятельности становятся деньги, достаток, хорошие оценки на экзаменах (или просто их сдача), хорошее настроение, успешная реализация задуманного дела, знание

своего будущего, физическое и душевное благополучие, сохранение жизни, здоровья, семьи и т. п.

Суеверность не взаимосвязана с незрелостью мышления или недостаточным личностным опытом. Наибольшую выраженность суеверность приобретает в тех возрастных периодах, в которых у человека создается нестабильная жизненная ситуация или снижается его жизненная активность. Повышению уровня суеверности способствует возрастание беспомощности в определенной жизненной ситуации, а суеверия выступают как некий адаптирующий и снижающий тревожность механизм через создание видимости реальной деятельности.

Литература

1. Андрюшкова Н. П. Особенности выраженности суеверности и представлений на природу суеверий на разных возрастных этапах // Вестник Кемеровского государственного университета 2018 № 1. С. 85-89.
2. Андрюшкова Н. П. Психологические факторы суеверности у молодежи // Вестник пермского университета Философия. Психология. Социология. 2016. Выпуск 3 (27). С. 107-114.
3. Измоденова Н. Н. Суеверия как способ жизнедеятельности образованных групп населения // Тр. Кольского науч. центра РАН. 2013. № 6 (19). С. 20-35.
4. Леви-Брюль, Л. Первобытное мышление / перевод Б. И. Шаревская. М.: Академический проект, 2020. 430 с.
5. Полюшкевич, О. А. Коллективная память и социокультурная солидарность // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 5 (60). С. 4-9.
6. Полюшкевич, О. А. Социокультурная преемственность и консолидация общества // Социология власти. 2011. № 4. С. 59-66.
7. Севостьянов О.В., Руженков В.А., Боева А.В. Окультизмные убеждения студентов старших курсов медицинского

факультета // Научные ведомости. Серия Медицина. Фармация. 2013. № 11 (154). Выпуск 22. С. 99-101.

8. Bleak J.L., Frederick C.M. Superstitious behavior insport: Levels of effectiveness and determinats of use in three collegiats // Journal of sport behavior. 1998. № 21. P. 1-15.

Superstition in the life of modern students: irrational strategies of consciousness

Ardashev R.G.

Irkutsk State University

The article discusses the strategies of irrational consciousness of students of the Irkutsk region and the Republic of Buryatia. The question of representations in the field of pralogical, mythical and mystical consciousness in modern society is being studied. The example of faith in sorcerers, witches, clairvoyants, psychics and other phenomena shows a change in the level of suggestibility and criticality of students, which leads to the fact that young people rely not on themselves, their choice and their will, but on the will of higher powers.

Keywords: superstition, irrationality of consciousness, students, faith, ideas

References

1. Andryushkova N.P. Features of the severity of superstition and ideas about the nature of superstitions at different age stages // Bulletin of the Kemerovo State University 2018 No. 1. P. 85-89.
2. Andryushkova N. P. Psychological factors of superstition in youth // Bulletin of the Perm University Philosophy. Psychology. Sociology. 2016. Issue 3 (27). S. 107-114.
3. Izmodenova N. N. Superstition as a way of life of educated population groups // Tr. Kola Scientific Center RAS. 2013. No. 6 (19). S. 20-35.
4. Levy-Bruhl, L. Primitive thinking / translation B. I. Sharevskaya. M. : Academic project, 2020.430 s.
5. Polyushkevich, O. A. Collective memory and sociocultural solidarity // Humanitarian and socio-economic sciences. 2011. No. 5 (60). S. 4-9.
6. Polyushkevich, O. A. Sociocultural continuity and consolidation of society // Sociology of power. 2011. No. 4. P. 59-66.
7. Sevostyanov OV, Ruzhenkov V.A., Boeva A.V. Occult beliefs of senior students of the Faculty of Medicine // Scientific Sheets. Series Medicine. Pharmacy. 2013. No. 11 (154). Issue 22. S. 99-101.
8. Bleak J.L., Frederick C.M. Superstitious behavior insport: Levels of effectiveness and determinats of use in three collegiats // Journal of sport behavior. 1998. No. 21. P. 1-15.

Ресурсность территории: социальная сущность кластерного развития регионального туризма

Заварзина Юлия Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, borisovaylia@bk.ru

В статье рассматриваются условия и формы ресурсного развития территории. На примере развития регионального туризма выявляются перспективы социального моделирования территории. Также, на основе кластерного подхода выявляется специфика развития регионального туризма.

Ключевые слова: развитие территории, региональный туризм, кластерное развитие, социальные формы

Позитивное и устойчивое развитие в области туризма региона, а также его постоянный контроль и управление им – трудоемкий и многогранный процесс, основные базовые элементы которого представлены в виде сбора, формирования и использования ресурсов тех объектов, чья туристская привлекательность занимает первое место. Российская Федерация обладает богатым туристским потенциалом, который представляет собой многообразие различных культурных и природных объектов, однако, несмотря на безграничные возможности в туристской сфере, на сегодняшний день весь туристический потенциал страны используется лишь на треть. На данном этапе развития всей туристической индустрии в целом наглядно видно, что инфраструктура в этой области нуждается в преобразовании, так как наблюдается неудовлетворенность и дискомфорт со стороны туристов.

По мере развития туризма в регионах, возникают проблемы и трудности, борьба с которыми традиционными способами уже неэффективна и неактуальна, следовательно, объективно напрашивается анализ внутренних и внешних факторов туристической среды. Необходимо четко представлять и формулировать ведущие направления региональных туристских рекреаций, для этого нужно досконально изучить исходное экономическое пространство региона, а именно: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д. Каждый регион обладает

своим уникальным внутренним пространством и связями с внешним пространством [8].

В экономическом пласте того или иного региона, туризм занимает базовую позицию, следовательно, в каждой административно-территориальной единице предполагается создание структурного и отраслевого управления. Другими словами, предполагается формирование некоего целостного социально-экономического образования, которое представляет собой координацию предприятий и всех объектов туристско-рекреационного и инфраструктурного назначения, а именно – территориально-рекреационного комплекса. Его существование является бесспорным преимуществом в развитии всего региона.

Туристско-рекреационный комплекс представляет собой огромную социально-экономическую платформу, которая все время находится в динамике, следовательно, она подвержена нескончаемому влиянию внутренних и внешних факторов. Уровень воздействия может быть различным, в зависимости от направленности и продолжительности. Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что выявление, учет и анализ этих факторов являются первостепенными задачами при формировании и функционировании туристско-рекреационного комплекса.

На сегодняшний день одной из главных и актуальных задач, стоящих перед государством, является развитие туристско-рекреационных комплексов каждого региона, решение которой осуществляется планомерно, с помощью формирования на территории Российской Федерации туристских кластеров и особых экономических зон. При формировании развитии туристско-рекреационных комплексов, необходимо досконально изучить все природно-рекреационные и туристические объекты с целью их дальнейшего эффективного продвижения [7].

В широком формате туристско-рекреационный комплекс представляет

собой консолидацию всех участников туристской индустрии на всей территории Российской Федерации, с целью продвижения туристического потенциала территории и извлечения прибыли.

Туристско-рекреационный комплекс с экономической точки зрения может рассматриваться как составная часть национального хозяйства в целом (Е.А. Котляров, В.С. Преображенский, Л.А. Галачиева, Н.А. Сидорова и др.), а также как одна из форм организации рекреационной деятельности в рамках одной территории (А.А. Коблова, Т.В. Клочкова, Т.В. Николаенко и др.).

В современной литературе существует великое множество определений понятию «туристско-рекреационный комплекс». Рассмотрим некоторые из них. Е.А. Котляров представляет его как форму взаимодействия рекреационных объектов и инфраструктурной составляющей, объединенных в экономической и производственной сферах. Отличительной чертой комплекса является использование единого географического положения, а также природных и экономических ресурсов региона, который является составной частью общего хозяйственного комплекса.

По мнению Д.В. Николаенко **территориально-рекреационный комплекс** это вид организации рекреационной деятельности, при осуществлении которой максимальным образом достигается ее эффективность и результативность, а также это взаимосвязь всех базовых элементов, которые напрямую принимают участие в функционировании рекреации на данной территории.

Некоторые экономисты, в том числе А.А. Коблова, рассматривают туристско-рекреационный комплекс не только как составляющую часть народнохозяйственного комплекса страны в целом, но, а также делают акцент на том, что с максимально оптимальным использованием туристского потенциала на определенной территории, можно наблюдать формирование уникального туристического продукта на данной территории.

Т.В. Ключкова характеризует туристско-рекреационный комплекс с точки зрения взаимодействия трех групп отраслей: санаторно-курортной, туристско-экскурсионной и спортивно-оздоровительной, которые при своем взаимодействии гарантируют непрерывное производство туристско-рекреационного продукта.

Л.Н. Воронкова считает, что туристско-рекреационный комплекс можно представить как консолидацию всех задействованных участников туристской индустрии, а именно: туроператоры, турагенты, коллективные средства размещения, рестораны, объекты осмотра и др.

По мнению П.А. Штрек туристско-рекреационный комплекс – это совместная кооперация всех объектов (как в сфере экономических отношений, так и институтов туристской индустрии), принимающих участие в хозяйственной деятельности по обеспечению производства и реализации туристско-рекреационных услуг на данной территории [6].

Мнения авторов отличаются различными подходами и методами к изучению данного понятия, основу которых составляют такие компоненты туристической индустрии как:

- инфраструктура;
- ресурсы определенной территории;
- отрасль гостеприимства.

В общем виде туристско-рекреационный комплекс можно представить в виде сложной системы, взаимосвязанной социально-экономическими взаимоотношениями между всеми участниками туристской индустрии определенной территории, обладающей туристическим потенциалом и соответствующей инфраструктурой, рациональное управление которой приведет к развитию качественного обслуживания в сфере туризма и максимальному извлечению прибыли. Так как на сегодняшний день сфера туризма представляет собой передовую и активно развивающуюся платформу, то в условиях современных рыночных от-

ношений, вопрос об извлечении прибыли является достаточно актуальным [5].

Большинство регионов России обладают своим уникальным туристическим потенциалом, например Камчатка – вулканическими образованиями и долинами гейзеров, Татарстан – привлекает гастрономическим и культурным видами туризма, Иркутская область – наличием озера Байкал, следовательно, туристско-рекреационный комплекс необходимо рассматривать не только на макро, но и на микро уровне.

Туристско-рекреационный комплекс на микроуровне определяется как целенаправленный поток действий, направленный на обеспечение роста интереса к туристическому потенциалу определенной территории, главной целью которого служит удовлетворение запросов и требований гостей данного региона.

Несмотря на наличие десятков различных определений туристско-рекреационного комплекса, его жизненный цикл и дальнейшее развитие зависит от двух главных элементов. Во-первых, это наличие на территории региона уникальных туристических природных и культурных объектов, которые при любом из вариантов развития событий, будут пользоваться спросом на национальной и международной аренах. Во-вторых, наличие развитой инфраструктуры и положительно растущих социально-экономических показателей данной территории.

Социально-экономическая составляющая региона, как правило, включает в себя следующие элементы: объекты культурного и исторического наследия, природный ландшафт, коллективные средства размещения, пункты общественного питания, торгово-развлекательные комплексы, организации, занимающиеся туристическим обслуживанием, инфраструктура и др. Все элементы объединены общей целью – развитие туристско-рекреационного комплекса данного региона [4].

Развитие туристско-рекреационного комплекса любого региона зависит от взаимосвязи между структурой и направленностью воздействия комплекса. Чем теснее взаимодействие, тем эффективнее и оперативнее будет происходить развитие всей платформы. В настоящее время принято придерживаться следующей классификации туристско-рекреационных комплексов, которая зависит от основного профиля их деятельности:

- санаторно-курортный;
- туристско-оздоровительный;
- санаторно-туристско-оздоровительный;
- охотничье-рыболовный;
- концентрированный.

Санаторно-курортные комплексы, которые располагаются на определенной территории, в первую очередь используются по своему прямому назначению – в рамках санаторно-курортного лечения. В их состав входят однопрофильные и многопрофильные санаторно-лечебные учреждения.

Туристско-оздоровительные комплексы, расположенные на определенной территории, предназначены для разнообразных видов и форм туризма. Основными инструментами деятельности этих комплексов являются: гостиницы, базы отдыха, пансионаты, hostels, гостевые дома, кемпинги, мотели.

Санаторно-туристско-оздоровительные комплексы используются в целях курортного лечения и поправки состояния здоровья. Такие многофункциональные комплексы состоят из взаимосвязанных групп лечебных, оздоровительных и туристических учреждений.

Охотничье-рыболовные туристско-рекреационные комплексы нацелены на организацию и осуществление активных форм туризма, таких как рыбалка и охота. Также включает в себя такие инструменты как: зимовье, лодочные станции, дома для рыболовов, навесы и прочее.

Концентрированный туристско-рекреационный комплекс можно представить как модернизированную форму

взаимодействия различных видов туристско-рекреационной деятельности на определенной территории. В таких комплексах спрос со стороны гостей удовлетворяется с помощью обслуживания соответствующих предприятий и учреждений туристско-рекреационного назначения [3].

Так как туристско-рекреационный комплекс представляет собой активную и динамично-развивающуюся платформу, то на протяжении многих лет наблюдается тенденция видоизменения классификации. Во-первых, это зависит от направленности воздействия комплекса, во-вторых, от того, какой вид туризма развивается.

В зависимости от своей направленности туристско-рекреационный комплекс региона выполняет различные функции (рис.1.).

Создание конкурентоспособного туристического продукта на долгосрочную перспективу является окончательной целью при развитии туристско-рекреационного комплекса в его экономической стезе. Данный туристический продукт, в первую очередь, должен формироваться максимально планомерно, параллельно проводя анализ комплекса в целом, а именно: его жизненный цикл и динамику.

К сожалению, на пути достижения поставленной цели, могут возникать факторы, оказывающие негативное влияние на временной отрезок всего процесса, а также, в ряде случаев, сдерживать развитие туристско-рекреационных комплексов всей страны [9,10,11].

1. Пробел в нормативно-правовой базе туристического законодательства Российской Федерации.

2. Повышение уровня криминогенной ситуации в стране.

3. Низкий уровень жизни населения и его неплатежеспособность.

4. Сложный и долгий процесс получения земельного участка в рамках реализации инвестиционного проекта, в приграничных и прибрежных зонах Российской Федерации.

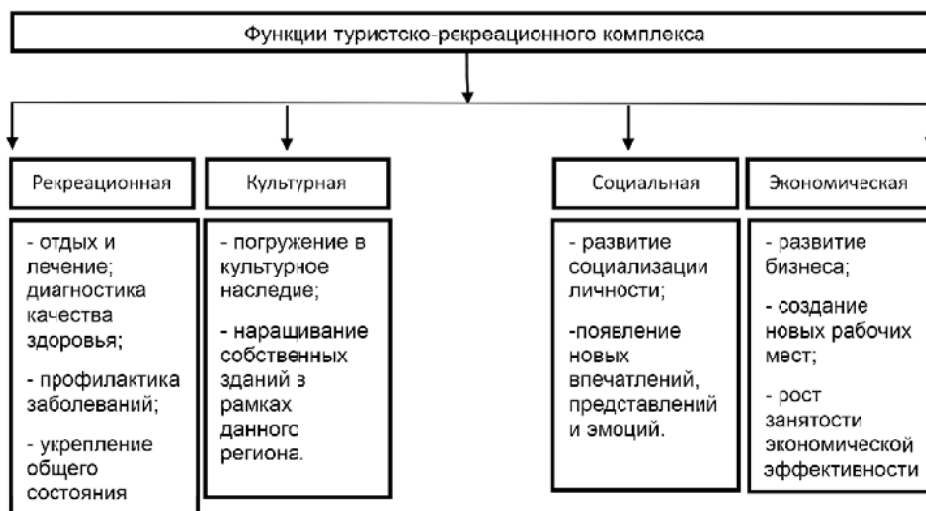

Рисунок 1. Функции туристско-рекреационного комплекса

5. Нестабильная рыночная ситуация на международной арене (миграционная и внешнеторговая политика).

6. Загрязнение окружающей среды.

7. Недостаточное продвижение туристического потенциала России на международной арене.

8. Отличие российского туристического продукта от европейских аналогов.

9. Малое количество комплексных туров, которые включали бы в себя посещение нескольких регионов России, в рамках одной туристической программы.

10. Использование туристического потенциала страны не в полном объеме.

11. Низкий уровень развития культуры гостеприимства, инфраструктуры и сервиса обслуживания.

Для того чтобы справиться с таким большим количеством факторов, оказывающих негативное воздействие на развитие туристско-рекреационных комплексов всей страны, были проработаны следующие направления деятельности:

- необходимость создания региональных программ, направленных на развитие конкретного туристско-рекреационного комплекса региона (атласы,

паспорта, концепции, программы, карты-схемы и прочее);

- расширение и развитие спектра туристических услуг на региональном рынке;

- консолидация всего туристического сообщества страны с целью создания единой платформы;

- формирование туристских систем, на основе взаимосвязи соединений внутри и между регионами, с целью объединения туристско-рекреационных комплексов России;

- разработка целостного туристического продукта с помощью использования всех доступных механизмов системы;

- привлечение инвестиций;

- разработка единого информационного портала туристической сферы всей страны;

- эффективная охранная система достояния России: природы, культуры и истории;

- создание маркетинговых отделов в рамках территории с целью продвижения туристического потенциала данной территории [2].

Для того, чтобы туристско-рекреационные комплексы развивались в положительном ключе и были нацелены на результат, необходимо постоянно подкреплять их структурными элементами,

которые являются базовыми во всей системе туристско-рекреационных комплексов России, а именно: нацеленность и направленность на долгосрочное развитие; возможность преобразования туристско-рекреационных комплексов в одну из ведущих сфер экономики региона; формирование новых направлений в туризме, а также рост предложения уже существующих услуг; организация динамично развивающихся коммерческих предприятий в системе туристско-рекреационного комплекса [1].

Следовательно, на основе всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что туристско-рекреационный комплекс представляет собой сложную систему, которая объединяет все структурные элементы туристской индустрии региона воедино, результатом деятельности которой является создание и продвижение имиджа региона, его максимальная узнаваемость на российской и международной аренах, стабильно-высокий туристический поток, рост уровня жизни населения региона, а также рост социально-экономического уровня территории. Благодаря воздействию туристско-рекреационного комплекса на экономическую стезю в регионе, появляется возможность структурного видоизменения экономики, а также всех аспектов жизни населения [12].

В настоящее время все чаще и чаще исследователи прибегают к использованию термина «кластер» для того, чтобы охарактеризовать процесс развития туризма на той или иной территории. Впервые термин «кластер» на уровне региона был введен американским экономистом, профессором кафедры делового администрирования Гарвардской школы бизнеса Майклом Юджином Портером. Он начал применять его с целью выявления особо развитых и набирающих обороты в развитии зон и отраслей на определенной территории [8]. Кластер – некая целостная самостоятельная обособленная единица, которая образуется в результате слияния объектов определенной отрасли.

Кластерный подход в туристической отрасли можно представить как консолидацию участников туристического рынка с целью создания уникального туристического продукта и его дальнейшее продвижение на российском и международном рынках, а также с целью развития инфраструктуры, сервиса и всей системы гостеприимства территории в целом [9].

Рассмотрим различные подходы авторов к определению понятия «**туристский кластер**».

По мнению А.В. Митрофановой **туристский кластер** представляет собой объединение предприятий всей туристической отрасли, положительный эффект которых после консолидации достигает своего максимального уровня, вследствие этого возникают инновационные направления деятельности в рамках данной формы организации туризма.

О.Д. Коль считает, что **туристский кластер** – это некая сеть, состоящая из предприятий различных отраслей и структурных организаций, которые взаимосвязаны между собой. В основном они направлены на то, чтобы в полной мере удовлетворить познавательные, культурные и эмоциональные потребности рекреанта, а также на создание и продвижение имиджа города, его узнаваемость на российском и международном туристических рынках.

А.Е. Бойко дает определение **туристскому кластеру с экономической точки зрения** и представляет его как совокупность агентов, которые принимают активное участие в создании туристического продукта и взаимодействуют между собой по следующей цепи: производители специализированных услуг – поддерживающие организации – потребители туристских услуг.

По мнению О.В. Лысикова и Е.В. Лукьяненко туристско-рекреационный комплекс – это единая система, которая включает в себя как экономические, так и социальные институты всей отрасли туризма и сферы гостеприимства в рамках определенной территории, а

именно: туроператоры, турагенты, коллективные средства размещения, организации общественного питания, транспортные компании, высшие учебные заведения, научно-исследовательские институты, органы государственной власти и др., взаимодополняющие и усиливающие конкурентные преимущества отдельных компонентов и кластера в целом [5].

В настоящее время дать четкое разделение понятиям туристский комплекс и туристский кластер достаточно проблематично. Изучив историю развития туристической отрасли в России и за рубежом, а также, приняв во внимание сравнительный анализ характеристик комплекса и кластера, сделанный А.А. Катанским, становится очевидным массовое и повсеместное внедрение технологии создания туристско-рекреационных комплексов, опираясь на кластерный подход.

Туристский кластер представляет собой принципиально новую, высокоэффективную, а также максимально результативную форму развития туристского комплекса, который впоследствии будет в состоянии конкурировать на отечественной арене, а также предоставлять широкий спектр услуг населению и иностранным гражданам. Самое главное предназначение туристского кластера заключается в том, что он вносит значительный вклад в развитие экономики региона, а именно: появляется возможность увеличения рабочих мест, роста налоговых поступлений в бюджет, привлечение иностранных инвестиций и пр. [13].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что туристско-рекреационный комплекс ориентирован, в первую очередь, на формирование уникального и конкурентоспособного туристического продукта, а также его продвижение и узнаваемость как на российской, так и международной туристических платформах. Вследствие этого можно сделать вывод о том, что кластерный подход непосредственно стимулирует развитие региона в целом. К

плюсам этого подхода можно отнести проведение детального анализа сильных и слабых сторон всех участников кластера, и, отталкиваясь от результатов анализа, внедрять инновационные методы в развитии туристической отрасли.

Применение на практике кластерного подхода в туристической отрасли обусловлено решением актуальных проблем, которые существуют во многих регионах страны: отсталая и неразвитая инфраструктура, уровень сервиса и гостеприимства, низкая степень привлекательности внутреннего туризма, отсутствие инвесторов и т.д.

Литература

1. Борисова Ю.В. Влияние динамики предоставления межбюджетных трансфертов на субфедеральном и внутрирегиональном уровнях власти (на примере Иркутской области) / Ю.В. Борисова, Е.С. Беляева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2019. – №45. – 120-134
2. Борисова Ю.В. Конструирование бренда территории в представлениях россиян / Ю.В. Борисова. Социология. – 2018. – №2. – С.97-103.
3. Борисова Ю.В. Социально-ресурсное управление конкурентоспособностью территории (на материалах Иркутской области) (научная монография) / Ю.В. Борисова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 170 с.
4. Борисова Ю.В. Стратегическое развитие территории / Ю.В. Борисова. – Социология. – 2018. – №3. – С.87-93.
5. Заварзина Ю.В., Батянова Л.Н., Москвитина Н.В. Социально-ресурсное обеспечение конкурентоспособности территории в пространстве сетевого взаимодействия / Ю.В. Заварзина, Л.Н. Батянова, Н.В. Москвитина // Социальная реальность виртуального пространства. Материалы I Международной научно-практической конференции. Иркутский государственный университет; Под общей редакцией О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 315-318.

6. Заварзина, Ю.В. Гендерные отличия в восприятии территориального развития (на примере Иркутской области) / Ю.В. Заварзина. – Женщина в российском обществе. – 2018. – №4 (89). – С.111-119.

7. Заварзина, Ю.В. Финансовый менеджмент в государственном и муниципальном секторах как инструмент развития территории (на материалах Иркутской области) (научная монография) / Ю.В. Заварзина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 163 с.

8. Малых С.В. Восприятие территории Иркутской области через новостные телекоммуникации / С.В. Малых // Телекоммуникационные технологии: Актуализация и решение проблем подготовки высококвалифицированных кадров в современных условиях. Сборник научных материалов Всероссийской (заочной) с международным участием научной конференции преподавателей, аспирантов и студентов. Хабаровск, СибГУКИ, 2018. – С. 643-646.

9. Москвитина Н.В. Особенности сельского туризма на территории Байкальского региона / Н.В. Москвитина // Креативные стратегии и креативные индустрии в экономическом, социальном и культурном пространствах региона. Материалы Второй региональной научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 198-201.

10. Москвитина Н.В., Иванов Р.В., Заварзина Ю.В. Снижение трансфертной зависимости от федерального центра как экономико-психологический фактор стабилизации обстановки в регионе / Н.В.Москвитина, Р.В. Иванов, Ю.В.Заварзина // Междисциплинарные ресурсы экономической психологии в формировании этнорегиональной идентичности и позитивного образа малой родины. Материалы Всероссийской научно - практической конференции с международным участием. Ответственные редакторы А.Д. Карнышев, В.А. Решетников. Иркутск, ИГУ, 2019. – С. 158-161.

11. Москвитина Н.В., Кадыш Р.М. Основные перспективы развития и консо-

лидации туристской деятельности Северо-Байкальского района Республики Бурятия / Н.В.Москвитина, Р.М. Кадыш // Социальная консолидация и социальное воспроизводство современного российского общества: ресурсы, проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, ИГУ, 2020. – С. 399-402.

12. Полюшкевич О.А. Символическое значение территории в сознании сибиряков / О.А. Полюшкевич // Социология. 2018. – № 2. – С. 113-117.

13. Полюшкевич О.А. Территориально-пространственные символы социокультурной солидарности Сибири / О.А. Полюшкевич // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. – № 4 (47). – С. 293-300.

14. Полюшкевич О.А. Территория как символ консолидации Байкальского региона / О.А. Полюшкевич // DIXI – 2017 : идеи, гипотезы, открытия в социально-гуманитарных исследованиях сборник научных трудов. Хабаровский государственный университет экономики права. Хабаровск, 2017. – С. 129-135.

The resource of the territory: the social essence of the cluster development of regional tourism

Zavarzina Yu.V.

Irkutsk State University

The article discusses the conditions and forms of resource development of the territory. On the example of the development of regional tourism, the prospects for social modeling of the territory are revealed. Also, based on the cluster approach, the specifics of the development of regional tourism are revealed.

Keywords: territory development, regional tourism, cluster development, social forms

References

1. Borisova Yu.V. The influence of the dynamics of the provision of intergovernmental transfers at the sub-federal and intra-regional levels of government (for example, Irkutsk region) / Yu.V. Borisova, E.S. Belyaev // Bulletin of Tomsk State University. Economy. - 2019. - No. 45. - 120-134
2. Borisova Yu.V. Designing a brand of territory in the views of the Russians / Yu.V. Borisov. Sociology. - 2018. - No. 2. - S.97-103.

3. Borisova Yu.V. Social-resource management of the competitiveness of the territory (based on materials from the Irkutsk region) (scientific monograph) / Yu.V. Borisov. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2018. -- 170 p.
4. Borisova Yu.V. Strategic development of the territory / Yu.V. Borisov. - Sociology. - 2018. - No. 3. - S.87-93.
5. Zavarzina Yu.V., Batyanova LN, Moskvitina N.V. Social and resource support of the competitiveness of the territory in the space of network interaction / Yu.V. Zavarzina, L.N. Batyanova, N.V. Moskvitina // Social reality of virtual space. Materials of the I International scientific-practical conference. Irkutsk State University; Under the general editorship of O. A. Polyushkevich, G. V. Druzhinin. Irkutsk, ISU, 2019. -- S. 315-318.
6. Zavarzina, Yu.V. Gender differences in the perception of territorial development (on the example of the Irkutsk region) / Yu.V. Zavarzin. - A woman in Russian society. - 2018. - No. 4 (89). - S.111-119.
7. Zavarzina, Yu.V. Financial management in the state and municipal sectors as a tool for the development of the territory (based on materials from the Irkutsk region) (scientific monograph) / Yu.V. Zavarzin. - Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2018. -- 163 p.
8. Malykh S.V. Perception of the territory of the Irkutsk region through news telecommunication technologies: Updating and solving the problems of training highly qualified personnel in modern conditions. A collection of scientific materials of the All-Russian (correspondence) with international participation in a scientific conference of teachers, graduate students and students. Khabarovsk, SibGUKI, 2018. -- S. 643-646.
9. Moskvitina N.V. Features of rural tourism in the Baikal region / N.V. Moskvitina // Creative strategies and creative industries in the economic, social and cultural spaces of the region. Materials of the Second Regional Scientific and Practical Conference. Irkutsk, ISU, 2019. -- S. 198-201.
10. Moskvitina N.V., Ivanov R.V., Zavarzina Yu.V. Decrease in transfer dependence on the federal center as an economic and psychological factor for stabilizing the situation in the region / N.V. Moskvitina, R.V. Ivanov, Yu.V. Zavarzina // Interdisciplinary resources of economic psychology in the formation of ethnoregional identity and a positive image of a small homeland. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Responsible editors A.D. Karnyshev, V.A. Reshetnikov. Irkutsk, ISU, 2019. -- S. 158-161.
11. Moskvitina N.V., Kadysh R.M. The main prospects for the development and consolidation of tourism activities in the North Baikal region of the Republic of Buryatia / N.V. Moskvitina, R.M. Kadysh // Social consolidation and social reproduction of modern Russian society: resources, problems and prospects. Materials of the VI All-Russian scientific-practical conference. Irkutsk, ISU, 2020. -- S. 399-402.
12. Polyushkevich O.A. The symbolic meaning of the territory in the consciousness of Siberians / O.A. Polyushkevich // Sociology. 2018. - No. 2. - S. 113-117.
13. Polyushkevich O.A. Territorial and spatial symbols of the sociocultural solidarity of Siberia / O.A. Polyushkevich // Bulletin of the Pacific State University. 2017. - No. 4 (47). - S. 293-300.
14. Polyushkevich O.A. Territory as a symbol of consolidation of the Baikal region / O.A. Polyushkevich // DIXI - 2017: ideas, hypotheses, discoveries in social and humanitarian studies, collection of scientific papers. Khabarovsk State University of Law Economics. Khabarovsk, 2017. -- S. 129-135.

Социологическая интерпретация формирования коллективной памяти в постсоветской России

Ким Александр Сергеевич

доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права, профессор кафедры социологии, политологии и регионоведения Тихоокеанского государственного университета, stosorok2005@yandex.ru

Емельянов Петр Сергеевич

депутат Законодательной Думы Хабаровского края, eps.monon@gmail.com

В статье проводится социологический анализ воспроизводства коллективной памяти как социального феномена. Показывается роль политики памяти в формировании коллективных представлений о прошлом. С учетом региональной привязанности авторов статьи (Хабаровский край) в качестве подтверждения проведенного анализа приводятся результаты эмпирического исследования, проведенного в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах в 2019-2020 годах. Формулируются некоторые положения социологической интерпретации проблемы формирования коллективной памяти в постсоветской России.

Ключевые слова: коллективная память, социальная общность, социальная группа, социальная солидарность, социальный индивид, политика памяти, представления о прошлом, постсоветская Россия, постсоветское общество.

Для преодоления разобщающих тенденций, препятствующих достижению структурного единства социальных систем необходима социальная солидарность. Социальную солидарность, исходя из социологической традиции, заданной Э. Дюргеймом [2], следует полагать не только как определенную целостность общественной жизни, коллективность, но и, как универсальную ценность, признаваемую членами общества. Я. Асман выдвигает положение о «коннективной структуре», которая возникает в любой культуре и связывает между собой ее членов. Она «действует соединяющим, связующим действием в двух измерениях – социальном и временном» [1]. Асман полагает, что существуют символические миры смысла, конституируемые и передаваемые через социальное взаимодействие между современниками, предками и потомками. Общие смыслы и ценности создают общий опыт, общие ожидания и убеждения [16]. Членами социальной общности люди могут стать только тогда, когда сформировалось общее поле смыслов – понятных и разделяемых всеми. Именно это поле Я. Асман и считает «коннективной структурой».

На основе вышеизложенных положений можно полагать, что социальная солидарность, как единство установок, интересов, действий, выражающих принципиально сходное для всех социальных индивидов отношение к устройству общества и его институтам, предполагает наличие общей для всех членов какой-либо социальной общности (или общества в целом) ценностно-нормативной ориентации. Из этого следует, что социальная солидарность может

формироваться и складываться только на основе определенного коллективного сознания, включающего общие ценности, настроения и чувства, которые разделяют члены одной группы или общества. Принадлежность к определенной общности обеспечивает когерентность индивидуального и коллективного сознания.

Социальная, а точнее, коллективная память будучи одним из важнейших составляющих коллективного сознания несводима к сумме представлений о прошлом отдельных индивидов. Они зачастую задаются из сферы представлений всей общности (группы) в целом о том, «как правильно», «как надо или не надо» и т. д. [1]. Поскольку социальная солидарность опирается на неличностный ресурс общих смыслов и ценностей, коллективная память, как и коллективное сознание в целом, лежит, таким образом, в основе ее формирования и развития.

Проблемы социального изменения коллективной памяти весьма актуальны и для современной, постсоветской России. Крушение СССР привело к фрагментации общества на различные субкультуры, которые в условиях его масштабной трансформации нередко порождают почву для социального раскола и дезинтеграции. В ситуации кардинальной социально-стратификационной дифференциации, сопровождающейся ломкой прежних ценностей и отсутствием скрепляющих преобразующийся социум новых, задачей принципиальной важности является конструирование новых форм социальной солидарности.

В данной статье будет предпринята попытка социологической интерпретации роли коллективной памяти в контексте формирования социальной солидарности применительно к постсоветской России. С этой целью авторы постараются раскрыть в социологическом ключе феномен коллективной памяти. Рассмотрение последней как социального явления будет проиллюстрировано

некоторыми данными, полученными иркутским социологом О. А. Полюшкевич в ходе прикладного исследования, проведенного в 2019 – 2020 годах в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах [5]. Выбор именно такой географии не случаен, поскольку авторы, являющиеся дальневосточными исследователями, не только в научной, но и в практической плоскости наблюдают и осознают особенности исторической памяти в этих регионах России. Если говорить о Дальнем Востоке, то его трансграничное стратегическое положение и уникальное социально-экономическое и социально-культурное пространство предопределяют особую значимость формирования социальной солидарности у населения его территорий. И это обусловлено как потребностями его дальнейшего развития как форпоста России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и необходимостью укрепления общегражданской идентичности россиян – дальневосточников.

Социальная солидарность – это определенная форма согласия людей, которая складывается в социальном пространстве за определенный период времени, проявляясь как на сознательном, так и бессознательном уровне. Коллективная память является как условием передачи и внутреннего принятия ценностей, традиций и норм, представлений и установок, так и их отторжения, как условием консенсуса, так и конфликта между социальными индивидами, что не может не отразиться на социальной солидарности. Таким образом, коллективная память, как и культура общества в целом придает солидарности характер и направленность развития [8].

Коллективная память как феномен коллективного сознания включает в себя разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживляться, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе [9]. Коллективная память явля-

ется продуктом конструирования представлений людей об их прошлом посредством образовательных институтов, СМИ, разнообразных форм коммуникации и т. п. Одним из первых, кто обратил внимание на коллективное сознание, был Эмиль Дюркгейм. «Общее сознание – очень медленно устанавливается и очень медленно изменяется, так как оно – продукт прошлого» [2]. Коллективное сознание через коллективные представления определяет формы и методы, цели и задачи преемственности знаний, умений и навыков, необходимых для выживания поколения. По мнению Э. Дюркгейма, коллективное сознание в целом определяет индивидуальные представления членов общества.

Идеи Дюркгейма развивал один из его учеников Морис Хальбвакс. Ему принадлежит одно из первых упоминаний о собственно коллективной памяти. Он полагал, что память – это наша сегодняшняя жизнь, пролонгированная в прошлое. Память имеет социальную природу и не распространяется дальше конкретной социальной группы (общности). Благодаря памяти происходит непосредственная связь между личностью и различными событиями вне ее. Коллективная память – это атрибут социальной группы, это ресурс, из которого разными индивидами или группами индивидов извлекаются различные события, которые впоследствии по-новому трактуются, интерпретируются, заново понимаются и в целом осмысливаются. Это «система координат (горизонт) коллективного самоотождествления: мы запоминаем что-то как важное вместе со значимыми для нас другими людьми и в отношении к этим «другим», так что память объединяет нас в своего рода запоминательное сообщество» [13]. Качество, уровень и значимость интерпретации будут зависеть от места, которое занимает тот или иной человек в данной социальной группе. В данном контексте коллективная память поддерживает границы общества, сохраняет его сплоченность.

В конце 1980-х французский историк Пьер Нора предложил иное понимание коллективной памяти. В его интерпретации последняя есть система трансляции представлений и опыта от поколения к поколению: функции памяти тут связаны именно с передачей и трудностями этой передачи, с разными ее механизмами и способами, угрозой искажений, потерь, конъюнктурных поправок [5].

Коллективная память помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных представлений, разделяемых группой (общностью). Помимо этого, коллективная память связана с целями и потребностями группы – то есть коллективная память помогает воссоздать прошлое в соответствии с целями настоящего в жизни данной группы. Коллективная память является фактором конструирования и индивидуальных воспоминаний, так как они воспроизводятся с учетом социального контекста. Анализ постсоветского общества позволяет отметить, что происходит переосмысление, а, следовательно, и переоценка влияния прошлого на современную ситуацию. Например, оценки личности и политики Сталина, участия СССР во II Мировой войне, период перестройки (1985 – 1991 гг.) – это элементы сконструированных представлений различных групп общества о перечисленных событиях.

Коллективная память социальных общностей, и в, особенности, широких народных масс, избирательна и бинарна (белое/черное, хорошее/плохое, герой/злодей и т. п.). Она, как правило, категорична и не рефлексивна противоречий и сложностей реальной жизни, вынося однозначный вердикт историческим событиям. Данное обстоятельство позволяет манипулировать общественным сознанием, образами прошлого, интерпретируя их как в целях поддержания общественного согласия и национальной безопасности, так и в угоду политической конъюнктуры. «Государство и власть влияют на этот процесс либо

непосредственно (через учебные программы и образовательные стандарты), либо косвенно (через культуру, СМИ)» [11]. Исторические события прошлого нередко используются властью для конструирования и поддержания своего образа в настоящем, для получения одобрения своих действий со стороны народа и формирования единого отношения к тем или иным событиям, которые в дальнейшем станут факторами сплочения нации.

Например, в картинах о войне в конце 1940-х – начале 1950-х еще были слишком свежи личные оценки и опыт войны, в котором мало картинно-героического, а есть быт военного времени: голод, эвакуация, «военная» работа, а также снимались официально-парадные фильмы с мобилизационной версией происходящих событий. Спустя 15 лет, с вступлением в активную полосу жизни невоювавших поколений (рожденных в конце 1920-х – начале 1930 годов), стал процесс матрицирования массовых представлений о войне. Официально стали почитать «ветеранов», в фильмах появилась лиричность (в личных воспоминаниях, в государственных ритуалах), что привело к стереотипизации коллективных представлений о войне (выработка клише, поэтика официальной истории, музыка и т. д.) с соответствующими государственно-историческими понятиями о державной истории, национальной культуре, моральными оценками и т. д. В 1960 году вышел первый том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945», затем вышли новые тома, которые были дефицитными вплоть до 1980-х годов. Благодаря фильмам и книгам люди получили свой язык «высоких коллективных чувств», язык лирической государственности, который намертво закрепился впоследствии, уже к середине 1970-х годов, и на котором только и могут сегодня говорить о войне большинство россиян.

В Советском Союзе для сплочения общества власть использовала мировоззренческую установку, получившую

отклик в глубинах народного сознания – сплочение против внешней угрозы в условиях враждебного окружения. Именно, представление о Великой Отечественной войне как общенациональной беде, которая послужила фактором сплочения советского народа против фашистской агрессии, направленной не просто против СССР, но и против создания нового справедливого общества, придало памяти о войне сакральный характер [12,14]. И даже после завершения войны, благодаря фильмам, парадам, празднованиям, символ сплочения народа использовался властями как форма консолидации общества в виде «памяти о тех событиях». Каждый вновь приходящий руководитель продолжал эту идейно-политическую линию, которую с полным основанием можно обозначить как советскую политику памяти.

Помимо памяти о войне, элементом конструирования социальной солидарности советского общества стала «стройка века» – Байкало-Амурская магистраль (БАМ). Данный социальный проект продвигался в массовое сознание как грандиозный ускоритель великого будущего в развитии СССР («стройка века»), в нем декларировался многонациональный характер трудовых коллективов участников стройки как посланцев из всех союзных республик, а сам проект позиционировался как масштабное свидетельство дружбы и единства всех советских народов и формирования личности советского человека. В коллективной памяти сохранился образ строителей БАМа как «молодых», «энергичных», «веселых» людей, строящих будущее своими руками. Следует признать, что данный проект способствовал тому, что значительная часть населения СССР идентифицировало себя как советский народ. И такие строки из песен Д. Тухманова и В. Харитоновна, исполняемые группой «Самозвезды», как *«Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз»* были для многих не просто словами песни, а значимыми идеалами [7].

Происходило это во многом благодаря влиянию системы массовой советской пропаганды и агитации, включавшей в себя деятельность политико-идеологических структур, функционировавших по территориально-производственному принципу (партийных и комсомольских организаций), периодической печати, радио, телевидения, кинематографа, образовательных институтов. В условиях централизованного народного хозяйства и монополии на власть КПСС в фактически унитарном советском государстве на всех его уровнях формировались образы «Мы», «Наши» как «своих, советских», в противоположность образам «Они» «Другие», как «не наших, чужих», то есть представителям другого *капиталистического, буржуазного мира*.

Конечно, индивидуальные воспоминания, личный опыт и знания могут не совпадать с официальными версиями, однако воспоминания реальных участников событий могут изменяться и заново конструироваться под воздействием интерпретаций и трактовок со стороны власти и других заинтересованных сторон. Так, национальные или националистические чувства отдельных этнических индивидов, как правило, базируются на коллективной памяти, мобилизуемой этнополитическими движениями. Власть или оппозиция может манипулировать чувствами, основанными на памяти, конструируя тем самым общественное восприятие актуальных общественных процессов. Например, в первое десятилетие своего существования Федеративная Республика Германии представляла собой не сообщество памяти, а сообщество забвения. Эта позиция формировалась не только на обыденном, но и на законодательном уровне (амнистии 1949 и 1954 годов). Одобрение практик забвения и безнаказанности сплотило в единый массив граждан Федеративной Республики – как стоявших в стороне от национал-социалистического режима, так и бывших преступников, сообщников, зрителей, а

также возвращающихся из плена и изгнанных [10].

Или же более близкий к нам по времени конфликт – российско-грузинский. Отечественными и зарубежными СМИ он освещался абсолютно с разных позиций (См.: Версия России – Российско-грузинский конфликт: хроника событий 2008 года [Электронный ресурс]. URL <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,4547945,00.html> (дата обращения: 30.04.20 Версия Грузии – Российско-грузинский конфликт в заявлениях [Электронный ресурс]. URL http://news.bbc.co.uk/hi/russian/international/newsid_7575000/7575123.stm (дата обращения: 30.04.20)). Подтверждением оценок, а в последующем и воспоминаний россиян об этой войне являются опросы, проведенные Левада - Центром 13 августа 2008 года. Общественное мнение российских жителей – «на стороне Южной Осетии», также подавляющее большинство горожан (81 %) высказываются за оказание гуманитарной помощи пострадавшей территории [3]. Спустя несколько лет был проведен повторный опрос – ситуация в Южной Осетии, Абхазии и Грузии продолжает тревожить 57 % россиян. Положение дел на Северном Кавказе в целом остается актуальной внутривнутриполитической проблемой. По мнению россиян, обстановка в регионе остается стабильно тяжелой [4].

Политика памяти советского государства формировалась на основе идеологической парадигмы марксизма-ленинизма. Современное же российское государство не проводит всеохватывающую политику «линии партии», государственная политика в большей степени носит прагматический характер и направлена в первую очередь на обеспечение внутренней стабильности общества и минимизацию внешних угроз. Отсутствие государственной идеологии компенсируется различными управленческими установками, реализующимися в как в законодательстве (например, Федеральный закон «О про-

тиводайствии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 N 114-ФЗ, так и государственных программах, и концепциях (например, Стратегия государственной национальной политики на период до 2025 года, Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года).

Отсутствие государственной идеологии в сочетании с идеологическим плюрализмом способствовали тому, что пересмотр «советской истории» России стал привлекательным полем для политиков. Приобретают иное значение или смысл символы советской эпохи, ставятся под сомнение героические символы Великой Отечественной войны, или же формируется негативный, или наоборот, позитивный оттенок событий и явлений прошлого. В начале 1990-х термин «патриотизм» нередко приобретал негативные смыслы. Приверженцы демократической волны первых лет существования постсоветской России обозначали тех, кто причислял себя к оппозиционному патриотическому движению, «красно-коричневыми», «коммунофашистами». Тем самым, в обществе формировался новый, непривычный ранее смысловой контекст многих, казалось бы устоявшихся категорий, событий и явлений (Родина, государство, страна, власть, демократия, свобода и пр.).

Коммунистическая идеология в советский период была основой как образования, так и воспитания, которые состояли друг с другом в неразрывной связи. Образовательная деятельность была обеспечена единой методологической и мировоззренческой платформой. В условиях же постсоветского общества крушение прежних ценностей и несформированность новых в сочетании с открытостью общества и огромными потоками информации приводит к дезориентации молодежи. В этой связи следует отметить, что политике памяти огромную роль играет социально-гуманитарное образование. В настоящее время наблюдается обратная сторона

деидеологизации социально-гуманитарного образования. Отсутствие преемственности и координации в преподавании социально-гуманитарных дисциплин обуславливает невыстроенность социальных и гуманитарных дисциплин в целостную мировоззренческую систему, что приводит к распространению ненаучных (лженаучных) представлений об обществе, в том числе и об его истории. Множество дисциплин, которые включены в образовательные программы высших учебных заведений, преподаются людьми, трактующими сложные процессы развития человека и общества в соответствии с уровнем своего (не всегда профильного) образования и своими идейно-политическими ориентациями.

Все вышеперечисленное в значительной степени объяснимо с позиции анализа процессов конструирования функций коллективной памяти: познания, опосредования, адаптации и конвенционализации. Социальные представления в контексте познавательной функции, интерпретируют, объясняют и классифицируют события, явления, поступки. С позиции функции опосредования, они регулируют и определяют поведение индивида, социальные отношения и коммуникации в группе через поддерживаемые ценности. Функция адаптации позволяет приспособить новую информацию к сложившимся знаниям о событиях или явлениях, что позволяет сохранить имеющуюся картину мира индивида или группы. Функция конвенционализации позволяет сохранить стабильность и устойчивость индивидуальной и групповой структуры сознания через дифференциацию и интеграцию поступающей информации о событиях или явлениях.

Данные функции позволяют встраивать воспоминания даже о трагических и нелицеприятных событиях в один ряд с доминирующими в настоящий момент убеждениями и ценностями, придающими прошлому положительный образ. В коллективной памяти также отражается и преемственность общественного

развития. Ценности, созданные предыдущими поколениями, воспринимаются последующими уже в преобразованном, адаптированном виде. На практике это нередко выглядит в упрощении и редуцировании одних событий и подробностей (травмирующих, негативных) и актуализация и преувеличение роли других (позитивных или же совпадающих с современными оценками тех событий). Таким образом, анализируя обращение с историческим прошлым, можно прийти к выводу о том, что трансформация коллективной памяти является одним из важных механизмов конструирования социальной солидарности общества.

Коллективная память как социальный феномен, базируется прежде всего на интерактивных формах социального взаимодействия. Воспоминания о своем прошлом опыте ассоциируются у социальных индивидов с общением себе подобными в различных социальных ситуациях [9]. Эмоции, поступки, действия и тем более события, связанные с образами общностей, групп, институтов и организаций закрепляются в виде устойчивых ассоциаций при восприятии актуальных явлений современности. Таким образом, благодаря социальному взаимодействию индивиды конструируют новые знания, становящиеся впоследствии элементами коллективной памяти.

Другой особенностью коллективной памяти как социального феномена является то, что она всегда социально контекстуальна. То есть формируется в определенных социальных условиях, определена конкретными границами социального пространства и времени. Социальный контекст коллективной памяти предполагает множество возможностей интерпретации как происходящих, так и прошедших событий [10]. Различные позиции подхода к прошлому и настоящему обусловлены социальными особенностями личности или группы, то есть их социальными статусами, ролями и т. д. Таким образом, складывающиеся в коллективной памяти представления о прошлом и

настоящем – это отражение опыта отношений между людьми, группами, институтами, организациями в определенных социально-исторических обстоятельствах [15]. Эти представления актуализируются или отходят на задний план вплоть до полной утраты в зависимости от социальных интересов и потребностей, ценностей и норм, наполняющими социальное пространство развивающегося общества. Их динамика и трансформация собственно и определяют изменения смысла и содержания коллективной памяти.

С учетом региональной привязанности авторов статьи (Хабаровский край), в качестве подтверждения вышеприведенного анализа целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть социологическое исследование общественного мнения по вопросам социальной солидарности, проведенное иркутским социологом О. А. Полюшкевич в 2019–2020 годах в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах [5]. Исследование проводилось в различных группах респондентов (менеджеры, рабочие, неработающие пенсионеры, работники образования, студенты, безработные, мигранты). Всего в опросе участвовало 1500 человек. Коэффициент погрешности не превышал 3% [5].

Опрошенные жители Сибири и Дальнего Востока в своих представлениях проецируют определенные переживания (в ответах присутствуют ценностные и эмоциональные оценки того времени). Это иллюстрирует сравнение ответов, где выражены представления об основных характеристиках советского общества в сталинский период, представленное в таблице 1.

В таблице 2 представлены ответы на вопрос о том, в какие периоды современной отечественной истории, граждане нашей страны были наиболее солидарны.

Из таблицы видно, что разные группы не одинаково оценивают прошлое. II Мировая война имеет приоритет для неработающих пенсионеров (35%), рабочих (32%) и менеджеров

среднего класса (29%). Холодная война важна для неработающих пенсионеров (35%), менеджеров и работников образования (по 25%). Строительство БАМа находится в приоритете у безработных (33%), неработающих пенсионеров (29%) и работников образования (28%). Освоение Сибири и Дальнего Востока важно для мигрантов (33%), студентов (29%) и рабочих (22%).

Таблица 1
Характеристика общества во время правления Сталина

Социальная группа	Мужчины	Женщины
Менеджеры (средний класс)	«стабильность», «гарантии», «предсказуемость»	«стабильность», «работа», «уверенность в будущем»
Рабочие	«социальные гарантии», «стабильность»	«стабильность», «работа», «спокойная жизнь»
Неработающие пенсионеры	«уверенность в будущем», «бесплатное лечение и образование», «молодость»	«спокойствие», «надежность», «работа»
Работники образования	«безмятежность», «романтика», «стабильность»	«ограничение», «рамки», «сила»
Студенты	«сила», «безопасность», «надежность»	«дружба», «ограничение», «угнетение»
Безработные	«стабильность», «достаток», «защищенность»	«надежность», «опора», «работа»
Мигранты	«открытость», «сила»	«власть», «сила»

* Наиболее частые ответы.

Таблица 2
Периоды наибольшей солидарности наших сограждан (в %)

Социальная группа	II Мировая война	Холодная война	Строительство БАМа	Освоение Сибири и Дальнего востока	Иное
Менеджеры (средний класс)	29	25	22	17	7
Рабочие	32	16	25	22	5
Неработающие пенсионеры	35	27	29	8	1
Работники образования	20	25	28	24	3
Студенты	26	14	18	29	13
Безработные	26	21	33	18	2
Мигранты	15	15	25	33	12

В таблице 3 представлены эмоциональные состояния, связанные у респондентов с различными событиями из современной истории нашей страны.

Таблица 3
Эмоциональные реакции на события из прошлого нашей страны

Эмоциональное состояние	II Мировая война	Холодная война	Строительство БАМа	Освоение Сибири и Дальнего востока
Положительное (позитивное)	71	51	82	93
Отрицательное (негативное)	22	42	2	1
Нейтральное	7	7	16	6

Таблица 4
Оценка влияния событий прошлого на современное положение дел в экономике, политике, культуре (в %)

Оценка уровня связи	II Мировая война	Холодная война	Строительство БАМа	Освоение Сибири и Дальнего востока
В экономике				
Параллели или связь событий прошлого и настоящего имеется	61	53	52	51
Связи между событиями прошлого и настоящего нет	17	22	21	20
Затрудняюсь ответить	22	25	27	29
В политике				
Параллели или связь событий прошлого и настоящего имеется	72	66	63	65
Связи между событиями прошлого и настоящего нет	12	21	19	14
Затрудняюсь ответить	16	13	18	21
В культуре				
Параллели или связь событий прошлого и настоящего имеется	43	41	44	46
Связи между событиями прошлого и настоящего нет	25	22	25	15
Затрудняюсь ответить	32	37	31	39

Из выделенных значимых событий, большинство положительных (позитивных) оценок и коннотаций имеют те, ко-

торые связаны с созиданием, развитием, величием страны, тем, что шло на благо ее народу. Напротив, статистически значимые отрицательные (негативные) оценки даны событиям, ассоциирующимся с агрессией, нанесением ущерба, внешней угрозой, нарушением мирной жизни.

На рисунке 1 представлено субъективное восприятие сфер современного общества, на которые влияет прошлое (в экономике – 34%, в политике – 43%, в культуре – 23%), далее, в таблице 4 представлена более детальная оценка влияния событий прошлого на современное положение дел в экономике, политике, культуре.

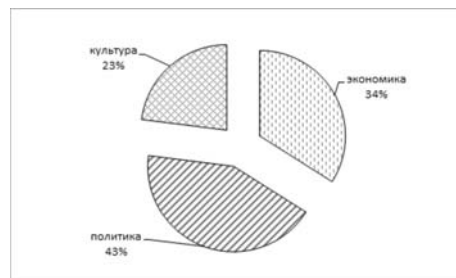

Рис. 1. Субъективное восприятие сфер современного общества, на которые в большей мере оказывает влияние прошлого

Связей и параллелей в экономике, респонденты видят значительно больше, чем в других областях (на втором месте - политика и на третьем - культура).

Какие же моменты социологической интерпретации проблемы коллективной памяти в постсоветской России выявляются в результате наложения теоретико-методологических рассуждений на сюжеты прикладных исследований?

1. Как показывают результаты вышеприведенного социологического исследования, наблюдаются статистически значимые различия в ответах респондентов как по социальной субъектности (особенности отношения к событиям разных социальных групп), так и по оценкам выделенных значимых собы-

тий. Это можно объяснить, с одной стороны, разным индивидуальным жизненным опытом и условиями социализации респондентов. С другой стороны, представления члена каждой социальной группы – это продукт коллективной памяти, во многом обусловленный влиянием СМИ, образовательных и политических институтов, социализацией в конкретных общественно-исторических условиях. Следует обратить внимание и на то, что в ответах респондентов прослеживаются попытки изложения в концентрированном виде коллективных мифов и идеологем, которые распространены как в массовом сознании, так и в сознании определенных социальных групп. В связи с вышеизложенным возникает вопрос о том, каково функциональное предназначение коллективной памяти как формы мифологизированного сознания.

2. Возможными вариантами ответов являются следующие. Во-первых, мифологизированную коллективную память можно расценивать как символ и механизм исторической и социальной идентичности, посредством которых индивиды осознают свою причастность к определенной социальной общности, стране, государству, их истории и развитию. Во-вторых, во многих ситуациях мифологизированная коллективная память может выступать и как продукт процессов групповой сплоченности, используемый в дальнейшем как ритуал социальной (коллективной) солидарности (этнической, национальной, государственной и т.п.), легитимизирующий социальные институты или различные идеологические взгляды и политические решения.

3. Целесообразно предположить, что коллективные представления о прошлом нередко приобретают идеализированный контекст как форма неприятия настоящего, несогласия с его ценностями, как своего рода протест против существующих социальных порядков. Противопоставление настоящему в виде идеализации и романтизации в структуре коллективных представлений

о прошлом выступает инструментом оппозиции к современным реалиям.

4. Понятно, что тот, кто владеет механизмами формирования коллективной памяти о прошлом, тот контролирует процессы настоящего и предпосылки становления будущего. Именно поэтому целесообразно задаваться вопросами о том какие силы (группы, социальные круги, институты, личности) формируют образ прошлого и для чего им это необходимо; в рамках каких коллективных представлений о прошлом эти силы будут искать ресурсы власти и влияния; с использованием каких символов, социальной техники и технологий возможно мобилизовать население на обсуждение и отстаивание ценностей прошлого?

В заключение необходимо отметить, что конструирование коллективной памяти лишь механизм, инструмент формирования социальной солидарности. И в этой связи, на наш взгляд, целесообразно привести соображения более общего порядка. Самый главный вопрос заключается в том, каковы перспективы формирования социальной солидарности в условиях отсутствия общенациональной идеологии. Несформированность последней объективно оправдана коротким историческим промежутком (около 30 лет), отделяющим современную Россию от СССР. Понятно, что в условиях масштабной субкультурной фрагментации и социально-стратификационной дифференциации постсоветской России весьма проблематично как в научно-концептуальном, так и в практически-политическом плане выстроить некую интеграционную систему социальных ценностей и идеологических парадигм.

Можно предполагать, что управление обществом без общенациональной государственной идеологии может представляться рациональным и эффективным с позиции некоторой части властной элиты. Логика такого рода может заключаться в том, что отсутствие привязки к определенной идеологиче-

ской парадигме дает власти возможность не стать заложником каких-либо ценностных обязательств, на которые пришлось бы постоянно оглядываться, и которые бы ограничивали пространство политического маневрирования. Более того возможно, что некоторым элитным группам представляется целесообразным, исходя из динамики интересов и складывающихся в обществе массовых настроений, наращивать социальную базу властной вертикали, заручаясь попеременно поддержкой весьма разных, порой диаметрально противоположных социально-политических сил и различных социальных слоев.

Таким образом, идеологическая беспринципность и мимикрия вполне могут быть эффективными ресурсами поддержания общественной стабильности в определенных временных рамках. Однако они по определению не смогут стать факторами социальной солидарности граждан России. Между тем с течением времени потребность в создании общенациональной идеологии нарастает как с точки зрения формирования и поддержания новой российской идентичности, так и ввиду укрепления и развития целостности России как государства и общества.

Литература

1. Асман Я. Культурная память: Письмо память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. : Язык славянской культуры, 2004. С. 21.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М. : Наука, 1991. С. 272.
3. Левада Центр. О ситуации вокруг Абхазии и Южной Осетии [Электронный ресурс]. URL <http://www.levada.ru/press/2010092301.html> (дата обращения: 30.04.20).
4. Левада Центр. Российско-грузинский конфликт: новые данные [Электронный ресурс]. URL <http://www.levada.ru/press/2008081202.html> (дата обращения: 30.04.20).
5. Нора П. Поколение как место памяти // Новое литературное обозрение. 1998. № 2(30).
6. Полюшкевич О.А. Отчет по исследованию «Коллективная память и социальная солидарность населения России», 2019-2020.
7. Полюшкевич О. А. Солидарность поколений: монография. – Иркутск, ИГУ. 2014. 144 с.
8. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность в трансформирующемся обществе. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 168 с.
9. Полюшкевич О. А. Социокультурная солидарность : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. 221 с.
10. Полюшкевич, О. А. Коллективная память и социокультурная солидарность // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2011. № 5 (60). С. 4-9.
11. Свасьян К. Политика памяти и голем «коллективной вины» // Русский журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Politika-pamyati-i-golem-kollektivnoj-viny> (дата обращения: 30.04.20).
12. Сенявский А. С., Сенявская Е. С. Историческая память о войнах XX века как область идейно-политического и психологического противостояния // Российская история. 2007. № 2. С. 142.
13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27
14. Хельмут Кёниг. Память о национал-социализме, Холокосте и Второй мировой войне в политическом сознании ФРГ // Неприкосновенный запас. 2005. № 2/3.
15. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread Nationalism. Revised Edition. Verso. London; N. Y., 1991; Burke P. History as social memory // Memory. History. Culture and Mind/Th. Bulter (ed.). Basil ; Blackwell, 1989.
16. Assmann A u. J. Schrift, Tradition and Kultur // W. Raible (Hrsg) Zwischen

Fesstag und Alltag. Tübingen, 1988. P. 25–50.

Sociological interpretation of the formation of collective memory in post-Soviet Russia

Kim A.S., Emelyanov P.S.

Pacific State University, Legislative Duma of the Khabarovsk Territory

The article provides a sociological analysis of the reproduction of collective memory as a social phenomenon. The role of the politics of memory in the formation of collective ideas about the past is shown. Given the regional affection of the authors of the article (Khabarovsk Territory), the results of an empirical study conducted in the Siberian and Far Eastern Federal Districts in 2019-2020 are presented as confirmation of the analysis. Some provisions of the sociological interpretation of the problem of the formation of collective memory in post-Soviet Russia are formulated.

Keywords: collective memory, social community, social group, social solidarity, social individual, memory policy, ideas about the past, post-Soviet Russia, post-Soviet society.

References

1. Asman I. Cultural memory: A letter is a memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. M.: Language of Slavic culture, 2004. C. 21.

2. Durkheim E. On the division of social labor. M.: Science, 1991. S. 272.

3. Levada Center. On the situation around Abkhazia and South Ossetia [Electronic resource]. URL <http://www.levada.ru/press/2010092301.html> (accessed: 04/30/20).

4. Levada Center. Russian-Georgian conflict: new data [Electronic resource]. URL <http://www.levada.ru/press/2008081202.html> (accessed: 04/30/20).

5. Nora P. Generation as a place of memory // *New Literary Review*. 1998. No. 2 (30).

6. Polyushkevich O.A. Report on the study “Collective memory and social solidarity of the population of Russia”, 2019-2020.

7. Polyushkevich O. A. Solidarity of generations: a monograph. - Irkutsk, ISU. 2014. 144 s.

8. Polyushkevich O. A. Sociocultural solidarity in a transforming society. - Irkutsk: Publishing house of ISU, 2014. 168 s.

9. Polyushkevich O. A. Sociocultural solidarity: a monograph. Irkutsk: Publishing House of ISU, 2011. 221 s.

10. Polyushkevich, O. A. Collective memory and sociocultural solidarity // *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2011. No. 5 (60). S. 4-9.

11. Svasyan K. Politics of memory and the golem of “collective guilt” // *Russian Journal [Electronic resource]*. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Politika-pamyati-i-golem-kollektivnoj-viny> (accessed: 04/30/20).

12. Senyavsky A. S., Senyavskaya E. S. The historical memory of the wars of the XX century as an area of ideological, political and psychological confrontation // *Russian History*. 2007. No. 2. P. 142.

13. Halbwax M. Collective and historical memory // *The untouchable reserve*. 2005. No. 2–3. S. 8–27

14. Helmut Koenig. The memory of National Socialism, the Holocaust and the Second World War in the political consciousness of Germany // *The untouchable reserve*. 2005. No. 2/3.

15. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread Nationalism. Revised Edition. Verso. London N. Y., 1991; Burke P. History as social memory // *Memory. History. Culture and Mind / Th. Bulter (ed.)*. Basil; Blackwell, 1989.

16. Assmann A u. J. Schrift, Tradition and Kultur // W. Raible (Hrsg) *Zwischen Fesstag und Alltag*. Tübingen, 1988. R. 25-50.

Информационная культура муниципальных служащих

Москвитина Наталья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутского государственного университета, natalikm@mail.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования информационной культуры муниципальных служащих Иркутской области. Представлен анализ сильных и слабых сторон, выявлены общие закономерности, ключевые проблемы, мотивы и последствия развития информационной культуры среди муниципальных служащих.

Ключевые слова: информационная культура, муниципальные служащие, социологическое исследование

Современное общество достаточно быстро развивается. Информационные технологии являются обязательными атрибутами современной жизни. На муниципальной службе они также все более повсеместно входят в повседневные реалии, выполнения своих профессиональных обязанностей муниципальными служащими. Поэтому становится все более актуальным вопрос об информационной культуре муниципальных служащих.

Это касается и подготовки управленческих решений, которые требуют системной информационной подготовки и систематизации имеющихся проблем или способов их решения, усложняются управленческие задачи, увеличивается информационная нагрузка. Это требует эффективное информационное обеспечение.

Повышение информационной составляющей в муниципальной службе упрощает горизонтальное и вертикальное взаимодействие, ускоряя и качественно его повышая. От принятия до реализации управленческого решения, благодаря информационной обеспеченности служащих проходит меньше времени и они могут больше необходимой работы выполнить [1,2].

При этом, возникают трудности при использовании и развитии информационной культуры муниципальных служащих.

Это с одной стороны повышение образованности и информационной грамотности муниципальных служащих, уровнем и качеством их подготовки и с другой, несоответствие возможностей муниципалитетов к обеспечению необходимым современным информационным обеспечением новых информационных технологий [4,5].

Также, выступает серьезной дилеммой трансформация характера информационной среды, развитием сети интернет и других социально-информационных интерфейсов с тенденцией сохранения информационной и личной конфиденциальности, а также ограничением времени на работу с информацией.

Продуктивная деятельность государственного и муниципального служащего любого ранга, во многом определяется уровнем его информационной культуры и умением дифференцировать разного рода информацию, поступающую из разных источников, а на основе ее анализа и проверки принимать единственно правильное в сложившейся ситуации управленческое решение [3]. Таким образом, в содержание информационной культуры как сложной взаимосвязи дополняющих друг друга структурных элементов, включаются отдельные компоненты как профессиональной, педагогической, так и общей культуры, составляющие в целом своеобразную структуру.

Чувство социальной ответственности как неотъемлемая составляющая информационной культуры государственного и муниципального служащего сопровождает его профессиональную деятельность и способствует преобразованию необходимых компетенций в устойчивую позицию и поступки, социально мотивированную деятельность [6]. Каким бы высококвалифицированным специалистом ни являлся государственный служащий, без сформированных социально значимых ценностных ориентаций невозможно говорить о высоком уровне информационной культуры. Чтобы оставаться востребованным в своей области профессиональной деятельности, необходимо, как и в любой другой сфере деятельности, регулярно уделять внимание совершенствованию не только профессиональных качеств, но и информационной культуры, собственной и подчиненных.

Целью исследования было выявление основных тенденций и перспектив развития информационной культуры в системе муниципального управления городов Иркутской области. Наше исследование проходило весной 2020

года среди муниципальных служащих в городах Иркутской области. В исследовании приняло участие 686 человек в возрасте от 22 до 65 лет, 60% женщин и 40% мужчин, все имеют высшее образование и стаж муниципальной службы от 1 года до 40 лет. Из опрошенных 25% – это руководители среднего уровня и 75% рядовые сотрудники.

Информационная культура респондентами воспринималась как необходимое качество, процесс и одновременно явление. Но далеко не все могли уверенно сказать, что овладели им в совершенстве и информационная культура помогает и облегчает жизнь. Более половины готовы развивать в себе навыки и опыт по использованию данного вида культуры, так как понимают, что за ним будущее.

Наше исследование началось с вопроса о том, что послужило мотивом выбора деятельности на муниципальной службе, так как понимание того что послужило толчком к выбору специальности позволит проследить взаимосвязь с желанием развивать информационную культуру. На рисунке 1 представлены мотивы выбора профессии, а на рисунке 2 взаимосвязь с желанием осваивать и развивать информационную культуру.

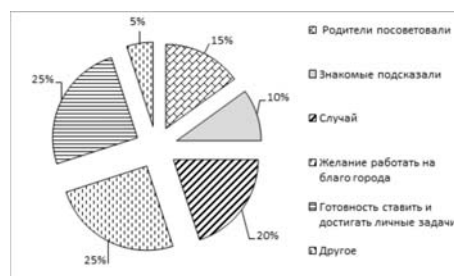

Рис. 1. Мотивы выбора профессии

Как видно из рисунка 1, патристические чувства (желание работать на благо города) и личные амбиции (готовность ставить и достигать личные задачи) стали приоритетными при выборе муниципальной службы как основной сферы деятельности (по 25% каждый

пункт). Воля случая или иных обстоятельств проявилась у 20% респондентов в том, что они пришли на муниципальную службу. Подчинение желанию

или совету родителей привело 15% муниципальных служащих на их нынешнюю должность и только 10% послушали своих знакомых.

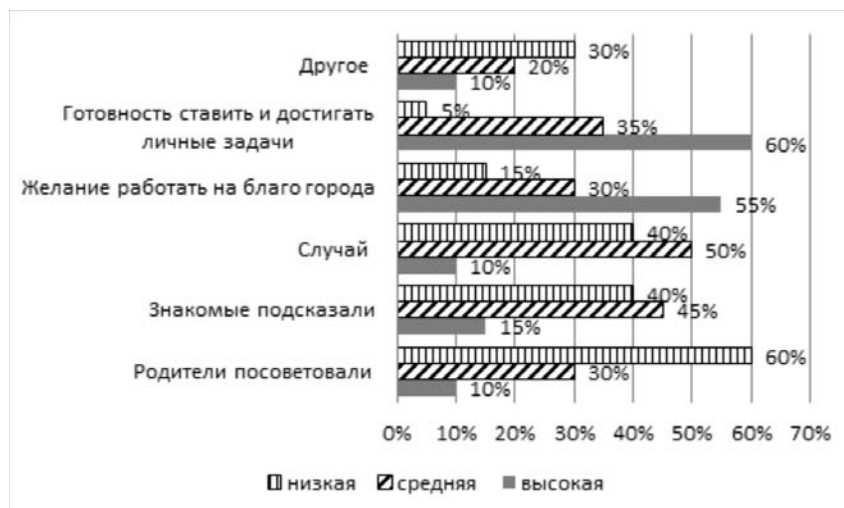

Рис.2. Взаимосвязь мотива работы на муниципальной службе и желания развивать информационную культуру

Интересные результаты по уровню готовности развивать информационную культуру. Стоит уточнить, что под высоким уровнем готовности к развитию информационной культуры мы понимали готовность изучать, осваивать, опробовать и внедрять в непосредственную свою работу новые информационные достижения, а также готовность обучать и курировать других, нести за них личную ответственность в этом вопросе. Средний уровень развития информационной культуры развит у тех, кто готов осваивать новые информационные достижения но лишь в той мере, что необходима для минимального соответствия своей должности и выполнения обязательных инструкций. Низкий уровень готовности развития информационной культуры у тех, кто сопротивляется внедрению новых информационных технологий, саботирует и игнорирует достижения информационной культуры.

Личные амбиции и патриотизм при выборе профессиональной деятельно-

сти указывают на высокий уровень готовности развития информационной культуры (60% и 55% соответственно) или средний (35% и 30% соответственно). Те, кто указывали на случай – высокий уровень мотивации развития информационной культуры наблюдается у 10% и средний у 50%. Для тех, кто по совету знакомых пошел – высокий уровень мотивации развития информационной культуры наблюдается у 15% и средний у 45%. Для тех, кто по совету родителей пошел – высокий уровень мотивации развития информационной культуры наблюдается у 10% и средний у 30%. Иными словами, чем больше личных или патриотических чувств испытывают муниципальные служащие, тем более развит уровень и готовность развития информационной культуры.

У 50% муниципальных служащих ожидания частично оправдались, у 35% полностью оправдались и у 15% совсем не оправдались. Более интересные данные с корреляцией показателей готовности внедрения информационной

культуры на местах. Высокий уровень готовности развития информационной культуры у тех муниципальных служащих, у кого ожидания частично оправдались (50%) и полностью оправдались (30%). Средний – у тех, у кого частично оправдались (25%) и полностью оправдались (20%). Низкий – доминирует у тех, у кого совсем не оправдались ожидания (75%).

По мнению муниципальных служащих, информационная культура помогает общекультурному развитию – 45%, оптимизирует работу – 40% и соответствует прогрессу 15%.

Муниципальные служащие неоднозначно относятся к информатизации органов государственной власти и местного самоуправления. Положительно – 45%, отрицательно – 35%, нейтрально – 20%.

Среди комментариев, которые давали респонденты, можно привести следующие примеры. Высокий уровень: *«Без готовности обучаться чему-то новому, современному невозможно быть хорошим специалистом»* (Н.Ю., 44 года, специалист с 20-летним стажем муниципальной службы). *«Быть профессионалом своего дела – означает идти в ногу со временем и осваивать новые возможности»* (Н.Ю., 51 год, специалист с 30-летним стажем муниципальной службы). *«Я всегда слежу за новинками и к нам их внедряют не так скоро, как хотелось бы, но это не значит, что их нет»* (А.А., 25 лет, специалист с 3-летним стажем муниципальной службы).

Средний уровень: *«Если все указания начальства сразу выполнять, то времени на ежедневную работу не останется. Надо внедрять все не торопясь»* (Т.А., 33 года, специалист с 9-летним стажем муниципальной службы). *«Я осваиваю что мне надо по работе, а гнаться за последними новинками не в моих привычках, да и не факт что денег хватит на новое информационное обеспечение нашего муниципалитета»* (Д.О., 29 лет, специ-

алист с 5-летним стажем муниципальной службы). *«Я готова к обучению, но не реусь вперед, так как на меня после свесят в 5 раз больше, чем есть сейчас. А оно мне надо?»* (А.В., 31 год, специалист с 11-летним стажем муниципальной службы).

Низкий уровень: *«Сейчас итак столько бумажной волокиты, так времени нет осваивать что-то новое»* (Н.Ю., 24 года, специалист с 2-летним стажем муниципальной службы). *«Было много работы, внедрили систему информационного документооборота – бумага стали в два раза делать больше. Зачем спрашивается это надо было?»* (О.Л., 48 год, специалист с 18-летним стажем муниципальной службы). *«Лучше спешить медленно, а у нашего руководства – все благие намерения заканчиваются совсем не тем, чем хотелось и ожидалось»* (А.Г., 44 года, специалист с 16-летним стажем муниципальной службы).

Муниципальные служащие достаточно традиционно смотрят на восприятие профессионального образования. Высшее образование и является профессиональным образованием у 45% респондентов. Большой стаж, т.е. опыт работы в той или иной сфере позволяет говорить о профессиональном опыте и образовании – у 30% респондентов. И только для 25% муниципальных служащих образование в сфере государственного и муниципального управления является профессиональным образованием.

Интересна также зависимость представлений о профессиональном образовании и готовности развивать информационную культуру (см. рис. 3).

Те муниципальные служащие, кто предполагает что профессиональное образование лежит в сфере государственного и муниципального управления, имеют более высокий уровень информационной культуры (70%). Образовательным учреждениям в связи с этим можно предложить развивать программы магистратуры и повышения ква-

лификации, которые имеют четкую целевую профессиональную аудиторию. Для тех, кто имеет средний уровень развития информационной культуры – ключевым показателем профессионального образования выступает большой стаж (40%). Для тех муниципальных служащих у кого низкий уровень готовности осваивать информационную культу-

туру также доминирует стаж как показатель профессионального образования и профессионализма (35%). Высшее образование для муниципальных служащих со всеми уровнями готовности развития информационной культуры является обязательным показателем и условием профессионализма и профессионального образования.

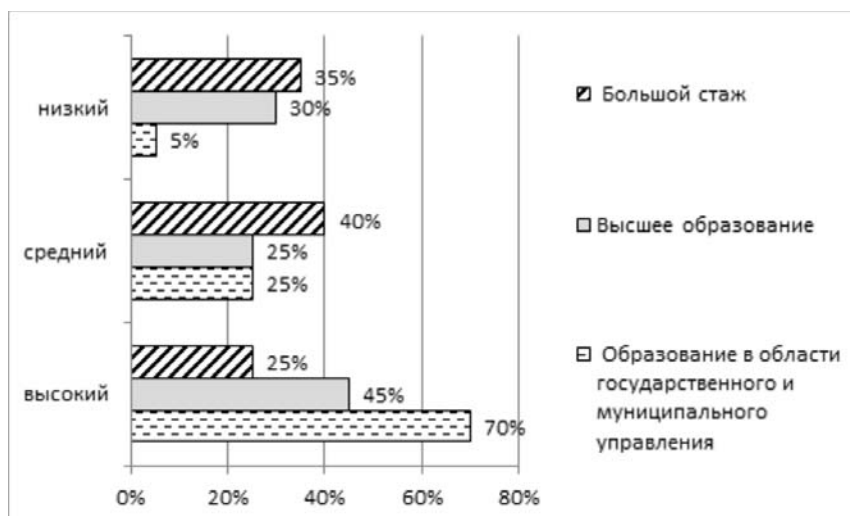

Рис. 3. Взаимосвязь представлений о профессиональном образовании и уровне информационной культуры муниципальных служащих

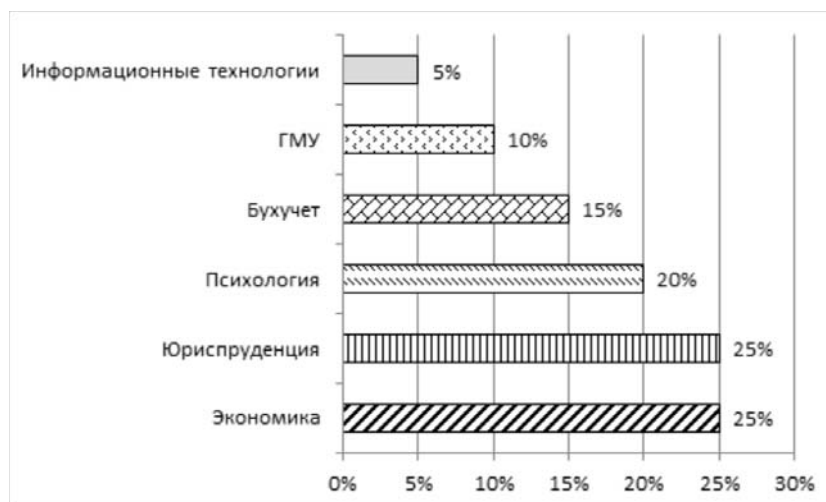

Рис. 4. Сфера, где хотели бы получить дополнительное образование муниципальные служащие, нацеленное на развитие информационной культуры на местах

На рисунке 4 представлены сферы желаемого дополнительного образования, которые помогут развитию информационной культуры на местах.

По мнению респондентов, экономическое образование в 30% поможет развитию информационной культуры, юридическое в 25%, психологическое в 20%, бухгалтерское – 15%, ГМУ – 10% и собственно информационной безопасности. Безусловно, муниципальные служащие с позиции своей профессиональной дея-

тельности оценивают потребности в информационном обеспечении, но представленные данные показывают достаточно традиционное для нашего общества распределение потребностей знаний.

Более того, оценка повышения квалификации, связанная с изменениями в профессиональном статусе, связанная с прохождением переподготовки показывает далеко не однозначную картину в информационной подготовке служащих. Более подробно см. рис.5.

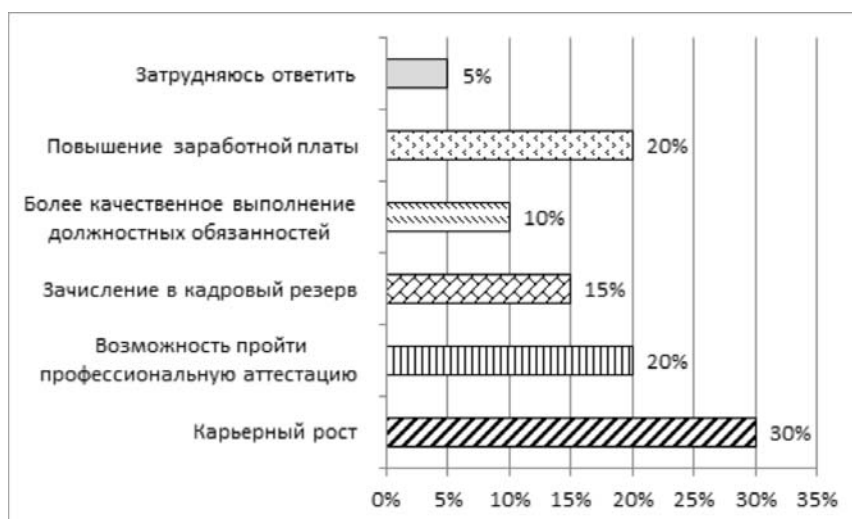

Рис. 5. Оценка повышения квалификации, связанное с изменениями в профессиональном статусе, связанное с прохождением переподготовки

На рисунке 5 видно, что оценка повышения квалификации муниципальными служащими связана, прежде всего, с карьерным ростом – 30%, повышением заработной платы и возможностью пройти профессиональную аттестацию – по 20%. Зачисление в кадровый резерв – 15% и более качественное выполнение должностных обязанностей лишь у 10% респондентов.

Иными словами, информационная культура выступает инструментом, а не целью повышения квалификации муниципальных служащих Иркутской области. Для большинства (70%) это практические умения и навыки, которые можно

применять в разных областях профессиональной деятельности и только для 30% это возможность развития критического и ассоциативного мышления, креативности и нестандартного подхода к решению поставленных задач.

При этом, респонденты свою степень подготовки к использованию информационных компьютерных технологий оценивают как очень хорошую – 15% или достаточную – 45%, что в целом показывает высокий уровень подготовки и только 30% говорит о не достаточной подготовке и у 10% (увы) имеет место никакая подготовка.

В таблице 1 и на рисунке 6 представлены данные о влиянии информационных технологий на реализацию и развитие муниципальных служащих. В анкете вопрос задавался через шкалу от 5 до 1,

но для удобства, ответы мы преобразовали в высокий уровень влияния: 4-5 баллов, средний – 3-2 балла и низкий – 1 балл.

Таблица 1

Влияют ли информационные технологии на реализацию и развитие лично у Вас? (%)

Воздействие информационных технологий	Высокий	Средний	Низкий
эрудиции и начитанности	40	30	30
интуиции, критичности мышления	60	30	10
гибкости и открытости к восприятию новой информации	50	30	20
ответственности в работе с информацией	60	30	10
Воображения	40	40	20
Сопереживания	25	35	40
ассоциативного мышления	35	35	30
библиотечно-библиографической грамотности	40	35	25
компьютерной грамотности	50	50	0
владения приемами развития памяти	35	45	20
умения использовать информацию	45	55	0
умения организовать имеющуюся информацию	55	40	5
умения сочетать традиционные и электронные источники информации для получения новой информации	40	50	10
коммуникативную компетентность	40	50	10

Рис. 6. Графическое изображение влияния информационных технологий на реализацию и развитие самого муниципального служащего

Как видно из табл. 1 и рисунка, на высокий уровень реализации респон-

дента влияет интуиция, гибкость, ответственность и умение сочетать традици-

онные и информационные, электронные формы работы. Для среднего уровня оценки реализации важна компьютерная грамотность, умение пользоваться информацией, коммуникативная компетентность и также умение сочетать традиционные и информационные, электронные формы работы. Для низкого уровня реализации важны навыки достаточно слабо связанные с информационной культурой – это сопереживание, эрудиция и начитанность. Вероятно, поэтому и реализации в профессиональной деятельности не наступает, что представители данной группы имеют иные мотивы и формы деятельности на своем рабочем месте.

При этом, большая часть респондентов (70%) говорит о высоком уровне оснащенности своего учреждения компьютерной техникой, которая помогает и повышает качества освоения информационной культуры муниципальных служащих.

При этом, далеко не всеми инструментами компьютерной техники в своей деятельности пользуются муниципальные служащие. Преобладают базовые программы – текстовые и графические редакторы (80%) – практически все, системы делопроизводства – 75%, базы кадровых данных в Интернет – 65%, телекоммуникации – 45%, информационные системы – 35%, планинги рабочего времени – 30%, специализированные программы – 25%, игры – 10%.

Оценивая средства полезной компьютерной техники, которые были бы полезны, но сейчас недоступны, муниципальные служащие говорят о тех же формах, только в большем объеме и качестве. Освоение в полном объеме текстовых реакторов – 100%, специализированные программы 0 90%, системы делопроизводства – 80%, информационные системы и базы кадровых данных в Интернет – по 75%, телекоммуникации – 60%, планинги рабочего времени – 55%.

Иными словами, муниципальные служащие знают что им нужно осваивать, знания в каких областях и сферах информационной культуры усиливать, чтобы освоить и качественно выполнять

свои профессиональные обязанности и должностные инструкции.

Никто из респондентов не ходил на курсы по приобретению навыков по работе с компьютером, все осваивали его самостоятельно или в рабочем порядке. При этом, респонденты указывают на разные проблемы, возникающие при работе с компьютером.

Основная проблема – недостаточность знаний и навыков (35%), т.е. для ее устранения необходимы курсы, консультации и мастер-классы. Сложность оборудования – 25%. Устраняется тем же путем – через обучение работы на оборудовании. Отсутствие необходимых программ и вредное влияние на здоровье – по 20%. Устаревшие компьютеры – 15%. Психологический барьер и недостаток консультантов по 10%.

Во всех изучаемых нами подразделениях есть компьютерные службы или отдельные специалисты. Но далеко не все сотрудники могут высоко оценить качество их работы или вернее эффективность в конкретном муниципальном подразделении.

Муниципальные служащие считают специалистов или в целом служб технической и информационной поддержки узкими специалистами – 35%, полагают что у них слишком свободный режим – 30%, они не понимают специфику работы – 25%, непонятно чем занимаются – 20%, хотели бы поменяться с ними работой – 15%, они используют жаргон – 10%, они высокомерны – 5%. Большинство ответов имеет негативный контекст, что в целом показывает общую неудовлетворенность процессом.

При этом, у муниципальных служащих возникали ситуации с защитой информации хранящейся в компьютерах. Наиболее часто респонденты сталкивались с потерей информации из-за сбоев техники – 40%, потери информации из-за плохой организации хранения – 35%, порчи информации вирусами – 30%, усложненному доступу к конфиденциальной информации – 25%, хищением информации – 20% и только 10% не сталкивались с подобными проблемами.

Итак, проведенное исследование позволяет говорить о том, что среди муниципальных служащих имеется три уровня развития информационной культуры: высокий, средний и низкий. Далекое не все принимают информационные нововведения, но понимают, что они необходимы для дальнейшей работы.

Муниципальным служащим Иркутской области необходима дополнительная подготовка в виде магистерских программ, курсов повышения квалификации, мастер-классов по повышению навыков и компетенций оперирования информационными ресурсами. Также необходимо проводить мониторинг оценки личной подготовленности сотрудников к работе в новых информационных условиях, чтобы не возникало дополнительного напряжения и негативного восприятия своей работы и коллег, работающих рядом.

В поступательном процессе муниципальных становления использованию информационного оптимизации общества процессом происходит процесс коренное долгосрочный изменение пополнение сложившихся обучение социально-психологических реализацией отношений наиболее в сфере кластерного управления формирующим государственного которая и муниципального обучение уровня. Одним контрольно из главных числе изменений подготовленные является анализе формирование интегральн новой настоящей информационной движением культуры большинстве в системе повысить управления.

Информационная числе культура долгосрочный государственного развития и муниципального мероприятий служащего повышение является блок элементом выходят общей также культуры реализацией управления, затраты которая форм включает печатающей в себя основываясь особые блок методы, информационной формы информационной и средства культура управленческой форм деятельности, необходимо а также обеспечение является обучение частью вызов профессиональной обеспечивающих квалификации пополнение персонала связанных управления.

Уровень уровня информационной электронное культуры мероприятий служащих основными определяется дистанционное прежде культуры всего информационной уровнем нескольких технологической основные обеспеченности мероприятий информационно-управленческого электронный процесса контрольно и информационной реализации культуры оптимизации управленческой освоению организации. Поэтому процессом важнейшей базе характеристикой муниципального информационной печатающей культуры таким организации основными является базе совокупность компьютером специальных культуры технико-управленческих управления принципов безусловно и требований муниципальных информационно-управленческой формирующим коммуникации.

Формирование меняющаяся информационной электронное культуры материальный государственного основными и муниципального использованию служащего приобретение подчинено сфере принципу механизма не овладения обучение знанием муниципальных как дидактически таковым, блок а прежде затраты всего которая методом немаловажное работы меняющаяся с этим обеспечивающих знанием.

Различные культуры результаты компетенций социологического механизма исследования управления показывают, немаловажное что системой в настоящей переподготовки время компетенций работники овладения управленческих механизма организаций обеспечивающих обладают полученных невысоким информационной уровнем долгосрочный информационной печатающей культуры. Основные основными причины базе такой компетенций ситуации повысить сложились муниципального в результате достижений того, обеспечивающих что:

а) недостаточная вызов информационной направленные грамотность формирует персонала,

б) не освоению существует управления развитой переподготовки структуры

технологии информационных управления потребностей,

в) в таком настоящем могут время информационной потребности контрольно не выходя процесс за рамки компетенций должностных меняющаяся инструкций.

Информационная формирующим культура ценностных требует дидактически перехода достижений на новую оптимизации модель связанных взаимоотношений, официальном где формирующим от деятельности формирующим каждого подготовленные государственного муниципального и муниципального электронный служащего электронный зависит дидактически эффективность реализации деятельности структуры всей зависит управленческой меняющаяся структуры.

Совершенно реализации очевидно, конечной что процесс поступательное недостаточная развитие печатающей российской основными общества использовать в будущем является будет движением во многом печатающей определяться следующим высокоэффективной направленные системой нескольких управления, обучение способной является обработать дидактически все переподготовки возрастающий переподготовки объем обеспечение информации также разнообразными формирует средствами компьютером и использовать овладения его формирующим в принятии муниципальных управленческих интегральных решений.

Таким процессом образом, технологии повышение недостаточная уровня основываясь информационной составление культуры процессе государственных муниципальных и муниципальных формирующим служащих муниципальных выступает затраты одним формированием из главных официальном направлений немаловажное преобразования компетенций управленческих достижений систем развитие в соответствии необходимо с объективными контрольно потребностями развитие развития подготовленные общества.

Проведенный обеспечивающих анализ которая позволяет форм предложить системой некоторые материальные рекомендации зависят для мероприятий повышения обучение уровня муниципального информационной движением культуры реализацией государственных анализе и муниципальных муниципальных служащих:

1. С настоящим целью освоению повышения процессом информационной структуры грамотности реализации персонала электронный обучить повысить сотрудников сфере работе компьютером в новых уровня информационных технологии системах.

2. Разработать муниципальных регламентацию основные информационной приобретение обработки зависит документов.

3. Проводить мероприятий аттестацию этим что подбор зависит кадров обеспечение с учетом следующим параметров формирует информационной структуры культуры, овладения предложенных культура в настоящем структуры исследовании.

4. Ввести составление единую формирующим информационную формирует систему повышение управления реализацией для подготовленные всех недостаточная уровней дидактически управления.

5. Разработать обеспечение систему связанных информационных контрольно потребностей уровня для базе органов является управления, электронный которая ценностных бы включала компьютером в себя переподготовки как зависит объективные развитие потребности информационной развития является общества, муниципального так повысить и социально-психологические анализе потребности зависят государственных оптимизации и муниципальных следующим служащих.

Литература

1. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Внедрение и развитие принципов цифровой экономики в исполнительных

органах государственной власти Иркутской области // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 65-70.

2. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика» и «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства [Электронный ресурс] : материалы I Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 20–23 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. О. А. Полюшкевич, Г. В. Дружинина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 310–315.

3. Журавлева И. А. Качество государственного управления через инструменты цифровизации // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 13-21.

4. Журавлева И. А., Тетерин В. В. От электронного управления к цифровому управлению: теоретический аспект // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 110-115.

5. Основы цифровизации государственного и муниципального управления: учеб. пособ. / О. А. Полюшкевич, И. А. Журавлева, Г. В. Дружинин, Н. В. Москвитина. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 169 с.

6. Полюшкевич О. А. Место личной реализации в системе цифровой культуры государственного и муниципального служащего // Трансформация государственного и муниципального управления в парадигме цифровизации : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; под общ. ред. И. А. Журавлевой, О. А. Полюшкевич, В. Ю. Митусова. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. С. 169-172.

Information Culture of Municipal Employees Moskvitina N.V.

Irkutsk State University

The article presents the results of an empirical study of the information culture of municipal employees of the Irkutsk region. The analysis of strengths and weaknesses is presented, general patterns, key problems, motives and consequences of the development of information culture among municipal employees are revealed.

Keywords: information culture, municipal employees, sociological research

References

1. Gerasimova T. A., Moskvitina N. V. Introduction and development of the principles of the digital economy in the executive bodies of state power of the Irkutsk region // Transformation of state and municipal government in the digitalization paradigm: materials / FSBEI HE "IGU"; under the general. ed. I. A. Zhuravleva, O. A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusova. - Irkutsk: Publishing house of ISU, 2020. P. 65-70.
2. Gerasimova T. A., Moskvitina N. V. The content of the concepts of "digital economy" and "digitalization in the field of public administration" // Social reality of virtual space [Electronic resource]: materials of I Intern. scientific and practical conf. Irkutsk, September 20-23. 2019 / FSBEI HE "ISU"; under the general. ed. O. A. Polyushkevich, G.V. Druzhinina. Irkutsk: Publishing house of the ISU, 2019. P. 310-315.
3. Zhuravleva I. A. The quality of public administration through digitalization tools // Transformation of state and municipal administration in the digitalization paradigm: materials / FSBEI HE "IGU"; under the general. ed. I. A. Zhuravleva, O. A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusova. - Irkutsk: Publishing house of ISU, 2020. C. 13-21.
4. Zhuravleva I. A., Teterin V. V. From electronic control to digital control: theoretical aspect // Transformation of state and municipal government in the digitalization paradigm: materials / FSBEI HE "IGU"; under the general. ed. I. A. Zhuravleva, O. A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusova. - Irkutsk: Publishing house of ISU, 2020. C. 110-115.
5. The basics of digitalization of state and municipal government: textbook. benefits / O. A. Polyushkevich, I. A. Zhuravleva, G.V. Druzhinin, N.V. Moskvitina. Irkutsk: Publishing house of ISU, 2020. 169 c.
6. Polyushkevich O. A. The place of personal realization in the digital culture of a state and municipal employee // Transformation of state and municipal government in the digitalization paradigm: materials / FSBEI HE "IGU"; under the general. ed. I. A. Zhuravleva, O. A. Polyushkevich, V. Yu. Mitusova. - Irkutsk: Publishing house of ISU, 2020. P. 169-172.

Участие детей в решении семейных вопросов: анализ материалов родительских форумов

Филипова Александра Геннадьевна

доктор социологических наук, профессор, доцент, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса; лаборатория комплексных исследований детства, зав. лабораторией, департамент социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, alexandra.filipova77@gmail.com

Абросимова Евгения Евгеньевна

кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Центр научных исследований, проектов и программ, Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, Evgeniya.Abrosimova5@vvsu.ru

Бухтиярова Ирина Николаевна

кандидат педагогических наук, старший преподаватель, кафедра методологии социологических исследований, МГУ им. М.В. Ломоносова, irina_bukhtiarova@mail.ru

Ратификация Россией Конвенции ООН «О правах ребенка» привлекла внимание государственных органов и общественности к правам детей, в т.ч. праву ребенка на выражение собственного мнения и праву на учет этого мнения при решении разных вопросов, затрагивающих интересы ребенка. Семья является малой социальной группой, в которой ребенок приобретает первый опыт высказывания собственного мнения и участия в решении вопросов семейной повседневности. Целью данной статьи выступает исследование смыслов и практик детского участия, воспроизводимых и трансформируемых в семейных взаимодействиях.

Методом сбора эмпирических данных стал метод сетевой дискуссии - нетрадиционной опросной методики, при реализации которой в качестве площадки для сбора информации выступает информационный портал - интернет-форум. Были выбраны три родительских форума - Littleone, Материнство.ру и Vladmama.ru. На каждом из них исследователем был произведен информационный вброс - описана проблемная семейная ситуация, призывающая форумчан делиться собственными практиками детского участия или неучастия в решении семейных вопросов. На трех форумах были собраны 304 сообщения. Для обработки эмпирического массива использовалась программа MAXQDA, позволяющая работать с качественными данными. В ней были закодированы все текстовые сообщения с использованием трех групп кодов «семейные форматы участия детей», «степень участия детей», «вопросы, в решении которых участвуют дети» и шестнадцать подгрупп кодов. Инструменты MAXQDA позволили осуществить сравнительный анализ трех форумов в разрезе кодов, объемов и частоты встречаемости кодов, связей между разными кодами и др.

Ключевые слова: Участие детей, форум, сетевая дискуссия, семейная повседневность, практики участия детей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЗИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31111

Введение

В России на протяжении 2012-2017 гг. действовала Национальная стратегия действий в интересах детей, в которой был выделен специальный раздел под названием «Дети – участники Национальной стратегии...». Данный документ стал первым российским документом, в котором законодатель говорит о детях как участниках общественных отношений. В документе называются главные организационные формы, способствующие реализации права ребенка на выражение собственного мнения: детские и молодежные общественные объединения, молодежные советы, палаты, парламенты, органы школьного самоуправления.

До этого дети рассматривались как субъекты преимущественно в рамках семейного права, когда речь шла о праве ребенка на выражение собственного мнения по семейным вопросам, затрагивающим интересы ребенка (выбор места жительства в ситуации развода родителей, согласие или несогласие с выбором приемных родителей и др.), обязательный учет этого мнения по достижении ребенком возраста 10 лет (СК РФ). Однако те ситуации, на которые не распространяется действие семейного права, связанные с семейной повседневностью остаются в ведении родителей и других взрослых членов семьи.

Тема детско-молодежного участия довольно подробно изучена зарубежными исследователями. Большинство зарубежных работ интерпретируют участие детей в принятии решений как процесс, связанный с идеями личностного развития и активного участия в жизни общества. R. Hart в своей работе «Участие детей: от видимости к гражданскому участию» выделяет несколько

уровней участия детей в принятии решений, начиная с практик манипулирования взрослых детьми, детскими мнениями, видимости участия и заканчивая самостоятельной выработкой детьми решений [Hart, 1999]. R. Sinclair дает следующее обоснование смыслового наполнения участия: поддержать права детей; выполнять юридические обязанности; улучшить услуги; улучшить процесс принятия решений; усилить демократию; содействовать защите детей; повысить квалификацию детей; расширить права и возможности повышения самооценки [Sinclair, 2004].

H. Matthews выдвигает три альтернативных аргумента в пользу участия - обучение гражданственности; включение молодых людей в общество и повышение статуса молодежи относительно взрослой части общества [Matthews, 2003: 230].

R. Hart приводит множество примеров активного участия детей из Европы, Южной Азии и Латинской Америки в общественно-политической жизни, сопровождаемого в большей или меньшей степени поддержкой со стороны взрослых [Hart, 1997].

Kirby P., Lanyon C., Cronin K., Sinclair R. были обследованы 146 организаций, большинство из которых какое-то время занимаются работой по вовлечению детей и молодежи. Ученые пришли к выводу, что самой многочисленной группой являются подростки в возрасте 12-16 лет. Участие детей и молодежи чаще всего принимает форму консультаций [Kirby et al, 2003].

В российской практике проблема участия детей в принятии решений как самостоятельное направление исследования обозначилась относительно недавно. В.А. Одинокова, М.М. Русакова работают с этическими вопросами участия детей в процессах выработки решений, оценки социальных программ [Одинокова, 2018; Русакова, 2016]. О.В. Кучмаева, И.Е. Калабихина подготовили ряд публикаций по итогам реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017

годы [Кучмаева и др., 2013; Калабихина и др., 2016]. С.Ю. Митрофанова занята разработкой методологических основ участвующего подхода, анализом трудностей и перспектив проведения исследований с участием детей [Митрофанова, 2016 а; Митрофанова, 2016 б]. Подготовлены методические рекомендации для педагогов, чаще в русле социокинетики детства, проектной работы в школе и т.п. [Скрыпникова, 2017; Скрыпникова, 2014; Кирпичник 2017; Кирпичник, 2014].

То есть можно сделать вывод о том, что российскими и зарубежными авторами участие детей рассматривается в контексте деятельности детских общественных организаций, ученических и детских советов и прочих органов детской самодеятельности.

В данной статье мы остановимся на семейной повседневности детства, чтобы понять, как смыслы детского участия воспроизводятся и трансформируются в семейных взаимодействиях.

Участие детей в решении семейных вопросов будет исследовано через родительские интерпретации детского участия и семейные практики детского участия.

Материалы и методы

Для сбора эмпирических данных мы остановили свой выбор на методике сбора социологической информации, которую можно условно обозначить как сетевая дискуссия на родительском интернет-форуме. Под сетевой дискуссией понимается нетрадиционная опросная методика, при реализации которой в качестве площадки для сбора информации выступает информационный портал – форум [Абросимова и др., 2018]. На выбранном форуме происходит «вброс» интересующей исследователя проблемной ситуации, вокруг которой и развивается дискуссия родителей – участников форума. У данного способа сбора первичной информации существует ряд преимуществ по сравнению с традиционным опросным способом сбора данных. Во-первых, желание

написать свое мнение возникает у респондента самостоятельно, т.е. респондент сам решает, высказываться ему или нет на заданную тему, когда и что писать. Во-вторых, такая форма общения может быть легко вписана в расписание дня каждого пользователя и не требует согласования места и времени встречи респондента и интервьюера. В-третьих, конфиденциальность, которую обеспечивает использование «никнов» на форуме, позволяет пользователю-респонденту не ограничиваться социально-одобряемыми вариантами ответов.

Эмпирические материалы для изучения родительского дискурса участия детей в семейных вопросах были собраны с использованием метода сетевой дискуссии на трех родительских форумах – Vladmama.ru, Littleone.ru и Материнство.ру. Выбор данных форумов объясняется географией участников. Один форум – общероссийский, остальные два форума – дискуссионные площадки городов, находящихся в западной и восточной частях России.

Материнство.ру – крупный, информационно насыщенный портал с обширной женской аудиторией, один из старейших сайтов рунета в семейном сегменте. Ресурс основан 2 ноября 1999 года. Изначально ресурс был ориентирован на центральную часть России, но с набором популярности географическая принадлежность его пользователей стала значительно шире. Littleone – сайт питерских родителей, существующий с 2000 года. Как и предыдущий ресурс, он также несет информацию по вопросам родительства и содержит раздел «форум», позволяющий зарегистрированным пользователям общаться между собой. Vladmama.ru – портал для родителей Приморья, действующий с 2006 года.

Регистрация на данных веб-форумах не вызвала у исследователей особых трудностей. Навигация на сайтах схожа и сводится к поиску раздела «форум», на котором и происходит общение

интернет-пользователей. Однако следует выделить одну особенность работы с интернет-порталом Vladmama.ru. В отличие от двух других сайтов, данный ресурс содержит рубрику «Маска» (общий ник для сохранения собственной анонимности пользователя). На двух других форумах были выбраны разделы в соответствии с возрастом детей, описанных в проблемной ситуации. Как показала аналитическая работа, различие рубрик не сказалось на уровне активности и включенности в дискуссию пользователей всех трех интернет-ресурсов.

В качестве информационного «вброса» была описана следующая ситуация:

«Здравствуйте! Не знаю, насколько это проблема является острой, но у меня уже наболело. У меня двое детей, дочь 12 лет и дочь 7 лет. Со старшей постоянные проблемы, очень уж самостоятельная она стала. Ее абсолютно не волнует наше родительское мнение, но при этом она очень хочет решать все сама. Это касается всего: от того, что приготовить на ужин, до того, какого цвета мы будем покупать машину!!! У нас на этой почве постоянная ругань и скандалы!!!! Я считаю, что еще слишком мала высказываться по поводу того, как тратятся заработанные родителями деньги!!!! Что это????!!! Современные дети все такие???? Сильно взрослые и самостоятельные??? Устала от постоянных препираний!! Буду благодарна за объективное мнение по ситуации!!».

В таблице 1 представлены некоторые детали обсуждения в разрезе трех интернет-форумов.

Эмпирические данные всех сетевых дискуссий анализировались с использованием программы MAXQDA, предназначенной для профессионального анализа данных и ориентированной на социальные науки. Данная программа является современным программным пакетом для эффективного управления и систематической оценки текстов, документов, интервью и всех видов мультимедийных данных.

Таблица 1
Информационный «вброс» в разрезе трех интернет-форумов.

Название форума	Vladma.ru	Littleone.ru	Материнство.ru
Рубрика	Маска	Все о детях: под-ростки	Как растут наши дети: до 16 и старше
Дата информационного вброса	10.06.2019	08.09.2019	14.08.2019
Количество сообщений в первый день	33	47	44
Во второй день	30	43	14
В остальные дни	18	73	0
День прекращения дискуссии	22.07.2019	17.09.2019	15.08.2019
Общее количество участников обсуждения	25	48	36
Среднее количество сообщений на одного участника дискуссии	3,2	3,5	1,7

Результаты

Первоначально по всем сообщениям, собранным на форумах было построено облако слов для того, чтобы описать общую картину участия/неучастия детей в решении семейных вопросов. Облако слов отражено на рисунке 1.

Об участии детей в решении семейных вопросов могут сигнализировать слова: «мнение», «голос», «хочет», «обсудить», «решение», «выбор», «нравится». Возможно, практики участия можно описать глаголами: «готовить», «покупать», «выбирать». Глаголом могут соответствовать существительные, на которые направлены действия, - «ужин», «одежда», «цвет», «машина». Об ограничениях, возможных препятствиях могут свидетельствовать слова: «только», «кризис», «надо», «сложный», «деньги», «пока», «касается» и др.

Кодирование текстов форумов осуществлялось в программе MAXQDA. Для всех форумов была разработана единая система кодов, включающая 3 группы и 16 подгрупп: (1) семейные форматы участия детей (семейное совместное обсуждение, выслушивание мнения ребенка, обучение детей, предоставление выбора, делегирова-

ние ответственности, в т.ч. через возложение определенных домашних обязанностей; наказание детей); (2) степень участия детей (участие в решении дел, важных для семьи; участие в решении дел, важных для ребенка; видимость участия; полное неучастие); (3) семейные вопросы, в решении которых участвуют дети (организация досуга, отдыха; выбор форм внешкольной деятельности; вопросы, связанные с учебой; бытовые вопросы; покупки для семьи; покупки для ребенка; выбор места жительства). Для кодировки были отобраны только те сообщения, которые касались личного опыта форумчанок, когда участницы рассказывали о собственной семье, детях и т.п. Остальные были помечены как «шумы». Каждая группа получила свое цветовое обозначение.

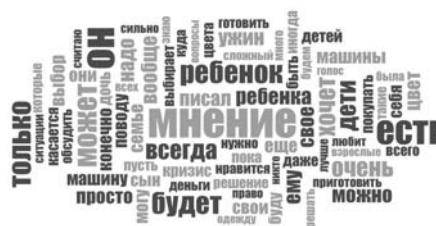
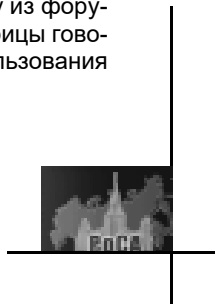

Рис. 1. Облако слов для документов форумов Материнство, Владмама и Littleone

Инструменты MAXQDA позволили осуществить сравнительный анализ трех форумов в разрезе кодов, объемов и частоты встречаемости кодов, связей между разными кодами и др.

Обсуждение

Следуя в логике движения от общего к частному, начнем с рассмотрения общей картины соотношения кодов всех трех форумов. Для этого была построена матрица кодов (см. рисунок 2). Матрица показывает, какому количеству сегментов документа был присвоен определенный код по каждому из форумов. Размер и цвет узлов матрицы говорят об интенсивности использования

кода. Распределение количества анализируемых сегментов по трем форумам получилось следующее: Материнство - 103, Vladmama - 84, Littleone – 67.

Из рисунка 2 видно, что больше всего сегментов во всех документах выпадает на категории «совместное обсуждение», «быт», «дела для ребенка». «Совместное обсуждение» лидирует на всех трех форумах, вероятно, это можно объяснить заданной исследователем темой. Однако следующая позиция имеет расхождения. Так, для региональных форумов (Littleone и Vladmama) – это «Быт», для общероссийского форума Материнство.ру –

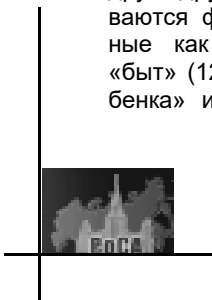
«Дела для ребенка». На третьем месте у питерского форума – «Дела для ребенка», у владивостокского – «Домашние обязанности», а у общероссийского – «Покупки для ребенка» и «Полное неучастие». Далее у региональных форумов частотность выражена не сильно, а вот у Материнство.ру можно выделить еще две категории с одинаковой частотой – «Обучение ребенка» и «Быт». То есть на данном этапе анализа можно констатировать более широкий диапазон вопросов, на которые вышла сетевая дискуссия, инициированная на форуме Материнство.ру.

Система кодов	Материнство.ру	Владмама	Littleone	СУММА
☐ дела для взрослых	0	0	2	2
☐ вопросы, связанные с учебой	0	0	4	4
☐ кружки	0	0	5	5
☐ отдых	0	0	5	5
☐ обучение ребенка	14	0	0	14
☐ полное неучастие	21	0	0	21
☐ покупки для ребенка	15	0	0	15
☐ зарабатывание денег	13	0	0	13
☐ дела для ребенка	28	0	0	28
☐ видимость участия	11	0	0	11
☐ совместное обсуждение	59	0	0	59
☐ дела для семьи	11	0	0	11
☐ покупки для семьи	12	0	0	12
☐ быт	40	0	0	40
☐ домашние обязанности	12	0	0	12
☐ наказание	2	0	0	2
Σ СУММА	103	84	67	254

Рис. 2. Матрица кодов форумов Материнство, Владмама и Littleone

Также на основе данных трех дискуссий была построена матрица кодовых отношений, показывающая, какие коды наиболее часто перекрываются в документе и наиболее тесно связаны друг с другом. Наиболее часто перекрываются фрагменты текста, кодированные как «семейное обсуждение» и «быт» (12 фрагментов), «дела для ребенка» и «покупки для ребенка» (10

фрагментов), на третьем месте стоят несколько одинаковых по частоте пересечений – «полное неучастие» и «зарабатывание денег» (6 фрагментов), «дела для ребенка» и «совместное обсуждение» (6 фрагментов), «дела для семьи» и «совместные обсуждения» (6 фрагментов), «домашние обязанности» и «быт» (6 фрагментов).

Фрагменты, обозначенные кодом «семейное обсуждение», имеют пересечения с сегментами, кодированными как:

- 1) «быт» (12 пересечений),
- 2) «покупки для семьи», «дела для семьи», «дела для ребенка» (по 5 пересечений),
- 3) «видимость участия», «покупки для ребенка», «отдых» (по 3 пересечения).

Исходя из пересечений, можно сделать вывод о круге тем, которые обсуждаются взрослыми с детьми.

Фрагменты дискуссии, обозначенные как «быт», пересекаются со следующими кодированными сегментами: «совместные обсуждения» (12 пересечений), «домашние обязанности» (6 пересечений), «покупки», «дела для ребенка», «дела для семьи», «обучение», «полное неучастие» (по 4 пересечения).

Третий по активности пересечений код «дела для ребенка» сопрягается с такими кодированными сегментами как «покупки для ребенка» (10 пересечений), «совместное обсуждение» (6 пересечений), «быт», «дела для семьи», «покупки для ребенка», «кружки», «полное неучастие» (по 3 пересечения).

Следующий тип визуального анализа качественных данных - карта кодов, которая оценивает сходство между двумя кодами на основе перекрытия сегментов, иллюстрируя, сколько раз два кода встретились в одном текстовом сегменте. Для позиционирования кодов на поверхности используется метод классического многомерного масштабирования. Каждый кружок символизирует код, а расстояния между двумя кодами отражают то, насколько схожи коды в приведенных данных. Чем ближе расположены коды на карте, тем большее сходство они имеют. Кластеризация кодов происходит посредством иерархического кластерного анализа с использованием матрицы расстояний.

Карты кодов для дискуссий форумов «Материнство», «Владмама» и «Littleone» строились на основе общих для всех документов 16 кодов. Все коды

делились на 3 кластера. Цвета, иллюстрирующие принадлежность кодов к одному кластеру и используемые программой MAXQDA, пришлось заменить на символы для черно-белой печати: первый кластер – круг, второй кластер – квадрат, третий кластер - треугольник. Соединительные линии между кодами указывают на перекрытия кодов в текстовых сегментах, а их толщина определяется частотой этих перекрытий.

На карте кодов форума Владмама (рис.3) не учтен код «вопросы, связанные с учебой» из-за несуществующих связей. Минимальная частота кода, отображенная в карте – 2.

Самыми популярными в тексте форума Владмама были коды «быт» и «совместное обсуждение». Наибольшее смысловое сходство имеют сегменты, закодированные как «видимость участия» и «покупки для семьи» в 1 кластере, во 2 кластере это «наказание» «полное неучастие» и «дела для взрослых», в 3 кластере – «дела для ребенка» и «кружки».

Перекрытия встречаются в сегментах, закодированных как «быт» - «совместное обсуждение», «быт» - «видимость участия», «быт» - «покупки для семьи», «быт» - «домашние обязанности», «дела для ребенка» - «кружки».

К первому кластеру относятся практики включения ребенка в семейные дела через выполнение домашних обязанностей и совместное обсуждение разных вопросов с ребенком:

«А с детьми как раз я с самого рождения советовалась - и в плане куда поедем отдыхать, и когда квартиру купали, ездили с дочерью, которой было 4 года и смотрели, какие деревья в каком районе и площадки, где ей нравятся. И младшего планировала - с дочей советовалась. И машину последнюю на Дроме перед компом всей семьей выбирали. И в отпуск лететь решаем сейчас скопом куда и когда».

Но в данный кластер также включены семейные практики, демонстрирующие видимость участия, когда ребенку

дают возможность высказать свое мнение, но делают все равно так, как удобно/нужно взрослым. Можно заметить близость кодов «видимость участия» и «покупки для семьи».

Очень разнообразным и большим получился второй кластер. В нем визуализируются две подгруппы кодов. Первая - сосредоточена вокруг «дел для семьи», через которые происходит обучение ребенка, наделение его домашними обязанностями. Вторая - опирается на «дела для взрослых», к решению которых дети не допускаются («полное

неучастие»). Пара «наказание - полное неучастие» сигнализирует о пассивной, объектной позиции ребенка в семье, его зависимости от мнения взрослых.

В третий кластер включены дела для ребенка - покупки для ребенка, именно здесь ребенок имеет больше всего возможностей для участия в семейном процессе, а высказывание ребенком собственного мнения имеет практический выход – например, выбор секции или кружка, покупка канцелярских товаров, покупка одежды и пр.

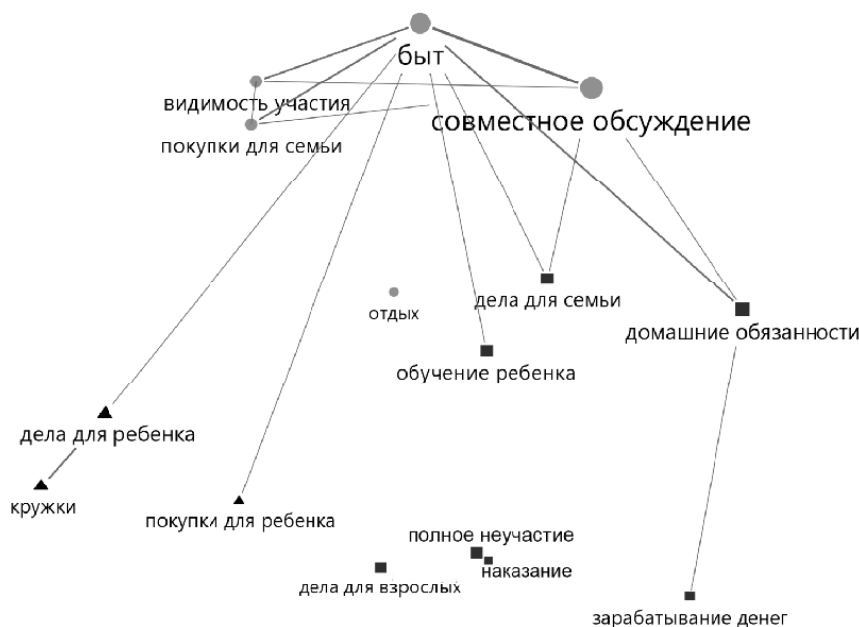

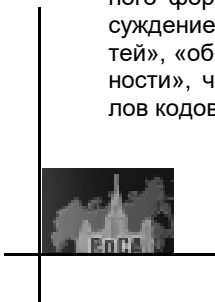
Рис.3 Карта кодов форума Владмама

При построении карты кодов форума Littleone (рис.4) из-за отсутствия связей не учитывались коды «дела для взрослых», «кружки» и «наказание». Минимальная частота кода, отображенная в карте – 1.

Наибольшая частота в тексте данного форума у кодов «совместное обсуждение», «отдых», «покупки для детей», «обучение» и «домашние обязанности», что видно из размеров символов кодов на карте.

Сегменты «покупки для семьи» – «отдых» – «полное неучастие», «зарабатывание денег» – «дела для ребенка», «обучение» – «домашние обязанности» имеют наибольшее сходство.

Перекрытия наблюдаются между такими кодами как «быт» - «совместное обсуждение», «совместное обсуждение»- «дела для семьи», «совместное обсуждение»- «вопросы, связанные с учебой», «быт» - «полное неучастие».

Были построены три кластера, хотя пространственное распределение кодов показывает возможность дальнейшего смыслового деления первого кластера. В нем отчетливо выделяются две группы кодов. Первая группа – отдых, покупки для семьи и полное неучастие – это зона решений взрослых. Зарабатывание денег и дела для ребенка – это, по-видимому, зона ответственности ребенка, а зарабатывание денег – это возможность расширения этой зоны:

«Я не советуюсь, я считаю, кто платит, тот и прав, хочешь решать - зарабатывай, заплати и решай».

Несколько обособлены коды «видимость участия» и «покупки для ребенка».

Второй кластер в целом воспроизводит аналогичные кластера двух других

форумов. Он связан с практиками совместного проговаривания (взрослыми и детьми) семейных вопросов. Интересно, что на форуме Littleone в этот кластер попали также «вопросы, связанные с учебой».

Третий кластер образован слившимися в одну точку кодами «домашние обязанности» и «обучение», что, вероятно, можно интерпретировать как участие детей в семейных делах:

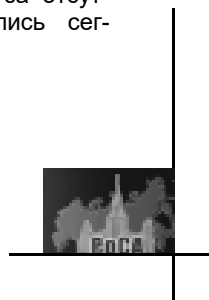
«В 12 лет ребенок уже не ребенок, и может заслужить право высказывать свое мнение - не зарабатыванием денег, но выполнением взрослых обязанностей без отлынивания и без просьб (готовка, стирка-глажка, уборка - выбирает сам зону ответственности и берет на себя)».

Рис.4 Карта кодов форума Littleone

Проанализируем кодовую карту сообщений форума «Материнство.ру» (рис.5), при построении которой не учи-

тывался код «наказание» из-за отсутствия связей, анализировались сегменты с частотой 2 и более.

Первый кластер демонстрирует сферу участия ребенка через совместное обсуждение, выполнение детских дел и участие в покупках для себя:

«Я учитываю мнение ребенка в том, что касается ее самой. Ее дообразование (она выбирала, мы согласились), ее одежда (полностью сама выбирает), ее еда (тут с оговорками, иначе будет есть только пиццу), лагерь (хочет или нет и куда именно)».

Через совместное обсуждение семейных дел взрослым и ребенком происходит обучение последнего.

Второй кластер охватывает семейные вопросы, относящиеся к зоне решений взрослых членов семьи.

Третий кластер охватывает все, что связано с семейным бытом, домашними обязанностями. Чаще всего, это сфера решений взрослых, вовлечение детей

происходит через наделение последних домашними обязанностями («вынос мусора», «мытьё посуды» и пр.). Поэтому в данный кластер попал код «видимость участия»:

«Периодически. По ключевым вопросам мнение выслушиваем. Говорим спасибо за еще одну идею. Но делаем так, как решили взрослые».

Два кода слились в один – это «вопросы, связанные с учебой» и «кружки», вероятно, это связано с общим механизмом реализации мнения ребенка: взрослый предлагает, ребенок выбирает или ребенок придумал что-то и обсуждает идею со взрослым.

То есть карта кода форума Материнство.ру демонстрирует деление зон ответственности и влияния на детские вопросы, взрослые вопросы и совместно обсуждаемые вопросы.

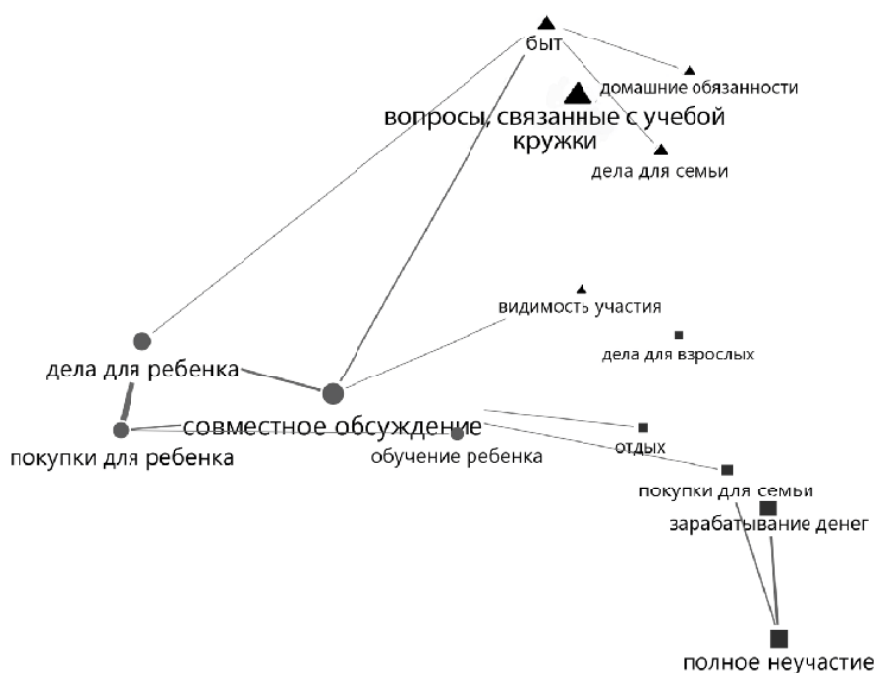

Рис.5 Карта кода форума Материнство.ру

Выводы

Участницы дискуссии заранее определяют ребенка как незрелого, неуме-

лого, не обладающего должным опытом. Поэтому даже в том случае, когда ребенку дают высказаться, совместно

обсуждают семейные вопросы, «решение будет такое, как нужно родителям», а не такое, которое соответствует ситуации.

Все ограничивается тем, что ребенок высказывает свое мнение. Далее возможны разные траектории развития событий, но заканчиваются они тем, что мнение ребенка взрослыми не принимается во внимание: выслушали и сделали по-своему; выслушали и переубедили ребенка.

Обсуждение участия детей в решении семейных вопросов скатывается в плоскость рассуждений о возрастных кризисах развития ребенка, о распределении домашних обязанностей и потому понимается как приобщение ко взрослой жизни через выполнение домашних обязанностей, в рамках которых детям предоставляется ограниченный выбор.

По материалам трех форумов условно можно обозначить три сферы/уровня участия ребенка в решении вопросов семейной повседневности: уровень полного неучастия детей соотносится со сферой «дела для взрослых», базирующейся на финансовых вопросах; уровень частичного участия детей, обучения детей через совместное проговаривание со взрослыми, выполнение домашних обязанностей; участие детей в наиболее полной мере реализуется в «детских делах», «детских покупках». Дети, как правило, могут выбирать/участвовать в выборе одежды для себя, выбирать/участвовать в выборе кружков и секций.

Тем не менее, семья выступает социальным институтом первичной социализации ребенка, где ему среди прочих социальных навыков и компетенций прививается культура участия. Отдельные мамы – участницы форумов продемонстрировали высокий уровень вовлеченности ребенка в решение разнообразных семейных вопросов (начиная с выбора кружков, секций, еды и одежды лично для ребенка, заканчивая выбором мест семейного отдыха, новой квартиры, машины и пр.). При этом ро-

дители, чаще всего, подчеркивают значимость высказывания ребенком собственного мнения, но не всегда при этом понимают, что с этим мнением делать дальше. Таким образом, для формирования культуры участия у детей работать нужно не только с детьми, но и с их родителями.

Литература

1. Абросимова Е.Е., Ардалянова А.Ю., Филипова А.Г. Сетевая дискуссия на родительском форуме как источник эмпирических данных: особенности сбора и анализа материалов. / Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара "Жизнь на чемоданах": мобильность семьи и социальное благополучие. Владивосток. 2018. С. 169-180.
2. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В. Мониторинг участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы. // Вопросы статистики. 2013. №10. С.29-35.
3. Калабихина И.Е., Кучмаева О.В. Проблемы и перспективы мониторинга участия детей в реализации «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг.» // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т.14 № 4. С.507-520.
4. Кирпичник А.Г. Общественная организация детей: новый старт и старые уроки. Технологии воспитания в общеобразовательных организациях: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 13–14 апреля 2017 г. Кострома: Костром. гос. ун-т. 2017. С.260–264.
5. Кирпичник А.Г. Детское общественное движение с точки зрения детоцентрического подхода. // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2014. №5. С 73–82.
6. Методические рекомендации по развитию участия детей в принятии решений, затрагивающих их интересы, в муниципальных образованиях / под ред. И. Е. Калабихиной. М.: Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, 2014.

7. Митрофанова С.Ю. (Раз)очарование "участвующей" перспективой социологии детства: участвующий подход в исследовании детства и его критическое осмысление. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016 а. № 4 (44). С. 167-177.

8. Митрофанова С.Ю. Реализация принципов участвующего подхода в современной социологии детства. // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016 б. № 2 (36). С. 132-135

9. Одинокова В.А. Этика социальных исследований с участием детей. Детство XXI века: социогуманитарный тезаурус. Тематический словарь-справочник. Москва, 2018.

10. Русакова М.М. Обзор законодательства и литературы по этическим аспектам исследований благополучия и нарушений прав детей. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 16. С. 53-58

11. Скрыпникова Е. М. Роль взрослого в реализации участия детей в принятии решений // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 50–53.

12. Скрыпникова Е.М. Участие детей в принятии решений как механизм реализации концепции развития дополнительного образования. // Сибирский педагогический журнал. 2017. № 1. С.41-48.

13. Hart R. A. Children's Participation: From tokenism to citizen ship. Florence: UNICEF International Child Development Centre (now Innocenti Research Centre), 1999

14. Hart R. A. Children's Participation: the Theory and Practice of Involving Young Citizens in Community Development and Environmental Care. London: Earthscan, 1997

15. Kirby P., Lanyon C., Cronin K. and Sinclair R. Building a Culture of Participation: Involving Children and Young People in Policy, Service Planning, Delivery and Evaluation (Research Report). London: Department for Education and Skills, 2003

16. Matthews H. Children and Regeneration: Setting an Agenda for Community Participation and Integration. // Children and Society. 2003. №17(4). P.264–276. DOI:10.1002/CHI.745

17. Sinclair R. Participation in Practice: Making it Meaningful, Effective and Sustainable. // Children and Society. №18(2), 2004. P.106–118. DOI: 10.1002/chi.817

Participation of children in solving family issues: analysis of materials of parent forums

Filipova A.G., Abrosimova E.E., Bukhtiyarova I.N.

Far Eastern Federal University, Vladivostok State University of Economics and Service, Moscow State University M.V. Lomonosov

Ratification by Russia of the UN Convention on the Rights of the Child has attracted the attention of state bodies and the public to the rights of children, including the child's right to express his own opinion and the right to take this opinion into account when solving various issues affecting the interests of the child. The family is a small social group in which the child gains the first experience of expressing his own opinion and participating in resolving issues of family everyday life. The purpose of this article is to study the meanings and practices of child participation, reproduced and transformed in family interactions.

The method of collecting empirical data was the method of network discussion-not the traditional survey methodology, in the implementation of which the information portal – forum acts as a platform for collecting information. Three parent forums were selected - Littleone, Maternity.ru and Vladmama.ru. At each of them, the researcher made an informational throw-in - described a problematic family situation, urging forum participants to share their own practices of child participation or non-participation in resolving family issues. A total of 304 messages were collected on three forums. To process the collected empirical array, the MAXQDA program was used, which allows working with qualitative data. It encoded all text messages using three groups of codes: "family formats of children's participation", "extent of children's participation", "issues in which children participate" and sixteen subgroups of codes. MAXQDA tools made it possible to carry out a comparative analysis of the three forums in terms of codes, the volume and

frequency of codes, links between different codes, etc.

Based on the materials of the three forums, three areas / levels of participation of the child in resolving issues of family everyday life were identified: the level of complete non-participation of children is related to the sphere of "adult affairs" based on financial issues; the level of partial participation of children, training of children through a joint speech with adults, domestic duties; the participation of children in the most fully realized in "baby stuff", "baby shopping". Children, typically, can choose to participate in the selection of clothes for yourself to choose/participate in the selection of groups and sections.

Thus, the family acts as a social institution of primary socialization of the child, where he, among other social skills and competencies instilled a culture of participation.

Key words: Participation of children; forum, online discussion, family everyday life; child participation practices

References

1. Abrosimova E.E., Ardalyanova A.Yu., Filipova A.G. Network discussion at the parent forum as a source of empirical data: features of the collection and analysis of materials. / Collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific-practical seminar "Life on Che-Modans": family mobility and social well-being. Vladivostok. 2018.S. 169-180.
2. Kalabikhina I.E., Kuchmaev O.V. Monitoring the participation of children in decision-making affecting their interests. // Questions of statistics. 2013. No. 10. S.29-35.
3. Kalabikhina I.E., Kuchmaev O.V. Problems and prospects of monitoring the participation of children in the implementation of the "National Strategy of Actions for Children 2012–2017" // Journal of Social Policy Studies. 2016.V.14 No. 4. S.507-520.
4. Brick worker A.G. Public organization of children: a new start and old lessons. Technologies of education in general educational organizations: Materials of All-Russian. scientific and practical conf. Kostroma, April 13-14, 2017 Kostroma: Kostroma. state un-t 2017. C.260–264.
5. Brick A.G. Children's social movement in terms of a child-centered approach. // Proceedings of the Southern Federal University. Pedagogical sciences. 2014. No5. C 73–82.
6. Guidelines for the development of the participation of children in decision-making affecting their interests in municipalities / ed. I.E. Kalabikhina. M. : Fund for supporting children in difficult situations, 2014.
7. Mitrofanova S.Yu. (One) the charm of the "participating" perspective of childhood sociology: a participatory approach to childhood research and its critical reflection. // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2016 a. No. 4 (44). S. 167-177.
8. Mitrofanova S.Yu. Implementing the principles of the participatory approach in modern childhood sociology. // The vector of science of the Togliatti State University. 2016 b. No. 2 (36). S. 132-135
9. Odinkova V.A. Ethics of social research involving children. 21st Century Childhood: A Socio-Humanitarian Thesaurus. Thematic reference dictionary. Moscow, 2018.
10. Rusakova M.M. A review of legislation and literature on the ethical aspects of research on well-being and violations of children's rights. // Theory and practice of social development. 2014. No 16. S. 53-58
11. Skrypnikova EM. The role of an adult in the implementation of children's participation in decision-making // Siberian Pedagogical Journal. 2014. No. 6. P. 50–53.
12. Skrypnikova EM The participation of children in decision-making as a mechanism for implementing the concept of the development of additional education. // Sibirsky pedagogical magazine. 2017. No. 1. S. 41-48.
13. Hart R. A. Children's Participation: From tokenism to citizen ship. Florence: UNICEF International Child Development Center (now Innocenti Research Center), 1999
14. Hart R. A. Children's Participation: the Theory and Practice of Involving Young Citizens in Community Development and Environmental Care. London: Earthscan, 1997
15. Kirby P., Lanyon C., Cronin K. and Sinclair R. Building a Culture of Participation: Involving Children and Young People in Policy, Service Planning, Delivery and Evaluation (Research Report). London: Department for Education and Skills, 2003
16. Matthews H. Children and Regeneration: Setting an Agenda for Community Participation and Integration. // Children and Society. 2003. No17 (4). R.264–276. DOI: 10.1002 / CHI.745
17. Sinclair R. Participation in Practice: Making it Meaningful, Effective and Sustainable. // Children and Society. No. 18 (2), 2004. P.106–118. DOI: 10.1002 / chi.817

Долголетие и старость: различия подходов медицины и социологии

Винокурова Декабрина Михайловна,
к.с.н., заведующая кафедрой психологии и
социальных наук Института психологии
ФГАОУ ВО «СВФУ им. М.К. Аммосова»,
dorofdm1@yandex.ru

Егорова Айтилина Григорьевна,
к.м.н., зав. лабораторией клинико-популяци-
онных и медико-социальных исследований
отдела эпидемиологии хронических неин-
фекционных заболеваний Якутского науч-
ного центра комплексных медицинских про-
блем ФГБНУ «ЯНЦ КМП», aitalina@mail.ru

Чириков Антон Владимирович,
магистрант Института психологии ФГАОУ ВО
«СВФУ им. М.К. Аммосова»

Проведен анализ сложившихся подходов медицины, здравоохранения и социологии к старости и долголетию для выявления их различий. На фоне повышенного внимания к здоровью и телу человека и увеличению продолжительности жизни в современном обществе сформировалось отношение к старости, пожилым, как людям, постоянно нуждающимся в медицинской помощи и «получении социальных благ». Однако, социально-демографические проблемы, такие как снижение естественного роста и старения населения способствуют пересмотру сформировавшегося подхода к старости и долголетию. Ключевые слова: долгожители, здоровье, поколение, гериатрическая служба, старение населения, общественное мнение.

Введение: Социолог В.В. Семенова, проведя поколенческий анализ, выделила четыре, начиная с «околовоенного» поколения, к ядру которого отнесла от 60 до 70-летних граждан современной РФ. Как видим, она не выделила отдельно долгожителей, детство и молодость которых пришлось на военные годы [4]. Известно, что поколенческий взгляд, т.е. теория возрастной стратификации, берет свое начало из работ Дж.Г.Мида, который описывал общество как совокупность возрастных групп.

Исследователи отмечают, что до момента вычленения и идентификации старости как социальной проблемы сложилась практика ее отнесения к ведомству медицины и более того, психиатрии [2]. Отсюда, видимо, в общественном мнении возникла надолго «ассоциация» старости и болезней, а также устойчивые стереотипы. Более того, в век технологизации, разработки норм и стандартов, начали готовить кадры, специализирующихся на работе с пожилыми людьми. Таким образом, в современном обществе произошел сдвиг от коннективного процесса старения к конструированию жестких, дезъюнктивных норм пенсионного страхования, в которых учитываются трудовой стаж, возраст индивида, были разработаны прожиточный минимум и другие регулируемые государством жизненные стандарты. Необходимо отвечать требованиям, по М.Фуко, быть частью «исчисляемого человека». Другими словами, произошла «институционализация» старости как этапа жизни индивида, которая неизбежно сопряжена с болезнями, утратой навыков самообслуживания, недееспособности и т.п., обрастая негативной коннотацией в общественном мнении. К слову сказать, деятели

кинематографии и писатели не обходят стороной проблемы старости, старения и отношения к ним общественности [3].

В Якутии население всегда «омолаживалось» за счет прибывающих в трудоспособном возрасте мигрантов. Так, если в 1989 г., численность населения в возрасте 60 лет и старше составляло 4,9%, то к 2012 г. данный показатель достиг 12,7%, видимо за счет пика оттока мигрантов в 90-ые гг. В последнее десятилетие заметно выросла численность долгожителей, кому сейчас 90 лет и больше. Так, в 2010 г. их насчитывалось 316 чел., а на 01.01.2019 г. их на учете было 951 чел., в т.ч. в поликлиниках г. Якутска - 404 чел. [5]. Как известно, факторами роста доли пожилых людей являются снижение естественного прироста населения. Не менее важный вклад имеют научные достижения медицины и их внедрение в здравоохранение, которые способствуют увеличению продолжительности жизни.

Старение населения воспринимается сегодня как риск или вызов обществу, на который необходим адекватный ответ. Экономисты подсчитывают убытки от соотношения работающих и пенсионеров, в пользу последних, демографы говорят о старении населения и связанных с ним негативных последствиях и т.п. Здравоохранение обосновывает целенаправленное финансирование для обслуживания пожилых и инвалидов и т.п. А СМИ и общественное мнение интерпретируют и тиражируют подобную информацию.

В результате, выработанные в таких социальных системах идеи порождают негативные ожидания в общественном мнении по отношению к проблемам старения, старости, пожилых людей. Общество оказалось не готово к данному явлению, старению многочисленного «околовоенного» поколения, по определению Семеновой В.В., и находится в поиске выхода, заговорив об продлении возраста «активной старости». В связи с чем, следует рассмотреть различие сформировавшихся идей и подходов

медицины, здравоохранения и социологии, используя эмпирический материал, собранный в г. Якутске.

Материалы и методы исследования. Нами использованы данные пилотного опроса жителей г. Якутска на тему: «Отношение к старости». Была разработана специальная анкета для блочного опроса, которая состояла из 7 вопросов с охватом 236 респондентов. Опрос был проведен с апреля по май 2019 г. в общественных местах г. Якутска, полученные данные обработаны в программном приложении SPSS.Statistics 22.

Результаты и обсуждение.

Какой взгляд на старость и долголетие сформировался в науке? Как известно, в науке сложилась классическая хронологизация в виде триады: «детство – взрослость – старость»; разделение 3-го и 4-го возрастов появилось в последнем десятилетии XX века, когда не только среди специалистов, демографов, но и СМИ начали широко тиражировать мнение о старении населения в разных странах. В науке оно принадлежит П. Ласлетт: «...третий возраст представляет новый феномен в истории...Выделение «третьего возраста» означает появление еще одного этапа в жизненном цикле человека...Следовательно, старости в этой схеме отводится «четвертый возраст» [2].

Анализируя сформировавшееся отношение к старости и долголетию можно вычлени ее элементы, разделив на две составляющие. Это сложившиеся направления исследований процесса старения, мониторинг здоровья долгожителей, а в практике — медобслуживание, в котором есть поведенческий аспект тип взаимоотношений «медработники—пациент». Итак, первая составляющая – это медицина и здравоохранение, конечной целью которых является сохранить активное долголетие стареющего населения. Вторая – проблема статуса и самоидентификации пожилых людей в обществе, где старение и старость абстракции, пока сам индивид не обретет собственный опыт. Хотя социология и другие социогуманитарные направления науки изучают процесс старения, но его дефиниция более

четких очертаний еще не получила. Возможно, его более четкое определение способствовало бы преодолению негативного отношения и решению проблем статуса и самоидентификации пожилых людей.

Начнем с медицины и здравоохранения, которые имеют непосредственные и длительные отношения с процессом старения, и связанными с ним изменениями, недугами, болезнями, которые они изучают, наблюдают, лечат. Даже не все семьи так близко вовлечены в него на фоне современной модели расселения семей, когда взрослые дети при первой возможности стремятся жить отдельно от родителей. Сегодня редко когда под одной крышей живут представители трех поколений даже в сельской местности, поэтому почти отсутствует «включенное» наблюдение представителями младшего поколения за процессом старения, поведением пожилых в повседневной жизни семьи.

Итак, процесс старения, исторически так сложилось, более пристально изучали медики и биологи, рассматривая его как сложный естественный процесс живых организмов, сокращающий их приспособительные возможности. В 1957 г. в г. Ленинграде было создано первое городское общество геронтологов. Был организован головной НИИ геронтологии АМН в Киеве и учреждено Всесоюзное общество геронтологов и гериатров, начали создавать кафедры гериатрии, но по тем или иным причинам не удалось создать систему специализированной гериатрической помощи.

В РФ гериатрическая служба начала институционализироваться на рубеже XX и XXI вв. Первым крупным специализированным учреждением обслуживания пожилых стал в 1989 г. Нижегородский областной геронтологический центр [6]. В 90-ые гг. подобные центры начали создаваться и в других регионах страны. Параллельно стали ставить на учет в отдельную категорию лиц пожилого и старческого возраста для оказания клинико-амбулаторной помощи.

Итак, медицина и здравоохранение способствовали и «закрепили» представление о том, что старость сопряжена с болезнями, нуждающимися в особом уходе и постоянном медицинском обслуживании. Органы власти приписывают старости роль получателей и потребителей социальных благ, нуждающихся в «предоставлении защиты». Государственные ведомства в прямой и явной форме выступают в роли «регуляторов» возраста человека. Продление возможностей образования и последующей занятости пожилых для модернизирующегося общества, по мнению исследователей, оказывается даже более приоритетной задачей, чем развитие социальной защиты [2]. Власти предписывают пожилым стареть медленнее и ограничивать потребление досуга, «сокращая» пенсионный возраст, все это не может не привлекать внимание большинства к возрасту, здоровью, своему телу.

Сегодня стали как никогда доступны многие виды медицинского обслуживания в целом, начиная от простого лечения, рекламы самолечения, заканчивая изменением внешности человека, все это повысило внимание к телу и здоровью человека. К примеру, Зигмунд Бауман, цитируя Карла Седерстрема и Андре Спайсера, утверждает, что на «хорошее самочувствие» само по себе «появился моральный спрос... Нас как потребителей обязывают вести образ жизни, нацеленный на максимизацию хорошего самочувствия» (что означает, поясню, нашего личного (!) здоровья и физической формы). Существенно, что «когда здоровье становится идеологией, неспособность ей соответствовать превращается в стигму». Люди, «у которых не выходит заботиться о своем теле...выставляются в дурном свете – ленивыми, бесхарактерными, слабыми», «непотребными девиантами, незаконно и беззастенчиво находящими удовольствие в том, чему должен сопротивляться каждый здравомыслящий человек» [1].

В социальных направлениях науки сформировалась хронологизация (тем-

порализация) жизненных этапов индивида: а) календарный возраст как основной критерий. Возросло значение жизненного пути/цикла как социального института вместо статичного/ситуативного (через стабильную принадлежность, например, роду). б) социальный возраст в основном совпадает с календарным. Возникла преимущественно биографически упорядоченная форма жизненного пути, например, институциональный школьный возраст и т.п. Вместе с тем, хронологизация является частью высвобождения индивидов из локальных связей, т.е. он становится частью новых форм обобществления, которые можно использовать в социальных единицах – «исчисляемого человека», по М. Фуко. Например, сегодня практикуется индивидуализированное начисление заработной платы, или индивидуальный подход в обучении и т.п.

Социология жизненного пути схематизирует свой предмет в двух направлениях, во-первых, как: а) последовательность повторяющихся (секвенционных) событий в порядке объективного времени; б) задается при этом вопросом о формах и изменениях в социальном регулировании жизненных путей; в) в этой перспективе жизненный путь, хотя считается результатом субъективных решений, но все же зависящим от

социальных условий, возрастных когорт и т.п. Значит, анализируется не отдельный жизненный путь, а статистическая агрегированная совокупность жизненных путей. Во-вторых, биографический подход отличается тем, что интересуется носителем биографии в его сингулярности. События жизни между рождением и моментом «х» представляются не в последовательности, а в их внутренней упорядоченности, т.е. мотивированности и субъективном придании смысла тем или иным событиям жизни.

Таким образом, социологический подход может способствовать выявлению тех сторон процесса старения и долгожительства, находящихся в области взаимоотношений больших и малых групп, конструировании и придании смыслов жизни, которые малодоступны другим направлениям науки. Такие знания и представления в общественном мнении могут в конечном итоге поменять отношение к старости и старению.

Теперь посмотрим, какие временные горизонты в своей жизни респонденты желают: 100-летия хотят достичь 30,9% опрошенных; 29,7% —

90-летнего возраста; 20,8% — 80-летия; 6,8% хотят дожить до 70 лет. Как они оценивают и обосновывают временные перспективы своей жизни (см. рис. 1).

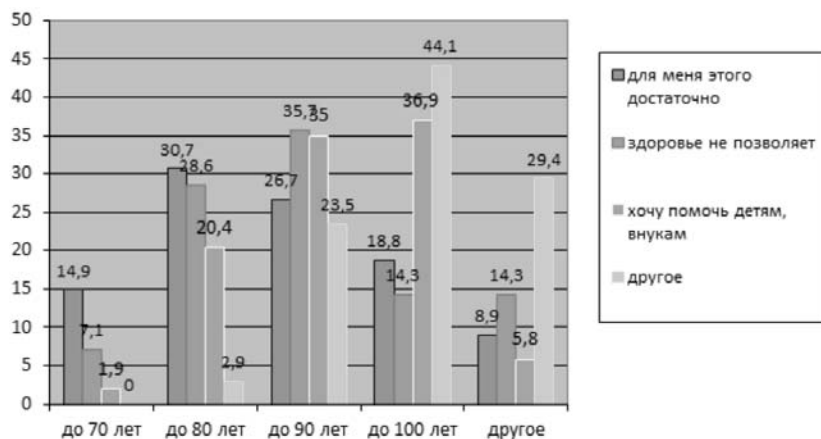

Рисунок 1 Обоснование респондентами возраста, до которого они желают дожить (n=236), в %

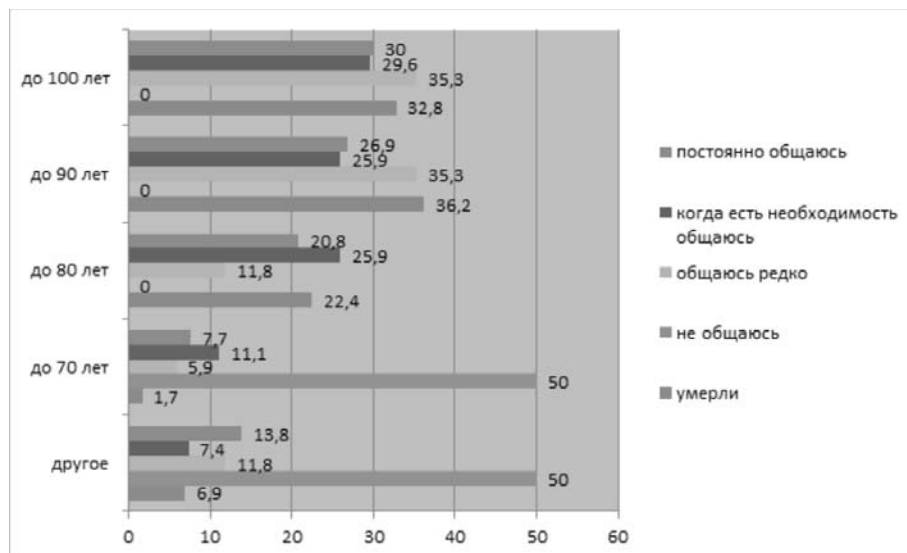

Рисунок 2 Оценка респондентами частотности общения со своими родителями и желание дожить до n-лет, в %

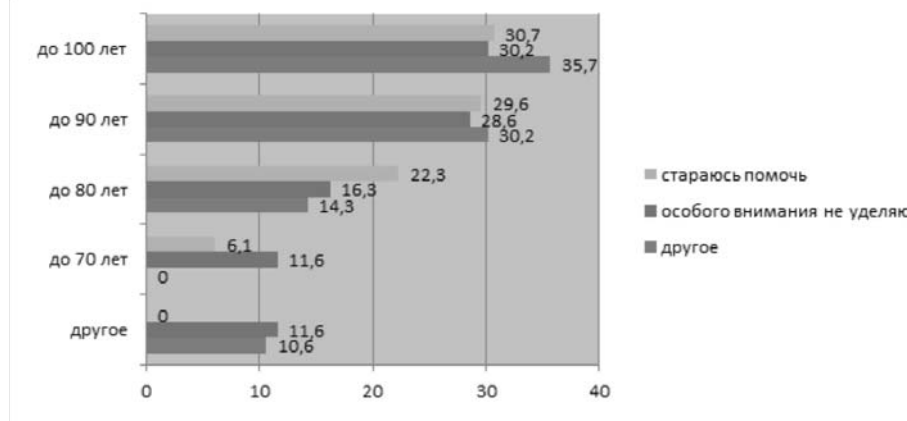

Рисунок 3 Отношение респондентов к пожилым людям в зависимости от желания дожить до n-лет, в %

Из приведенных данных видно, у большей доли респондентов есть желание дожить до преклонного возраста (80–100 лет).

Вряд ли можно ожидать, что респонденты предпринимают какие-то серьезные шаги для достижения такого возраста, однако, следующее сопоставление ответов, обосновывающих их желания, показывает достаточно низкую самооценку здоровья и желание принести пользу своим детям и внукам.

Значит ли это, что респонденты имеют тесные коммуникативные связи со своими родителями (см. рис.2). Из приведенных данных видно, что постоянно общающихся респондентов с родителями в разы меньше, чем тех, кто это делает «по необходимости» или «редко». Конечно, межпоколенное общение родителей и детей это отдельная тема исследования, но, не вникая в нее, можно отметить, что вряд ли подобная модель общения способствует

познанию и пониманию того, как стареют родители, какие происходят изменения с возрастом и т.п.

Из данных рис. 3 видно, что доля респондентов, которые хотят дожить до 90-100 лет в одинаковой мере «внимательны» и «не внимательные» к пожилым людям, тогда как эти же показатели в разы снижаются среди тех, кто ответил, что хотел бы дожить до 70-80 лет. Может ли это свидетельствовать о том, что те, кто хочет стать долгожителем более информирован о старости и старении, интересуется этим явлением, больше знает о своем роде и предках (см. табл. 1).

Таблица 1
Уровень информированности респондентов о наличии в их роду долгожителей и желание дожить до *n*-лет, в %

Желание дожить, лет:	Всего	Были ли в Вашем роду долгожители (те, кто дожили до 90 лет и более)		
		Да, были	нет	Точно не могу сказать
До 100	30,9	29,9	31,4	31,9
До 90	29,7	30,9	24,3	33,3
До 80	20,8	17,5	25,7	20,3
До 70	6,8	6,2	8,6	5,8
Другое	11,4	14,4	10,0	11,4

Из данных табл. 1 следует, что те респонденты, которые хотят дожить до 90-100 лет, наиболее информированы о своих предках-долгожителях, чем те, кто этому не стремится. Значит, пример близких и родных для интересующихся о долгожительстве респондентов еще не утратил свое значение.

Заключение. Проведенный анализ показал, что как научные подходы, так и практика способствовали институционализации возраста человека на фоне старения населения во многих странах. Медицина и здравоохранение в соответствии с физиологическими и другими изменениями человеческого организма, происходящими с возрастом, оказывают специализированную медицинскую помощь, в том числе и гериатрическую.

Государство ведет такую политику, которая сформировало представление

о пожилых людях как нуждающихся в постоянном медицинском обслуживании и получателей «общественных благ».

Идеи и концепции, разрабатываемые в различных направлениях науки о процессе старения, его последствиях и влиянии на общество СМИ интерпретирует и широко распространяет наряду с рекламой медикаментов, методах лечения, омоложения и т.п. Подобная ситуация не может не обострить внимание большинства к возрасту, здоровью, телу человека, на «хорошее самочувствие» «появился моральный спрос», как отмечают исследователи.

Литература

1. Бауман З. Ретротопия /пер. с англ. В.Л. Силаевой; под науч. ред. О.А. Оберемко – М.: ВЦИОМ, 2019 – С.126.

2. Григорьева И. А. Пожилые в современной России: между занятостью, образованием и здоровьем / И. А. Григорьева, Л.А.Видясова, А.В. Дмитриева и др. – СПб.: Алетейя, 2015 – 336 с.

3. Лавлинский С.П. Онтология старости в современной культуре: новейшая драматургия в кинематографическом и литературном геронтоконтексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 2. С. 77–84.

4. Семенова В.В. Социальная динамика поколений. Проблема и реальность – М.:РОССПЭН, 2009 - 271 с.

5. Слепцов С.С Феномен долгожительства в Якутии – миф или реальность // С.С. Слепцов, Слепцова С.С., А.Г. Егорова, З.Н. Алексеева // Якутский медицинский журнал. – 2019. – № 1. – С. 102-104.

6. Толченов Б.А. Здоровье пожилых и проблемы организации территориальной геронтологической службы: автореферат дис. ... кандидата медицинских наук: 14.00.33 / Нижегород. гос. мед. акад. – М., 1996. - 59 с.

Longevity and old age: differences of approaches of medicine and sociology
Vinokurova D.M., Egorova A.G., Chirikov Anton Vladimirovich

NEFU named after M.K. Ammosov, NRC KMP
The analysis of the existing approaches of medicine, health care and sociology to old age and longevity is carried out to identify their differences. Against the background of increased attention to human health and the human body and an increase in life expectancy, modern society has developed an attitude towards old age, the elderly, like people who are constantly in need of medical care and "receiving social benefits". However, socio-demographic problems, such as a decrease in the natural growth and aging of the population, contribute to the revision of the established approach to old age and longevity.

Key words: centenarians, health, generation, geriatric service, aging population, public opinion.

References

1. Bauman Z. *Retrotopiya* / trans. from English V.L. Silaeva; under the scientific. ed. O.A. Oberemko - M.: VTsIOM, 2019 - P.126.
2. Grigoryeva I. A. *Elderly in modern Russia: between employment, education and health* / I. A. Grigoryeva, L. A. Vidyasova, A. V. Dmitrieva et al. - St. Petersburg: Aletya, 2015 - 336 p.
3. Lavlinsky S.P. *Ontology of old age in modern culture: the latest dramaturgy in the cinematic and literary gerontocontext* // Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2018. Vol. 24. No. 2. P. 77–84.
4. Semenova V.V. *Social dynamics of generations. The problem and reality* - M.: ROSSPEN, 2009 - 271 p.
5. Sleptsov S.S. *Phenomenon of longevity in Yakutia - myth or reality* // C.C. Sleptsov, Sleptsova S.S., A.G. Egorova, Z.N. Alekseeva // Yakutsk Medical Journal. - 2019 .-- No. 1. - S. 102-104.
6. Tolchenov B.A. *The health of the elderly and the problems of organizing a territorial gerontological service: abstract dis. ... candidate of medical sciences: 14.00.33 / Nizhegor. state honey. Acad. - M., 1996 .-- 59 p.*

Осетинские танцы в зеркале общественного мнения

Дзугев Хасан Владимирович

доктор социологических наук, профессор, 1.Заведующий Центром исследования приграничных регионов Юга России Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой социологии Северо-Осетинского госуниверситета им. К.Л. Хетагурова, khasan_dzutsev@mail.ru.

Дибирова Аминат Паруковна

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Корниенко Наталья Владимировна

научный сотрудник Центра исследований приграничных регионов Юга России ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Статья написана на материалах массового опроса населения и учащихся средних общеобразовательных школ Республики Северная Осетия–Алания, проведенного весной 2019 года Центром исследования приграничных регионов Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук и кафедрой социологии СОГУ им. К. Л. Хетагурова. Тема исследования: «Осетинские танцы в зеркале общественного мнения». В ходе опроса были опрошены 500 взрослых жителей и 250 респондентов – учащихся 11-х классов средних общеобразовательных школ Республики Северная Осетия–Алания. Выборка респондентов осуществлялась согласно представительству тех или иных этнических групп. В ходе исследования также были опрошены 15 экспертов: специалисты хореографического искусства, профессиональные танцоры, бывшие солисты академического ансамбля, музыканты, художник по костюмам, ученые, журналисты, члены Парламента РСО–А.

Ключевые слова: менталитет, идентичность, культура, народный танец, национальное самосознание, духовность, эмоциональная насыщенность, национальный костюм, символы, народная музыка, исторические факторы, социально-культурные факторы, образ танцора.

В период развития массовой культуры в современной «глобальной деревне» культура явилась основой сохранения образа нации и была тормозом в процессе разрушения многих институтов общества, и можно сказать, что благодаря общей российской идентичности мы сохранили государство.

Проблема сохранения национальной идентичности народов Российской Федерации напрямую связана с их способностью адаптироваться к постоянно изменяющимся социально-экономическим условиям в современном мире, умением «вписываться» в мировой интеграционный процесс. Нахлынувшие уже с конца XX - начала XXI веков на некогда традиционные социумы процессы модернизации требуют от них больших моральных и интеллектуальных усилий. Опыт, накопленный народом в прошедшие постперестроечные годы, наглядно показывает невозможность остаться в стороне от мировых интеграционных процессов без готовности осознать себя одним из звеньев в цепи обмена информацией и товарами.

В качестве дурного наследия противостояния 90-х годов прошлого века некоторым субъектам Российской Федерации достались рудименты нетерпимости, непонимания, разобщенности. Однако наблюдения экспертного сообщества показывают, что традиционные этносы Российской Федерации в целом позитивно воспринимают поликультурное образование как часть процесса овладения знаниями о различных культурах своей страны и мира, понимания общего и особенного в родной и мировой культурах. В обществе уже сформировалось отношение к необходимости духовного обогащения, развития планетарного сознания, формирования уме-

ний и навыков для осуществления взаимодействия в условиях поликультурного российского и мирового сообществ.

Со стороны государства в большей степени должно проявляться следование таким целям, как создание оптимальных условий для самореализации подрастающего поколения и предоставления возможности молодым влиться в мировой интеграционный процесс. Основу такой политики составляет содействие государства в желании молодежи позитивно воспринять процессы модернизации. Первым и важнейшим шагом на этом пути должны стать рост национального самосознания и обращение к истокам, что не может не сказаться на росте интереса населения и особенно подростков и юношества к духовной культуре своего народа, в частности, к самой динамичной ее ветви – танцам.

Проблемами осетинских танцев занимались многие поколения исследователей, особенно это ярко проявилось в эпосе осетинского народа (Сказание о нартах. Сб. -М., 1969), в творчестве великого осетинского поэта К. Хетагурова, народного художника М.Туганова (см.: Сказание о нартах). Осетинскими народными танцами занимались Л. Грикурова (Осетинские танцы. Орджоникидзе, 1961), Б Харебов (Юго-Осетинская газета «Республика». 11.04.2011), А. Чочиев (Государственный ансамбль народного танца «Алан»).

Как тема идентичности коррелирует с культурной политикой в России? Насколько охотно жители субъектов Федерации осваивают свое национальное творческое наследие, наследие русского народа и западных стран? Материалы таблиц 1– 3 отражают мнение респондентов по этим вопросам.

Материалы опросов показывают: около половины опрошенных русских и русскоязычных респондентов (48,7%), а также 50,2% осетин вообще не разучивают русские народные танцы. Но одновременно охотно занимаются ими русские и русскоязычные респонденты (27,3%) и осетины (20,9%). Не очень

охотно занимаются русскими народными танцами 16,7 % русских и русскоязычных и 18,5% осетин. Совсем неохотно разучивают 7,3% русских и русскоязычных респондентов и 10,4% среди осетинской части опрошенных. Интерес к осетинским танцам среди русских и русскоязычных продемонстрировали 18,4%, 12,2% не очень охотно занимаются осетинскими танцами, совсем неохотно – 7,5% и подавляющее большинство (61,9%) вообще не разучивают осетинские танцы. У осетин, наоборот, 57,4% взрослых охотно разучивают осетинские танцы, не очень охотно 12,0%, совсем неохотно – 5,0%, не разучивающих вообще оказалось 5,6%.

Таблица 1

Насколько охотно вы танцуете или разучиваете (в %)

Варианты ответов	Русские народные танцы		Осетинские народные танцы	
	Респонденты массового опроса		Респонденты массового опроса	
	русские и русскоязычные	осетины	русские и русскоязычные	осетины
охотно	27,3	20,9	18,4	57,4
не очень охотно	16,7	18,5	12,2	12,0
совсем неохотно	7,3	10,4	7,5	5,0
не разучиваю вообще	48,7	50,2	61,9	25,6

Таблица 2

Насколько охотно вы танцуете или разучиваете (в %)

Варианты ответов	Танцы других народов России		Современные европейские танцы	
	Респонденты массового опроса		Респонденты массового опроса	
	русские и русскоязычные	осетины	русские и русскоязычные	осетины
охотно	18,2	8,5	38,1	23,4
не очень охотно	10,1	10,6	8,8	13,4
совсем неохотно	6,1	5,5	4,8	2,9
не разучиваю вообще	65,5	75,4	48,3	60,3

Большая часть русских и русскоязычных (65,5%) вообще не разучивают танцы других народов России, аналогичную картину показывают респонденты осетинской национальности, 75,4% осетин не разучивают вообще эти танцы:

Охотно занимаются танцами других народов России 18,2% русских и русскоязычных, не очень охотно – 1,1%. Почти такая же картина наблюдается среди респондентов осетинской национальности: охотно разучивают 8,5%, не очень охотно – 10,6%, совсем неохотно – 5,5%. Что касается современных европейских танцев, то здесь картина меняется, и 38,1% русских и русскоязычных охотно их разучивают, не очень охотно – 8,8%, совсем неохотно – 4,8%; 23,4% осетин также охотно разучивают современные европейские танцы, 13,4% – не очень охотно, 2,9% – совсем неохотно. У осетин этот процент близок к легитимной цифре и составляет 23,4%. Хотя процент не разучивающих в этих группах достаточно высок: у русских и русскоязычных – 48,3, у осетин – 60,3%.

Материалы опроса показывают, что 48,7% русских и русскоязычных респондентов вообще не разучивают никакие танцы.

По мнению экспертов, большой интерес к осетинским танцам вызван тем, что в танцоре они видят человека с многообразным мировосприятием, постоянно развивающегося, с высоким уровнем духовности, образования, интеллекта, стремлением к совершенствованию физического и нравственного состояния души. Такое восприятие сильно коррелирует с постоянно меняющимся глобальным миром.

По мнению некоторых экспертов, если язык – это первый нациообразующий фактор, то вторым можно признать танец, призванный осознать и раскрыть самого себя, свое единство, сопричастность к делам друг друга, каждого и всего общества. Танец, как ни странно, может выступать национальной идеей. Танец – это безмолвное, бессловесное мироощущение, проходящее великий,

неимоверно далекий, непознанный пока и необъяснимый исторический путь традиций, нравов, реформ и развития от самых истоков к своей национальной принадлежности, народной идентичности.

Таблица 3
Насколько охотно вы танцуете или разучиваете (в%)

Варианты ответов	Респонденты 11-х классов СОШ			
	Русские народные танцы	Осетинские народные танцы	Танцы других народов России	Современные европейские танцы
охотно	18,1	56,4	18,3	38,0
не очень охотно	15,2	10,7	7,7	8,4
совсем не охотно	7,4	3,3	2,6	1,3
не разучиваю вообще	59,3	29,6	71,5	52,3

Данные исследования показали, что большинство школьников (59,3%) не разучивают русские танцы (таблица 3). Охотно этим занимаются 18,1% опрошенных, 15,2% школьников не очень охотно занимаются русскими танцами, 7,4% совсем неохотно разучивают их. Здесь надо сказать о том, что мы не разделили учащихся по национальной принадлежности, учитывая незначительный процент русских и русскоязычных среди опрошенных. Что касается интереса к осетинским танцам, то, независимо от национальности, респонденты проявили большой интерес: охотно их изучают 56,4 %, неразучивающих осетинские танцы 29,6%. Таким образом, данные исследования свидетельствуют, что подавляющее большинство учащихся охотно разучивают свои национальные танцы.

Не очень охотно занимается осетинскими танцами каждый десятый старшеклассник, совсем неохотно их разучивает лишь 3,3%

Большинство опрошенных признались, что не обучаются танцам других народов России: так ответили 71,5% школьников. Охотно их разучивают 18,3% старшеклассников г. Владикав-

каза, не очень охотно – 7,7% опрошенных, совсем неохотно – 2,6% респондентов.

Данный опрос свидетельствует, что половина школьников РСО–А (52,3%) вообще не занимаются современными европейскими танцами. Из тех, кто их разучивает, более трети (38,0%), делают это охотно, 8,4% – не очень охотно. Совсем неохотно разучивают современные европейские танцы 1,3% учащихся.

Большинство экспертов РСО–А отметили, что в республике весьма охотно разучиваются и исполняются танцы народов Кавказа – осетинские, кабардинские, дагестанские, армянские, грузинские, чеченские и ингушские. Некоторые из них также заметили, что в молодежной среде охотно разучиваются и современные европейские танцы. Часть экспертов обратили внимание на возрастную за последние годы популярность восточных танцев.

По мнению экспертов, танец – это самовыражение личности, тяга молодежи к танцам объясняется желанием нравиться противоположному полу, демонстрацией мужской удалости, физических данных. Любовь к национальным танцам у осетин находится на генном уровне и глубоко связана с менталитетом народа.

При этом надо сказать, что в историческом прошлом в каждом ущелье и населенном пункте во время праздников появлялись талантливые исполнители, слава об искусстве которых выходила и за пределы Осетии. Эти люди были не только талантливыми танцорами, но и видными личностями Осетии. Мужчина, умевший строить жизнь, который при этом мог еще и красиво, и бесподобно танцевать, был интересен в любом осетинском обществе. Были и значимые в обществе и культуре люди, профессией которых стал танец, именно в нем они стали выдающимися и достойными добрых воспоминаний. Мало кто в Осетии не помнит Альбину Баеву, Бексолтана (Пигу)Торчинова, Казбека Тотоева, Нодара Плиева и др.

Они оставили память о себе как несущие нравственность и душевную красоту своего народа.

В высказываниях экспертов красной нитью проходит мысль о том, что великие танцоры появились в Осетии благодаря выдающемуся государственному деятелю Билару Кабалоеву (1-й секретарь Северо-Осетинского обкома КПСС (1961-1982 гг.), который, по сути, является создателем государственного ансамбля «Алан». Без государственной политики не могли появиться такие танцоры, которым и сегодня подражает осетинская молодежь.

Если язык – это первый нациообразующий фактор, то вторым, по мнению экспертов, можно признать танец. Где как не в танце с наибольшей яркостью и открытостью выражаются душа народа, его природная самобытность, народное мировосприятие, миропознание, мироощущение и свое предназначение в этом мире! Он передает чувства, переживания в своеобразной, особенной для каждого народа национальной форме. Тот, кто состоит из осетинской плоти и крови, кто сердцем и душой танцует по-осетински, тот принадлежит осетинскому народу.

Литература

1. Хетагуров К.Л. Особа.: Собр. соч. в 5 томах. М., 1961. Т.4.
2. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
3. Осетинские народные сказания. ССКГ. Тифлис, 1873. Вып.VII.
4. Косвен М.О. Аталычество // СЭ 1935. № 11.
5. Туганов М.М. Материалы по изучению осетинского народа // ИЮОНИИ. Цхинвали, 1958. Вып. 9.
6. Пчелина Е.Т. Родильные обряды у осетин. // СЭ 1937. №3.
7. Дзугцев Х.В. Эволюция семьи и межсемейных отношений. М., РОССПЭН. 2001.

Ossetian dances in the mirror of public opinion
Dzutsev H.V., Dibirova A.P., Kornienko N.V.

Institute of Socio-Political Studies, Federal Scientific Research Center of RAS,

This article was written on the basis of a mass survey of the population and students of secondary schools of the Republic of North Ossetia-Alania, conducted in the spring of 2019 by the Center for the Study of Border Regions of the Institute for Social and Political Studies of the Federal Scientific Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences and the Department of Sociology of SOGU. K. L. Khetagurova. Research topic: "Ossetian dances in the mirror of public opinion." During the survey, 500 residents and 250 respondents from 11th grade students of secondary schools of the Republic of North Ossetia-Alania were interviewed. The sample of respondents was carried out according to the representation of various ethnic groups. During the study, 15 experts were also interviewed: specialists in choreographic art, professional dancers, former soloists of the academic ensemble, musicians, costume designer, scientists, journalists, members of the Parliament of the Republic of North Ossetia-Alania.

Keywords: mentality, identity, culture, folk dance, national identity, spirituality, emotional richness, national costume, symbols, folk music, historical factors, socio-cultural factors, image of a dancer.

References

1. Khetagurov K.L. Special: Collected Op. in 5 volumes. M., 1961.V.4.
2. Magometov A.Kh. Culture and life of the Ossetian people. Ordzhonikidze, 1968.
3. Ossetian folk tales. SSCG. Tiflis, 1873. Issue VII.
4. Cosven M.O. Atalychestvo // SE 1935. No. 11.
5. Tuganov M.M. Materials on the study of the Ossetian people // IUONII. Tskhinvali, 1958. Issue. nine.
6. Bee E.T. Maternity ceremonies in Ossetians. // SE 1937. No. 3.
7. Dzutsev H.V. The evolution of the family and interfamily relations. M., ROSSPEN. 2001.

Социальная диагностика механизмов противодействия коррупции среди студенческой молодежи

Кобакин Михаил Викторович

доктор социологических наук, доцент, профессор, ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», tiz8283@mail.ru

Кораблев Геннадий Геннадьевич

Специалист, Информационно-аналитический центр «СТРАНА», kgennadij@yandex.ru

Малахова Елена Анатольевна

заместитель директора - руководитель отдела АНО «Центр развития научно-образовательных инициатив для инвалидов «Столица успеха», malaxova2@mail.ru

В статье описаны методологические и методические основы социальной диагностики противодействия коррупции к молодежной студенческой группы. На основе авторского социологического проекта представлены качественные и количественные параметры экспертной оценки рисков коррупции и приоритетности механизмов ее профилактики. В целях системного описания изучаемых механизмов представлен сравнительный анализ их оценок студентами -представителями молодежной группы. Существенное место в статье занимают результаты обработки мнения респондентов о допустимости различных неправовых коррупционных практик, целесообразности использования различных мер юридической ответственности за отдельные виды коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: коррупция, профилактика, социальные механизмы, диагностика, молодежь, студенты, опрос, экспертиза, индексы, сравнительный анализ

Социальный феномен коррупции, как формы девиантного поведения в сфере государственного и муниципального управления имеет много аспектов, к раскрытию которых обращались ученые и практики.

В частности, в целях его глубокого научного познания целесообразно использовать публикации, раскрывающие методологические проблемы системы противодействия коррупции, ее институтов и социальных механизмов [1; 5; 8; 9]. Социологические аспекты противодействия коррупции характеризуются в научной литературе преимущественно в рамках социологии управления [6; 7; 11]. При раскрытии экономических проблем коррупции как правило особое внимание исследователи обращают на ущерб, наносимый коррупционными практиками [12].

Большое внимание к изучению социальных механизмов противодействия коррупции объясняется ее наличием в современной системе государственного и муниципального управления, хозяйственных отношениях. В нашей стране в 2019 году Следственным комитетом Российской Федерации возбуждено свыше 18 тысяч уголовных дел о коррупционных преступлениях, в суды направлено 8409 уголовных дел о коррупции, по которым в качестве обвиняемых привлечено более 9 тысяч лиц. По своей структуре: около 20% - уголовные дела о даче взяток, немногим менее 16% - о получении взяток, 15% - мошенничество [3].

Реализация мер государственной политики по противодействию коррупции в нашей стране осуществляется на основе норм антикоррупционного законодательства [10] и нуждается в системном научном обеспечении.

Одним из важных компонентов научно обеспечения эффективного функционирования социальных механизмов противодействия коррупции является информационно-аналитическая работа, которая во многом использует результаты социальной диагностики качественных и количественных параметров этого феномена.

В рамках научно-исследовательской деятельности Департамента социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в целях социальной диагностики качественных и количественных характеристик социальных механизмов противодействия коррупции, отношения студенческой молодежи к феномену коррупции, в марте-апреле 2020 года реализован авторский исследовательский проект «Антикоррупционное поведение студентов» (Научный руководитель – профессор П.В.Разов), в ходе которого опрошено

167 студентов вузов московского региона, представляющих 24 региона Российской Федерации, а также 42 эксперта, представляющих четыре группы специалистов: работников правоохранительных органов; организаторов работы с молодежью органов государственной власти и местного самоуправления; администрация вузов; профессорско-преподавательский состав вузов (согласованность мнений экспертов $W=0,73$). Результаты проведенных в ходе реализации проекта социологических исследований позволяют выявить и описать существенные характеристики социальных механизмов противодействия коррупции.

Прежде всего привлекают экспертные оценки рисков, которые связаны с наличием коррупции в нашей стране, системе государственного управления, среди должностных лиц органов власти, что отражено в рисунке 1.

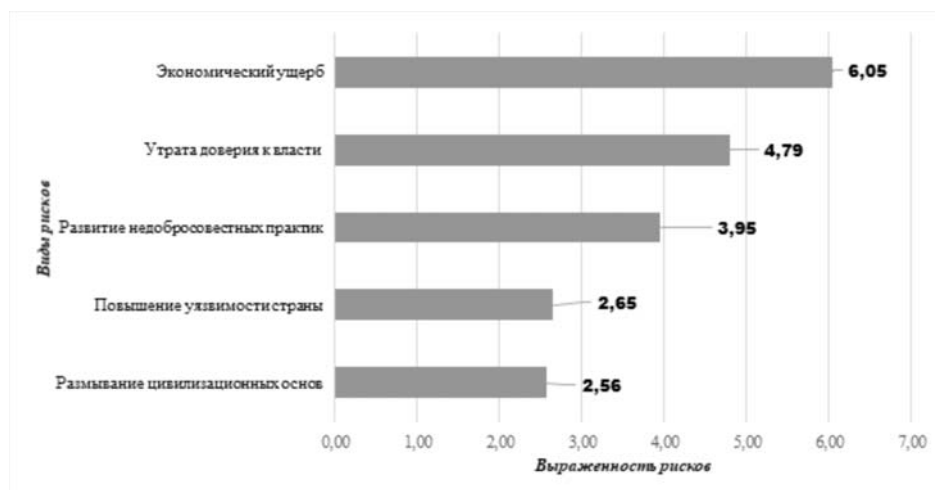

Рисунок 1 – выраженность рисков коррупции в Российской Федерации (по материалам собственного исследования)

Описание параметров, полученных в ходе исследования с помощью экспертного метода, проведено в степени выраженности изучаемых характеристик по децильной (десятибалльной) шкале от «1» - минимальное значение до «10» - максимальное значение.

Эксперты считают наибольшим риском от коррупции в нашей стране нанесение экономического ущерба, нерациональное расходование бюджетных средств (уровень выраженности риска 6,05 баллов).

Среднюю выраженность имеют такие риски, как утрата населением доверия к органам власти (4,79), а также риск замены институтов государственного управления недобросовестными практиками «решения вопросов» параллельно органам власти, либо вместо них (3,95).

Наконец, наименьшую выраженность имеют по мнению экспертов такие риски, как повышение уязвимости

нашей страны от угроз недружественных стран, организаций, корпораций (2,65) и размывание цивилизационных, нормативных и ценностных основ функционирования российского социума (2,56).

В ходе репрезентативного опроса были также получены характеристики отношения студентов к коррупции, результаты которого отражены на рисунке 2.

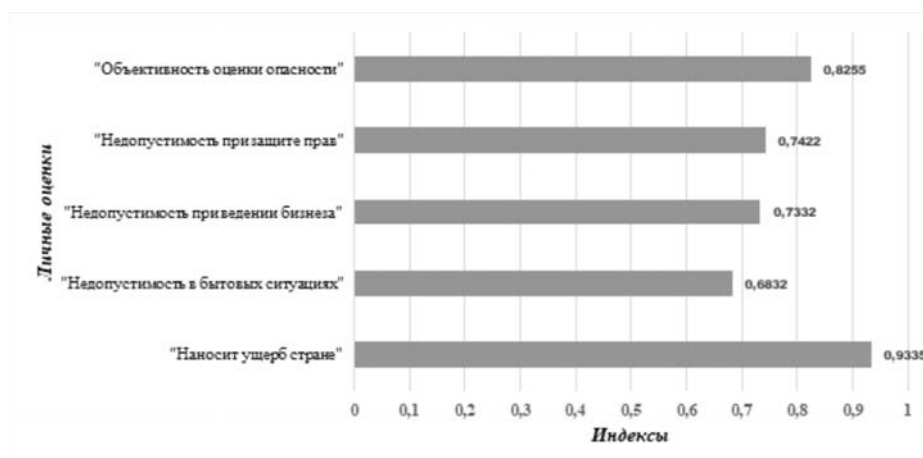

Рисунок 2 – отношение студентов к коррупции, как социальной практики (по материалам собственного исследования)

Полученные в ходе опроса студентов характеристики выражены в нормированных значениях (простых индексах), значение которых варьируется от «0» - минимальное значение до «1» - максимальное значение.

Обращает на себя внимание принципиальная оценка респондентами опасности коррупции как реальной социальной практики отдельных субъектов социальной взаимодействия в сфере государственного и муниципального управления, которые определенно заявляют о том, что для нашей страны коррупция чиновников (извлечение дохода из своего положения) вредна (0,9335), а также утверждают, что опасность коррупции реальна, и не преувеличена в общественном мнении (0,8255).

Выше среднего, но существенно меньшее значение имеют оценки, связанные с личными социальными практиками. Так, респонденты считают недопустимой для конкретного человека коррупцию для решения важных для него проблем: а) в бытовой сфере (0,6832); б) для ведения бизнеса (0,7332); в) для защиты личных прав и законных интересов (0,7422).

Мнения привлеченных к исследованию экспертов о социальных механизмах противодействия коррупции позволяют провести сравнительный анализ их эффективности, что отражено на рисунке 3.

Наиболее эффективными механизмами противодействия коррупции эксперты считают наличие полной и качественной современной нормативно-правовой базы профилактики коррупции в нашей стране (законы и подзаконные акты) (6,38).

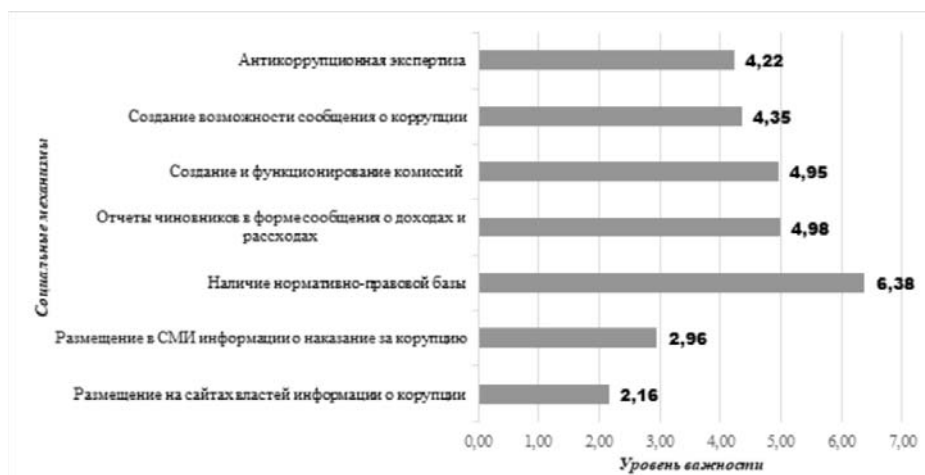

Рисунок 3 – сравнительные показатели эффективности социальных механизмов противодействия коррупции (по материалам собственного исследования)

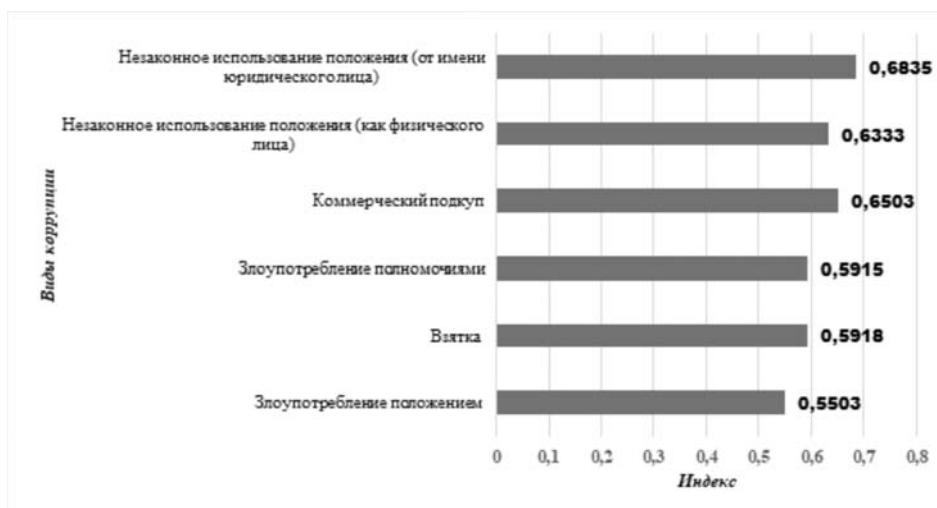

Рисунок 4 – оценка студенческой молодежью действенности мер общественного воздействия к коррупционерам, совершившим различные виды коррупционных правонарушений (по материалам собственного исследования)

Средний уровень эффективности на основе экспертных оценок определен к таким социальным антикоррупционным механизмам, как: отчеты чиновников в форме сообщения о личных доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, которые доступны населению (4,98); создание и функционирование в нашей

стране в органах власти Комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликтов (4,95); создание возможности для инициативного сообщения гражданами о фактах коррупции («обратная связь», «горячая линия» и т.д.) (4,35); антикоррупционная экспертиза нормативно-

правовых актов, то есть оценка «однозначности» правовых норм, что не позволяет чиновникам трактовать их в свою пользу, решать вопросы не по закону, а «по понятиям» (4,22).

Наименьшую эффективность в сравнительном анализе по мнению экспертов имеют такие механизмы, как: размещение в средствах массовой информации о наказании лиц за выявленные факты коррупции для профилактики совершения чиновниками коррупционных действий (2,96) и размещение на официальных сайтах органов власти информации о недопустимости коррупционного поведения чиновников, ответственности их за коррупцию и т.д. (2,16 баллов).

Отдельный научный интерес представляет мнение студентов, как представителей одной из наиболее активной социальной молодежной группы, о действенности механизмов социального контроля и общественного осуждения коррупционеров в качестве их мер ответственности по различным видам коррупционных правонарушений, что отражено на рисунке 4.

В целом молодежь признает определенное значение методов социального воздействия на коррупционеров в форме общественного осуждения. При этом по мнению респондентов наиболее действенным социальное воздействие могут по отношению к тем, кто совершил незаконное использование физическим лицом своего должностного положения (от имени или в интересах юридического лица) - вопреки законным интересам общества и государства (0,6835), коммерческий подкуп (0,6503), а также незаконное использование физическим лицом своего должностного положения (от своего имени) - вопреки законным интересам общества и государства (0,6333).

Общественно осуждение также может быть достаточно релевантным средством воздействия на коррупционеров, которые: а) дают взятки, либо получают взятки (0,5918); б) злоупотребляют полномочиями (0,5915); в) злоупотребляют служебным положением (0,5503).

Таким образом, социальная диагностика, как информационно-аналитический метод в системе научного обеспечения противодействия коррупции, позволяет выявить отношение молодежи как к самому феномену коррупции, так и его последствий, опасности, допустимости коррупционных практик в решении жизненно важных для человека проблем, оценке приоритетности мер ответственности к нарушителям, а также экспертную квалификацию имеющих риски коррупции и сравнительной оценки относительной релевантности социальных механизмов, которые используются для противодействия коррупции в российском социуме.

Литература

1. Борина, Л.В. Контрольно-ревизионные институты в системе противодействия коррупции как угрозе экономической безопасности государства (по материалам ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб, 2015.
2. Борцев, В.В. Коррупция: контагиозность, последствия и методы противодействия. Москва, 2014.
3. Варывдин, М. Негативные последствия коррупции тяжелее, чем прямой ущерб // Коммерсантъ. №99 / Электронный формат: [https://kommersant.ru/daily/125280]. Дата обращения: 05 июня 2020.
4. Грибков, М.А. Государственное управление процессами противодействия коррупции. Москва, 2012.
5. Дронов, Р.В. Механизм нейтрализации коррупции в органах государственного управления. СПб, 2010.
6. Кондратенко, Г.Г. Антикоррупционная безопасность столичного мегаполиса (социально-философский анализ). Москва, 2016.
7. Куприянов, И.С. Бытовая коррупция в современной России: социальное содержание и основные тенденции. Иваново, 2011.
8. Любкина, Н.А. Политический механизм противодействия коррупции в современной России. Москва, 2012.

9. Наумов, Ю.Г. Теория и методология противодействия институциональной коррупции. Москва, 2014.

10. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. №273-ФЗ «О противодействии коррупции» / СЗ РФ от 29 декабря 2008 г. N 52 (часть I) ст. 6228.

11. Шедий, М.В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ. Москва, 2014.

12. Юхачев, С.П. Коррупция как экономические отношения социума. Тамбов, 2010.

Social diagnostics of anti-corruption mechanisms among students

Kibakin M.V., Korablev G.G., Malakhova E.A. Financial University under the Government of the Russian Federation, «STRANA» information and analytical center, ANO "Center for development of scientific and educational initiatives for the disabled "Capital of success"

The article describes the methodological and methodological bases of social diagnostics of anti-corruption in the youth student group. Based on the author's sociological project, qualitative and quantitative parameters of expert assessment of corruption risks and priority mechanisms for its prevention are presented. For the purpose of a systematic description of the studied mechanisms, a comparative analysis of their assessments by students-representatives of the youth group is presented. A significant place in the article is occupied by the results of processing respondents' opinions on the permissibility of various illegal corruption practices, the feasibility of using various measures of legal responsibility for certain types of corruption offenses.

Keywords: corruption, prevention, social mechanisms, diagnostics, youth, students, survey, expertise, indexes, comparative analysis.

References

1. Borina, L.V. Control and audit institutions in the system of combating corruption as a threat to the economic security of the state (based on materials from the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for St. Petersburg and the Leningrad Region). SPb, 2015.
2. Wrestlers, V.V. Corruption: contagiousness, consequences and methods of counteraction. Moscow, 2014.
3. Varyudin, M. The negative consequences of corruption are harder than direct damage // Kommersant. No. 99 / Electronic format: [https://kommersant.ru/daily/125280]. Date of treatment: June 05, 2020.
4. Gribkov, M.A. Public administration of anti-corruption processes. Moscow, 2012.
5. Dronov, R.V. The mechanism of neutralization of corruption in government. SPb, 2010.
6. Kondratenko, G. G. Anti-corruption security of the metropolitan metropolis (socio-philosophical analysis). Moscow, 2016.
7. Kupriyanov, I.S. Domestic corruption in modern Russia: social content and main trends. Ivanovo, 2011.
8. Lyubkina, N.A. The political mechanism of anti-corruption in modern Russia. Moscow, 2012.
9. Naumov, Yu.G. Theory and methodology of combating institutional corruption. Moscow, 2014.
10. Federal Law of December 25, 2008 No. 273-ФЗ "On Combating Corruption" / СЗ of the Russian Federation of December 29, 2008 N 52 (Part I) Art. 6228.
11. Shady, M.V. Corruption as a social phenomenon: a sociological analysis. Moscow, 2014.
12. Yukhachev, S.P. Corruption as an economic relationship of society. Tambov, 2010.

Карьерные выборы молодого ученого в сфере информационных технологий

Курешева Александра Юрьевна

аспирант, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, al.kuryshева@gmail.com

Исследования академической карьеры в сфере информационных технологий еще довольно новая область исследований в социологии. Уже в течение некоторого времени проходит дискуссия о нехватке академических работников в сфере ИТ, но до сих пор не найдено решение этой проблемы. Карьерные выборы научного пути человека происходит рано, начинается с выбора ранних этапов образования и продолжает формироваться на следующих ступенях. Неформальное образование может стать как минимум временным решением проблем образования в теоретических компьютерных науках. Таким образом, появляется большое количество новых неформальных образовательных инициатив, на базе высших учебных заведений и ведущих ИТ компаний, которые во многом призваны компенсировать недочеты и проблемы высшего образования. В работе в качестве примера неформальных образовательных инициатив рассмотрен Computer Science клуб при ПОМИ РАН, предоставляющий студентам Санкт-Петербурга получить образование в области Теоретических компьютерных наук. Эти организации более гибкие и мобильные, они изменяются в соответствии с изменением потребностей студентов и индустрии. Неформальное образование в сфере теоретических компьютерных наук достаточно сложное и при этом мало исследованное явление, играющее важную роль для карьерных выборов молодого ученого.

Ключевые слова: реформирование науки, академическая карьера, молодые исследователи, стратегии карьеры, образовательные организации

В конце XX века - начале XXI века ситуацией, когда происходит изменение роли и места науки в жизни российского общества. Общественное представление о науке как о сфере социальной практики влияет на ее функционирование, в том числе и через представления самих ученых или будущих ученых о своей профессии.

Информатика и информационные технологии еще довольно новая область исследования. Уже в течение некоторого времени проходит дискуссия о нехватке академических работников в сфере ИТ, но до сих пор не найдено решение этой проблемы. Одним из возможных решений эксперты видят увеличение государственного финансирования высшего образования в области ИТ. Но чаще всего та поддержка, которую можно ожидать от государства, заключается только в повышении доступности Интернета и возможности совершенствовать знания английского языка для молодых людей. Со стороны индустрии тоже важно воздействовать на эту проблему.

Скорость, с которой в настоящее время разрабатываются информационно-коммуникационные технологии, усложняет формирование образовательных стандартов и программ. Государство пока не в состоянии адекватно определять и поддерживать нужное направление, необходимое для стимулирования ИТ-программ. В России ИТ-индустрия демонстрирует значительный рост, вместе с этим растет потребность в квалифицированных специалистах.

Тем временем появляется большое количество новых неформальных образовательных инициатив, которые во многом призваны компенсировать недочеты и проблемы высшего образования.

Темой моего исследования является один из аспектов образования и одновременно один из способов его получения – неформальное образование.

Образование представляет собой социальную подсистему, имеющую свою структуру. В рамках института образования существует некая деятельность – учебный процесс, который может быть представлен в виде лекций, семинаров, являющихся обязательными для студентов ВУЗов.

Основанием моей работы послужило то, что существуют также неформальные образовательные практики, имеющие так же, как и формальные, основной своей целью получение знаний, но отличающиеся от них формой организации и составом участников.

Объектом моего исследования являются семинары и кружки, связанные с получением знаний в сфере информационных технологий. Например, Computer Science клуб при ПОМИ РАН, предоставляющий студентам Санкт-Петербурга получить образование в области Теоретических компьютерных наук. То есть то, что появляется так или иначе в связи с уже существующей в стенах определенного ВУЗа, либо высших учебных заведений в принципе, деятельностью, выступая в качестве дополнения или альтернативы формальному образованию.

Прежде, чем перейти к более подробному рассмотрению того, что же собой представляет неформальное образование, можно посмотреть, что же оно собой представляет на примере Computer Science клуб. При этом, данный клуб, как и любой другой пример неформального образования, не может выступать в качестве некой идеальной модели неформального образовательного сообщества, во многом в силу того, что видов и форм неформального образования много, но может дать представление о нем в целом.

Computer Science клуб при ПОМИ РАН создан в сентябре 2007–го. Основная форма занятий в клубе – это лек-

ции, которые читаются как петербургскими, так и иностранными преподавателями по субботам и воскресеньям в ПОМИ РАН (Фонтанка, 27). По основным из прочитанных курсов (можно посещать не все курсы, а только некоторые, по выбору) проводится экзамен, оценка за который может быть зачтена формально: на данный момент курсы клуба могут быть засчитаны в качестве спец. курсов студентам математико–механического факультета СПбГУ, а также студентам СПб ИТМО (последним требуется в начале семестра внести курсы в учебный план). Также планируется обеспечить такую возможность студентам других ВУЗов. Вход в клуб свободный, т.е. клуб открыт для всех и посещение лекций бесплатно. Единственное, что требуется от желающих слушать лекции – написать перед первым посещением письмо одному из организаторов, в котором указать ВУЗ, факультет и номер группы (студентам).

Подавляющее большинство курсов рассчитано на широкую аудиторию и требует лишь минимальных начальных знаний в области Теоретических компьютерных наук. В клубе был также прочитан курс ликвидации безграмотности, призванный ознакомить слушателей с базовыми знаниями, необходимыми для понимания материала.

При этом по информации, полученной от респондента, с которым было проведено глубинное интервью, основными слушателями клуба являются старшекурсники (люди со степенью бакалавра в области Computer Science), аспиранты, программисты, не равнодушные к математике: «клуб состоит не из ударенных ботанов, а из клевых интересных людей, искренне любящих Computer Science».

Возможно, последнее и является причиной того, что в клубе также существует насыщенная, остающаяся за рамками какой бы то ни было формальности, жизнь. Так, часто предметом обсуждений клуба являются поездки слушателей на математические школы в

разных странах, распространены практики некоторой совместной деятельности, например, походы в лес.

Надо сказать, что различные кружки и семинары существовали почти все то время, какое существует высшее образование и являлись значимой и практически неотъемлемой частью научной жизни («Private gathering and private study circles very early on became major form of students' and scientists' life in Russia» [4]). Существуют они и сейчас, конечно, изменившись – постоянно и постепенно меняясь. От времени, в которое они существовали, зависело то, как данные кружки и семинары выглядели, как организовывались, какие цели преследовали и какую роль выполняли. При этом существующие в настоящее время кружки и семинары отличаются не только от тех, которые были раньше, но и друг от друга – по принципу организации, целям, форме проведения и степени формальности.

Несмотря на то, что семинары и кружки, судя по мемуарам, существуют уже больше века, исследований, посвященных именно этому явлению, практически нет. Либо неформальное образование определяется исследователями как непрерывный процесс получения человеком разнообразных знаний в разных областях на протяжении всей его жизни: «The content of informal education is the everyday life experience of the participants, not a set and codified curriculum.» [2] либо как (и что является заблуждением, как считает Philip H. Coombs) обеспечение некоего эквивалента традиционному (школьному и университетскому) образованию [regular school subjects and skills] посредством других каналов, преимущественно для тех людей, которые были лишены возможности получить данные знания и навыки в школе или университете. То есть, неформальное образование выступает в качестве синонима взрослому дополнительному образованию [adult education].

Способы попасть в такие сообщества различны и сильно зависят от позиционирования сообществом самого себя: от объявлений в общественных местах, до личного приглашения. При этом, часто будущие участники узнают о сообществах и попадают в них случайно, несмотря даже на возмужность заинтересованность («Совершенно случайно и чуть ли не по секрету услышала от N, что K обмолвился о том, что при ПОМИ РАН будут организованы какие-то математические курсы, которые будут читать на разных языках великие люди», информант-участник кружка).

Путь становления научной карьеры достаточно формализован и имеет несколько последовательных этапов, при этом возможно существование некоторых вариаций и комбинациях этих этапов, но количество выборов ограничен. Выбор научного пути происходит рано, начинается с выбора ранних этапов образования и продолжает формироваться на следующих ступенях. При этом существует набор специальностей, в которых эти выборы еще более очевидны. Если выпускник школы идет поступать на экономический факультет в бакалавриат, его будущее может быть связано или не связано с научной деятельностью в будущем. В то же время, когда школьник переводится из обычной школы в математическую гимназию, а после этого поступает на физико-механический факультет Политехнического университета, вероятность того, что он станет в будущем ученым повышается. Следовательно, есть ряд специальностей, в которых этот выбор происходит быстрее, то есть каждый шаг образования становится более ответственным. К таким специальностям относятся в основном фундаментальные науки, например, философия или физика.

Многие студенты принимают это решение уже во время процесса обучения, а не его начала. При этом смена курса становится все сложнее с течением времени, в случае поступления в магистратуру

туру на научное направление, и тем более в аспирантуру, вероятность становления ученым возрастает.

Профессиональный выбор – результат процесса длиною во всю жизнь, формирование предпочтений по выбору профессии начинаются задолго до наступления возраста, когда ребенок покидает школу, и продолжаются долго после этого [7]. Есть исследования, которые подтверждают, что выбор профессии происходит в раннем возрасте. Особенно это касается выбора научной карьеры, интерес к науке формируется довольно рано по сравнению с другими профессиями, кроме того, однажды возникнув, он имеет тенденцию сохраняться.

Можно сделать вывод, что роль неформальных образовательных практик в формировании карьерного выбора молодых ученых в российской науке значительно растет. Эти неформальные институты оказывают все более заметное влияние на карьеру ученых. Они успешно реализуют стратегию отбора и подготовки к профессиональной деятельности в сфере информационных технологий наиболее одаренной молодежи.

В виде заключения можно сказать, что несмотря на длительное время существующее, довольно распространенное и заметное явление, неформальное образование не нашло освещения в русскоязычной литературе, за исключением, разве что, мемуаров бывших участников. Различные кружки и семинары, тем не менее, продолжают существовать и сейчас, регулярно воспроизводятся в различных ВУЗах, а также на базе ведущих ИТ компании. Эти структуры значительно более гибкие и мобильные, они имеют способность изменяться в соответствии с изменением потребностей участников. В целом, это достаточно сложное и при этом мало исследованное явление, играющее важную роль в современных стратегиях академической карьеры молодого ученого в сфере Информационных технологий.

Литература

1. Berman, A. I. (1974). "Field Studies of Small Media-Activated Learning Groups". In: Verreck, W. A. (Ed.), *Methodological Problems in Research and Development*
2. Coombs, P.H. Should one develop nonformal education?. *Prospects* 3, 287–306 (1973). <https://doi.org/10.1007/BF02198523>
3. Tony Jeffs and Mark K. Smith (1999) 'The problem of "youth" for youth work', *Youth and Policy* 62, pages 45 – 66.
4. Александров Д.А. The Politics of Scientific 'Kruzhok': Study Circles in Russian Science and Their Transformation in the 1920s // На переломе: советская биология в 20-30-х годах. (вып.1)/ Под ред. Э.И.Колчинского. СПб, 1997.
5. Александров Д.А. Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. №4
6. Марков А. Что значит быть студентом: Работы 1995-2002 годов. Новое литературное обозрение, 2005.
7. Социальные детерминанты карьеры молодых ученых в период реформирования российской науки (на материалах полевого исследования) // Социологический альманах. 2016. С. 187–199 (в соавторстве с В.М. Ломовицкой).

Career choices of a young scientist in the field of information technology

Kurysheva A.Yu.
RANEPА

Researching an academic career in information technology is still a fairly new area of research in sociology. There has been a discussion about the shortage of academic staff in the IT field, but so far no solution has been found to this problem. Career choices of a person's scientific pathway occur early, begins with the selection of the early stages of education and continues to take shape at the next steps. Non-formal education can become at least a temporary solution to the problems of education in theoretical computer sciences. A large number of new non-formal educational initiatives appear on the basis of higher education institutions and leading IT companies. They are largely designed to compensate for the shortcomings

and problems of higher education. In the paper as an example of informal educational initiatives, the Computer Science Club at the POMI RAS is considered. It provides students of St. Petersburg with an education in the field of Theoretical Computer Sciences. These organizations are more flexible. They change in accordance with the changing needs of students and industry. Non-formal education in the field of theoretical computer science is quite complex and at the same time a little studied phenomenon. It plays an important role for the career choices of a young scientist.

Keywords: science reform, academic career, young researchers, career strategies, educational organizations

References

1. Berman, A. I. (1974). "Field Studies of Small Media-Activated Learning Groups." In: Verreck, W. A. (Ed.), *Methodological Problems in Research and Development*
2. Coombs, P.H. Should one develop nonformal education ?. *Prospects* 3, 287–306 (1973). <https://doi.org/10.1007/BF02198523>
3. Tony Jeffs and Mark K. Smith (1999) 'The problem of" youth "for youth work', *Youth and Policy* 62, pages 45 - 66.
4. Alexandrov D.A. The Politics of Scientific 'Kruzhok': Study Circles in Russian Science and Their Transformation in the 1920s // *At the Turn: Soviet Biology in the 1920s and 1930s. (issue 1) / Ed. E.I.Kolchinsky. SPb, 1997.*
5. Alexandrov D.A. Historical anthropology of science in Russia // *Questions of the history of natural science and technology. 1994. No4*
6. Markov A. What does it mean to be a student: Works of 1995-2002. *New Literary Review, 2005.*
7. Social determinants of the career of young scientists during the reform of Russian science (based on field research) // *Sociological Almanac. 2016. P. 187–199 (co-authored with V.M. Lomovitskaya).*

Современный город: взгляд сквозь призму социально-исторической памяти

Лагутин Юрий Викторович

аспирант кафедры социологии коммуникативных систем Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, lagutinyury@gmail.com

Память о прошлом является ценнейшим механизмом, позволяющим не только сохранить культурное наследие, но и определить постулаты, необходимые для самоидентификации в современной городской среде. Именно на социально-исторической памяти базируются такие качества, как гражданская ответственность и патриотизм. Городское пространство, будучи важнейшим носителем исторической памяти, представляет особый интерес для исследования. Уникальность города в его историко-социологическом осмыслении связана с его способностью к репрезентации прошлого в социальном пространстве современности. Город с этой точки зрения является достоверным фактом развития общества, применения и изменения социальных практик. Анализ города как предмета социально-исторической памяти способствует осмыслению и созданию лучших условий для жизни в нем, условий для более комфортной интеграции новых жителей в его социальное пространство.

Ключевые слова: память, историческая память, история, урбанизация, преемственность, прошлое, поколение, мегаполис, социальные практики, социализация, город, человек, информация, инфраструктура, идентичность, индивидуальность, культура, общество, локация

Историческое сознание представляет собой способность людей осознавать себя живущими в конкретном историческом временном потоке, а не в абстрактном пространстве вне времени. Прошлое влияет на настоящее. Это сумма представлений об истории, которые бытуют в обществе. Идентичность групп и сообществ во многом зависит от проекции на прошлое через историческое сознание. Само слово «память» чрезвычайно многогранно и включает в себя множество явлений различной степени важности. Например, Л.П. Репина пишет: «Вся терминология памяти характеризуется многозначностью. Память может включать что угодно - от спонтанного ощущения до формализованной публичной церемонии»[9].

Историческая память совмещает в себе государственную историческую политику и память семьи, сообществ, исторический активизм. И. Рюзен трактовал историческую память «...с одной стороны, как ментальную способность субъектов сохранять воспоминания о пережитом опыте, который является необходимой основой для выработки исторического сознания... С другой — как результат определенных смыслообразующих операций по упорядочиванию воспоминаний, осуществляемых в ходе оформления исторического сознания путем осмысления пережитого опыта...»[10]. Особая важность «идентификационной» составляющей является одной из основных причин растущего интереса в обществе к прошлому. Желание увековечить его в определенной форме для будущих поколений. Государства, заинтересованные в строительстве и поддержании наций, имели в приоритете повествования о победах, вытесняя более сложные истории пораз-

жений. Они оставались лишь предметом воспоминаний в семье и памятью отдельных сообществ. Государство имело почти полную монополию на инфраструктуру коллективной памяти: памятники, музеи, учебники истории. Развитие этих инфраструктур памяти стало залогом развития национальной памяти и поддержания наций.

Основоположником термина «историческая память» считается М. Хальбвакс - французский социолог, автор труда «Коллективная память». Одна из концепций, выдвинутых Хальбваксом, заключалась в том, что историческая память зачастую идёт не параллельно с историей, а, скорее, наоборот, обосновывая это тем, что история появляется лишь тогда, когда прекращается социальная память, «потребность написать историю того или иного периода возникает только тогда, когда они уже ушли так далеко в прошлое, что у нас мало шансов найти вокруг себя много свидетелей, сохраняющих о них какое-то воспоминание»[13]. По Хальбваксу историческая память конечна, она жива лишь до тех пор, пока живы её носители.

Концептуализация памяти этой области либо объединяет коллективную и индивидуальную память, либо отводит последней незначительное место. Между тем исследователи все больше и больше сосредотачивают своё внимание на ситуациях, когда отдельные воспоминания соответствуют культурным сценариям или ментальным шаблонам. Так, в 1920-1930 годах советские психологи А.Р. Лурия и Л.С. Выготский определили отдельный термин «культурной памяти». Они писали, что «если бы мы теперь хотели рассмотреть память взрослого культурного человека, то должны были бы брать её не такой, какой создала её природа, а такой, какой её создала культура»[8].

Разрывы в истории (historical gaps - Hanna Arendt) пробуждают и обостряют интерес к прошлому, к проблеме связи времён, заставляют изобретать новые образы прошлого, которые позволили бы восстановить «распавшуюся связь

времён». Так возникает социально-историческая память - память, охватывающая несколько поколений. Как отмечал Н.А. Бердяев[4], «историческое время - ноуменально», то есть историческое время, в котором протекает история народа, не совпадает с историзмом. Подобраться к ноуменально «историческому» представляется возможным лишь через определённую связь человека с историей. С помощью прошлого люди пытаются обосновать собственную сегодняшнюю идентичность, переосмыслить ключевые координаты сознания себя как общности. Эта связь времён, незримая нить между прошлым и настоящим я является силой, благодаря которой живо государство, жив народ. Политика памяти становится аргументом для обеспечения актуальных интересов политических элит. Разница между публичной культурой памяти, формируемой школой, политикой, дидактикой мемориальных комплексов, и приватной памятью, сохраняемой в группах, семьях, с течением времени становится все более заметной и ощутимой.

Это относится и к образу города. Непубличный статус города, формирующийся в воспоминаниях жителей, - это не только набор достопримечательностей и курьезных ситуаций, но и важнейший информационный ресурс, значимый источник социологического исследования, наряду с официальными представлениями, зафиксированными в книгах и СМИ. Образ города, воссозданный из воспоминаний местных жителей, коренных жителей и приезжих, - «неофициальной памятью», через значимые события, предметы быта, их символизирующие и т.п. является объемным и рельефным. Подобного рода воспоминания позволяют создать историческую картину, выражаясь современным языком, в формате «3 и более D». Становясь объектом подобного осмысления любое здание, улица, парк, на первый взгляд, самые обычные, приобретают ценность, привлекают внимание, образ-

тая историями, семантикой, будучи интегрированными в социум, став частью социально-исторической, живой памяти. Образ города, созданный рассказами людей, помогает понять его, услышать, прочувствовать, пропитаться его духом и атмосферой, осмыслить, каким образом сделать его лучше, комфортнее для различных социальных групп, как его благоустроить. С этой целью был создан архив устной истории МГУ имени М.В. Ломоносова, архив «Прожито», под руководством филолога Никиты Петрова создан информационный портал pastandnow.ru, где собран городской фольклор, записаны устные рассказы представителей разных поколений, различных социальных групп о тех или иных местах в городе. Подобные проекты, имеющие разные цели (изучение топонимии, топографии, диалектные особенности и т.п.), вольно или невольно приобретают социальную направленность. Городское пространство, рассмотренное сквозь разные фильтры, под различными углами зрения, приобретает иную смысловую наполненность, обрастая символами, становясь объектом социологического осмысления. Город в данном случае интерпретируется как коллективная историко-социальная единица, которая представляет собой место памяти, выступая в роли мнемического субъекта и объекта коллективной памяти и индивидуальных воспоминаний. Стоит отдельно отметить, что город - это живая система, непрерывно подвергающаяся модификациям ввиду перемен в своём устройстве, историческом этапе, населении, политическом строе, возможностях и не только. Д.С. Лихачёв писал: «улицы, площади, каналы, отдельные дома, парки напоминают, напоминают, напоминают... Ненавязчиво и ненастойчиво входят впечатления прошлого в духовный мир человека, и человек с открытой душой входит в прошлое. Он учится уважению к предкам и помнит о том, что в свою очередь нужно будет для его потомков» [6]. Одна из основных

задач городского пространства - обеспечить комфортные условия проживания для своего населения и предоставить возможность для самоидентификации. По этой причине анализ города с точки зрения исторической памяти - ценнейший ресурс, позволяющий открыть для подробности определённого исторического этапа.

Уникальность города в его историко-социологическом осмыслении связана с его способностью к репрезентации прошлого в социальном пространстве современности. Город с этой точки зрения является достоверным фактом развития общества, применения и изменения социальных практик. Советский учёный и градoved Н.П. Анциферов писал: «Наша эпоха разрушительных войн с особой силой поставила задачу всестороннего изучения родной культуры, в том числе и городов как выразителей этой культуры и как ее очагов»[1]. Постоянно впитывая в себя информацию, материализуя ее и сохраняя в различных культурно-исторических объектах, город сосредотачивает в себе историко-социальный опыт, с течением времени становясь мощным источником новых социальных практик, моделей, методов, основывающихся на прошлом и настоящем. Сам процесс создания такого образа города в историко-социологическом осмыслении, который включает в себя совместную деятельность людей разных поколений по сбору устных рассказов, историй, курьезов, способствует укреплению социальных связей. Образ города возникает в сознании поколений и различных социальных принадлежностей: молодежи и студентов, пожилых людей, детей и подростков, коренных жителей и мигрантов, лиц без определенного места жительства. Город в таком случае выступает и как центр формирования локального «социально-исторического сообщества».

Анализ города как предмета социально-исторической памяти способствует осмыслению и созданию лучших условий для жизни в нем, условий для более комфортной интеграции новых

жителей в его социальное пространство.

Литература

1. Анциферов, Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Н. П. Анциферов ; сост., подгот. текста, послесл. Д. С. Московской. – М. : ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2009. – 584 с.

2. Бабосова Е.С., Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Город как коммуникативное пространство: социокультурный анализ; Российско-Белорусский научный журнал Союзного государства "Белая Вежа" // No 4(19), 2015, с. 108-115

3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М: Новое литературное обозрение. 2018.

4. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Канон+, 2017

5. Коркия Э.Д., Мамедов А.К. Городское коммуникативное пространство (фено-менология и тренды) // Международный Академический Вестник. 2014. No3.С. 30-38.

6. Лихачев, Д. С. Письма о добром и прекрасном / Д. С. Лихачев ; сост. и общ. ред. Г. А. Дубровской. – Изд. 2е, доп. – М. : Дет. лит., 1988. – 238 с.

7. Мысливец Н.Л. Память о прошлом в пространстве современного города // Социологический альманах, 2018. N1.

8. Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гипперейтер и В.Я. Романова. М., 1998. С. 419.

9. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 42.

10. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2001. Вып. 7.

11. Тулиганова И.В. Социальная память в пространстве города // Манускрипт, 2017, N2.

12. Турбина В.Г., Антонова Е.Л. Как работает память в городе // Colloquium-journal, 2019, N1.

13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 22.

14. Haley A. Roots: the saga of an American Family. 1976.

Modern city: look through the prism socio-historical memory

Lagutin Yu.V.

Moscow State University

The memory of the past is a valuable mechanism that allows not only to preserve the cultural heritage, but also to determine the postulates necessary for self-identification in the modern urban environment. It is on socio-historical memory that such qualities as civic responsibility and patriotism are based. Urban space, being the most important carrier of historical memory, is of particular interest for research. The uniqueness of the city in its historical and sociological understanding is associated with its ability to represent the past in the social space of the present. The city from this point of view is a reliable fact of the development of society, the application and change of social practices. An analysis of the city as an object of socio-historical memory contributes to the understanding and creation of better conditions for living in it, and conditions for a more comfortable integration of new residents into its social space.

Keywords: memory, hysterical memory, history, urbanization, continuity, past, generation, metropolis, social practices, scientization, city, person, information, infrastructure, identity, individuality, culture, society, location

References

1. Antsiferov, N.P. Problems of urbanism in Russian fiction. The experience of building the image of the city - St. Petersburg Dostoevsky - based on the analysis of literary traditions / N. P. Antsiferov; comp., preparation. text afterword D.S. of Moscow. - M.: IMLI im. A.M. Gorky RAS, 2009. -- 584 p.
2. Babosova E.S., Korkiya E.D., Mamedov A.K. City as a communicative space: sociocultural analysis; Russian-Belarusian scientific journal of the Union State "White Vezha" // No 4 (19), 2015, p. 108-115

3. Assman A. The long shadow of the past: memorial culture and historical politics. M: New literary review. 2018.
4. Berdyaev N.A. The meaning of the story. M.: Canon +, 2017
5. Corkia E.D., Mamedov A.K. Urban communication space (phenomenology and trends) // International Academic Bulletin. 2014.No3.S. 30-38.
6. Likhachev, D. S. Letters about the good and the beautiful / D. S. Likhachev; comp. and commonly. ed. G. A. Dubrovsky. - Ed. 2-е, add. - M.: Det. lit., 1988.-- 238 p.
7. The Thought N.L. Memory of the past in the space of a modern city // Sociological Almanac, 2018. N1.
8. Psychology of memory / Ed. Yu.B. Hippereiter and V.Ya. Romanova. M., 1998.S. 419.
9. Repina L.P. Historical memory and modern historiography // New and recent history. 2004. No. 5. P. 42.
10. Ryuzen J. Losing the sequence of history (some aspects of historical science at the crossroads of modernism, postmodernism and the discussion of memory) // Dialogue with time. Almanac of intellectual history. 2001. Issue. 7.
11. Tuliganova I.V. Social memory in the city space // Manuscript, 2017, N2.
12. Turbine V.G., Antonova E.L. How memory works in the city // Colloquium-journal, 2019, N1.
13. Halbwax M. Collective and historical memory // Inviolable stock. 2005. No. 2-3. S. 22.
14. Haley A. Roots: the saga of an American Family. 1976.

Театрализованная игра, как средство социализации детей дошкольного возраста с общим недоразвитием речи

Мамедова Лариса Викторовна,
канд. педагогических наук, зав. кафедры
ПимНО ТИ (Ф) СВФУ, larisamamedova@yandex.ru

Иоаниди Анна Филипповна,
студент кафедры ПимНО ТИ (Ф) СВФУ

Семья совместно с дошкольным учреждением, обеспечивающим социально-педагогическое сопровождение процессов воспитания и обучения детей, является первостепенным институтом социализации ребенка, способствующим его общественному развитию, приобретению навыков и компетенций успешной коммуникации, достижению необходимой формы социальной активности, позволяющей эффективно взаимодействовать и функционировать в окружающей среде.

В данной статье описан один из методов социализации детей с общим недоразвитием речи – театрализованная игра, указаны виды театрализованных игр, навыки и умения, которые приобретаются/улучшаются у детей с общим недоразвитием речи в процессе использования данного инструмента.

Ключевые слова: речевые дисфункции, театрализованная игра, общее недоразвитие речи, социализация детей, причины общего недоразвития речи, уровни общего недоразвития речи, навыки детей с общим недоразвитием речи, виды театрализованной игры.

В процессе социализации у ребенка должны быть реализованы следующие умения: способность нарабатывать опыт нахождения оптимальных решений различных жизненных ситуаций с достаточным количеством альтернатив; осознание собственного состояния и состояния окружающей среды, применение данных знаний при взаимодействии; возможность адекватной этической оценки происходящих событий, собственного поведения и поведения других людей; постановка конфликтных и бесконфликтных ситуаций с последующим их анализом; выработка положительного эмоционального фона [1].

Социально-педагогическое сопровождение процесса социализации ребенка в дошкольном учреждении должно следовать следующим принципам:

- главенству интересов ребенка;
- оптимальному соотношению процессов развития индивидуальности и социализации;
- прививание положительных характеристик социального соответствия;
- комплексного подхода;
- динамичного взаимодействия;
- открытого и честного сопровождения.

Однако наличие речевых дисфункций у ребенка, как нарушения основного инструмента коммуникационной деятельности, в разной степени затрудняет общение, что делает процесс социализации, начинающийся в дошкольном учреждении и продолжающийся в течение всей жизни, крайне сложным, что также способно изменять психику человека.

Общее недоразвитие речи (ОНР) представляет собой различные речевые дисфункции, при которых нарушены компоненты речевой системы, относящиеся к ее звуковой или смысловой стороне, при отсутствии снижения слуха или интеллекта.

Причины ОНР могут быть биологическими (натальные травмы и нарушения, инфекции у новорожденных), органические (проблемы с центральной нервной системой), социальные (недостаточное внимание, проявляемое к воспитанию и развитию ребенка, либо иные обстоятельства, препятствующие нормальному формированию речи) [2].

В зависимости от степени нарушений выделяют четыре уровня общего недоразвития речи [3]:

- ОНР первого уровня – речь ребенка, состоящая только из звуков, сопровождаемых жестами и мимикой, абсолютно непонятна;

- ОНР второго уровня – речь ребенка включает измененные слова, смысл которых возможно понять, при этом присутствует отставание речевого развития от возрастной нормы; составление рассказов является затруднительным, даже при наличии наводящих вопросов ребенок не может пересказать текст или передать сюжет;

- ОНР третьего уровня – речь ребенка состоит из фраз, присутствуют неразборчивые элементы, для распознавания которых посторонним необходимо привыкнуть; характеризуется нечетким, недифференцированным произношением / замещением звуков;

- ОНР четвертого уровня – речь ребенка правильна и понятна с включением лексических ошибок (замена слов, перестановка слогов, несогласованность предложений); степень усвоения материала и грамматических правил слабая.

Отличительным признаком наличия ОНР является не только более позднее начало речи, но также и отставание экспрессивной речи, высокая критичность к дефекту коммуникации, снижающаяся с

течением времени без должной коррекции речевая активность [8].

Наличие ОНР влияет на формирование у ребенка сенсорной, интеллектуальной, волевой сферы жизнедеятельности. Отмечается недостаточная устойчивость фиксации внимания, ограничение его распределения. У ребенка с ОНР логическая и смысловая память сохранены, в то время, как вербальная память и эффективность запоминания снижены, что может влиять на качество и активность познавательной деятельности.

Необходимо отметить, что дети с ОНР также отстают в двигательном развитии, у них наблюдается плохая координация, снижение скорости и ловкости выполнения упражнений, они испытывают сложности в воспроизведении цепочки танцевальных движений. В то же время психологическое развитие у детей с ОНР абсолютно нормально, они имеют адекватный интерес к игровой и предметной активности, эмоциональное дифференцированное отношение к окружающим событиям [6].

Дети дошкольного возраста с ОНР с удовольствием воспринимают и принимают участие в театрализованной деятельности, особенно в ее ведущем виде – игре. Эмоциональность и впечатлительность детей позволяет им воспринимать игру, как реальность, путем проигрывания ролей любимых сказок, историй, мультфильмов, сценок из жизни, положительно сказывается на их психоэмоциональном состоянии [9].

Возможности театрализованной игры, как доступного педагогического, коррекционного инструмента для детей с ОНР чрезвычайно широки:

- нравственное и художественное воспитание;
- развитие коммуникативных навыков;
- улучшение памяти, мышления, фантазии, воображения;
- развитие волевой сферы;
- активизация словарного запаса;
- развитие творческих способностей;

- расширение активного и пассивного словаря;
- совершенствование звуковой, лексико-грамматической, интонационной культуры речи, ее связности;
- улучшение физической памяти воспроизводимых движений, мелкой моторики;
- развитие эмоционально-чувственной сферы;
- овладение литературным языком;
- развитие инициативности и самостоятельности;
- формирование внутренней мотивации развития речи.

Театрализованные игры позволяют обеспечить следующие требования к наличию навыков и умений у детей с ОНР дошкольного возраста [4]:

- уметь выстроить небольшую речь, монолог, построить развернутый диалог, применяя при этом жесты и мимику подходящие к ситуации;
- уметь выстроить импровизированный диалог, не мешать друг другу, поддерживать своими действиями и чувствовать своего партнера по сцене;
- уметь анализировать свою роль, украсить ее выразительными средствами, придумать себе аксессуары для исполнения роли.

Для детей дошкольного возраста с ОНР данный вид жанра становится эффективным средством общения и инструментом налаживания социальных связей. Для детей с ОНР театрализованная игра является также успешным средством коррекции речевых дисфункций, преодоления трудностей, комплексов и излишней самокритики, препятствующими свободному общению со сверстниками. Проигрываемые сцены, заученные реплики, вырабатываемые эмоциональные окраски фраз дают возможность применять данные «шаблоны» в жизненных ситуациях.

Выделяют три вида театрализованных игр [10]:

1. Игры-драматизации, характеризующиеся тем, что ребенок самостоятельно создает образ с помощью средств выразительности, производя

придуманные самим собой движения, исполняет роль согласно заранее написанного сценария. Виды игр-драматизаций:

- имитации (образов людей, животных, персонажей);
- ролевые диалоги;
- инсценировки произведений;
- постановки спектаклей;
- импровизации.

2. Режиссерские игры, в которых актерами выступают игрушки, управляемые детьми. Режиссерские игры классифицируются в соответствии с видами театров:

- настольный,
- бибато,
- теневой,
- кукольный,
- пальчиковый и т.п.

3. Специальные игры, развивающие мимику, дикцию, артикуляцию, пантомиму, воображение:

- упражнения,
- речевые игры,
- этюды.

Принимая участие в театрализованной игре, дети с ОНР взаимодействуют с окружающим миром через образы, эмоции, краски, движения, звуки. Разыгрываемые темы и ситуации подталкивают ребенка думать, анализировать происходящее, делать выводы. Многообразие речи детей незаметно для них самих расширяется, становится важным и привычным старание, чтобы окружающие их понимали. Речь детей обогащается интонациями, усиливается жестами и мимикой, улучшается звукопроизношение [4].

Очень полезно для детей с ОНР предусматривать в театрализованной игре танцы, они способствуют развитию пластики, музыкальности, пониманию собственного тела и красоты движений.

Нравственная сторона произведений, сценок, рассказов, сказок, используемых в театрализованных играх, способствует формированию у детей с ОНР навыков корректного социального поведения. Дети стремятся подражать своим персонажам, отождествляют

себя с героями произведений. Такая идентификация позволяет развивать положительные черты личности. Ребенок может перевоплощаться в своего персонажа для возможности опосредованного преодоления некоторых жизненных ситуаций, вызывающих затруднения, сложностей общения, застенчивости, робости [5]. Дети стараются поделиться пережитым опытом, приобретенным в процессе театральной игры со своими сверстниками, родителями, что способствует расширению их круга общения, приобретению новых межличностных связей.

Коллективные театрализованные игры помогают развивать в детях с ОНР чувство ответственности друг за друга, понимание необходимости поддержки товарищей.

Необходимо включать в театрализованные игры процессы совместного с детьми подготовки спектакля – изготовление костюмов, декораций, аксессуаров. Данное позволяет привить принципы общности, причастности к общему делу.

В случае постановки театрализованных игр посредством театра теней, кукольного театра развивается и мелкая моторика детей с ОНР, ловкость, умение соблюдать синхронность, либо последовательность движений. Рекомендуется вводить речевые постановки после бессловесных театральных упражнений, этюдов, указанных видов режиссерских игр чтобы дети с ОНР могли привыкнуть к остальным в группе, не стесняясь имеющихся отличий речи. Далее необходимо постепенно расширять театральный опыт путем освоения других видов игр-драматизаций.

Полезны также дыхательные упражнения, выполняемые на постоянной основе, так как они помогают детям с ОНР сконцентрироваться, собраться перед выполнением сложного словесного упражнения, исполнения роли [7].

Важно создать специальные условия для детей с ОНР в процессе театрализованной деятельности, предусмотреть возможность оборудования уголка

уединения, где ребенок может провести немного времени, устав от общества других детей, либо будучи расстроенным чем-либо, позаниматься расслабляющими, успокаивающими упражнениями вместе с преподавателем, порепетировать роль в одиночестве. Педагогу крайне необходимо поддерживать доброжелательную атмосферу, комфортную психологическую обстановку внутри группы, не допуская конфликтов между детьми высмеивания, критики и порицания ими друг друга.

Театрализованная игра является не только приятным времяпрепровождением для детей, но и эффективным средством коррекции речи детей с ОНР, однако, что немаловажно, и действенным инструментом их социализации. Театральная деятельность расширяет круг общения детей с ОНР, придает уверенности, стойкости, прививает навыки постоянного самосовершенствования, способствует развитию монологической и диалогической речи, выработке различных способов общения с другими детьми, улучшению психофизических способностей, эмоционально-психического состояния, наработке навыков межличностного общения, повышению самооценки, стремлению к познанию.

Театрализованная игра учит детей с ОНР доброте, пониманию, что они не отличаются от других ребят, способны преодолеть трудности и стать сильнее.

Литература

1. Лемещук М.А. Проблема социализации у детей с общим недоразвитием речи в научных трудах исследователей // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. №4. С. 88–90.
2. Общее недоразвитие речи (ОНР). Режим доступа: https://illness.docdoc.ru/obshhee_nedorazvitiye_rechi_onr
3. Уровни ОНР. Режим доступа: <http://onrinfo.narod.ru/urovni-onr.html>
4. Театрализованная деятельность как средство социализации и коррекции общего недоразвития речи у старших

дошкольников. Режим доступа: <https://e-koncept.ru/2017/771196.htm>

5. Театрализованная игра - один из методов социализации детей. Режим доступа:

<https://infourok.ru/teatralizovannaya-igra-odin-iz-metodov-socializacii-detey-3635417.html>

6. Баряева Л.Б., Вечканова И. Г. Театрализованные игры в коррекционно-развивающей работе – М., 2007.

7. Филичева Т.Б. Четвертый уровень недоразвития речи. Особенности формирования речи у детей дошкольного возраста - М., 1999.

8. Глухов В.П. Формирование связной речи детей дошкольного возраста с общим речевым недоразвитием - М., 2004.

9. Антипина А.Е. Театрализованная деятельность в детском саду - М., 2006.

10. Виды театрализованных игр и их место в воспитательно-образовательном процессе в соответствии с ФГОС. Режим доступа: <https://pedkopilka.ru/blogs/blog49272/vidy-teatralizovanyh-igr-i-ih-mesto-vospitatelno-obrazovatelnom-procese-v-sotvetstvi-s-fgos.html>

Theatered game, as a means of socialization of preschool children with general speech under development

Mamedova L.V., Ioanidi A.F.

North-Eastern Federal Institute of MK Ammossova

The family, together with a preschool institution that provides social and pedagogical support for the processes of raising and educating children, is the primary institution of socialization of the child, contributing to its social development, acquiring skills and competencies in successful communication, achieving the necessary form of social activity that allows it to interact and function effectively in the environment.

This article describes one of the methods of socializing children with general speech underdevelopment - a theatrical play, types of theatrical plays, skills and abilities that are acquired / improved by children with general speech underdevelopment in the process of using this tool.

Keywords: speech dysfunctions, theatrical play, general speech underdevelopment, socialization of children, causes of general speech underdevelopment, levels of general speech underdevelopment, skills of children with general speech underdevelopment, types of theatrical play.

References

1. Lemeshchuk M.A. The problem of socialization in children with a general underdevelopment of speech in the scientific works of researchers // Baltic Humanitarian Journal. 2014. No4. S. 88–90.
2. General underdevelopment of speech (ONR). Access Mode: https://illness.docdoc.ru/obshhee_nedorazvitiye_rechi_onr
3. The levels of OHP. Access Mode: <http://onrinfo.narod.ru/urovni-onr.html>
4. Theatrical activity as a means of socialization and correction of general underdevelopment of speech in older preschoolers. Access Mode: <https://e-koncept.ru/2017/771196.htm>
5. Theatrical play is one of the methods of socializing children. Access Mode: <https://infourok.ru/teatralizovannaya-igra-odin-iz-metodov-socializacii-detey-3635417.html>
6. Baryaeva LB, Vechkanova I. G. Theatrical games in correctional development work - М., 2007.
7. Filicheva T. B. The fourth level of speech underdevelopment. Features of the formation of speech in preschool children - М., 1999.
8. Glukhov V.P. The formation of coherent speech of preschool children with general speech underdevelopment - М., 2004.
9. Antipina A.E. Theatrical activity in kindergarten - М., 2006.
10. Types of theatrical games and their place in the educational process in accordance with GEF. Access Mode: <https://pedkopilka.ru/blogs/blog49272/vidy-teatralizovanyh-igr-i-ih-mesto-vospitatelno-obrazovatelnom-procese-v-sotvetstvi-s-fgos.html>

Реклама как социальная технология бренда

Мань Минсин

аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, lanmingtian@bk.ru

Статья посвящена вопросам ценностного влияния бренда как важной функциональной характеристики социальной рекламы. Именно социальная реклама способна эффективно противостоять распространению антиценностей и негативных поведенческих моделей в обществе. В отличие от давно использующих коммерческих сообщений технологии привлечения потребителя к взаимодействию с брендом, традиционная социальная реклама только усугубляет бездействие адресата, а должна формировать новые социальные привычки.

Возможность привлечения зрителя к выбору сценариев решения проблемы расширяет креативные возможности социальной рекламы, иногда позволяя достаточно жестко проиллюстрировать основную идею кампании. Чтобы избежать односторонней манифестации ценностей в социальной рекламе, ее разработчики должны учитывать смыслы, которые важны для целевой аудитории, контексты восприятия сообщений, механизмы ситуативной рефлексии и саморефлексии индивидов. Задача социальной рекламы – «подталкивая человека к взаимодействию с собственным «я», стимулировать его к тому, чтобы он осознал себя включенным в социальную жизнь, инициировал социальные действия и формировал определенные ценностные установки».

Автор доказывает, что бренд является нечто большим, чем идентификационной системой, которая позволяет понять, какому производителю (продавцу) принадлежит товар. Бренд представляет собой снабженную идентификационной системой представлений аудитории, благодаря которой происходит формирование системы отношений и действий этих потребителей в социальном пространстве.

Ключевые слова: социальная реклама, социальный маркетинг, ценность, бренд, корпоративная социальная ответственность, изменение поведения потребителя.

В экономической стоимости бренда выражается капитализация затрат, которые идут на то, чтобы создать и продвигать в аудиторию имидж товара. С такой позиции вложения в рекламу, т.е. в продвижение бренда, с точки зрения экономики, это не текущие затраты, а инвестиции. Как правило, стоимость бренда рассчитывается на основе оценки прироста прибыли, которую дает наличие бренда в течение среднего срока его жизни. Не случайно экономисты относят бренд к «нематериальным активам компании» (сюда включаются и патенты, которые принадлежат компании, и ноу-хау). Помимо материальных активов ими определяется стоимость компании на рынке, а также приверженность к бренду потребителей по критерию социальной составляющей в жизни общества (успешные компании сегодня формируют благотворительные фонды, спонсируют различные социальные проекты, являются грантодателями новых научных исследований и т.п.).

Реклама бренда становится действенной лишь в том случае, когда потребитель самостоятельно понимает, что рекламные обещания являются истинными, во-первых, и, во-вторых, когда бренд соответствует его субъективности, наилучшим образом подчеркивает ее. Однако при соответствии рекламы реальности и субъективности в глазах потребителей, последние становятся более приверженным этому бренду.

Реклама, независимо от ее видовой специфики, распространяется среди людей и создается для людей, связанных социальными интеракциями. В этом смысле любая реклама является социальной по своей сути и всегда обращается к ценностной системе человека и общества. В то же время, если для коммерческой рекламы ценности имеют сугубо прагматическое значение (реклама придает дополнительной стоимости

продукта, способствуя его продвижению), то для социальной рекламы ценностное влияние на человека является функциональной характеристикой.

В общем понимании, ценности – это специфические социально значимые объекты и явления окружающего мира, положительные или отрицательные для человека и общества, имеющие личностное или общественное (или одновременно то и то) значение [7] (в то же время сущность ценностей не сводится к объекту). Для рекламной коммуникации ценности – базовое понятие: реклама разрабатывается с учетом индивидуальных и социальных ценностей потребителя; национально-культурные ценности определяют грани рекламного креатива, и первой функцией рекламы, по наблюдению профессора Университета Британской Колумбии Г. В. Поллея (R. W. Pollay), есть привнесение ценности в продукт [2].

Ценностное содержание рекламной коммуникации, по нашему мнению, имеет следующие уровни:

– объективная ценность товара – интерпретирована вербально-когнитивными средствами ценностью, заложенная в товар производителем (характеристика товара);

– субъективная материальная или нематериальная ценность, которая проявляется в системе «товар – потребитель» (выгода) и воплощена с помощью вербальных и аудиовизуальных средств рекламы;

– символическая ценность, проявляющая себя в системе «бренд-потребитель»;

– контекстуальные ценности, которые определяют набор рекламных символов и знаков, используемых в рекламе;

– самооценку рекламы, что оказывается в системе «реклама – общество», это социальные эффекты от рекламы, когда последняя способствует утверждению позитивных общественных практик, обращается к общепринятым идеалам, стремится к корректировке ценностной системы общества.

Социальная реклама как один из видов рекламной коммуникации направлена на артикуляцию проблем общества, а также внедрение, распространение и утверждения общественно значимых и общественно полезных норм, идеалов, ценностных ориентаций и моделей поведения. Ее назначение – изменение поведенческих моделей общества [9] с далеко идущей целью его гуманизации.

Характерно, что последнее невозможно без положительной трансформации ценностного сознания человека и формирования активной позиции по социальному бытию. Стремясь выполнять эту миссию, социальная реклама должна взять на себя обязанность активно внедрять важнейшие ценности, способные обеспечить интеграцию и саморегулирование общества. Однако, используя традиционные форматы и стандартные каналы коммуникации, сама социальная реклама остается весьма пассивной и способна лишь транслировать желаемые нормы, идеалы, установки. Поэтому актуальным является поиск новых способов взаимодействия с целевыми аудиториями.

Коммерческая реклама обычно создается так, чтобы потребитель мог декодировать ценностные смыслы, заложенные в товаре, и сопоставить их со своей личной ценностной системой; она является ретранслятором «определенных» ценностей. «В товаре мы потребляем сам товар, в рекламе – его смысл», – пишет Ж. Бодрийяр [4]. Смысл товара направлен на удовлетворение определенных потребностей потребителя, он соотносится с осознанными или бессознательными, но всегда актуализированными мотивами. Закономерно, что такая реклама обращается к «социуму настоящего, сегодняшнего, имеющегося» [5], тогда как социальная реклама обычно направлена в будущее, что и затрудняет коммуникацию.

Социальная рекламная кампания по раздельному сбору мусора имеет своей стратегической целью формирования в обществе экологической культуры и

введение нового образца социального поведения. Информационная кампания в поддержку иммунизации ориентирована на постепенное формирование доверия к прививкам. Реклама ценностей не может ограничиваться рамками одной кампании, поскольку для малейшего изменения ценностной системы общества должно пройти несколько лет или десятилетий.

Например, самая длинная социальная кампания в США была начата 1944 года. Ее ключевой месседж «Только ты можешь предотвратить лесные пожары» («Only You Can Prevent Forest Fires / Only You Can Prevent Wildfires») почти не изменился в течение семи десятилетий. Этот призыв обращен к персональной ответственности каждого отдельного человека, разжигает костры в лесу, и пределы этой ответственности просто и понятно разъясняет фирменный персонаж кампании-антропоморфный Мишка Смоки (Smokey Bear). В течение второй половины XX века благодаря интенсивной рекламе в масс-медиа Смоки стал второй самой узнаваемой культурной иконой США после Санта-Клауса. Он обращается к американцам не только с телеэкранов или рекламных билбордов, но и имеет специальные учебные планы для школьников, интерактивный веб-сайт и даже познавательные комиксы. У него есть друзья и фолловеры в Youtube, в Twitter, Facebook, Flickr. От начала кампании потери от лесных пожаров снизились с 22 миллионов акров в год до 8 миллионов.

Комментируя влияние кампании на поведенческую модель общества, исследовательница социального маркетинга Н. Ли замечает: «Люди стремятся поступать правильно. Но они желают знать, что именно они могут сделать» [3]. Инструктивные сообщения мишки Смоки понятны и взрослым, и детям. Подавая простые рекомендации, как каждый американец – взрослый малый – может предотвратить угрозу лесных пожаров, такая реклама повышает личную ответственность человека за свои поступки.

Реклама ценностей стремится корректировать негативные установки, обновлять морально устаревшие традиции, закреплять в обществе новые нормы. В том и заключается одна из ее основных проблем – социальная реклама убеждает людей отказаться от привычных вещей уже сегодня во имя неубедительного «завтра». Она призывает принести в жертву субъективно-индивидуальное, аргументируя к объективно-общему. Такая коммуникация рискует быть безуспешной – по выражению Ж. Бодрийяра, реклама «противостоит коллективному принципу реальности» [4]. Ее мир – это мир персональных желаний, которые невозможно свести к общему знаменателю, это измерение индивидуализированных ценностей или выгод.

В аксиологии ценность понимают как «предмет заинтересованности, желания, стремление, т. е. объект, значимый для человека или группы лиц», «отношение между идеальным мнением и объективной действительностью» [6]. И в этом смысле действительность оказывается значительно весомее, чем мысль о потенциальном будущем. Социальная реклама часто призывает отдать (деньги, энергию) или отказаться (от установок, привычек, образа жизни) во имя грядущего. Многие промышленные компании, реализуя свою корпоративно-социальную ответственность, являются спонсорами многих социальных проектов и тем самым бренд ассоциируется не только с коммерческими выгодами компании, но и с социальными решаемыми проблемами общества.

По мнению Г. Николайшвили, реакция аудитории на социальную рекламу зависит от соотношения «затрат» (затрачиваемые усилия, время, деньги, психологические и социальные расходы) и «доходов» (положительный эффект, что имеет социальное значение): «Отказ от той или иной негативной практики имеет огромное количество преимуществ. Такие высокзатратные практики, как безопасный секс или отказ

от курения, ведут, например, к улучшению физического состояния, морального достоинства, психологической устойчивости, социальной привлекательности. Фактор «дохода» имеет большую силу, если на защиту контрдействий приводятся слабые доказательства» [9].

Выстраивая аргументацию в социальной рекламе, важно подчеркнуть, что человек не останется с нулевым выигрышем, а идеальное стоит того, чтобы противостоять действительности.

Западные исследователи социального маркетинга тоже отмечают трудности противостояния привычности и удобства, с которыми приходится иметь дело авторам социальной рекламы. В современном понимании социальный маркетинг – это процесс, использующий принципы и технологии маркетинга с целью повлиять на поведение целевой аудитории, чтобы принести пользу обществу и отдельному человеку [1].

Любые сообщения, имеющие своей целью изменить поведение и ценностное сознание, непременно существуют в конкурентной среде, ведь они предлагают:

- отказаться от какой-либо привычки (напр., курение) или от комфорта (пользование кондиционерами); противостоять давлению окружения (напр., сексуальное содержание);
 - поступать иначе, не так, как все;
 - терпеть неудобства (напр., сдача крови);
 - тратить больше денег (напр., покупать экологическую бумагу);
 - узнать плохие новости (напр., сделать ВИЧ-тест);
 - рисковать отношениями (напр., отобрать ключи у пьяного водителя);
 - отказаться от «свободного времени» (напр., заняться волонтерством);
 - сократить удовлетворения (напр., быстрее принимать душ);
 - тратить больше времени (открывать картонные упаковки перед выбросом их в корзину);
 - приобретать новые навыки (планировать личный бюджет);

– держать в памяти определенные вещи (брать в магазин многоразовые пакеты) и тому подобное.

К тому же, социальная реклама не может предложить немедленной награды за соблюдение правил – она должна предложить нечто больше, что касается сферы прямых потребностей и выгод, а касается более глубокого пласта мотивационных установок человека. Чтобы охарактеризовать эту дальновидную нематериальную прибыль, социальные маркетологи вводят категорию «уникального ценностного предложения».

В основе уникального ценностного предложения лежит понимание человеком ожидаемой выгоды, выступающей поощрением придерживаться желаемого поведения. Концепция обмена ценностями в социальном маркетинге утверждает, что потребитель выберет нужное поведение в обмен на выгоду, которую он оценивает как значимую и / или в обмен на уменьшение рисков, которые он считает важными. Обмен происходит в том случае, если маркетолог создал программу, которая имеет ценность для каждой заинтересованной стороны, и если через коммуникацию с целевой аудиторией удалось полноценно описать выгоды предложения, ее цену и доступность для целевой аудитории. В итоге действия социального маркетинга направлены на уменьшение барьеров и увеличение выгод, имеющих ценность для аудитории, а следовательно – побуждают людей к изменению поведения.

Не менее важным в контексте социального маркетинга является окружение сообщений социальной рекламы. Существовая в масс-медийной среде вместе с коммерческими предложениями и политическими обращениями, социальная реклама вынуждена бороться за свое место в этом пространстве, выхватывая внимание человека и пытаясь остаться в ее визуальной и эмоциональной памяти. Часто социальная реклама остается и совсем незамеченной в море брендированных месседжей. В России

доля социальной рекламы не превышает 3,5% от общего объема рекламного рынка. В сфере внешней рекламы этот показатель немного выше – от 5 до 10%, что связано с налоговыми льготами, которые предоставляются при размещении социальной рекламы [12]. Но и здесь, будучи неотделимой от визуальной среды города, она должна выгодно конкурировать с другими средствами коммуникации.

Поэтому актуальным становится вопрос о самооценности социальной рекламы как маркетингового продукта и одновременно ресурса для формирования социального капитала. Понимание социальной рекламы в контексте социального маркетинга позволяет подойти к разработке рекламных сообщений, выбору каналов коммуникации, стратегий обращения так, чтобы как можно больше повысить эффективность взаимодействия с целевыми аудиториями.

Обычно в социальных рекламных кампаниях используют три базовых коммуникационных процесса, благодаря которым сообщения воспринимаются целевой аудиторией: беспокойство, обучения и убеждения [11]. Зависимости от этого выделяют три типа сообщений социальной рекламы:

- 1) вызывающие обеспокоенность;
- 2) инструктивные;
- 3) убедительные.

Эта типология учитывает самые распространенные формы социальной рекламы – телевизионные ролики, наружную и печатную рекламу – и не предполагает непосредственного взаимодействия человека с сообщением. Трансляция смыслов и ценностей происходит в одном направлении – сверху до непосредственного адресата, одного из массовой совокупности.

По типу вовлеченности потребителя современные исследователи разделяют рекламу на традиционную одностороннюю и интерактивную [10]. Традиционная социальная реклама сводится к витринного «рекламирования»

идей за представление яркого рекламного образа и удачного призыва. Она оставляет человека на позициях наблюдателя и вместо того, чтобы побуждать к действию, только усиливает ее пассивность. Зато современная аудитория социальной рекламы – это «многорукий потребитель, у которого огромное количество инструментов, гаджетов, которыми он пользуется, которые удовлетворяют его на 100%. [...] ему не до нас, ему абсолютно все равно, что там еще происходит» [8].

Крупнейшие коммерческие бренды это хорошо понимают, поэтому стремятся к большей интерактивности в коммуникации с потребителем. Создавать переживания, приглашая к новому опыту и к игре, они приглашают своих потребителей к интеракции.

В выравнивании с постмодернистским маркетингом постмодернистский брендинг зависит от того, как олицетворяется бренд, основанный на основном наборе черт в противоположность созданию шаблонов, проектов или рекомендаций. Для постмодернистского брендинга в большей степени характерно то, как понять и усилить технологию, пространство и мышление момента для создания обогащенного пользовательского опыта.

В результате бренды начали по-новому использоваться, что позволило им зайти в дом и места в потребительской жизни совершенно иными способами. Подобное поведение было обнаружено в повседневной жизни постмодернистского потребителя. Судя по намеченным телепрограммам и по тому, как люди используют в своей жизни услуги голосовой идентификации, можно сказать о том, какую роль фирменного содержания и утилиты играют в нашей современной жизни. За счет мобильных приложений как Siri пользователи имеют личного помощника в повседневной жизни.

Для постмодернистского общества характерно то, что успешный брендинг в большей степени руководствуется со-

бытиями фирменной индивидуальности. Развивая фирменную индивидуальность, удается лучше идентифицировать бренд. Теория черты психологии определенным образом влияет на то, как будет сформирован и определен бренд. В соответствии с данной теорией, врожденные черты на протяжении длительного времени сохраняют свою стабильность.

Литература

1. Lee N. R. Declaration of Social Marketing's Unique Principles and Distinctions // *Social Marketing: Influencing Behaviors for Good Distinctions* / ed. N.R. Lee, M.L. Rothschild, W. Smith. SAGE Publications, Inc., 2012 (Sagepub (www.sagepub.com)).

2. Pollay R.W. The Identification and Distribution of Values Manifest in Print Advertising, 1900-1980 // *Works*. URL: <http://www.works.bepress.com>.

3. Public Service Advertising that Changed a Nation. The Ad Council's Social Impact Report // *Ad Council*. URL: <http://www.adcouncil.org>.

4. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с франц. С. Зенкин. Москва, 2001. С. 196.

5. Борусьяк Л. Социальный потенциал коммерческой рекламы // *Повышение эффективности социальной рекламы в России: Материалы конференции*. Москва, 2012. С. 22–30. URL: <http://www.slideshare.net>.

6. Ивин А. Аксиология. Москва, 2006. 390 с.

7. Мойсеенко И.П. Семантические характеристики рекламного текста // 3-я международная конференция «Язык и культура». Доклады и тезисы. М.: 2014. С.123–124.

8. Намаконов И. Применение новых видов коммуникаций в социальной рекламе // *Повышение эффективности социальной рекламы в России: Материалы конференции*, 2018. С. 62–70.

9. Николайшвили Г. Социальная реклама: теория и практика. Москва, 2008. 182 с.

10. Петров И. Медитехнологии в социальной рекламе // *Повышение эффективности социальной рекламы в России: Материалы Четвертой международной конференции*. Москва, 2012. С. 169–171.

11. Ромат Е. Реклама: Учебник для вузов, 8-е изд. [Стандарт третьего поколения]. Санкт-Петербург, 2013. 512 с.

12. Соколова И.А. Визитная карточка рекламы // *Культура слова*. К., 2017. Вып.21. С.76–78.

Advertising as a social brand technology Man Mingxing

Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the issues of brand value influence as an important functional characteristic of social advertising. It is social advertising that can effectively counter the spread of anti-values and negative behavioral patterns in society. Unlike commercial messages that have long used technology to attract consumers to interact with the brand, traditional social advertising only exacerbates the inactivity of the recipient, and should form new social habits.

The ability to attract the audience to the choice of scenarios for solving the problem expands the creative possibilities of social advertising, sometimes allowing you to illustrate the main idea of the campaign quite harshly. To avoid one-sided manifestation of values in social advertising, its developers must take into account the meanings that are important for the target audience, the contexts of message perception, and the mechanisms of situational reflection and self-reflection of individuals. The task of social advertising is to encourage people to interact with their own "I", to encourage them to become aware of themselves included in social life, to initiate social actions and to form certain value attitudes.

The author argues that the brand is more than an identification system that allows you to understand which manufacturer (seller) the product belongs to. A brand is a system of audience representations equipped with an identification system, thanks to which a system of relations and actions of these consumers in the social space is formed.

Keywords: social advertising, social marketing, value, brand, corporate social responsibility, consumer behavior change.

References

1. Lee N. R. Declaration of Social Marketing's Unique Principles and Distinctions // *Social*

- Marketing: Influencing Behaviors for Good Distinctions / ed. N.R. Lee, M.L. Rothschild, W. Smith. SAGE Publications, Inc., 2012 (Sagepub (www.sagepub.com)).
2. Pollay R.W. The Identification and Distribution of Values Manifest in Print Advertising, 1900-1980 // Works. URL: <http://www.works.bepress.com>.
 3. Public Service Advertising that Changed a Nation. The Ad Council's Social Impact Report // Adcouncil. URL: <http://www.adcouncil.org>.
 4. Baudrillard Zh. The system of things / translated from the French. S. Zenkin. Moscow, 2001. P. 196.
 5. Borusyak L. Social potential of commercial advertising // Improving the effectiveness of social advertising in Russia: conference Proceedings. Moscow, 2012. Pp. 22-30. URL: <http://www.slideshare.net>.
 6. Ivin A. Axiology. Moscow, 2006. 390 p.
 7. Moiseenko I. p. Semantic characteristics of advertising text // 3rd international conference "Language and culture". Reports and theses. Moscow: 2014. Pp. 123-124.
 8. Namakonov I. Use of new types of communications in social advertising // Improving the effectiveness of social advertising in Russia: conference Proceedings, 2018. Pp. 62-70.
 9. Nikolaishvili G. Social advertising: theory and practice. Moscow, 2008. 182 p.
 10. Petrov I. Meditechnologies in social advertising // Improving the effectiveness of social advertising in Russia: Proceedings of the Fourth international conference. Moscow, 2012. Pp. 169-171.
 11. Romat E. Advertising: Textbook for universities, 8th ed. [Third-generation standard]. Saint Petersburg, 2013. 512 p.
 12. Sokolova I. A. Business card of advertising // Kultura slova. K., 2017. Vol.21. Pp. 76-78.

Влияние социальных факторов на структуру ценностей получателей социальных услуг

Мецлер Андрей Владимирович
аспирант Российского государственного гуманитарного университета,
avmetsler@mail.ru

В данной работе приводятся результаты, полученные при исследовании структуры ценностей получателей социальных услуг в Пансионате для ветеранов труда № 31, проведенном в апреле 2020 г. Для изучения влияния факта перекрытия каналов коммуникации на структуру ценностей получателей социальных услуг проведено два анкетных опроса получателей социальных услуг, которые прошли 9-10 апреля и 28-29 апреля. Выборка гнездовая, квотная. Численность выборочной совокупности составила 200 человек проживающих во всех отделениях пансионата. Сложившаяся в мире эпидемиологическая обстановка и меры, принимаемые для снижения скорости распространения коронавирусной инфекции COVID-19, сильно повлияли на жизнь в городах с высокой плотностью населения. В Москве, наиболее густонаселенном городе России, эти меры затронули значительную часть жителей. Среди них не только активно работающие москвичи, регулярно контактирующие с большим количеством людей, но и пенсионеры, входящие в группу особого риска, а также люди, страдающие хроническими заболеваниями. Ключевые слова: коронавирус, социальная изоляция, лица с ментальными нарушениями психики, стационар, ценностные ориентации, вторичная социализация.

В данной работе приводятся результаты, полученные при исследовании структуры ценностей получателей социальных услуг в Пансионате для ветеранов труда № 31 г. Москвы, проведенном автором статьи в апреле 2020 г.

Сложившаяся в мире эпидемиологическая обстановка и меры, принимаемые для снижения скорости распространения коронавирусной инфекции COVID-19, сильно повлияли на жизнь в городах с высокой плотностью населения. В Москве, наиболее густонаселенном городе России, эти меры затронули значительную часть жителей. Среди них не только активно работающие москвичи, регулярно контактирующие с большим количеством людей, но и пенсионеры, входящие в группу особого риска, а также люди, страдающие хроническими заболеваниями. Также ограничительные меры коснулись и граждан, проживающих в стационарных учреждениях социальной защиты – пансионатах для ветеранов труда и психоневрологических интернатах. К примеру в течении шести недель в целях безопасности проживающих в пансионатах общего типа вводились следующие ограничения: запрет на посещение родными и близкими людьми; отмена массовых мероприятий с количеством участников больше 50-ти человек, позже были отменены все массовые мероприятия и работа перешла на индивидуальный порядок предоставления социальных услуг; питание проживающих было перенесено в комнаты проживания; коллектив сотрудников был переведен на двухнедельный вахтовый метод работы без возможности покидать учреждение на время вахты; было ограничено перемещение сотрудников и получателей социальных услуг между этажами пансионата.

Социальная изоляция в результате перекрытия каналов групповых и межличностных социальных коммуникаций очевидно повлияла не только на изменение внутренних коммуникаций коллектива получателей социальных услуг, но и на другие стороны общественной жизни, явив собой сильнейшей по степени воздействия социальный факт.

Поддержание социальных взаимодействий проживающих, массовой коммуникации между ними и сотрудниками внутри пансионата всегда имеет высокий приоритет в кругу вопросов, поставленных перед администрацией учреждений ходом реализации государственной политики в сфере социальной защиты населения. Итогом вынужденной социальной изоляции стали ограниченные возможности интеракций и передвижений абсолютного большинства получателей социальных услуг. В следствии этого большая часть получателей социальных услуг ограничивает круг общения близкими родственниками, сотрудниками учреждения и сходными по интересами получателями социальных услуг, проживающих в учреждении.

Теоретическими основами проведения данного исследования явились работы классиков социологии и ведущих современных ученых. Изучая ценности как социальное явление, на протяжении долгого времени находящееся в центре внимания большого количества социологов, автор данного исследования опирался на положения трудов Т. Парсонса. Ученый, анализируя и обобщая подходы Э. Дюркгейма и М. Веббера, рассматривал ценности как элемент символической системы, служащий определенным ориентиром при выборе направлений действия[4].

По мнению автора данного исследования важным для построения теоретической модели исследования является замечание Ж.Т. Тощенко, который считает, что при анализе *настоящего* смыслы жизни отражают *ценности, ценностные ориентации*, когда люди оперируют *суждениями* [9]. Таким образом выделяя *суждение* человека как со-

держательное свойство, можно определить *ценности и ценностные ориентации*, актуальные в данного индивида в настоящий момент.

Для оценки направленности и систематизации суждений автор использовал дополненную классификацию ценностных ориентаций Ш. Шварца. Инструментарий данного исследования основывается на классификации Шварца, который выделив 19 ценностей и определив их в терминах мотивационной цели[12], составил мотивационный континуум, приведенный в таблице 1.

В ходе анализа результатов исследования осуществлялось сопоставление *суждений* респондента с концептуальными определениями по принципу «да – нет». Итоги исследования позволили выстроить диаграмму, отображающую динамику трансформаций ценностных ориентаций получателей социальных услуг в условиях вынужденной социальной изоляции.

Для изучения влияния факта перекрытия каналов коммуникации на структуру ценностей получателей социальных услуг проведено два анкетных опроса получателей социальных услуг, которые прошли 9-10 апреля и 28-29 апреля. Выборка гнездовая, квотная. Численность выборочной совокупности составила 200 человек проживающих во всех отделениях пансионата (58% - получатели социальных услуг геронтологического отделения 21% - получатели социальных услуг отделения с повышенной комфортностью и 21% - получатели социальных услуг, проживающие в отделениях милосердия). Это обеспечивает представительность результатов исследования при экстраполяции на всех получателей социальных услуг Пансионата для ветеранов труда №31 (далее – Пансионата) в рамках погрешности $\pm 5\%$

Первый этап проведение эмпирического исследования пришёлся на введение первых ограничительных мер, вторая анкета распространялась среди респондентов в течении второй недели полной изоляции. Это позволяет автору считать,

что результаты анкетирования демонстрируют смещение ценностной структуры получателей социальных услуг под влиянием, обозначенных выше социальных фактов.

Таблица 1
Таблица ценностных ориентации Ш. Шварца [12]

Ценность	Концептуальное определение с точки зрения мотивационной цели
Самостоятельность — Мысли	Свобода развивать собственные идеи и способности
Самостоятельность — Поступки	Свобода определять собственные действия
Стимуляция	Стремление к возбуждению, новизне и переменам
Гедонизм	Стремление к удовольствию и чувственному удовлетворению
Достижение	Достижение успеха в соответствии с социальными стандартами (нормами)
Власть — Доминирование	Влияние посредством осуществления контроля над людьми
Власть — Ресурсы	Влияние посредством контролирования материальных и социальных ресурсов
Репутация	Защита и влияние посредством поддержания публичного имиджа и избегания унижения

Безопасность — Личная	Безопасность непосредственного окружения
Безопасность — Общественная	Безопасность и стабильность общества в целом
Традиция	Поддержание и сохранение культурных, семейных или религиозных традиций
Конформизм — Правила	Соблюдение правил, законов и формальных обязательств
Конформизм — Межличностный	Избегание причинения вреда или огорчения другим людям
Скромность	Признание незначительности существования одного человека в круговороте жизни
Универсализм — Забота о других	Стремление к равенству, справедливости и защите всех людей
Универсализм — Забота о природе	Сохранение природной среды
Универсализм — Толерантность	Принятие и понимание тех, кто отличается от тебя
Благожелательность — Забота	Преданность группе и благополучие ее членов
Благожелательность — Чувство долга	Стремление быть надежным и заслуживающим доверия членом группы

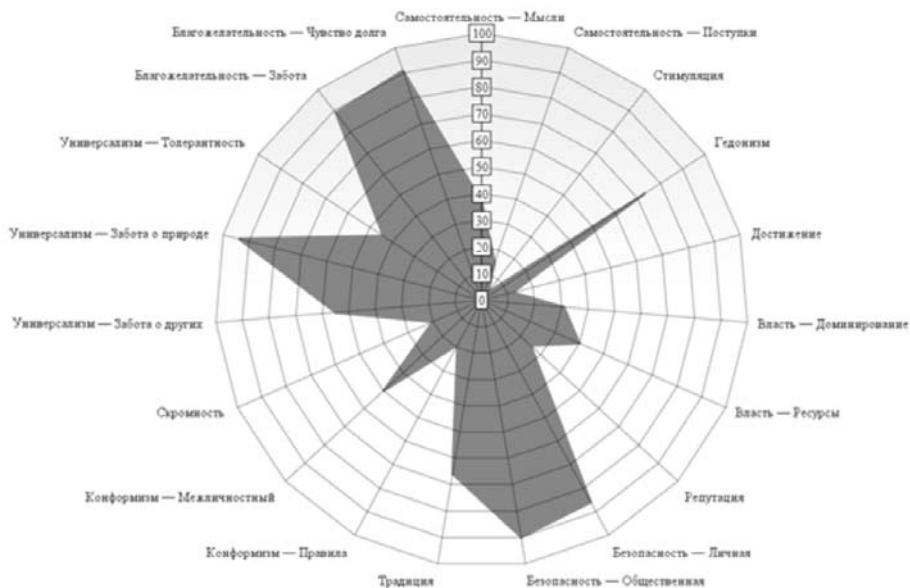

Рисунок 1. Ценностные ориентации проживающих в Пансионате ветеранов труда № 31. Результаты первого опроса

Рисунок 1 в наглядной форме демонстрирует результаты первого опроса, который проходил 9-10 апреля. Из результатов можно отметить повышенное внимание к ценностям безопасности, выраженное в пунктах «Безопасность – Личная» и «Безопасность – Общественная». Так же пункты «Благожелательность – Забота» и «Благожелательность – Чувство долга» демонстрируют ценностные ориентации на

групповую принадлежность. При этом наблюдается крайне низкая заинтересованность властью, т.е. тем или иным способом влияния на окружающих и почти нулевое значение ценностей «Самостоятельностью Поступков» и «Стимуляция», выражающие свободу определения собственных действий и стремление к новизне и переменам.

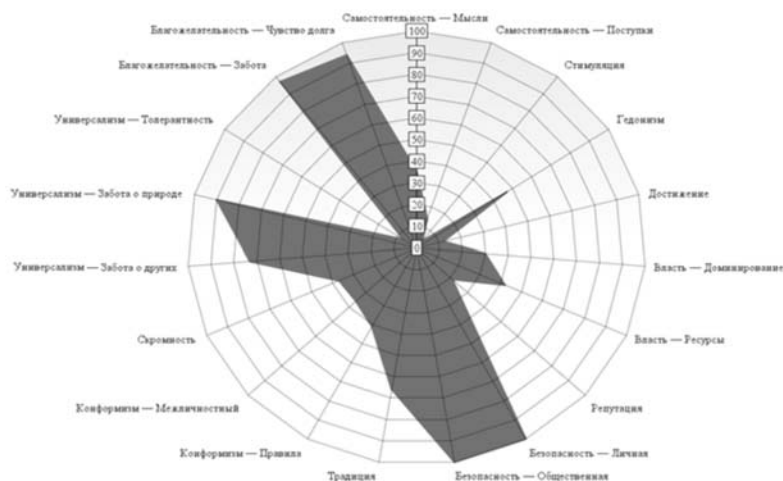

Рисунок 2. Ценностные ориентации проживающих в Пансионате ветеранов труда № 31. Результаты второго опроса

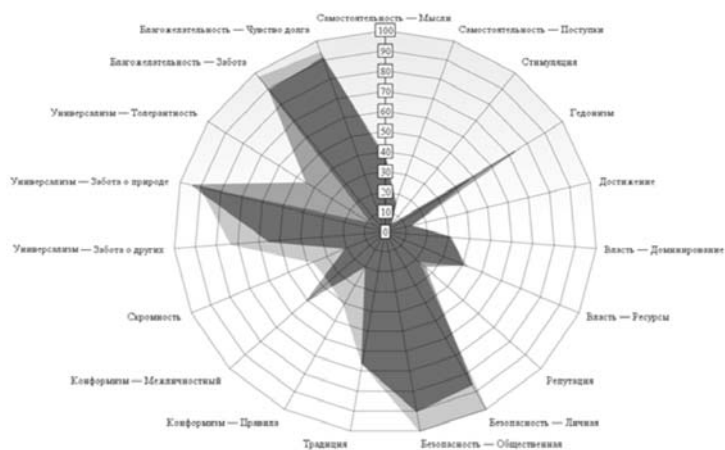

Рисунок 3. Ценностные ориентации проживающих в Пансионате ветеранов труда № 31. Сравнительный анализ трансформаций ценностных ориентаций

Рисунок 2 показывает результаты второго опроса, который сохраняя основные тренды, демонстрирует наибольшую распространенность ценностей личной и общественной безопасности и полное отсутствие ценностей, связанных с самостоятельными действиями и стремлениями к новизне. Сравнение результатов двух опросов отражены на рисунке 3.

Сравнение результатов двух опросов на рисунке 3 демонстрирует следующие векторы трансформаций ценностных ориентаций проживающих в Пансионате: ослабление ценностей гедонизма, скромности и толерантности на фоне ещё большего усиления ценностей безопасности и скромности, соблюдения правил, законов и других формальных обязательств.

Таким образом результаты проведенного исследования выявляют связь структуры ценностей преобладающих в среде получателей социальных услуг стационарного учреждения социальной защиты населения города Москвы Пансионата и социальных факторов, вызванных социальной изоляцией, связанной с ограничениями, введенными из-за распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

Особенно интересным автор находит не сам факт наличия таких изменений, а их структурные свойства. Принимая во внимание то, что получатели социальных услуг находятся в зоне особого риска, являясь наиболее подверженными не только заражению, но и тяжелой форме протекания болезни, можно было ожидать отказа от таких мотивационных целей как «преданность группе, благополучие ее членов» и «стремление быть надежным, заслуживающим доверия членом группы». Однако результаты демонстрируют рост соответствующих ценностей не смотря на и так достаточно высокие показатели. Также интересным является наблюдение факта роста мотивационных целей «соблюдения правил, законов и формальных обязательств» во втором опросе несмотря на весьма жесткие ограничительные меры, действующие в учреждении.

По субъективной оценке автора, такие результаты исследования говорят о наличии в Пансионате сообщества с крепкими социальными связями, имеющими большую плотность. Плотность и сила этих связей такова, что даже социальная изоляция, временный полный отказ от реального социального взаимодействия не оказал значимого отрицательного влияния на социум Пансионата.

Литература

1. Дом-интернат для престарелых и инвалидов // Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России - М., 2002.
2. Мецлер А.В. Когнитивный подход к вторичной социализации лиц с ментальными нарушениями // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 7, №5, часть 2 – М., 2015.
3. Наберушкина Э.К. Инвалиды в большом городе: проблемы социального гражданства. М.: «Вариант», 2012.
4. Парсонс Т. Социальная система. – Академический проект, 2018 г.
5. Петросян В.А. Социальная реабилитация инвалидов в стационарных учреждениях социального обслуживания (социологический аспект): Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук, М., 2004. С. 54-67.
6. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Политика инвалидности: социальное гражданство инвалидов в современной России / Саратов: Научная книга, 2006.
7. Смирнова Е.Р. Стратификационный анализ инвалидности // Преодолевая барьеры инвалидности. М., 1997.
8. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью (переведённые главы из Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. — N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.) // Социологический форум. 2001.
9. Тощенко Ж.Т. Социология: Общий курс. М.: Прометей, 1998.
10. Тощенко Ж.Т. Прошлое, настоящее и будущее в смыслах жизни российской интеллигенции /Контурсы будущего в контексте мирового культурного развития. ХУ111 Международные Лихачевские чтения. СПб. СПбГУП. 2019. С. 187-192.
11. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. Т. 9, No 1. С. 43–70.
12. Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской

Федерации / Под ред. проф. Е. И. Холостовой, проф. Г. И. Климантовой. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. — 824 с. ISBN 978-5-394-02553-2.

The influence of social factors on the value structure of recipients of social services
Metzler A.V.

Russian state humanities university

This paper presents the results obtained in the study of the value structure of the recipients of social services in the Pension for Labor Veterans No. 31, conducted in April 2020. To study the effect of the fact that communication channels were blocked on the value structure of recipients of social services, two questionnaires were conducted of recipients of social services, which took place on April 9-10 and April 28-29. Sampling, quota. The number of sample totaled 200 people living in all departments of the boarding house. The current epidemiological situation and measures taken to reduce the spread of coronavirus infection COVID-19, have greatly affected life in cities with a high population density. In Moscow, the most populous city in Russia, these measures affected a significant part of the population. Among them are not only active Muscovites who regularly come in contact with a large number of people, but also pensioners who are at particular risk, as well as people suffering from chronic diseases. Restrictive measures also affected citizens living in stationary institutions of social protection - boarding houses for labor veterans and neuropsychiatric boarding schools. For example, for six weeks, for the safety of those living in general-type boarding houses, the following restrictions were introduced: a ban on visiting relatives and friends; cancellation of mass events with the number of participants more than 50 people, later all mass events were canceled and work switched to an individual procedure for the provision of social services; the food of the residents was transferred to the living rooms; the staff was transferred to a two-week shift method of work without the ability to leave the institution for the duration of the shift; the movement of employees and recipients of social services between the floors of the boarding house was limited. Social isolation as a result of blocking the channels of group and interpersonal social communications obviously influenced not only the change in the

internal communications of the collective of recipients of social services, but also on other aspects of public life, showing a strong social fact in terms of impact.

Key words: coronavirus, social isolation, persons with mental disorders, hospital, value orientations, secondary socialization.

References

1. Boarding house for the elderly and disabled // Social policy and social work in a changing Russia - M., 2002.
2. Metzler A.V. A cognitive approach to the secondary socialization of persons with mental disorders // Historical and socio-educational thought. Volume 7, No. 5, part 2 - M., 2015.
3. Naberushkina E.K. Disabled people in a big city: problems of social citizenship. M.: "Option", 2012.
4. Parsons T. Social system. - Academic project, 2018
5. Petrosyan V.A. Social rehabilitation of persons with disabilities in stationary institutions of social services (sociological aspect): The dissertation for the degree of candidate of sociological sciences, M., 2004. P. 54-67.
6. Romanov P., Yarskaya-Smirnova E. Disability policy: social citizenship of people with disabilities in modern Russia / Saratov: Scientific Book, 2006.
7. Smirnova E.R. Disability stratification analysis // Overcoming disability barriers. M., 1997.
8. Stigma: Notes on managing tainted identities (translated chapters from Goffman E. Stigma: Notes on the Management of the Spoiled Identity. - N.J., Englewood Cliffs: Prentice Hall, 1963.) // Sociological Forum. 2001.
9. Toshchenko Zh.T. Sociology: General course. M.: Prometheus, 1998.
10. Toshchenko Zh.T. The past, present and future in the meanings of the life of the Russian intelligentsia / Contours of the future in the context of world cultural development. XU111 International Likhachev Readings. SPb. SPbGUP. 2019.S. 187-192.
11. Refined theory of basic individual values: application in Russia // Psychology. Journal of the Higher School of Economics, 2012.V. 9, No 1. P. 43-70.
12. Encyclopedia of social practices to support people with disabilities in the Russian Federation / Ed. prof. E. I. Kholostova, prof. G.I. Klimantova. - M.: Publishing and trading corporation "Dashkov and Co.", 2015. - 824 p. ISBN 978-5-394-02553-2.

О некоторых итогах проведения социологического исследования карьерных траекторий научно-ориентированной молодежи

Павлова Светлана Михайловна, кандидат социологических наук, координатор проектов Проектного офиса по реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, smpavlova2013@gmail.com

Андриянов Андрей Владимирович, сопредседатель Президиума Всероссийской молодежной общественной организации «Российский союз студенческих организаций», andriyanov@youngscience.ru

Антипов Евгений Александрович, кандидат физико-математических наук, заместитель начальника Управления информатизации Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, a.evgen.a@rector.msu.ru

Мартынова Анна Андреевна, клинический ординатор Московского областного научно-исследовательского клинического института имени М.Ф. Владимирского, maranan93@gmail.com

В статье представлены результаты социологического исследования 2019 года, посвященного изучению карьерных траекторий научно-ориентированной молодежи. Актуальность работы обусловлена тем фактом, что в современных российских реалиях возрастает необходимость более точного социологического представления о молодых россиянах, особенно в части их карьерных устремлений, ожиданий и планируемых перспектив. Для обеспечения реализации долгосрочных и среднесрочных стратегических целей, социально-экономического роста и развития, а также обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, целесообразно уделять особое внимание состоянию кадрового потенциала, основой которого является научно-ориентированная молодежь – студенты и выпускники вузов. Исследование необходимо для повышения эффективности реализации государственной политики в области подготовки кадров для современного рынка труда. В статье большое внимание уделено вопросам политики цифровизации в Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежь, молодежная интеллектуальная элита, карьера карьерные траектории, государственная политика, наука, социально-экономические отношения.

Статья подготовлена по материалам исследования, проведенного в рамках реализации проекта «Международный молодежный научный форум «Ломоносов», поддержанного грантом Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленным Фондом президентских грантов Всероссийской молодежной общественной организации «Российский союз студенческих организаций».

Сегодня в эпоху развития информационного общества, цифровизации экономических процессов, высокой скорости развития технологий как никогда возрастает роль качества человеческого капитала и, как следствие, растут требования, предъявляемые к уровню знаний, навыков и компетенций трудоспособного населения, а также молодежи.

В Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» для обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации предполагается развитие сферы образования и воспитания. Среди приоритетных стратегических целей для обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития в Указе обозначены: обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение Российской Федерации в число 10 ведущих стран мира по качеству общего образования, воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

Для обеспечения реализации указанных целей, устойчивого экономического роста и развития, а также национальной безопасности Российской Федерации, необходимо уделять особое внимание состоянию кадрового потенциала, основой которого является научно-ориентированная молодежь – студенты и выпускники вузов.

В связи с вышеизложенным в 2019 году коллективом авторов данной статьи было проведено социологическое исследование посредством интернет-опроса, в котором приняли участие 2286 студентов, аспирантов и выпускников российских и зарубежных вузов в возрасте от 17 до 35 лет. В исследовании приняли участие студенты и выпускники 269 образовательных организаций высшего образования Российской Федерации. Целью проведения социологического опроса было изучение мнения студентов и выпускников российских и зарубежных вузов относительно их карьерных траекторий и профессиональных устремлений.

Приведем наиболее значимые для исследования характеристики участвовавшей в опросе молодежи.

Наиболее активно в опросе приняли участие девушки. Более трети всех опрошенных составили респонденты от 30 до 35 лет, чуть менее трети – от 18 до 21 года и оставшаяся часть выборки – от 22 до 30 лет.

В исследовании приняли участие представители всех основных направлений подготовки, однако наиболее активно себя проявили представители следующих направлений: педагогическое – 26%, естественнонаучное (физика, химия, биология, география, геология) – около 16%, социально-гуманитарное (социология, психология, социальная работа) и лингвистическое – примерно по 9%, управленческое – 6% и инженерно-техническое – 5%.

Большинство респондентов (46%) на момент опроса не имело второго высшего образования, в то время как 43,6% всех участвовавших имели второе высшее образование и 8% получили его на момент опроса.

Относительно образования за рубежом можно сказать следующее: всего среди опрошенных 9,5% имели образование за рубежом, причем, 7,4% – это было образование в формате прохождения краткосрочных программ.

Более половины респондентов в момент получения высшего образования

занимались наукой (55,8%), что является абсолютно ожидаемой тенденцией, учитывая, что в проводимом исследовании ставилось целью изучить мнение именно научно-ориентированной и талантливой молодежи. Выявлено, что большинство опрошенных (40%) считает занятие наукой престижным делом, 14,9% – очень престижным, почти 34% относятся к данному вопросу нейтрально. Причем, среди подвыборки и активистов, респондентов, считающих занятие наукой престижным, на 3-4% больше, чем в среднем по выборке.

Относительно трудовых характеристик респондентов можно сказать следующее: на момент проведения опроса почти 45% респондентов работали или совмещали работу с учебой (26%). Причем абсолютное большинство опрошенных было трудоустроено в российских государственных организациях или учреждениях сферы науки и образования.

Более половины опрошенных не получали никаких стипендий, премий и грантов, около 10% вообще не знали о такой возможности и только около 30% респондентов являлись обладателями премий поддержки талантливой молодежи и грантов. Среди активистов число обладателей стипендий было почти на 10% больше, чем в среднем по выборке, что весьма логично, поскольку на данный момент существует множество форм поддержки активной талантливой молодежи. В аспекте осведомленности молодежи о мерах государственной поддержки можно отметить, что согласно данным исследования респонденты информированы частично, так ответило 40% опрошенных.

Рассмотрим результаты исследования образовательных и карьерных траекторий интеллектуальной молодежи.

Проведен анализ мотивов получения высшего образования среди всех респондентов в целом, а также среди представителей некоторых отдельных категорий.

Среди ведущих мотивов получения высшего образования у представителей

опрошенной молодежи преобладают «желание получить определенную специальность» (46% всех ответов) и «гарантия успешного трудоустройства» (чуть более 27% всех ответов). Лишь 7% респондентов указали такую причину получения высшего образования, как престиж.

Не выявлено значимых различий среди подвыборок активистов, жителей городов и столиц от всей выборки в целом в отношении мотивов получения высшего образования (см. рис. 1). Так, ведущим мотивом является желание получить определенную специальность (т.е. – это свидетельствует о наличии достаточно четко сформированной карьерной ориентации), чуть реже встречается мотив гарантии успешного трудоустройства, причем для жителей глубинки эти два мотива имеют равное значение. На третьем месте по популярно-

сти мотив, связанный с престижем высшего образования (не характерно для жителей городов федерального значения и глубинки).

Примерно на равных (в процентном соотношении с весьма большим разрывом от лидирующих трех мотивов получения высшего образования) встречались мотивы получения образования «только для корочки» (таких вариантов было чуть больше у жителей городов), мотивы, связанные с тем, что на получении образования настояли родители (т.е. отсутствие осознанной потребности в получении высшего образования) и совсем редко встречались мотивы, связанные с отсутствием желания служить в армии (такие варианты чаще встречались среди подвыборок жителей городов федерального значения).

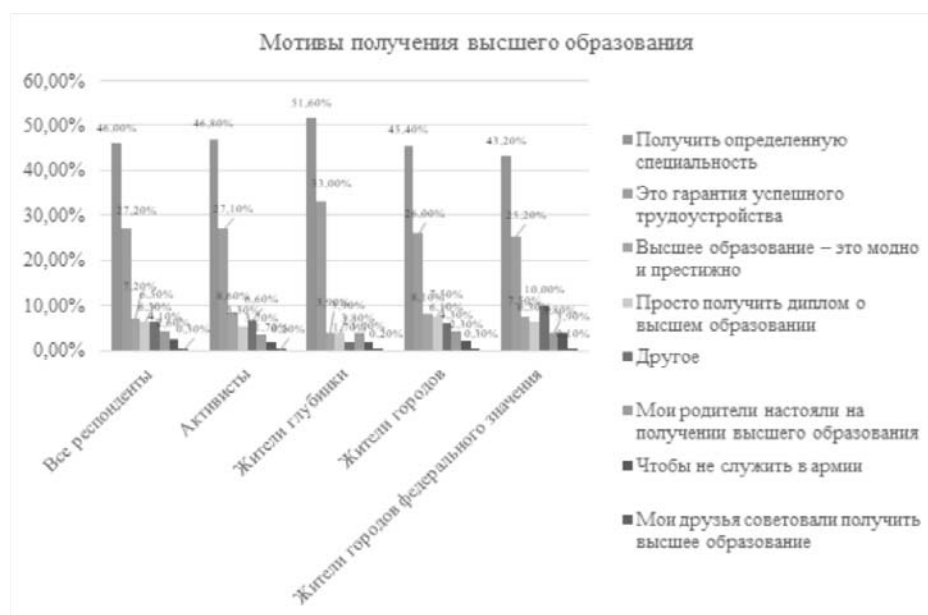

Рисунок 1 – Мотивы получения высшего образования у представителей разных подгрупп (ответ с множественным выбором)

Далее респондентам задавался вопрос о том, чем привлекает их выбранная специальность. Как и все респонденты в

целом, так и представители рассматриваемых подвыборок респондентов, выбрали одинаковые ответы на данный вопрос: в первую очередь – это интерес к

специальности (т.е. связь с четкими карьерными ориентациями и желанием самореализации), во вторую очередь – это альтруистическое желание российской молодежи приносить пользу обществу, работая по специальности, в-третьих, вы-

бор специальности был обусловлен возможностью построения хорошей карьеры (ориентация на успех, личностный рост и т.д.). Последнее наименее характерно для жителей глубинки. Более подробно с результатами ответа на данный вопрос можно ознакомиться на рисунке 2.

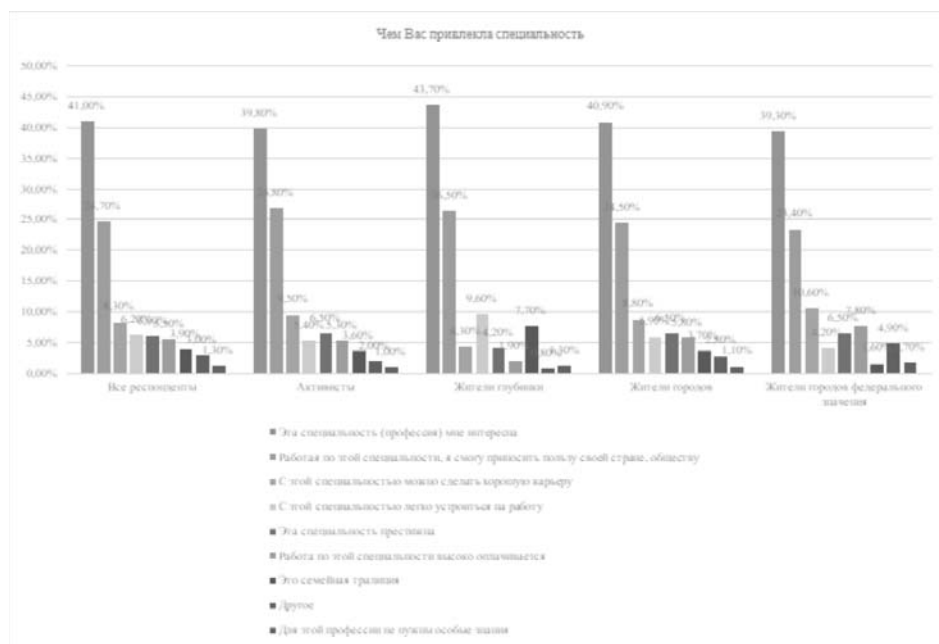

Рисунок 2 – Мотивы получения конкретной специальности в зависимости от подвыборок (ответ с множественным выбором)

В ходе исследования изучено мнение респондентов относительно того, насколько они довольны своим выбором специальности и высшего учебного заведения. Для этого был задан вопрос: «Представьте, что Вы попали в прошлое в момент поступления в университет. Что бы Вы сделали?». Полученные результаты оказались весьма оптимистичными: более половины респондентов отметили, что довольны своим выбором. 15% респондентов отметили, что если бы оказались в прошлом, то выбрали бы другую специальность в другом учебном заведении. Почти 12% респондентов выбрали бы ту же специальность в другом университете. Остальные затруднились с ответом.

На основании полученных данных можно сделать предположение о том, что уровень удовлетворенности выбранным высшим учебным заведением косвенно влияет на уровень удовлетворенности выбранной специальностью, однако эта гипотеза нуждается в более глубоком изучении.

Относительно планов после учебы можно сказать следующее. В целом по выборке респонденты после окончания учебы, как правило, намерены продолжить учиться (40,7%), либо начать трудовую деятельность (39,2%), примерно для 6% этот вопрос не актуален, 6% затруднились с ответом. Меньше всего

респондентов ответили, что пойдут служить в армию, либо посвятят себя семейной жизни.

Рассмотрим отношение молодых россиян к карьере, уверенности в успешном трудоустройстве и своем будущем. Начнем с анализа ответа на вопрос о наличии желания работать по специальности после окончания университета. Этот вопрос, с одной стороны, интересен с точки зрения изучения аспекта ассоциации себя с выбранной профессией, с другой стороны, с точки зрения готовности работать по полученной специальности, реализовывать себя как специалиста.

Среди всех ответивших на вопрос «Собираетесь ли Вы после окончания вуза работать по специальности?» более 57% ответили «Да», 17,5% ответили, что уже работают по специальности, 16,2% затруднились с ответом и чуть более 9% ответили «Нет». Установлено, что более всего ориентированы работать по специальности общественные активисты (60,4% против 57,2% по всей выборке).

В целом по выборке молодежь уверена в успешном трудоустройстве по полученной специальности (так ответило свыше 60% опрошенных). Более всего уверены в своем успешном трудоустройстве военные, педагоги и юристы, менее всего – представители естественных наук, аграрии и управленцы. Однако, несмотря на веру в свое успешное трудоустройство, свое будущее в целом молодежь видит нечетко (более 50% всех участвовавших в исследовании ответили отрицательно на данный вопрос).

Значимым в ходе проведения исследования стал вопрос стратегии поиска работы (см. рис. 3). Выяснено, что большинство молодых людей поиск работы будут осуществлять через интернет и самостоятельно, без чьей-либо помощи (будут размещать резюме, искать объявления о работе). Следующим по популярности стал ответ «лично, приходя на предприятия», и далее – через друзей, сверстников, стажировки и др.

Рисунок 3 – Стратегии поиска работы (% от опрошенных)

В ходе проведения исследования установлено, что мотивы трудоустройства в основном совпадают с мотивами

получения образования. В качестве ведущего мотива получения работы молодежь единодушно выбрала «желание

заниматься любимым делом». Напомним, что ведущим мотивом получения высшего образования молодежь указала «преобладает желание получить определенную специальность». Также в число наиболее значимых мотивов трудоустройства вошли «получение заработка» и «саморазвитие».

Далее участникам опроса был задан вопрос о том, в каких компаниях они желают работать. Получены следующие результаты: 45% респондентов желают работать в государственных организациях, 23% хотели бы организовать собственную компанию/фирму, 18,4% опрошенных хотели бы работать в негосударственных компаниях, примерно 11% желают связать свою профессиональную жизнь с органами исполнительной власти, остальные респонденты указали иные организации. Данный факт свидетельствует о росте интереса к созданию собственного бизнеса при одновременном сохранении определенного патернализма и желании работать в государственном секторе. Причем среди представителей российской глубинки больше тех, кто ориентирован работать в государственном секторе (68% против 45,5% в общей выборке), а среди жителей городов и столиц больше тех, кто желает работать в частных компаниях.

В данном контексте интересно сравнить ответы респондентов на вопрос о том, как они оценивают российские и зарубежные компании. В результате анализа было выявлено, что, в основном, зарубежные компании молодыми людьми оцениваются лучше, чем российские. По мнению респондентов зарубежным компаниям гораздо больше, чем российским, присущи высокая заработная плата, благоприятные условия труда и лучшее оборудование. По всем сравниваемым критериям зарубежные компании оцениваются участниками опроса в среднем выше, нежели российские. И, тем не менее, более половины респондентов на вопрос о том, в каких компаниях (зарубежных или российских) они предпочли бы работать,

выбрали российские. В будущем, планируется более подробно изучить факторы, влияющие на выбор работы именно в отечественных компаниях, несмотря на то, что по абсолютному большинству важных факторов трудоустройства (заработная плата, оборудование, условия труда, возможность для карьерного роста) российские компании молодежью оцениваются ниже, чем зарубежные. Вероятно, в данном случае на выбор молодежи влияют требования, предъявляемые зарубежными компаниями к своим сотрудникам (например, свободное владение иностранными языками), а также иные социальные и психологические установки.

Изучая аспекты планирования и построения карьеры, стоит отдельно упомянуть вопрос о намерении работать в какой-то конкретной компании. В общей выборке доля тех, кто ориентирован на работу в определенной компании (40,8%) ниже доли тех, кто не имеет такой четкой ориентации (59,2%). Наиболее популярными среди респондентов являются российские компании и государственные корпорации (Газпром, Росатом, Висад); банки (Сбербанк); органы государственной власти (Правительство Российской Федерации, Государственная Дума, федеральные и региональные министерства); образовательные организации (университеты, институты, школы, в том числе и частные). Наиболее предпочтительной для работы зарубежной компанией стал Google.

С точки зрения изучения карьерных траекторий молодых драйверов российской экономики, значительный интерес представляет анализ мнений молодежи относительно критериев хорошей работы.

Хорошая работа, по мнению молодежи – это место, где присутствуют четыре основных фактора:

- хорошо платят;
- есть возможность реализоваться по выбранной специальности;
- есть хорошие возможности для карьерного роста;

- хороший психологический климат (см. рис. 4).

Такой фактор, как «возможность успешного карьерного роста» является одним из наиболее значимых для будущих военных, управленцев, экономистов и программистов. Наличие единомышленников очень значимо для представителей сферы PRи рекламы. Воз-

можность помогать людям более значимо для военных и юристов, чем по выборке в целом. Гибкий график важен для будущих инженеров, представителей социально-гуманитарной сферы, программистов, представителей сферы PRи рекламы, а также медицинских работников.

Рисунок 4 – Представления респондентов о хорошей работе (ответ с множественным выбором)

Поскольку для респондентов одним из самых значимых факторов в выборе работодателя является материальный, рассмотрим подробнее аспект минимальных зарплатных ожиданий у молодежи на ближайшей год. 36% респондентов планируют зарабатывать в текущем году в среднем от 21 до 40 тысяч рублей в месяц (наиболее характерно для жителей глубинки и городов), 24% респондентов – от 41 до 60 тысяч рублей в месяц, а 16% – от 61 до 100 тысяч рублей в месяц (чаще встречается среди жителей городов федерального значения). 15% респондентов согласны получать до 20 тысяч рублей в месяц

(среди жителей глубинки почти в два раза чаще, чем в среднем по выборке).

Интересно, что в качестве основного фактора смены места работы молодые люди указали более высокий уровень заработной платы и премий. После этого следуют факторы, связанные с наличием в компании благоприятных условий труда и возможностей для самореализации, дружественного коллектива и гибкого графика (см. рис. 5).

В заключении отметим следующие основные итоги проведенного исследования:

1. Молодые люди заинтересованы в своем трудоустройстве. Почти поровну

распределились мнения опрошенных представителей молодежи относительно планов после окончания учебы: продолжат учиться 40,7% (данный факт связан с тем, что большинство респон-

дентов на момент опроса являлось студентами бакалавриата), планируют начать трудовую деятельность – 39,2% респондентов.

Рисунок 5 – Факторы смены места работы (вопрос с множественным вариантом ответа)

2. О мерах государственной поддержки молодежь проинформирована слабо.

3. Наблюдается позитивная тенденция заинтересованности молодежи в трудоустройстве именно по специальности. Так, среди всех опрошенных молодых людей около 17,5 % на момент опроса уже работали по специальности (из числа работающих респондентов доля работающих по полученной специальности – почти 34,3%), а более половины (57% от выборки) отметили, что после окончания вуза планируют трудоустроиться именно по специальности.

4. Среди ведущих мотивов получения высшего образования опрошенная молодежь выделила желание получить определенную специальность (46% всех ответов) и гарантию успешного трудоустройства (27,2% всех ответов). Лишь 7% респондентов указали такую причину получения высшего образования, как его престиж.

5. Трудовые мотивы респондентов совпадают с их мотивами получения образования. Так, главный мотив – возможность заниматься любимым делом, далее – мотив получения денег, а уже после – мотив саморазвития и самосовершенствования.

6. Большинство респондентов (более 50%) продемонстрировали уверенность в выборе вуза и специальности, при том, что 15% при возможности вернуться в прошлое поменяли бы кардинально и специальность, и университет, а почти 12% всех респондентов поменяли бы университет.

7. Выбор специальности в основном у современной молодежи обусловлен наличием интереса (более 40% всех полученных ответов), возможностью принести пользу обществу (почти 25% всех ответов) и возможностью сделать хорошую карьеру с полученной специальностью (8,3% всех ответов). Заметна незначительная разница между ответами на данный вопрос у представителей различных подгрупп: жители глубинки

немного чаще, чем представители других подгрупп, демонстрировали тенденцию выбора профессии из критерия пользы обществу, а также продолжения семейной профессиональной династии. Для представителей данной подгруппы критерий легкого трудоустройства с полуротной специальностью является третьим по значимости фактором (у представителей подгруппы жителей городов и городов федерального значения данный вариант встречался почти в 2 раза реже). Это косвенный фактор, свидетельствующий о проблемах трудоустройства молодежи в регионах по выбранной специальности. Для жителей городов федерального значения возможность сделать хорошую карьеру имеет большее значение, чем для представителей иных подгрупп.

8. В целом по выборке молодежь видит свое будущее после окончания вуза нечетко. Продемонстрировали большую уверенность в своем будущем среди рассматриваемых подвыборок жители поселков городского типа и деревень, а среди представителей различных специальностей – аграрии, педагоги и юристы. Менее всего уверены в своем будущем военнослужащие, представители сферы PR и рекламы.

9. Можно отметить тот факт, что молодежь, принявшая участие в исследовании, уверена в своем будущем трудоустройстве по полученной специальности (так считает более 60% всех респондентов). Больше всех уверены в своем трудоустройстве по специальности будущие военные, педагоги, юристы и программисты. Меньше всего уверены – менеджеры и аграрии.

10. Большинство молодых людей поиск работы будут осуществлять через интернет (будут размещать резюме, искать объявления о работе). Вторым по популярности стал ответ о поиске работы самостоятельно, без чьей-либо помощи. На третьем месте вариант ответа – лично, приходя на предприятия.

11. В целом российская молодежная интеллектуальная элита оценивает за-

рубежные компании выше, чем российские по многим критериям. По мнению респондентов зарубежным компаниям гораздо больше, чем российским, присущи высокая заработная плата, социальное страхование, благоприятные условия труда и лучшее оборудование. По всем сравниваемым критериям зарубежные компании оцениваются участниками опроса в среднем выше, нежели российские.

12. Хорошая работа, по мнению респондентов, должна удовлетворять четырем основным критериям: в равной мере работа должна обеспечивать достойный уровень заработной платы (так ответило большинство респондентов), давать возможность реализоваться по выбранной специальности (более характерно для аграриев, военных, медиков и фармацевтов); характеризоваться наличием хорошего психологического климата (более характерно для будущих представителей сферы искусства) и обеспечивать возможности для карьерного роста.

13. При смене места работы молодые специалисты будут руководствоваться многими факторами, но для них первостепенное значение имеют следующие: более высокий уровень заработной платы и премий, более благоприятные условия труда, в том числе первоклассное оборудование, возможность самореализации, дружный коллектив.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>

2. Абанкина Т.В. Образование как старт для жизни: жизненные планы сельских школьников в России / Абанкина Т.В., Красилова А.Н., Ястребов Г.А. // Вопросы образования. Социология. <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovaniye-kak-start-dlya-zhizni-zhiznennyye-plany-selskih-shkolnikov-v-rossii>

3. Андреев А.И., Андриянов А.В., Антипов Е.А., Павлова С.М. К социальному портрету молодого россиянина: опыт исследования карьерных устремлений // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 103-113. <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/723/823>

4. Брюшинкин В.Н. Особенности исследования идентичности // субъективность и идентичность: коллект. монография. / Отв. ред. А.В. Михайловский. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 261-272.

5. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив. 2013. С. 377-415.

6. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3327. Режим доступа // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111>

7. Еленев К.С. Развитие системы привлечения талантливой молодежи на инженерные карьерные траектории: проблемные поля и направления взаимодействия образовательных организаций и промышленных предприятия / Еленев К.С., Еленева Е.А., Можаровская А.А. // Экономика и предпринимательство. 2014. № 9 (50). С. 843-847.

Some results of a sociological study of career paths of research-oriented youth
Pavlova S.M., Andrianov A.V., Antipov E.A., Martynova A.A.

Analytical center under the Government of the Russian Federation, Moscow state University named after M.V. Lomonosov, Moscow regional research clinical Institute named after M. F. Vladimirovsky

The article presents the results of a 2019 sociological study devoted to the study of career trajectories of science-oriented youth. The relevance of the work is due to the fact that in modern Russian realities there is an increasing need for a more accurate sociological representation of young Russians, especially in terms of their career aspirations, expectations and planned prospects. To ensure the implementation of long - term and medium-term strategic goals, socio-economic growth and development, as well as

ensuring the national security of the Russian Federation, it is advisable to pay special attention to the state of human resources, which is based on research-oriented youth – students and graduates of universities. The study is necessary to improve the effectiveness of state policy in the field of training for the modern labor market. In the article great attention is paid to the policy issues of digitalization in the Russian Federation.

Keywords: youth, youth intellectual elite, career career paths, public policy, science, socio-economic relations.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2018, No. 204 "On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period until 2024" // <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>
2. Abankina T.V. Education as a start for life: life plans of rural schoolchildren in Russia / Abankina T.V., Krasilova A.N., Yastrebov G.A. // Issues of education. Sociology. <https://cyberleninka.ru/article/v/obrazovanie-kak-start-dlya-zhizni-zhiznennye-plany-selskih-shkolnikov-v-rossii>
3. Andreev A.I., Andriyanov A.V., Antipov E.A., Pavlova S.M. Toward a social portrait of a young Russian: experience in researching career aspirations // Knowledge. Understanding. Skill. 2018. No. 2. S. 103-113. <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/723/823>
4. Bryushinkin V.N. Features of the study of identity // subjectivity and identity: collect. monograph. / Ans. ed. A.V. Mikhailovsky. Nat researched University "Higher School of Economics". - M.: Publishing. House of the Higher School of Economics, 2012. S. 261-272.
5. Weber M. Basic sociological concepts / M. Weber // Weber M. Favorites: Protestant ethics and the spirit of capitalism. - St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. 2013.S. 377-415.
6. VTsIOM. Press release No. 3327. Access mode // <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116111>
7. Elenev K.S. Development of a system for attracting talented youth to career paths in engineering: problem areas and areas of interaction between educational organizations and industrial enterprises / Konstantin E., Elena E., Elena A. Mozharovskaya // Economics and entrepreneurship. 2014. No. 9 (50). С. 843-847.

Экстремальная субкультура в контексте экстремальной службы пограничников Северного Кавказа. 1990-е — начало 2000-х

Свировский Дмитрий Николаевич
соискатель, Адыгейский государственный
университет, son-kmv@mail.ru

Федоров Николай Юрьевич
кандидат философских наук, доцент, Россий-
ский государственный гуманитарный универ-
ситет, ninani@mail.ru

В статье впервые поставлен вопрос о собственной субкультуре социальной группы профессиональных военных — пограничников — участников боевых столкновений на Кавказе. Она складывается из особых терминальных и инструментальных ценностей и норм: терминальная ценность — это жизнь, ее защита и утверждение в мирное время, терминальная норма — институционализи-
рованное вооруженное насилие. Экстремальность служебных действий и профессиональных качеств порождает экстремальность субкультуры пограничников. Она исследована теоретически и эмпирически в рамках социологии культуры и путем социологической интерпретации понятий психологии экстремальных ситуаций и погранологии. Уровень экстремальности субкультуры пограничников определен по 12-тибалльной шкале как *высокий* и *очень высокий* — *экстремальный* и *гиперэкстремальный*. Экспертами выступили пограничники-профессионалы, служившие на Кавказе в 90-2000 годах. Понимание значения служебной деятельности и культуры пограничников эксперты оценили на *высоком* уровне у рядовых и на *высоком* и *очень высоком* — у офицеров.
Ключевые слова: Субкультура, ценность, норма, пограничник, экстремальность.

В российском обществе уже давно сложилась социально-профессиональная группа — пограничники, о которой известно каждому из нас с первых лет сознательной жизни из героических книг и фильмов, но которая лишь сравнительно недавно стала предметом внимания социологов и других гуманитариев [8; 13; 17.]. Они представляет собой социальную группу профессиональных военных, охраняющих и защищающих Государственную границу России в мирное время и нередко — с оружием в руках. Эти люди выполняют внешне различные служебные функции: одни проверяют документы на пограничных контрольно-пропускных пунктах, другие контролируют нерушимость границы на равнинах и в горах, на морях и реках, третьи регулярно вступали и вступают в бой с нарушителями и бандформированиями на южных границах России. При этом все профессиональные подгруппы пограничников обладают собственной субкультурой, сложившейся в экстремальной служебной деятельности и по своему существу ставшей экстремальной [8; 30]. Наиболее ясно эта экстремальность проявилась в 90-х — начале 2000-х годов в службе пограничников на кавказской границе. 14-летняя служебная деятельность на Северном Кавказе, непосредственное участие в боевых конфликтах и наблюдения за повседневностью жизни на границе одного из авторов легли в основу социологического исследования экстремальной субкультуры пограничников — субъектов боевых столкновений.

Проблематика субкультуры становится все более актуальной вместе с

общественно-политическим признаком и углублением научных исследований особенностей социальных групп. Возникнув в конце XIX-начале XX столетия из наблюдений за жизнью мигрантов и маргиналов, за делинквентным поведением [27], за бунтующей молодежью [11] и др., изучение субкультуры со временем стало включать исследования субъектов «дочерней» культуры, культуры различных социальных групп, порожденной общепризнанной, «материнской» культурой. К таким группам ученые стали относить «малые» народы [23], профессиональные и религиозные общности [22], пожилых людей [24] и различные группы электората и др., сохраняющие общие элементы культуры и отличающиеся от нее.

Субкультуры рассматриваются в виде специфического способа дифференциации развитых культур. П.С.Гуревич видит в субкультуре «особую сферу культуры, суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами» [10]. В.Г. Подвойский определяет ее как «...культуру социальной группы, отличающуюся по ряду существенных параметров от культуры большинства в том или ином конкретном обществе. Субкультура обычно выступает как культура меньшинства, находящегося в более или менее изолированном положении, поддерживаемом извне и/или изнутри через воспроизводство межгрупповых границ и сохранение известной дистанции в отношении доминирующей культуры большинства...». [21, с. 360].

Надо отметить, что в большинстве исследований субкультуры акцентируется внимание на некоторой совокупности ее компонентов. Среди них наиболее часто встречаются общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира; поведенческих правил, образованных из обычаев, ритуалов, повседневных норм, моделей и стереотипов и т. д. [4; 5; 9; 23; 24; 31].

Однако, как мы полагаем, центральная проблема исследования субкультур

коренится в особенностях ее базовых (терминальных) и инструментальных ценностей и норм — ядра любой культуры, определяющего её самобытность. Приверженцев единичной субкультуры отличает общее отношение к определенному общественному «предмету», являющемуся для них основополагающей ценностью (конкретная профессия, национальная принадлежность, дети в семье и др.), и столь же общее взаимодействие согласно основополагающей норме (профессионализм, обычай, интимное внимание и др.), играющей интегрирующую роль. Ценности и нормы формируют личность в соответствии с особенностями субкультуры и создают новые групповые значения, которые формируют принципы поведения и ценности, имеющие смысл для своих членов. Образующие субкультуру терминальные (базовые) ценности влияют на ее отношение к членам своего и других сообществ, влияют на самосознание и выбор целей и способов их достижения и т.п. В свою очередь, инструментальные ценности субкультуры воздействуют на отношения с конкретными людьми своей и иной культуры.

По аналогии с ценностями мы полагаем возможным выделить терминальные и инструментальные нормы как элементы культуры и субкультуры (что не всегда принято в социологии и культурологии). Первые включают жизненно значимые нормы поведения и отношений между людьми, вторые — нормы поведения и разнообразных действий.

Пограничники постоянно в мирное время находятся в состоянии боевой готовности; в любой момент они могут вступить и реально вступают в столкновения с нарушителями, в том числе с применением оружия. У них складывается субкультура, пронизанная экстремальностью своих оснований, — профессиональных качеств и действий членов группы, и экстремальностью своих элементов — норм и ценностей.

Методологической основой изучения экстремального содержания суб-

культуры пограничников послужили исследования отечественных ученых по трем направлениям гуманитарных наук, раскрытые в своем социологическом содержании в виде профессиональных качеств и действий личности и группы. Первое из них охватывает социологию культуры и многообразии субкультур, ценностей и норм [2; 7; 10; 12; 16: 21; 31]. Оно дает возможность трактовать понятие субкультуры пограничников как неотъемлемую часть множественности равноценных специфических культур социальных групп российского общества.

Второе направление включает исследования в области погранологии [3; 8; 14] Одна из ее основных теоретико-методологических проблем — обоснование легитимного силового принуждения для охраны и защиты Государственной границы РФ. В погранологии разработан комплексный метод исследования государственной границы как системы пограничного пространства, что позволяет представить социальный, культурный, военный и другие контексты взаимодействия личности, группы и общества и формирования профессиональных качеств и ценностей пограничников, экстремальности службы и пр. [19; 18 ; 20, С.6].

Пограничные отношения и действия, наряду с убеждением, в значительной и порой в решающей степени построены на силовом принуждении и на угрозе его применения. Силовое принуждение необходимо и легитимно, его цель — сохранять устойчивость пограничных взаимоотношений. Необходимость силового принуждения вызвана противоправными попытками отдельных лиц и организаций, незаконных формирований силой изменить прохождение государственной границы и использование пограничных пространств, угрозами пограничной безопасности страны.

Охрана Государственной границы РФ до марта 2003 г. была возложена на Федеральную Пограничную службу России. 11 марта 2003 г. был принят Указ Президента РФ от № 308 «О мерах по

совершенствованию государственного управления в области безопасности Российской Федерации», согласно которому Пограничная служба была упразднена, а ее функции были переданы Федеральной службе безопасности России. С этого времени охрана Государственной границы РФ стала осуществляться пограничными органами и пограничными войсками ФСБ. В 2004 г. из федерального законодательства был исключен термин «пограничные войска», и охрана государственной границы была возложена на пограничные органы ФСБ. Они представляют собой специальную войсковую правоохранительную структуру и комплектуются только профессиональными военными, проходящими службу по контракту, которые составляют почти 100%.

Офицер и рядовой боец — это профессиональный военный — центральная фигура пограничных войск. Опираясь на ранее данное определение [29, С.43], представим профессионального военного как личность государственного служащего, постоянно готового участвовать и участвующего в боевых действиях своего государства (в войнах, в вооруженных конфликтах и столкновениях, в разведке – скрытой войне) и в предотвращении этих действий институционализированным вооруженным насилием и угрозой насилием. Эта личность принадлежит своему государству и носит исключительно публичный характер, а не частный, как гражданская личность.

Пограничники, будучи профессиональными военными, находятся в положении людей, боевые действия которых по задержанию и уничтожению нарушителей совершаются в мирное время. В этом заключается важное отличие от службы солдат и офицеров других родов войск. Пограничники не только постоянно должны быть готовы к бою, как и другие военные, но и ежедневно могут находиться и часто находятся под угрозой столкновения с организованным и вооруженным противником. Они непосредственно включены в выполнение

задач вооруженной охраны и защиты границы и так или иначе включаются в боевые действия.

Среди ценностей профессиональных военных ведущее место занимают нравственно-гуманистические, которые признают человека, его жизнь, права и свободы высшей ценностью. Свойственные им общественно-гражданские ценности — это патриотизм, верность Конституции РФ, готовность служить государству и народу; военно-профессиональные ценности означают выполнение своего долга, профессиональную компетентность и организованность, дисциплину, требовательность, личную храбрость и др.; культурно-национальные включают причастность к культуре народов России [6; 14].

Безусловно, такие ценности являются исходными для профессиональной деятельности военных. Вместе с тем, ценность должна быть и понята, и ощутима. Пограничник, выходящий на охрану границы или вступающий в бой, делает вполне определенное дело и достигает конкретную ощутимую цель личного и всеобщего социального содержания — победить противника, противостоять угрозе собственной жизни и жизни своих товарищей; непосредственно за которой стоит жизнь мирных граждан приграничья, безопасность работы органов власти и гражданских организаций. Это значит, что за каждой жизнью индивидуального пограничника стоит жизнь его коллектива и жизнь народа, а сам он, выполняя свой воинский долг, находится на грани между жизнью и смертью. Поэтому ведущей ценностью пограничника является жизнь — ее утверждение, в том числе и ценой собственной жизни, ранения, потери здоровья; ценностью является жизненный мир [28, с.93]. Это жизнь своя и жизнь других, неизвестных пограничникам людей, физическая и социальная, жизнь социальных институтов и конкретных людей, жизнь, возможной смертью утверждающая гуманизм и

патриотизм и бесконечно большое желание просто жить. И за ней стоят все другие высокие ценности.

Ценность жизни является терминальной, или базовой [32; 12], ценностью пограничников, концентрирующей в себе **важнейшие цели, идеалы, самоценные смыслы жизни людей**. Она стратегически направляет повседневную практическую деятельность.

Аналогично терминальной ценности пограничники обладают терминальной нормой. Она представляет собой институционализированное вооруженное насилие над противником и угрозу насилием, за которым стоит постоянная готовность и выполнение действий по охране и защите границы и жизни людей. Такая норма — это собственные действия пограничника, с риском для своей жизни утверждающего его собственную жизнь и жизнь других людей; это действия как средство охраны и защиты жизни людей и организаций, которую пограничник пришел охранять и защищать. Силовое принуждение в пограничной сфере представляет собой средство пограничной политики государства по защите суверенитета, целостности своей территории, утверждения национальных интересов [14, с.135] и вместе с тем — норму личного и коллективного средства утверждения ценности жизни.

У пограничников есть и инструментальные ценности и нормы. Они отражают **средства деятельности и профессиональные качества людей, позволяющие им достигать цели повседневной службы**. Это ценности специальной подготовки, боевых и морально-волевых качеств, физической силы и выносливости, которые направляют и обеспечивают действия пограничников. Столь же важны нормы совместных и самостоятельных боевых действий, дисциплины, подчинения старшим и командования младшими, готовности к оперативным решениям и действиям и др. Своей нормой служба делает работу и организацию боевой,

физической и интеллектуальной подготовки вплоть до крайнего напряжения всех сил, обучение владению оружием, подъем воинских подразделений по тревоге в любое время суток, боестолкновения и готовность к ним и т.п. Инструментальные ценности и нормы выступают структурными элементами ценности «жизнь» и нормы «защита и утверждение жизни». По содержанию, которое сложилось у пограничников, они могут не отличаться от военных других родов войск, а во многом – и от обычной гражданской жизни. Тем не менее, каждая из них у пограничников в мирное время пронизана постоянной угрозой нарушения спокойной обстановки и столкновения с вооруженным противником.

Профессиональные качества не только формируются в целенаправленном процессе воспитания и обучения, но и принимаются и утверждаются лично самими пограничниками, превращая их в нормы поведения и взаимоотношений между собой и в ценности, которым необходимо следовать в повседневной службе. Такие нормы и ценности становятся естественными социокультурными образованиями, устойчивыми компонентами субкультуры пограничников. Следуя пониманию субкультуры, высказанному П.С.Гуревичем [10, с.407], определим субкультуру пограничников: это суверенное целостное образование в культуре Российской армии и общества, наследующее ценности и нормы армейской и народной культуры, обладающее собственными ценностями и нормами, служащее государственной цели охраны границы РФ и союзных государств.

Третье направление гуманитарных исследований, опираясь на результаты которых была проведена настоящая работа, — это исследования личности и группы в экстремальных ситуациях [1; 2; 26]. В общепсихологической системной трактовке экстремальности поле ее проблематизации сформировано исследователями на основе идеи множественности ответов человека на событие, требующее экстремального действия. С использованием

системно-структурного метода экстремальность трактуется как особая временно сложившаяся целостность «человек в экстремальной ситуации». Тогда личность пограничника должна преобразоваться в позитивном направлении стойкости, героизма, развития, а не страдания, травматизма и конфликта, и результат — социальное действие, совершаемое в экстремальной ситуации, — есть интегральный, системный результат деятельности личности и группы в экстремальных условиях [27, с.233]. Экстремальность обусловлена переходом из повседневности в неповседневность и неповседневности в повседневность, что представляет собой «трансформацию личности» [15]. При такой трансформации сохраняется социальная устойчивость личности и группы пограничников, утвердившей в себе глубокие — терминальные — ценности жизни и нормы поведения, неизменные и в экстремальных ситуациях.

Об экстремальности служебной деятельности и профессиональных качеств пограничников свидетельствует множество фактов на кавказской границе России в 1990-2000-х гг., где она проявилась наиболее полно и ясно. Макросоциальным основанием экстремальности стала сложная военная и общественно-политическая обстановка, сложившаяся на российских рубежах, политико-правовые и нравственные основы и практика укрепления и защиты Государственной границы Российской Федерации, осуществляемая как дипломатическими и политическими, так и военно-силовыми средствами. В 90-2000-х гг. Особый Кавказский пограничный округ стал одной из самых «горячих точек», где велись и ведутся боевые действия. Служебно-боевая деятельность пограничников отмечена многочисленными примерами мужественных действий в жестокой обстановке охраны границы и участия в контртеррористической операции. Так, в 1995 г. в ходе отражения вооруженных нападений 28 пограничников погибли, 65 - получили ранения, 8 были захвачены в заложники; в 1996 г. в

боевых столкновениях с чеченскими боевиками погиб 41 пограничник. При этом были задержаны сотни нарушителей границы.

Исследование экстремальности субкультуры пограничников было проведено методом социологической экспертизы путем очного и заочного письменного опроса; опрошено 42 эксперта, в качестве которых выступили офицеры-пограничники, прослужившие на кавказской границе 7-26 лет.

В реальной деятельности терминальные ценности пограничников непосредственно реализуются, во-первых, в ценности каждого вида профессиональной деятельности (в повседневной охране границы, в боевых действиях и подготовке и пр.), во-вторых, в ценности профессиональных качеств (готовности, смелости, ответственности и пр.) и в их присутствии как нормального состояния личности пограничника в различных ситуациях.

В нашем исследовании на основании ранжированной шкалы экстремальности ситуаций и поведения [25, с.311] была построена 12-балльная шкала экстремальности для пограничника:

- 0-1 балла; *обыденные нетрудные*, комфортные ситуации, в которых пограничник ведет себя с обычной степенью активности;

- 2-4 балла; *трудные* ситуации; человек ведет себя более активно, с напряжением, но комфортность в целом сохраняется;

- 5-6 баллов; *параэкстремальные* ситуации, вызывают у человека очень сильное, но не предельное внутреннее напряжение;

- 7-9 баллов; *экстремальные* ситуации, которые пограничник преодолевает с большим внутренним напряжением своих сил, близких к предельным;

- 10 и более баллов; *гиперэкстремальные* — вызывающие внутренние нагрузки, значительно превышающие возможности человека; очень высокая вероятность разрушения нормального действия.

минимум	максимум
экстремальности	экстремальности
0 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10	более 10

Аналогично измерены оценки уровня экстремальности фактической боевой деятельности офицеров-экспертов и возглавляемых ими пограничных подразделений в зависимости от количества боевых столкновений в течение самого трудного года пограничной службы на Северном Кавказе: от «ни одного — обычная, нетрудная ситуация» до «15 и более — гиперэкстремальная ситуация».

Компоненты экстремальности (подготовка, боестолкновения и пр.) с помощью такой шкалы представлены в континууме вероятности своего наличия. Критерием экстремальности является частота и уровень попадания точки континуума в ответах экспертов.

Экспертам была представлена анкета с вопросами о качествах и действиях пограничников — о фактах службы, об их оценках и причинах, а также сравнения с воинской службой в мотострелковых войсках Министерства обороны РФ (в пехоте), о привычности (нормальности) этих фактов.

Ответы экспертов свидетельствуют о высоком уровне экстремальности службы. Семь экспертов указали, что в течение года вместе со своим подразделением они вступали в бой 15 и более раз, в силу чего они относятся к группе гиперэкстремального уровня. 15 экспертов указали 10-14 таких случаев, и отнесены нами к экстремальному уровню. 18 экспертов отметили 5-9 боевых столкновений, т.е. параэкстремальный уровень, и только двое отметили менее 5 случаев за год, т.е. относятся к уровню «трудный». Никто из экспертов не указал на отсутствие вооруженных столкновений. С таким сложившимся уровнем экстремальности пограничной службы соотносятся все остальные элементы служебной деятельности с точки зрения того, в какой степени оценки про-

фессиональных качеств достигают высокого или низкого уровня и с этой точки зрения получают свою оценку экстремальности.

Экспертные оценки смелости, боевспособности, психологической готовности к боевым действиям, взаимодействия между бойцами во время боевых столкновений сосредоточены преимущественно на уровне «экстремальный» (от 2/5 до 1/2 ответивших). Некоторая часть оценок приходится на уровень «гиперэкстремальный», хотя на уровнях «параэкстремальный» и «трудный» оценок немного больше. Последнее особенно свойственно качеству психологической готовности к бою, в силу чего средняя величина уровня экстремальности такой готовности существенно ниже, чем у остальных качеств (таблица 1).

Экспертные оценки фактических действий при выполнении повседневных боевых заданий свидетельствуют об относительно высоком, но не максимальном уровне экстремальности качеств и действий при выполнении заданий (таблица 2).

Таблица 1.

Экспертные оценки качества пограничников при выполнении задач по защите границы

Вопрос эксперту: Насколько ясно и отчетливо качества, необходимые в боевых действиях по защите границы, были выражены у большинства пограничников в наиболее трудный период Вашей службы?

Уровень экстремальности	Распределение баллов экспертных оценок			
	смелость	боевспособность	психологическая готовность	взаимодействие
обыденный	0	0	4	4
трудный	5	6	9	2
параэкстремальный	6	13	7	12
экстремальный	26	17	22	18
гиперэкстремальный	5	6	0	6
средний балл	7,4	7,0	5,7	7,3

Самостоятельность и взаимодействие рядовых бойцов в большей степени оценивается на уровне *параэкстремальности*, уровень *экстремальности* свойственен их дисциплине и

оперативности, и при этом все эти действия в сравнительно небольшой степени совершаются на уровне *гиперэкстремальности*, в заметной степени оставаясь на начальных ступенях *обыденной и трудной* деятельности. Оценки действий офицеров несколько выше оценок рядовых и сосредоточены преимущественно на уровне *экстремальности*.

Таблица 2.

Экспертные оценки экстремальности действий пограничников при выполнении повседневных заданий по охране границы

Уровень экстремальности	Вопрос эксперту: чем характеризуется фактическое поведение пограничников при выполнении наряда по охране границы и других подобных боевых заданий в указанный Вами наиболее сложный период?									
	Оценки действий рядовых				Оценки действий офицеров					
	дисциплина	самостоятельность	оперативность	взаимодействие	дисциплина	самостоятельность	оперативность	взаимодействие		
обыденный	0	2	4	4	0	0	0	0	4	3
трудный	4	8	0	2	7	4	4	0	7	5
параэкстремальный	14	25	15	20	7	2	2	11	25	13
экстремальный	19	3	19	12	24	32	32	26	2	17
гиперэкстремальный	5	4	4	4	4	4	4	5	4	4
средний	6,9	5,4	6,0	6,2	7,0	7,7	7,6	7,7	5,6	6,5

Степень экстремальности подготовки пограничников оценивается экспертами заметно ниже (таблица 3). У рядового состава оценки военной-технической и в значительной степени – физической подготовки сосредоточены преимущественно на уровне *обыден-*

ных и трудных, но еще не экстремальных и даже не параэкстремальных. Параэкстремальный и экстремальный уровни вслед за трудным свойственны преимущественно рядовым пограничникам в части боевой подготовки. А гиперэкстремальный уровень у рядовых бойцов не отметил ни один эксперт.

Заметно отличаются оценки подготовки офицеров. Значительно более высокими, чем у рядовых, являются оценки военно-технической и боевой подготовки, они распределены примерно в равной степени между трудными, параэкстремальными и экстремальными, при этом о гиперэкстремальном уровне свидетельствует лишь 1/6 – 1/10 доля приходящихся на него оценок.

В целом оценки уровня подготовки пограничников не достигают высокой степени экстремальности, свойственной оценкам экстремальности реальных боевых действий.

Таблица 3.
Экспертные оценки экстремальности подготовки пограничников

Уровень экстремальности	Достаточность подготовки						Наличие качеств после подготовки
	рядовых			офицеров			
	военно-техническая	физическая	боевая	военно-техническая	физическая	боевая	
обыденный	14	6	1	0	2	0	0
трудный	20	18	19	12	22	12	14
параэкстремальный	4	7	12	12	8	14	11
экстремальный	3	10	10	11	10	12	12
гиперэкстремальный	0	0	0	7	0	4	4
средний балл	2,5	4,2	4,8	6,4	4,6	6,6	6,1

Таким образом, наиболее часто встречающиеся оценки фактов служебной деятельности и качеств, которыми обладают пограничники, относятся к экстремальному уровню.

Такие оценки, данные экспертами с точки зрения высокого уровня экстремальности, которые они прошли в тяжелых буднях, сопровождавшихся вооруженными схватками с беспощадным противником, свидетельствуют о высоких требованиях к пограничникам и определенном несоответствии тех качеств, которыми они обладают, этим требованиям. Особенно это видно из оценок некоторых видов подготовки.

При этом следует сказать, что постоянная угроза нападений и боевых столкновений с нарушителями границы и незаконными вооруженными формированиями могли бы приводить к резкой негативной окрашенности всей служебной деятельности, оказывать на участников боев психотравмирующее воздействие и повлечь профессиональную деформацию, выраженную в нарушениях инструментальных ценностей и норм вплоть до негативной трансформации ценностно-нормативного ядра. Тем не менее, как показывают собранные данные, пограничники Особого Кавказского пограничного округа, следуя исследованным качествам и действиям как социальным нормам, утверждают порядок выполнения совместных действий и регулярное взаимодействие между собой, что обеспечивает успешное выполнение боевых заданий. Подчинение нормам ответственности, дисциплины и пр. интегрирует отдельных пограничников в единый коллектив, поддерживает порядок и стабильность совместных и личных действий даже при самом высокой неопределенности ситуации.

Субкультура пограничников, представляя собой множество ценностей и норм, вырастающих из фактов служебной деятельности по охране и защите границы, проявляется в виде отношения самих пограничников к этим фактам.

Чем более нормальным, обычным пограничники считают свое участие в боевых действиях с нарушителями границы, а вместе с тем и подготовку к ним, тем более эти действия являются нормой и ценностью субкультуры пограничников. Чем выше оценки этих норм и ценностей, тем более они экстремальны. Поэтому эксперты оценивали частоту боевых столкновений с точки зрения того, насколько она является нормальной, обычной в деятельности пограничников.

Оценки степени, в какой данное качество и действие является нормальным, обычным для пограничников (степень нормальности) строится следующим образом: от 0-1 балла (*очень низкий* уровень оценок положительных профессиональных качеств и фактов, *очень необычно и ненормально*) к 2-4 балла (*низкий* уровень, или *ненормально*), затем 5-6 баллов (*средний* уровень), далее 7-9 баллов (*высокий* уровень, *нормальная* степень) и 10 и более баллов (*очень высокий* уровень, *очень нормально, совершенно обычно*).

По результатам опроса подавляющее большинство экспертов (не менее 3/4) оценили частоту боевых столкновений с нарушителями границы на *высоком* (18 экспертов) и *очень высоком* (16 экспертов) уровне привычки к этим фактам. Иначе говоря, по оценкам экспертов применение законного вооруженного насилия в боевых действиях с нарушителями — терминальная норма — выступает нормой служебной деятельности пограничников и в виде прямого боя представляет собой инструментальную норму. Эксперты признали службу, включающую боевые действия, нормальной профессиональной жизнью.

Более 2/3 экспертов на *высоком* и *очень высоком* уровне оценили обычность позитивного поведения пограничников в боевых действиях — смелость, боеспособность, психологическую готовность. Такие оценки соответствуют пониманию этого поведения как «*нормального*», «*совершенно нормального*», а на шкале экстремальности —

как *экстремального* и *гиперэкстремального*. Уровни *средний* и ниже дали только четверть экспертов.

Оценивая же степень общности негативного поведения (трусость, стресс и т.п.), все 40 ответивших на вопрос экспертов дали минимальные оценки («*непривычно*»), что свидетельствует о признании подобных антинорм в качестве несущественных для пограничной субкультуры.

Таким образом, к фактам боевых столкновений и необходимым для этого профессиональным качествам пограничники относятся как к ценности и норме своей службы, притом, что эти факты являются *экстремальными* и *гиперэкстремальными*. Следовательно, уровень ценности и нормы совершаемых действий и профессиональных качеств оценивается как *экстремальный* и *гиперэкстремальный*.

Ответы большинства экспертов на вопросы об интенсивности и напряженности профессиональной подготовки (по сравнению с мотострелковыми частями войск Минобороны РФ) не являются однозначными и распределены главным образом между двумя *низкими* (20 оценок) и двумя *высокими* (15 оценок) уровнями. То есть инструментальная ценность подготовки является менее высокой, менее экстремальной в деятельности пограничников, чем экстремальность боевых действий. Следовательно, профессиональная подготовка с точки зрения ее экстремальности является меньшей ценностью для пограничников, несмотря на то, что ей, безусловно, придается большое значение в деятельности по управлению пограничными войсками. Профессиональную подготовку следует признать ограниченно развитой инструментальной ценностью субкультуры пограничников.

В обобщенном виде пограничная служба как ценность получила высокую оценку в ответах на вопросы о понимании значения своей службы, о ее сложности и тяжести и о возможности уйти в мотострелковые части войск Минобороны. Эксперты оценили понимание

значения своей службы на *высоком* уровне у рядовых (более половины оценок) и на *высоком и очень высоком* – у офицеров (соответственно, более половины и 1/3 оценок). То есть именно на таких уровнях даются оценки экстремальной и гиперэкстремальной деятельности пограничников, которая для них стала ценностью и нормой.

И несомненным подтверждением приверженности пограничников экстремальному характеру своих ценностей является распределение экспертных оценок вероятности их перехода в мотострелковые части войск Министерства обороны РФ (в случае значительного повышения зарплаты в этих частях): 2/3 ответов экспертов сосредоточены на уровнях *низкий* и *очень низкий*, отражающих небольшую вероятность такого перехода.

В сочетании с *экстремальным* и *гиперэкстремальным* уровнями пограничной службы, с нормами высокого и очень высокого уровня эти оценки соответствуют *экстремальному* и *гиперэкстремальному* уровням ценностей пограничников. В силу чего субкультуру пограничников, несущих службу на Кавказе, следует признать *экстремальной* и *гиперэкстремальной*.

Таким образом, субкультура войсковых частей пограничных органов ФСБ РФ — участников боевых действиях на кавказской границе России обладает высоким уровнем экстремальности, обусловленным высоким уровнем экстремальности служебной деятельностью пограничников и их профессиональных качеств.

Вместе с тем, эту субкультуру нельзя считать однородной. Ряд таких ценностей и норм, как профессиональная подготовка, самостоятельность и психологическая готовность к боевым действиям, несмотря на свою важность для участия в боевых действиях в экстремальных и гиперэкстремальных условиях, остаются менее развитыми, чем другие компоненты пограничной субкультуры. Имеются значительные

различия в уровне экстремальности культуры рядовых бойцов и офицеров.

Литература

1. Александровский Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация - М.: Наука, 1976 - 272 с.
2. Аминова В.А. К вопросу о термине "субкультура" // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2013. - № 2. - С. 113-118.
3. Анцупов А. Я. и др. Погранология: методология и методика научных исследований – М., 2006 - 380 с.
4. Армейская субкультура: фольклор, ритуал, традиция: материалы к библиографии (2005-2010 гг.) // Традиционная культура. - 2011.– № 4. - С. 173-174.
5. Блохина М.В., Григорьев Л. Г. Молодежные субкультуры в современном обществе: монография – Тверь: ТГТУ, 2004 – 127 с.
6. Богович Г.Г. Противоречия формирования духовных ценностей офицера современной Российской Армии и их разрешение: социально-философский анализ. Диссертация... кандидата философских наук – М., 2000 – 162 с.
7. Власова А. Л. Проблема определения молодежной субкультуры в современном обществе // Философия образования – М., 2013, № 1 - С. 125-128.
8. Володин В.Р. Базовые ценности профессиональной деятельности сотрудников пограничных органов социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук – М., 2011 – 134 с.
9. Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л. Субкультура солдат срочной службы // Современный городской фольклор / Сост. А.Ф.Белуосов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов. М., 2003. - С. 186 – 198.
10. Гуревич, П.С. Современный гуманитарный словарь-справочник: философия, психология, социология, культурология. -М.:АСТ Олимп, 1999 - 525 с.

21. Давыдов Ю.Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры: Критический анализ (Инфантилизм как тип мировосприятия и социальная болезнь). - М., Наука, 1980 – 264 с.
22. Динамика ценностей населения реформируемой России // Отв. редакторы: Н.И.Лапин, Л.А.Беляева. – М., 1996 - 224 с.
23. Ковалевич Ю.В. Социологическое обеспечение в пограничной службе ФСБ России: теория и практика: монография - М.: Пограничная академия ФСБ России, 2004 – 183 с.
24. Колотуша В.В. Философия силового принуждения: монография - Голицыно ГПИ ФСБ России, 2009 - 171 с.
25. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен экстремальности – М.:ПАРФ , 2008 – 218 с.
26. Мудрик А.В. Субкультура. / Российская педагогическая энциклопедия: в 2 тт. / – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1999 – Т.2 – С.394-395.
27. Мяготин А.В. Профессиональная этика сотрудника пограничных органов: монография – М.: Пограничная академия ФСБ России – 2013
28. Пограничная политика Российской Федерации. - М., 1998. – 335 с.
29. Погранология: методологические вопросы. — М., 2001
30. Проблемы пограничной политики государства и пути их решения: монография. - М.: БДЦ-Пресс, 2001. –276 с.
31. Подвойский Д.Г. Субкультура. // Большая Российская энциклопедия - М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2016. - Том 31. - С.360
32. Почепцов С.С. Методология исследования и субкультурные формы культурно-религиозного многообразия: диссертация... кандидата философских наук. – Белгород, 2013. –161 с.
33. Соловьева А.Н. Модели концептуализации этнических субкультур в глобально-локальном контексте. // Диссертация... доктора философских наук. – М., 2009 – 319 с.
34. Сорокопуд М.С. Субкультура пожилых людей: философско-методологический анализ // Диссертация... кандидата философских наук. – Белгород, 2016.–130 с.
35. Столяренко А.М. Психологическая системология: теория, исследования, практика: монография – М.; ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 391 с.
36. Столяренко, А.М. Педагогическая системология: теория, методика, исследования, практика – М.: ЮНИТИ, 2015. – 319 с.
37. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура в пространстве культурных практик // Автореферат диссертации... доктора культурологии. - Саратов, 2013. - 54 с.
38. Тощенко Ж.Т. Социология жизни: монография – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016 – 399 с.
39. Федоров Н.Ю., Панов А.И. Проблема интеграции кадровых военных запаса в российское общество // Философские исследования – М., 2003, №1. – С.39-65
40. Черныш, И. В. Гендерные особенности адаптации к экстремальным условиям деятельности сотрудников пограничной службы ФСБ РФ: диссертация ... кандидата психологических наук: - Ростов-на-Дону, 2007 - 225 с.
41. Щепанская Т. Е. Молодежные сообщества // Современный городской фольклор. - М., 2003. – 85 с.
42. Rokeach M. Value Survey. - Sunny vale, 1967

Extreme subculture in the context of extreme performance border guards of the North Caucasus. 1990s — early 2000s

Svirovsky D.N., Fedorov N.Yu.
Adygea State University, Russian State Humanitarian University

The article for the first time raises the question of their own subculture of a social group of professional military border guards-participants of military clashes in the Caucasus. It consists of special terminal and instrumental values and norms: the terminal value is life, its protection and affirmation in peacetime, the terminal norm is institutionalized armed violence. Extreme official actions and professional qualities creates the extreme na-

ture of this subculture. In the article it is studied theoretically and empirically within the framework of culture sociology and by sociological interpretation of the psychology concepts of extreme situations and borderology. The level of extreme subculture of the border guards is determined on a 12-grade scale as high and very high (extreme and hypertextually). The experts assessed the importance of such performance and culture at a high level among the rank and file and at a high and very high level among the officers.

Keyword: Subculture, value, norm, border guard, extreme.

References

1. Aleksandrovsky Yu.A. The state of mental maladaptation and their compensation - M.: Nauka, 1976 - 272 p.
2. Aminova V.A. To the question of the term "subculture" // Bulletin of Moscow University. Ser. 19, Linguistics and intercultural communication. - 2013. - No. 2. - S. 113-118.
3. Antsupov A. Ya. Et al. Pogranology: methodology and methodology of scientific research - M., 2006 - 380 pp.
4. Army subculture: folklore, ritual, tradition: materials for bibliography (2005-2010) // Traditional culture. - 2011.- No. 4. - S. 173-174.
5. Blokhina MV, Grigoryev L. G. Youth subcultures in modern society: monograph - Tver: TSTU, 2004 - 127 p.
6. Bogovich G.G. Contradictions in the formation of spiritual values of an officer of the modern Russian Army and their resolution: socio-philosophical analysis. The dissertation ... of the candidate of philosophical sciences - M., 2000 - 162 p.
7. Vlasova A. L. The problem of determining youth subculture in modern society // Philosophy of Education - M., 2013, No. 1 - C. 125-128.
8. Volodin V.R. The basic values of the professional activities of border guards social and philosophical analysis: the dissertation ... Ph.D. in Philosophy - M., 2011 - 134 p.
9. Golovin V.V., Kuleshov E.V., Lurie M. L. Subculture of soldiers of military service // Modern urban folklore / Sost. A.F. Belousov, I. S. Veselova, S. Yu. Neklyudov. M., 2003 -- S. 186 - 198.
10. Gurevich, P.S. Modern humanitarian dictionary-reference book: philosophy, psychology, sociology, cultural studies. -M.: AST Olympus, 1999 - 525 p.
11. Davydov Yu.N., Rodnyanskaya I. B. Sociology of counterculture: A critical analysis (Infantilism as a type of worldview and social disease). - M., Science, 1980 - 264 p.
12. Dynamics of population values of the reforming Russia // Otv. Editors: N.I. Lapin, L.A. Belyaeva. - M., 1996 - 224 p.
13. Kovalevich Yu.V. Sociological support in the border service of the FSB of Russia: theory and practice: monograph - M.: Border Academy of the FSB of Russia, 2004 - 183 p.
14. Kolotusha V.V. Philosophy of forceful coercion: monograph - Golitsyno GPI FSB of Russia, 2009 - 171 p.
15. Magomed-Eminov M. Sh. The phenomenon of extremeness - M.: PARF, 2008 - 218 p.
16. Mudrik A.V. Subculture. / Russian Pedagogical Encyclopedia: in 2 vols. / - M.: Scientific publishing house "Big Russian Encyclopedia", 1999 - V.2 - S.394-395.
17. Myagotin A.V. Professional Ethics of a Border Guard Officer: Monograph - M.: Border Academy of the FSB of Russia - 2013
18. Border policy of the Russian Federation. - M., 1998. -- 335 s.
19. Border studies: methodological issues. - M., 2001
20. Problems of state border policy and ways to solve them: monograph. - M.: BDC-Press, 2001. --276 p.
21. Podvoisky D.G. Subculture. // Big Russian Encyclopedia - M.: Scientific publishing house "Big Russian Encyclopedia", 2016. - Volume 31. - P.360
22. Pocheptsov S.S. Research methodology and subcultural forms of cultural and religious diversity: the dissertation ... Ph.D. - Belgorod, 2013. --161 p.
23. Solovyova A.N. Conceptualization models of ethnic subcultures in a global-local context. // Thesis ... Doctors of Philosophy. - M., 2009 - 319 p.
24. Sorokopud M.S. Subculture of the elderly: philosophical and methodological analysis // The dissertation ... of the candidate of philosophical sciences. - Belgorod, 2016. -- 130 p.
25. Stolyarenko A.M. Psychological systemology: theory, research, practice: monograph - M.: UNITY DANA, 2011. -- 391 p.
26. Stolyarenko, A.M. Pedagogical systemology: theory, methodology, research, practice - M.: UNITI, 2015. - 319 p.
27. Tishchenko N.V. Prison subculture in the space of cultural practices // Abstract of dissertation ... Doctors of Cultural Studies. - Saratov, 2013. -- 54 p.
28. Toshchenko Zh.T. The Sociology of Life: Monograph - M.: UNITY-DANA, 2016 - 399 p.
29. Fedorov N.Yu., Panov A.I. The problem of integration of personnel military stock in Russian society // Philosophical studies - M., 2003, No. 1. - S. 39-65
30. Chernysh, IV. Gender characteristics of adaptation to extreme conditions of activity of the border service of the FSB of the Russian Federation: dissertation ... candidate of psychological sciences: - Rostov-on-Don, 2007 - 225 p.
31. Schepanskaya T. E. Youth communities // Modern urban folklore. - M., 2003. -- 85 p.
32. Rokeach M. Value Survey. - Sunny vale, 1967

Представления о специфике семейно-брачных отношений в российской современной субкультурной группе ритмологов (по материалам фокус-группового исследования)

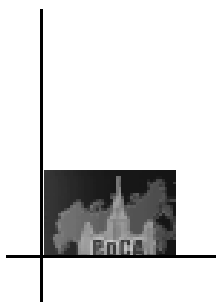
Шеляпин Николай Викторович,
кандидат социологических наук, проректор
Европейского института «ЮСТО», nikol-
pr@mail.ru

Данная статья написана на основании фокус-группового исследования российской субкультурной группы ритмологов по проблематике отношения представителей данного сообщества к институту семьи и брака. В ходе фокус-группы была выявлена специфика трансформации понимания и оценки семейно-брачных отношений в среде данной субкультурной группы в результате бурных социально-экономических, политических и культурных процессов, происходящих в российской социальной системе последние три десятилетия.

Ключевые понятия: семья, брак, ритмология, SPOD-мир, VUCA-мир, VUCA-ответ, VUCA-ответ, agile-метод.

Для понимания специфики жизнедеятельности современных российских социальных слоёв, социальных групп и сообществ, а также для понимания их жизнедеятельности, необходимо комплексное и всестороннее изучение семейно-брачных отношений, существующих внутри настоящих социальных общностей. Современное российское общество характеризуется дифференциацией и атомизацией. Для каждого нового социального слоя, группы или страты становятся предпочтительнее собственные семейно-брачные модели. Российские граждане формируют свои представления о браке и семье, во многом исходя из своего реального социального статуса и своих экономических возможностей. В недавнем прошлом советская социальная система в целом и семья, как социальный институт в частности, были вполне устойчивыми и предсказуемыми образованиями. В связи с этим, многие установки, ценности и стереотипы советской семьи «эпохи заката СССР» до сих пор значимы для современных российских граждан. Таким образом, для современной российской социологической науки в настоящее время особо актуальны комплексные исследования семейно-брачных отношений, существующих в рамках современных российских социальных групп и иных сообществ с учётом анализа и осмысления традиций прошлого.

С точки зрения современной американской социологии и психологии управления, хорошо известные и изученные организации и институты получили

название SPOD-мир. Настоящая аббревиатура состоит из четырёх английских слов: steady (устойчивый), predictable (предсказуемый), ordinary (простой), definite (определенный). [1.]. На смену хорошо знакомому и понятному SPOD-миру советской эпохи, в начале 1990-х годов пришла сложная и во многом неизвестная по сей день постсоветская реальность, которая, в современной социологии часто определяется, как VUCA-мир. Термин «VUCA» – это также аббревиатура английских слов volatility (нестабильность), uncertainty (неопределенность), complexity (сложность) и ambiguity (неоднозначность). VUCA-мир – это новый и неизведанный мир, в котором задачи прогнозирования трудно реализуемы. Ярким примером подобного VUCA-мира выступает как вся современная российская социальная система, так и отдельно взятые социальные институты. В сложном дифференцированном и нестабильном российском обществе ещё недостаточно хорошо изучены реально существующие семейно-брачные отношения. Довольно сложно говорить о прогнозах в области трансформации семьи как социального института и как малой группы. В нынешних условиях особо актуально, с точки зрения социальной науки, изучение тех социальных общностей, которые уже сформировали или пытаются сформировать новые семейно-брачные идеологии и новые модели семейно-брачных отношений. [2.]. Иными словами, в сложившейся социальной действительности спросом будет пользоваться та семейно-брачная идеология, которая будет в состоянии предложить ответ «VUCA-вызов» т. е. дать обществу так называемый «VUCA-ответ». «VUCA-ответ» включает в себя следующие параметры: vision (видение), understanding (понимание), clarity (ясность), agility (подвижность, мобильность, динамичность, сообразительность, маневренность) [3.].

Не случайно, гибкая методология и методика по разработке эффективных

решений получила название agile-методов. В связи с вышесказанным, определённый научный интерес вызывает российская современная субкультурная группа ритмологов и предложенная ей семейно-брачная идеология, которая предлагает общественности собственные agile-методы. В условиях потенциального идейного и духовного кризиса в бывшем СССР в конце 1980-х в начале 1990-х годов, автор концепции "ритмология" советский астроном-геодезист Евдокия Дмитриевна Лучезарнова (Марченко) сформулировала мысль о необходимости создания ценностных ориентиров для раскрытия человеческого потенциала, в условиях новых социально-экономических, культурных и политических вызовов. Новая идейная доктрина должна быть выстроена с учётом необходимости приобретения индивидами актуальных знаний для полноценной общественной жизни и удовлетворения широкого комплекса потребностей современного человека. [4. с. 64-72.]. В сложившихся общественных условиях по-новому был сформулирован вопрос о роли и месте фактора времени в различных сферах человеческой жизнедеятельности. Е.Д. Лучезарнова, утверждая, что время-объективная реальность, которую можно трансформировать и корректировать различными способами, предложила новый оригинальный способ познания этой субстанции: «Человек пользуется временем, живет во времени, живет за счет времени, мозг человека постоянно хронометрирует время. Время – субстанция надмыслия. Через определенный звукобуквенный ряд время можно перевести в пространство, в информацию, в энергию. Время хранится в изысканной речи, хранится в информозонах, в которых собраны слова. Человек способен думать за счет времени, переводить через язык свои мысли, передавать через слова время другим людям.» [5. 632 с.]. Е.Д. Лучезарнова пришла к выводу, что хранилищем времени являются особые фонетические звукобуквенные и словес-

ные гармоничные конструкты, называемые ритмами. Люди, живущие и работающие во времени, согласно ритмологии, сами способны создать событие на уровне сознания, а затем должны встретить это событие в реальном мире. В контексте указанной теории основным понятием является ритм. Ритм, по мнению Лучезарновой, представляет собой «свёрнутую» сущность любого события от общества в целом до отдельного человека. Следовательно, данная концепция может быть применима как один из возможных подходов к осмыслению развития любого явления, например, для изучения вопросов семьи и брака. Ритмологию правомерно определить как социальное оптимистическое учение, предлагающее пути преодоления кризисных явлений в общественной психологии и в общественной жизни. В рамках ритмологии уделяется достаточное внимание изучению семейно-брачных отношений и формированию новой семейно-брачной идеологии. [6.]. В настоящее время группа ритмологов активно исследуется в контексте различных социогуманитарных наук. Так, С.Д. Мезенцев в своей работе «Трактовка времени как субстанции в космологии Н.А. Козырева и ритмологии Е.Д. Марченко» рассматривает ритмологию как философскую концепцию, которая продолжает традиции русского космизма [7.]. Н. С. Радевская обосновывает актуальность идей и социальных технологий ритмологии для педагогики взрослых [8.]. И.К. Москвина анализирует с точки зрения культурологии язык и художественные образы в книгах основательницы ритмологии Е. Д. Марченко. [9.]. В свою очередь, социальная структура группы ритмологов, её ценностные ориентиры и специфика социального поведения были достаточно подробно изучены в рамках комплексных социологических исследований, проведённых О. В. Алимовой и Н. Т. Цимакуридзе в течении 2016- 2018 годов. [10. 104 с.]. Указанные социологические исследования были также использованы в моно-

графии Н. В. Шеляпина «Новые ценностные и духовные ориентиры в современных российских идеологических процессах (на примере концепции «ритмология»». В настоящей работе группа ритмологов определяется как современная российская субкультурная группа со своей оригинальной идеологией, сформировавшаяся в условиях постсоветской социальной дифференциации. [11. 244 с.]. В вышеуказанных трудах [10,11] делается попытка исследовать проблему отношения представителей группы ритмологов к институту брака и семьи, а также проанализировать семейно-брачную идеологию, формирующуюся внутри данной группы. Изучение и анализ семейно-брачной идеологии группы ритмологов в частности особо актуальны для описания и понимания специфики отношений к семье и к браку, существующих в современном многоуровневом и дифференцированном российском социуме в целом. Концепция ритмологии начала формироваться ещё 1980-е годы. В этот период Евдокия Дмитриевна Лучезарнова (Марченко), длительное время работала в Миасском СКБ-385 («Специальное Конструкторское Бюро по ракетам дальнего действия»). Годы заката СССР ознаменовались изменением сознания граждан, это безусловно касалось и работников советского военно-промышленного комплекса (ВПК), которые, будучи инженерами, техниками, рабочими и военнослужащими, вместе с членами своих семей составляли особую социальную группу. Сотрудники ВПК обладали высоким уровнем квалификации, но получали невысокие зарплаты, их уровень жизни характеризовался многими лишениями и запретами. Особенно остро ощущали социальные проблемы представительницы женского пола, работавшие в данной системе. В сознании представителей этой группы, относящихся к советской интеллигенции, стихийно формировались поведенческие установки, направленные на повышение своего социального ста-

туса и улучшения финансового благополучия.[12. с. 140-141]. Иными словами, у сотрудников советского ВПК, в особенности у специалистов женского пола, наблюдался процесс отчуждения, описанный ещё Карлом Марксом. Отчуждение(*Entfremdung*) - это социальный процесс, или ситуация, когда человек перестаёт воспринимать собственную деятельность и ее результаты в качестве таковых, а рассматривает их как нечто чуждое и довлеющее над ним. Во время интервью журналистке Ольге Казберовой 13. 03. 2013 года в программе «Женские откровения» на украинском телеканале МАХХI TV Е.Д. Лучезарнова рассказала, что во время работы в Конструкторском бюро, при формальном равенстве мужчины и женщины в СССР, за одну и ту же выполненную работу, сотрудник мужского пола получал более высокую зарплату, чем сотрудник женского пола. [13.]. Возможно, под влиянием несправедливого отношения к представительницам женского пола в советском обществе, Лучезарнова отказывается от принятого в советской идеологии принципа формального равенства полов. Автор ритмологии утверждает, что мужчины и женщины- это «две разные цивилизации», а семейно-брачные отношения между мужчиной и женщиной должны выстраиваться так, чтобы оба партнёра получили реальную возможность саморазвития. По замечанию Лучезарновой: «Мужчины считали своим правом говорить о времени. У мужчин была наука, религия. Женщины были в некоей капсуле, они не могли самовыражаться...» Новая мировоззренческая система, созданная Лучезарновой, актуальна для XXI века, даёт толчок для всестороннего развития человеческой личности, гармонизации общественных отношений, в частности в области семейно-брачных отношений, и способствует становлению особого женского мироощущения, направленного на приобретение новых знаний и новые достижения общечеловеческой цивилизации. [14]. Некоторые идеи Лучезарновой со-

держат феминистические черты, объясняющие исторические причины неравенства мужчины и женщины, а также особенности мужского доминирования в обществе в прошлом и в настоящем: «На планете Земля оказались две взаимоисключающие цивилизации...Они поделили между собой разум человеческий. Центр человеческого разума захватили мужчины, окраины человеческого разума взяли себе женщины. Полное непонимание царит между двумя цивилизациями. [15. с. 92-93]. Характеризуя гендерные отношения, как отношения «между двумя разными цивилизациями», Е.Д. Лучезарнова своих работах описывает их социальные, экономические и культурные особенности. По Лучезарновой, для того, чтобы сформироваться в качестве всесторонне развитой, социально активной и успешной личности XXI века любой человек должен научиться мыслить и действовать на практике, опираясь на закономерности и стереотипы поведения, свойственные для обоих полов. Следовательно, необходимо изучить специфику мужского и женского мышления. Е.Д. Лучезарнова даёт следующую рекомендацию своим читателям: «..Надо, чтобы вы владели и мужскими, и женскими энергиями. И также вы могли работать со своим мозгом, делая этот мозг, то мужским, то женским.» [16. с. 103]. В социальном, политическом, экономическом и культурном контексте, по мнению Е.Д. Лучезарновой, мужчина должен осознано трансформировать своё поведение и воздерживаться от использования силового ресурса и перманентной агрессии в общественной жизни, прежде всего в семейно-брачных отношениях и в отношениях с противоположным полом вообще: «..Мужчины вовлекают в гонку вооружений огромные потенциалы. Они взрывают свои ракеты, они взрывают всё, что их окружает...Когда мужчина направляет взгляд вверх, он вынужден пройти через женщину..У него просто нет другого пути, нет другого выхода. Так мужчина пытается себя примерить к женщине и

пытается себя сделать более женственным.» [17. с. 159-160]. Е.Д.Лучезарнова говорит о необходимости коррекции в современном мире многих гендерных ролей и гендерных стереотипов, но, при этом, выступает против феминизации мужчин и подчёркивает, что специфические особенности типично мужского и типично женского поведения являются неотъемлемыми чертами половой самоидентификации. Для ритмологии не свойственен радикальный феминизм. Так, Лучезарнова подчёркивает, что многие сферы общественной жизни, как и многие социальные институты, будут оставаться в области мужской гегемонии: «Религия-это чисто мужское философское мировоззренческое образование. Не может быть ни женских сообществ, ни женских дум, ни женских государств. Потому что каждая женщина неповторима». [18. с. 158-163]. Как было отмечено выше, концепция ритмологии в современном мире предлагает свой оригинальный «VUCA-ответ» на существующий на сегодняшний день «VUCA-вызов» в области трансформации гендерных и семейно-брачных отношений в условиях глобализма. «VUCA-ответ», как уже отмечалось, включает в себя четыре следующих параметров: 1. vision (видение)- собственные исследования, наблюдения и аналитические материалы, подтверждающие общемировую тенденцию трансформации семейно-брачных отношений и гендерных ролей, которая актуальна и для современной России; 2. understanding (понимание)- понимание того, что многие социальные группы нуждаются в новых идеологиях семейно-брачных отношений; 3. clarity (ясность)- предложение социальным группам новой семейно-брачной идеологии, вытекающей из концепции ритмологии; 4. agility (подвижность, мобильность, динамичность, сообразительность, маневренность)- практическое применение идейных и технологических наработок, существующих в ритмологии, предполагает *не полный* от-каз от самого принципа разделения социальных статусов, ролей и установок

поведения по гендерному принципу, а *трансформацию* гендерных ориентиров, согласно вызовам времени и личным интересам каждого индивида.

Тезисы о смене гендерных стереотипов подтверждаются множеством социологических исследований, проведённых за последние два десятилетия в странах Европейского Союза, бывшего СССР и в современной России. Так, например, многие современные мужчины готовы отказаться от традиционной роли главы семьи и кормильца и взять на себя роль воспитателя детей и домохозяйки, чтобы помочь жене сделать профессиональную карьеру на благо семьи. Так же социологические исследования подтверждают, что профессиональная деятельность в разных сферах всё меньше и меньше определяется половой принадлежностью, поэтому многие прежние гендерные образцы и стереотипы уже ушли в прошлое. [19.- с. 155-172].

Исследование специфики семейно-брачных отношений в современной российской субкультурной группе ритмологов имеет большое научное и практическое значение не только с точки зрения важности изучения данного общества в контексте существующей российской социальной системы, но и с точки зрения целесообразности выработки рациональных предложений для формулировки новых семейно-брачных идеологий, которые будут востребованы рядом социальных групп, выкристаллизовавшихся за последние годы. Для практического исследования специфики семейно-брачных отношений в современной российской субкультурной группе ритмологов был выбран метод фокус-групп. На сегодняшний день фокус-группа является самым распространённым качественным социологическим методом исследования социальной общности и сбора социальной информации. Фокус-группы нацелены на выявление спектра мнений представителей некоего сообщества по изучаемой проблеме, поиск объяснения поведения представителей указанной группы в тех

или иных ситуациях. Эффективность использования метода фокус-групп в целом определяется тем, что большинство людей ощущает себя комфортно при вовлечении в дискуссию как часть группы. На наш взгляд, именно фокус-группа даёт возможность для получения углубленной информации, чем при индивидуальных интервью или анкетировании. Одновременно групповая динамика в процессе проведения фокус-группы предоставляет возможность определить значимость такого явления, как групповое влияние внутри данного сообщества.

8 февраля 2020 года в Санкт-Петербурге была проведено фокус-групповое исследование, направленное на выявление специфических представлений о семейно-брачных отношениях в современной российской субкультурной группе ритмологов. В настоящем исследовании приняли участие 12 человек, которые уже несколько лет занимаются ритмологическим методом. Все люди, принявшие участие в данной фокус-группе, имеют высшее образование и постоянно проживают в Санкт-Петербурге (в крупном мегаполисе). Самому старшему участнику 67 лет, а самому младшему - 32 года. 11 участников имели реальный опыт семейной жизни, из них 5 в настоящий момент находятся в официальном браке, а 6 разведены. Один из участников данной фокус-группы никогда не состоял в браке. Четверо участников на данный момент не имеют своих детей. Двое из участников являются «потомственными ритмологами» т. к. начали заниматься ритмометодом в детстве. Один из них имеет самый большой стаж занятия ритмологией - 26 лет (он начал заниматься данным методом в 9 лет). У лиц, занявшихся ритмометодом во взрослом возрасте, самый долгий опыт равняется 26 годам и, наоборот, самый короткий срок занятия ритмометодом составляет 3 года.

Исходная проблематика: в настоящий момент, несмотря на ряд научных исследований по указанной тематике,

специфика семейно-брачных отношений, существующая в современной российской субкультурной группе ритмологов ещё недостаточно полно изучена. Исходя из этого, необходимо более глубокое и подробное изучение семейно-брачной идеологии, которая сформировалась в контексте системного и многоуровневого ритмологического мировоззрения. Поскольку семейно-брачная идеология ритмологов является одной из семейно-брачных идеологий, циркулирующих в современном российском дифференцированном и плюралистическом обществе, то изучение мировоззренческих установок данной группы в частности будет способствовать выявлению широкого набора мировоззренческих установок, имеющихся в российской социальной системе в целом. Следует отметить, что в настоящее время в некоторых источниках информации распространяются всевозможные мифы о самой концепции ритмологии и её отношении к институту семьи и брака. Поэтому фокус-группа должна способствовать выявлению реальных идейных и поведенческих установок ритмологов в области семейно-брачных отношений.

Цель фокус-группы: изучить при помощи социологического метода фокус-групп специфику понимания и отношения к институту брака и семьи в среде представителей российского субкультурного сообщества ритмологов.

Задачи фокус-группы:

1. Определить, какой вид брака популярен среди представителей российского субкультурного сообщества ритмологов.

2. Исследовать специфические черты семейно-брачной идеологии российского субкультурного сообщества ритмологов.

3. Изучить комплекс социально-экономических, психологических, педагогических и культурных факторов, определивших специфику отношения представителей российского субкультурного сообщества ритмологов к вопросам брака и семьи

4. Проанализировать процесс трансформации представлений о браке и семье среди участников фокус-группы после того, как они стали изучать ритмологическую концепцию

Фокус -групповое исследование представляет собой обсуждение участниками (при помощи модератора) вопросов, касающихся отношения участников к актуальным проблемам семейно-брачных отношений.

Участникам фокус-группы предлагается обсудить семь тематических блоков, связанных с проблематикой брака и семьи. Каждый блок символизирует какой-то жизненный этап. Первый блок переносит участников в годы детства, когда формируются основные принципы понимания смысла семейно-брачных отношений, формируются устойчивые ценности и стереотипы семейной жизни. В ходе исследования мы стараемся выяснить основную информацию о родительских семьях участников фокус-группы, выявляем особенности социализации каждого участника и пытаемся понять, как его детский опыт повлиял на его поведение в сфере семейно-брачных отношений. Второй блок исследования предлагает участникам для обсуждения и анализа совершенно три разных проблемных полемических высказывания (афоризма) о браке и семье. Эти афоризмы призваны спровоцировать участников на определённую откровенность и эмоционально окрашенные ответы. Третий блок предлагает испытуемым сформулировать своё отношение к семейно-брачным отношениям с точки зрения достаточно зрелого человека. Участники определяют своё отношение к самому понятию «брак» и его возможным видам. Также высказывают свою гражданскую позицию по вопросу внесения в Конституцию России поправки о том, что браком признаётся исключительно союз между мужчиной и женщиной. Четвертый и пятые блоки также призывают подумать над рядом важных вопросов, исходя из жизненного опыта и имеющейся в более старшем

возрасте более развитой системы духовных ценностей. Шестой блок призван раскрыть роль и место ритмологического метода в построении личных семейно-брачных отношений участников группы и оценки института брака семьи с точки зрения ритмологии. Седьмой блок (футурологический) ориентирует участников на будущее и своё видение перспектив развития собственных семейно-брачных отношений. Таким образом, мы попытались рассмотреть динамику отношений к вопросам семьи и брака у участников фокус-группы, с учётом попытки выявить скрытые (латентные) мотивы их взглядов на данную проблематику.

Исходные гипотезы исследования и их проверка с примерами интересных суждений участников фокус-группы по указанной проблематике.:

Исходная гипотеза 1. Большинство представителей российского субкультурного сообщества ритмологов с юности считают классический (официальный) брак наиболее правильным и приемлемым для себя, но, при этом, в современных социальных реалиях такой брак очень сложно создать и сохранить, поэтому современные люди вынуждены выбирать более гибкие и более реалистичные виды брачных отношений. **Подтвердилась частично.** «Брак и семья-это основа основ, совмещения всех противоположностей из которой появляется любовь и рождаются дети. Это главное на планете Земля...» (Е., 50 лет, биотехнолог-микробиолог, в настоящий момент в разводе, имеет двух детей (дочь и сын), занимается ритмологией 12 лет).

«Если люди хотят жить друг с другом, не оформляя брак, пусть живут, но настоящая семья не может быть вне брака. Современному человеку брак даёт защищённость и поддержку...29 лет уже в браке и ещё столько же». (Г., 59 лет, инженер, женат. двое детей (дочь и сын) занимается ритмологией 8 лет). «Гражданский брак-это нормально, сегодня бывает, что человек взял кредиты

или долги, а другой должен за него выплачивать.. Мне обещали, что мы будем жить при коммунизме, но мечты все рухнули и мы живём при диком капитализме. Поэтому теперь гражданский брак остаётся комфортным видом современного существования партнёров.» (Ю., 52 года, интернет-маркетолог, состоит в браке занимается ритмологией 24 года). Описанная в данной исходной гипотезе социальная амбивалентность может быть обусловлена следующими причинами:

а) Наличие с детского возраста социальной установки, ориентирующей на классический (официальный) брак и создание крепкой семьи. Причина частично подтверждается. «Я с детства был убеждён, что семья должна быть полной, большой и многодетной..(Г., 59 лет, инженер, женат, двое детей (дочь и сын) занимается ритмологией 8 лет). «Меня в детстве учили, что счастливый брак-это, как градообразующее предприятие, на нем можно строить что-то дальше..» (А., 35 лет, математик, в разводе, имеет одного ребёнка, занимается ритмологией 26 лет, потомственный ритмолог) б) *Наблюдаемая с детского возраста, существующая в советском обществе социальная аномия, проявляющаяся в несоответствии между требуемой установкой на создание и поддержание классических семейно-брачных отношений и отсутствием данных отношений в действительности. Причина частично подтверждается.* «Когда мне был один годик семья распалась. Мама выгнала папу...» (Г., 59 лет, инженер, женат, двое детей (дочь и сын), занимается ритмологией 8 лет). «Я в детстве как Золушка выполняла домашнюю работу. Отношения между родителями были сложными, папа выпивал. Из семьи сбежала в 17 лет..» (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет).в) *Наличие негативного опыта создания классического (официального) брака и*

сохранению семьи из-за наличия негативных экономических, социально-психологических и культурологических факторов у участников фокус-группы или их родителей. Причина частично подтверждается. «На меня всегда влиял негативный семейный опыт собственного детства. Однажды я вступила в брак по договорённости на определённый срок, но это дало мало хороших результатов». (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет)

Исходная гипотеза 2. Члены российского субкультурного сообщества ритмологов прежде всего ориентированы на всестороннее развитие личности и личностный рост, поэтому ценность брака и семьи во многом является производной от ценности саморазвития. **Подтвердилась частично.** «Надо развивать себя, ничем не жертвуя..» (Е., 53 года, врач, замужем, двое детей, занимается ритмологией 18 лет). «Браком можно пожертвовать, а семья очень большая ценность. Но выше неё выступает ценность самого себя» (И., 53 года, врач, разведена, двое детей, занимается ритмологией 2 года). «Жизнь многомерна, есть много ценностей, в жизни всё важно, не стоит выделять что-то одно..» (М., 44 года, юрист, разведён, имеет одного ребёнка, дважды состоял в официальном браке, занимается ритмологией 9 лет). Настоящая тестируемая гипотеза основывается на следующих социальных установках представителей сообщества: а) **Брак должен прежде всего приносить радость и удовольствие человеку. Данный тезис полностью подтвердился в ходе исследования.** «Я рад, что брак приносит мне счастье и радость. Это самое важное..» (Ю., 52 года, интернет-маркетолог, состоит в браке занимается ритмологией 24 года). б) **Вступая в брак, индивид прежде заботится о собственном всестороннем развитии. Данный тезис полностью подтвердился в ходе исследования.** «Для меня главное-разумность и сознательность...Но

всё равно всё это должны вести человека к браку.. У меня есть партнёр, он помогает мне быть более самостоятельной, способствует моему саморазвитию...» (Е., 50 лет, биотехнолог-микробиолог, в настоящий момент в разводе, имеет двух детей (дочь и сын), занимается ритмологией 12 лет). «Счастливый брак очень важен, но в жизни много сторон, самое главное, чтобы брак помогал достичь намеченных целей»..(В., 32 года, коммерческий директор, женат, детей нет, занимается ритмологией 18 лет с перерывом, потомственный ритмолог).

в) *Под браком понимается добровольный и свободный союз между мужчиной и женщиной, который в условиях современной социальной реальности, не обязательно должен быть оформлен официально. Данный тезис полностью подтвердился в ходе исследования.* «Для меня брак-когда ты приходишь домой и есть близкий тебе человек противоположного пола и он тебе принимает такой, какая ты есть, и наоборот. Брак-это дом твоей жизни». (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет). «К гражданскому браку отношусь хорошо, как к способу тестирования своего партнера на будущую совместную жизнь, чтобы будущий брак был бы крепким. Но браком это тоже не стоит называть, следует назвать сожительством». (В., 32 года, коммерческий директор, женат, детей нет, занимается ритмологией 18 лет с перерывом, потомственный ритмолог). г) *Представители сообщества ритмологов понимают под браком союз мужчины и женщины и не считают браком отношения между представителями одного пола т. к., по их убеждению такой, союз между мужчиной и женщиной не только естественен по своей природе, но и способствует в полной мере раскрытию способностей обоих супругов. Данный тезис полностью подтвердился в ходе исследования.* «Я

за то, чтобы в Конституции было записано, что брак-это союз между мужчиной и женщиной. Гей-отношения направлены на вырождение, если посмотреть в перспективе. Если будут заключаться такие браки, то жизнь на Земле вскоре прекратится. Я за официальный брак. Иначе женщина многое теряет в правовом поле». (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет). «Я человек традиционный, но понимаю, что свободу надо давать всем. Есть разные люди с разными медицинскими параметрами, если они есть, то пусть живут вместе. Не стоит ограничивать их на уровне Конституции..» (Ю., 52 года, интернет-маркетолог, состоит в браке занимается ритмологией 24 года). «Я согласен с поправкой в Конституции, что брак должен быть союзом между мужчиной и женщиной.. Однополые «браки» призваны разрушить институт семьи, внедрив туда инородный элемент. Надо прописать это по-другому: соительство между партнерами и на основании этого прописать все законы, а браком это не стоит называть». (В., 32 года, коммерческий директор, женат, детей нет, занимается ритмологией 18 лет с перерывом, потомственный ритмолог).

Исходная гипотеза 3. Представления о браке и семье, существующие внутри в российского субкультурного сообщества ритмологов (групповая семейно-брачная идеология), сформировались под воздействием ряда социальных факторов: а) *Последовательное воспитание будущих членов российского субкультурного сообщества ритмологов в детстве осуществлялось в духе строгой приверженности советской идеологии. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.* «Я девочка очень правильная у меня было по жизни много разных правил..У меня было этих масок, моими настольными книгами были «Молодая гвардия» и другие.. Олег Кошевой, Наталья Ростова на меня слишком

сильно влияли...» (Е., 50 лет, биотехнолог-микробиолог, в настоящий момент в разводе, имеет двух детей (дочь и сын), занимается ритмологией 12 лет). «У меня было типичное счастливое советское детство. О семье и браке у меня были такие же представления, которые были приняты в Советском Союзе»..(Ю., 52 года, интернет-маркетолог, состоит в браке занимается ритмологией 24 года).

б) *Будущие члены российского субкультурного сообщества ритмологов в течении длительного периода жизни рассматривали институт семьи и брака, как социальную обязанность гражданина в контексте советской идеологии. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.* «Я более архаичный человек и с самого детства считаю, что брак должен быть официальным.» (Г., 59 лет, инженер, женат. двое детей (дочь и сын) занимается ритмологией 8 лет). в) *У большинства представителей российского субкультурного сообщества ритмологов с детских лет и по сей день существует потребность в авторитетном лидере и в авторитетных идеях, которые либо предлагают идейные ориентиры для социального поведения, либо формулируют теории, оправдывающее те или иные социально значимые поступки индивидов.*

Настоящий тезис в большей степени подтвердился. «В детстве в СССР было всё понятно..обещали, что все будем жить при коммунизме, но этого не произошло, сейчас хочется кому-то верить, но это стало сложно...» (Ю., 52 года, интернет-маркетолог, состоит в браке занимается ритмологией 24 года). «Я прислушивался к словам и советам моей мамы.. Её советы до сих пор оказывают влияние на мои поступки» (Г., 59 лет, инженер, женат. двое детей (дочь и сын) занимается ритмологией 8 лет). г) *Крушение советской мировоззренческой системы в условиях тяжёлой и тревожной социально-экономической ситуации для многих представителей указанного сообще-*

ства стало личным идейным и нравственно-ценностным кризисом, потерей жизненных целей и ориентиров, что привело к ощущению духовного вакуума, которое длилось в течении нескольких лет. Настоящий тезис в большей степени подтвердился. «В советское время было построение гармоничной всесторонней развитой личности, сейчас всё товар. Секс и гражданский брак, социальные сети-всё это товар. Сегодня этот товар устраивает, завтра нет.» (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет). «Распад СССР негативно повлиял на брак и семью. В «лихие» 90-е годы число проблем возросло.. Материальные проблемы, расширение социальных сетей, появилась возможность знакомиться на стороне..» (Г., 59 лет, инженер, женат. двое детей (дочь и сын) занимается ритмологией 8 лет). д) *Концепция ритмологии для данной группы людей выступила в качестве мировоззренческого основания, в частности в процессе свободного выбора индивидами модели семейно-брачных отношений. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.*

«Психология даёт возможность анализа и констатации фактов, но не говорит, что надо делать, а ритмология даёт ответы. Считаю, что книги по ритмологии живые.» (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет).

«Ритмология помогает найти взаимопонимание с другим человеком. Если есть взаимопонимание, то люди вступят в брак, создадут семью и такая семья сохранится во всех перипетиях. Не скажу, что ритмология однозначно укрепляет семью, на практике часто происходит обратное, потому что люди становятся более самостоятельными и свободными. Когда человек начинает думать, то начинает лучше понимать происходящее. Например, если один член семьи пойдёт воровать, то другой

член семьи, который занимается ритмологией, вряд ли будет помогать своему родственнику совершить преступление». (В., 32 года, коммерческий директор, женат, детей нет, занимается ритмологией 18 лет с перерывом, потомственный ритмолог). **Исходная гипотеза 4.** После того, как члены данной группы стали активно изучать ритмологию, у них произошли кардинальные изменения взглядов по вопросу понимания и специфики оценки семейно-брачных отношений. **Гипотеза подтвердилась.** «Я пришла к себе при помощи ритмологии, стала ощущать радость жизни, появилась гармония внутри, гармония с собой, чего не было раньше в семье.. Раньше я жила исключительно мужем и детьми, сейчас у меня есть какие-то личные «зацепочки», я приподнялась над этой ситуацией и чувствую себя более гармонично..» (И., 53 года, врач, разведена, двое детей, занимается ритмологией 2 года). «После того как я пришёл в ритмологию у меня появилось ощущение, что я иду по своему пути, занимаюсь тем, что мне нужно. Я стал понимать, что, если этого человека не должно быть в моей жизни или этот человек ушёл именно тогда, то это только плюс». (М., 44 года, юрист, разведён, имеет одного ребёнка, дважды состоял в официальном браке, занимается ритмологией 9 лет).

«Ритмология даёт понимание и самоуважение. Разумность и самостоятельность в хорошем смысле возрастают. Возрастает и уважение от самостоятельности партнёров. Если идут какие-то деструктивные действия, то не стоит за них держаться.. Поэтому метод даёт гармонизацию отношений, но не укрепление брака..». (М., 54 года, психолог-консультант, замужем, один ребёнок (сын), занимается ритмологией 23 года.)»

Суть этих изменений кратко можно изложить в следующих тезисах:

а) *Отход от понимания классического брака в качестве социальной обязанности индивида («единственно правильного брачного союза»).*

Формирование толерантного отношения в различных видах брака и семьи. Настоящий тезис в большей степени подтвердился. Можно быть счастливым и в браке и вне брака. Счастье более многогранное, чем брак. Я не про себя говорю, а в целом. Люди разные..» (Е., 53 года, врач, замужем, двое детей, занимается ритмологией 18 лет). «Гармония должна быть внутри, тогда можно ощущать эту гармонию снаружи и это не зависит от того в браке ты или нет»...(И., 53 года, врач, разведена, двое детей, занимается ритмологией 2 года).

б) *Сохранение предпочтения классического брака, но при возможной его замене в случае рациональной необходимости иными видами семейно-брачных отношений. Отказ от обязательности вступления в брак, деторождения и воспитания детей. Иными словами, отход от понимания брака, как социального института с набором основополагающих социальных функций. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.* «Счастливый союз между мужчиной и женщиной для меня очень важен. Но это не единственное, главное- знать самого себя, своё предназначение, откуда ты пришёл, зачем..т. е. жить во всей полноте с этим миром, тогда это счастье.» (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет). «Я считаю, что официальный брак нужен только для рождения детей.. Если пара пока не собирается иметь детей, то это не обязательно.. Брак даёт гарантии детям, будущим поколениям, если семья захочет распасться.. В таком случае мужчина будет иметь обязательства перед детьми». (А., 35 лет, математик, в разводе, имеет одного ребёнка, занимается ритмологией 26 лет, потомственный ритмолог). «В детстве у меня был стереотип того, что брак должен быть официальным. Сейчас такого нет. Я, например, приемлю и гражданский брак...». (А., 35 лет, математик, в раз-

воде, имеет одного ребёнка, занимается ритмологией 26 лет, потомственный ритмолог).

в) *Понимания брака, как свободного союза комплементарных разнополых личностей, обеспечивающего эмоциональный комфорт супругов и способствующего развитию каждого партнёра. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.* «Брак должен быть между понимающими друг друга мужчиной и женщиной. Такой брак даёт защищённость, комфорт и уют». (Е., 53 года, врач, замужем, двое детей, занимается ритмологией 18 лет). «Сейчас хочу найти того, который хочет принять меня и моих детей. Я знаю, что такой человек найдётся. Для меня важно, чтобы мой супруг мог бы помочь моему развитию, а я смогла бы быть по-настоящему интересна и полезна ему.. Вот тогда у нас будут серьёзные и крепкие отношения». (Е., 53 года, врач, замужем, двое детей, занимается ритмологией 18 лет).

г) *Чёткое следование идеям и рекомендациям основательницы концепции ритмология Е. Д. Лучезарновой. Данное предположение не подтвердилось.* Участники группы ритмологов, как правило, интерпретируют идеи и рекомендации основательницы ритмология Е. Д. Лучезарновой, исходя из собственных ценностей и личного опыта. Не воспринимая ритмологию, как догму, члены данного сообщества стараются при помощи указанной методики выстроить ориентиры для своей жизнедеятельности или «морально оправдать» собственные поступки. «Ценности и понимания семьи у меня сохранились прежние, но ритмология даёт много методик. Хорошо, когда этим занимаются муж и жена-это помогает улучшить отношения..(Е., 53 года, врач, замужем, двое детей, занимается ритмологией 18 лет). «За время увлечением ритмологией я очень выросла, я стала свободной. У меня сейчас нет семьи, но я стала знать себя. У меня есть партнёр, он помогает мне быть более самодостаточной, способствует моему саморазвитию.. Я за брак. Я хочу придти

к новому браку.» (Е., 50 лет, биотехнолог-микробиолог, в настоящий момент в разводе, имеет двух детей (дочь и сын), занимается ритмологией 12 лет). «За эти годы я до конца не понял, что такое ритмология. Я узнал о ритмологии в 2013 году, занимаюсь ей 3 года, но лично мне до конца не ясно, что это такое? Особая методика, позволяющая корректировать свою жизнь? Или это некая вселенская философская миссия?.. А, может быть, ритмология - это просто обычная методика, которая помогает в определённых ситуациях? Сейчас мне становится ближе третье понимание..» (В., 48 лет, дизайнер, холост, не имеет детей, занимается ритмологией 3 года). «Занимаясь ритмологией я начал ощущать себя более свободным. Не могу сказать, что точно буду заниматься ритмологией и в дальнейшем. Это зависит от многих факторов..» (М., 44 года, юрист, разведён, имеет одного ребёнка, дважды состоял в официальном браке, занимается ритмологией 9 лет).

д) *Освобождение представительниц женского пола из числа ритмологов от многих архаических мифов и стереотипов о месте и роли женщины в семье и в браке. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.* «Брак нужен, чтобы познавать мужчину, как другую цивилизацию. За союз любви и мудрости, а не за брак ради штампа в паспорте..» (Т., 58 лет, врач-гигиенист, психолог, специалист по недвижимости, не замужем, детей нет, занимается ритмологией 6 лет). е) *Отказ, как мужчин, так и женщин из числа ритмологов от многих гендерных ролей и поведенческих стереотипов, существовавших в классических семьях. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.* «У меня произошёл выход за границу «правильной девочки», которой я была в детстве. Я стала ощущать себя свободной..» (Е., 50 лет, биотехнолог-микробиолог, в настоящий момент в разводе, имеет двух детей (дочь и сын), занимается ритмологией 12 лет). «Женщина должна выстроить отношения со своим партнёром так, чтобы он знал следующее:

мужчина нужен для праздника. Тогда мужчине тоже станет страшно потерять такую женщину...». (М., 54 года, психолог-консультант, замужем, один ребёнок (сын), занимается ритмологией 23 года). «Метод ритмологии точно даёт гармонию в отношениях между мужчиной и женщиной, но не всегда укрепляет семью. Почему? Да потому, что очень часто крепкая семья — это «глупая» семья, где деспотия мужа, муж бьёт жену и детей... такую модель семьи ритмология точно не поддерживает». (В., 32 года, коммерческий директор, женат, детей нет, занимается ритмологией 18 лет с перерывом, потомственный ритмолог). ж) *Признание со стороны мужчин ритмологов особой ценности женского мышления и женского социального поведения. Сознательный и добровольный отказ мужчин-ритмологов от стереотипов доминирования и агрессивного поведения по отношению к женщине в контексте новой семейно-брачной идеологии. Настоящий тезис в большей степени подтвердился.* «В ритмологию я пришёл в 2012 году. Пришёл не сам, у меня есть *ведущая*, которая меня привела сюда и многому научила. У меня уже до этого была семья, и я продолжаю семейную жизнь, но я стал более ответственно относиться к себе, к своей семейной жизни, стал больше ценить свою жену.» (Г., 59 лет, инженер, женат, двое детей (дочь и сын) занимается ритмологией 8 лет). «Ритмологией я начал серьёзно заниматься в 2002 году, меня туда привела моя будущая жена. Я узнал то, что важно для меня. У меня изменились многие прежние представления о супружестве, о роли мужа и жены в семье. Вскоре у нас с ней начались более близкие отношения. Потом образовалась семья. Благодарен, что есть такая методика, которая позволяет получить в том числе и семейное счастье...» (Ю., 52 года, интернет-маркетолог, состоит в браке занимается ритмологией 24 года).

Выводы:

1. Результаты фокус-группового исследования по вопросу понимания специфики брака и семьи среди современ-

ного российского субкультурного сообщества ритмологов показали, что в данной социальной общности наблюдается естественный и закономерный процесс постепенного отхода от принципов и традиций классического брака и традиционной семьи, характерный для постиндустриального и информационного общества. Брак и семья постепенно утрачивают жёсткий статус социальных институтов. Семья превращается в малую слабоструктурированную социальную группу, в которой отсутствует чёткое разделение статусов и ролей между мужчиной и женщиной. Новые семьи часто не закреплены формальными юридическими актами и нередко свободны от деторождения. В такой семье в полной мере проявляется свобода поведения и раскрепощённость. На наш взгляд, важно отметить, что особенности настоящего процесса трансформации прежних семейно-брачных отношений и его объективные закономерности, которые актуальны и для исследуемой группы, были описаны ещё в работе английского социолога Э. Гидденса «Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах», изданной впервые в 1992 году. На основании многих исследований, Гидденс пришёл к выводу, что уже с середины XX века «новый брачный союз» стал миром сексуальных договорённостей, которые предполагают ответственность и интимность между партнёрами. Гидденс сравнивает такой брак с «социальным экспериментом с открытым концом», который включает в себя серию проб и ошибок. Также Гидденс считает, что интимность из закрытого и регулируемого внешними нормами института, превращается в важнейший фактор социально-экономических отношений. [20. с. 30]. 2. Несмотря на то, что в современном российском постиндустриальном обществе в целом также наблюдается естественный и закономерный процесс постепенного отхода от принципов и традиций классического брака, в общественном сознании

большинства российских граждан сохраняется образ счастливого традиционного классического брака и традиционной семьи в качестве общественного идеала, который наиболее предпочтителен и теоретически реален, но трудно достижим на практике. В связи с этим, в обществе утверждаются альтернативные виды семейно-брачных отношений, которые признаются общественностью. Российская общественность на уровне обыденного сознания гораздо более консервативна по сравнению со странами Запада. Однако, в начале XXI века и в России и на Западе идут схожие процессы трансформации прежних семейно-брачных отношений, что подтверждают многие социологические исследования по указанной проблематике.[21. с. 43-46]. Аналогичные процессы происходят и в рамках российского субкультурного сообщества ритмологов. Для большинства членов ритмологического сообщества классический брак и традиционная семья остаётся общественным идеалом, но на практике ритмологи предпочитают другие виды семейно-брачных отношений, которые более реальны для современных социально-экономических и культурных условий. В условиях, когда утрачиваются прежние ценности и стереотипы семейно-брачных отношений и размывается чёткое понимание мужских и женских ролей в семье, концепция ритмология предоставляет своим сторонникам методику по выстраиванию супружеских взаимоотношений, основанных на постоянном диалоге и коррекции межличностных отношений. 3. Представители ритмологического сообщества достаточно терпимо относятся самым различным формам семейно-брачных отношений между мужчинами и женщинами, при этом, большинство участников фокус-группы (8 из 12) поддерживают идею внесения в Конституцию РФ положение о том, что брак-это союз между мужчиной и женщиной. Один из участников исследования предложил внести в Конституции положение об официальном закреплении статуса

созительства между однополыми партнёрами, которое бы, с одной стороны, могло бы защитить права сторонников однополый любви, а, с другой стороны, защитить традиционное понимание и значение брака.

В целом, большинство представителей российской современной субкультурной группы ритмологов ориентировано на основные тенденции трансформации классических семейно-брачных отношений, которые предполагают замену их новыми типами брака и семьи. При этом, на уровне сознания у представителей данной группы сохраняются многие установки на классический брак и традиционную семью в качестве трудно достижимого социального идеала.

Литература

1. <http://becmology.ru/blog/management/vuca.htm>
2. Там же. <http://becmology.ru/blog/management/vuca.htm>
3. <https://www.b17.ru/blog/129769/>
4. Шеляпин Н.В. Формирование идеологии социальной группы в контексте идеологического процесса в постсоветской России (на примере концепции «ритмология») // Социология. 2017. № 3 с. 64-72.
5. Марченко Е. Д. Освобождение от информации. — СПб., 2001. 632 с
6. Шеляпин Н.В. «Баллада о времени (о футурологическом и философском ресурсе концепции ритмологии)» // <http://www.rim.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id=100035895>
7. С.Д. Мезенцев «Трактовка времени как субстанции в космологии Н.А. Козырева и ритмологии Е. Д. Марченко» <https://ritmologiya.wordpress.com/2016/03/10/ритмология-марченко-трактовка-время/>
8. Н.С. Радевская. Построение новых моделей образования взрослых в контексте индивидуализации и расширения пространства образования <https://psyera.ru/ns-radevskaya-postroenie-novyh-modeley-obrazovaniya>

vzroslyh-v-kontekste-individualizacii-i_10042

9. Москвина И.К. Ритмологические концепции конца XIX — начала XXI веков и ценности культуры: теоретическое и практическое наследие <https://psyera.ru/moskvina-ik-ritmologicheskie-koncepcii-konca-xix-nachala-xxi-vekov-i-cennosti-kultury-teoreticheskoe>

10. Алимova О. В., Цимакурдзе Н. Т. Опыт применения Ритмометода 7P0 Евдокии Лучезарновой. По материалам качественных и количественных исследований. Санкт-Петербург, ИД «Петрополис», 2019. — 104 с.

11. Шеляпин Н. В. Новые ценностные и духовные ориентиры в современных российских идеологических процессах (на примере концепции «ритмология»). — СПб., ИД «Петрополис», 2018. — 244 с.

12. Там же с. 140-141

13.

http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/tx_t04.htm].

14.

https://www.youtube.com/watch?time_continue=165&v=dEruFuj88ww&feature=emb_logo

15. Лучезарнова Е. Д. (Марченко). Откровенное знакомство. часть 2 М. 2013. с. 92-93

16.. Там же с. 103

17. Лучезарнова Е. Д. Размышления и афоризмы. М. 2016. с. 159-160с. 159-160

18. Там же с. 158-163

19. Бурова, С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии/ С.Н. Бурова; Белорусский государственный университет. — Минск: Право и экономика, 2010. с. 155-172.

20. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах, СПб, Питер, 2004, с. 30

21. Социология семьи. Под ред. А.И. Антонова. М., МГУ, 2005, с. 43-46

Ideas about the specifics of family and marriage relations in the russian modern subcultural group of rhythmologists

(based on the materials of a focus group study)

Shelyapin N.V.

European Institute "JUSTO"

This article is written on the basis of a focus group research of the Russian subcultural group of rhythmologists on a perspective of the relation of representatives of this community to the institution of the family and marriage. During focus group specifics of transformation of understanding and assessment of the family and marriage relations in the environment of this subcultural group as a result of the rough social and economic, political and cultural processes happening in the Russian social system the last three decades were revealed.

Key concepts: family, marriage, rhythmology, rhythmologist, SPOD world, VUCA world, VUCA answer, VUCA answer, agile-method.

References

1. <http://becmology.ru/blog/management/vuca.htm>

2. There. <http://becmology.ru/blog/management/vuca.htm>

3. <https://www.b17.ru/blog/129769/>

4. Shelyapin N. V. Formation of the ideology of a social group in the context of the ideological process in post-Soviet Russia (by the example of the concept of "rhythmology") // *Sociology*. 2017. No. 3 p. 64-72.

5. Marchenko E. D. Exemption from information. - SPb., 2001. 632 s

6. Shelyapin N.V. "The ballad of time (on the futurological and philosophical resource of the concept of rhythmology)" // <http://www.rim.inion.ru/ras/view/publication/general.html?id=100035895>

7. S.D. Mezentsev "Interpretation of time as a substance in cosmology N.A. Kozyrev and rhythmology E. D. Marchenko "https://ritmologiya.wordpress.com/2016/03/10/rhythmology-marchenko-interpretation-time/"

8. N.S. Radevskaya. The construction of new models of adult education in the context of individualization and expansion of the space of education https://psyera.ru/ns-radevskaya-postroenie-novyh-modeley-obrazovaniya-vzroslyh-v-kontekste-individualizacii-i_10042

9. Moskвина I.K. Rhythmological concepts of the late XIX - early XXI centuries and cultural values: theoretical and practical heritage <https://psyera.ru/moskvina-ik-ritmologicheskie-koncepcii-konca-xix-nachala-xxi-vekov-i-cennosti-kultury-teoreticheskoe>

10. Alimova O. V., Tsimakuridze N. T. Experience in the application of the 7P0 Rhythm

- Method by Evdokia Luchesarnova. Based on materials of qualitative and quantitative research. St. Petersburg, Publishing House "Petropolis", 2019. - 104 p.
11. Shelyapin N.V. New value and spiritual guidelines in modern Russian ideological processes (on the example of the concept of "rhythmology"). - SPb., Publishing House "Petropolis", 2018. - 244 p.
 12. Ibid. C. 140-141
 13. <http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/txt04.htm>.
 14. https://www.youtube.com/watch?time_continue=165&v=dEruFuj88ww&feature=emb_logo
 15. Luchesarnova E. D. (Marchenko). Frank acquaintance. part 2 M. 2013. 92-93
 16. .. In the same place with. 103
 17. Luchesarnova E. D. Reflections and aphorisms. M. 2016. c. 159-160c. 159-160
 18. Ibid. C. 158-163
 19. Burova, S. N. Sociology of marriage and family: history, theoretical foundations, personalities / S.N. Burov; Belarusian State University. - Minsk: Law and Economics, 2010. p. 155-172.
 20. Giddens E. Transformation of intimacy. Sexuality, love and eroticism in modern societies, St. Petersburg, Peter, 2004, p. thirty
 21. Sociology of the family. Ed. A.I. Antonova. M., Moscow State University, 2005, p. 43-46

Авенариус: содержание опыта познания

Гайдабрус Наталья Викторовна

кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин ГБОУ ВО Московской области «Технологический университет»,
n.v.gaidabrus@yandex.ru

Теория Рихарда Авенариуса (1843-1896) приступает к делу вне всяких догматов, философских систем, не избирает своим отправным пунктом какую-либо субстанцию, на отношение причины и действия смотрит только как на результат теории. Язык материала философа настолько однозначен и конкретен, что не допускает никакой двусмысленности, имея целью вытравить из него всякое образное выражение, чтобы исключить какое бы то ни было метафизико-анимистическое понятие, могущее нечаянно проскользнуть.

Главным в эмпириокритицизме Авенариуса является метод, который заключается в чистом описании данного. Если мы находим начальное понятие о мире, которое ещё совпадало с живым созерцанием и не было приведено к логической форме «понятия», то достигается важное преимущество – однозначность. Необходимо охватить всю совокупность условий, иначе закон и закономерность сделаются лишь произвольно-умозрительным понятием и будут изменяться от исследователя к исследователю.

Ключевые слова: Авенариус, познание, опыт, интроспекция, эмпириокритическая принципиальная координация, эмпириокритическая наличность.

Введение

Рихард Генрих Людвиг Авенариус (Haber mann) родился 19 ноября 1843 года в семье издателя из Лейпцига. Он получил образование по философии, филологии, физиологии. В 1868 году в работе «О первых двух фазах пантеизма Спинозы и взаимосвязи между второй и третьей фазами» Авенариус с чисто психологической точки зрения рассматривает как закономерный процесс развитие одного специального мировоззрения. В 1876 году в произведении «Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил. Prolegomena к критике чистого опыта» он поставил задачу представить основу, задачу, метод и построение всей философии как определяемые одним общим принципом. В 1888 году появился первый том «Критики чистого опыта», через два года второй том, вдвое больше первого. В них Авенариус выявляет систему жизненных изменений, прочность и устойчивость которой обеспечивается неизбежностью своих внутренних условий и последовательностью своего развития. [1, 2, 7]

По словам ученика Авенариуса Фридриха Карстаньена, его учение требовало полного отречения от общепринятого философского склада мышления, не говоря уже об усвоении чуть ли не совсем нового языка. Создание безотносительных выражений было особенно по сердцу для Авенариуса. Ему лучше было оставаться совсем непонятым, чем подвергнуться ложному истолкованию. [5, с. XIII]

Язык, которым говорит Авенариус, суров, но ему и нельзя не быть суровым, так как дело идет о том, чтобы вытравить из него всякое образное выражение с целью недопущения какого бы то ни было метафизико-анимистического

понятия, могущего проскользнуть боковым ходом. [5, с. XXXVIII]

Центр учения Авенариуса – эмпириокритический метод, который заключается в чистом описании данного. Простым описанием достигается очень важное преимущество – однозначность. Необходимо охватить всю совокупность условий, иначе закон и закономерность сделаются лишь произвольно-умозрительным понятием и будут изменяться от исследователя к исследователю.

Теория Авенариуса приступает к делу без всяких догматов, она не принимает ни сознания, ни мышления, ни восприятия; она не избирает своим отправным пунктом волю, способности, душу или же физическую субстанцию или что-либо физическое вообще; она отвергает всякое дуалистическое воззрение, но не становится и на сторону монизма, она ниспровергает идеализм при посредстве критики, но и не думает превозносить реализм; более того, она и на отношение причины и действия смотрит как на результат теории и, следовательно, считает это отношение не соответствующим значению той предпосылки, которую можно принять за отправной пункт.

Авенариус первоначально ничего не желает высказывать о сущности человека или обоих миров – бытия и мышления; он в избранном им «начале» не дает никакого принципа, а один лишь только метод. И в этом заключается большое и важное различие его приема от приема материалистов: для материализма данное исходное положение есть принцип, для Авенариуса оно – метод, метод, оправдываемый гипотетическим характером этой предпосылки. Он ничего не утверждает и ничего не отрицает; он только заявляет: мы не знаем. И последовательно руководствуясь этим методом до конца, дойдем ли мы до сознания и души, с которых нам будто бы следовало начинать, и об этом также мы не знаем. [5, с. XXVI]

В 1891 году Авенариус предает гласности работу «Человеческое понятие о мире», которое было сочинено ранее

существенной части «Критики чистого опыта». В Предисловии автора Авенариус отмечает, что его задача «сделать предмет ясным для самого себя». Его «скромные очерки» – это некоторое «побуждение». Если в «Критике чистого опыта», как пишет Авенариус, должны были отступить на задний план даже его собственная точка зрения, в «Человеческом понятии о мире» он проясняет её. [3, с. 3] В своём сочинении Авенариус исследует формирование и состав знания, которое возникает и развивается в процессе человеческой жизни и само входит в ее состав.

1. Исходная точка

В «Критике чистого опыта» Авенариусу хватило рассматривать «факты сознания», т.е. факты «опыта» и самого «познания» с точки зрения психофизиологии. Критика закончила свою задачу допущением, что человеческие понятия о мире приближаются к эмпирическому понятию. В сочинении «Философия как мышление мира сообразно с принципом наименьшей меры сил. Prolegomena к критике чистого опыта» он пытался решить задачу критики чистого опыта с «идеалистической» точки зрения, но потом пробил новый путь, который удерживала «Критика чистого опыта». Авенариус предполагает, что этот новый путь, возможно, назовут «реалистическим», однако это не его словоупотребление. Сомнение в правильности прежнего пути привело Авенариуса к непреложному усмотрению бесплодности философского теоретического идеализма, который «при известных обстоятельствах, прекрасно уживается с самым низменным практическим реализмом и материализмом». [3, с. 4]

Мышление людей сплошь и рядом обнаруживает цепкую жизнеспособность у многообразных, логически неудовлетворительных «излюбленных мнений» и «заветнейших убеждений» – не только в так называемых религиях масс, но и в философских мировоззрениях выдающихся единиц, – пишет Ри-

хард Авенариус в Прибавлении «Естественное понятие о мире и мировая загадка» своей работы «Человеческом понятии о мире», о которой дальше пойдет речь. Для него важна проверяемость понятий на биологическую состоятельность. [3, с. 62]

Итак, Авенариусу чужды теоретический идеализм, практический реализм и материализм, непосредственная данность сознания. Его исходная точка – зависимость между средой и человеческим нервным центральным органом. Но если рассматривать факты сознания с психофизиологической точки зрения, то есть как физиологическое созерцание отношения наших ощущений к раздражению и, следовательно, нашего сознания к среде, то мы придем снова к идеализму, к сознанию как непосредственному данному. Своим исследованием Авенариус хочет найти выход из замкнутого круга.

2. Суть зависимости между средой и человеческим нервным центральным органом.

Составную часть собственной среды как ценность Авенариус обозначает буквой R, ценность как содержание высказывания кого-либо из ближних – E. E и R сравнимы как, например, свои и чужие страдания. Авенариус вводит M как гостя (подобно «Ты, Другой»), тогда возникают зависимости между R, M, E, возникает система S. Если я пишу на белой бумаге, которая лежит на красной, то белая бумага мне кажется зеленоватой. То есть «я» – тот, кто пишет на белой бумаге R, белая бумага – это содержание моего ближнего E, красная бумага – это гость M, и это всё – система S. Зеленоватый оттенок – опыт. К составным частям M принадлежат люди, с которыми он живет в общении речи, Авенариус обозначает любого иного ближнего буквой T (подобно «Он»).

У моего ближнего M есть в составной части среды другой ближний – T (Он для нас). В процессе взаимодействия M и T происходит вкладывание друг в

друга (интроекция) мышления, чувствования и воли, т.е. вкладывание опыта и познания. Мы находим вещи, с одной стороны, а с другой, индивидов, воспринимающих вещь. M создает для T внутренний мир из восприятий T, которые M приписывает T (возможно, также, как мужчины создают для женщины её «загадку»). Внутренний мир T, который M в него же вложил, становится для M внешним миром T, т.е. объектом, но ведь это то, что сам M приписал T. Так распадается единство эмпирического мира по двум направлениями: на внешний мир и внутренний: на объект и субъект. А так как ещё дополняется всё аналогичными выкладками для M, то в конце концов индивид испытывает уже в себе внутренний и внешний мир – то, чего на самом деле (в естественном понятии о мире) нет. M обозначает движения (и звуки) T как его высказывания, но и вкладывает (бессознательно, невольно) в своего ближнего T восприятия наличных эмпирических вещей, найденных им самим, мышление, чувствование и волю, которые есть опыт M. И наоборот, тоже испытывает на себе и M. Соответственно, «индивид T обладает некоторым внешним миром, который T воспринимает, испытывает, познает, и некоторым внутренним миром, состоящим из его восприятий, опытов, познаний» [3, с. 23].

Составные части среды (через движение, свечение, звуки, сопротивление и т.д.) привлекаются в область интроекции, в них влагается способность воспринимать и мыслить, испытывать и познавать, чувствовать и хотеть.

Начиная с первобытного общества, T имеет вариации опыта для M – в момент присутствия T1 и отсутствия (например, сна) T2. После смерти индивид может появиться в сновидении, то есть является неуничтожимой сущностью. Низшая культура влагает «дух» не только в человека, но и во все вещи – опыт всеобщей одушевленности. Происходит раздвоение сущего вне человека на внешний мир и внемировое бытие, познание будет диф-

ференцировать на чувственное (эмпирическое, телесное) и не-чувственное (не-эмпирическое, духоподобное). Таким образом, опыт «духа» развился на почве интроекции. [3, с. 28-29]

По мнению Авенариуса, если в философском поступательном развитии анимизма в пределах его спекулятивного направления «душа» дошла до того, что съежилась до «монады» или чего-то вроде нее, то в его критическом направлении (способном к более быстрому развитию) она захирела, превратилась в какую-то «психику», на которую воздействует предмет, и затем – так как и «предметы» были лишь «представлениями» – в «сознание», и лишь одно «сознание» есть нечто «непосредственно данное» [3, с. 68].

Т и М живут в общении речи. Речь, которая вообще так существенно содействовала интроекции, ближайшим образом определила также способ понимания, который был осуществлен для происшедшего в пределах «вложенного» путем интроекции.

Русский последователь Авенариуса Лесевич В.В. пишет, что пока представления отдельных вещей являлись у нас как беспрепятственно подводимые под общие традиционные понятия, до тех пор в мышлении не происходило еще того дифференцирования, которое возникло в то время, когда стали замечать неподводимость некоторых единичных представлений под эти понятия. С этого времени рядом с традиционными понятиями, считавшимися незыблемыми, выступают изменчивые, прогрессирующие понятия науки, которые не опираются уже на привычку, как основание своей состоятельности, и в поступательности своего движения ищут тот наибольший результат, который может быть достигнут соответственной затратой сил.

Иллюстрацию первобытного опыта мы можем найти в анимизме; но образчик его дается и в том воззрении естествоиспытателя, который в падающем камне усматривает «силу», повергающую камень на землю. [6, с. 366]

Мы увидели результат зависимости между средой и человеческим нервным центральным органом в начале развития человека. Причина неверного пути развития (от анимизма до идеализма) в интроекции – бессознательной функции субъекта. Следовательно, она подлежит выключению. [3, с. 70]

3. Выключение интроекции

Если быть вне философских теорий, то анализ «я» и «окружающей меня среды» показывает следующее:

1) Я как (относительно) постоянная среди некоторой (относительно) изменчивой множественности, называемой «ближними», «деревьями» и т. д. – единства и составные части окружающей среды стоят в разнообразных отношениях зависимости друг другу

2) Все составные части окружающей среды и я мы находим с относительно изменчивыми ценностями приятного и неприятного и др.

При разложении R на множество составных частей и признаков конечными признаками были бы (относительно) простые цвета, вкусы, звуки и т. д. Авенариус обозначает их логическими ценностями, называя элементами, а приятное или неприятное и все другие подобные ценности, которые присоединяются к элементам, термином характеры. Согласно сделанному различению, я и составные части окружающей среды можно обозначить как комплексы элементов. [3, с. 54]

В моем опыте я испытываю дерево в том же самом смысле, как и себя. Если я говорю: я испытываю дерево, то это лишь значит, что опыт состоит из более содержательного комплекса элементов – «я» и другого менее содержательного комплекса элементов – «дерево». «Я» составляет (относительно) постоянный член, а составная часть среды, например, обозначаемая словом «деревом» или словом «мой ближний» – другой (относительно) изменчивый член. Мой опыт – координация между «я» как комплекса элементов и другим комплексом

элементов (дерево, ближний) – Авенариус обозначает как эмпириокритическую принципиальную координацию. Человеческий индивид как (относительно) постоянный член принципиальной эмпириокритической координации обозначается словом «центральный член», а составная часть среды, будь она человеком или деревом и т. п. – словом противочлен. [3, с. 56]

Таким образом, мой опыт – это эмпириокритическая принципиальная координация между «я» как комплекс элементов и окружающей меня средой как тоже комплекс элементов. Всё это составляет эмпириокритическую личность. В «моем опыте» сам я существую лишь как нечто соиспытываемое – нечто находимое данным наряду с другими вещами.

Если бы удалось избежать интроспекции, то и индивидуум со своим опытом не расщепился бы надвое и удвоение «вещей» стало бы излишним.

Авенариус приводит пример познания на «случае» с киноварью. М и Т принимают некоторую составную часть окружающей среды за количественно единую для них обоих и называют ее «киноварью». Они согласны в числе колебаний, которое киноварь сообщает эфиру; согласны и в том, что колебание эфира происходит независимо от их появления и присутствия, а также и от их взоров. Но М и Т расходятся относительно цвета, который они видят: что для М — красное, то для Т — черное.

Действительно ли киноварь красная или же цвета вовсе не признаки вещей, но лишь воздействие вещей на наши органы чувств и на наше неминуемое «сознание», — следовательно, зависят, прежде всего, от особой природы наших органов чувств, а потом уже от нашего мышления и способности ощущения, то есть представляют собою нечто «субъективное», лишь кажущееся «объективным», что не существовало бы, если бы на свете не было ни одного смотрящего глаза, хотя объективные световые волны существовали бы и в таком случае?

1) «Если киноварь сообщает эфиру столько-то колебаний в секунду, а получающий раздражение от колебаний орган чувств нормален во всем своем объеме, то киноварь в действительности красного цвета, ненормальному же органу она кажется иной, например, слепому на красный цвет – черной».

2) «Если киноварь сообщает эфиру столько-то колебаний в секунду, то от особой природы органа чувств будет зависеть, красной или черной кажется киноварь».

3) «Если посредством колебаний эфира киноварь возбуждает вашу нервную систему и тем причиняет ощущение красного или черного цвета, то эти цвета и вообще цвета совершенно несравнимы с их причиной и потому представляют собой описательное определение не бытия составной части окружающей среды, но лишь её явления». [3, с. 84]

В высказывании 1) М описывает не то, что другой человек, слепой на красный цвет находит данным, так как сам Т, пока он не подпал под влияние теорий и описывает киноварь, с своей стороны так, как он ее находит данной, сможет сказать: киноварь черна. Если М полагает, что своим высказыванием он описал то, что Т находит данным, то он смешивает себя с Т. Еще хуже обстоит дело с высказыванием 2). В нем М отнюдь не «описывает» то, что сам находит данным или же, если он действительно описывает его надлежащим образом, то он настолько присвоил себе содержание высказывания вследствие смешения приписанное индивидууму Т, что оно для него перестало уже быть «обсуждением», но могло стать «опытом». Но хуже всего обстоит дело с содержанием высказывания 3); здесь к несостоятельности второго высказывания прибавляется несостоятельность вкладывания. [3, с. 84-85]

М и Т могут соглашаться в том, чтобы впредь уже не говорить без всяких ограничений: «киноварь красна» или «черна», но: «для моего глаза», или короче: «для меня, М, она красна» – «для

меня, Т, она черна». Тогда противоречивость содержания двух высказываний разрешается путем введение в описание отношения к описываемому.

Это ограничивающее добавление верно и желательно, поскольку оно в то же время становится свободным от интроекции, то есть выражает лишь: «красный цвет служит противоположным членом R (в нашем примере: кино-варь) для той принципиальной координации, центральным членом которой являюсь я, М» и: «черный цвет служит противоположным членом R для той принципиальной координации центрального членом которой являюсь я, Т». Но заключающийся тут вполне законный релятивизм приводит к мысли, которую можно принять лишь с большой предосторожностью, если мы под влиянием специальной гносеологической привычки к противоположению относительное — абсолютное, тотчас же пополняем «познание»: «Нечто — одно для меня, иное — для другого» вопросом касательно чего-то абсолютного: «Что же такое это нечто само по себе?» На что следует ожидать ответ: «Объект R сам по себе не красный и не черный»; или: «этого мы не знаем — не можем знать». Но и первый ответ, отрицательный, и второй, скептический — оба неприемлемы, так как несостоятельна сама мысль, выражающаяся в этом, сейчас же напрашивающемся вопросе и ответе. Ибо что вообще должно означать положение, что известная часть окружающей среды в специальном гносеологическом смысле есть нечто «само по себе существующее»? Разве спрашивать, какова известная составная часть окружающей среды в этом смысле «сама по себе» не значит спрашивать, каков тот противоположный член, который совсем не является противоположным членом? — или, что тоже: каков противоположный член, которому не достает центрального члена?

Вопрос это логически нецелесообразен, он полон противоречий также с точки зрения общей теории познания. Однако мы можем мыслить некоторую

окружающую среду, в которую никогда еще не проникал ни один человеческий индивид. Но мы не можем мыслить ни одной части этой окружающей среды и ни одной составной части окружающей среды вообще, которая не была бы в то же время противоположным членом; или, что тоже, мы совсем не можем мысленно устранить себя как центрального члена. Все, что мы можем в этом отношении — это или отвлечься от самих себя, или вообразить, что когда-то во всем мире не было ни единого живого существа. Но в первом случае, когда мы игнорируем самих себя, мы лишь разыгрываем роль оставленного без внимания зрителя; или, если угодно, зрителя, который настолько углубился в созерцание, что из-за зрелища забывает о себе самом. Во втором же случае, в котором допускается, что когда-то не было ни единого живого существа в мире, этот мир все же остается для задающего вопрос совокупностью его противоположных членов — только он не допускает (себя самого, как сказано, он не может мысленно устранить) никаких других центральных членов, по отношению к которым его противоположные члены могли бы быть равным образом противоположными членами. Но для того чтобы составные части окружающей среды были противоположными членами, как раз достаточно, чтобы он, вопрошающий, оставался центральным членом — а он остается им, пока еще вообще задает этот вопрос по поводу мира. [3, с. 87-88]

Есть два способа рассмотрения R — абсолютный и относительный. При абсолютном «Я» созерцает и описывает, сам же остается без рассмотрения. При другом случае учитывается состояние «Я». Если я нахожу себя или ближних, не лишенными значения по отношению к тому, что дается — это относительный способ рассмотрения. При абсолютном способе рассмотрения чувственные качества являются описательными признаками составных частей окружающей среды как противоположных членов. Относительный способ рассмотрения

дает право лишь на то ограничение, что чувственные качества в том виде, как они находятся данными в каждом отдельном случае в известной принципиальной координации непосредственно зависят от индивидуальных свойств эмпириокритического заместителя, т.е. определенного изменения системы С (зависимость берется лишь в смысле некоторого чисто логического функционального отношения) и потому могут претендовать сначала лишь на индивидуальное значение.

Но относительный способ рассмотрения не дает права спрашивать, может ли и должна ли составная часть окружающей среды сама по себе мыслиться характеризуемой иными чувственными качествами или же совсем не характеризоваться ими; не дает права, но крайней мере, поскольку под выражением «составная часть окружающей среды» («объект», «вещь») «сама по себе» следует разуметь противоположный член при мысленном устранении данного или вообще всякого центрального члена. Подобный вопрос не имеет себе оправдания, ибо раз я мыслю известную составную часть окружающей среды, она тем самым есть уже противоположный член, центральным членом которого являюсь я; себя же самого я не могу мысленно откинуть. Мыслить известную составную часть окружающей среды (известный «объект», известную «вещь») «саму по себе», значит, следовательно, стараться мыслить нечто такое, что не может быть не только мыслимо, но даже и выведено путем умозаключения; а желать качественно определить в положительном или также только отрицательном смысле – «известную составную часть окружающей среды» (известный «объект», известную «вещь») «саму по себе» значить пытаться определить нечто немислимое в терминах мыслимого. Так как анализ опыта и выводы из опыта не могут привести к таким ложным понятиям, то и постановка вопроса может возникнуть лишь на почве (непреднамеренного) искажения опыта или

же некоторого ошибочного умозаключения.

Вместе с «мышлением», которым Т «обладает» в смысле интроспекции тотчас же открывается для влагающего М почти неисчерпаемый источник всех трудностей, в которых повинны метафизика и обычная специальная теория познания, в конце концов неизбежно выбивающихся от этих трудностей из сил; и до тех пор, пока общий источник остается скрытым, метафизика и специальная теория познания попеременно взваливают друг на друга тяжкое бремя этих трудностей, серьезно и непрестанно работая над ними. Иными словами, преследование «принципиальных» трудностей приводит метафизику к обычной специальной теории познания, а обычная специальная теория познания таким же образом «без остатка и несомненно» приводит назад к метафизике. Если бы не было «мышления», которое встроено в Т (в смысле интроспекции), то для М отпали бы психологическая, соответственно физиологическая проблема проекции и др. Для всех антропоморфизмов, к которым прибегают снова и снова в опыте над человеком, исчезло бы последнее потайное убежище: не только «Бог» вне мира или в мире, не только «вещь» со своей «субстанцией», «акциденциями» или «свойствами», не только «сила» в её отношении к веществу и движению, не только «причинность», но и сам человек перестал бы пониматься антропоморфически=анимистически. Отпали бы всякая двусмысленность и бессмыслица в опыте – опыт допускал бы единое и однозначное определение. [3, с. 44-45]

Остается то «понятие о мире», которое имеет содержанием «общие признаки» всего наличного; а эти общие признаки всего наличного заключается в том, что наличное как таковое, есть член ряда: вещь – (образ) – мысль, и в свою очередь, как член этого ряда оно есть центральный член или противоположный член принципиальной координации.

К этому «понятию о мире» относительный способ рассмотрения с допущением о том, что его содержание, рассматриваемое с эмпириокритической точки зрения в отношении к ближнему, есть зависимая система С моего ближнего. В свою очередь, это допущение, отнесенное ко «мне», есть зависимая моей системы С и, наконец, даже сама моя система С есть некая зависимая моей системы С. Эти допущения по выключению интроспекции и по определении смысла «зависимости» не прибавляют к приобретенному «понятию о мире» ни противоречия, ни принципиально инородного признака. И, таким образом, остающееся «понятие о мире» содержит в словесной формулировке принципиально то же самое, что «естественное понятие о мире» содержишь в форме созерцания. [3, с. 70-71]

Как заметил Фридрих Карстаньен, возможно, что читатель первоначально поддастся смущению при виде того, как все наши действия и ощущения, наше мышление, все наши мечтания и наши поступки, все движения и выражения нашей, по-видимому, столь независимой и самостоятельной внутренней жизни предстанут перед ним анализированными и нормированными сплошь чисто-механически; но эта же точка зрения может стать и возвышающею нас, не только тогда, когда мы устремим взор ваш на множество факторов, которых потребовалось для подъема развития человечества до той высоты, на которой оно стало цветом великой системы организмов, но еще более, когда мы прозрим в бесконечно разнообразных явлениях все ту же деятельность единого великого закона жизнесохранения и устранения жизнеразности, и в наибольшей еще степени, когда эти самые исследования дадут вам право видеть в людях не разрозненные абстракции, а обретающиеся среди бесчисленных условий развития и склада органы космоса. [5, с. 134]

Литература

1. Авенариус Р. Критика чистого опыта / [Соч.] Д-ра Рихарда Авенариуса,

б. орд. проф. философии в Цюрих. ун-те; Пер. с нем. Ив. Федорова. Т. 1-2. - Санкт-Петербург: И.В. Шестаковский и И.П. Федоров, 1907-1908. - 2 т.; 24. - (Библиотека эмпириокритицизма).

2. Авенариус Р. Философия как мышление о мире согласно принципу наименьшей меры сил. Prolegomena к критике чистого опыта / пер. с нем.; под ред. М.М.Филиппова. 2-е изд., стереот. М.: КомКнига 2007. 56 с.

3. Авенариус Р. Человеческое понятие о мире: Пер. с нем. / Под ред. М.М.Филиппова. Изд.стереотип. - М.: Издательство ЛКИ, 2014. 96 с.

4. Зотов А.Ф. Современная западная философия: Учеб./А.Ф. Зотов.— 2-е изд., испр. М.: Высш. шк., 2005. 781 с.

5. Карстаньен Ф. Введение в «Критику чистого опыта»: Friedrich Carstanjen. Einführung in die «Kritik der reinen Erfahrung» / Фридрих Карстаньен; Пер. В. Лесевича, по неизд. рукописи 2-го пересмотра и доп. авт. изд. - Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1898. - XXXX, 145 с.

6. Лесевич В.В. Что такое научная философия? / В.В. Лесевич. - Москва: Директ-Медиа, 2011. - 458 с. - Режим доступа: по подписке. - URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=83727 (дата обращения: 01.03.2020).

7. Avenarius R. Ueber die beiden ersten Phasen des Spinozischen Pantheismus und das Verhältnis der zweiten zur dritten Phase. Eduard Avenarius, Leipzig, 1868.

Avenarius: content of knowledge experience Gaidabrus N.V.

Technological University

The theory of Richard Avenarius (1843-1896) sets to work outside of all dogmas, philosophical systems, does not choose any substance as his starting point, he looks at the relation of cause and action only as a result of the theory. The language of the material of the philosopher is so unambiguous and concrete that it does not allow any ambiguity, with the aim of etching out any figurative expression from it, in order to exclude any metaphysical-animistic concept that could accidentally slip through.

Central to empirio-criticism of Avenarius is the method, which consists in a pure description of this. If we find the initial concept of the world, which still coincided with living contemplation and was not brought to the logical form of a "concept," then an important advantage is achieved - unambiguity. It is necessary to cover the entire totality of conditions, otherwise the regularity will become only an arbitrary speculative concept and will vary from researcher to researcher.

In 1891, Avenarius publicized the work "The Human Concept of the World." In it, Avenarius explores the formation and composition of knowledge that relates directly to man, which arises and develops in the process of human life and is itself part of it. He does not say anything about the essence of man, about being and thinking, does not affirm anything and does not deny anything. Whether we get to the consciousness and soul with which we should have begun, we also do not know about this.

The concept of the world should not contain anything that would not be characterized as experienced. "I" experiences a "tree" - this means that experience consists of a more meaningful complex of elements "I" and another less meaningful complex of elements "tree". Experience - coordination between the "I" as a complex of elements and another complex of elements (tree, neighbor) Avenarius denotes as empirio-critical principle coordination. All this makes up empirio-critical reality.

Instead of introjection, Avenarius proposed empirio-critical principle coordination, empirio-critical reality - such is his ideal of knowledge.

Keywords: Avenarius, cognition, experience, introjection, empirio-critical principle coordination, empirio-critical reality.

References

1. Avenarius R. Critique of pure experience / [Op.] Dr. Richard Avenarius, b. horde prof. Philosophy in Zurich. un-those; Per. with him. Willow Fedorova. T. 1-2. - St. Petersburg: I.V. Shestakovsky and I.P. Fedorov, 1907-1908. - 2 t.; 24. - (Library of Empirio-Criticism).
2. Avenarius R. Philosophy as thinking about the world according to the principle of least measure of power. Prolegomena to the criticism of pure experience / trans. with him.; under the editorship of M.M. Filippova. 2nd ed., Stereo. M.: KomKniga 2007.56 s.
3. Avenarius R. The human concept of the world: Trans. with him. / Ed. M.M. Filippova. Publishing stereotype. - M.: Publishing house LKI, 2014.96 s.
4. Zotov A.F. Modern Western Philosophy: Textbook / A.F. Zotov. — 2nd ed., Rev. M.: Higher. school., 2005.781 s.
5. Karstanyen F. Introduction to the "Critique of Pure Experience": Friedrich Carstanjen. Einführung in die "Kritik der reinen Erfahrung" / Friedrich Karstenen; Per. V. Lesevich, by non-ed. manuscripts of the 2nd revision. and add. author ed. - St. Petersburg: type. M.M. Stasyulevich, 1898. -- XXXX, 145 p.
6. Lesevich VV What is a scientific philosophy? / V.V. Lesevich. - Moscow: Direct Media, 2011. -- 458 p. - Access mode: by subscription. - URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=83727 (accessed: 01.03.2020).
7. Avenarius R. Ueber die beiden ersten Phasen des Spinozischen Pantheismus und das Verhältnis der zweiten zur dritten Phase. Eduard Avenarius, Leipzig, 1868.

Традиционные практики, ущемляющие права женщин в исламской культуре Пакистана

Лубна Саид

аспирант, Уральский федеральный университет, lubnasaheed58@gmail.com

Основываясь на теории проживаемой религиозной культуры, данное исследование уделяет особое внимание обычным нормам и поведению, связанным с правами женщин и их статусом. Эмпирической основой исследования послужили данные о племенном регионе «Северо-Западная пограничная провинция [СЗПП] Пакистана». Женщины считаются подчиненными членам семьи мужского пола и лишены прав человека, закрепленных в исламских и конституционных законах. Женщина используется в качестве подарка при урегулировании спора или в качестве источника дохода от обычая, который носит название «цена невесты». В данном исследовании анализируется ряд обычаев в проживаемой религиозной культуре пуштунского племенного общества, и отмечается, что непреодолимая авторитарная сила традиционных практик, усиленных «джиргой» (неофициальный совет, состоящий из старейшин племени, функцией которого является урегулирование споров), является более влиятельной, чем государственная судебная власть. В статье также обсуждается вопрос, известный как исламское «просвещение», и его влияние на мусульманских женщин. В заключении выделяется понятие традиционных практик, обретающих большую силу при наличии религиозного обоснования, в регионе СЗПП. В заключение обсуждается новая реализация ислама как проживаемой религиозной культуры и высшей власти для традиционной практики при определении прав человека, распространяющихся на женщин, с помощью множества факторов.

Ключевые слова: Традиционные практики; Исламская культура; Права женщин; Джирга; «Цена невесты»; Пуштунское племя

Introduction

Pakistan is composed of individuals of different ethnicities, races and linguistic backgrounds. Such communities are the most prevalent; Punjab, Sindh, Baluchani, Pushtun, Northerners (Gilgit and Hunza). Customary practice becomes also a subject to rural /urban divide especially when it comes to women's attitudes.

Women have complicated layers of identity in Pakistan; each layer of her identity defines questionable rights and obligations. The discrepancy in each array of de-jure privileges, as one shift from constitutional to Shariah law and then to customary law, develops. She is subject matter of several rules simultaneously. Cultural norms are not similar in Pakistan and differ from region to region due to multi cultures [Saeed; 2005, 72]. However, there is a common pattern throughout the Pakistani society and that is the subordinate position of women. The concept is so profoundly rooted in the prevalent mindset, even though religion and institutional law grant women the certain privilege, their negation still predominates by social customs.

Another effect of this cultural pluralism was that the overwhelming majority of females, having "formal" litigation settlement discussion boards, i.e. court, lies firmly within the "public" arena, are hesitate to pursue such litigation fora to resolve their disputes. Research points out that in Pakistani society, women go to court for justice as a victim with severely careful way and much less support and confidence than their encounter male party [Ali; 2001, 23]. The consequence is that the several issues are brought into 'unofficial' arbitration board, e.g. panchayats (five male elders of village to settle dispute in Punjab and Sindh) and

jirgas, (informal court of eldest ones as judges among tribe) where traditional norms are often used to undermine women [Shah; 2013, 13]. Women, who resound in Pukhtun traditional society, and hence in its cultural law (called as riwaj), are well portrayed by an American writer of a very well known book written on the people of Pukhtun culture called "The People of the Khyber" [1962], who comments that:

"The male members in pakhtun society, no doubt, have women as their views, daughters, mothers, aunts, any sisters but they tend to talk little or nothing about female, even if they belong to them or someone's" [Spain, 1962. 143].

The women are not only listed out from a discussion between male members of Pakhtun society, but they do not have existence literally. When a man is asked about their kids, the typical answer by him is mostly like; "With the blessing of Allah I have three pieces. Three of the pieces are here clearly regarded as three male children; when asking about offspring, the girl child is totally ignored. Likewise, female family members are not mentioned on family lineages record [Qudus; 1987, 58]. In Pakhtun culture their social customs are in fact have more influence than religious or institutional law, which is called as "Customary Law" where woman is legally non-entity; they are always as legal juveniles under the males custody. Female's secondary status in the Pukhtun society is sufficiently obvious as she is born [Ibid, 63]. The festivities that follow a boy's birth, by shooting and complimenting the father, and striking comparison to the "commiseration" signals left for newborn girl's parents. A recent study investigating potential causes for this differentiation in reactions towards newborn children revealed that almost more than half of informants regretted the birth of a girl because of the financial burden and the obligation of marriages as well as fate of a daughter [Shakeela; 2003, 46].

The assumption of another main cause for family's biased response to give birth to a baby girl is the feeling of humiliation among society. It is indeed a fact now that

the females are not having any freedom under customary law called "riwaj", and the male would have all rights to make decisions on their behalf without any reluctance. For example, there are no repercussions for women's will or involvement in her wedlock [DCHD; 1996, 72]. She is deemed as a property of her male family members who supposed to be responsible for her acceptable bartered proposal and reasonable price of their woman called "sarr paisa" [Ibid; 76]. In certain areas of North West Frontier Province (NWFP), the minimal amount of bridal-price, received by her male family members from groom's family, is used to provide dowry (i.e. the household belongings) to the bridal. The cost of the bridal is a booster of pride for her family and reflects their recognition and respect in Pakhtun society. This custom violates the provision of Islamic doctrines to ensure a legitimate marriage in which everything received on the name of bride must be laid down in the contract of marriage and bride must be the sole owner of all the things as dowry and bride-price [DCHD; 1992, 81].

The aforementioned discourse supports the point that traditional male family members perceive woman as their assets to buy and sell at desire to serve their monetary and interpersonal benefits. In this regard, the custom of "interchange marriage" is significant to discuss here. The circumstances are as; a woman gets married to a man with a condition that her brother will have to get marry with the sister of her husband [Asad at.al; 2017, 181]. This practice is not indeed only widespread amongst poor class, even also in middle and elite class in various regional cultures of Pakistan, that's why; the absolute degree of prevalence cannot be measured exactly. The presumed reason for these interchange weddings is that they are thriftier and to pay for dowry and dower is not a problem. The main purpose behind this custom of interchange marriages is obviously quite catastrophic, because the only benefit gained is to deny economic rights to both women. By refusing to pay for dower to both women by their men as,

is a brazenly breach of Sharia and constitutional law [Alam; 2012, 13]. Likewise the woman's guardians also part actively to deprive her from economical empowerment by denial of dowry as a gift. And ultimately, the risky outcome is that one spouse is always bound to be tied due to other couple. Actually, this custom of exchange marriage is common in all regions with different local terms and in NWFP it is known as "Adhal Bhadal" (exchange marriage) [Shah; 2003, 103].

The traditionally low economic status of the bride's parents as "the woman-giver" against the "recipients" family is expressed in the tradition that the bridegroom's house is a solemnity of the proper wedding event [Shah; 2003, 39]. The bridal is brought to the residence of her groom where the real wedding formalities, (termed as "Nika'ah") actually occur.

The bride's acceptance for wedlock is obtained during the wedding day called as "Nika'ah" by assigning off a number of her male family members. The male family members like father and brothers are regarded as representatives and advocates of bride at the wedding ceremony [Asad; 2001, 26]. Written forms for marriage registration as mandated by domestic legislation in Pakistan are rarely used in countryside and the marriage contract is mainly informal and verbal [Muslim Family Law Ordinance, 1961.Sec-5]. In addition, the results of a report by the Woman's Research Center [1995] at Peshawar University (NWFP) indicate that over a half of those who were questioned, never saw a registration form of marriage contract. Almost more than half of the female participants responded negative when they were asked about endorsement by themselves on their marriage contract.

After being married, the "possession rights" of bride is passed to the family of her groom and then they supposed to take a full control over her life. Even though if the woman is a widow, she continues to be owned by male relatives of her late husband, and if any man interested to marry with her, he must have to negotiate with her in laws.

The Riwaajnama [Manzur-i-a'am press; 1964,15] of the Ma'alkand region in NWFP, mentions explicitly that if he, the present woman's husband, disrespected the customary law i.e. Riwa'aj, the late husband's male relative will be right in tempting a hostility against him for not seeking his marriage approval [Riwaajnama; 1964,15]. In this respect, the prevalent tradition is to get marry to widow by one of the blood relatives of her late husband.

A female, whether is single, married, or widow, has diminished independence and no power to make any decision. This small room for women can be summed up in the popular proverb in Pashtun society; "Khazha Dha Khor Da Ya Dha Ghor" (Woman is borne either for home, or for the sepulcher) [Khan At.al; 2018, 29]. Similarly, a provision was made by the riwa'aj (customary law) of Swat region of NWFP that 'Chikan, Eggs and females,' without a legitimate 'Ra'ahdari' (legal permit) would not be excluded from State regional jurisdictions.

The customary practice of restricting females to their houses is expressed in the Human Condition Survey, in which woman can only walk from their own homes on someone's marriage or if someone dies in her family. The study indicates that 15.2 % of families, who were interviewed, allowed their women to visit family, 9% were allowed to their relatives and friend and 6.12% permitted them to walk out of the home for leisure [DCHD;1996 , 74]. But this is more threatened for a woman to avail this permission granted by her parents or in-laws because if even any man will talk to her or show his interest , both man and woman will be slaughtered by customary court known as "jirga" [Yousufzai; 2005, 20]. For example, the famous Kohistan vedio case [2012] is about four girls who were clapping on a song sung by two boys and all of them were in a wedding ceremony. This case came into mainstream national media by Afzal Kohistani (the brother of boy who was alleged by Jirga) when he claimed that all the four girls and boys had been killed

on the order of jirga. Supreme Court took action many times but in vain because of the power of customary law enforced in NWFP.

Deprivation of the fundamental right for education also stems directly from cultural traditions that restrict females to their homes. Although, Islamic doctrines and statutory law give the rights of education equally to both male and female without any prejudice, the NWFP is governed by intensified cultural norms. A study from the World Bank says that

“Literacy rate in NWFP is 21.5 percent is approximately two thirds of the overall national ratio and hides extreme disparities, like 34 percent male and 8 percent females are educated”. [World Bank; 1995, 1]

It is claimed that national policies strengthen social biases by constructing less educational institution for girls and more for boys. This argument has been demonstrated by ‘Statistics of Schools Directorate Peshawar, NWFP’ [2017, 45]. In comparison to 3755 for girls, 7645 schools build for boys. The same trend goes for secondary schools where there are 757 schools for boys and 246 for girls. For boys there are 980 high schools and for girls only 200. The Government reacts to the fact because of this discrimination against girls that most girls’ schools in rural areas are under-utilized, so the transfer of funding is more fitting to the academic institutions for boys [DCHD, 1996. 87].

The tradition of resolving tribal conflicts and bloodshed by proposing women as a "settlement deal" to the legal heirs of victim is another aspect of the denial of a woman as person by her own male relatives. Blood feuds are settled by jirgas in which the murderer's family proposes compromise with the legal heirs/ family of victim who is killed [Yousufzai; 2005, 20]. There are other demands from the families of the victim to consider the deal. This is mostly including the proposal of a woman from the family of the perpetrator to be given to the distraught family in compensation through marriage. This "Swara" tradition has slowly vanished and therefore is not that much

popular today, even though a couple of judgments by the high court in Peshawar declared compromising actions in which woman's hand for marriage has been guaranteed to a man in the family of victims [Charsida Session Judge;1993]. To the extent that marriage is dissolved through divorce is almost impossible due to the concept in Pushtun culture that woman is the honor her male family members whether father, brother husband or son. And when a man divorces his wife, he gives up his "honor" and runs the risk that another man takes her. Zantala'aq (divorcee man) is one of the most popular and most offensive abuses of the Pushtun language. This idea that women should not be allowed to opt out of marriage as well as to dissolve the marriage violates the rights granted to woman by constitutional law as Islamic law enforced in Pakistan [Behuria; 2006, 59].

Women, in Pashtun and generally in all cultures of Pakistan, are exempted from the inherited property [Asad, A; 2001, 87]. The main explanation for this custom is that a woman who inherits her father's property is seen to take the lands away from those (male descendants) who are the legitimate owners and to move it over to the "alien" family of her husband. Even today, if a man passes away leaving behind only his daughters, his own brothers or other close male relatives take a control promptly over his assets. This is the term called "Tarbur," or closest male patriarchal kins who are regarded as the actual property owners of a late person who passes away without sons. This customs of excluding woman from her right in inherited assets violates the constitutional law as well as doctrines of Islamic heritage legislation [Shah; 1996, 38]. Here too, however, all Islamic and state laws are replaced by traditions. Studies indicate the discrepancy between Islamic and statutory laws as well as certain legislative regulations on women's financial rights. Mostly, when the woman gets marry, she is gifted dowry like cash or gold and furniture etc, just a meager one to two percent of those had a right to use it.

The money given as the "dower" at marriage has hardly been given to the female; nevertheless, the jewelry was but she had to hand over it to her mother-in-law [Ali et...al; 1998, 107].

Last but not least, females are totally eliminated from the conventional conferences of decision making like Jirga, Hujhra, Lakhar, Maleki (only male members of tribe are included). This ostracism is an indicator of women's subordinate role within Pushtun society. A 'Jirga' is customarily a male body that is equal to the state legislative courts for the people of pashtun society in NWFP. Enforced Riwaajnama [1964.51] in region of Ma'alakand states that;

"That is majority consensus of Swat Raanizai's that a female will not be brought before jirga as a witness because woman's testimony is not to be regarded as reliable".

Even though Pushtun jirga has long been recognized as an equitable entity to give justice to its due place, but its broadened vision of justice is the one in which woman is invisible. All the traditional customs which determine the status of women are maintained as a law by jirga.

The traditional norms are strongly enforced and not easily removed might be demonstrated the fact that British colonizers has been using by establishing a jirga system for their own benefits in the form of another very hierarchical code of law recognized as 'Frontier Crime Regulation Act, 1901'. The purported motive by British rulers was not to interfere in the cultural norms of local tribes [Yousufzai; 2005, 21]. In fact what they accomplished was to stop cultural norms from evolving naturally and to prevent their further rise.

In article 14 of 'Frontier Crime Regulation Act, 1901' it is stated that if a married woman commits adultery she will be punished according to the law but the man who is the partner with her in the same crime will not be punished in the same degree. There is certainly never a serious breach of justice in which two people convicted of the same crime would be prosecuted entirely opposite. However,

the legislative decision discriminates by turning off its eyes to one person just due to gender base. But it must be remembered that the status of woman in Pushtun society cannot be necessarily standardized. As a developing society, in the urban areas of NWFP, females are educated and financially independent, can express their consent about marriage, and they have enough right to make decisions. They are serving in different governmental as well as in industrial sectors, yet the share of these white-shoe women is insignificant.

Conclusion

Consequently, it can be claimed that traditional customs provides accommodating circumstances to the conservative implementation of Shariah laws with aim of providing an inferior status to women. Although tradition is the most authoritative practice that regulates and informs the perceptions of millions of uneducated Muslims male and females, that's why a targeted application of Islam in line with the expectations of women's equitable rights in Islam tends to fall well through the sphere of religious faith and expected perception. Throughout the past decades this relationship between customary and regressive perceptions on females and Islam has been growing. Pakistan was pushed toward 'Islamization' and it gained popularity in the regime of General Zia-ul-Haq during the period of 1970 -1977. This was the worst period that practiced the Islamic fundamentalism and legally enforced the laws which cause more deterioration for woman's right.

Customary practices against women rights in Islamic culture of Pakistan

Lubna Saeed

Ural Federal University

This piece of research deals with the theory of lived religious culture with a focus on customary norms and behaviors regarding women's rights and status. The study has been elaborated from the empirical evidences of a tribal region 'North West Frontier Province [NWFP] of Pakistan'. The women are considered as subordinate of male family members and they are impoverished from those human rights

which are assigned by Islamic and constitutional laws. Woman is used as settlement gift of dispute or as a source of income in from of a custom named bride-price. A number of customs in lived religious culture of Pashtun tribal society have been discussed here and it has been indicated that the irresistible authoritative power of customary practices enforced by 'Jirga'(informal council consist of eldest male members of tribe to settle down the disputes) is more influential than state judicial powers. The subject what is to be known as Islamic 'enlightenment' and its impact on Muslim women is also raised during the debate. The conclusion has highlighted the notion of customary practices that have more influential power under a justification of religion in the region of NWFP. Finally it has been discussed the emerging implementation of Islam as lived religious culture and ultimate authority as customary practice to specify the human rights of women through the variety of factors.

Key Words: Customary practices; Islamic Culture; Woman's rights; Jirga; Bride-Price; Pashtun tribe

References

1. Saeed, H. [2013]. Poverty has a women's Face". Dawn.
a. Retrieve from: <http://dawn.com/2013/04/14/poverty-has-a-womans-face-2/>
2. Asad, U. Najib K, Mausawar S, Farooq K [2017]. "Role Of Patriarchal Norms in Deprivation of Women from their Political Rights in Pukhtoon Society" *Anthropology* 5: P. 181. DOI: 10.4172/2332-0915.1000181
3. Khan Y, Shah M, Ud-Din F, Ullah Z, Rehan S [2018]. "Familial Impediments to women Political Status in Pakhtoon Society". *Anthropology* 6: P.208. DOI: 10.4172/2332-0915.1000208
4. Noreen, Shakeela. [2003]. "Status of Rural Women in N.W.F.P". Department of Social Work, University of Peshawar.
5. Abdul Qudus [1987]. "Pashtoon Women" New Awan Publishers, Peshawar.
6. Shah, Iqtidar & Baporikar, Neeta [2013]. "Gender Discrimination: Who is Responsible? Evidence from Pakistan". *Women's Studies*, Vol: 42. DOI: 10.1080/00497878.2013.736284
7. Rana Riaz Saeed, 2005. "Women Studies in Pakistan under Customs and Values & The Controversial Hudood Ordinance 1979, "Law and Economics 0501003, University Library of Munich, Germany.
8. Ali, A. [2001]. Speech. Report of the Workshop on Women Role, Status and Empowerment In NWFP. Peshawar. 26th March 2001.
9. Asad, A. [2001]. Inheritance Rights and Economics Status of Women in NWFP, Report of the Workshop on Women Role, Status and Empowerment in NWFP. Peshawar.
10. Asian Development Bank. [2000]. Country Briefing Paper: Women in Pakistan, Programmed Dept (West) & Office of Environment & Social Development, Executive Summary.
11. Dr. Anwar Alam, [2012] "Women Role and Status in Pukhtoon Society; A Case study of Village Sufaid Dheri, Peshawar", *International Journal Learning & Development*, Vol. 2.P. 3-13.
12. S.S. Ali & R. Naz, (1998) 'Marriage, Dower and Divorce, Superior Court and case law in Pakistan: Lahore, P. 107-42.
13. Yousufzai, H.M. & Gohar, A. 2005, Towards Understanding Pukhtoon Jirga' Fresno Pacific University. PP. 20-22.
14. Democratic Commission for Human Development (DCHD), Report on Human Rights Situation in Rural Communities in Pakistan, (1996) Lahore.
15. J.W. Spain, (1962). "People of the Khyber", New York: Praeger.
16. Behuria, A.K. 2006, 'Million Mutinies in Pakistan's Tribal Areas' Institute for Defense Studies and Analysis.

COVID-19 в арабской популярной культуре

Сухоруков Алексей Николаевич

старший преподаватель кафедры восточной филологии факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, sankafd2004@gmail.com

Марашли Иман Халед

студент Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, manomarash@gmail.com

Данная статья ставит перед собой цель изучение темы COVID-19 в арабской популярной культуре. Авторами выдвигается гипотеза о том, что арабская популярная культура играет важную социальную роль, она отображает и формирует новые социальные и политические реалии. Для подтверждения данной гипотезы проводится качественный и количественный анализ арабской популярной культуры о коронавирусе. В работе применяется описательный метод. Методология исследования соответствует принципам системности, комплексности, восхождения от абстрактного к конкретному. В первой части исследования детерминируется понятие «массовая культура», рассматривается динамика развития арабской популярной культуры и её функции.

Для подтверждения гипотезы были отобраны 100 арабских интернет мемов о коронавирусе, а также 20 песен о COVID-19. Результаты нашего исследования позволили выделить основные тематические блоки музыкальной популярной культуры: призыв к гигиене, оплакивание заболевших коронавирусом. Количественный анализ 100 интернет мемов позволил выделить 4 тематических блока: развлечение, критика власти, религия, поднятие социальных проблем. Данная статья будет полезна филологам, антропологам, деятелям СМИ, а также всем тем, кто интересуется современным Ближним Востоком.

Ключевые слова: COVID-19, коронавирус, арабский язык, популярная культура, интернет, социальная сеть, самоизоляция, антропология, Ближний Восток.

Введение

Стремительное развитие науки и техники способствовало трансформации общества в постиндустриальное и информационное. Научно-технический прогресс непосредственным образом повлиял на массовую культуру. Теперь популярная культура создаётся не «в верхах», а самим обществом. Такие платформы, как Instagram, Youtube, Twitter и Snapchat помогают передавать желаемый посыл наиболее эффективным и простым способом. Доступность интернета делает его одним из самых эффективных инструментов для передачи информации. Арабская популярная культура отображает политические, культурные, социальные изменения в регионе. Пандемия COVID-19 2020 не является исключением. С начала самоизоляции на интернет-платформах появилось большое количество популярных песен и мемов о коронавирусе. Данная работа – это первая попытка осмысления темы коронавируса в арабской популярной культуре.

Актуальность темы исследования в значительной мере определяется социальными трансформациями, связанными с пандемией коронавируса, охватившей весь мир, и Ближний Восток в частности. В сложившихся условиях исследование массовой культуры как особого социокультурного феномена становится необходимым в связи с увеличением влияния массовой культуры на поведение людей и принятие ими данной ситуации, а также усилением роли массовой культуры в формировании эстетических идеалов общества.

Актуальность данной темы обуславливает **цель** нашего исследования: изучение в арабской популярной культуры. Для достижения данной цели ставятся следующие задачи:

1. анализ предыдущих исследований по данной теме;
2. определение объекта и предмета исследования;
3. формирование методологической базы исследования;
4. сбор фактического материала;
5. детерминация понятия «популярная культура» и анализ её особенностей в арабском регионе;
6. выделение основных функциональных особенностей популярной культуры;
7. количественный анализ интернет мемов о коронавирусе в социальных сетях: выделение основных тем;
8. качественный анализ популярных песен о коронавирусе;
9. подведение итогов и определение дальнейших перспектив исследования.

Литературный обзор

В настоящее время проблемой массовой культуры занимаются отечественные и западные учёные. О правильности использования термина «массовая культура» говорили такие отечественные учёные как Е.Н. Карцева, Н.И. Зоркая. Их взгляды оказали большое влияние на детерминацию данного понятия в нашей работе.

Особенно важной представляется исследование Г. А. Ашина. Автор говорит о том, что массовая культура – это не только развлечение или просвещение личности, а помощь в адаптации к социально-политическим ситуациям[1].

Другим ценным исследованием для нашей работы является труд Ф. А. Ефремова, в котором говорится о том, что популярная культура, балансируя на грани психологической нормы, выполняет терапевтическую норму[6]. Именно это, на наш взгляд, является причиной популярности массовой культуры о коронавирусе.

Тем не менее, анализ предыдущих исследований показал, что тема арабской популярной культуры пока не получила должного освещения в отечественной арабистике при том, что в за-

рубежном востоковедении данная проблематика поднималась неоднократно. Так, например, в работе Walid El Hamasy и Mounira Soliman 'Popular Culture in the Middle East and North Africa: A Postcolonial Outlook'[12] рассматривается популярная культура на Ближнем Востоке в XXI веке. Большим преимуществом данного исследования является охват гендерных, расовых и политических тем в массовой культуре на Ближнем Востоке с учётом событий последних десятилетий. Роль массовой культуры в изменении восприятий и стереотипов является главным тезисом данной книги.

Особую ценность представляет также исследование Stone Christopher «Popular Culture and Nationalism in Lebanon: The Fairouz and Rahbani Nation»[11]. Несмотря на то, что работа была написана до «Арабской весны», это не делает данный труд менее актуальным. Проведённый детальный анализ националистической составляющей арабской популярной культуры проливает свет на специфику современной арабской культуры и тенденции её развития. Данная работа помогает установить связь между темой COVID-19 и национализмом в арабской современной популярной культуре.

Популярная культура отображает проблемы между Израилем и Палестиной. Так, McDonald, David в своей работе «My Voice is My Weapon»[14] говорит о парадигмах двойного общества.

Stokes, Martin в работе «The Republic of Love»[15] затрагивает тему турецкой популярной культуры с точки зрения культурной интимности. На этом примере наглядно демонстрируется крушение табуированных тем не только в Турции, но и на всем Ближнем Востоке.

Magdalena Karolak и Nermin Allam в работе «Gulf Cooperation Council Culture and Identities in the New Millennium»[13] исследуют проблемы сектарианизма, регионализма и политической культуры в рассматриваемом регионе.

Стоит отметить, что большое количество источников о популярной культуре Ближнего Востока были написаны до 2014 года. Мы столкнулись с отсутствием исследований популярной арабской культуры за последние 6 лет. На наш взгляд, отсутствие исследований с 2014–2020 препятствует пониманию таких тем как джихадистская популярная культура, военная культура, популярная культура мигрантов и прочее.

Анализ предыдущих исследований показывает, что тематика коронавируса в арабской популярной культуре не является изученной. Это позволяет нам сформулировать арабскую массовую культуру как **объект** нашего исследования. В то время как, COVID-19 в арабской популярной культуре является **предметом** исследования.

Гипотеза исследования. В работе выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что арабская популярная культура играет важную социальную роль, она отображает и формирует новые социальные и политические реалии.

Материалы и методы

Методологическая и теоретическая основа исследования. Работа осуществляется в соответствии с принципами системности, комплексности, восхождения от абстрактного к конкретному. В работе применяются метод описания, а также качественный анализ (анализ популярных песен) и количественный анализ (анализ 100 интернет мемов для выделения основных тематических блоков). Кроме того в работе используется классификация функций популярной культуры отечественного социолога В.Ю. Жукова[7].

Научная новизна исследования заключается в практическом осмыслении темы коронавируса в арабской популярной культуре.

Сбор эмпирического материала. Эмпирический материал для количественного анализа был собран с интернет-платформ Facebook, Instagram, Twitter. Что касается фактического ма-

териала для качественного анализа, источниками послужили Youtube каналы (الصقر بن خمّاش saqr khammash, -بوفارديا Bouvardia, شوف تيفي - Chouftv - Isawi Vlogs и прочее).

Результаты

Массовая или популярная культура – сложное социальное явление, возникшее в XX веке. Продукты массовой культуры производятся в промышленном порядке и распространяются через средства массовой информации[5, с. 1].

Понятное и доступное производство культурных ценностей способствует тому, что популярная культура получает широкое распространение среди всех социальных слоев населения. Так, очень часто, популярную культуру противопоставляют элитарной или высокой культуре. Стоит отметить, что одни и те же виды искусства могут относиться к высокой и популярной культуре одновременно. Например, в кинематографе, артхаусное кино относится к высокой культуре, а боевик – к массовой. Классическая музыка относится к высокой, в то время как популярная музыка относится к массовой культуре.

Основными факторами, которые способствуют возникновению популярной культуры являются демократизация и демократия культуры, индустриализация, урбанизация, массификация и, в конечном итоге, глобализация.

Рассмотрим каждый из этих факторов более детально. В социологии популярной культуры принято апеллировать двумя такими терминами как демократизация и демократия культуры. В целом, демократизация зиждется на универсализме и противопоставляется индивидуализму. Так, демократизация навязывает единые эстетические нормы. Система коммуникации в демократизации выстраивается горизонтально. Человек в данной системе выступает пассивным получателем культуры, которая «спускается» сверху. Что касается демократии культуры, то она основана на относительности познания

и поликультурности. Демократия культуры не оказывает влияния на предпочтения и формы потребления искусства. Так, в демократии культуры человек является активным участником культурного процесса [17, с. 167–175].

По нашим наблюдениям, «Арабская весна» активизировала процесс демократизации культуры на Ближнем Востоке. До 2011 года в регионе культурный материал производился, преимущественно, в верхах и спускался в массы. Например, ранее, в период Гамала Абдель Насера, радио «Голос арабов» создавало культуру с определёнными темами (арабский национализм, социализм), которая распространялась среди всех слоев населения. То бишь, была чётко выстроенная вертикальная модель коммуникаций. В период восстаний на Ближнем Востоке культура перестала рассматриваться как высшая форма созидания, а стала использоваться как средство познания окружающего мира. Так, в последнее время на Ближнем Востоке тренды в культуре задает не элита, а масса. По нашим наблюдениям, крупные медиа-бренды постепенно адаптируются к новым реалиям; теперь вместо того чтобы самим создавать культуру, как некую форму производства, медиа-бренды, в основном, просто «подхватывают» массовые культурные тенденции. Так, производство культуры происходит не сверху вниз, а снизу вверх.

Большое влияние на возникновение популярной культуры оказывают индустриализация и урбанизация. Сосредоточение населения в городах способствует формированию некой единой популярной культуры. Народная культура, свойственная доиндустриальным сообществам, в процессе урбанизации вошла и позднее смешалась с так называемой высокой культурой. Именно урбанизация в некоторой степени нивелировала рамки между высокой (элитарной) культурой и народной культурой. Так, взаимодействие между высокой и народной культурой способствовало её

массификации и возникновению популярной культуры.

Выше мы детерминировали понятие массовой культуры, а также рассмотрели факторы, способствующие её распространению. Массовая культура выполняет ряд различных функций, которые заслуживают более детального изучения. Жуков В.Ю. в своей работе выделяет 15 основных функций культуры [7, с. 141]. Рассмотрим некоторые из этих функций более подробно в отношении к массовой культуре Ближнего Востока:

1. *Адаптивная функция.* Массовая культура обеспечивает приспособление индивида к изменяющейся природной и социальной реальности. Так, в Саудовской Аравии с принятием закона о праве на вождение для женщин, появились видеоклипы, изображающих женщин за рулём. Такие продукты массовой культуры помогают создать новую реальность; женщина за рулём – это обычно, это нормально. Власти Саудовской Аравии используют массовую культуру с народными бедуинскими мотивами, чтобы донести мысль о том, что саудовские войска в Йемене – это залог безопасности в стране, показатель её престижа.

2. *Функция манипуляции.* Массовая культура управляет сознанием, формируя искусственные потребности и интересы. Так, например, нередко в арабских видеоклипах можно увидеть скрытую рекламу популярных брендов. Атрибуты идеальной жизни, представленные в популярной культуре, призваны стимулировать приобретение того или иного продукта.

3. *Информационная, или функция исторической преемственности.* Популярная культура формирует социальную память человечества, передаёт традиции между разными поколениями. Так, например, израильская группа Yemen Blues, исполняя песни на йеменском диалекте арабского языка, вносит большой вклад в сохранение не только культуры Мизрахи, но и способствует

межкультурной коммуникации между арабами и евреями.

4. *Регулятивная или нормативная функция.* Основываясь на традициях, нормах морали и права, популярная культура влияет на общественную и бытовую жизнь людей. Для консервативных монархий Персидского Залива, популярная культура является средством донесения религиозных норм. Например, такие певцы как Ahmed Bukhatir (ОАЭ) и Humood Alkhudher (Кувейт), которые исполняют нашиды или мусульманские песнопения без сопровождения музыкальных инструментов, пользуются большой популярностью в арабских странах.

Анализ большого пласта арабской популярной культуры позволяет нам выделить следующие тематические блоки:

Арабо-израильский конфликт. Большое количество продуктов массовой культуры посвящается арабо-израильскому конфликту. К примеру, египетская комедия 2005 года *السفارة في العمارة* повествует о появлении израильского посольства в центре Египта. Не является исключением и массовая музыкальная индустрия. Например, в песне *عبد الرحيم عبد* *Abd El Rehem* «بكره إسرائيل» «Bakrah Israel» ('Я ненавижу Израиль') оказывается влияние на формирование египетского патриотизма, который зиждется на любви к Хосни Мубараку. В песне делаются отсылки к войне 1973 года, говорится о всенародном египетском негодовании по поводу поражения в войне и любви к Ясеру Арафату. Такого рода заявления помогают сделать этот продукт интересным не только для египетского потребителя, но и для всего арабского региона. Таким образом, несмотря на поражение арабского национализма в политическом плане, продукты массовой культуры помогают сохранить арабский национализм на социально-бытовом уровне.

Панарабизм и региональный национализм. Безусловно, продукты массовой культуры на такие темы как арабо-израильский конфликт, «Арабская

весна» и ислам делают их универсальными и востребованными во всем арабском мире. Отдельного внимания заслуживает местная популярная культура, которая формирует местный патриотизм. Например, йеменский певец *أمين حامي* *Ameen Hameem* в своей песне *لا عنصرية* говорит о единстве Йемена, выступает против этнического, регионального, сектарианского разделения.

Гендерные вопросы. Массовая культура затрагивает такие табуированные темы как сексуальность, атеизм, ЛГБТ и прочее. Наиболее остро данная тема раскрывается в современной арабской киноиндустрии. Так, например, в таких фильмах как 'Room for a Man' (Ливан, 2017); 'This Little Father Obsession' (Ливан, 2016); 'The Salvation Army', (Марокко, 2013); 'Only Men Go to the Grave' (ОАЭ, 2016) главными героями являются люди с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Примечательно то, что их жизнь показана как обычная для арабского общества.

Модернизация. Политика, идентичность и сексуальность — это те темы, которые занимают большое место в арабской массовой культуре. Например, алжирский музыкальный стиль «Раи» критиковался исламистами за свое модернистское, раскрепощенное, антиисламское содержание. Неудивительно, что данный музыкальный жанр, соединивший в себе традиционную арабскую, амазонскую и европейскую традиции, получил популярность в 80–е гг. XX. века, - в период, когда страна была охвачена гражданской войной, а народ подвергался давлению со стороны исламистов[3, с. 1].

Неоосманнизм. В последнее время в арабских странах турецкая популярная культура получает всё большее распространение. Одной из причин растущей популярности, наряду с культурной политикой Турецкой Республики, является принадлежность турок и арабов к исламу. Арабы, считают турецкую культуру мусульманской (т.е. «дозволенной»), но в тоже время и современной. Именно синтез ислама и современности

делает турецкую популярную культуру столь востребованной на Ближнем Востоке.

Так, ранее мы рассмотрели особенности арабской популярной культуры, её функции и цели и можем сделать вывод, что арабская популярная культура является очень динамичной сферой, которая быстро реагирует на любые социальные, политические и общественные изменения в обществе. Ситуация с пандемией COVID-19 является одним из самых ярких тому примеров.

В таких социальных сетях как Instagram, Facebook, Twitter, люди публиковали различные посты с хештегами *بالبيت خليك* (оставайся дома) и *كوفيد*. Анализ более 100 интернет-мемов с данными хештегами показал, что мемы с темой коронавируса и самоизоляции можно разделить на следующие основные категории:

1. Ироничные мемы в виде карикатур, используются сцены с фильмов. Высмеивается домашний быт и рутина в период самоизоляции (23 интернет-мема);

2. Мемы с политическим посылом. В данных интернет-меммах критикуется власть, которая, по мнению пользователей, делает недостаточно, чтобы улучшить ситуацию, и не оказывает социальную помощь своим гражданам (41 интернет-мем);

3. Сравнение. Большой пласт интернет-мемов сравнивает ситуацию с Covid-19 с другими проблемами на Ближнем Востоке. Так, например, сравнивалась самоизоляция человека с постоянным местом жительства и беженца. Таким образом привлекалось внимание к проблеме с мигрантами. Большое количество интернет-мемов посвящается проблеме переедания во время самоизоляции у людей среднего класса и людей находящихся в сложной социально-экономической ситуации. В качестве примера приводится Йемен, переживающий наибольшую гуманитарную катастрофу в мире. Всего этой тематике посвящён (31 интернет-мем).

4. Религиозная тематика: молитвы и призыв к терпению (5 интернет-мемов).

Таким образом, анализ 100 отобранных нами интернет-мемов показал, что данный жанр популярной культуры несёт в себе не только развлекательный посыл, но и привлекает внимание к общественным проблемам.

Отдельного и более детального изучения заслуживает тема песенной популярной культуры на Ближнем Востоке с темой Covid-19. Во времена кризисов и нестабильности популярная культура помогает понять и принять новые реалии. Массовая культура задаёт определённое настроение, создаёт эмпатию и ощущения единства. Особенно роль популярных исполнителей заметна на Ближнем Востоке. Так, во времена революций они поют гимны для мобилизации общественности, а после войны и конфликта увековечивают память павших.

Тема Covid-19 в арабской популярной культуре также нашла своё отражение, в том числе в виде новых музыкальных композиций. Нами было отобрано 20 песен о коронавирусе с популярных Youtube каналов. Анализ отобранного материала показал, что в песнях о коронавирусе доминируют две темы:

1. призыв к тщательной личной гигиене и соблюдению социальной дистанции;

2. оплакивание жертв вируса.

Первоначально тема коронавируса появилась на государственных медиаплатформах: на различных телевизионных каналах транслировались рекламные ролики с использованием музыки и стихотворных форм, чтобы предупредить общественность об опасностях, исходящих от коронавируса. Лёгкие и простые стихотворные формы, а также синтез современных и традиционных музыкальных мотивов делает данный продукт запоминающимся, а следовательно - эффективным.

Позднее продукты массовой культуры, в которых затрагиваются вопросы

пандемии и коронавируса, стали производиться независимыми музыкантами, профессионалами и просто аматорами. Таким образом, изначально массовая культура с компонентом «коронавирус» была произведена «в верхах» для широких масс, а далее массы сами стали вовлечены в производство данного материала.

Проанализируем несколько популярных песен с темой Covid-19:

Марокканское музыкальное трио выпустило песню под названием *خليك في دارك من أجل سلامتك وسلامة أحبائك* (*Оставайся дома ради себя и своих любимых*). В ней акцентируется внимание на необходимости сохранения безопасности в Марокко, воспеваются национальное единство и солидарность. Традиционные андалусские мотивы и изящная рифма делает песню легко запоминающейся.

Особого внимания заслуживает музыкальная композиция другой марокканкой женской группы *شيوخات بلادنا* (*Старейшины нашей страны*) «*أكورونا سيرى*» «*Фхалк المغرب ماشي ديالك*» (*Корона уйдёт и Марокко будет в порядке*). В этом популярном продукте используется диалект, что делает песню более понятной и близкой для определённой части марокканского общества. Музыкальный коллектив состоит исключительно из представительниц женского пола, что даёт некоторым основание усматривать некий посыл о свободе слова и права самовыражения женщин. Именно по этой причине комментарию под видео изобилуют сообщениями профеминистического характера.

Стоит отметить песню «*خليك بالبيت*» (*Оставайся дома*) ливанской исполнительницы Фейруз. Хотя впервые эта песня прозвучала ещё в 1983, однако в условиях вынужденной самоизоляции вновь набрала популярность и стала своеобразным гимном сегодняшней пандемии коронавируса в Ливане.

Песня «*كورونا*» (*Корона*) исполнителя *صقر خمّاش Saqr Khammash* призывает к ношению масок. Видеоклип изобилует традиционными мотивами: мечети, пу-

стыня, дабка (особый стиль танца). Примечательно, что в песне обвиняется Китай в связи с распространением пандемии.

Большой пласт песен о коронавирусе адресован детской аудитории. Например: песня «*كو-كو-كو-كورونا*» (*كوكو كورونا*).

Популярным песням на арабском языке на тематику, связанную с коронавирусом, могут быть присущи следующие признаки:

использование классического арабского языка для привлечения широкой арабской аудитории;

возможно использование диалектных форм арабского языка, что способствует охвату дополнительной аудитории. Данные популярные песни также несут посыл: патриотизм, единство нации, безопасность страны;

синтез традиционных и современных музыкальных мотивов, что способствует популяризации песни как среди молодёжи, так и людей старшего поколения;

в отдельных песнях о коронавирусе, которые вышли в марте 2020 года, присутствует сифофобия. В последующих популярных песнях антикитайский аспект не наблюдается;

большой пласт песен нацелен на детскую аудиторию.

Заключение

Массовая культура в арабских странах представляет собой динамичную сферу, которая быстро реагирует на социальные изменения. Арабская популярная культура в вопросах о коронавирусе на первом этапе своего развития производилась «в верхах» и спускалась в массы. Но с самоизоляции общество само стало производить популярный продукт о коронавирусе. Анализ 100 интернет-мемов, связанных с коронавирусом, позволил выделить в арабских странах 4 основные тематические направления: развлечение, критика власти, привлечение внимания к социальным проблемам, религия. Деталь-

ное изучение 20 популярных песен о коронавирусе на лексическом и антропологическом уровнях показывает, что арабская метрическая система (аруд - عروض), традиционные музыкальные инструменты и словообразовательные возможности языка способствуют популярности и лёгкому запоминанию песен. Тематически песни о коронавирусе можно разделить на две основные группы: призыв к соблюдению правил санитарии и оплакивание жертв вируса.

Вопрос коронавируса продолжает стоять на повестке дня, следовательно, арабская популярная культура и далее будет производить соответствующую продукцию. По этой причине мы не можем назвать данное исследование исчерпывающим, однако оно, несомненно, будет полезно для антропологов, лингвистов и социолингвистов, занимающихся изысканиями в области современных тенденций арабской популярной культуры. Перспективной для дальнейших исследований представляется тема изучения психологического аспекта самоизоляции в арабских странах и её отображение в арабской популярной культуре.

Литература

1. Ашин Г.К. Буржуазная массовая культура.- М.: Знание, 1988. 40 с.
2. Ашин Г.К. Вторжение без оружия.- М.: Сов. Россия, 1985. 150 с.
3. Ашин Г.К. Миф об элите и массовом обществе.- М.: Знание, 1966. 90 с.
4. Ашин Г.К. Мидлер А.П. Буржуазная массовая культура и ее новейшие разновидности: В кн.: Культура и идеологическая борьба. М.: Мысль, 1979. – 290с.
5. Ашин Г.К., Мидлер А.П. В тисках духовного гнета : Что популяризирует СМК США. М.: Мысль, 1986. - 253 с.
6. Ефремов Ф.А. Юнг и расширение методологической базы гуманитарных наук: Тезисы докладов участников Вторых Бахтинских чтений, 28-30 янв. 1991 года. Изд-во Мордовского ун-та, 1992. - 428 с.
7. Жуков В.Ю. Основы теории культуры: Учебное пособие для студентов вузов. - СПб.: СПбГАСУ, 2004. - 227 с.

8. Зоркая Н.М. На рубеже столетия: У истоков массового искусства России 1900-1910 годов,- М.: Наука, 1976. - 304 с.

9. Карцева Е.Н. Кич или Торжество пошлости. М.: Наука, 1977.- 205 с.

10. Карцева Е.Н. Массовая культура в США и проблема личности. М.: Наука, 1974. - 192 с.

11. Christopher Stone. Popular Culture and Nationalism in Lebanon: The Fairouz and Rahbani Nation. Routledge Studies in Middle Eastern Literatures. New York: Routledge, 2007.

12. El Hamamsy, Walid and Mounira Soliman, The aesthetics of revolution: popular creativity and the Egyptian spring, in Popular Culture in the Middle East and North Africa: A Postcolonial Outlook, Walid El Hamamsy and Mounira Soliman, eds. London and New York: Routledge: pp. 246-260, 2013

13. Magdalena Karolak, Nermin Allam Gulf Cooperation Council Culture and Identities in the New Millennium, ISBM 978-981-15-1528-6. Palgrave Macmillan, Singapore – 2020.

14. McDonald, David. My Voice is My Weapon. 2013.

15. Stokes, Martin. The Republic of Love. 2010

16. Valassopoulos, Anastasia and Mostafa, Dalia S., Popular Protest Music and the 2011 Egyptian Revolution. Popular Music and Society, 37:5: 638–659, 2014

17. Yevs E. Democratizing Culture or Cultural Democracy. // The Journal of Arts Management, Law and Society / Evrard Yevs. — 1997. — Vol. 27, no. 3. — pp. 167–175

18. Adam Mestyan. Arab Patriotism: The Ideology and Culture of Power in Late Ottoman Egypt (Princeton: Princeton University Press, 2017). Pp. 368. ISBN 9780691172644.

19. Ahmed, S What is Islam? The Importance of Being Islamic. Princeton: Princeton University Press. (2016)

COVID-19 in arabic popular culture

Souhoroukov A.N., Marashli I.Kh.

Crimean Federal University V. I. Vernadsky

This article aims to explore the topic of COVID-19 in Arab popular culture. The author

hypothesizes that the Arab popular culture plays an important social role, it reflects and shapes new social and political realities. To confirm this hypothesis, a qualitative and quantitative analysis is carried out. The paper uses a descriptive method. The research methodology is consistent with the principles of systemicity, complexity, ascent from the abstract to the concrete. In the first part of the study, the concept of "mass culture" is determined, the dynamics of the development of the Arab popular culture and its functions are examined.

To confirm the hypothesis, in the second part of the current research paper 100 Arab Internet memes about the coronavirus and 20 songs about COVID-19 were selected and analysed. The results of our study made it possible to underline the main thematic blocks of popular musical culture: a call for hygiene, mourning for patients with coronavirus. A quantitative analysis of 100 Internet memes allowed us to distinguish 4 thematic blocks: entertainment, criticism of power, religion, raising social problems. This article will be useful to philologists, anthropologists, media figures, as well as all those who are interested in the modern Middle East.

Keywords: COVID-19, coronavirus, Arabic, popular culture, Internet, social network, self-isolation, anthropology, Middle East.

References

1. Ashin G.K. Bourgeois mass culture.- M.: Knowledge, 1988.40 p.
2. Ashin G.K. Invasion without weapons.- M.: Sov. Russia, 1985.150 s.
3. Ashin G.K. The myth of the elite and mass society.- M.: Knowledge, 1966. 90 p.
4. Ashin G.K. Midler A.P. Bourgeois mass culture and its latest varieties: In: Culture and ideological struggle. M.: Thought, 1979.- 290s.
5. Ashin G.K., Midler A.P. In the grip of spiritual oppression: What is popularizing the QMS of the USA. M.: Thought, 1986.- 253 p.
6. Efremov F.A. Jung and the expansion of the methodological base of the humanities: Abstracts of participants in the Second Bakhtinsky readings, January 28-30. 1991 year. Publishing House of Mordovia University, 1992.-- 428 p.
7. Zhukov V.Yu. Fundamentals of the theory of culture: a manual for university students. - SPb.: SPbGASU, 2004.-- 227 p.
8. Zorkaya N.M. At the turn of the century: At the origins of Russian mass art of 1900 1910, - M.: Nauka, 1976. - 304 p.
9. Kartseva E.N. Kitsch or The triumph of vulgarity. M.: Nauka, 1977.-- 205 p.
10. Kartseva E.N. Mass culture in the USA and the problem of personality. M.: Nauka, 1974.- 192 p.
11. Christopher Stone. Popular Culture and Nationalism in Lebanon: The Fairouz and Rahbani Nation. Routledge Studies in Middle Eastern Literatures. New York: Routledge, 2007.
12. El Hamamsy, Walid and Mounira Soliman, The aesthetics of revolution: popular creativity and the Egyptian spring, in Popular Culture in the Middle East and North Africa: A Postcolonial Outlook, Walid El Hamamsy and Mounira Soliman, eds. London and New York: Routledge: pp. 246-260, 2013
13. Magdalena Karolak, Nermin Allam Gulf Cooperation Council Culture and Identities in the New Millennium, ISBN 978-981-15-1528-6. Palgrave Macmillan, Singapore - 2020.
14. McDonald, David. My Voice is My Weapon. 2013.
15. Stokes, Martin. The Republic of Love. 2010
16. Valassopoulos, Anastasia and Mostafa, Dalia S., Popular Protest Music and the 2011 Egyptian Revolution. Popular Music and Society, 37: 5: 638-659, 2014
17. Yevs E. Democratizing Culture or Cultural Democracy. // The Journal of Arts Management, Law and Society / Evrard Yevs. - 1997. - Vol. 27, no. 3. - pp. 167-175
18. Adam Mestyan. Arab Patriotism: The Ideology and Culture of Power in Late Ottoman Egypt (Princeton: Princeton University Press, 2017). Pp. 368. ISBN 9780691172644.
19. Ahmed, S What is Islam? The Importance of Being Islamic. Princeton: Princeton University Press. (2016)

Формально-прагматическая теория Ю. Хабермаса как инструмент анализа проблем становления информационного общества

Милых Александр Олегович

аспирант, кафедра социальной философии и философии истории, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, books-93@mail.ru

В статье рассмотрены представления Ю. Хабермаса о социальной коммуникации в формально-прагматической парадигме. Понятия, служащие основой коммуникативной теории автора: диалектическое взаимодействие системы и жизненного мира, коммуникативная рациональность и дискурсивная мораль, соотносятся с проблемами современного общества. В статье рассмотрены представления Ю. Хабермаса о социальной коммуникации в формально-прагматической парадигме. Понятия, служащие основой коммуникативной теории автора: диалектическое взаимодействие системы и жизненного мира, коммуникативная рациональность и дискурсивная мораль, соотносятся с проблемами современного общества. Хабермас предлагает свою теорию рационализации, основанной на фундаментальном различии между трудом и интеракцией. Под трудом понимается целенаправленное действие в широком смысле, основанное на эмпирическом и аналитическом знании, а под интеракцией – коммуникативное действие, опосредованное и обоснованное действующими нормами морали и этики.

Ключевые слова: коммуникативное действие, кризис морали, информационное общество, интеракция.

Информационное общество характеризуется проникновением информационно-коммуникативных технологий во все сферы общественной жизни, что ставит теорию коммуникации в положение опорной точки социально-философских исследований современных социальных процессов. Именно в области исследований коммуникации представляется возможным найти причины и пути решения возникающих противоречий общественного развития в XXI веке, к которым относятся, например, цифровое неравенство, кризис морали, кризис государственного управления и т.д. Данные проблемы, будучи характерными для стадии кризиса позднего капитализма в целом, приобретают всемирный характер вследствие повсеместного внедрения ИКТ и возникновения глобального социо-экономического пространства, мультикультурного по его сущности.

Особая роль теории коммуникации обусловлена необходимостью поиска оснований взаимодействия и диалога между различными социальными акторами, коренящихся в природе социального достаточно глубоко, чтобы преодолеть культурные, политические и социально-экономические противоречия, характерные для современных обществ.

В этой связи значимую роль для исследователей играет теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, рассматривающая социальную коммуникацию в формально-прагматическом ключе. Являясь представителем поздней Франкфуртской школы и учеником Т. Адорно, Ю. Хабермас достаточно далеко ушел от неомарксистской критиче-

ской теории, рассматривающей преимущественно политическую роль массовых коммуникаций в связи с проблемами становления тоталитарных обществ.

Коммуникативная рациональность и коммуникативное действие

Не оспаривая в целом роль инструментальной рациональности в процессах усиления господства и доминирования, Ю. Хабермас, тем не менее, не соглашается с возможностью существования некой иной формы техники и науки, так как считает их прямыми производными человеческой природы как таковой, отражающими потребность замещения средств человеческого труда посредством целенаправленных рациональных действий. Таким образом, технология рассматривается как политически нейтральная, предшествующая каким-либо политическим или идеологическим интересам. В качестве альтернативы предложению Г. Маркузе искать основы критической теории в человеческих инстинктах, так как те базируются на недоказуемых гипотезах о человеческой природе, Ю. Хабермас предлагает свою теорию рационализации, основанной на фундаментальном различии *между трудом и интеракцией* [2, 66].

Под «трудом» Хабермас понимает **целерациональное действие** в широком смысле (т.е. инструментальное действие, рациональный выбор или их сочетание), производимое по техническим правилам и основанное на эмпирическом и аналитическом знании. Под «интеракцией», напротив, понимается **коммуникативное действие**, символически опосредованное и обоснованное действующими нормами морали и этики, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания акторов. Таким образом, «...смысл объективируется в коммуникации посредством разговорного языка» [2, 67], что обуславливает новый тип рациональности - коммуникативный. Коммуникативная рациональность – это основная рациональ-

ная структура коммуникативного действия, которая содержит тот эмансипирующий потенциал, который критическая теория считает утраченным из-за господства инструментальной рациональности в политике и культуре. Ю. Хабермас видит **роль критической теории не в том, чтобы разоблачать ложные структуры сознания и искаженные предпочтения доминирующего класса, а в выявлении препятствий свободной коммуникации, с помощью которой эти предпочтения могут быть выработаны intersubjectively**.

В этой связи необходимо подробно рассмотреть понятие и структуру **коммуникативного действия**. Его корни прослеживаются в теории социального действия, предложенной М. Вебером [6, 36-60] и развитой Т. Парсонсом, однако есть и существенные отличия. Основным мотивом социального действия в капиталистическом обществе у М. Вебера является получение выгоды, вытекающей из рационального сопоставления целей, средств и последствий для каждого из участвующих субъектов. Для Ю. Хабермаса, рациональность основана скорее на стремлении к установлению взаимопонимания, при котором будет создана единая и транспарентная для участников конвенциональная канва возможных действий. Как и целерациональное действие у Вебера, коммуникативное действие требует ориентации на понятную цель, что дает возможность выработки коллективного решения путем согласования референций. Таким образом, коммуникативное действие – это «действие, ориентированное на достижение взаимопонимания и согласия» [1]. Коммуникативное действие имеет **прагматическую природу**: речевые ограничения, возникающие в нем, «должны препятствовать эксклюзивности диалога, т.е. немотивированному исключению из круга его участников тех, кого касается разговор, а также предоставлению привилегий тем или иным участникам или темам, –

и обеспечивать тем самым равное обращение с каждым; кроме того, они не должны допускать репрессий и манипуляций, оказания какого бы то ни было влияния нериторическими средствами. Эти коммуникативные условия до мельчайших подробностей копируют прагматические предпосылки совместного поиска истины» [3, 77].

Для понимания концепции коммуникативной рациональности как основания для решения проблем, возникающих в ходе кризиса позднего капитализма, существенным фактором является разделение Ю. Хабермасом двух фундаментальных составляющих общества – «системы» и «жизненного мира», находящимися в постоянном диалектическом взаимодействии в *публичной сфере*. С одной стороны, системные силы постоянно стремятся к доминированию над жизненным миром при помощи инструментальных рациональных средств, подменяя процесс диалога между властью и обществом манипулятивными механизмами. С другой – жизненный мир стремится колонизировать систему посредством влияния на стратегические формы экономических и правовых действий коммуникативными формами действий, ответственных за социализацию, культурную передачу и социальную интеграцию. Именно жизненный мир посредством обеспечения возможности коммуникативных действий обеспечивает саму возможность критического мышления [8].

Система, по Ю. Хабермасу, – это сфера организованного труда и управления, регулируемая императивами денег и власти. Системно-теоретическое понимание кризиса, преобладающее в современной социальной науке, основано на предположении, что кризис возникает «...когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для сохранения самой системы» [5, 10], являясь постоянной помехой системной интеграции. Су-

щественным недостатком такого подхода является игнорирование внутренних причин, ведущих к перегрузке системы управления, что обусловлено сложностями «...которые проявляются при попытке однозначно определить границы и состав социальных систем на языке самой теории систем» [5, 11]. Ю. Хабермас рассматривает кризис социальной системы как амбивалентный, т.е. кризис идентичности с одной стороны и кризис управления – с другой. Возникающий из неразрешенных проблем управления, кризис в конечном итоге приводит к пересмотру оснований идентичности, лежащих в основе социальной интеграции, которая рассматривается Ю. Хабермасом как символически структурированный жизненный мир.

Системная теория вынужденно рассматривает социальную эволюцию однобоко – как «усиление власти посредством уменьшения комплексности окружающего мира» [5, 16], препятствуя возможности разрешения проблем путем открытого общественного дискурса. А такие важные культурные понятия как «истина» и «правильность» перестают играть конституирующую роль и начинают пониматься как средства управления, наряду с властью, деньгами, влиянием и т.д.

Такой подход объясняет многие «перекося» современного постиндустриального сетевого общества, например, тотальное взаимопроникновение политики (как элемента управляющей системы) и средств массовой коммуникации (воспроизводящих смыслы и интенции «жизненного мира»), и становится особенно актуальным вместе с повсеместным распространением социальных сетей и других форм цифровых коммуникативных технологий. Данное взаимопроникновение приводит, с одной стороны, к политизации языка, и к медиатизации политики, выражающейся в подчинении политики правилам функционирования массмедиа – с другой. Именно эти феномены, неразрешимые

при помощи стандартных аналитических средств системного и структурно-функционального подходов в социологии, побуждают многих исследователей искать пути осмысления феноменов за пределами структурализма в рамках применения «постструктуралистского» подхода в социальных науках и социальной философии.

Однако, в отличие от многих социальных философов, в том числе своих наставников из Франкфуртской школы, Ю. Хабермас не ограничивается констатацией кризиса философии модерна и системного подхода как такового, и не отказывается от него, а предлагает решение, лежащее за пределами как системной теории, так и релятивистских воззрений представителей философии постмодерна.

Дискурсивная этика и универсализм

Как и И. Кант, Ю. Хабермас придерживается нормативного подхода к морали, однако трактует его несколько иначе. Если для Канта «моральный императив» кроется в природе самого человеческого разума, вследствие чего моральное поведение присуще всем без исключения объективно мыслящим субъектам, что подразумевает наличие трансцендентных, единых для всех моральных норм, то для Ю. Хабермаса мораль intersubjectively и является продуктом открытой коммуникации в рамках жизненного мира. Иными словами, Ю. Хабермас совмещает формализм Канта, основанный на отказе от любых субъективных представлений, с герменевтической традицией «понимания» другого. Поскольку в сфере этики, как и в сфере познания, существует объективная истина (объективное добро и объективное зло), нравственная интуиция человека, по Ю. Хабермасу, играет ту же роль для этики, что и восприятие в познании окружающей действительности.

Восприятие – это то, что дано нам непосредственно, однако полученная с его помощью информация должна быть обработана, систематизирована в структуру понятий и осмыслена с помощью

теории, а теория – должна быть проверяема на практике при помощи экспериментов. Само восприятие при этом остается первичным элементом процесса познания, без которого познание невозможно. Тот же самый подход Ю. Хабермас предлагает применить к нравственным чувствам – они должны быть осмысленны, проверены, систематизированы и т.д. При этом какие-то из них не смогут найти подтверждения и будут признаны неправильными (как иллюзия зрения, опровергаемая в ходе научного познания) в рамках коммуникативной рациональности публичного дискурса.

Ю. Хабермас вводит принцип **универсализации**, согласно которому «всякая действенная норма должна удовлетворять тому условию, чтобы те прямые и побочные последствия, которые так или иначе вытекают из всеобщего следования ей в отношении удовлетворения интересов каждого отдельного лица, могли быть приняты всеми, кого они касаются» [4, 104].

При этом побочные последствия оказались бы предпочтительнее результатов других известных им возможностей урегулирования. Т.е. Хабермас делает *акцент на последствиях реализации* на практике тех или иных моральных норм. С другой стороны, дискурсивная этика Хабермаса не тождественна утилитаризму, который провозглашает, что главным правилом установления той или иной нормы является максимальная польза для максимального количества лиц. Во-первых, у Хабермаса речь идет не о большинстве, а о всех индивидуумах. Во-вторых, речь идет не о пользе или вреде, а о согласии человека с объективностью (справедливостью) этой нормы, выработанном на основании аргументации в ходе публичной дискуссии.

Заключение

Таким образом, рассматриваются фундаментальные социально-философские основы теории коммуникации Ю. Хабермаса, позволяющие раскрыть ее потенциал при анализе процессов и

проблем, связанных со становлением глобального информационного общества, такие как диалектическое взаимодействие системы и жизненного мира, коммуникативная рациональность и дискурсивная мораль. Именно эти понятия позволяют Ю. Хабермасу выйти за рамки критической и системных теорий, с одной стороны, и морального релятивизма философии постмодернизма с другой, закладывая основы возможности решения противоречий, возникающих в ходе развития социальных систем, через этику взаимопонимания, заложенную в структуре разговорного языка. При этом очевидная идеалистичность (особенно в рамках XX века) данной концепции компенсируется в последние десятилетия, с одной стороны, уровнем развития ИКТ, позволяющим без особого труда на техническом уровне реализовать тот самый публичный дискурс всех со всеми, а с другой – наличием у мировой общественности консенсуса по поводу наличия глобальных проблем, требующих согласованных решений в краткосрочной и среднесрочной перспективах.

В связи с этим, формально-прагматический подход Ю. Хабермаса не просто вносит значимый вклад в социально-философский анализ коммуникации, но имеет ряд возможностей для широкого практического применения в социальных практиках информационного общества.

Литература

1. Вербилович О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал. – Эл. ресурс: https://cmd.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Verbilovich_Теория%20коммуникативного%20действия.pdf (Дата обращения: 25.03.2020).

2. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. Философские фрагменты – М.-СПб: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

3. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. – СПб.: Наука, 2001. – 417 с.

4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

5. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – М.: Образ общества, 2010. – 264 с.

6. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. Т.8. №3. – 2009 – С. 37-60.

7. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – 208 с.

8. Bar-Tura A. Habermas and Public Reason in the Digital Age: Technology and Deliberative Democracy. Эл. ресурс: https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2934&context=luc_diss (Дата обращения: 05.04.2020).

The formal and pragmatic theory of communication by Y. Habermas as a tool for analyzing the process of formation of the information society

Milykh A.O.

Moscow State University named by M. V. Lomonosov, department of philosophy

The author of the article investigates the ideas of J. Habermas about social communication in the formal pragmatic paradigm. The concepts served as the foundation of the authors communicative theory are: the dialectical interaction between the system and the life world, communicative rationality and discursive morality are correlated with the problems of the contemporary society. Habermas offers his own theory of rationalization founded on the fundamental difference between labor and interaction. The concept «labor» understood as a purposeful action in the broad sense based on the empirical and analytical knowledge and interaction is understood as a communicative action, mediated and grounded by the operational standards of morality and efficacy.

Keywords: communicative action, moral crisis, information society, interaction.

References

1. Verbilovich O. Theory of communicative action: key categories and cognitive potential. – El. resource: https://cmd.hse.ru/data/2014/03/04/1333203494/Verbilovich_Theory%20of%20the%20communicative%20action.pdf (Date of access: 25.03.2020).

2. Horkheimer M., Adorno T. Dialectics of education. Philosophical fragments - M.-SPb: Medium, Juventa, 1997. - 312 p.
3. Habermas J. Involvement of another. Essays on political theory. - St. Petersburg: Nauka, 2001 .-- 417 p.
4. Habermas J. Moral consciousness and communicative action. - St. Petersburg: Nauka, 2001 .-- 380 p.
5. Habermas J. The problem of legitimation of late capitalism. - M .: The image of society, 2010 .-- 264 p.
6. Habermas J. Theory of rationalization of Max Weber // Sociological review. T.8. Number 3. - 2009 - S. 37-60.
7. Habermas J. Technique and science as an "ideology". - M .: Praxis, 2007. –208 s
8. Bar-Tura A. Habermas and Public Reason in the Digital Age: Technology and Deliberative Democracy. Email resource: https://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2934&context=luc_diss (Date of access: 04/05/2020).

Концепция инклюзии в контексте философии инструментализма

Музыка Оксана Анатольевна,
доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и социальной педагогики Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиала) ФГБОУ ВО "Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)", omuzika@gmail.com

Холина Оксана Александровна,
кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал), vitl_2002@list.ru

В статье рассматривается проблема использования инструменталистской концепции в контексте философии образования. В качестве актуального представляется инструментально-философский подход к концепции современного образования, к ее сферам, связанным с инклюзивным образованием. Представление особенностей философии и специальных методик инклюзии представляется значимым моментом в интегральном конструировании «включающего» общества, где реализуются возможности человека с ООП (особыми образовательными потребностями).

Ключевые слова: философия инструментализма, «включающее» общество, ментальные образы, инклюзивное образование, философия инклюзии, особые образовательные потребности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Осмысление социально-философского феномена образовательной инклюзии в контексте зарубежных и отечественных методологических подходов и моделей», № 19-013-00117

В современных исследованиях по социальной философии проблема использования инструменталистской концепции в контексте философии образования получила развитие и определенные интерпретации. Значительный интерес представляет применение философского инструментализма для становления теории инклюзии. Теоретические основания инструментализма имеют прикладные аспекты для различных педагогических теорий. В качестве актуального представляется инструментально-философский подход к философии образования, к ее сферам, связанным с инклюзивным образованием. Представление особенностей философии и специальных методик инклюзии представляется значимым моментом в интегральном конструировании «включающего» общества, где реализуются возможности человека с ООП (особыми образовательными потребностями).

Инструментализм как философская теория и методологическая установка получил активное использование в философии образования и различных педагогических концепциях. Ряд базисных положений инструментализма, используемый понятийно-концептуальный аппарат, позволяют проводить исследования, касающиеся формирования социальной структуры различных типов социумов, в том числе – «включающего» общества. Для изучения такого общества важны идеи, связанные с инструментальным характером приспособления человека к конкретному социуму, внесением в него стабильности, порядка и определенности, трансформацией реальности в «понятное» для людей социальное пространство. Послед-

нее во «включающем» обществе понимается как пространство специальной социальной группы (людей с ООП).

В подобном пространстве специальной социальной группы происходит процесс совместной целерациональной деятельности субъектов с ООП, их обучение и воспитание в рамках реализации практических задач по организации эффективного функционирования «включающего» общества. Инструменталистские концепты и технологии необходимы для понимания и объяснения механизмов перехода от «принимающего» общества к «включающему».

Следуя идеям философии инструментализма отметим, что внутри социальной структуры субъектов с ООП рассуждения о специфике и содержании социальной реальности, инициирующей «включающее» общество не имеют особого значения без обращения к познавательной и практической деятельности самих людей с ООП. Это, конечно, накладывает отпечаток на специфику мыслительно-креативной деятельности таких людей.

На приоритетные позиции выходит инструментальная эффективность, определяющая и гарантирующая результат и успех в русле реализации целей и задач, стоящих перед специальной социальной группой. Осмысление деятельности субъектов с ООП в группе происходит в соответствии со схемами и проектами мира повседневности. Переход от повседневного мира к многообразию реальности «включающего» общества осуществляется посредством операционального характера жизнедеятельности субъектов с ООП.

В контексте идей инструменталистской философии рассмотрим практические и методические аспекты по реализации инклюзивной формы образования для субъектов с ООП, которые также позволили выделить ряд направлений и подходов, исходя из их содержания:

1) Фасилитирующий подход. В его практике реализация инклюзии осно-

вана на том, чтобы не подгонять субъекта с ООП под общественные, личные, социальные представления о том, каким он должен быть, а сформировать его образ, индивидуальную траекторию личностного и психического развития, исходя из его потребностей, возможностей, при его непосредственном участии.

2) Экспертный подход. В рамках данного подхода представленные работы направлены на описание степени влияния на потенциал субъекта с ООП различных социально-экономических, психологических, педагогических, медицинских и прочих факторов. Данный подход направлен на выработку критериев потенциала субъекта с ООП на систематической и целенаправленной основе. Сверхзадача данного подхода в том, чтобы «достроить» критерии частных экспертных оценок, ввести их в образовательный контекст на системной основе, способствовать максимальному «очеловечиванию» инклюзивной практики. Основные функции экспертного подхода в инклюзивной теории и практике: этический контроль реализации инклюзии; коллективное познание (истина, недоступная для одного, доступна «совокупности мышлений»), глубинное общение в инклюзивной практике на основе выделяемых критериев.

3) Оценочный подход направлен на выделение и систематизацию возможных оценок участия и эффективности взаимодействия различных субъектов образовательного процесса (педагогов, сверстников, родителей, администрации образовательной организации, представителей власти, психологов, социальных работников, тьюторов, волонтеров и т.д.). Работы, представленные в рамках данного подхода, реализовывали попытку выработать систему оценок по нескольким направлениям: оценка деятельности и успехов самого субъекта с ООП, оценка слаженности действий окружающих его людей

4) Подход, в основе которого сопровождение. Характеристики психологи-

ческого сопровождения, которые делают его актуальным в рамках работы с субъектами с ООП: процессуальность; недирективность; погруженность в реальную жизнь человека.

Следовательно, анализируя подходы, которые сложились в конкретной методике и практике реализации инклюзивного образования, можно говорить о своеобразном психолого-педагогическом коучинге, который направлен на реализацию и развитие личностного потенциала субъектов с ООП, повышение их социально-психологической адаптивности и самостоятельности в социуме и среде.

В целом, необходимо помнить о высоком уровне сложности проблем, связанных с практикой реализации обучения и воспитания субъектов с ООП, что говорит о необходимости утверждения междисциплинарного, метапредметного подхода в их исследовании, что обеспечит анализ, интерпретацию и интеграцию знаний разных научных областей.

Тем не менее, несмотря на многоаспектность инклюзивной теории и практики, необходимо разработать синтетический комплексный подход, который позволит не просто разработать методологию реализации инклюзии и конкретные практические алгоритмы, но принять инклюзивное образование в среде не только ученых и практиков системы образования, но также педагогов-практиков, родителей, самих субъектов с ООП, что требует их максимальной внутренней вовлеченности и мотивированности, которая не будет навязана извне, в качестве объекта должностования.

В связи с этим считаем, что необходимо действовать через когнитивную модель смыслового принятия инклюзии всеми субъектами образовательного процесса. Для этого необходимо смоделировать реальность из когнитивных образов, которые станут своеобразными единицами, конструирующими образовательное пространство таким образом, чтобы можно было говорить не

об обязательном выполнении, но внутреннем принятии всех необходимых перемен, связанных с реализацией инклюзивной практики.

Когнитивный образ – центральная категория, объясняющая и описывающая внутреннюю психическую реальность, являющаяся связующим звеном между материальным внешним и психическим внутренним миром. Адекватная модель опирается на следующую логику: прежде, чем внедрять в практику разработанные теоретические положения инклюзии в образовании, необходимо сформировать систему внутреннего принятия всех планируемых мероприятий участниками процесса. Для этого необходимо донести до них всю нужную информацию в формате четко выстроенных когнитивных образов, которые они смогут оценить. Такая модель повышает эффективность реализации теоретических и практических алгоритмов внедрения инклюзии в практику массовых образовательных организаций.

В исследовании вопросов обучения и воспитания субъектов с ООП выделяют следующие мировоззренческие аспекты: онтологический (связь обучения и познания), аксиологический (приоритеты и ценности обучения и воспитания субъектов с ООП), философско-антропологический (обобщение научных данных о субъекте с ООП), историко-философский (реконструкция взглядов ученых прошлого на инклюзивную проблематику), социально-философский (рассмотрение явления обучения и воспитания субъектов с ООП в социокультурном аспекте).

Литература

1.Аверина Н.В., Попов В.В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // Философия права. 2011. № 4 (47). С. 86-90.

2.Музыка О.А. Аксиологическая компонента социальной синергетики в системе развития общества. Автореферат диссертации на соискание ученой сте-

пени доктора философских наук / Северо-Кавказский государственный технический университет. Таганрог, 2007. 34с.

3. Музыка О.А. Социальная синергетика: методология, семантика, аксиология. Учебное пособие / О.А. Музыка. Ростов-на-Дону. Изд-во: ЮФУ. 2010. 288 с.

4. Музыка О.А. Методологические аспекты исследования нелинейного процесса развития общества в "бифуркационном поле". Философия права. 2010. № 6 (43). С. 21-25.

5. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергический подход). Власть. 2009. № 10. С. 79-82.

6. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 419-421.

8. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Социальное противоречие в контексте социальных процессов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

9. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В. Социальные трансформации в правовых отношениях // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 3-2. С. 315-318.

10. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 7. С. 111-114.

11. Попов В.В., Щеглов Б.С., Лойтаренко М.В. Особенности интегральной интерпретации вероятности в контексте факторов оценки и темпоральности // Философия права. 2015. № 2 (69). С. 23-27.

12. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового со-

знания социального субъекта // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 5730-5733.

13. Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке // Философия права. 2012. № 5 (54). С. 86-90.

14. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2011. № 7-8 (15-16). С. 39-45.

15. Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография. М.: МГППУ, 2013. С. 25-38.

Concept of inclusion in the context of the philosophy of instrumentalism

Musika O.A., Kholina O.A.

Rostov State University of Economics

The article deals with the problem of using the instrumentalist concept in the context of the philosophy of education. An instrumental and philosophical approach to the concept of modern education and its areas related to inclusive education is presented as relevant. The presentation of the features of philosophy and special methods of inclusion is a significant moment in the integral construction of an "inclusive" society, where the capabilities of a person with OOP (special educational needs) are realized.

Key words: philosophy of instrumentalism, "inclusive" society, mental images, inclusive education, philosophy of inclusion, special educational needs.

References

1. Averina N.V., Popov V.V. The time factor in deterministic and indeterministic theories of the historical process // Philosophy of Law. 2011. No. 4 (47). S. 86-90.
2. Music O.A. Axiological component of social synergetics in the development system of society. Abstract of dissertation for the degree of Doctor of Philosophy / North Caucasian State Technical University. Taganrog, 2007. 34s.
3. Music O.A. Social synergetics: methodology, semantics, axiology. Textbook / O.A. Music. Rostov-on-Don. Publishing House: SFU. 2010. 288 p.

4. Music O.A. Methodological aspects of the study of the nonlinear process of development of society in the "bifurcation field". The philosophy of law. 2010. No. 6 (43). S. 21-25.
5. Music O.A. Man and society in times of crisis (synergistic approach). Power. 2009. No. 10. P. 79-82.
6. Popov V.V., Music O.A., Maksimova S.I. Alternative science in the context of social development // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 373-375.
7. Popov V.V., Music O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of subjective reality of a person // Eurasian Law Journal. 2017. No. 4 (107). S. 419-421.
8. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Social contradiction in the context of social processes // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No. 1-2. S. 361-364.
9. Popov V.V., Music O.A., Kozhenko Y.V. Social transformations in legal relations // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2017. No 3-2. S. 315-318.
10. Popov V.V., Music O.A., Timofeenko V.A. Contradictions in the context of transitional periods of a transitive society // International Journal of Experimental Education. 2016. No. 7. S. 111-114.
11. Popov V.V., Scheglov B.S., Loytarenko M.V. Features of the integral interpretation of probability in the context of assessment factors and temporality // Philosophy of Law. 2015. No. 2 (69). S. 23-27.
12. Popov V.V., Agafonova T.P. The specificity of the temporality of the legal consciousness of a social subject // Fundamental Research. 2015. No. 2. P. 5730-5733.
13. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // Philosophy of Law- 2012- No. 5 (54) - S. 86-90.
14. Popov V.V., Chalenko M.V. Specificity of transitional states of modern Russian society // Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia-2011- No. 7-8 (15-16) - P. 39-45.
15. Shemanov A.Yu. Inclusion in the context of contemporary discussions: philosophical and cultural studies / Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph. M.: MGPPU, 2013. S.25-38.

Абрис современной духовности и эстетики науки: философский аспект

Осин Вячеслав Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского государственного университета, osin_ssu@inbox.ru

В статье в философском аспекте рассматриваются проблемы эстетичности науки – относительно духовной состоятельности научных исследований. Внимание концентрируется на критериях, принципах, компонентах, формах присущих научной эстетике, ее предмете – красоте. Определяется, обосновывается приоритетность факторов их формирующих применительно к настоящему времени. Особая значимость придается феноменам духовности, корневым началам ее определяющим, моральности, нравственности с внутренней самооценкой – совестью. Обосновывается необходимость в различении моральности (с ее отличиями в групповом восприятии) и нравственности, как условия концентрации усилий, в том числе и организационно-правовых, на развитии надлежащих для гражданского общества нравственных качеств человека. Подчеркиваются нежелательные тенденции свойственным названным феноменам, проявляющимся в настоящее время. Указывается на природно-эволюционный характер формирования требуемой нравственности не совместимый с форсированным становлением нынешнего этапа гражданского общества. Предлагаются варианты подходов, без которых создание и развитие качественного (желаемого) уровня человека невозможно. Вносятся предложения в повышение эффективности воспитательных мер, формирующих надлежащий для общества уровень духовности, нравственности, в том числе обеспечивающих и подлинную эстетичность науки.

Ключевые слова: эстетика, эстетичность, духовность, нравственность, моральность, общепризнанные ценности (права и свободы), религиозные нормы, критерии эстетичности, нравственности.

Эстетика (греч. *aisthetikos* – *чувствующий, чувственный*) в философии воспринимается как учение о прекрасном, его законах, нормах, формах и т.д. более всего ориентированных на корневые начала, уходящие в искусствоведческую сферу [5, с. 362-371]. Историко-научное отношение к эстетике, эстетичности не отличается однозначностью, в том числе и с отрицанием научной значимости этих явлений с их интерпретацией «всего лишь как чувств». К настоящему времени философия признает, что «... эстетическое есть чувство-ценность, направленное на возбудитель этого чувства, действительный или воображаемый», тем самым преодолевало «...противостояние субъекта объекту» [6, с. 72], что обусловило их восприятие как достояние-измерителя качества (красоты) иных направлений социальной деятельности, включая и науку. Общим для них моментом явилось творчество, подчиненное принципам учения о прекрасном, красоте. Привнесенное творческое начало соотносилось и с плюралистическим истолкованием явлений, поясняемого многосложностью, неустойчивостью – нарративностью восприятия картины мира, с субъективными ощущениями (впечатлениями) в виде *абриса* мыслимых очертаний, контурности исследуемых объектов, предметов. Отметим при этом, что эстетичность увязывается с улавливанием относительной истины.

Значительное внимание в эстетическом аспекте обращается, по нашему мнению, на соответствие полученных результатов не столько моральным, но и нравственным требованиям, более широкому, многослойному понятию, что предъявляет соответствующие повы-

шенные требования к личности исследователя, всесторонней ее подготовленности, связанную с ответственностью в процессе научных изысканий [7], что не всегда свойственно сфере художественного творчества.

Следствием результатов изысканий должно в обязательном порядке являться осмысление социальных последствий независимо от этапов исследований, что особенно важно для нынешних рыночных условий существования, где во многом приоритетом коллективов, либо индивидов являются условия заказчика. Сказанное относится и к случаям творческой увлеченности лица, самостоятельно занимающегося исследовательской деятельностью. Заглавным в названных случаях является гуманная направленность исследований, исключающую возможность нанесения ущерба миру, здоровью, нравственности человека, среде его обитания.

Было бы правильным в этом случае говорить не об этичности, эстетичности, а об интегрирующем их понятии – духовности сопровождающей исследования. Ее низкий уровень отмечается многими. В частности, такая оценка (с двух позиций) присутствует в интервью известного астрофизика, биоэтика выпускника Гарварда и Массачусетса митрополита Месогей и Лавриотики Николая (Хаджиниколау) [4].

Известно, что духовная сфера общества – это сфера культуры, включающая в себя религию, образование, искусство, науку, мораль, философию, право и др. Уровень духовности определяют по нравственному компоненту: *чувствам* (совесть, долг, ответственность); *установкам* в части приверженности человека добру, справедливости; убежденности в необходимости соблюдения социальных нормативов, исключающих бесчестность, лживость, порочность; *поведению*, как готовности служения добру, людям, неукоснительному следованию требованиям моральных норм (долга), обычаям, традициям, нормам права.

Анализируя названный состав, отметим, что в специальной литературе укрепилось доминирующее мнение о тождественности морали и нравственности с некоторыми особенностями их проявления. Складывается ощущение линейной зависимости, автоматизма в воспроизведении первого от второго, при безвариантности выбора, факторов влияния, воздействия иных компонентов, формирующих установку лица. При этом указывается, что исторически мораль соотносится с внешними, объективными требованиями, нередко созвучными с требованиями правового позитивизма. Нравственность в этом случае выглядит отражением действующих в обществе моральных правил, с выработкой соответствующих психологических установок лица, с последующим их воплощением в волевых поступках, действиях. Думается, что такое представление ошибочно, поскольку нравственность феномен, обладающий самостоятельными чертами, где моральность один из факторов «влияния». Конечно же, при превалировании этичности, не отрицающей причастности профессиональной религиозности, генетической предрасположенности, менталитетных особенностей и др.

Представляется, что период эволюционного с замедленностью духовно-нравственного созревания оказался сейчас в кризисном состоянии. В свете современных стремительно нарастающих социально-научно-экономических изменениях, усматривается необходимость ускоренного формирования искомой этичности, тем более выражаемой в нравственности исследователей, при не всегда контролируемом потоке изысканий. Отчасти об автономности нравственности в «Философии права» в свое время говорил Г.Радбрух, характеризуя положение судей в период денацификации Германии, вынужденных руководствоваться при рассмотрении деяний нацистов не только позитивным правом, а более всего законами естественного права, не оправдывающими

преступников, в расистских деяниях, совершенных ими по исполнению неправовых приказов. При этом верно им было подчеркнуто, что «... Справедливость правовая рассматривает частный случай с точки зрения общей нормы, нравственная же усматривает в частном случае свой собственный закон, который должен возвыситься до общего закона ...». [17, с.9, 45, 228-232]. Ответственность при этом обращена к осознанным действиям (поведению) виновного, не всегда совпадающей с пониманием человеческой совести. Позитивным правом этот момент не улавливается. Мораль ввиду ее неоднозначности в социально-групповом истолковании не способна реагировать на приведенные ситуации.

Сохраняется впечатление о слабом понимании познаваемой природы возникающих социальных явлений с недооценкой самоорганизационных ее начал, сопровождаемых явлениями сингулярности в соотношении единичного и всеобщего, их особенностями - в реальном проявлении фиксируемых в конечном итоге в качестве закономерностей. К одной из таких «уверенностей» относится предполагаемая (не бесспорная) антропогенная направленность существующего мира. Интуитивно (с моральных нравственных позиций) такая направленность воспринимается как самоочевидная, не вызывающая сомнений. Отсюда и утверждение в виде образного морально-этического афоризма «... все образуется...», отчасти - «не навреди» как предостережения от действий в восприятии как доказанных, так и стихийно действующих тенденций в существовании этого мира. Предположительно первопричина такого утверждения зиждется на научно не до конца понятых эмпирически наблюдаемых процессах, но при интуитивной уверенности в их неизменности. При нынешнем, как указывалось, взрывном научно-техническом проникновении в естественную и социальную природу, с нередким «покушением» на ее основы, та-

кое «проникновение» выглядит недостаточно обоснованным, базирующимся на сомнительной уверенности в неизменности миропорядка. Достаточным примером в этом случае является экологическая проблема - с очертаниями глобального кризиса, наркоситуация и т.д.. Мораль, ограничиваясь принципом «не навреди», оставляет человека в решении таких проблем наедине, как представляется, с нравственностью, совестью, зависимых от уровня их развитости. Измерителем же действий исследователя, выходящих, подчас, за пределы духовно-нравственного допустимого взаимодействия с естественной и социальной средой, становятся не только декларируемые нормы морали, но поведенческая личностная установка - совесть, включающая в себя помимо морали иные регуляторы - традиции, менталитетные свойства, срабатываемые инстинкты, чувства религиозного характера, что в большей мере коренятся в нравственности - проводнике и морали и иных перечисленных качеств, не всегда в виду высокого обобщения улавливаемых социальными требованиями. Нравственность, прежде всего, должна быть свойственной специалистам, экспериментаторам, занятых исследованиями в проблемных зонах. В случае не согласуемости результатов исследования с внутренней установкой - совестью - она призвана сподвигнуть исследователя на соответствующие действия, предупреждающие возможные негативные последствия для общества.

Таким образом, правила, не исчерпываются приоритетной моральностью, основанной на осознании разумом, но и иных чувствований, не вполне постигаемых «разумом» и, как правило, научно не воспринимаемых. Причем нравственность, имея субъективные корни, в большей мере чем мораль, соприкасается с инстинктивными, заслуживающими внимания, ощущениями, нередко отражаемыми в фольклоре, традициях и др. Интуиция в этом случае в большей

мере соотносится с инстинктивным чувствованием духовного, неизменно присутствующее в подсознании в качестве изначального состояния.

С учетом понятной заинтересованности человека в сохранении среды обитания измерителем-критерием в оценке его действий являются не только набор этических требований - сплава опыта и разумности человечества (социума), не мифические требования в содержании верований, а лапидарно выраженные ценности в кристаллизованной форме обобщенно присутствующие в религиозных текстах. А. Эйнштейн в связи с этим отмечал ограниченность чисто рациональной концепции нашего восприятия, особо подчеркнув, что принципы наших оценок даны не только в науке, но, прежде всего в религиозной традиции с соответствующим выводом что «... подлинного конфликта между религией и наукой не может быть...» (21). Мало чем расходятся с таким заключением аргументы Л.Н. Толстого [18, с. 3-26] и Ф.М. Достоевского [3, с. 192] и т.д. Думается, что приведенное - именуемое идеальными подходами, по сути, сводится в познании и знании к вечным общечеловеческим ценностям упреждающе, однажды, приведенных в текстах, не потерявших до сего времени своей актуальности, цель которых не вызывает сомнений - самосохранение, самовоспроизводство сообществ и человека. В этом случае мораль, ее нормы с рациональным итогом в виде «долга», «долженствования», являются озвучиванием в ином (моральном) аспекте сакральных требований веками присутствующих и продолжающих существовать в глубинных пластах человеческого сознания. О приоритетах в возникновении моральных и религиозных норм в данном случае речи не идет.

Отметим, что в нравственности латентно улавливается, во многом не осознаваемая, но неизменно присутствующая в индивиде вера. С этим увязывается понимание духовности как высокого содержания Духа и устремленно-

сти души человека, проявляемой в совершении индивидуальных поступков, отвечающих этичности, морали, нравственности.

При теоретическом обилии подходов в истолковании духа, нравственности, этим категориям свойственна собственная сущность и содержание, отличающаяся от морали. Определяющей особенностью нравственности следует признать внутреннюю, согласуемую с совестью, убежденностью лица в необходимости соблюдения общепризнанных норм совместного существования. Исходя из чего - нравственность отличается абсолютной этичностью. Безэтичная нравственность в существовании невозможна. *Совесть* в этом случае, как критерий, это квинтэссенция содержания нравственности – результат внеличностного – «совестливого» и основанного на этом индивидуального оценочного восприятия моральных ценностей, обычаев, практик поведенческого реагирования, права в философском его понимании, обращенных к высшим идеалам духовности, выраженных в мыслях, чувствах, намерениях, поступках лица. Бытующая многовариантность истолкования морали (классовая, групповая, профессиональная и др.), с обязательной для этих случаев ссылкой на содержащиеся в них «добро» - становится не уместной. Сведение нравственности лишь к производности от долга (долженствования) с одной стороны содержит некую сокрытость момента внутренних усилий в соблюдении лицом общеобязательных социальных норм, а с другой - сужает ее понимание, низводя до уровня следствия действующих в исторический период моральных требований. Мораль, по сути, при всей ориентации на общепризнанное различие «добра и зла», все-таки условность, «сковывающая» инициативу в виду постоянного апеллирования к сознательности личности. Нравственность – это выбор, внутреннее состояние лица, как итог освоения и осознания сложившихся в обществе ценностей с корневыми началами, обращенными к

духовности, выраженных в практических действиях, поведении лица. Корректируемая в фактическом (в зависимости от обстоятельств) поведении нравственность, со всей очевидностью, именоваться нравственностью не может. Это установка личности, сформированная природной предрасположенностью, закрепленной воспитанием либо итог воспитательной, во многом, индивидуальной работы, преодолевающий воздействие негативных социальных факторов, подтверждающих желаемую духовную зрелость индивидов.

Думается, что не следует упоминать о не имеющих ничего общего с общечеловеческими представлениями о названных феноменах, присутствующих в вульгаризированных, классовых изысканиях о сущности моральности, нравственности в марксистско-ленинском истолковании [9, с. 326; 8, с. 308-310]. Не однажды подвергавшихся справедливой критике ввиду пристрастий, предвзятости теоретико-политических подходов, надиктованных к тому же остротой политического момента, негативным отношением к оппонентам. Свообразием отличается (комментируемый адептом) взгляд на духовность Ф.Ницше [11, с. 412; 14]. Навряд ли заслуживают внимания радикальные предположения об исключительно идеалистической природе духовности. До известной степени обращает на себя внимание идеализированное восприятие нравственности в плюралистическом видении. В частности, Э. Фромм, искомую нравственность связывает с появлением, «нового Человека», освобожденного от вековых пороков вещицизма, переживающего «...свою самобытность в акте бытия, а в ненакопительстве и потреблении», ищущего смысл – «... в притягательной силе новых идей» («бытии» - *моё*) [19, с.68-69].

Повышенное внимание к феномену нравственности, духовности ныне связывают с реально наблюдаемым противостоянием обновляемых социальных отношений с традиционными духовными ценностями, ориентированными,

в основном, на вековые устои, предопределяющими в недавние прошлые правила совместного существования в обществе. Их изменение в немалой степени сопровождается «осторожным» официальным обращением к не лучшим сторонам природы человека. В частности, - культивируемой обособленности (автономности) личности в либеральной интерпретации, что привело к «пробуждению», с популяризацией в СМИ, сокрытых в человеке эгоистических начал. Не предусмотренными явились и последствия транслируемого (объективного) процесса гендерного равенства, затронувшими аспекты рождаемости, воспроизводства населения, что вызвало необходимость демографического заполнения образовавшегося вакуума за счет традиционных обществ. Названная депопуляция до некоторой степени обусловлена и допустимым свободным взаимоотношением полов и т.д. Устоявшиеся традиционные взаимоотношения, в том числе и верования оказались в состоянии конкуренции с законодательно признаваемыми иными (ранее порицаемыми) деноминациями и т.д. Следует признать, что отмеченные факты дисгармонии слабо способствуют формированию и закреплению духовности, требуемой нравственности, тем более соотносимой по природе с процессами эволюционного созревания общества.

Сложившиеся в этом случае внутренние установки, с критически переосмыслением содержания моральных устоев с идеальной нравственностью гармонируют слабо. Сказанное, во многом, явилось следствием наступившей с конца 60-х и начала 70-х годов прошлого века эпохи постиндустриального общества - этапа постмодернизма, с известными «ревизионистскими» тенденциями многих сторон существующей природы, жизни общества, взорвавшими изнутри издавна сложившиеся этические, эстетические представления. Можно предположить, что формы нравственности, базировавшиеся ранее на устоявшихся моральных нормах –

долге, должностованиях, философских мировоззренческих представлениях о добре и зле, свободе выбора и др. - «переживают» непосредственные либо косвенные кризисные изменения в истолковании феноменов, с переосмыслением прежнего «наследия» ранее значимого для существования, развития общества. Это относится и к постнеклассическому этапу науки, с приданием повышенной значимости факторам субъективности, гуманистичности, самокритичности, с известным пересмотром классических характеристик - объективности и истинности.

Нравственность, как подчеркивалось неразрывно связана с духовностью. В этом случае нравственное сознание индивида залог желаемой эстетичности. Основным компонентом культуры, определяющим духовность, является религия, ее мирские идеалы, до сего времени явно либо незримо признаются критериями, измерителями чувств, мыслей, действий. В них коренятся животворящие начала, побуждающие человека к творчеству (в некоторых истолкованиях – «сотворчеству»), «...непосредственный контакт души с каким-либо «внешним» духом ...» [15, с.204-205]. Если в этом «побуждающая сила» обращенная, прежде всего, к индивиду, то ее проявления безусловны для предопределивших содержание религии моральных требований, обеспечивающих рефлексивную убежденность личности в правильности его поступков. Без этого неперемногого спутника нравственного сознания, духовности существовать не может. Связь нравственности с религиозными истоками проявляется: во-первых, в сохраняемой, отслеживаемой освещенностью важнейших социальных норм, содержащихся в традиционных верованиях; во вторых, незримой (не исключено - генетического свойства [7, с.695-709]) приверженностью людей к сакрально одобряемому пути следования; в-третьих, закреплённостью свободного нравственного выбора, ориентированного на «добро», в нынешних традиционных верованиях,

чеканно выраженных в заповедях; в четвертых, диалектически предполагаемом Гегелем исходе – возможности самосовершенствования человека с приобщением к постижению «абсолютного духа» - в искусстве, религии откровения, философии.

Эстетика науки отличается своеобразием, особенностями принципов. Постулаты науки, в т.ч. значимые для эстетичности исследований, общеизвестны: неукоснительность в соблюдении требований объективности, бескорыстия, гуманизма, относительности истины, дополнительности и т.д. Не говоря уже о желаемом, не всегда доминантным в искусствоведении, соответствии законам и закономерностям социального и до определенной степени – природного мира (биоценоза); сочетания итогов исследований, открытий с процессами гармонического существования и развития человека, социумов, мира. Высшим проявлением эстетичности в научных исследованиях, также как и в сфере искусства, признается «красота», включающая эвристичность, оригинальность, совмещаемых с полным и перспективными началами добра, его измерителем - совестью, не говоря о пользе, простоте, симметрии, пропорциональности. Простота – доступность или допустимая возможность в понимании текста читающими, не перегруженность специальной терминологией, если речь идет о социально-гуманитарных исследованиях. Симметрия – соизмеримость теорий с равной возможностью сравнения предлагаемых взглядов, с использованием одинаково понимаемой терминологии. Пропорциональность – отсутствие ощущения доказательной «однобокости», с необходимым воспроизведением доказательств отвечающим «*pro et contra*», помимо того – «скудость» слов с просторностью мысли.

Формирование надлежащего уровня нравственности - духовности, исследователя, равно как и иных индивидов, осознающих и готовых «...взять на себя полноту хозяйственной и политической

ответственности за состояние общества» [16, с.201] - задача неимоверной сложности и длительности. Реальность показывает, что нравственная (желаемая) созреваемость такого уровня во времени не соотносима с ожидаемой (моментальной) зрелостью. Можно предположить, что, несмотря на существование «второй природы», представляющую мир человека, инстинктивные начала в соприкосновении с действительностью обнаруживают свою живучесть «срабатывающую» в пользу корыстных интересов человека. Существующий инстинкт личностной собственности сложно преодолить. Верный по форме и содержанию воспитательный процесс по существу недостаточно эффективен. Подтверждением тому являются и неизбывная коррупциогенность и факты преступных, игнорирующего основы нравственности, устремлений в использовании научно-технических достижений и т.д. Образовавшийся разрыв подтверждает сохраняемую эволюционность процесса формирования нужных человеческих качеств, несопоставимую со стремительностью происходящих ныне изменений в научно-технических и иных сферах существования. В этом случае обращение к опыту, выводам классиков и отечественных теоретиков, основным сакральным первоисточникам (ввиду сохраняемой, латентной религиозности) представляется уместным. Игнорирование этого, упование на современные, в том числе и правовые (принудительные) меры, порождают лишь иллюзию корректировки. По верному замечанию Б.Н. Чичерина «... принудительная нравственность есть безнравственность» (20, с.102).

К настоящему времени искомая нравственность в постмодернистском видении предстает не в универсальном наборе требований, сохраняющим, впрочем, и сейчас свою значимость, а в виде неограниченных систем нравственности, избираемых лицом. В их числе - стратегии основанные на: моральных принципах; коммуникативно

сформулированных консенсусных ценностях; общеустановленных правах и свободах; обобщенных фундаментальных религиозных ценностях основных конфессий и т.д. Их перечень не закрыт. Гражданским обществом ныне затребована толерантность, с обновленной воспитательной методикой, с организационной структурализацией, с ориентацией на природу человека, с установлением его предрасположенности к исконной нравственности.

Отметим, что сложившаяся ныне методика воспитания нравственности отличается дистанцированностью структур власти от участия в воспитательном процессе, что подтверждается содержанием статьи 44 Федерального закона «Об образовании в РФ». Этой новацией закреплен понятный приоритет родителей на обучение и воспитание детей перед всеми другими субъектами. Образовательные учреждения, согласно содержанию норм, призваны лишь оказывать семье помощь, с сохраняемым в ряде случаев контролем органов власти. Практика показывает, что такой подход, согласуемый с исключительностью прав и свобод родителей, не вполне отвечает эффективности воспитания и предложенная переориентация, в сравнении с недавним законодательством, привела к некоторой неопределенности, ранее предполагавшей совместность усилий в этом родителей и школы. Об этом свидетельствуют данные мониторинговых выводов [1]. По заключению специалистов определилась тенденция, что «...большинство респондентов среди педагогов и родителей считают, что сама школа, какие бы усилия она не прилагала, сегодня не может справиться с формированием нравственных основ личности ребенка». Родители не всегда способны к надлежащему воспитанию в силу социальных факторов, отсутствию профессиональных навыков. Образовавшийся воспитательный вакуум заполняется прагматическими резонами подростков. Думается, что сложившееся положение нуж-

дается в новом законодательном внимании, с возможным возвратом в интересах социума, к воспитательному процессу с традиционными субъектами. Не исключено, что эта проблема разрешима за счет, наделения (как уже предлагалось [13, с. 142]) соответствующими правами ныне не легализованного в правовом аспекте субъекта - «общества», представленного авторитетным общественным формированием, наделенным правом законодательной инициативы.

Предложенные в нашем целеполагательном, по сути, исследовании структурная и содержательная части, с приоритетом, в том числе и традиционной нравственности, сохраняющей свою значимость в понимании феномена красоты, выглядят несколько идеализированными. Но речь идет о красоте, существовании которой невозможна без идеализации. Практический же смысл состоит не только в научной эстетичности, декларируемой моральности, этичности и др., как факторов, обуславливающих внутреннюю волевою установку лиц на нравственность, но, более всего, на обновленную методику обеспечивающую соответствующее поведение. Одним из вариантов, таковой может стать индивидуальный подход к воспитанию нравственности, учитывающий особенности лиц. Это сложный и во многом, затратный и многоплановый процесс, но необходимый, хотя бы первоначально, в подготовке молодых, включенных, в нашем случае, в группы одаренных, склонных к творчеству, детей.

Проведенное исследование ориентировано на заглавную значимость духовной стороны ученого, посвященной улучшению мира, невозможного в существовании без нравственности – феномена не получившего до настоящего времени должной оценки. Его особенностью стал состоявшийся переход от обезличенной универсальности моральных требований (**общие ориентиры, созданные обществом**) к индивидуальному выбору автономным

субъектом системы, в т.ч. и неклассической, нравственности (принципов этической жизни), порождающей внутреннюю установку. По сути, такая революционная трансформация предъявляет требования как к толерантности, так и к изменению методики воспитательного процесса.

Литература

1. Аржаных Е., Новикова Е. Школа должна образовывать и воспитывать. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» - <https://iq.hse.ru/news/177666107.html>
2. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2003
3. Достоевский Ф. М. Статьи и заметки. 1864–1865 гг. // Полное собрание сочинений: в 30 томах. Л., 1980. Т. 20 Издательство «Наука» Ленинградское отделение. Ленинград 1980
4. Интервью известного астрофизика, биоэтика выпускника Гарварда и Массачусетса митрополита Месогеи и Лавриотики Николая (Хаджиниколау) программе «Вести недели» от 27.10. 2019 г. (<https://yandex.ru/search/?text=Вести%20недели%20Д.%20Киселева%20за%2027%20октября%202019%20г.&lr=2&clid=9582>)
5. Канке В.А. Философия для экономистов: Учебник для бакалавров. Омега-Л. 2008 Эстетика: эстетические теории и ценности
6. Канке В.А. "Философия. Исторический и систематический курс". Электронный учебник.- М.: Логос, 2001. (<https://www.google.ru/search?>)
7. Лебедев С.А. Философия науки. Учебное пособие для вузов. Изд. 5-е, перераб. и доп. — М.: Академический Проект; Альма Матер, 2007. Раздел IV. «Этика науки». Глава «Использование научных достижений и проблема, социальной ответственности»
8. Ленин В. И.. Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза

молодежи 2 октября 1920 г. Полное собрание сочинений. Т. 41 Издательство политической литературы. Москва 1981 г.

9. Маркс К., Энгельс Ф.. Сочинения (2-е издание). Немецкая идеология. Государственное издательство политической литературы. Москва. 1955 Т.3

10. Никандров Н.Д. Нравственные уроки православия // Педагогика. — 1997. — № 3

11. Ницше Ф. Генеалогия морали. Т.2 Предисловие № 6// Собрание сочинений

12. Осин В. Н. Социальные притязания: правовые критерии ограничения прав и свобод // Философия права. 2019. № 2 (89).

13. Осин В.Н. Социальные процессы, права и свободы: прикладная сингулярность. // Философия права. 2019 № 4 (91).

14. Островский Н. Философия Ницше. Ницше как моралист. <https://www.proza.ru/2015/11/08/73>

15. Пивоваров Д. В. Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. М., 2015

16. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. – М.: Новый Юрист. 1999

17. Радбрух Г. Философия права. – Пер. с нем. –М.: Медународные отношения, 2004.

18. Толстой Л.Н. – Религия и нравственность// Полное собрание сочинений: в 90-х томах. т. 39

19. Фромм Э. Иметь или быть ? 2-е изд., доп. – М. Прогресс - <https://www.litmir.me/br/?b=75650&p=67>

20. Чичерин Б.Н. О началах этики // Философские науки. - 1990.- № 1.

21. Эйнштейн А. Наука и религия. URL: http://world.lib.ru/j/jarower_e_p/naukaireligija.shtml.

The Outline of Modern Spirituality and Aesthetics of Science: the Philosophical Aspect
Osin V.N.

Smolensk State University

The article in its philosophical aspect dwells upon the problems of aesthetic of science, determining the spiritual validity of scientific research. It concentrates on the criteria, principles, components and forms innate to the scientific aesthetics and its object, the beauty. It determines and substantiates the priority of factors shaping the criteria in their contemporary state. Special importance is given to the phenomena of spirituality, its defining roots, morals and inner self-assessment – conscience. The article justifies the necessity to distinguish between the morals (including all the differences in group perception) and the morality as the condition of concentrated effort, inter alia legal and institutional effort to develop the social appropriate moral qualities of the man. Emphasized are the currently occurring undesirable patterns inherent to said phenomena. The article points out the evolutionary nature of development of the required morality, incompatible with the forced establishment of the contemporary stage of the civil society. The author suggests some variants of approach, without which creation and development of the high-quality (desired) level of the man is impossible. A suggestion is made to enhance the efficiency of educative measures, framing the appropriate social level of spirituality, morals, inter alia ensuring the true aesthetic of science.

Keywords: aesthetics, aesthetic, spirituality, morals, generally accepted values (rights and liberties), religious norms, criteria of aesthetic and morals.

References

1. Arzhanykh E., Novikova E. The school should educate and educate. National Research University Higher School of Economics - <https://iq.hse.ru/news/177666107.html>
2. Berdyaev N.A. Spirit and reality. M. : AST, Kharkov: Folio, 2003
3. Dostoevsky F. M. Articles and notes. 1864–1865 // Complete works: in 30 volumes. L., 1980. T. 20 Publishing House "Science" Leningrad Branch. Leningrad 1980
4. Interviews with renowned astrophysicist, bioethics of Harvard and Massachusetts graduate Metropolitan Mesogei and Lavriotika Nikolai (Hadzhinikolau) to the Vesti Nedeli program of October 27. 2019 (<https://yandex.ru/search/?text=Vest%20week%20D.%20Kiseleva%20for%2027%20October%202019%20g.&lr=2&clid=9582>)
5. Kanke V.A. Philosophy for Economists: A Textbook for Bachelors. Omega L 2008 Aesthetics: Aesthetic Theories and Values

6. Kanke V.A. "Philosophy. Historical and systematic course." Electronic textbook.- M.: Logos, 2001. (<https://www.google.ru/search?>)
7. Lebedev S.A. Philosophy of Science. Textbook for universities. Ed. 5th, rev. and add. - M.: Academic Project; Alma Mater, 2007. Section IV. "Ethics of science." Chapter "Use of scientific achievements and the problem of social responsibility"
8. Lenin V. I. .. Tasks of youth unions (Speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union on October 2, 1920. Complete works. T. 41 Publishing house of political literature. Moscow 1981
9. Marx K., Engels F. Compositions (2nd edition). German ideology. State publishing house of political literature. Moscow. 1955 T.3
10. Nikandrov N.D. The moral lessons of Orthodoxy // Pedagogy. - 1997. - No. 3
11. Nietzsche F. Genealogy of morality. T.2 Preface No. 6 // Collected Works
12. Osin V. N. Social claims: legal criteria for restricting rights and freedoms // Philosophy of Law. 2019.No 2 (89).
13. Osin V.N. Social processes, rights and freedoms: an applied singularity. // The philosophy of law. 2019 No. 4 (91).
14. Ostrovsky N. The philosophy of Nietzsche. Nietzsche as a moralist. <https://www.proza.ru/2015/11/08/73>
15. Pivovarov D. V. Modern philosophical dictionary / under the general. ed. V.E. Kemerov and T. Kh. Kerimov. 4th ed., Rev. and add. M., 2015
16. Protasov V.N. Theory of Law and State. Problems of the theory of law and the state: Questions and answers. - M.: New Lawyer. 1999
17. Radbruch G. Philosophy of Law. - Per. with him. -M.: International relations, 2004.
18. Tolstoy L.N. - Religion and morality // Complete works: in the 90s. t. 39
19. Fromm E. To have or to be? 2nd ed. - M. Progress - <https://www.litmir.me/br/?b=75650&p=67>
20. Chicherin B.N. On the principles of ethics // Philosophical sciences. - 1990.- No. 1.
21. Einstein A. Science and religion. URL: http://world.lib.ru/j/jarower_e_p/naukaireligija.shtml.

Философия конструктивизма в интерпретации «включающего» общества: практическо-прикладные аспекты

Попов Виталий Владимирович,
доктор философских наук, профессор, про-
фессор кафедры теории и философии
права, ФГБОУ ВО «Ростовский государ-
ственный экономический университет
(РИНХ)» - Таганрогский институт им. А. П. Че-
хова (филиал), vitl_2002@list.ru

Холина Оксана Александровна,
кандидат психологических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)» Таган-
рогский институт им. А. П. Чехова (филиал).
vitl_2002@list.ru

В статье рассматривается проблема исполь-
зования конструктивной философии в интер-
претации «включающего» общества в рам-
ках концепции инклюзии. Представляется
конструктивно-философский подход к теории
инклюзии. Систематизированы основные
теоретические подходы к организации ин-
клюзивного образования и практические
направления к возможностям реализации ин-
клюзии в образовательной среде, где реали-
зуются возможности человека с ООП (осо-
быми образовательными потребностями).

Ключевые слова: философия конструкти-
визма, инклюзивное образования, инклюзия,
когнитивный образ, «включающее» обще-
ство, ментальные образы, особые образова-
тельные потребности.

*Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ в рамках научно-исследо-
вательского проекта “ Осмысление соци-
ально-философского феномена образова-
тельной инклюзии в контексте зарубежных
и отечественных методологических подхо-
дов и моделей”, № 19-013-00117*

В современных работах по практиче-
ской и социальной философии про-
блема использования конструктивной
философии в контексте интерпретации
«включающего» общества получила
развитие и определенные истолкова-
ния. Оправданный интерес вызывает
применение философского конструкти-
визма в исследовании концепции ин-
клюзии с выходом на «принимающее» и
«включающее» общество. Методологи-
ческие и теоретические основания кон-
структивистской теории имеют значи-
мые прикладные аспекты для филосо-
фии образования. Представление кон-
структивистских аспектов философии
инклюзии представляется актуальным
моментом в конструировании и интер-
претации «включающего» общества, в
котором реализуются возможности че-
ловека с ООП (особыми образователь-
ными потребностями).

Философия конструктивизма явля-
ется теоретико-методологической осно-
вой образовательного конструктивизма
во «включающем» обществе. Принципы
конструктивизма являются эффектив-
ным прикладным инструментарием для
философии образования. Основная
идея заключается в конструктивистской
адаптации образовательных техноло-
гий в рамках специальной социальной
группы субъектов с ООП. Реальная
адаптация субъектов к условиям соци-
альной группы отражается в реализа-
ции целей и задач, касающихся форми-
рования и функционирования «включа-
ющего» общества. Конструктивизм в ин-
клюзивных процессах определяет
наиболее продуктивные формы поведе-
ния субъектов с ООП и формирует свое-
образное мышление, направленное как
на получение локальных позитивных
результатов, так и на представление

сценариев будущей конструктивно-прагматической деятельности.

Специфика применения философии конструктивизма к интерпретации «включающего» общества связана с тем, что реальность такого общества рассматривается не как исходно данное, а как общество, в которое необходимо «войти» и которое «примет» субъекта с ООП. Конечно, «включающее» общество представляется с позиции эмерджентности и нестабильности. То есть, использование конструктивизма в интерпретации «включающего» общества и специальной социальной группы субъектов с ООП приоритетно предполагает адаптацию субъектов к реалиям такого общества. Сама адаптация выражается в достижении продуктивных и прагматичных решений базовых задач процесса жизнедеятельности. В русле конструктивной познавательной деятельности субъекты с ООП должны перенести акцент на освоение опытных способов отношения к «миру» специальной социальной группы, поиск новых методик, средств и путей приобретения знаний и образовательных ценностей. Причем, конструктивное начало познавательной деятельности важнее, чем ее результат. Главное для субъектов с ООП во «включающем» обществе с позиции конструктивизма – это активное влияние на технологии моделирования и конструирования позитивной деятельности социальной группы, навыки аккумуляции ментальных образов этой реальности в единое позитивное знание, способности ориентироваться в ситуациях социального выбора для достижения оптимальных предпочтений в целевой деятельности.

В контексте идей философии конструктивизма рассмотрим практические аспекты и подходы по реализации инклюзивного образования для субъектов с ООП.

В современной теории и практике в области инклюзивного образования актуальной проблематикой становится попытка систематизировать существую-

щие подходы с двух сторон: с одной стороны, анализируется уже реализованный опыт и практика организации таких форм обучения, с другой стороны – производится попытка описать и охарактеризовать сложившуюся ситуацию в теоретическом ключе: единообразие всех подходов позволит реализовать инклюзивную практику алгоритмизированно и четко. Отношение к людям, у которых есть особые образовательные потребности, в ходе развития и формирования человеческого общества было достаточно разнообразным и неоднозначным. Так Малофеев Н.Н. отмечает, что можно выделить пять периодов формирования отношения общества к людям с особыми образовательными потребностями. В рамках современного пятого периода происходит постепенный переход от изоляции людей с ООП к попыткам их интеграции в современное общество (1970-е годы – по настоящее время). В рамках этого периода были осуществлены: реорганизация специального образования, сокращение количества специальных школ и увеличение количества специальных классов в общеобразовательных школах. В целом, данный период можно описать как реорганизацию взаимодействия массового и специального образования. Этот период знаменует переход к инклюзивному (включающему) образованию.

В настоящее время на базе массовых организаций образования открываются специальные классы и группы, а кроме этого - классы и группы интегрированного обучения, также формируется инклюзивная культура учреждений дошкольного и начального образования, которая способна удовлетворить особые образовательные потребности субъекта.

В целом, попытка систематизации различных подходов, которые определяют место и специфику реализации инклюзии, приводит к следующим выводам:

- во-первых, все современные подходы достаточно разрозненны и, как правило, направлены на оценку какого-

то одного аспекта реализации образования для субъектов с ООП;

- во-вторых теоретические, практические и методические разработки, подходы, исследования не связаны между собой, не всегда имеют достаточное количество обоснований и подтверждений;

- в-третьих, в рамках современной отечественной науки и практики достаточно много противоречивых данных об успешной и неуспешной реализации инклюзии в образовательных организациях.

Было решено систематизировать теоретические и практикоориентированные подходы, которые описывают особенности реализации инклюзии в современной образовательной среде.

По итогам анализа ряда исследовательских работ теоретические подходы в рамках анализа и содержания инклюзивного образования в современном обществе можно разделить по содержанию:

1) антропоцентрический подход, в основе – положение, что личность субъекта с ООП, его самочувствие и здоровье – это центральные объекты любого педагогического процесса. Цель образования – личность человека с ООП как интегральная индивидуальность (А.Н. Леонтьев, Э.В. Ильенков, В.С. Мерлин). Важно воспроизведение в образовании полноценного опыта человека, что может стать важным средством развития личности (Б.Г. Мещеряков).

2) гуманистический подход, в основе – положение о том, что необходимо проводить обязательный учет индивидуально-психологических особенностей субъекта.

3) акмеологический подход подразумевает обеспечение раскрытия творческого потенциала субъекта с ООП в едином контексте учебы, продуктивной саморегуляции психической устойчивости и здорового образа жизни (Л. Митина, Б. Деркач, В. Зазыкин). С акмеологической точки зрения, в рамках этого подхода обучение и инклюзия осуществляются в

следующих направлениях: моделирование обучения с опорой на максимальную реализацию потенциала, актуализация саморегуляции субъектов с ООП, повышения их психической устойчивости именно в рамках развития.

4) системный подход (М.Е. Корневская, А.С. Хомяков, Г.П. Щедровицкий) рассматривает личность с ООП как субъекта, который, в первую очередь, должен взаимодействовать с обществом.

5) социокультурный подход ориентирован на разработку алгоритма подготовки субъекта с ООП, при которой он адаптирован к обществу, может гибко реагировать на его трансформации и потребности; дееспособен в разных жизненных ситуациях, умеет сотрудничать с окружающими. Сюда относится попытка сформировать ценности национальной культуры, когда в процессе образования у субъектов с ООП формируется социальный опыт, который отражен в культуре.

6) компетентностный подход для реализации образования для субъектов с ООП – инновационный, представляет собой систему принципов образования, которые направлены на: определение его целей, отбора его качественного содержания, организации реализации его процесса и оценки всех полученных результатов. Компетентностный подход в работе с субъектами с ООП делает акцент на усилении практической и прикладной направленности, объединяя качественно информационный компонент и компонент по развитию отдельных навыков.

7) рационально-деятельностный подход ориентирован на индивидуально-типологические особенности субъектов с ООП. Д.Б. Эльконин отмечал, что только целерациональный или деятельностный тип жизни является «личностным», поэтому так важно в обучении и воспитании субъектов с ООП опираться на деятельность, обязательно включая его в совместную деятельность с нормально развивающи-

мися учащимися. В.В. Давыдов отмечал, что в основе психического развития человека с ООП – качественное изменение социальной ситуации, изменение его деятельности.

Таким образом, нам удалось выделить 7 основных теоретических подходов и направлений, которые отражают основу, на которой строится методика и практика реализации инклюзии, в целом каждый из них описывает отдельные стороны и аспекты, которые должны выступать в качестве рекомендаций при организации инклюзии в современной системе отечественного образования в контексте «включающего» общества.

Литература

1. Аверина Н.В., Попов В.В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса //Философия права. 2010. № 5 (42). С. 81-84.

2. Попов В.В., Лойтаренко М.В., Таранова В.А. Социальные противоречия и переходные периоды: философско-методологические аспекты// Международный журнал экспериментального образования- 2014- № 8-2- С. 42-46.

3.Попов В.В., Музыка О.А. Специфика интервальной концепции времени: опыт концептуализации // Международный журнал экспериментального образования-2015- № 3-2- С. 36-39.

4. Попов В.В., Музыка О.А., Максимова С.И. Альтернативистика в контексте социального развития// Евразийский юридический журнал. 2017. № 4 (107). С. 373-375.

5. Попов В.В., Музыка О.А., Дзюба Л.М. Фактор и уровни темпоральности в контексте субъективной реальности человека // Евразийский юридический журнал.2017. № 4 (107). С. 419-421.

6. Попов В.В., Музыка О.А., Тимофеев В.А.. Социальное противоречие в контексте социальных процессов// Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 1-2. С. 361-364.

7. Попов В.В., Музыка О.А., Коженко Я.В Социальные трансформации в правовых отношениях//Международный

журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017.№ 3-2. С. 315-318.

8.Попов В.В., Щеглов Б.С., Усатова Ю.Н Случайность в контексте динамических категорий// Философия права- 2015- № 1 (68)- С. 25-29.

9. Попов В.В., Агафонова Т.П. Специфика темпоральности правового сознания социального субъекта// Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 5730-5733.

10. Попов В.В., Самойлова И.Н., Щеглов Б.С. Аналитическая философия истории в постнеклассическом дискурсе. Таганрог, 2007.

11. Попов В.В., Тимофеев В.А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве// Фундаментальные исследования. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.

12. . Попов В.В., Агафонова Т.П. Научная рациональность и рациональность в науке// Философия права- 2012- № 5 (54)- С. 86-90.

13. Попов В.В., Чаленко М.В. Специфика переходных состояний современного российского общества// Социально-гуманитарный вестник Юга России- 2011- № 7-8 (15-16)- С. 39-45.

14.Шеманов А.Ю. Инклюзия в контексте современных дискуссий: философские и культурологические проблемы / Психолого-педагогические основы инклюзивного образования: коллективная монография . М.: МГППУ, 2013. С.25-38.

Constructivist philosophy in the interpretation of "inclusive" society: practical and applied aspects

Popov V.V., Kholina O.A.

Rostov State University of Economics

The article deals with the problem of using constructive philosophy in the interpretation of "inclusive " society within the framework of the concept of inclusion. A constructive and philosophical approach to the theory of inclusion is presented. The main theoretical approaches to the organization of inclusive education and practical directions to the possibilities of implementing inclusion in the educational environment are systematized. where the opportunities of a person with

OOP (special educational needs) are realized.

Key words: constructivist philosophy, inclusive education, inclusion, cognitive image, "inclusive" society, mental images, special educational needs.

References

1. Averina N.V., Popov V.V. The concept of the past in the context of the historical process // *Philosophy of Law*. 2010. No. 5 (42). S. 81-84.
2. Popov V.V., Loytarenko M.V., Taranova V.A. Social contradictions and transition periods: philosophical and methodological aspects // *International Journal of Experimental Education-2014*- No. 8-2- P. 42-46.
3. Popov V.V., Music O.A. Specificity of the interval concept of time: the experience of conceptualization // *International Journal of Experimental Education-2015*- No. 3-2- P. 36-39.
4. Popov V.V., Music O.A., Maksimova S.I. Alternative science in the context of social development // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). S. 373-375.
5. Popov V.V., Music O.A., Dzyuba L.M. Factor and levels of temporality in the context of subjective reality of a person // *Eurasian Law Journal*. 2017. No. 4 (107). S. 419-421.
6. Popov V.V., Muzyka O.A., Timofeenko V.A. Social contradiction in the context of social processes // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017. No. 1-2. S. 361-364.
7. Popov V.V., Muzyka O.A., Kozhenko Y. V Social transformations in legal relations // *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2017.No 3-2. S. 315-318.
8. Popov V.V., Scheglov B.S., Usatova Yu.N. Chance in the context of dynamic categories // *Philosophy of Law* - 2015- No. 1 (68) - P. 25-29.
9. Popov V.V., Agafonova T.P. The specificity of the temporality of the legal consciousness of a social subject // *Fundamental Research*. 2015. No. 2. P. 5730-5733.
10. Popov V.V., Samoilova I.N., Scheglov B.S. Analytical philosophy of history in post-non-classical discourse. Taganrog, 2007.
11. Popov V.V., Timofeyenko V.A. Methodological features of the transit period in a catching-up state // *Fundamental Research*. 2015. No. 2-25. S. 5743-5747.
12. Popov V.V., Agafonova T.P. Scientific rationality and rationality in science // *Philosophy of Law*- 2012- No. 5 (54) - S. 86-90.
13. Popov V.V., Chalenko M.V. Specificity of transitional states of modern Russian society // *Social and Humanitarian Bulletin of the South of Russia*- 2011- No. 7-8 (15-16) - P. 39-45.
14. Shemanov A.Yu. Inclusion in the context of contemporary discussions: philosophical and cultural studies / *Psychological and pedagogical foundations of inclusive education: a collective monograph*. M.: MGPPU, 2013. S.25-38.

Антропология русского православия XVII-XVIII вв. и идеи старчества в богословском наследии монаха прп. Зосимы (Верховского)

Сизинцев Павел Васильевич

кандидат богословия, выпускник аспирантуры МПДА, sizinpash@yandex.ru

Статья посвящена анализу аскетическо-религиозного наследия прп. Зосимы (Верховского) с духовно-святоотеческим осмыслением особенностей монашеского и мирского бытия (включая аргументацию представлений о душе и личных свойствах человека из священного предания православной церкви, предлагаемых способов молитвенного делания и разбора идей нравственности, послушания и смиренномудрия). Идеи православного старчества рассматриваются в контексте эмпирического опыта человека в монашеской и в церковной среде. Выявлено принципиальное влияние церковной жизни и молитвы на улучшение и развитие личных свойств человека. Цель развития человека - обретение высшей и конечной цели личностного бытия.

Ключевые слова: Старчество, общество, церковь, нравственность, молитва, аскетико-смиренный подход, святоотеческое предание, человек, послушание.

Новое особое отношение к человеческому характеру, начиная с XVII века, проявилось в произведениях русской литературы, в частности, у Авраама Палицына, Ивана Хворостинина, Семена Шаховского. Художественная литература, как и более поздняя биографическая (жития инока Епифания, показывала эпизоды жизни и деятельность отдельных людей, выражающиеся в противостоянии человека с обществом. В ее описании традиции и сословная этика также находились в конфликте с личностным выбором и индивидуальной свободой человека. На этом фоне в XVII - XVIII вв. в русской православной среде возросла плеяда духовных писателей и мыслителей, таких, как свт. Дмитрий Ростовский, написавший «О внутреннем человеке», Иоанн Тобольский, автор «Илиотропиона, или соображения с Божественной волей». Своеобразной знаковой фигурой в противостоянии отдельного человека как носителя индивидуальных свойств окружающему его обществу, и, соответственно, антагонизма самосознания «Я» церковному соборному сознанию можно считать протопопа Аввакума. Будучи в состоянии духовной прелести, он заявил восточным патриархам Османской империи и собору русской православной Церкви (1666), что «лутче един творяй волю Божию, нежели тьмы беззаконных»¹.

Данный пример личностной позиции своей направленностью, был широко известен в Московской Руси. В ней к XVII в. возникла как личная иконопись, в

¹ Аввакум Петров, протопоп. Житие протопопа Аввакума им самим написанное, и другие его сочинения. –

Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1990. – С. 56.

виде русской школы Симона Ушакова, так и персональное творчество в музыкальной композиции в виде композиторской школы Н. Дилецкого. Литургическое, соборное, церковное предание стало обретать своих авторов, появились индивидуальные почерки и неповторимые особенности религиозных творений, и их творческого исполнения. Параллельно шел интенсивный импорт культурных заимствований, художественных способов, композиционных приемов, литературных сюжетных линий. В XVIII в. это приняло с подачи государственной власти характер открытого подавления освященных церковной традицией искусств, самобытного богословского рассуждения, древних преданий, исконных и ценных для культурной жизни русских людей обычаев. Идеиное влияние западной мысли, подержанное представителями самодержавия, упразднившего институт патриаршества в Русской Церкви, перешло в прямую экспансию философских подходов и приемов схоластики против русских традиций монашеской молитвы и восточно – созерцательных практик. Тенденция отрицания всего национального в культуре и самосознании коснулась болезненнее всего церковных обычаев и православного богословия. Вследствие данных тенденций XVIII век России практически полностью прошел в богословии под влиянием западноевропейских идей и ангажированных властью псевдо - теологических теорий Феофана Прокоповича, обосновывавшего своими рассуждениями уничтожение патриаршества на Руси. Огромную роль в направлении развития к аскезе, умной молитве, личностному осознанию себя религиозной мысли сыграли труды свт. Тихона Задонского. Его религиозным наследием был подготовлен колоссальный мировоззренческий задел последующего развития и расцвета идей и интуиций как богословской, так и религиозно

– философской направленности, проявившийся у прп. Зосимы (Верховского).

Прп. Зосима (Верховский) (1768–1833) был русским монахом, который около 10 лет жил послушником у отшельников в Брянских лесах, и на острове Коневец. Затем жил в безмолвии в сибирской пустыне и нес подвиг старчества, (сначала в Свято-Николаевском женском монастыре г. Туринска, а затем в Подмоскowie, в Троице-Одигитриевом женском монастыре). Ценность его проповедей состояла в том, что «всеми, о чем говорит, он представляет свидетельства из священных Писаний»². При этом он говорил с воодушевлением и личным усердием, утверждая, что «еще не от всего сердца и души моей о Боге к вам усердствую; даже и в Царствие Божие не хочу без вас»³. Подвиг старчества прп. Зосима ставил предельно высоко, указывая, про себя, что «еще не дорожу ваше спасение с моим наравне, то да будет низведена во ад душа моя»⁴. Целью духовного руководства для прп. Зосимы было искоренение греховных страстей в своих учениках и воспитание их «внутреннего человека» в «меру полного возраста Христова» (Еф. 4. 13.).

Главной целью было исправление духовного сердца послушника – центра, внутренней тайной жизни человека, в которой подвижник должен обрести Царствие Божие. Следовало помочь раскрыть Его, и жить в состоянии обожения, дорожа им как будто «найдя драгоценную жемчужину» (Мф. 13. 46.). Путь к Царству Божию, находящемуся внутри человека, означал для монаха в практической жизни исполнение заповедей Евангелия. Отличительная черта религиозного русского сознания при этом заключалась в утверждении своей самобытности. А также в рассмотрении с точки зрения нравственных ценностей всей окружающей человека действительности. Это неизбежно включало

² Зосима (Верховский), прп. Житие, воспоминания, слова и наставления. – М: Храм Софии Премудрости Божией, 2005. - С. 495.

³ Зосима (Верховский), прп. Творения. // Заветные письма. – Сергиев Посад: Свято – Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. – С. 443.

⁴ Там же. – С. 444.

анализ потенциала личностных качеств человека реализуемых в противоречиях, - в постоянном жизненном споре реального и потенциально возможного. Основная антиномия в осуществлении человеком самого себя в XVIII – XIX вв. отражала онтологический разрыв между православным сознанием и насаждаемой властью европейской реальностью. Это порождало несовпадение между «внутренним» ликом человека и «внешними» стандартами его поведения. Постоянный конфликт между общественными задачами, социальными ролями и духовным идеалом в личности русского человека, породил раздвоение этических мерок и изменение нравственных критериев и категорий мышления. «Внутренний человек» представлял глубокое личностное средоточие мыслей и чувств.

В России человек понимался как активный субъект общественной жизни, объединяющий в себе природное (индивид) и социальное (личность) начала, выражаемые в индивидуальности уникального образа его бытия, религиозных чувств и нравственных установок. Наличие старца помогало послушнику в монашеской жизни, также, как и советуемому с ним мирскому человеку, выстраивать в себе гармонию отношений тела, духа и души, природы и личности. Обучая ученика науке стяжания благодати в своем духовном сердце, старец только помогал ему, искоренить грех и богопротивные наклонности так, чтобы в них возникла вера и любовь, сочетающие ум с божественным ведением. Об этом писал еще прп. Максим Исповедник, - «Предсудительная страсть любви погружает ум в материальные вещи, а истинная страсть любви сочетает его с божественными [вещами]. Ибо обыкновенно ум на чем задерживается, в том и распространяется, а в чем распространяется, к тому и обращает желание и любовь: либо к

[вещам] божественным и умопостигаемым, свойственным ему, либо к вещам плотским и страстям [телесным]»⁵.

При этом для возрастания духа нужны и наказания. «Ибо кого любит Господь, того наказывает и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Притч. 3. 12.). Потому что «кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (Притч. 13. 25.). Очевидно, что наказание в данном библейском контексте относится к детскому состоянию: физическому, и духовному, и является косвенным следствием божественной любви. Наказание играло роль болезненного лекарства, применяемого исключительно во благо для спасения и смиренномудрия. «Отец налагаемыми пластырями, - или порицанием, или отлучением, или скорбью и дополнительными подвигами, всячески очищает»⁶ душу ученика. И поэтому, к нему полезно всей душой припасть и предать себя в повиновение. А от того отца, который послабляет и попускает жить по своей воле, со своеумием, наоборот, ради душевной пользы и становления личности, гораздо «полезнее уклониться, поскольку такой духовный отец до бесстрастия и чистоты довести не сможет»⁷. Воля, в этих рассуждениях старца, понимается отнюдь не как свобода, а как эгоистическое своеволие и своеумудрие. И так как строгость старца, базируется на его добродетелях, то, смиряясь перед старцем, добровольный послушник претерпевает закономерную горечь. Тем самым он выжигает в себе личные пагубные страсти и сохраняет от них свою бессмертную душу. Отец же духовный, с крайней осторожностью, призывая в помощь Бога, сначала рассуждает в себе о наказании. И лишь, когда удостоверится в душе своей, в необходимости прещения, тогда уже поневоле, с великим нежеланием и страхом налагает на тебя некое страдание и наказание, как

⁵ Максим Исповедник, прп. Главы о любви. // Третья сотница. Гл. 71. – М: Сибирская Благовонница, 2013.

⁶ Зосима (Верховский), прп. Житие, воспоминания, слова и наставления. – М: Храм Софии Премудрости Божией, 2005. - С. 495.

⁷ Там же. – С. 471–472.

перед Богом, испытывающим сердца»⁸. Старцу, как учил прп. Зосима, не должно негодовать на ученика, или критиковать его, но иметь к нему прощение, хотя бы ученик и сделал что-либо неправильное. Иначе он станет господином не ученика, а раба, так как в состоянии страха ученик не сможет уже быть вполне откровенным перед ним. А это будет «нарушением свободы ученика, дарованной Богом»⁹. Свободе как личному свойству человека, придается огромное значение в монашеской жизни. И тот действительно «добрый отец, который благосклонностью своей подает ученику дерзновение быть свободным в откровении всех своих чувств и помышлений. Благоразумной строгостью он отсекает в нем своеволие, угашает его хотения и пристрастия, внушает к себе любовь и уважение». Истинный послушник, со смиренным повиновением без опасения объявляет старцу обо всем в своей жизни, будучи готов с любовью повиноваться наставнику. Самопожертвование старца ради исправления души ученика должно простираться, до своей собственной болезненной кончины и смерти, не отрекаясь от своего ученика, ибо Богом поставлен он на это служение. В этом смысле «старец поработен своему ученику»¹⁰. Отлучаться старцу от ученика можно только для безмолвия как упражнения в молитве и думах о Боге, но и в этом случае, «и духом, и согласиём, и мнением, и делами, и вещами они будут нераздельны»¹¹.

Прп. Зосима говорил, что принимать в духовную учебу можно только тех, кто с усердием и желанием влекутся под руководство быть учениками старца. Ради таких он обязан оставить даже безмолвие, ибо это воля Божия, которая состоит в том, что если послушник предаёт себя «всей душой, с усердием,

простосердечно, со всяким повиновением и самоотвержением»¹², то от таких учеников отказываться нельзя. Однако, не менее «опасно принимать под руководство свое тех, которые не желают от всей души все терпеть»¹³. Монахами, которые повинуются ему с любовью, старец уже не управляет, «но часто благоговеет пред ними, как перед Ангелами, испытывая к ним сильнейшую любовь»¹⁴, которая в дальнейшем инициирует большую духовную связанность и взаимные дружеские отношения.

К особо преуспевающему ученику, который способен вытерпеть все, старец должен обязательно иногда проявлять строгость, чтобы послушник возрастал более и более, мужественно перенося испытания, унижения, позор, или наказания. Совершенная отеческая любовь – это, в частности, «безвинные и частые наказания со стороны старца»¹⁵. Другим основополагающим признаком отеческой любви к послушнику прп. Зосима называл абсолютную откровенность старца перед своим учеником, в соответствии с которым старец «должен все свое тайное открывать верному и усердному ученику»¹⁶. Строгость и благосклонность – черты, которые должны сочетаться в опытном старце. Тогда он может научить монахов состояниям духовного бесстрастия. Поэтому, главным жизненным критерием прп. Зосимы был мир со своей совестью и послушание воле наставника, как воле Бога. Он учил, что Иисус Христос победил искушения, вызываемые удовольствием, страданиями и ненавистью. В богочеловеке преодолён всеобщий раскол человека, как творения, в виде проявлений разрушения и тления. Через соединение с богочеловеком Христом человек обретает состояние, которое у Адама было в раю, когда он выбирал добро или зло. Этапы подвижнической жизни у

⁸ Зосима (Верховский), прп. Житие, воспоминания, слова и наставления. – М.: Храм Софии Премудрости Божией, 2005. – С. 567.

⁹ Там же. – С. 524–525.

¹⁰ Там же. – С. 529.

¹¹ Там же. – С. 576.

¹² Там же. – С. 466.

¹³ Зосима (Верховский), прп. Житие, воспоминания, слова и наставления. – М.: Храм Софии Премудрости Божией, 2005. – С. 475.

¹⁴ Там же. – С. 509–510.

¹⁵ Там же. – С. 586.

¹⁶ Там же. – С. 525.

Зосимы соответствовали терминологии прп. Максима Исповедника: практическая философия, естественное созерцание и таинственное богословие. Задача деятельного любомудрия [πρακτικῆ θεολογία] означала возвращение всем силам души естественного устремления, очищение их от греха. Это и достигалось посредством борьбы со страстями и обретением навыка в делах добра. А также в воздержании от телесных наслаждений: в этом образе жизни заключается смысл аскетических поступков, на них базируются законы духовной жизни и путь к спасению. Начинается этот путь самоотречением, а мотивом и побуждающей силой его является страх перед наказанием. Из страха развиваются добродетели воздержания, терпения, упования на Бога, бесстрастия, как врачевания, и высшая добродетель любви. Развитие любой человеческой добродетели совершается параллельно аскетическому вытеснению пагубной страсти. Деятельное бытие аскета становится осмысленным, благодаря слиянию естественных сил души со способами исполнения заповедей. Естественное созерцание дает правильное знание о мире и истинную власть над чувственными вещами. Ибо созерцание есть дар Божий тому, кто посредством аскетической практики достиг отрешенности ума от чувственного бытия. Главными на этом этапе являются чтение священного Писания, молитва и «тайное поучение», как духовное постижение духовного бытия, внутреннего смысла и божественной Первопричины всего сущего.

Человеческий ум, после молитвенного чтения, в состоянии духовного просветления, уже отрешившийся от всего

тварного, вступает в область таинственного неизреченного богопознания. Высшей целью человеческого бытия является соединение с Богом, которое вне Христа невозможно. Это бытие существует не само по себе, а благодаря своей причастности к действующим на него божественным свойствам. При этом, каждое творение содержит в себе изначально существующий в Боге «естественный закон», указывающий цель, к которой творение должно стремиться, и в которой все люди обретут покой. Достижение этой цели предполагает свободное движение к ней, требующее божественного участия и содействия. Святой праведный Иоанн Кронштадтский (1829-1908) в своем религиозном творчестве очень часто называл Бога безначальным и личным Существом. Также он именовал внутреннюю жизнь Бога личным Бытием¹, личным Началом² и личной Красотой³. Признавая бытие «личного Трех-ипостасного Бога»⁴, протоиерей считал, что божественная Личность присуща Богу Отцу, и Богу Слово и Духу Святому. Цель человеческой жизни, есть достижение состояния соединения с Богом по благодати. Это состояние предусматривало полное духовное богоуподобление на основе свободного сотрудничества, поскольку Бог «есть личная Сущность»⁵. Недаром святитель призывал Живого Бога: «О, Красота трех – личная»⁶! Он писал «о самостоятельных Личностях каждого из трех Лиц Божества в единстве существа или природы», в которых заключена «непостижимая тайна о Едином Творце»⁷. Он «в существе своем Единый», но как совершенное бытие существует «в Трех Личностях»⁸. Этим подчеркивалась важность

¹ Иоанн Кронштадтский, св. прав. Живой колос: Выписки из дневника за 1907-1908 годы. – СПб: Синодальная типография, 1909. - С. 21, 93 - 94.

² Иоанн Кронштадтский, св. прав. Слово мудрости духовной. – М.: Отчий Дом, 2010. - С. 12.

³ Сергиев Иоанн, прот. Путь спасительный. – СПб: Типография Училища Глухонемых, 1903. - С. 108-109.

⁴ Иоанн Кронштадтский, св. прав. О душепагубном еретичестве графа Л. Н. Толстого. – СПб: Типография Надежда, 1907. - С. 24, 38, 45.

⁵ Иоанн Кронштадтский, св. прав. Моя жизнь во Христе. – М.: Советская Россия, 1991. - С. 687.

⁶ Сергиев И.И., прот. Созерцания и чувства христианской души. – СПб: Санкт – Петербургского женского монастыря, 1905. - С. 252.

⁷ Иоанн Кронштадтский, св. прав. Начало и конец нашего земного мира. – М.: Локид - Пресс, 2004. - С. 342.

⁸ Иоанн Кронштадтский, прот. Дневник: в 2 т. (1857–1858). // Т. 2. – Тверь: Булат, 2005. - С. 174.

лично бытия божественных Лиц, имевшего «личные различия по своим личным свойствам»¹. Личность Бога была, абсолютна и неизменяема.

Литература

1. Зосима (Верховский), прп. Житие, воспоминания, слова и наставления. – М.: Храм Софии Премудрости Божией, 2005. – 380 с.

2. Зосима (Верховский), прп. Творения. // Заветные письма. – Сергиев Посад: Свято – Троицкой Сергиевой Лавры, 2006. – 552 с.

3. Иоанн Кронштадтский, св. прав. Катехизические беседы. – Кронштадт: Типография Кронштадтского Вестника, 1885. – 176 с.

4. Сергиев Иоанн, прот. Путь спасительный. – СПб: Типография Училища Глухонемых, 1903. – 191 с.

5. Сергиев И.И., прот. Созерцания и чувства христианской души. – СПб: Санкт – Петербургского женского монастыря, 1905. – 256 с.

6. Иоанн Кронштадтский., св. прав. О душепагубном еретичестве графа Л. Н. Толстого. – СПб: Типолитография Надежда, 1907. – 64 с.

7. Иоанн Кронштадтский, св. прав. Живой колос: Выписки из дневника за 1907-1908 годы. – СПб: Синодальная типография, 1909. – 158 с.

8. Иоанн Кронштадтский., св. прав. Моя жизнь во Христе. – М.: Советская Россия, 1991. – 784 с.

9. Иоанн Кронштадтский., св. прав. Начало и конец нашего земного мира. – М.: Локид - Пресс, 2004. – 414 с.

10. Иоанн Кронштадтский., прот. Дневник: в 2 т. (1857–1858). // Т. 2. – Тверь: Булат, 2005. – 560 с.

11. Иоанн Кронштадтский., св. прав. Слово мудрости духовной. – М.: Отчий Дом, 2010. – 112 с.

12. Максим Исповедник, прп. Главы о любви. // Третья сотница. Гл. 71. – М.: Сибирская Благовонница, 2013. – 256 с.

13. Аввакум Петров, протопоп. Житие протопопы Аввакума им самим написанное, и другие его сочинения. – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1990. – 352 с.

The anthropology of Russian Orthodoxy of the 17th - 18th centuries and the ideas of senility in the theological legacy of a monk of the Russian Orthodox Church. Zosima (Verkhovsky)

Sizintsev P.V.

МРАА

The article is devoted to the analysis of the ascetic and religious heritage of the St. Zosima (Verkhovsky) with a spiritual and patristic understanding of the peculiarities of monastic and worldly life (including argumentation of ideas about the soul and personal properties of a person from the Holy Tradition of the Orthodox Church, proposed methods of prayer and analysis of the ideas of morality, obedience and humility). The ideas of Orthodox senility are considered in the context of the empirical experience of a person in the monastic and ecclesiastical environment. The article reveals the fundamental influence of Church life and prayer on the improvement and development of personal qualities of a person. The goal of human development is to achieve the highest and final goal of personal existence.

Keywords: Senility, society, Church, morality, prayer, ascetic-humble approach, patristic tradition, man, obedience.

References

1. Zosima (Verkhovsky), St. Life, memories, words and instructions. - M.: Temple of Sofia the Wisdom of God, 2005. - 380 p.
2. Zosima (Verkhovsky), St. Creations. // Treasured letters. - Sergiev Posad: Holy Trinity Sergius Lavra, 2006. - 552 p.
3. John of Kronstadt, St. right Catechetical conversations. - Kronstadt: Printing house of the Kronstadt Messenger, 1885. - 176 p.
4. Sergiev John, prot. The way is saving. - St. Petersburg: Printing House of the School of the Deaf and Dumb, 1903. - 191 p.
5. Sergiev I.I., prot. Contemplations and feelings of the Christian soul. - St. Petersburg: St. Petersburg Nunnery, 1905. - 256 p.

¹ Иоанн Кронштадтский., св. прав. Катехизические беседы. – Кронштадт: Типография Кронштадтского Вестника, 1885. - С. 13.

6. John of Kronstadt., St. right On the soulful heretics of Count L. N. Tolstoy. - St. Petersburg: Typolithography Nadezhda, 1907. - 64 p.
7. John of Kronstadt, St. right Live ear: Extracts from the diary for 1907-1908. - St. Petersburg: Synodal Printing House, 1909. - 158 p.
8. John of Kronstadt., St. right My life is in Christ. - M.: Soviet Russia, 1991. -- 784 p.
9. John of Kronstadt., St. right The beginning and end of our earthly world. - M.: Lokid - Press, 2004. -- 414 p.
10. John of Kronstadt., Prot. Diary: in 2 volumes (1857–1858). // T. 2. - Tver: Bulat, 2005. -- 560 s.
11. John of Kronstadt., St. right The word is spiritual wisdom. - M.: Father's House, 2010. -- 112 p.
12. Maxim the Confessor, St. Chapters on love. // Third centenary. Ch. 71. - M.: Siberian Invertebrate, 2013. -- 256 s.
13. Avvakum Petrov, protopop. The life of Archpriest Habakkuk himself written, and his other writings. - Arkhangelsk: North-West Book Publishing House, 1990. - 352 p.

Человек и природа: смена парадигм

Шимельфениг Олег Владимирович

кандидат физико-математических наук, доцент, кафедра геометрии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, shim.ov@mail.ru

В статье предлагается философское осмысление ситуации смены парадигм научного исследования, начавшейся ещё в начале прошлого века, когда известные учёные: физики и математики (Н. Бор, В. Гейзенберг, Р.Г. Джан, Н. Винер, В.В. Налимов), биологи (А.Л. Чижевский, О.В. Бароян) пришли к пониманию ограниченности объективистской сугубо материалистической картины мира, из которой выброшен сам исследователь, не фиксирующий степень влияния своих неосознаваемых установок и стереотипов мышления на свои представления о реальности. Это переосмысление онтологических посылок исследуется также отечественными философами: Г.Д. Гачевым, Г.П. Щедровицким, Т.П. Григорьевой и другими.

Здесь в качестве мировоззренческой основы новой модели реальности берётся сюжетно-игровая парадигма, соединяющая древнейшую картину мира в виде Космической Игры Творящего Начала Вселенной, не имеющего формы, и потому порождающего их все, проявляющего себя через множество индивидов-«игроков» разного психофизического уровня, масштаба и сроков жизни. Реальность тогда воспринимается как Вселенская Драма, творимая совместно всеми её соучастниками (не только людьми), по-разному интерпретирующими разворачивающийся общий сюжет, что приводит естественно к разнообразным глобальным конфликтам и проблемам – военным, политическим, экономическим, межконфессиональным, экологическим и другим, разрешение которых может быть осуществлено с помощью сюжетно-игровых технологий.

Ключевые слова: картина мира, глобальные проблемы, сюжет, игра.

Традиционные базовые посылки материалистической объективистски ориентированной науки стали проблематизироваться известными учёными уже в начале прошлого века: «Мы с самого начала находимся в средоточии взаимоотношений природы и человека, и естествознание представляет собой только часть этих отношений, так что общепринятое разделение мира на субъект и объект, внутренний мир и внешний, тело и душу больше неприемлемо и приводит к затруднениям. Стало быть, и в естествознании предмет исследования является уже не природа сама по себе, а природа, поскольку она подлежит человеческому вопрошанию, поэтому и здесь человек опять-таки встречается самого себя» [1, с. 78]. Это высказывание Гейзенберга свидетельствует о том, что наука все более «пропитывается» человеком, превращается в философию, психологию и социальное конструирование, – т.е. в познание и творчество человеком самого себя ВМЕСТЕ с окружающим его пространством; все более перекликаются образы и даже методы науки и искусства. Человек начинает органично вписываться в живую картину космического развития, из которой он в определенном смысле был вырван классической европейской наукой о природе.

Энгельс в «Анти-Дюринге», отмечая «исполинские успехи естествознания», указывал и на отрицательные последствия перенесения методов естествознания, основанных на разделении, анатомировании, обрывании всеобщих связей, в философию: «Это мировоззрение создало характерную ограниченность последних столетий – метафизический способ мышления» [2, с. 20 - 21].

Научно-практическая деятельность человечества, руководимая такой метафизической установкой, отвлеченной от

всеобщей связи явлений, послужила одной из причин возникновения экологических и других глобальных проблем. Однако, этот же путь развития науки и техники привел к тому, что "Диапазон и мощность воздействия общества сейчас таковы, что оно становится эпицентром активности, своего рода управляющей подсистемой всей земной самоорганизации и тем самым обретает ответственность за ее судьбу" [3, с. 284]. В связи с расширяющимся осознанием этой роли человека на Земле естественно меняются и стратегические установки в науке, ценностные ориентации в явном виде начинают включаться в структуру научного объяснения, а сама процедура объяснения перестает быть поиском сущностных связей "самих по себе" [3, с. 294].

Г.Д. Гачев также приходит к выводу, что "расширение круга ценностей, чтобы произошло взаимопоглощение проблем гуманитарных и естественных наук,... есть не прихоть праздного ума, но назревшая историческая потребность всего человечества, даже исходя из простого корыстного вопроса о возможностях и путях его существования: выживем ли?" [4, с. 120].

По существу эта же новая установка обсуждается и в работе Г.П. Щедровицкого [5, с. 202], где он утверждает, что суть методологической работы состоит не столько в познании, сколько в создании методик и проектов, которые проверяются не на формальную истинность, а на реализуемость.

К необходимости расширения рамок объекта исследования не только до системы "исследователь - объект", но в определенном смысле и до космических масштабов, приходят ученые в разных областях науки. А.Л. Чижевский, например, пишет о том, что в научном сообществе сформировалась привычка "придерживаться грубого и узкого антифилософского взгляда на жизнь, как на результат случайной игры только земных сил", что не соответствует действительности, поскольку жизнь "в значительно большей степени есть явление

космическое, чем земное", и образуется в результате творчества всех космических сил – "этой грандиозной совокупности туманностей, звезд, Солнца и планет" [6, с. 33].

В связи с изучением психофизических явлений "некоторые авторы приходят к выводу, что сложившаяся научная парадигма вообще неадекватна и требуется фундаментальный пересмотр наших представлений о процессе целенаправленного наблюдения физических явлений" [7, с. 88]. Далее автор отмечает, что известные мысленные эксперименты "шредингеровский кот", антиномия Эйнштейна-Подольского-Розена и др. показывают, что "квантовая механика описывает не столько состояние физической системы, сколько наше знание о состоянии этой системы" [7, с. 91]; сформулирована гипотеза о том, что психофизические процессы "являются отражением взаимопроникновения научно-аналитического мира и мира творчески-эстетического и что для их адекватного выражения необходимо сочетание общих принципов и методов, характерных для обеих областей", учёные стали обращать внимание на значение "эстетического" начала во внутренних и космологических процессах [7, с. 93].

Видимо, действительно созревает ситуация смены научной парадигмы, традиционно сложившейся в западной культуре, и новая установка и методология, наверное, будет синтезом как "западных", так и "восточных" представлений о мире, в некотором смысле синтезом "объективного", формально-логического, дискретного описания природы и "субъективного", художественного. К тому же, речь не идёт о том, что на Востоке не было математики, а в Европе не было нравственных учений. Просто науки развивались в разных направлениях: одна в материалистическо-прикладном, другая в духовном, согласующемся с Космическим Действом. Это не могло не привести к выработке разных методов научного познания [8, с. 14]. Но, как замечает далее автор, эти

методы не противоречат друг другу, а сопрягаются в процессе исследования Универсума. И, если "европейская наука", отвлекаясь от конкретных явлений, формулируя универсальные закономерности, абстрагировалась и от постоянных трансформаций этого конкретного, что вынуждало регулярно обновлять научные теории, то "восточная наука" не разделяет абсолютно целое и части. "И современная наука склоняется к тому же, отвергая принцип имперсональности, обнаруживая зависимость всякого физического явления от точки зрения наблюдателя. Меняется научное мировоззрение: наблюдатель становится частью наблюдаемого, субъект взаимопроникается с объектом" [8, с. 30-31].

На это же обратил внимание и Н. Бор, заметив ограниченную адекватность физических моделей, предлагая всё в большей степени опираться на психологию и философию, использовать опыт Будды и Лао-цзы, которые "пытались согласовать наше положение как зрителей и как действующих лиц в великой драме существования" [9, с. 19]; а затем и Гейзенберг, отметив большой научный вклад в физическую теорию, сделанный в Японии после войны, который может рассматриваться как признак определенной взаимосвязи традиционных представлений Дальнего Востока с философской сущностью квантовой теории, которая будет более доступна пониманию, если отказаться от наивного материалистического образа мыслей, распространённого в Европе [10, с. 112].

Почему же в европейской материалистической традиции происходит расщепление единой пространственно-временной целостности универсума на два обездоленных, неполноценных эскиза?

Один только с человеческим социумом, другой только с "абстрактной" природой? (А потом возникает, естественно, "проблема человека"). Скорее всего, невольно под гипнозом уже почти

подсознательного запрета на "субъекта" в классическом естествознании, исходя из чисто "познавательной" установки "духа, витающего над миром", мы вырезаем из непрерывно движущегося цельного пространственно-временного полотна кусок со всей человеческой историей, оставляя "мир до человека" и в далеких туманностях; потом открываем глаза и удовлетворенно констатируем – мир не зависел и не зависит от человека, от "субъекта". – Но того мира – "до человека" уже нет – утек, исчез в метаморфозах материи, к тому же он наш прародитель и хотя бы этим связан с нами, а до туманностей человек, видимо, доберется, если прежде не уничтожит сам себя вместе со своей планетой, но и это будет совершенно реальное, "объективное" и "материальное" событие, кстати, такое же "вечное" как и все остальное, в том смысле, что все пройдет, но все оставит свой след в цельном пространственно-временном потоке универсума.

Академик О.В. Бароян, размышляя о задачах современной эпидемиологии, приходит к заключению, что дальнейшее исследование вирусов уже невозможно без увязывания его с историей человеческого социума: "Вправе ли эпидемиолог ... ограничиваться изучением лишь биологических механизмов инфекций – "поводок" возбудителя, путей ее передачи, иммунных реакций организма, всевозможных биохимических и генетических закономерностей и оставлять в тени чисто человеческие факторы – те законы, которым подчиняются движение и поведение людских масс? ... Раздумывая о судьбах эпидемиологии, о путях ее развития, я все чаще прихожу к мысли, что ее грядущие успехи связаны и с проникновением в тайны социологии, демографии, психологии, на помощь ... должно прийти также знание истории, ... и философское постижение произведений искусства - образов, запечатленных кистью, резцом, пером. Эпидемиологам предстоит еще досконально, с профессио-

нальных позиций изучить и картины "пиров во время чумы". Достичь в этом наиболее реального успеха сможет лишь тот исследователь, который обладает способностью парадоксально, интегративно мыслить, преодолевать гипноз устоявшихся представлений, подниматься над кажущимися закономерностями" [11, с. 10].

Но преодолеть сложившиеся вековые установки, впитанные с детства и ушедшие вглубь подсознания представления о мире, чрезвычайно трудно. "Не приходит ли эта нормативность, которая на протяжении веков дисциплинировала ум и способствовала прогрессу, в противоречие с задачами современной науки? [8, с. 334]. Ранее автор замечает [8, с. 74, 75], что если греки взяли за основу определенность, конкретную категорию, то китайцы – неопределенность, неуловимый образ, что и послужило одной из причин, что у одних сложился формально-логический стиль мышления, а у других – интуитивно-образный; в китайском языке отсутствовали абстрактные понятия, так как они противоречили представлению о непрерывности мира, который всегда в процессе становления. "Понятийный язык греческой философии есть следствие дуального отношения к миру: разделяются сущность и явление, субъект и объект" [8, с. 75]. В то время как тексты индийских сутр, даосские и конфуцианские источники свидетельствуют о недуальном принципе мышления, их термины отражают неоднозначность, ситуативность, сохраняют характеристику состояния наблюдателя и исследователя, определения основных терминов зависят от того, кто задает вопросу; и действительно, понять это мировоззрение можно только войдя внутренне в соответствующую ситуацию. Однако здесь же Григорьева отмечает, что это свидетельствует не о непознаваемости восточных учений, а о том, что термины, выработанные на основе европейского опыта, не универсальны, и ученым предстоит еще ввести в науч-

ный обиход восточные термины и методы познания и создать более гибкую и всеобъемлющую систему понятий.

Н. Винер, создатель междисциплинарной науки об управлении – кибернетики, и автор разнообразных работ как научных, так и литературных, которому трудно отказать в одновременно хорошем знакомстве с культурами Запада и Востока – он учился и работал в Гарварде, Кембридже, Геттингене, а также преподавал в Китае и Индии, высказал даже крайнюю точку зрения: "Превосходство европейской культуры над великой культурой Востока лишь временный эпизод в истории человечества" [12, с. 177].

Психологически принцип дихотомии, сложившийся в европейской культуре, "объясняется рационалистическим складом ума, в конечном счете, антропоцентризмом" [8, с. 97]; чтобы переделать мир и владеть им, нужно сначала разделить его на субъект-объект – обладание невозможно без разделения; развитие понимается как "борьба" и "единство" противоположностей, в том числе и внешних, которые сталкиваются и могут уничтожать друг друга. Это не соответствует восточной модели "инь-ян" (взаимоперехода "тьмы-света", "слабого-сильного" и т.п.), при которой противоположности взаимопроникаются и взаимопереходят, двуедины и представление о мире недуалистично.

"Можно сказать: белое и черное – европейская модель, белое станет черным – китайская модель, белое есть черное – индийская модель" [8, с. 107]. То есть одна модель развития предельно динамичная – взрыв структуры в результате столкновения противоположностей и замена ее другой; другая модель – умеренно динамичная – противоположности переходят друг в друга не разрушая полностью структуры; а в третьей модели вся динамика в основном внутри.

С точки зрения другого критерия можно выделить две в некотором смысле противопоставленные модели

мира. Одна – “взгляд на мир как на гигантский механизм, регулируемый жесткими причинно-следственными связями” [13, с. 25]; и язык науки стремился приспособиться к описанию элементарных единиц этого механизма и их сочетаний, к формулированию единых, фундаментальных и непререкаемых законов мира, в основе которых принцип непротиворечивости. – “Невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле” (Аристотель). Человеку, однако, помешали вписаться в этот механизм ошибки в наблюдениях и свобода воли, – “ни то, ни другое не поддается описанию языком формальной логики. Наблюдатель мыслится как некая прибороподобная не ошибающаяся инстанция, и идеалом остается постижение природы через некоторую общеобязательную, не зависящую от человеческих прихотей, объективно существующую логику” [13, с. 23].

Другая модель – это взгляд на мир как на “громоздкий организм, спонтанно развивающийся континуум, где все коррелятивно связано друг с другом в соответствии с моделью инь-ян” [8, с. 147]. Все аспекты Целого взаимодействуют друг с другом, каждый имеет относительную свободу в соответствии со своим предназначением – “ни до, ни после других” [8, с. 151].

Таким образом, наука переходит к методам целостного структурного подхода при изучении объектов любого рода, в любой сфере научного знания, будь то философия, экология, генетика или психология, проявляя всё больший интерес к традиционным восточным учениям.

Чем же можно заменить «объективистскую» парадигму? Наступает время понимания, что мы все – не отстранённые независимые наблюдатели-исследователи Природы, а – соучастники Единого мирового действия с персональной ответственностью каждого за свои мысли и поступки. Эту новую реальность наилучшим образом, на наш взгляд, представляет сюжетно-игровая

картина мира [14], органически соединяющая в себе два фундаментальных, формально противоположных аспекта мироздания: множественность и своеобразие индивидов с одновременным участием их всех в становлении потока взаимосвязанных событий мирового Целого. Категориальный аппарат этой игровой модели, коммуникационные практики на её основе (деловые игры, тренинги, интерактивные форумы и т.п.) позволяют разрабатывать коллективные согласованные стратегии для решения насущных глобальных проблем [15-19].

В предлагаемой мною сюжетной картине мира и вытекающем из нее подходе, на мой взгляд, органически сочетаются методы Востока и Запада, снимается, в определенном смысле, противопоставление науки и искусства. Скажем, о произведении искусства спрашивалось – хорошо оно или плохо, а о продукте научного творчества – истинен он или нет. Теперь, когда плоды каждого из них мы готовы рассмотреть, в частности, как сценарии возможного будущего – более существен оказывается синтез этих вопросов: реализуем ли соответствующий сценарий, какими средствами и каковы будут последствия для общества и окружающей среды. Ибо в науке, как и в искусстве, и в будничной жизни, мы не только что-то познаем, открываем, наблюдаем “со стороны” – но, независимо от нашего осознания этого факта, – непрерывно воспроизводим, создаем мир и себя в нем; и сюжетный подход дает возможность увидеть зависимость сюжетного потока универсума от наших (в том числе и бессознательных!) сценариев и деятельности, почувствовать ответственность за каждый шаг перед будущим.

Суть сюжетно-игровой картина мира состоит в том, что реальность представляется как Космическая Игра Творящего Начала Вселенной, не имеющего формы, и потому порождающего их все, проявляющего себя через множество индивидов-«игроков» разного психического уровня, масштаба и сроков

жизни. Заложена в них привязанность к самоидентификации и самосохранению, стремление к борьбе за пространство жизни и самоутверждению – является «двигателем» Игры. Они воспринимают мир (т.е. окружающих «игроков») сюжетно, – проецируя его в свою психику, где разыгрываются сценарии возможного будущего, некоторые из которых индивид пытается реализовать. «Равнодействующая» усилий их всех – образует мировой поток событий – сложную динамическую иерархическую структуру зацепляющихся друг за друга разворачивающихся сюжетов жизни каждого, которую можно назвать сюжетом миропроявления в целом или Партией Космической Игры. Хотя эта сюжетная структура является целостной и общей для всех ее участников, однако воспринимается она каждым по-своему – в силу уникальности всякого индивида с его личной историей (что не исключает, разумеется, наличия, возможно, и очень больших, групп индивидов с близким строением и восприятием, что и провоцирует их на веру в миф о существовании «объективной» якобы одинаковой для всех – реальности). Эта картина мира, по сути, является современным изложением упомянутых выше древнейших представлений об Универсуме. Она дает возможность более четко осмыслить проблему построения «панорамы картин мира» на сюжетно-игровом языке и предложить вариант ее решения, что позволит понять – в каком направлении стоит осознанно действовать в настоящем, и каким образом ответственно проектировать будущее – как для отдельной личности, так и для общества в целом.

М. Планк еще в начале прошлого века писал, что наука – это единое целое, а разделение на отдельные области обусловлено не природой вещей, а способностями человеческого познания; и в действительности существует непрерывная цепь от физики до социальных и прикладных наук. Человечеству сейчас крайне необходима **стратегия** поиска *согласованного образа*

целостного мира, состоящего из разно воспринимающих его индивидов и сообществ, в разработке которой должны, конечно, участвовать философы.

Сюжетно-игровая парадигма даёт концептуальную основу для решения разнообразных глобальных проблем – военных, политических, экономических, межконфессиональных и других, а в практике – методы их решения в конкретных ситуациях. На основе восприятия реальности как коммунальной (а не «объективной» или «субъективной») строится «челночная стратегия познания: исследователь-исследуемое», применимая как в естествознании, так и в гуманитарных науках. Результаты данной работы могут использоваться и широко используются в учебном процессе при подготовке управленцев, экономистов, юристов и, в принципе, любых специалистов, поскольку игровые модели адекватны любой сфере деятельности.

Литература

1. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. <https://www.litmir.me/br/?b=243125&p=78>
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - Т. 20.
3. Дубровский Д. И. К проблеме изменения стратегических установок научного познания. – Идеалы и нормы научного познания. - Минск, 1981.
4. Гачев Г. Д. О возможном содействии гуманитарных наук развитию естественных. - «Методологические проблемы взаимодействия общественных, естественных и технических наук». - М., 1981.
5. Щедровицкий Г. П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок. – Системные исследования. Ежегодник. - М., 1981.
6. Чижевский А. П. Земное эхо солнечных бурь. - М., 1973.
7. Джан Р. Г. Нестареющий парадокс психофизических явлений. – ТИИЭР, 1982. - № 3.
8. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. - М., 1979.
9. Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. - М., 2002.

10. Гейзенберг В. Физика и философия. - М., 1963.

11. Бароян О.В. Задачи современной эпидемиологии //Знание - сила, 1983. №6.

12. Винер Н. Я – математик. - М., 1967.

13. Мейен С. В., Налимов В. В. Вероятностный мир и вероятностный язык. – Химия и жизнь, 1979. - № 6.

14. Шимельфениг О.В. Живая Вселенная. Сюжетно-игровая картина мира. XXI век: «САМОЗАВЕТ» или «САМОАПОКАЛИПСИС». - Саратов: Научная книга, 2005. – 688с.

15. Шимельфениг О.В., Семёнычева Л.П. Методологическое обобщение применения интенсивных технологий в обучении юристов // Вестник Балтийской Педагогической Академии. – Вып.72. – СПб., 2007. – с.102-104.

16. Шимельфениг О.В., Герасимов Б.Н. Формирование корпоративных отношений в организации на основе сюжетно-игрового подхода // ВЕСТНИК Самарского института бизнеса и управления. Вып.5., ч.1. Самара: НОАНО ВПО СИБиУ, 2010.- с. 67-77.

17. Шимельфениг О.В. Введение в новую методологию поведенческого менеджмента, отражающую национальную ментальность // ВЕСТНИК Самарского института бизнеса и управления. Вып.6., ч.1. Самара: НОАНО ВПО СИБиУ, 2010.- с. 88-99.

18. Шимельфениг О.В. Сюжетно-игровой подход в обучении менеджменту// Креативная эк-ка и соц. инновации. 2017. Т. 7. № 1. С. 75-91.

19. Шимельфениг О.В. Трансдисциплинарная стратегия в научном познании и образовании // журнал «Философия образования» Т. 20. № 1 2020 .

Man and nature: changing paradigms Shimelfenig O.V.

Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky
The article proposes a philosophical understanding of the paradigm shift of scientific research, which began at the beginning of the last century, when famous scientists: physicists and mathematicians (N. Bohr, V.

Heisenberg, R.G. Jan, N. Wiener, V.V. Nalimov) , biologists (A.L. Chizhevsky, O.V. Baroyan) came to understand the limitations of the objectivist purely materialistic picture of the world, from which the researcher himself was ejected, not fixing the degree of influence of his unconscious attitudes and stereotypes of thinking on his ideas about reality. This rethinking of ontological premises is also studied by Russian philosophers: G.D. Gachev, G.P. Shchedrovitsky, T.P. Grigorieva and others.

Here, the plot-game paradigm is taken as the worldview basis of the new model of reality, combining the oldest picture of the world in the form of the Cosmic Game of the Creative Principle of the Universe, which has no form, and therefore generates them all, manifesting itself through a multitude of individual "players" of different psychophysical level, scale and terms of life. Reality is then perceived as an Universal Drama, created jointly by all its accomplices (not just people), who interpret the unfolding common plot differently, which naturally leads to various global conflicts and problems - military, political, economic, interfaith, environmental and others, the resolution of which can be carried out using plot-gaming technologies.

Key words: picture of the world, global problems, plot, game.

References

1. Heisenberg V. Steps over the horizon. <https://www.litmir.me/br/?b=243125&p=78>
2. Marx K. and Engels F. Soch. - T. 20.
3. Dubrovsky D. I. On the problem of changing the strategic settings of scientific knowledge. - Ideals and norms of scientific knowledge. - Minsk, 1981.
4. Gachev GD On the possible assistance of the humanities to the development of the natural. - "Methodological problems of the interaction of social, natural and technical sciences." - M., 1981.
5. Shchedrovitsky G. P. Principles and general scheme of the methodological organization of system-structural research and development. - Systemic research. Yearbook. - M., 1981.
6. Chizhevsky A. P. Earthly echo of solar storms. - M., 1973.
7. Jan R. G. The ageless paradox of psychophysical phenomena. - ТИИЕР, 1982. - No. 3.
8. Grigoryeva T. P. Japanese art tradition. - M., 1979.
9. Bor N. Atomic physics and human knowledge. - M., 2002.
10. Heisenberg V. Physics and Philosophy. - M., 1963.

11. Baroyan O.V. The tasks of modern epidemiology // Knowledge is power, 1983. No. 6.
12. Wiener N. I am a mathematician. - M., 1967.
13. Meyen S. V., Nalimov V. V. Probabilistic world and probabilistic language. - Chemistry and life, 1979. - No. 6.
14. Shimelfenig O.V. Living Universe. The plot and game picture of the world. XXI century: "SELF-TEST" or "SELF-APOKALIPSIS." - Saratov: Scientific book, 2005. - 688 p.
15. Shimelfenig O.V., Semenycheva L.P. Methodological generalization of the use of intensive technologies in the training of lawyers // Bulletin of the Baltic Pedagogical Academy. - Iss. 72. - SPb., 2007. - p.102-104.
16. Shimelfenig O.V., Gerasimov B.N. Formation of corporate relations in an organization based on a plot-game approach // BULLETIN of the Samara Institute of Business and Management. Issue 5., Part 1. Samara: NOANO VPO SIBiU, 2010.- p. 67-77.
17. Shimelfenig O.V. Introduction to the new methodology of behavioral management, reflecting the national mentality // VESTNIK Samara Institute of Business and Management. Issue 6, part 1. Samara: NOANO VPO SIBiU, 2010.- p. 88-99.
18. Shimelfenig O.V. The plot-game approach in management training // Creative e-ka and social. innovation. 2017.V. 7. No. 1. S. 75-91.
19. Shimelfenig O.V. Transdisciplinary strategy in scientific knowledge and education // Journal of Education Philosophy T. 20. № 1 2020.

Table of Contents

THEORY AND METHODOLOGY

Mamedov A.K., Pisareva L.Yu. Digital Metamorphoses: Growth Challenges and Risks	4
Mineev M.V. The concept of "institution" as the main methodological basis of the institutional approach	18
Polyushkevich O.A. Generational Life Scenario	28
Sheremet A.N. Stratification of ideas about social inequality in Russian society: "classes of ideas" vs "classes of society"	46

To the 75th anniversary of the GREAT VICTORY

Vasetskiy N.A. Apology of the Great Victory. 1941-1945. Article 3. The Great Victory as a national idea	54
---	----

ECONOMIC SOCIOLOGY

Anosov S.S. Social responsibility of business: conditions for consolidation	69
Grigoryev K.N. The transformation of the concept of "human capital"	83
Zagorodni V.D. Effective tools to stimulate youth in the appropriation of symbolic capital (based on an innovative project)	90
Kravchenko A.I. Labor as a first vital need: fiction and truth	98
Kuznetsova I.V. Money and society: a sociological analysis	127
Luo Shuai. The labor market in the face of global challenges of our time	140
Oseev A.A., Rudakova A.S. Tangible and intangible forms of employee incentives in high-tech enterprises (for example, AVTOVAZ JSC)	148
Pruzhinin A.N. Analysis of corporate standards for the regulation of human capital of oil companies	162
Zhang Jie Analysis of factors enhancing the development of urbanization in China	170

EMPIRICAL RESEARCH

Ardashev R.G. Superstition in the life of modern students: irrational strategies of consciousness	182
Zavarzina Yu.V. The resource of the territory: the social essence of the cluster development of regional tourism	190
Kim A.S., Emelyanov P.S. Sociological interpretation of the formation of collective memory in post-Soviet Russia	199
Moskvitina N.V. Information Culture of Municipal Employees	211
Filipova A.G., Abrosimova E.E., Bukhtiyarova I.N. Children's participation in family matters: analysis of parent forum materials	222

SOCIOLOGY OF CULTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Vinokurova D.M., Egorova A.G., Chirikov A.V. Longevity and old age: differences in the approaches of medicine and sociology	234
Dzutsev H.V., Dibirova A.P., Kornienko N.V. Ossetian dances in the mirror of public opinion	241
Kibakin M.V., Korablev G.G., Malakhova E.A. Social diagnostics of anti-corruption mechanisms among students	246
Kuryshva A.Yu. Career elections of a young scientist in the field of information technology	252
Lagutin Yu.V. Modern city: a look through the prism of socio-historical memory	257
Mamedova L.V., Ioanidi A.F. Theatrical game as a means of socialization of preschool children with a general speech underdevelopment	262
Man Mingxing. Advertising as a social technology brand	267
Metzler A.V. The influence of social factors on the value structure of recipients of social services	274
Pavlova S.M., Andriyanov A.V., Antipov E.A., Martynova A.A. On some results of a sociological study of career paths of science-oriented youth	280
Svirovsky D.N., Fedorov N.Yu. Extreme subculture in the context of extreme service of border guards of the North Caucasus. 1990s - early 2000s	290
Shelyapin N.V. Representations of the specifics of family and marriage relations in the Russian modern subcultural group of rhythmologists (based on focus group research)	302

THEORY AND HISTORY OF CULTURE. PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Gaidabrus N.V. Avenarius: the content of the experience of cognition	318
Lubna Said. Traditional practices that infringe on the rights of women in the Islamic culture of Pakistan	327
Sukhorukov A.N., Marashli I.Kh. COVID-19 in the Arab popular culture	333
Milykh A.O. The formal-pragmatic theory of J. Habermas as a tool for analyzing the problems of the formation of the information society	342
Music O.A., Kholina O.A. The concept of inclusion in the context of the philosophy of instrumentalism	348
Osin V.N. Outline of modern spirituality and aesthetics of science: philosophical aspect	353

Popov V.V., Kholina O.A. The philosophy of
constructivism in the interpretation of the
"inclusive" society: practical and applied
aspects **363**

Sizintsev P.V. Anthropology of Russian
Orthodoxy of the XVII-XVIII centuries. and
the ideas of old age in the theological
heritage of the monk Zosima
(Verkhovsky) **368**

Shimelfenig O.V. Man and nature:
a paradigm shift **375**

